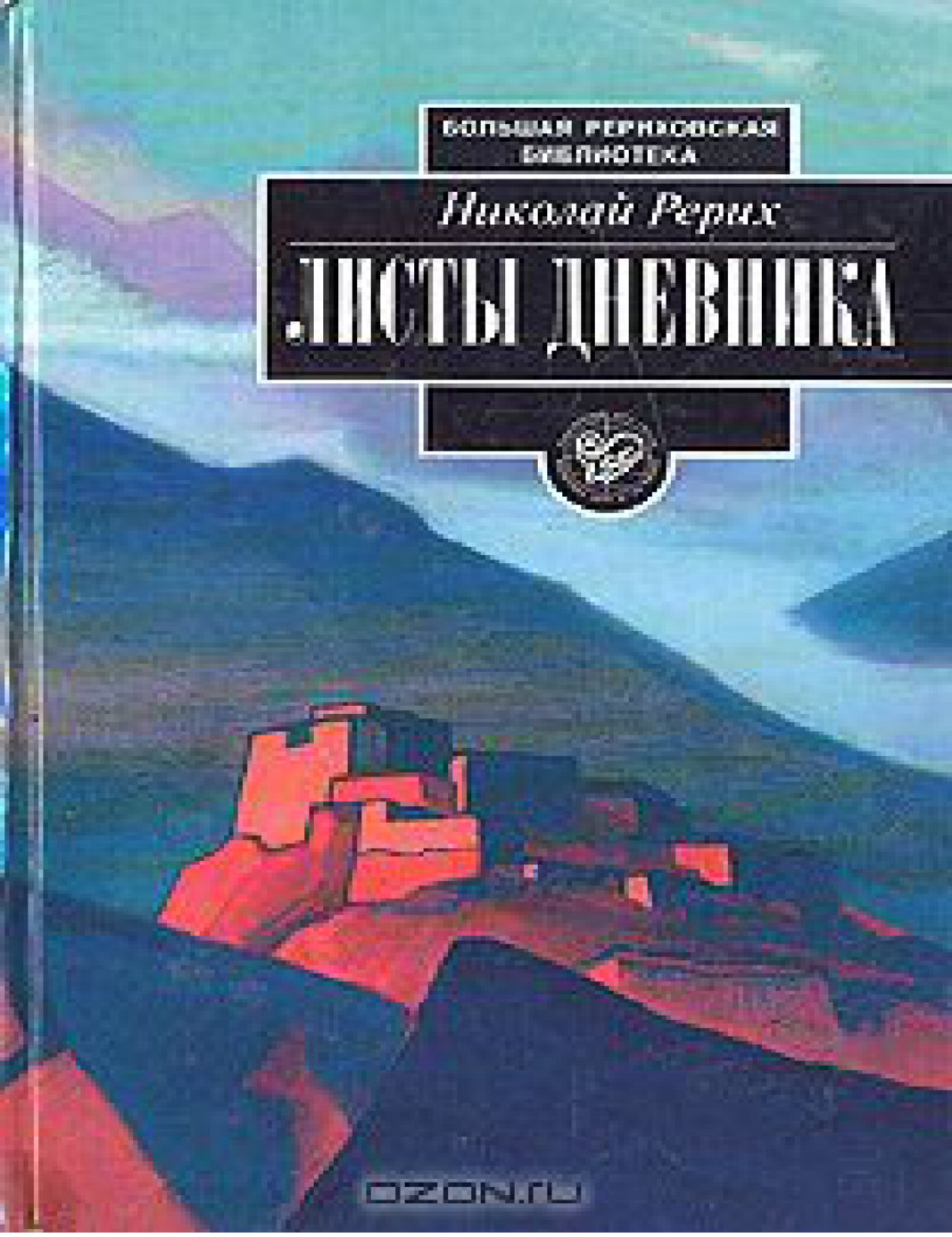
БОЛЬШАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Николай Рерих
ЛИСТЫ ДНЕВНИКА
ozon.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во второй том "Листов дневника" Н. К. Рериха вошли очерки, написанные в 1936–1941 гг. Запечатлевшие современность публикуемые Листы дневника замечательны по искренности и силе убеждения.

Очерки настоящего тома — синтез одухотворяющих и преобразующих идей в свете эволюционных положений Живой Этики, кристаллизация этико-философских воззрений мыслителя-гуманиста.

Тексты Листов дневника воспроизводятся по материалам архива МЦР. Значительная часть очерков публикуется впервые.

- Большая Рериховская Библиотека
  - С. А. Пономаренко
  - "Старые Годы"
  - Радость о книге
  - Единение
  - Панацея
  - Беловодье[13]
  - Горький
  - Чюрленис
  - Литва
  - Из Монголии
  - Мастерская Куинджи
  - "Сознание красоты спасет"
  - Подтверждения
  - Доктор Ф. Д. Лукин
  - Софийский Собор
  - Выдумки
  - Оттуда
  - Привет вам, дорогие друзья!
  - Чаша неотпитая
  - Латвия
  - Эстония
  - Юон и Петров-Водкин
  - На страже мира
  - Борис Григорьев
  - Толстой и Тагор
  - Самое первое
  - Самое первое
  - Три меча

- Радость
- Отец
- Начало
- Академия
- Живопись
- Охота
- Мысль
- Археология
- Нумизматика
- Оценки
- Друзья
- Учеба
- Собирательство
- Азия
- Индия
- Наггар
- Общее дело
- Кормон
- Первопечатник
- Блок и Врубель
- Головин
- Леонид Андреев
- Шаляпин и Стравинский
- Дягилев
- Западни
- Театр
- Грабарь
- Симфония жизни
- Парапсихология
- Творчество
- Александр Яковлев
- Цивилизация
- Вандалы
- Новости
- Академия Художеств
- Лада
- Потери
- Университет
- Народ
- Душевность
- Стихия
- Русский музей в Праге
- Вперед
- Русская икона

- Урусвати
- Credo
- Будем бережливы
- Гонения
- Радость
- Продажа душ
- Великий Новгород
- Щуко
- Друг человечества
- Мечты
- Петров-Водкин и Григорьев
- 24 марта 1939 г
- Равнодушные
- Good Friday[53]
- Мир в маске
- "Париж"
- Самое утомительное
- Бенуа
- Города поглощенные
- Новизна
- Тушители
- Война
- Знамя Мира
- Шовинизм
- Русская слава
- "Мир Искусства"
- "Море волнуется"
- Сокровища российские
- Опять война
- Охранителям Культурных ценностей
- Спасительницы
- Старые друзья
- Миражи
- Встречи
- Пропуск
- Продажа кинжалов
- Вредители
- Судьбы
- Действительность
- Америка
- Другу[56]
- Обзоры искусства
- Знайте
- Прочная работа

- Триумф Эллады
- Останки
- Препятствующие
- Друзьям-художникам
- Ошибки истории
- Крик пространства
- Врачи
- Фрагменты
- Грамоты
- Средства
- Нужда
- Лист
- Наша Академия в Нью-Йорке
- Забота
- Эпизоды
- Небесное зодчество
- Реализм
- Мечи
- Больной год
- Паспорта
- Будущее
- Памятки
- Содружник
- Племя молодое
- Подробности
- Псков
- Старые письма
- Еще радости
- Столкновения
- Еще гибель
- Мусоргский
- Века
- Зарождение легенд
- Ступени
- Единомыслие
- Чарльз Крэн
- Доброкачественность
- Колебания
- Вайчулянис
- Куинджи
- Письма Елены Ивановны
- Боль планеты
- Флорентина Сутро
- Кружные пути

- Со-роковой год
- Наше Латвийское Общество
- Америка
- Народность
- 24 марта, 1940
- Сближение
- Странники
- Пророчество
- Опять Америка
- Русскость
- Недописанное
- Сантана
- Еще Америка
- Молодому другу
- Подсчеты
- Туда и оттуда
- Встречи
- Не замай!
- Несправедливость
- Америка
- Психический каннибализм
- Безумие
- Великому Народу Русскому
- Посев
- Уберегите
- Земля обновленная[74]
- На острове
- Грабительство
- Сотруднику
- Америка
- Нутро
- Умудренность
- Годовщина
- За что?
- Правильное задание
- Памятки
- Антифобин
- "Тридесятое царство"
- Шатания
- Предрассудки
- Тревожно
- Будущее
- В Америку
- Недоумения

- Предубеждение
- Подвиги
- Договор
- Индия
- Тампи
- Сокрытия
- Шум-Звон
- Сборы
- Красный флаг
- Скрябин
- Единение или гибель
- Путники
- Молодежи
- Культура?
- Полнота жизни
- "Новая Земля"
- Доколе?
- Скрыня
- Досмотры
- Бывшее
- Долой осудительство!
- 24 Марта
- К дальним
- Найдите прививку
- В трудах
- "Весна"
- Синтез
- Друзья!
- Америка
- Америка
- Борьба
- Счастье
- Вестники
- Особая весна
- Безумия
- Пути мира
- Шепот
- "Нада"
- Смерч
- Академия
- Сильны, богаты
- Опасность
- Достоинство
- Шествия

- Америка
- Самоцвет
- Трудно
- Лик Америки
- Причины
- Мастерство
- Слушайте
- Душа народа
- Голос Горького
- Смекалка
- Бесспорное
- Оборона Родины
- Америка
- Дума
- Америка
- Трудные дни
- В грозе и молнии
- По заслугам
- Крылья
- Битва
- Всеславянское
- Тагор
- Бедная земля
- Америка
- Терпите
- В новый путь
- Голод
- Верден
- Америка
- Мужество
- Будущее
- Переживем
- Америка
- Курукшетра
- Культура
- Леонардо
- Оковы мысли
- Америка
- Друзьям
- Посевы
- Доступнее!
- Сорок лет
- "Гусь лапчатый!"
- Герои

- Ужас
- Америка
- Незаписанная повесть
- Охраните!
- Из письма
- Сберегите
- Могуча Русь
- Выставки
- Алфавитный указатель
- Географический указатель
- Именной указатель

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

Большая Рериховская Библиотека
Н. К. Рерих
ЛИСТЫ ДНЕВНИКА
Том II (1936–1941)

С. А. Пономаренко
Пламенное слово в снеговых Гималаях

Вошедшие во второй том "Листов дневника" очерки охватывают период с 1936-го по 1941-й год.

"Мир армагеддонно содрогается"[1]; "Армагеддон гремит и огромно его психическое влияние. Танец смерти — не только на бранных полях, но во всей земной жизни"[2], - пишет Н. К. Рерих о конце 30-х годов.

Отступление от основ Культуры, человеческие разногласия, "прогресс" цивилизации, вызывающий к жизни самые разрушительные энергии — все это тревожит и волнует Николая Константиновича.

Гулкое эхо Гималаев доносит до Рериха мировые события и главное из них — начало Второй мировой войны:

"Захлопнулись перевалы. Скончалась почта. Но не навечно пресечены пути. Культурные общения оживут. А пока мысленно приобщимся к строительству прекрасному"[3], - призывает он в очерке "Шествия".

В Гималаях у Рериха не келейное уединение, а трибуна водителя жизни. Много мудрых и прозорливых слов летит отсюда к людям, помогая, предупреждая, предостерегая, вызывая лучшие устремления. "Глубокий духовный смысл свойственен всем его работам, — писал Теодор Хеллин. — Они подобны посланиям откровения высших сил. Каждая из них и все они были рассчитаны на продвижение духовного пробуждения человечества"[4].

Очерки настоящего тома — это свод мыслей, кристаллизация этико-философских воззрений, синтез одухотворяющих и преобразующих идей в свете эволюционных положений Живой Этики. Представленная автором многогранная и масштабная картина мира являет в целом космического размаха мозаичную панораму — от истории легендарных поисков обетованной земли Беловодья до блестящих манифестаций русского искусства; от грабительских ухищрений Хорша, надевшего "умильную маску сотрудничества", до преступных фашистских деяний на фронтах мировой войны; от памятных событий и встреч, ставших "настоящими камнями созидания", до непосредственных откликов на происходящее.

Запечатлевшие свою современность, замечательные по

искренности и силе убеждения публикуемые Листы дневника одновременно несут печать вечности. Доминирующее их начало — в выдвигаемых жизненных программах. Противопоставляя войне светлую деятельность в необозримых горизонтах Культуры, волнениям и суете жизни — истинные человеческие ценности, злу — красоту добра и жизненные взлеты радости, взаимоистреблению и ненависти — единение, культу золота — осознание ценности труда, Рерих призывает преобразить многие основы жизни:

"До чего нужно сейчас истинное, обновленное сознание и сказать нельзя! Все слова человеческие будут недостаточны, чтобы выразить такую спешную необходимость. Только расширенным сознанием можно воспринимать и человеческую боль, и человеческую радость"[5].

Предостерегая от опасности "сердец каменных", устремляет Рерих к необходимости общественной деятельности как "рассаднику растущих энергий"[6], сурово осуждая равнодушие и попустительство:

"Кроме правительственных распоряжений, именно общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение"[7].

В поисках "просветов, просек, которые выведут из дебрей заблудившихся"[8], Н. К. Рерих видит признаки истинного восхождения. Добрым путевым горным знакам-менгирам уподобляет он деятелей Культуры — водителей жизни.

"Чем дальше, тем с большею признательностью вспоминаются все, кто так или иначе возбуждал и чеканил мысль…"[9]. Среди них — великий искатель и познаватель Л. Толстой; писатель Горький, с которым "предполагались огромные литературные обобщения и просветительские программы"[10]; принесший новое одухотворенное, истинное творчество Чюрленис; учитель жизни Куинджи; Юон и Петров-Водкин, которые "на трудных перепутьях укрепили и поддержали русское сознание"[11]; Дягилев, планы которого всегда были во славу русского искусства; самоотверженный врач и зачинатель Рижского Рериховского общества Ф.Лукин и другие художественные и общественные деятели, потрудившиеся во благо "истинного строения жизни" и "мирового преуспеяния".

Литературные портреты их, как правило, приуроченные к тем или иным датам, щедро воспроизводят очерки-воспоминания.

Предлагаемые Рериховские Листы дневника, созданные в годы мировых потрясений, жизнеутверждающи и оптимистичны.

"Даже самые тяжкие бедствия несут обновления. Болезненно растут крылья… И сейчас мировая беда раскроет Врата

Будущего"[12].

"Старые Годы"

Перелистываю кем-то когда-то заботливо переплетенные тома прекрасного бывшего журнала "Старые Годы". Кто-то любил этот журнал, заботливо переплетал его, берег. Действительно, это не были ежемесячные случайные сборники. В "Старых Годах" отображалась ценность русской Культуры.

В прекрасных воспроизведениях и статьях напоминалось русскому народу о замечательных памятниках архитектуры, которые поистине были народною гордостью — по крайней мере, должны были быть такою. Напоминалось народу и о ценнейших эрмитажных и других художественных собраниях. Напоминалось и о том, сколько в русском народе было искренних собирателей. На страницах "Старых Годов" щедро мелькали имена культурнейших знатоков искусства, оставивших после себя глубоко обдуманные и облюбованные художественные собрания. Давались и сведения о художественной жизни за границей. Такая хроника показывала, насколько близко текла жизнь искусства в европейских центрах. И нам, русским, нечего было печаловаться, ибо и у нас постоянно образовывались художественные и научные учреждения огромной исторической важности. Кроме исторических и археологических Обществ, лучшие люди сходились для охранения художественных сокровищ. "Общество Друзей Старого Петербурга", всякие Общества Ревнителей Старины показывали, что поверх казенной заботы широко била струя общественности, знавшей ценность истинных сокровищ.

Еще в 1910 году в журнале "Старые Годы" мне довелось как председателю Музея допетровского искусства и быта обратиться к русскому народу со следующим призывом: "За последнее время среди широких кругов общества замечается отрадное явление — возникает подлинный интерес к старине и ко всей минувшей жизни России. Пробуждается сознание, что прекрасные памятники прошлого нужны не только как музейные редкости, но как самые прочные ступени будущей Культуры страны.

Не знающий прошлого не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще нетронутые варварскою рукою древности и дать им значение, давно заслуженное. Но никакое установление не может выполнить задачу регистрации, охранения и исследования старины, пока народные массы добровольно не отзовутся своими заботами и указаниями. Всякий, знающий что-либо о

малоизвестных памятниках старины, не стесняясь изложением, должен считать своим долгом сообщить о них в одно из установлений, работающих над сохранением древностей.

Комиссия Музея допетровского искусства и быта, основанная при Обществе архитекторов-художников и имеющая в своих задачах собирание предметов старины и исследование древнейших населенных мест России, примет с великою признательностью всякие указания (описания, снимки, слепки, изображения и предметы) о старине и озаботится, чтобы каждый живой отклик, каждая благожелательная лепта с пользою вошла в дело изучения минувшей жизни отечества".

В этих кратких строках выражалась всегда нужная неувядающая идея о культурных посевах и о сохранении всего самого ценного, что слагает основы народа. Эти призывы к охранению Культуры одинаково неотменны при всяких правлениях. Можно надстраивать над существующим домом всевозможные башни и мезонины, но устоят они лишь тогда, если прочен будет фундамент.

Почему мы имеем право знать, что Россия будет и сильна и всегда передовита? Откуда возьмется такое победительное суждение, не будет ли оно самомнением и самовнушением? А вот и не будет. И эти тома "Старых Годов" в крепких кожаных переплетах являются свидетельством того, что неискоренимо связано с достоинством русским, русским в самом широком значении этого слова. Эти "Старые Годы" не будут старыми в смысле отжитого, наоборот, каждый такой сборник дает нам свидетельство, стародавнее, но всегда ценное и живое.

Случились за эти годы замечательные вещи. Русский язык стал, как говорят, вторым языком мира. О нашем Достоевском и Толстом знают во всех концах Земли. Наша музыка и наше художество почтено и оценено высоко. Сколько иностранных прекраснейших изданий посвящено памятникам нашей архитектуры! Не забудем же при этом, что ступени тому были заложены и Дягилевым, и Александром Бенуа, и Грабарем, и всеми, которые неустанно запечатлевали истинные ценности русского народа.

Когда-то эти смелые люди обращали свои голоса и за границу, на них удивлялись, но сейчас нам особенно ценно помнить всех, кто широко прокладывал пути русской Культуры. Всерусское дело.

Четверть века тому назад писались эти строки, приведенные в "Старых Годах", к этому еще одному юбилею утверждения Русской Культуры. Опять напомним: " Не знающий прошлого не может думать о будущем".

В тех же "Старых Годах" за октябрь-декабрь 1914, в статье "Отражения Войны" (стр. 126) читаю:

"Н. К. Рерихом от лица Общества Поощрения Художеств были посланы горячие выражения сочувствия президенту Французской Республики и обращение к послу Американских Соединенных Штатов с просьбой вступиться за памятники старины".

Сколько воспоминаний! Сколько пожеланий о красоте, о знании, о сотрудничестве — о всех устоях народного достоинства.

Перечитываю тома "Старых Годов" и посылаю лучшие думы тем, кто самоотверженно утверждал сокровище народное. Ведь всегда много было препятствий, но через все пути трудные оставлено нам слово, подтвержденное прекраснейшими воспроизведениями; мы можем радоваться не снам, не мечтаниям, но тому, что было, что есть и что будет.

1936 г.

Публикуется впервые

Радость о книге

Не каждый день бывает радость. Может быть, если бы эта светлая гостья посещала людей каждый день, то и крылья ее не казались бы такими сияющими. Радость о том, что нашелся читатель для серьезной книги, для всех друзей Культуры, будет истинной радостью.

Передо мной лежит прекрасная статья Яна Судрабкална, озаглавленная радостно утвердительно: "Нашелся Читатель для Серьезной Книги". Вот такая находка пламенно вспыхнет в сердцах многих, по миру рассеянных искателей всего серьезного, всего ведущего и строительного. Подзаголовки статьи также зовущи: "Успех философов и критиков", "Верные последователи Зенты Мауринь", "Искатели смысла жизни", "Проблемы Души; Счастье и Долг", "О Любви, которая перестроит мир". Если народ ищет эти темы, значит, сердце его готово к восприятию самых прекрасных построений.

Ян Судрабкалн разбирает сборники статей и очерков Зенты Мауринь, Рихарда Рудзитиса, Теодора Цельмса, Яна Лепиньша, Эдварда Вирзы, Яна Веселиса, П. Дале, Яна Бундульса и других авторов, чьи книги вышли за два последних года. Тепло и сердечно очерчивается высокая деятельность Зенты Мауринь, известной работницы на поле Культуры и женского образования. Тепло вспоминается талантливый поэт и критик Рихард Рудзитис, тонко характеризуется "Книга Раздумий" Веселиса и проникновенно рассказывается о последних культурно-объединенных латышских достижениях.

Автор утверждает: "Латышский читатель переживает период увлечения серьезными философскими и литературными проблемами. Длится это уже несколько лет, и скептики предсказывают скорый конец философской эре. Но пока что книгопродавцы с немалым изумлением должны признаться, что спрос на хорошую серьезную книгу держится прочно… Выросли новые кадры читателей, численность которых может пережить некоторое колебание, но ядро уже не исчезнет… Именно философский, этический подход к вещам, искание смысла, законности, веры во всем, что происходит в мире, поиски просветов, просек, которые выведут из дебрей заблудившихся… Такой читатель, бредущий по лестнице возрастающих страхов, счастлив, когда слышит, что с ним говорят строго, но честно, когда его раскромсанные мысли вновь обретают центростремительную силу, сливаются в одну систему. И чем строже и возвышеннее с ним говорят, тем светлее и спокойнее у

него на душе. Он обрадован, когда ему говорят, что только человек ничтожный, трусливый, узкий не глядит дальше своего двора, заботясь только о своем добре. Вместе с Райнисом он сознает, что является частицей мира и "ответственен за все"… Далекие цели не повисают в воздухе… Как бы то ни было, ценно уже само это интеллектуальное возрождение, знаменателен интерес к серьезным вопросам".

Поистине знаменательны и радостны такие свидетельства, исходящие от большого писателя. Если бы по всему миру собрать утверждения такого же серьезного возрождающегося стремления в народах, то ведь это было бы признаком истинного восхождения. Если на газетных листах вместо беспрерывных сведений о войнах, о преступности, о вульгарности зазвучали бы примеры серьезного строительства, то ведь тем самым утвердилась бы Всемирная лига Культуры как источник истинной радости человечества.

Хотя грозны тучи человеческих разногласий, но пытливый наблюдатель может найти прекраснейшие очаги, где пылает серьезная творческая мысль. Если мы можем слышать от достоверных людей, что не только непристойная пошлая макулатура требуется на книжном рынке, но ищется серьезная книга, то это может наполнять всех работников Культуры настоящею радостью. Именно не каждый день может нисходить к нам радость, но зато для этого вестника мы приготовляем лучшее, самое почетное место в доме.

Как-то приходилось вспоминать безобразное лживое зрелище вновь отделанных комнат с пустыми, поддельными переплетами по стенам вместо книг. И до таких безобразных зрелищ может дойти извращенное сознание. Кому-то даже упоминание слова "этика" может показаться неуместным в современном обиходе. Кто-то назовет героев несовременными типами. Еще не так давно один очень значительный в общественности человек злобно нападал на Конфуция за чрезмерную серьезность его философии. "Все это не для нашего времени", — так говорят некие житейские мудрецы. Но неужели же они предполагают свое время таким подлым? Ведь они пытаются поставить над всей современностью печать подлости и невежества. И как несправедлив и гадок был бы такой самосуд над современным человечеством. Сама жизнь повсюду выдвигает прекраснейшие возражения на такие темные обвинения. Утверждения, выраженные в статье Яна Судрабкална, являются прекраснейшим примером того, как многочисленны светлые силы, которые геройски творят и трудятся во благо истинного строения жизни.

Большинство скепсиса происходит от невежества. Если

человек чего-то не знает, он с особенной легкостью и отрицает это. Если человек неспокоен за себя в отношении этики, то и всякая живая этика будет для него лишь неприятным напоминанием. Если человек ленив, то и всякая беседа о труде для него несносна. Недалеко от сомнений, подозрений и зависти гнездится и всякая клевета. Но там, где серьезная книга может жить, где народ хочет преуспевать, там и все истинные ценности будут радостно приветствованы.

Не будем опасаться того, что работники и друзья Культуры очень рассеяны и не всегда находят между собою пути сообщения. Может быть, именно это широкое рассеяние — не что иное, как широкий посев, который всегда может дать тучный урожай. Лига Культуры потому так и нужна, что ее отделы, как маяки, являются дружеским глазом для одинокого путника. Через Культуру — и мир, и труд, и содружество. Радостно читать статьи, подобные статье Яна Судрабкална, когда большой писатель утверждает о том, что нашелся истинный читатель.

Радость о книге есть радость о будущем.

24 Марта 1936 г. Урусвати

Публикуется впервые

Единение

Дорогие друзья! Радостна нам весть о Вашем единении. Сойтись в добре, ради блага общего уже будет истинным подвигом. В слове этом соединены и движение, и преуспеяние, и самоотвержение, и беспредельность. В нем заключено все потребное для эволюции. Подвиг по существу своему не может быть безобразным. Подвиг — всегда прекрасен. Идите путем прекрасным.

Хочется послать Вам и укрепление и светлый взгляд на будущее. Поверьте, если основы будут прочны, то и все остальное будет нарастать. Лишь бы не подгнивали корни или трениями или какими-то посторонними отвлечениями. Ведь корешок, необдуманно высунувшийся, прохожий может обрубить и сжечь. Всюду сейчас много таких корней, кем-то когдато обрубленных. Пусть сама природа напоминает о целесообразности и соизмеримости. Ведь одни из главных несчастий происходят оттого, что иногда люди бывают безрасчетно расточительны или небрежны и теряют всякую соизмеримость. Когда мы посещали древние катакомбы, то всегда являлась мысль о том, какое горение, какая светлая деятельность излучалась из этих подземелий. Да, нужна деятельность как рассадник растущих энергий. В творчестве даже самые трудные обстоятельства проходят незаметно. Всякое уныние обычно возникает от недостатка творчества — скажем вернее — добротворчества. Конечно, одним из лучших пособников добротворчества будет дружеское сотрудничество, а Вы его имеете. Также необходимо и сердечное руководство, а Вы и его имеете. Значит, Вы и укреплены и обеспечены в продвижении всегда, когда к нему готовы.

Не повторяю о том сердечном доверии, которое Вы должны питать друг к другу. Это уже такая примитивная основа, о которой, при Вашей осведомленности, уже и повторять не нужно. И без того Вы каждоминутно помните, что все, что Вы мыслите, все, что Вы творите — Вы являете на пользу общую. Дерзнете ли Вы нарушить строение каким-либо нерадением, дерзостью, сквернословием или, чего Боже сохрани, предательством? Конечно, никто из Вас не допустит, чтобы прямо или косвенно наносилось огорчение или расточалась бы благодатная энергия. Из высоких примеров Вы найдете и сердечную бережливость друг к другу.

Радостно сознавать, что самоусовершенствование не есть самость, но именно широкое добротворчество. Только в этом

сияющем горниле Вы можете преуспеть. Люди особенно часто вредят и себе и всему окружающему, допуская злоречие и глумление за спиною, подло, тайком. При случае выясняйте людям, что всякое злоречие и глумление на них же обернется удесятеренно. Обернется в самую неожиданную для них минуту, когда, может быть, они находятся в иллюзии победы. Часто люди воображают свое победительное благополучие именно тогда, когда они находятся уже на краю вырытой ими самими же пропасти. Но там, где сердце чисто, где оно было раскрыто, там не может быть темных зарождений. В то время, когда темные будут клеветать и глумиться и кривляться за спиною — Вы будете радостны духом, ибо в духе Вы будете сильны, тверды, нерушимы.

У каждого из тружеников есть своя благодатная миссия. У каждого есть великое поручение. Сумейте не только почитать, но и сердечно полюбить светлое созидание. Именно в любви и преданности Вы не допустите умаления или глумления. Каждый глумящийся уже предательствует. Вы же должны уберечься от всякого предательства; ведь оно, как темная отрава, заражает весь организм. Не преувеличим, если скажем, что большинство человеческих болезней и несчастий происходит от предательства и прочих низких и грубых выявлений.

"Не всякий глаголющий Мне: Господи, Господи, войдет в царство Небесное". Поймите эти потрясающие Заветы, в которых так ясно и четко и повелительно определено должное состояние духа. Странно подумать, что еще и посейчас люди думают, что мысли их могут быть тайною. Именно нет ничего тайного, что бы не стало явным. А сейчас эта явность обнаруживается как-то особенно быстро. И злобный бумеранг как-то особенно сильно и немедленно ударяет метнувшего его. Разве не прискорбно видеть метателей зла, которые в каком-то безумии мечут отравленные стрелы и сами корчатся от разбросанного яда своего? Очаги добротворчества нужны так же, как врачебно-санитарные учреждения. Повсюду жалуются на отсутствие достаточных санитарных мероприятий. Так же точно следует стремиться к тому, чтобы очаги добротворчества умножались на благодатных основах. "С оружием Света в правой и левой руке" следует пребывать в Священном Дозоре. Вы-то уже достоверно знаете, насколько такие дозоры вовсе не отвлеченность, но самое действенное и неотложное выявление благоразумия. Самое простое благоразумие повелительно требует от людей соблюдения чистоты мыслей. Ведь в чистоте мысли нет ничего ни сверхъестественного, ни отвлеченного. Мысль действенна более слова. Мысль творяща, и потому она является рассадником добротворчества или злоумышления. Человек, вложивший злую

мысль, не менее, если не более, ответственен, нежели производящий злое действие. И это Вы знаете твердо, но Вам придется твердить это много, много раз.

Не огорчайтесь, что Вам придется повторять эти простейшие истины несчетное число раз разным встречным. Найдите слово самое доходчивое. Примите во внимание все условия быта вашего собеседника. Сумейте решить, где нужно тишайшее слово, а где нужна поразительная молния Света.

Обнаружьте для себя, где возможно, нечто стремительное, а где, может быть, тихо заронено семя добра. Без огорчения наблюдайте эти всходы. Всякое доброе семя рано или поздно процветет, и не нам судить о том, когда и как должно расцвести добро посеянное. Сеятель должен сеять и не воображать себя жнецом. Сожнет тот, кому будет указано приступить к жатве. И никто не скажет, что прекраснее: посев или жатва. От посева рука устает, и в жнитве спина утруждается. И то и другое в поту — в труде. Но радостны эти труды, ибо в них полагается утверждение блага. А сердце Ваше, когда соблюдено в чистоте, отлично знает, где истинное благо. И наедине и в собеседованиях дружеских Вы будете неустанно и неотложно сеять добро и найдете в себе радость и бодрость в трудах этих. Помыслите о духовности. Побеседуйте о красоте и о знании. Пошлите добрые пожелания женскому движению. Потрудитесь о кооперативных началах, о взаимопомощи, о сердечной поддержке молодых поколений во имя светлого будущего.

Любите самодеятельность во всем самоотвержении. Часто мы желали Вам стать великими гражданами Ваших стран. На Ваших языках в творчестве растущем Вы несете народу радость и усовершенствование. Да будет! Поддержите друг друга, обоюдно помогите на трудной пашне общечеловеческой Культуры. Да будет! Содружество есть сотрудничество, а сотрудничество есть общая песнь труду и творчеству. Молитва о творчестве будет сильна и благодатна. Да снизойдет Благодать на Вас во всех Светлых трудах Ваших!

1936 г.

Публикуется впервые

Панацея

1. Служители прекрасного

"Художник — это служитель прекрасного. Это тот, кто спасает истину от искажения и среди волнений и суеты жизни дает нам возможность прикоснуться к вечному источнику радости. "

Подобно золотоносному песку, прекрасное разбросано по всей вселенной".

Так говорит знаменитый художник Бааб Чандра Чоодури в своей статье "Художник и красота в искусстве" в недавнем выпуске "Двадцатого столетия".

Большую радость доставляет чтение столь глубоко продуманной статьи, в которой сам художник подтверждает значение Красоты. Ведь было и такое время, когда неизвестно почему считалось, что художник не должен быть в то же время и писателем. Иногда подобное неестественное предубеждение доходило до того, что, согласно решению импресарио, один талантливый композитор не был допущен выступить перед публикой в качестве дирижера. При этом было указано, что подобным выступлением будет нарушено общественное мнение. Можно представить, как стали бы смеяться над всей нелепостью подобного метода борьбы с творческой мыслью такие художники, как Леонардо да Винчи, Визари или Челлинни.

Казалось бы, что в истории искусства имеется много убедительных примеров того, как люди, посвятившие себя Красоте, выражали это многообразными путями, выбирая то, что в данный момент представлялось наилучшим. Как прекрасно сочетали они живопись с архитектурой или со скульптурой, не говоря уже о мозаике и различных графических искусствах.

Как священнослужители, служили они Красоте, находя ей наиболее убедительные выражения для благотворного влияния на широкие массы людей и утончая сознание народа.

Ренессанс в Индии

В Индии настоящего времени мы отмечаем возрождение искусства. Появляются плеяды славных художников, открываются государственные галереи, и снова фрески украшают общественные здания. Лучшие художники возглавляют школы искусства, и разрушены все искусственные барьеры между

"великим" и "прикладным" искусством. Поистине, Красота величественна во всей своей многоликости. И во многих ежемесячных журналах и изданиях принято найти страницу, посвященную искусству, и многочисленные художественные репродукции как новых, так и старых мастеров.

Может быть, кто-нибудь улыбнется и подумает: "Все это звучит очень вдохновляюще, но что же можно сказать относительно той тяжелой, полной трудностей жизни, которая часто выпадает на долю служителей искусства". Конечно, их жизнь нелегкая, так же, как нелегко всякое героическое достижение. Никто не считает, что жизнь Рембрандта или Рубенса была легкой. Ведь только сравнительно недавно их имена стали общепризнанным достоянием вне всяких сомнений. Но мы знаем, что прекрасные шедевры Рембрандта, которые ему было поручено написать, были забракованы местными авторитетами и городскими властями. Мы знаем также, что в Риме Микеланджело пришлось вынести большие испытания и трудности. И хотя время украшает все страдания эпической красотой и спокойствием, все же сколько трагедий остается скрытыми позади пышного парчового занавеса времени.

Мы все знаем о мучениках науки, подобных Копернику, Галилею, Парацельсу, Лавуазье, и о бесчисленном количестве других пострадавших за истину. Даже существуют целые книги, посвященные этим мученикам знания. И весьма близкими к ним по духу должны бы существовать и другие издания под заголовком "Мученики искусства и культуры", А раз мы знаем, что служители искусства есть служители прекрасного, то и все прочие атрибуты такого достижения являются также неизбежными.

II. Вандализм и красота

Много уже было написано о вандализме. Мы утвердили Знамя Мира как Красный Крест Культуры, чтобы охранить истинные сокровища человечества. А теперь позвольте мне упомянуть о другом, хотя и скрытом, но жестоком вандализме, который продолжает спокойно существовать в жизни многих народов.

Изучая старых мастеров, мы часто сталкиваемся с тем обстоятельством, что на многих старых и ценных полотнах были написаны другие картины, уже совсем иного содержания и притом художниками более низшего разряда. Очевидно, что было время, когда эти старые картины становились старомодными, и

художники попросту использовали дерево и материал для более позднейших и более модных рисунков. Не следует думать, что подобным варварским манипуляциям подвергались лишь картины второстепенного значения. Напротив, среди зарегистрированных случаев можно найти несколько выдающихся вещей, которые в наше время занимают почетное место в истории искусства.

Я помню, как однажды в Италии, во время изучения прекрасной картины "Вирго Интер Виргинес", мы были поражены, что она оказалась в исключительно хорошем состоянии. Когда же мы выразили по поводу этого факта наше удивление, мы получили весьма необычайное, хотя и характерное пояснение. Оно было следующее: в начале 17-го века эта картина по-видимому уже считалась вышедшей из моды, и поэтому на ней, несмотря на ее религиозный сюжет, была нарисована другая, тоже религиозного содержания, а именно: "Се человек", и в таком виде она оставалась в одном монастыре. Эта вторая картина была много ниже по достоинству, чем первоначальный шедевр. И только сравнительно недавно через наложенный второй рисунок стали слабо просвечивать едва различимые контуры другой картины. И лицо, купившее эту недорогую картину у монастыря, решило снять верхний слой, и таким образом был обнаружен этот прекрасный шедевр. Теперь эта картина украшает Институт Искусства в Чикаго.

Мне лично также довелось видеть копию одной хорошо известной картины, выполненную Корреджио. Картина эта находится в Национальной галерее в Лондоне, и на этой копии я был в состоянии ясно видеть очертания старого рисунка, и разумеется, последний оказался много старее, чем сама копия. Однажды нам пришлось быть свидетелями того, как из-под рисунков картин семнадцатого и восемнадцатого столетия появилось, и притом в отличном состоянии, прекрасные оригиналы полотен Ламберта Ломбарда, Роджера ван дер Вейдена и Адриена Блюмарта и других равных им знаменитых художников. И уже теперь, в последнем апрельском выпуске Бюллетеня Музея Изящных Искусств в Бостоне, мы находим чрезвычайно поучительную историю о портрете сэра Вильяма Бутта, исполненном Гансом Холбейном младшим. Мы позволим себе привести несколько строчек из этой статьи:

"17 ноября 1935 г. этот музей приобрел замечательный портрет кисти Ганса Холбейна младшего. При взгляде на эту картину знатоки отказывались верить, что Холбейн мог нарисовать такую вещь, и они имели на то хорошие причины. Так как древность картины была по-видимому три с половиной

столетия, то с уверенностью можно было считать, что она не принадлежала кисти Холбейна. Однако недавно один из друзей семьи Буттов, которым картина принадлежала с самого начала, вплоть до того времени, когда она перешла в музей, некто Н. М. Джонас — по профессии художник, обратил внимание на тот факт, что руки, казалось, были нарисованы несколько иначе, чем остальная часть портрета, что указывало на более раннюю манеру письма. Портрет был подвергнут испытанию Х-лучами, и с их помощью под ним был обнаружен другой портрет. Х-лучи обнаружили уже другую форму шапки, большую бороду, другую цепь и платье, украшенное белым шелком, причем также была найдена надпись на заднем фоне. Затем начались трудности, связанные с реставрацией. Первая реставрация была предпринята г-ном Нико Джунгамом. Это была чрезвычайно трудная задача, так как поверхностный слой был почти того же самого времени, как и картина, находящаяся под ним. Было очевидно, что тот, кто позировал для портрета, приказал, чтобы он был снова перерисован. Мы не можем с уверенностью сказать, когда именно это было сделано, хотя вероятно, это случилось в 1563 г., когда королева Елизавета приехала в Торнэдж, где в честь ее было устроено пышное празднество. И весьма вероятно, что сэр Вильям, будучи в то время уже пожилым и занимая большой государственный пост, захотел, чтобы на портрете он был изображен в ином костюме и украшениях. Поэтому он распорядился, чтобы его снова нарисовали при соответствующих регалиях и таким, каким он выглядел в то время. Вся беда заключалась в том, что это было поручено выполнить художнику, который был много слабее первого.

Из всей этой истории можно вывести два заключения. Первое: мы должны воздать должное администрации Бостонского Музея Изящных Искусств, а также и самому реставратору, который выполнил эту чрезвычайно трудную работу столь успешно и таким образом открыл для мира изумительный оригинал картины великого художника, картины, уже освобожденной от более грубых наслоений и надрисовок. Второе: этот поучительный исторический случай еще раз указывает нам на то, что вандализм допускается не только руками разъяренной толпы, но случается и в тишине покоев именитых дворцов во имя торжества тщеславия и предрассудков."

Прекрасная необходимость

Красота не может быть охранена одними лишь

установлениями и законами. Только когда человеческое сознание поймет бесценные сокровища красоты, творящие, облагораживающие и утончающие людей, только тогда истинные сокровища человечества будут в безопасности. И отнюдь не следует думать, что вандализм, будь он явным или тайным, принадлежит лишь прошлым векам и каким-либо легендарным вождям и завоевателям. Даже в эти дни мы видим разнообразные формы проявления вандализма. Поэтому движение, имеющее целью охранить и спасти Красоту, совсем не есть нечто отвлеченное и туманное, а наоборот, это самая настоятельная, нужная и неотложная задача. Действительно, образование в области искусства и красоты необходимая вещь. И хотя эта необходимость прекрасна, однако она все же накладывает и долг и обязательства. Мы всегда радуемся, когда видим, что мысль претворяется в действие. И поэтому открытие новых школ и основание Международной Академии Искусства всегда было и будет горячо приветствуемо.

III. Ценность деятельной красоты

Шестнадцать лет тому назад мы написали следующие девизы на щитах Художественного Института Соединенных Искусств и Международного Центра Искусств в Нью-Йорке: "Искусство объединит все человечество. Искусство едино и неделимо. И хотя оно имеет много ветвей, оно все же едино. Искусство есть утверждение грядущего синтеза. Искусство для всех. Истинное искусство дает радость каждому. Врата "священного источника" должны быть широко открыты для всех, и свет искусства озарит многие сердца новой любовью. Вначале это чувство будет бессознательным, но потом оно очистит человеческое сознание. Сколько молодых сердец идут в поисках реального и прекрасного. Дайте им это прекрасное. Дайте искусство народу — его место там. Мы должны иметь не только музей, театры, университеты, публичные библиотеки, вокзалы и госпитали, но даже тюрьмы должны быть украшенными и прекрасными. Тогда тюрьмы перестанут существовать.

Человечество стоит лицом к лицу с грядущими явлениями космического значения и величия. И люди уже понимают, что происходящие события не случайны. Ибо близко время для создания будущей Культуры. На наших глазах происходит переоценка всех ценностей. Среди гор обесцененных банкнот человечество нашло реальную ценность мирового значения. Истинные сокровища великого искусства победно выдерживают

все бури земных столкновений. И даже "земные" люди уже понимают жизненную необходимость действенной Красоты. И когда мы провозглашаем: любовь, Красота, действие, мы действительно знаем, что утверждается формула международного языка. И эта формула, которая теперь принадлежит музеям и кафедрам, должна ныне войти в повседневную жизнь. Знак Красоты откроет все священные врата. Под знаменем Красоты мы будем радостно двигаться вперед. Красотою мы победим. Красотою мы объединены. И ныне утверждаем эти слова не на снежных вершинах, но среди шума и сутолоки города. И осознавая путь истинной реальности, мы приветствуем будущее улыбкой счастья и радости".

Прошло 16 лет, и мы видим, что все требования понимания Красоты, предъявленные сделались еще более неотложными и настоятельными. Все, что было сделано в этом направлении, все еще остается лишь одиночными островками. Красота не может мириться с условиями и ограничениями. Сокровища Красоты принадлежат всему миру. Поэтому забота об искусстве и знании является всеобщей обязанностью во вселенском масштабе.

Культура, или почитание Света, зиждется на краеугольных камнях красоты и знания. И если возникла прекрасная необходимость основать Красный Крест Культуры и Вселенское Знамя, напоминающее людям о сокровищах Культуры, значит эта прекрасная необходимость была также и неотложной. Культура, Красота и знание нарушаются не только во время войны, но равным образом и в так называемое мирное время; эта истина также относится ко всему миру. Если бы кто-нибудь обладал сосудом, содержащим чудесную панацею, как бережно охранял бы он такое сокровище. Но ведь Красота является той же самой творящей чудеса панацеей, и как таковая она требует зоркой и неусыпной преданности.

Теперь в госпиталях излечение болезней достигается с помощью звука и цвета; таким образом, Красота — эта совершенная панацея — входит в новом одеянии в жизнь. Люди много беспокоятся о своем здоровье. Пусть хоть это соображение, по крайней мере, научит их уважать и охранять Красоту. Полвека тому назад наш великий Достоевский сказал: "Красота спасет мир". Среди наиболее глубоких определений искусства мне вспоминаются две легенды: одна — из китайского Туркестана и другая — из Тибета. Один художник хотел получить за свою картину некоторую сумму денег и когда он пришел к заимодавцу, никого, кроме мальчика, не оказалось дома. Этот мальчик выдал художнику за его картину Очень большую сумму денег. Когда хозяин вернулся домой, он сказал: "За эти плоды и овощи ты дал

так много денег". И прогнал мальчика. Прошло время, и художник вернулся за своей картиною. Когда он увидел, то он в испуге воскликнул: "А где же мои бабочки? Иди и найди мальчика, чтобы он помог разыскать мою картину. На той картине, которую мне показали, имеется лишь одна капуста". Наконец, пришел мальчик и сказал: "Теперь зима, а бабочки прилетают лишь летом. Поставьте картину ближе к огню, и вы увидите, что бабочки вернутся". Так оно и случилось: краски на полотне были положены так искусно, что во время холодной погоды цвета тускнели и исчезали, но с теплом снова возвращались. Так прекрасно народ Кушара говорит о совершенном искусстве. А вот и другая легенда из Тибета: почему гигантские трубы в буддийских храмах имеют такой мощный резонанс? Правитель Тибета решил призвать из Индии, где жил Благословенный, одного Великого Учителя, чтобы очистить основы Учения. Но как же встретить ему Высокого Гостя? Золото и драгоценные камни не годились для того, чтобы приветствовать духовного Учителя. Тогда высокий лама Тибета, которому было видение, дал рисунок новой гигантской трубы, чтобы гость мог быть встречен небывало величественными звуками, и встреча действительно была необычайной — не богатством и золотом, но величием прекрасного звука.

Учитель мог быть встречен лишь чем-то действительно прекрасным. Чувство прекрасного должно быть тем жизнедающим семенем, той истинной панацеей, которая заставляет процветать пустыни земные и духовные. И откуда же еще может прийти ощущение единства и доброжелательства, как не через благословенное осознание прекрасного!

Гималаи

Газета "Рассвет". 3,6 и 10 июля 1937.

Беловодье[13]

"Еще до сих пор держится старообрядческая легенда о Беловодье — райской стране, где нет и не может быть антихриста, где живут православные христиане и нет никаких гонений за веру. Такая мифическая страна, сохранившая в чистоте веру, казалось, должна была быть где-то на востоке. Быть может, на эту мысль наводили предания о распространении христианства в Средней Азии, Индии, Китае, на Цейлоне и в Монголии еще с III века манихеями[14], и несколько позднее, с V в., несторианами[15]. Возможно, что легенда поддерживалась тем соображением, что христиане в глубине Азии, оторвавшиеся давно от главной церкви, потерявшей свой авторитет, лучше сохранили первоначальную чистоту веры. Эти легенды о такой стране, где сохранилась истинная православная церковь, особенно широкое распространение получили к концу XVII века, когда в Московском государстве начались преследования старообрядцев. В XVIII веке среди старообрядцев появилось рукописное описание путешествия некоего беспоповского инока Марка[16] из Топозерского скита Архангельской губернии. В этом путешествии дано точное описание пути за Урал, через Сибирь, через пустыню Гоби и Китай до океана, называемого Беловодьем, на котором стоит "Опоньское" (японское) царство; Здесь-то и находится место, где живут истинные христиане и где имеется до сорока российских церквей. Под влиянием этой легенды, так реально описывающей самый маршрут с указанием даже лиц, к которым можно "зайти на фотеру",[17] среди старообрядцев укрепилось стремление найти эту обетованную землю. Такое Беловодье искали старообрядцы в разных местах Сибири, куда из Европейской России их тянули простор и глушь еще не тронутых, не заселенных мест. Приходя в Сибирь, старообрядцы сталкивались постепенно и здесь с "антихристовыми" порядками, и само Беловодье в их представлении отодвигалось еще дальше. Долгое время Алтай и сама Бухтарма, куда не достигал глаз начальников, считались таким Беловодьем и притягивали к себе беглецов из старообрядческой среды. Но попадая сюда, в обетованную землю, на Бухтарму, старообрядцы при всех положительных и привлекательных сторонах этого края все-таки видели ряд несоответствий своему идеалу и, в силу присущей человеку неудовлетворенности, стремились найти еще лучшие места, и опять это легендарное Беловодье отодвигалось еще дальше на восток, в Китай и в "Опоньское царство". Легенды об этом Беловодье, лежащем далеко на востоке, не раз в истории

бухтарминских кержаков претворялись в действие; известны неоднократные попытки бухтарминского населения идти на поиски такой обетованной земли, где в полном благоденствии живут праведники. Сама Бухтарма уже перестала быть Беловодьем и превратилась в своего рода "сборный этап беловодцев"[18], т. е. ищущих легендарное Беловодье. Известны случаи, когда в 40-х и 60-х годах прошлого столетия большие партии старообрядцев снимались с места и уходили из Бухтарминского края на поиски Беловодья. О путешествии бухтарминцев в 40-х годах мы имеем мало сведений, но на Бухтарме немногие из кержаков еще помнят рассказы об этом хождении. Так, нами были записаны некоторые, правда, весьма спутанные сведения от Г. Н. Коновалова, одного из наиболее передовых кержаков д. Печей, о хождении его деда на Беловодье[19] вместе с другими двумя братьями в числе большой группы беловодцев. По этим сведениям, беловодцы ходили в Китай, направляясь через Зайсан на Черный Иртыш, оттуда в глубину Китая. Китайцы их ловили как беспаспортных и направляли обратно. Ходили также в Афганистан и в Индию (немного не доходили до Калькутты). По-видимому, эту попытку следует поставить в связь с возникновением в 40-х годах в Буковине (Австрия) в селении Белая Криница белокриницкой, или австрийской, иерархии. Еще в 30-х годах намечалась тяга наиболее предприимчивых старообрядцев на восток, в целях отыскания епископов дониконовского благочестия. После последней попытки иноков Павла и Алимпия в 1844 г., побывавших в Сирии, Иерусалиме, Египте и не нашедших нигде чистой веры, эти поиски до некоторой степени теряют свою остроту, и внимание старообрядцев обращается на Белую Криницу, селение, образовавшееся в 1783 г. Самое название этого селения — Белая Криница — на языке буковинских славян есть то же Беловодье. Часть старообрядцев признала святость этой новой иерархии, часть же от нее отвернулась и не признает белокриницкого священства. И бухтарминские старообрядцы, так жадно искавшие древнее Беловодье, живя бок о бок в одном селении с белокриницкими священниками, не признают их. Наиболее передовые из кержаков сознают трагедию кержаков, искавших прежде Беловодье на востоке, в Китае (и верящих и сейчас, что оно там), в то время, как оно на западе, в Буковине, в Румынии, и не сознающих, что презираемая ими "крымская" (исковерканное от "Криница") вера и есть то древнее благочестие, которое разыскивалось стариками.

О более поздней попытке найти Беловодье в 1861 году сохраняются более яркие воспоминания. Так, в д. Белой еще

сейчас живы некоторые 75-80-летние старики, которые сами, будучи детьми, принимали участие в этом походе. От одного из них, еще ныне здравствующего Ассона Емельяновича Зырянова в 1914 году А.Н. Белослюдовым[20] записан рассказ об этом путешествии, с приложением даже маршрутной карты, составленной самим стариком Ассоном без всякого знания географии, и, конечно, с внесением целого ряда субъективных представлений о расстояниях и положении тех или иных пунктов. Самому Ассону было всего 12 лет, когда он вместе с остальными кержаками в числе 130 человек отправился на Беловодье под предводительством его отца Емельяна, не раз бывшего в Монголии и знавшего китайский, монгольский и маньчжурский языки. В описании, данном А. И. Белослюдовым, рассказывается только о путешествии жителей д. Белой. По словам Данилы Петровича Зырянова ("дедушка Данила", как зовет его вся деревня), много рассказывавшего нам о поисках Беловодья вообще и, в частности, об этом последнем путешествии, в этом походе принимали участие не только беловцы, но и кержаки из деревень — Коробихи, Сенной и других. По словам Данилы Петровича, беловодцы отправились семьями "аргышем большим", т. е. большой толпой, с женами и детьми, захватив с собою старые книги и иконы; на коней навьючили пропитание, сколько могли увезти с собой, и пошли на восток, через китайские земли. С Бухтармы вышли в июле. Шли сначала по знакомому для предприимчивых кержаков торговому тракту на г. Кобдо, далее по озеру и р. Кара-Уссу (в кержацком произношении р. Карыша) на г. Улясутой (в кержацком произношении Валустой). Китайские власти встречали их хорошо: препятствий не чинили, кормили, снабжали провиантом и давали проводников. Далее уже пошли места незнакомые. Через три месяца пути по степям Монголии, когда путники уже устали от долгого пути и потеряли надежду придти в обетованную землю — среди них начались несогласия; часть решила вернуться назад: начались споры между отчаявшимися и упорными, вплоть до драк. Большая часть, потеряв в пути многих своих членов, умерших от истощения и болезней, растратив все, что имела, вернулась назад. Небольшая же кучка отправилась дальше; трое из них добрались до Пекина и некоторое время жили там, а затем вернулись на Бухтарму. Дальше они и не пошли. "Но немного им и осталось дойти-то, — говорит Данила Петрович. — Дальше идет море глубокое, и на том его берегу стоит крепость страшная, и живут в ней праведники, сохранившие веру истинную, бежавшие от бергальства, от солдатства (ратники были). Попасть к ним можно, перейдя это море, а по морю вывешена дорога фертом (лошади по

брюхо, на одни сутки пути). Слух идет, что и сейчас живут они там, хранят древнее благочестие". Следует отметить, что до сих пор рассказы о Беловодье передаются с полной верой в реальность его существования". Так рассказывают Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова в книге "Бухтарминские старообрядцы"[21].

В "Огнях в тумане" Вс. Иванов приводит эпизод из беловодской эпопеи:

"Где-то на востоке сохранилась до сей поры нерушимо сказочная страна, именуемая Беловодией; по другой версии — называется она Камбайское царство; в ней царствует истинная, православная вера, насаженная там непосредственно еще апостолом Фомой. Там есть патриарх, епископы, церкви; там царит справедливый царь. Правда, церкви там все больше ассирийские, но есть и русские, числом 40. Там нет ни убийства, ни татьбы (воровства), там царит истинное благочестие.

Как же пройти туда? У Мельникова-Печерского имеем сведения, что известен туда маршрут со слов инока Марка Топозерской обители, ходившего туда в XVII веке.

В середине XIX столетия явился на Руси некий епископ Аркадий, который во всеуслышание объявил себя "епископом Беловодского ставления"; были у него и документы: ставленая грамота за собственноручным подписом "смиренного патриарха Славяно-беловодского, Камбайского, Англо-индийского, Ост-Индии, Юст-Индии, и Фест-Индии, и Африки, и Америки, и земли Хил, Магелланские земли, и Бразилии и Абиссинии".

Со слов-то этого епископа Аркадия и были получены точные сведения о том, где именно находится эта блаженная страна; вот что он повествовал: "Есть на востоке, к южной стороне за Магеллановым проливом, а к западной стороне — за Тихим морем Славяно-бсловодское царство, земля Патагонов, в котором живут царь и патриарх. Вера у них греческого закона, православного, ассирийского или просто сирского языка, царь там христианский, в то время был Григорий Владимирович, царицу же звали Глафира Осиповна. А патриарха же звали Мелетий. Город по-ихнему названию Беловодскому — Трапезанцунсик, а по-русски перевести, значит — Банкон или Левек. Ересей и расколов, как в России, там нету, обману, грабежу и лжи нет же, но во всих — едина любовь…"[22]

Туда-то и была отправлена в 1898 году экспедиция из уральских казаков-староверов. В депутацию вошли — урядник Рубеженской станицы Бонифатий Данилович Максимычев, Онисим Ворсонофьевич Барышников, Григорий Терентьевич Хохлов; от ревнителей древнего благочестия было им отпущено 2.500 рублей на путевые расходы, да город Уральск прибавил

100.

Выехали они 22 мая из Одессы и скоро были в Константинополе, где чуть-чуть не засыпались, потому что везли с собой как люди военные для ради-дальнего пути револьверы и патроны; с трудом высвободил их русский консул.

Как водится, нанесли наши казаки визит патриарху Константинопольскому по своим раскольничьим делам и видели массу достопримечательностей: в церкви Балаклы сами видели рыбу, которую в зажаренном виде кушали царь Константин, когда турки ворвались в Византию — рыбы как были, так и соскочили в воду и до сих пор плавают с обжаренным боком; осматривали знаменитую церковь Дмитрия Солунского, причем при переходах в темных катакомбах храма, опасаясь вероломства проводника, за неимением отобранных револьверов держали наготове ножи, чтобы воткнуть их гиду в живот в случае его подозрительных действий. Но все обошлось благополучно. В Иерусалиме посетили, между прочим, подлинный дом милосердного самаритянина и видали ту самую смоковницу, на которой сидел Закхей; любопытствовали посмотреть обращенную в соляной столб жену Лота, но оказалось, что ее вывезли уже в музей проворные англичане…

Двинулись дальше на французском пароходе без языка, без проводника и шли Красным морем; всю ночь просидели на палубе, ожидая фараонов, которые должны были бы спрашивать наших путников: "Скоро ли светопреставление?" Но ничего не видали и не слыхали…

24-го июня прибыли в Сингапур, и тут высадившись, были немало изумлены видом "извозчиков", которые не имеют ни рубахи, ни штанов, сами входят в оглобли и везут людей.

С "извозчиками" этими вышел инцидент — зашли благочестивые казаки в какой-то магазин, и "извозчики" стали требовать расчета. Тогда Григорий Терентьевич Хохлов вскочил со стула, чтобы расправиться с ними по-казачьи. Насилу успокоили.

29 июля подошли к Сайгону, по мнению уральцев — к Камбайскому царству (Камбоджа), и на восходе солнца над пальмовым лесом услыхали благовест. Наши, стало быть! Радость была большая!

Спустившись с корабля, сели на "бегунов" и двинулись на зов. Оказалась французская церковь с латинским крестом…

Напрасно наши казаки расспрашивали и какого-то русского фармацевта, торгующего в Сайгоне, и русского консула — никто ничего про страну истинного благочестия — Беловодье сообщить им так и не мог… Не нашли они этой страны!

Только одно их там весьма заинтересовало — изображение Майтрейи — так называемого "Грядущего Будды", у которого оказались пальцы сложены для двуперстного знамения… И через Китай — где обратили внимание на "белые воды реки Кианги", Японию и Владивосток вернулись домой.

Они так и не нашли на земле истинного блаженства Беловодского царства.

Но какой еще народ пойдет искать по земле, чтобы найти где-то привлекательную сказочную мечту свою, найти ее в реальных формах?"

В 1926 году мы на Алтае записали несколько сведений о странствиях в "страну чудную". Видели и письмо, написанное с пути в Беловодье. Живут сказания! Искры действительности и пленительный вымысел в них переплетены щедро и вдохновенно. Азийские просторы в неисчетном изобилии овеяли странников, взыскующих светлого града.

Смутитель не преуспеет. И монголы и сарты, каждые в своих словах, поддержат путника. Бережно и сердечно отзвучат на его поиски. Шабистан. Шамбала. Беловодье.

12 Июля 1936 г.

Урусвати

Газета "Свет", 21 и 28 января 1937 г.

Горький

Восемнадцатого июня в Горках, около Москвы, скончался великий русский писатель Максим Горький.

За последние месяцы ушли три великих русских: физиолог Павлов, композитор Глазунов и теперь Горький. Всех троих знал весь мир. Кто же не слышал о рефлексах Павлова? Кто, наряду с Чайковским и Римским-Корсаковым, не восхищался Глазуновым? Кто же, в ряду корифеев русской литературы, не читал Горького, запечатлевшего неувядающие русские образы?

Более полумиллиона людей пришло поклониться праху великого писателя, а в день похорон гроб сопровождали семьсот тысяч почитателей. Представители государства держали почетный караул и несли, после сожжения праха, урну для установки ее в стене Московского Кремля. Присутствовал весь дипломатический корпус. Пушечный салют проводил знаменитого писателя. Некоторые французские газеты были поражены, что писателю всею нацией были оказаны такие высокие почести. Были венки от французского и чехословацкого правительства. Иностранная пресса единодушно откликнулась достойным словом, почтив память Горького.

В Москве постановлено воздвигнуть на государственный счет памятники М. Горькому в Москве, Ленинграде и Нижнем Новгороде, который теперь именуется именем Горького.

Муниципальный Совет Праги постановил присвоить одной из улиц столицы Чехословакии — имя Максима Горького.

Бенеш, Президент Чехословакии, отправил следующую телеграмму в Москву: "Смерть Максима Горького заставит весь мир и Чехословацкую республику, в частности, задуматься о развитии русского народа за последние пятьдесят лет и Советского Союза со времени революции. Участие Горького в этом процессе было, в духовном отношении, чрезвычайно велико и убедительно. Для меня лично Горький, как и все русские классики, был учителем во многих отношениях, и вспоминаю я о нем с благодарностью".

Ромэн Роллан по телефону из Швейцарии прислал следующее письмо, почтив память умершего: "В этот мучительный час расставания я вспоминаю о Горьком не как о великом писателе и даже не о его ярком жизненном пути и могучем творчестве. Мне вспоминается его полноводная жизнь, подобная его родной Волге, жизнь, которая неслась в его творениях потоками мыслей и образов. Горький был первым, высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим пути для пролетарской

революции, отдавшим ей свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт… Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушел оттуда не один. Он увел с собой, он спас своих товарищей по страданиям".

В Парижских газетах, дошедших в Гималаи, сообщается много показательных знаков повсеместного почитания умершего писателя. Почтили его и друзья, почтили все страны и секторы. Даже в самых сдержанных отзывах высоко вспоминаются произведения Горького: "На Дне", "Буревестник", "Городок Окуров", "Мещане", "Мать" и его последние произведения: "Дело Артамоновых" и "Клим Самгин". И, в конце концов, добавляется: "Умер человек и художник, которого мы все любили". Итак, искусство объединило и врагов, и друзей. От самого начала своей яркой писательской деятельности Горький (его имя было Алексей Максимович Пешков, но все его знали по псевдониму) занял выдающееся место в ряду русских классиков. Как о всяком большом человеке и великом таланте, около Горького собралось много легенд, а с ними и много наветов.

Кто-то хотел его представить бездушным материалистом, ктото вырывал из жизни отдельные словечки, по которым нельзя судить ни человека, ни произведение. Но история в своей неподкупности выявит в полной мере этот большой облик, и люди найдут в нем черты, для многих совсем неожиданные.

Доктор Л. Левин в "Известиях" (20 июня) рассказывает о последних днях М. Горького:

— Алексей Максимович умирал, как и жил, великим человеком. В эти тяжелые дни болезни он ни разу не говорил о себе. Все его мысли были не в Горках, а в Москве, в Кремле. Даже в промежутках между двумя подушками кислорода он просил меня показать ему номер газеты, где был напечатан проект сталинской конституции. В короткие, светлые промежутки болезни он говорил на свои любимые темы: о литературе, о так волновавшей его грядущей войне. Последние день и ночь он был в бреду. Находясь неотступно у постели, я разбирал короткие, отрывочные фразы: "Будет война… Надо готовиться… Надо быть застегнутыми на все пуговицы".

Н.Берберова, работавшая с Горьким, сообщает о характерном эпизоде его жизни: "Это было в день прихода очередной книжки "Современных записок" с окончанием "Митиной любви" Бунина. Все было отставлено. Работа, корреспонденция, чтение газет. Горький заперся у себя в кабинете, к завтраку пришел с опозданием и в рассеянности. И только к чаю выяснилось. "Понимаете… Замечательная вещь… Замечательная…" — и больше он ничего не мог сказать о "Митиной любви". — Трудно

поверить, что этот человек мог плакать настоящими слезами от стихов Лермонтова, Блока и многих других". Вот что однажды написал он мне — в этой цитате отразилось все его отношение к поэтам и к поэзии: "Очень прельщает меня широта и разнообразие тем и сюжетов поэзии. Я считаю это качество признаком добрым, оно намекает на обширное поле зрения автора, на его внутреннюю свободу, на отсутствие скованности с тем или иным настроением, той или иной идеей. Мне кажется, что определение: "поэт — эхо мировой жизни" самое верное. Конечно, есть и должны быть уши, воспринимающие только басовые крики жизни, души, которые слышат лишь лирику ее… Но А.С. Пушкин слышал все, чувствовал все и потому не имеет равных… Разве есть что-нибудь лучше литературы — искусства слова? Ничего нет. Это самое удивительное, таинственное и прекрасное в мире сем". В упоминании о похвале Горького повести Бунина характерно для широты взглядов Горького, что Бунин принадлежит к Другой группе литературной, и потому такая похвала особенно ценна.

Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний. Во всем этом многообразии вспыхивали постоянно новые, замечательные черты характера Горького, подчас совершенно не совпадавшие с суровой наружностью писателя. Помню, как однажды, когда в одной большой литературной организации нужно было найти спешное решение, я спросил Горького о его мнении. Он же улыбнулся и ответил: "Да о чем тут рассуждать, вот лучше Вы как художник почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь Вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватить самою сущностью".

Помню и другой случай, когда в дружеском кругу Горький проявил еще одну, неожиданную для многих, сторону. Говорили о йогах, о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно, ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: "А все-таки замечательные люди эти индусы. Говорю только о том, что сам видел. Однажды, на Кавказе, пришлось мне встретиться с приезжим индусом, о котором рассказывалось много таинственного. В то время я не прочь был и в свою очередь пожать плечами о многом. И вот мы, наконец, встретились, и то, что я увидал, я увидал своими глазами. Размотал он катушку ниток и бросил нитку вверх. Смотрю, а нитка-то стоит на воздухе и не падает. Затем он спросил меня, хочу ли я что-нибудь

посмотреть в его альбоме и что именно. Я сказал, что хотел бы посмотреть виды индусских городов. Он достал откуда-то альбом и, посмотрев на меня, сказал: "Вот и посмотрите индусские города". Альбом оказался состоящим из гладких медных листов, на которых были прекрасно воспроизведены виды городов, храмов и прочих видов Индии. Я перелистал весь альбом, внимательно рассматривал воспроизведения. Кончив, я закрыл альбом и передал его индусу. Он, улыбнувшись, сказал мне: "Вот вы видели города Индии", дунул на альбом и опять передал мне его в руки, предлагая посмотреть еще. Я открыл альбом, и он казался состоящим из чистых, полированных медных листов, без всякого следа изображений. Замечательные люди эти индусы".

Вот и такая черта Горького, разве она не свидетельствует о его вмещении и широком сознании?

Он очень хотел иметь мою картину. Из бывших тогда у меня он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой "предвоенной" серии — "Город Осужденный", именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту. Да, автор "Буревестника" и не мог не быть большим поэтом. Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шел путем русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной.

Парижские газеты сообщают любопытное сведение: "Горький в роли Гаруна эль-Рашида". "Известия" (21 июня) печатают фотографию М.Горького в облике бродяги. Было это в 1928 году. Горькому захотелось посмотреть, что делается в новых пивных, что за люди сидят там, нет ли среди них его старых типов со "дна", что с ними сталось, каковы новые посетители и т. д. Но как реализовать такую экспедицию? Горький решил тряхнуть стариной, побродяжить. Он пристраивает бороду и — волосатый, заросший, как медведь, искусно загримированный — ведет задушевные беседы. В результате этого бродяжничества появился очерк, включенный в книгу "По Союзу Советов".

Знающие Горького понимают, что этот эпизод вполне для него характерен. Будучи истинным реалистом во всей вместимости, он считал нужным убеждаться на деле не только для внесения в свою записную книгу новых типов, но для установления синтеза, для истинного расширения своего сознания.

"Он был доверчив, он доверял, он любил доверять, его обманывали… Однажды он вышел из своего кабинета, напевая и выражая лицом такое сияние восторга, что все остолбенели. Оказывается, он прочел очередную газетную заметку об открытом кем-то, где-то, каком-то микробе".

Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве "Нива". Предполагались огромные литературные обобщения и просветительные программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность коробила Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных Культурных построения. Имею в виду "Дом Всемирной Литературы", "Дом Ученых" и "Дом Искусств". Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и Культуры. Нерасплесканной он пронес свою чашу служения человечеству.

От имени "Лиги Культуры" принесем наши искренние чувства памяти Горького, которая прочно и ярко утвердится в Пантеоне Всемирной славы.

12 Июля 1936 г.

Гималаи

Н. К. Рерих. "Нерушимое". Рига, 1936

Чюрленис

Слышу, что имя Чюрлениса стало национальным именем в Литве, сделалось гордостью народа литовского. От души радуюсь этому. Каждое признание истинной ценности всех веков и народов должно быть приветствовано. Там, где ценят своих героев, творцов и тружеников, там возможно и светлое будущее. Довольно бывшего невежества, когда на разных путях истории мы видели, как попирались и оскорблялись лучшие человеческие достижения. Довольно невежественных отрицаний. Народ может жить лишь светлым допущением и утверждением. Когда постройка идет — все идет.

Еще недавно было принято или осмеивать, или скептически пожимать плечами на все новое и необычное. Ох, уж эти скептики, которые в своих зачерствелых сердцах готовы придушить каждое молодое достижение. Если кто-то является в новой форме, то разве такое обновление уже должно стать уделом растерзания?

Вспоминаем Ван Гога, пославшего своему домовладельцу в уплату за квартиру свое отрезанное ухо как символ пресловутого Шейлоковского мясного вознаграждения. Вспоминаем, как Модильяни умер с голода, и лишь этот потрясающий конец открыл доступ к общему признанию его произведений. Вспоминаю происходившую на наших глазах трагедию гениального Врубеля. Но сошел ли он с ума от всех тех жестоких несправедливостей, которыми невежественные дикари кололи и обжигали его возвышенное сознание?

Трудна была земная стезя и Чюрлениса. Он принес новое, одухотворенное, истинное творчество. Разве этого не достаточно, чтобы дикари, поносители и умалители не возмутились? В их запыленный обиход пытается войти нечто новое — разве не нужно принять самые зверские меры к ограждению их условного благополучия?

Помню, с каким окаменелым скептицизмом четверть века назад во многих кругах были встречены произведения Чюрлениса. Окаменелые сердца не могли быть тронуты ни торжественностью формы, ни гармонией возвышенно обдуманных тонов, ни прекрасною мыслью, которая напитывала каждое произведение этого истинного художника. Было в нем нечто поистине природно вдохновенное. Сразу Чюрленис дал свой стиль, свою концепцию токов и гармоническое соответствие построения. Это было его искусство. Была его сфера. Иначе он не мог и мыслить и творить. Он был не новатор, но новый. Такого самородка следовало бы

поддержать всеми силами. А между тем происходило как раз обратное. Его прекраснейшие композиции оставлялись под сомнением. Во время моего председательствования в "Мире Искусства" много копий пришлось преломить за искусство Чюрлениса. Очень отзывчиво отнесся Добужинский. Тонкий художник и знаток Александр Бенуа, конечно, глубоко почувствовал очарование Чюрлениса. Но даже и в лучших кругах, увы, очень многие не понимали и отрицали.

Так же точно многими отрицалось и тончайшее творчество Скрябина. В Скрябине и в Чюрленисе много общего. И в самом характере этих двух гениальных художников много сходных черт. Кто-то сказал, что Скрябин пришел слишком рано. Но нам ли, по человечеству, определять сроки? Может быть, и он и Чюрленис пришли именно вовремя, даже наверное так, ведь творческая мощь такой силы отпускается на землю в строгой мере. Своею необычностью и убедительностью оба эти художника, каждый в своей области, всколыхнули множество молодых умов.

В конце концов, разве мы знаем, где происходит наибольшее восприятие творчества? Леонид Андреев незадолго до смерти писал мне: "Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не знаю и не вижу". Скорбно звучали такие признания писателя. Другой прекрасный художник недавно писал мне: "Говорю, как в подушку". Истинно, не знаем мы путей творчества. Формула — неисповедимы пути — весьма реальна. Но рядом с этим невидимым для самого художника восприятием его творчества живет и напряжение его сил. Все помнят жизненную трагедию Рембрандта или Франца Хальса. Но и в трагедии этой так много торжественности. Без героической торжественности облики названных художников потеряли бы многое. Сами костры и факелы дикарей являются лишь озарением пути. Без врагов люди забыли бы о многом полезнейшем и прекраснейшем. Недаром приходилось писать похвалу врагам.

Вот и Чюрленис в своих прекрасно-напевных мирных созданиях тоже мог бы написать похвалу врагам. Дикари и враги много потрудились для его будущей славы. И пришла она, эта легкокрылая гостья, не для того, чтобы только переночевать около произведений Чюрлениса, но чтобы озарить его творения навсегда. Велика радость, когда можно отметить, что весь народ признал свою истинную ценность. Недавно всенародно хоронили великого писателя Горького. В этой всенародности был крик признательности всеобщей. Не ему, ушедшему, но во имя справедливости прекрасен был порыв дружный, превознесший ценность искусства.

Прекрасно признание Чюрлениса литовским народом. Это

тоже будет не временный взрыв сантимента, но твердое признание, низкий поклон всенародный творцу и труженику. Радуюсь вестям из Литвы о признании прекрасного художника Чюрлениса.

3 Сентября 1936 г.

Урусвати, Гималаи

Н. К. Рерих. "Зажигайте сердца". М., 1978

Литва

"Кони Световита" была одна из моих самых первых картин. Идея белых величественных коней, пасущихся в священных дубравах Литвы, давно меня привлекала. Кони, готовые на помощь человечеству! Молниеносные вестники, уже поседланные, уже ждущие клич! О такой идее говорил я моему другу Леониду Семенову-Тянь-Шанскому, и он загорелся, как отзывчивый поэт, этим образом. Скоро, придя ко мне, он принес посвященное стихотворение "Белые Кони".

Обсуждали мы о величественном эпосе Литвы с В. В. Стасовым и Владимиром Соловьевым. У Литвы было всегда много друзей. Слушая о моих картинных планах, Владимир Соловьев теребил свою длинную бороду и повторял: "А ведь это Восток, великий Восток". А Стасов усмехался в свою еще более длинную седую бороду и приговаривал: "Как же не Восток, если и язык-то так близок к санскриту". Где остались теперь мои "Кони Световита"? Была и картина "Вайделоты". На поляне среди священных дубов творились древние обряды. Где она теперь — не знаю. Также была картина "Перкунас". Еще недавно через Женеву пришла весть, что картина существует у какой-то собирательницы. Итак, сколько вестей о славном Литовском эпосе разлетелось по миру.

После поездки по великому водному пути "Из Варяг в Греки" хотелось испытать и другой, не менее великий водный путь по Неману. В 1903 году мы с Еленой Ивановной прошли и по Литве. Большое это было хождение по разным историческим местам. Всюду писались этюды — Елена Ивановна всюду снимала фотографии. Часть ее снимков вошла и в "Историю Искусства" Грабаря, и в другие труды, посвященные памятникам старины. В Литве были написаны многие этюды. Судьба этих этюдов своеобычна. Разлетелись они по миру. Однажды в Калифорнии мне пришлось увидать мой "Ковенский Костел" и "Развалины Замка на Немане" и "Древнюю Церковь около Гродно". И там, за океаном они выполняют свою задачу, напоминая о литовских красотах, об историческом достоинстве этой древней страны.

Хождение по Литве было очень разнообразно. Кроме удобных способов передвижения, приходилось пользоваться и трясучими крестьянскими бричками. Приходилось застревать и в сыпучих песках. Приходилось изумляться, когда среди песчаного бурана из полузанесенной хаты вылезал местный житель. Но суровая обстановка не глушила приветливую улыбку литовца. Однажды пришлось остановиться в таком глухом постоялом дворе, что

невольно приходили мысли — крепки ли затворы в комнате?

Но и такие мимолетные опасения не имели основания. Ничего дурного за всю эту поездку с нами не случилось, наоборот, случилось много хорошего. Среди разнообразных остановок пришлось услышать и слепого певца, пришлось записать и целый ряд героических и красивейших сказаний. Среди разных посещенных народов Литва оставила самое приветливое воспоминание.

Обоюдность чувствований является самою лучшею убедительностью. Героические облики сменялись прекрасными самоотверженными женскими подвигами. Не раз приходилось внутренне вспоминать, почему литовский язык близок великому санскриту. От той же величавости, от того же богатства сложилось и литовское духовное достояние.

Прошли годы, прошел незабываемый Чюрленис. Наконец, в 1915 году мне сказали: "Балтрушайтис пишет статью о Вашем искусстве". Лично до того мне не приходилось встречаться с Балтрушайтисом, но знал я его как возвышенно утонченного поэта. Все мы читали его произведения и радовались, как тонко он перевел "Гитанджали" Тагора. Только такой истинный поэт, как Балтрушайтис, мог мастерски выправить и перевод Бхагавад Гиты.[23] Именно надлежало, чтобы литовский поэт так прекрасно оформил вечные заветы Великой Индии.

Статья Балтрушайтиса называлась "Внутренние приметы творчества Рериха". Конечно, она оказалась одной из самых глубоких мною виденных. В ней высказался не только природный поэт, но именно поэт литовский, который умел вложить тепло проникновенное значение ко многому особо мною любимому. Притом статья была такой серьезной, а когда поэт заговорил о "Чаше Грааля"[24], то было ясно, насколько этот великий облик близок самому Балтрушайтису.

И все прочие встречи с литовцами оказывались незабываемыми. Вот в Париже встретили мы литовского посланника Климаса. Только что встретились, а уже сразу почувствовали все его дружеское радушие. И говорилось с ним о разных предметах необычайно легко, ибо там, где доверие, там и находятся слова, и укрепляются мысли добрые.

Незабываемо также для меня, что в Литве было высказано сочувствие нашему Пакту о Сохранении Культурных ценностей. В нашем архиве хранятся статьи, бывшие в литовских изданиях. В каждой из них чувствуется не сухое официальное отношение, но сердечное понимание неотложности этой идеи. Красный Крест Культуры — наше Знамя Мира понято друзьями-литовцами, Если оно еще не прошло через правительственную санкцию, то ведь это

лишь вопрос времени. Народ, говорящий на языке, полном древнейшими прекрасными корнями, конечно, понимает, что исторические, художественные, научные памятники являются истинною народною ценностью. Пусть над всеми этими сокровищами развевается Знамя-Охранитель, которое напомнит всем поколениям от мала до велика, что в этих памятниках человеческого гения живет понятие великой Культуры. А Культура есть служение Свету, есть синтез просвещения и залог прогресса.

Там, где ценят Культурные сокровища — там будут прочны народные корни, там разовьется самосознание и будет охранена честь народа. Все это не отвлеченные понятия, но реальнейшие двигатели к лучшему будущему. Истинная радость там, где живы корни Культуры. Возможна песнь и всякое творческое выявление, где народ любит свое великое прошлое для будущего. Много раз приходится говорить о вратах в будущее. Ведь понятие врат уже есть заповедь созидательная. Врата нужно построить, нужно прочно утвердить столбы, а чтобы врата были привлекательны, они должны быть и прекрасны. Конечно, не знающий прошлое не может мыслить о будущем. Особенная красота в том, чтобы старинные облики не являлись чем-то завершенным только, но были бы истинными вратами к лучшему будущему. Каждому человеку дозволено мыслить о лучшем будущем. И в дубравах литовских, там, где еще под корнями и камнями притаились древние алтари предков, — там уже звучит осознание будущего во всем его доброжелательстве, во всем вмещении и в обоюдной радостной улыбке.

Радость по нынешним временам является очень редкою ценностью. Сколько раз приходилось писать о том, что радоваться уже является точно бы какою-то новою наукою. Уметь найти предметы радости посреди всех мировых смущений нелегко. "Радуйся" и "помогай" — такие зовы являются современною необходимостью. Смущенно отвечают на них: как же тут радоваться, как же помочь? Но помогать нужно на всех путях — везде, куда доходчиво сердечное слово. И радоваться нужно всюду, где происходит нечто созидательное. И в помощи в созидательстве не могут быть условные и случайные деления: и то и другое — общечеловечно.

Была радость, когда дошла весть, что в Литве нашим обществом начат журнал "Новое Сознание". Именно об этом понятии нового сознания, поистине, надлежит радоваться. До чего нужно сейчас истинное, обновленное сознание и сказать нельзя. Все слова человеческие будут недостаточны, чтобы выразить такую спешную необходимость. Только расширенным

сознанием можно воспринимать и человеческую боль, и человеческую радость. Только широким вмещением и доброжелательством можно учуять, где нужна помощь и с кем можно воедине порадоваться. Разве не радость, что Литва стремится к новому сознанию? Литва хочет знать в доброжелательстве. Таким знанием можно и добротворствовать. Там, где укрепится такое знание доброе, можно зарождать и содружество. Сотрудничество, содружество, кооператив — сколько раз твердятся эти ценнейшие понятия, но не часто вкладывается в них то сердечно-созидательное значение, выразителями которого они должны быть.

"Новое Сознание" доставило нам большую радость. Можно ли не радоваться, узнавая, что группа молодых тружеников в разных областях искусства и знания находит обобщающую твердыню в Живой Этике и в новом сознании? Перефразируя вдохновенную заключительную мысль помянутой статьи Балтрушайтиса, скажем: "Подчеркнув эту коренную связь с очередным тяготением жизни, остается прибавить, что вне этого участия в духовном подвиге времени нет лучшего венца".

1936 г.

Фрагмент очерка "Урусвати", Гималаи опубликован в сб. "Зажигайте сердца".

Из Монголии

Уже много лет тому назад были написаны картины, имевшие содержанием значение целебных и полезных трав. Еще в России были написаны "Знахарка" и "Ункрада" — и та и другая по цветочным новгородским холмам собирали полезные целительные травы. Затем был написан "Св. Пантелеймон Целитель", ходивший по безбрежным увалам и степям в поисках целения человечества. Три года тому назад был написан "Гуру Чарака" — знаменитый аюрведический врач, о котором в древнейших писаниях Индии упомянуто так значительно. Если две первых картины остались в России, то "Святой Пантелеймон" — в Нью-Йоркском музее, а "Гуру Чарака" — в особом зале музея Бенареса. Так уже давно предвиделось то, что теперь произошло воочию. Так же точно, как произошли предвоенные картины, так же предчувствовалось и о целении полезными травами. "Да процветут пустыни" являлось давнею мечтою, а сейчас удалось вложить свою лепту и в эту чашу, так нужную для человечества.

Монгольская поездка сложилась очень удачно. Перед нами оказались именно нужные районы, граничащие с Алашаньскими песками. Поучительно было видеть, насколько приспособившаяся растительность могла противостоять губительному движению барханов и представить собою, кроме сильного задерживающего барьера, еще и полезную пищу для скота.

Приятно видеть, насколько в настоящее время находятся в хорошем теле табуны и стада монгольские. Иные кони тучны — словно бы из самой холеной конюшни. А ведь они не видят особого зерна и питаются всецело степными травами. Несомненно, что многие из подобных трав, хотя и имеют аналогии в других частях света, но своеобразно приспособились к местному суровому климату. Веками они научились противостоять засухам и зною, а также сильнейшим вихрям и морозам иногда бесснежной зимы.

Конечно, семена этих трав и растений сохранят в себе накопленные веками особенности и представят из себя новую защиту беспощадно надвигающимся пескам и в некоторых районах Америки. Не будем предвосхищать перечисления полезных трав, которые сделаны в особых докладах. Интересно отметить, что хотя травы и не так разнообразны, как в некоторых других менее песчаных районах, но зато вы ясно видите происшедший отбор наиболее жизнеспособных произрастаний. Любопытно наблюдать, как одна из самых полезно применимых трав — агропирон иногда растет на совершенно безводных

каменисто-песчаных склонах. При этом корни этой травы делаются необыкновенно длинными и прочно сидящими. Вообще некоторые из здешних растений до такой степени прочно внедряются в каменистый грунт и оседают между расщелинами скал, что требуется большое физическое усилие и особо острые инструменты, чтобы отделить их.

Такое естественное приспособление доказывает, что и на новых местах те же особенности могут быть сохранены. Для того же, чтобы облегчить это приспособление, взяты образцы почв, которые могут помочь первым росткам освоиться с новыми местами. В записных листах "Да процветут пустыни"[25] уже не раз указывалось, насколько насущным сделался за последние годы вопрос о засухах. С одной стороны, где-то происходят небывалые местные наводнения, а с другой стороны, даже в неожиданно ближайших к ним районах происходит жгучая губительная засуха.

Конечно, в этих несоответствиях работали и руки человеческие, которые, по прискорбному неведению, оголяли почву, уничтожая леса, и держали в небрежении речные системы. Известный ученый, аббат Лисан доказывает, что уже в течение неолита люди приложили свои старания к уничтожению лесов в Средней Азии. Еще и теперь в раскопках находятся мощные пни и корни, и кое-где еще пытаются произрастать вязы-карагачи. Стада, в особенности козы и овцы, являются большими вредителями для лесонасаждений. И в гималайских местностях нам приходилось убеждаться, насколько правительству приходится употреблять меры для упорядочения горных пастбищ. Каждый срубивший или обезобразивший дерево не чувствует свою ответственность перед страною и всею природою. Между тем он должен бы возместить этот ущерб по крайней мере насаждением десяти деревьев вместо одного поврежденного. Также оставались в небрежении и реки. В песках среднеазийских можно подчас слышать шум подземного потока. В далекие времена эти местности, как свидетельствуют раскопки, а также добросовестные описания древних китайских путешественников, были цветущими. Свен Гедин правильно еще недавно указывал, что безводные пустыни могли бы быть обращены в цветущие сады. Мы сами убеждались, как жердь, воткнутая в забор, или брошенный картофель и горох быстро произрастали в так называемом песке. Поистине, лессовые и вулканические породы Средней Азии представляют из себя плодороднейшую почву.

Эти сведения о возможности местного плодородия подтверждаются богатыми сартскими плодовыми садами Туркестана и китайскими огородами и полями на окраинах

Монголии. Нетронутость целинных степей монгольских позволяет делать многие благожелательные заключения.

Очень приятно подчеркнуть то дружелюбное отношение, которое мы встретили повсюду со стороны как китайских, так и монгольских властей. В газетах мелькнуло неизвестно кем измышленное сообщение о каких-то недоразумениях с монголами. Мы удивлялись, откуда такая злостная выдумка могла зародиться, ибо во все время мы ничего недружелюбного не ощущали. Наоборот, как среди народа, так и среди властей, оказывалось и гостеприимство и содействие. За все время никаких неприятных встреч не происходило.

Кроме собирания гербария и большого количества семян засухостойких трав, Юрий имел возможность беседовать с бурятскими и монгольскими ламами-врачами, а также приобрести несколько полезных для изучения местной медицины монгольских книг. По газетным сведениям мы узнали несколько приятных для нас сообщений о трудах почетного советника наших учреждений доктора Рида. От души приветствую работу этого широкомыслящего ученого, который, исследуя древние фармакопеи Китая, уже нашел многое приложимое и для новейшей современной науки. Мне это тем более приятно, что подтверждает мои давнишние соображения о том, насколько многое полезное должно быть сохранено в многовековых старинных наблюдениях.

Конечно, это не значит, что старинные фармакопеи могут быть дословно применяемы. Ведь многое в них отмечено в чуждых нам своеобразных и символических выражениях, а кроме того, для многих современных нам понятий не находилось выразительных эквивалентов. Но во всяком случае многие самоновейшие открытия, как, например, в области витаминов и целебности животных веществ — вполне отвечают забытым стариннейшим умозаключениям. Потому имеет большое значение отнестись с полной внимательностью к старинным наблюдениям.

Вообще, если бы только в наши дни больше применялось благожелательство, доверие и-беспристрастное изучение! Пора отрешиться от предрассудков во всем их парализующем значении.

Хотелось бы послать сердечный привет всем, кто помогал нам за время нынешней экспедиции. Будем надеяться, что наш привет и доброе пожелание дойдут до всех благожелавших и в Пекине, и в Калгане, и по всем посещенным монгольским хошунам[26]. Результаты удачны, тем ценнее помощь прямая и косвенная, оказанная по пути. Шлем привет и нашим китайским ученым сотрудникам, из которых член Китайской Академии Наук доктор Кэнг явился не только временным сотрудником, но и сохранились

с ним связи на доброе будущее. Привет и сердечное спасибо всем помогавшим. Работы по экспедиции, по тем же заданиям, будут продолжены и в других местностях — за горами, за морями. И оттуда мы пошлем привет Китаю и Монголии, давшим нам так много ценных наблюдений.

1 Октября 1936 г.

Пекин

Н. К. Рерих. "Врата в Будущее". Рига, 1936

Мастерская Куинджи

"… Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был и великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубины души его. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего, и, как только гремела полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих, голубей, воробьев, ворон, галок, ласточек. Казалось, все птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: "Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя". Незабываемо было зрелище этого седого, улыбающегося человека, покрытого щебечущими пташками — оно останется среди самых дорогих воспоминаний. Перед нами было одно из чудес природы, мы свидетельствовали, как малые пташки сидели рядом с воронами, и те не вредили меньшим собратьям.

Одна из обычных радостей Куинджи была помогать бедным — так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь его. Простой крымский пастушок, он сделался одним из самых прославленных наших художников исключительно благодаря своему дарованию. И та самая улыбка, питавшая птиц, сделала его и владельцем трех больших домов. Излишне говорить, что, конечно, все свое богатство он завещал народу на художественные цели".

Так вспоминалось в записном листе "Любовь непобедимая". А в "Твердыне пламенной" сказалось: "Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет", — говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: "Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!" Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришел к Куинджи с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: "Семья, служба мешают искусству". "Сколько вы часов на службе?" — спрашивает художник. "От десяти утра до пяти вечера". "А что вы делаете от четырех до десяти?" "То есть как от четырех?" "Именно от четырех утра". "Но я сплю". "Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день".

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от

подпаска стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные осознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное — избегать всего отвлеченного. Ведь в сущности оно и не существует, так же, как и нет пустоты. Каждое воспоминание — о Куинджи, о его учительстве, как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии Художеств Общество Поощрения Художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: "Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать".

Сорок лет прошло с тех пор, как ученики Куинджи разлетелись из мастерской его в Академии Художеств, но у каждого из нас живет все та же горячая любовь к Учителю жизни. В каждой статье об искусстве приходят на память всегда свежие заветы Учителя, уже более четверти века ушедшего от земли. Еще в бытность нашу в Академии Щербов изобразил в карикатуре нашу мастерскую; для обстановки Щербов взял мою картину "Сходятся старцы"*, но карикатура лишь подчеркнула нашу общую любовь к Учителю. Когда же в 1896 году Президент Академии обвинил Куинджи в чрезмерном влиянии на учащихся и потребовал его ухода, то и все ученики Куинджи решили уйти вместе с Учителем. И до самой кончины Архипа Ивановича все мы оставались с ним в крепкой любви, в сердечном взаимопонимании и содружестве.

И между собою ученики Куинджи остались в особых неразрывных отношениях. Учитель сумел не только вооружить к творчеству и жизненной борьбе, но и спаять в общем служении искусству и человечеству. Сам Куинджи знал всю тяготу борьбы за правду. Зависть сплетала о нем самые нелепые легенды. Доходило до того, что завистники шептали, что Куинджи вовсе не художник, а пастух, убивший в Крыму художника и завладевший его картинами. Вот до чего доползала змея клеветы. Темные люди не могли переварить славу Куинджи, когда статья о его "Украинской ночи" начиналась словами: "Куинджи — отныне это имя знаменито". Писали о Куинджи и дружили с ним такие люди, как Тургенев, Менделеев, Достоевский, Суворин, Петрушевский… Одни эти имена уже обостряли язык клеветы… Но боец был Куинджи, не боялся выступать за учащихся, за молодых, а его

суровые, правдивые суждения в Совете Академии были грозными громами против всех несправедливостей. Своеобычный способ выражений, выразительная краткость и мощь голоса навсегда врезались в память слушателей его речи. В недавних газетах сообщалось, что в Русском Музее отведен целый зал произведениям Куинджи. Народ помнит о своих ценностях.

Хранят нерушимо память об Учителе и все разлетевшиеся ученики, укрепившие имена свои на страницах истории искусства.

Вильгельм Пурвит стал прославленным художником и главою Академии Латвии. Чуткий колорист Пурвит, как никто, запечатлел весеннее пробуждение природы. Передал снега, обласканные солнцем, и первые листья берез, и звонкие ручьи… На днях в газете "Сегодня" Пурвит говорил о красотах Латгалии; читая его ласковые слова о родной природе, мы опять видели перед собою славного, углубленного Пурвита, точно и не было прошедших сорока лет. Привет Пурвиту!

Фердинанд Рущиц стал корифеем польского искусства. Старый город Краков гордится им, и во многих странах знают его героические произведения. Именно героичность звучит в картинах Рущица, и в пейзажах, и в старинных городах, и в самих твердых уверенных красках утверждена сила художника. В 1903 году в Вильне последний раз встретились с Рущипем, но словно бы и не пробежали эти десятки лет. Привет Рущицу!

Аркадий Рылов укрепил себя на одной из лучших страниц русского искусства. "Зеленый шум"[27] Рылова обошел все художественные издания. Русские музеи хранят его картины, а многие ученики его сохранят о нем сердечную память. Работали мы с Рыловым и после Академии семнадцать лет в Обществе Поощрения Художеств. Как прекрасно вел он свои классы, и как любили его ученики! Русскую природу он любит и знает и умеет передать эту несломимую любовь своим ученикам. Рылов — заслуженный деятель искусства — еще недавно после смерти Горького так прекрасно писал в "Красной газете" о памятнике великому писателю и о народном творчестве. Рылов умеет ценить народные сокровища. Уже шестнадцать лет не виделись мы, но как вчера, вижу дорогого друга. Привет Рылову!

Николай Химона подтвердил собою лучшие основы Греции. И с ним мы работали шестнадцать лет в лучшем согласии. Он умел хранить заветы Учителя. В 1930 году в Лондоне была его посмертная выставка. Сильны и свежи были его пейзажи. Снега, реки, весенние холмы, а также и знаки дальней его родины Греции. Привет Химоне!

Константин Вроблевский любил Карпаты, Украину. И с ним

дружно работали мы в Школе Общества Поощрения Художеств. Верный во слове, твердый в работе Вроблевский был близким для учащихся. Привет Вроблевскому!

Константин Богаевский, певец Крыма, дал свой неповторенный стиль. Помнится статья Волошина о Богаевском. Незабываемы характерные скалы и старые башни Тавриды, и совершенно особая схема колорита. Привет Богаевскому!

И Латри любил Крым. Элегия и величавость запечатлены в его картинах, в глубоком тоне и покое очертаний. Слышно было, что Латри был в Париже и увлекался прикладным искусством. Едино искусство, и всюду должно внести красоту жизни. Привет Латри!

Виктор Зарубин дал любимые им Украину, Харьковщину, Межигорье с обозами, паломниками, с далями — полными его настроения. Странники по лицу земли уходят за холмы, блестят степные речки, залегли курганы и шепчутся темные сосновые боры. Привет Зарубину!

Не знаю, где Борисов — поэт Севера, баян льдов и полуночного солнца. Где Кандауров? Помним его "Скифскую могилу" в Музее Академии. Где Калмыков? Где Бровар? Педашенко? Курбатов? Воропанов? Но если бы встретились, то сорок лет минули бы незаметно. Ничто неприятное не может войти между учениками Куинджи. Свежи заветы Учителя.

В Индии почтен Учитель — Гуру. Приходилось много раз писать о Куинджи и друзья-индусы сердечно понимали память об Учителе.

Привет всем друзьям, ученикам Куинджи! Немалый, но незаметный срок — сорок лет.

15 Октября 1936 г.

Урусвати, Гималаи. "Зажигайте сердца"

"Сознание красоты спасет"

В китайских дальневосточных городах расхаживают всякие мастера-починщики. Странным песенным складом несется по улицам: "платье починяйт!", "джонтики починяйт", "чайники починяйт" — чего только не починяют китайские хожалые мастера!

Но вот, среди всяких перечней сокровищ, требующих починки, слышится странное и точно не подходящее слово. Хожалый мастер распевно предлагает: "Деньга починяйт!". Новоприезжим кажется, что они ослышались. Слишком заманчиво! Ведь и многие правительства не отказались бы от предложения починить деньги. Но старожилы поясняют, что вопрос о починке ветхих китайских бумажных знаков имеет самое обиходное значение. Истрепанные банкноты нужно чинить, как протоптанную подошву или протертые локти.

Починка денег происходит тут же, на улице, если дождь и ветер не мешают. И странно, и смешно, и трагично наблюдать, как мастер соединяет порванные части бумажек. Из несколько погибших банкнотов штопальщик выберет нужные буквы и знаки. Лишь в случае особой неизлечимости, может быть, попадутся буквы из объявления о мыле или хозяйственных принадлежностях. Склеенные, проглаженные опять выявляются к жизни знаки валютные. Их опять признают, ими опять оценят труд человеческий.

Немало обрезков останется на улице после такой операции. Самые настоящие крохи ценностей — уже не нужны. Впрочем, штопальщик подберет всякую букву — не сегодня, так завтра она где-то очень пригодится. У каждого мастера большая коллекция букв и значков на случай починок.

"Деньга починяйт!"

Бумага рвется. В слитках серебра может оказаться медная или оловянная начинка. Опытные люди советуют не пренебрегать деревянными палочками — деньгами игорных домов. Без обмана знаки игорных домов. Не изорвутся, дерево — без начинки, а главное — "честь" игорного дома ручается, что их не отвергнут.

Видели австрийские и германские марки на винных бутылках. Видели всякие вольтфасы и сальто-мортале разных знаков. Почему же удивляться доверию к знакам игорных домов? Не ими ли иногда решались дела целых областей?

Древние гривны были ценою коровы, а теперешняя их ценность дала бы кусок хлеба. Наверно мильрейсы получились тоже ценою всевозможных превращений. Когда-то один дукат

находил место в завещании, а ведь сейчас ни один франк, ни даже один доллар уже неуместны, лишь могут являться символическою ценностью.

Большой переполох во многих столицах вызвал бы зазывный крик: "Деньга починяйт!"

Сколько починок требуется везде! Люди научились сложнейшей операции — брать в долг у самих себя. На некоторое время и это годится. А там? Может быть, удастся подклеить недостающие буквы.

На том же Дальнем Востоке до сих пор вы слышите и другое сказание: "Вам открыты теперь многие двери, вход в которые раньше был запрещен под страхом смерти"; "многое вы использовали и узнали, но все же есть еще некоторые вещи, которые вы никогда не постигнете, и некоторые тайны, которые всегда для вас будут непонятны. Под этим холмом вместе с останками императоров находятся неисчислимые богатства: драгоценные камни, связки слоновых бивней из Индии, шелк из Аннама, серебро из Тибета и золотые слитки Монголии. Все было принесено как дань Китаю побежденными им народами. Первый император Минской династии в Панкине Мин Тай-су выбрал самые ценные из своих богатств и приказал схоронить их вместе с его телом. Он боялся, что его потомки потеряют свою мощь и сокровища будут разграблены армиями врагов. С торжественной церемонией тело императора было перенесено в склеп. Тысячи слуг несли за ним его отборные сокровища. Через несколько дней по окончании тризны все слуги были умерщвлены, и тайна погребенных сокровищ ушла вместе с их жизнью. Умерли один за другим и прочие свидетели тайны, и когда пришли армии врагов, разрушили храмы и дворцы, разграбили Панкин — богатства династии Минов остались нетронутыми, охраняемые душами тысяч погребенных там же слуг. Никто не рискнет разыскивать места спрятанных сокровищ…"

"Вестник Китая" напоминает о старых, вечно живых преданиях. Существуют ли эти захороненные сокровища? Отчего нет? Возможно, что они еще прекраснее предания. Но также возможно, что они никогда и не существовали. Может быть, они созданы лишь народным приукрашением, как орнамент на саркофаге.

Фольклор нуждается в орнаментах. За народными сказками оказывается вышивной узор, полный исторического значения. Народ ищет красоту жизни. Для нее он поет и слагает мелодии, для нее он должен расцветить узором каждый ворот и подол, и нарукавник. Ради Красоты народный творец закончит крышу коньком и зацветит ставни травным богатством. Ради Красоты!

Ради Красоты всякие пятилетки неизбежно закончатся заданиями о красоте жизни.

"Деньги починяют", придумывают всякие новые заплаты, грызут друг друга… Мир армагеддонно содрогается… Когда же пройдены все закоулки, когда вылиты чаши ненависти и произнесены все заклятия злобы, тогда опять сперва робко, а затем и повелительно зазвучит приказ о Красоте. Пройдут все штопальщики. Подобьют подошвы, заштукуют локти.

"Сознание красоты спасет". Поведут эту изначальную песнь поэты и художники. Загремит она на струнах и хорах. И дольется песнь до народных скрынь, где захоронено много Красоты и Подвига. Без красоты жизни не одолеть тьму.

Ходит по свету прекрасная книга поэта Рихарда Рудзитиса "Сознание красоты спасет". Постучится этот вестник в разные врата. Где-то послушают, где-то восхитятся, где-то возрадуются в желании озарения жизни. "Сознание красоты спасет".

20 Ноября 1936 г.

Урусвати, Гималаи

Публикуется впервые

Подтверждения

Два газетных сообщения — одно о Южной Америке, другое о Сибири, за полярным кругом. Совсем разные, но сущность их близка. Еще не так давно научные инквизиторы осудили бы за оба предположения. Но жизнь не медлит оправдывать самые отважные догадки.

Давно ли слово "Атлантида" снова вошло в обиход? Давно ли древние сношения с Америкой считались невероятными? Давно ли сибирские тундры вместо мертвенного лика начали являть свои богатые сокровенности?

Жизнь, сама неприкрашенная жизнь, дала и замерзших викингов, и сохраненных в ледяном покрове мамонтов, открыла храмы Майев и ацтеков, подарила новые алфавиты и глифы. Много дано. Широко приоткрыты сокровища. Сообщается:

"Бразильский археолог Бернард де Сильва Рамос, занимавшийся в течение многих лет в Центральной Бразилии археологическими исследованиями, выпустил недавно книгу "Надписи доисторической Америки", в которой устанавливает, что Америка была известна культурным азиатским народам за 2500 лет до открытия этого материка Колумбом.

Главным доказательством является надпись на скале Гавса в Бразилии, которая до сего времени оставалась неразобранной и которую Рамосу удалось расшифровать. Надпись, по его словам, составляет следующую фразу: "Тир, Финикия. Бадецир — перерожденный Ишбаал".

Бадецир, или, иначе, Валтазар, был царем Финикии в девятом веке до Р. Х. Отец его — Итобал или Ишбаал. Надпись на скалах Гавеа, по всей вероятности, была высечена подданными Валтазара, прибывшими в Бразилию с торговыми целями. По мнению Рамоса, финикияне вели с Америкой оживленную торговлю, переплывая океан на парусных судах, пользуясь попутными течениями и останавливаясь на островах, расположенных между Африкой и Америкой.

Некоторые селения в Южной Америке до сих пор носят семитические названия.

Обстоятельство это ставило в тупик ученых, но расшифрованная Рамосом надпись объясняет загадку. Финикияне, не довольствуясь торговлей с туземцами Америки, основывали здесь свои селения, нечто вроде "факторий", и, разумеется, давали им семитские имена".

С другой стороны, газета "Сегодня" сообщает о вновь открытых в Сибири около Салегарда в долине Оби за полярным

кругом двух древних городах. Найдено свыше тридцати тысяч поделок, многие из кости, в характере звериного стиля:

"В прошлом году экспедицией Академии Наук СССР под руководством Андрианова в устье реки Полуя, около Салегарда (Ямало-Ненецкий округ Омской области), были начаты раскопки городища неизвестного народа, жившего в глубокой древности в Обском Заполярье.

Во время раскопок экспедиции нашли высокохудожественные предметы, свидетельствующие о высоком уровне материальной культуры жителей городища.

В этом году раскопки продолжались. Экспедиция обнаружила вторую стоянку — в 40 километрах от Салегарда.

В обоих городищах собрано около 36000 различных предметов, носящих на себе элементы скифской культуры. Раскопки с полной очевидностью говорят о том, что во времена существования городищ флора и фауна были здесь иными. Кости птиц и зверей, найденные на стоянках, указывают на обильную растительность и большие леса там, где теперь простирается голая тундра. Удалось также определить тип жилищ — это были легкие городища, окруженные рвом или валом.

Что это был за народ, живший в Заполярье в отдаленные времена, остается пока исторической загадкой, которую должны разгадать ученые".

Такие известия необыкновенно знаменательны. И от Южной Америки, и от Сибири справедливо ожидали откровений о далеком прошлом. И вот эти области давних поселений начинают открывать свои тайны. Еще раз становится ясно, что открытия не только не исчерпаны, но вернее сказать, еще не вполне начаты.

Странно вспомнить, как недавно многое считалось невозможным. Смеялись над "фантазиями" Шлимана о Трое. Пожимали плечами над Астартой из раскопок в Киеве. Не хотели уделить внимания замечательному звериному стилю. Мало того, что не знали всего этого, но не хотели увидать уже показавшихся предвестников.

К историческим подтверждениям присоединяются и знаки из других областей. Смеялись, когда кто-то стал воспринимать радиоволны без аппарата. Смеялись, когда какая-то труба в кухне загремела радиопередачей. Теперь есть повод для нового "смеха". Печать сообщает: "Так называемые "воздушные аномалии", замечавшиеся периодически каждый 54-й день радиостанциями во всех государствах, в последнее время стали предметом серьезного научного изучения.

"М.Т.Т.К"" также ведет беспрерывные наблюдения, стремясь к разгадке этого загадочного явления. В результате своих

наблюдений "М.Т.Т.К"" обнаружила некоторые новые факты.

Так, оказалось, что данный феномен возникает непременно лишь в 54-й день, но случается, что в 54-й день ожидающейся аномалии не наблюдается, и она происходит в 43-й день.

На предстоящее 19 июня полное солнечное затмение возлагаются большие надежды в том смысле, что организуемые во время него специальные наблюдения помогут найти разгадку проблемы этого феномена.

Начальник радиоотдела "М.Т.Т.К"" по данному поводу высказался так:

— Все радиостанции оказывались в нынешнем году на некоторый промежуток времени парализуемыми 8 февраля, 2 апреля, 15 мая и 27–28 мая.

Явление это поставило перед радионаучным и астрономическим миром весьма интересную проблему, которая и явилась сейчас предметом общего изучения.

Было подмечено, что феномен совпадает с моментами появления и интенсивного передвижения черных пятен на солнце.

Кульминационными пунктами максимальной и минимальной фаз феномена был отмечен период в 27 суток, т. е. именно тот срок, в который солнце совершает полный оборот вокруг своей оси.

Однако 15 мая феномен случился в 43-й день, считая от 2 апреля, и это явилось исключением в подмеченной периодичности.

23-го же мая, т. е. в 54-й день от предшествующей "регулярной" аномалии, феномена не наблюдалось и он произошел только 27 и 28 мая, причем 28 числа аномалии наблюдались дважды: в полдень и около 3 часов дня.

Измеритель насыщенности ионов в верхних слоях атмосферы 26, 27 и 28 мая также показал наличие явной аномалии в состоянии этих "ионовых" зон.

Соображаясь с указанными фактами, а также с тем, что нынешний год — кульминационная точка в периодических усилениях деятельности солнца, наступающая в каждый 11-й год, и что радиоаномалии происходят исключительно лишь в дневное время — нет сомнений в том, что данный феномен происходит под влиянием активности солнца.

Результаты ведшихся до сих пор научным миром наблюдений приводят к гипотетическому заключению, что данная аномалия вызывается тем, что под влиянием активности солнца плотность слоя ионов "Е" в атмосфере увеличивается настолько, что препятствует проходу электроволн коротких фаз. Этим объясняется тогда и тот факт, что данный феномен не влияет на

электроволны длинных фаз, которые не проходят через слой ионов, а передаются непосредственно вдоль поверхности земного шара.

Предстоящие наблюдения с передачей электроволн во время полного солнечного затмения могут в значительной степени раскрыть ту загадку, которую таят расположенные в нескольких стах километрах от поверхности земли "ионовые" слои атмосферы".

Все такие наблюдения заставят еще раз подумать о множестве нереченных условий и возможностей, мерцающих каждому пытливому глазу. Сгоряча много явлений приписываются солнечным пятнам. Мало ли "пятен", подлежащих исследованию?

Рассказывают, как некий корабль темною ночью должен был выполнить одно мрачное поручение. Капитан корабля принял все меры, чтобы неслышно подойти к условленному месту — были потушены все огни, ни один звук не выдавал присутствия судна. Казалось бы, все человеческие предосторожности были приняты. И вот в момент, когда корабль уже приближался к назначенному месту, никем невидимый и неслышимый, вдруг весь такелаж корабля засиял огнями Св. Эльма. Нечто пресекло все человеческие ухищрения.

1 Декабря 1936 г. Гималаи

Публикуется впервые

Доктор Ф. Д. Лукин

На трудных и бурных перевалах какими-то неведомыми друзьями поставлены высокие камни — менгиры. Напоминают они путнику об опасностях, о долгом пути, в котором должно быть проявлено все терпение, вмещение и преданность избранной цели. Напоминают об успехе и радости.

Так же нерушимо останется память о самоотверженной деятельности Ф. Д. Лукина, в полном смысле слова положившего душу за други свои.

Как истинный ученый, вне предрассудков и суеверий, Ф. Д. Лукин бодро искал лучшие врачебные средства. Он внес в дело врачевания всю любовь и неутомимость. Он знал, когда улыбнуться и когда настоять на спасительном средстве.

Конечно, по обычаю многих веков Ф. Д. Лукину пришлось немало претерпеть от непонимания, от невежества. Но нужно было видеть, как спокойно и с каким доброжелательством он сам рассказывал о терниях пути. Он настолько далеко и светло заглянул вперед, что лишь сожалеть мог о ненужных препятствиях. К тому же Ф. Д. понимал значение совета: "Благословенны препятствия, ими растем".

В сношениях с Ф. Д. постоянно вспоминалась благословенность. Он знал, как не расплескать этот драгоценный сосуд.

Самая высокая этика для Ф. Д. была не приказом, но зовом просветленной души. Память о таком светлом строителе не только не испепеляется в жгучем вихре времени, но наоборот, растет в свете прекрасном. Ф. Д. по природе своей должен был быть врачом, целителем. Он был объединяющим началом, целителем сотрудничества. Для него оно было содружеством, в котором родственно сходились искавшие Света.

Ф. Д. без труда не мог жить; к нему он устремлял и всех сотрудников. При таком кормчем можно было быть спокойным за корабль. У руля был не только знающий, но преданный деятель. Ни страха, ни отступничества, ни предательства не выносил Ф. Д., ибо в нем самом не было этих зачатков тьмы. Зато каждое доброе стремление и искание радовали его. Будь это в области науки, медицины или воздухоплавания, или искусства — двери врача доброго были широко открыты.

Широко был открыт взор Ф. Д. Каждый вновь приходивший хотел открыть ему душу свою, зная, что не будет ни унижен, ни осмеян. Такое целительное ободрение жило неувядаемо в сердце Ф. Д. "Стучащемуся открой", и этот завет нес в себе Ф. Д.,

понимая, как открыть и как оценить стучащегося.

Когда мы узнали, что Ф. Д. стал во главе нашего Латвийского Общества, почувствовалось, что устои Общества будут прочны. Так оно и было. Умел внести Ф. Д. прочность и твердость не на время, но по существу навсегда. Могут меняться поколения, могут создаваться новые отношения и оценки мироздания, но основы Культуры нерушимы, если они любовно заложены.

Встретились мы в Париже летом 1930 года. Радостна была встреча, точно бы всегда знали друг друга. В течение немногих дней можно было убедиться в ценнейших качествах Ф. Д. Видели его энтузиастом-собеседником. Узнавали как незаменимого, всегда доброго сотрудника и восхищались глубокою Культурностью, без всякого шовинизма и ограничительства. Однажды Ф. Д. имел полную возможность вспылить. Но вместо того он пришел ко мне, прося разъяснить ему нечто непонятное во встреченных людях. Он не только понял чуждую ему точку зрения, но даже благодушно согласился, вникнув в глубокие причины. Такое благодушие не было следствием равнодушия. Не мог быть холодным Ф. Д. Но зато он умел быть справедливым, а это так редко.

Знал Ф. Д. Латвию и любил свою родину. Не узкий шовинист, но светлый труженик, он горел сердцем о Латвии и умел служить своей стране не словом, но делом. Каждый молодой новый работник радовал Ф. Д. Так любить народ может лишь познавший истинную Культуру.

Подобно Гуру Чараке, великому аюрведисту, подобно Авиценне, Ф. Д. прилежно искал новые медикаменты. Целый ряд ценнейших наблюдений он произвел и оставил будущим преемникам многие испытанные лечения. С умилением вспомним о всех бесплатных лечениях и широкой помощи бедным. Велика была неоскудевающая благостыня.

Всех жалел Ф. Д. Только себя не жалел. Мог быть с нами Ф. Д. еще долго, если бы ограничил труд свой и не производил утомительных опытов над собою. Неудержимым был познавателем он. Служение человечеству так прекрасно выразилось в несменных трудах нашего друга. Необоримо было его желание сделать лучше и поделиться удачею со всеми близкими.

Ф. Д. мыслил и писал о школьных вопросах. Много благожелательства сказалось в слове о женском движении. Знамя Мира и охрана Культурных ценностей были близки сердцу Ф. Д. Не было ни одной области Культуры, к которой Ф. Д. отнесся бы холодно и небрежительно.

"Лев добрый", — так сказали о Ф. Д. Оба слова о нем

определительны. Отвага и мощь львиная украшена истинною добротою, деланием мудрым.

Мои лучшие воспоминания о Латвии, о ее древних местах, о чудесных пейзажах, мои латышские друзья, жизнь моего деда в Риге — все эти обстоятельства еще более сближали нас с Ф. Д. Мы чувствовали, что он приближает к Обществу духовно испытанных сотрудников, для которых пашня Культуры будет любимым общением. Так оно и было.

Когда получились снимки с помещения Общества, то даже в фотографиях чувствовалась чистая атмосфера, в ней могли нарастать Культурные совершенствования. Начались мысли о кооперативах, о лекциях, об экскурсиях, а теперь возникло кооперативное издательство. Разве такая работа не есть выражение Культурных заданий? Разве такие общие труды не являются желанным подсобничеством государственного образовательного дела? Общественное сотрудничество поистине желанно каждому преуспевающему правительству. Именно к тому общему сердечному сотрудничеству устремлено правительство Латвии в лице главы государства. Газеты приносят вести о широком строительстве происходящем. Каждое Культурное учреждение принесет и свою лепту на общее благо. Будем радоваться, видя, как наши сотрудники устремлены по этим образовательным путям.

Из потустороннего мира Ф. Д. тоже порадуется, видя, как любимое им детище преуспевает, трудясь на необозримой пашне Культуры. Ненасытимы Культурные потребности. Каждый может нести свое знание и опыт в государственно-Культурную сокровищницу.

Естественно, такие приношения на пользу общую должны быть сердечны, доброжелательны. Ехидна своекорыстия, узурпаторства, нападения не может гнездиться в сердце, взыскующем лучшее будущее. Живая Этика и любовь к строительству могут двигать вперед от самых молодых лет. И не в возрасте эти молодые силы, но в бодрости духа. Кто обращал внимание на посеребренные волосы Ф. Д.? Кто мог бы назвать его старым?

Дряхлости, старости, увядания не было в огненном сердце Ф. Д. Физические условия не могли угасить его горение. Это не было спазматическим пыланием, но растущим, ровным огнем. Именно такой огонь освещает пути правды и достижений.

Уже недомогая, в начале 1934 года Ф. Д. все-таки стремился к предположенной нашей встрече в Париже. На пути из Индии нас настигли три скорбные вести. Ушли три друга-доброжелателя.

Отошел О.Георгий Спасский, погиб Король Альберт и покинул земной мир доктор Феликс Лукин. Не верилось. Нужно радоваться о переходах в мир лучший, но сердце по-земному трепещет, когда покидают здешний мир прекрасные люди. Сердце знает, сколько они еще могли совершить здесь и приложить свой опыт в ближайшем сроке.

Мало деятелей Культуры. Во всех областях жизни эти добрые силы на счету. Их нужно хранить, о них надо радоваться, ими можно укрепляться на трудных всходах пути.

Неужели уже три года, целых три года, более тысячи дней прошло с ухода Ф. Д.? Опять не верится. Настолько свежи и прочны его заветы в нашем Латвийском Обществе. Незримо присутствует, охраняет добрые отношения, ободряет к единению и к неустанному труду, шлет доброжелательство и радость.

Уже сменились некоторые руководители. Сантана — река жизни — не останавливается. Все живет, движется, не теряет ритма. Сейчас председатель Общества задушевный, истинный поэт Рихард Рудзитис свято хранит заветы Ф. Д. Знаменательно, что секретарь Общества — сын Ф. Д., тоже врач, Гаральд Лукин является прямым и пламенным продолжателем трудов Ф. Д. и на медицинском поприще и в общественной деятельности. И все члены Правления как лучшие друзья Ф. Д. берегут его память и вдохновляются его трудами. Значит, живет в Обществе добро и Культура. Понимают содружники, что они сошлись для служения человечеству. Как сказала Елена Ивановна в письмах своих:

"Латвийское Общество под руководством незабываемого Ф. Д. так радовало нас, в нем чувствовались организованность и самодеятельность, и сотрудничество, согретое сердцем. Сотрудничество при самодеятельности, лежащее в основании каждого истинного достижения, в наше время является редким исключением. Тем более мы ценим достигнутое Ф. Д.

Утрата Ф. Д. очень тяжка, ведь для нас он был братом по духу, был радостью сердца. Мы знали, что там, где он, все будет хорошо. Дух его был так предан Великому Служению и так чист во всех побуждениях. Общество было его любимым детищем, и все письма его были полны забот и радости о своих учениках и сотрудниках. Сейчас на всех ближайших сотрудниках и помощниках лежит обязанность не только продолжать, но и развивать начатое им великое дело. В переживаемое нами грозное время приблизившиеся к Великому Служению должны приложить все усилия, чтобы еще теснее сплотиться вокруг зажженного им светильника. Пусть он вырастет в мощный маяк всех ищущих и страждущих духом. Это будет лучшим почитанием памяти светлого духа Феликса Денисовича. Пошлем ему наши самые

светлые мысли и выразим их в действиях прекрасных. Пусть будет ему светло и радостно! Верю, что ближайшие сотрудники найдут в себе все мужество, все горение духа и сердца, чтобы провести через все трудности и прочно утвердить начатое светлое строительство на благо человечества" (5-4-34).

Итак, памятный день Ф. Д. обращается в день привета и радости. Да будет светло!

На трудных перевалах прочно стоят менгиры. Если вьюга занесет все тропы — эти высокие знаки напомнят путникам, где их путь добрый и верный. Да будет светло!

1 Декабря 1936 г.

Публикуется впервые

Софийский Собор

"Во время работ по реставрации Софийского Собора на северной лестнице открыты две большие композиции. Первая, у стен собора, изображает три женские фигуры. В центре — жена князя Ярослава — Ирина, около нее — служанки. Они выходят из дворца. Вторая композиция представляет сидящего в кресле князя Ярослава, возле которого стоят два воина со щитами. У первого воина на щите изображена птица — геральдический знак, у второго — рисунок неразборчив и представляет по-видимому голову князя Ярослава. На северной стене раскрыта композиция "Сошествие во ад". ("Известия", 21 ноября).

Отличное сведение. Вспоминаю, как тридцать лет тому назад я писал в Москву Тароватому о скрытых сокровищах Киева и о возможных открытиях в Софийском Соборе. Предполагали мы тогда Всероссийскую подписку на реставрацию этого замечательнейшего памятника. Итак, оправдались предположения.

Затем в лекции о радостях русского искусства говорилось: "Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего". Когда идешь по равнинам за окраинами Рима до Остии, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная десятимиллионная столица цезарей. Даже когда идешь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумом ганзейского города. Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью; скудные обрывки церковных декораций Киева лишь знаем; обрывки стенописи в новгородской Софии; величественный, одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове! Все эти огромные, большеокие облики с мудрыми лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времен Ярослава.

В Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки какихто палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думали, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической Комиссии имелись доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазийского характера работа. Еще раз

подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, прочно связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какойнибудь специальный прием. Думаю, палата Рогеров в Палермо дает представление о палатах Киева.

Скандинавская стальная Культура, унизанная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие храмов; чудеса металлических изделий; обилие тканей; лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужи Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходуется только на блеск подвигов.

Предлагаю на былинные описания посмотреть по существу. Перед нами детали, верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой Культуры, и народ не дичится ее. Эта Культура близка сердцу народа; народ горделиво о ней высказывается.

Заповедные довы княжеские, веселые скоморошьи забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

"Заложи Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь святыя Софьи, митрополью и посем церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещение, посем святого Георгия монастырь и святыя Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая с часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напающи вселенную, се суть исходща мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украси ю златом и сребром и сосуды церковными. Радовавшиеся Ярослав, видя множество церквей".

Вот первое яркое известие летописи о созидательстве, об искусстве.

Великий Владимир сдвигал массы. Ярослав сложил их и возрадовался о Красоте. Этот момент для старого искусства

памятен. Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром Культуры и искусства? Ведь Киев создался будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега — мужа бывалого и много знавшего. Киев еще раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: "и многи варяги скуписта и начаста владети Польскою землею". При этом все данные не против культурности Аскольда и Дира. До Аскольда Киев уже платил дань хозарам, и основание города отодвигается и к легендарным Кию, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве был Апостол Андрей. Зачем прибыл в далекие леса Проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI–XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточения культа должен был существовать большой центр. Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Бывшая приблизительность суждений не может огорчать или пугать искателей; в ней — залог скрытых блестящих горизонтов. Молодежь, помни о прекрасных наследиях минувшего!

Даже в самых, казалось бы, известных местах захоронены невскрытые находки. Вспоминаю наше исследование Новгородского Кремля в 1910 году. До раскопок все старались уверить меня, что Новгородский Кремль давно исследован. Но не найдя никакой литературы о розысках жилых слоев Кремля, мы все же настояли на новых изысканиях. Часть Кремля оказалась под огородами, и таким порядком, ничего не нарушая, можно было пройти за глубину до 21-го аршина — до первого Скандинавского поселения, с характерными для IX-X веков находками. В последовательных слоях обнаружилось семь городских напластований, большею частью давших остовы сгоревших построек. Поучительно было наблюдать, как от X века и до XVIII можно было установить летописные и исторические потрясения Новгородского Кремля. Разве не замечательно было знать, что даже такое центральное место оказалось не

исследованным! Конечно, мы могли произвести этот исторический разрез одной широкой траншеей, но можно себе представить, сколько прекраснейших находок осталось во всех прочих соседних областях.

Вспомню это не в осуждение, но как завет молодежи о том, насколько мало еще сравнительно недавно знали родную старину; значит, какие блестящие вскрытия предстоят каждому наблюдательному искателю.

Сколько истинных кладов заложено на Руси! Сколько замечательных путников прошло по нашим равнинам и какое великое будущее суждено! Пусть молодежь соединится всей силой тела и духа и для великолепных истинных достижений!

Много где проявлялась расточительность. Застрелили Пушкина и Лермонтова. Изгоняли из Академии Наук Ломоносова и Менделеева. Пытались продать с торгов Ростовский Кремль. Длинен синодик всяких расточительств, от давних времен и до сегодня. Довольно. Бережно и любовно должна быть охранена Культура.

Реставрация Софийского Собора, все недавние исследования и раскопки, все снятые покровы веков вскроют новую русскую красоту и величие.

17 Декабря 1936 г. Гималаи

Публикуется впервые

Выдумки

/Из письма/

…Спасибо за вести о редакционных суждениях. Прямо удивительно, что люди, казалось бы, серьезные подражают своими необоснованными пересудами самым отчаянным мракобесам. Хотя бы голословные суждения о каких-то моих миллионах — Вы же знаете, что таковых никогда и не было, и никогда я лично к ним не стремился. Пусть бы эти вещатели заглянули в мой текущий счет. Думаю, у них он больше. Что касается сказок сибирских, то странно почувствовать полное совпадение этих выдумок с произмышлениями пресловутого харбинского мракобеса В.И[28]. В таком случае не мешало бы уже позаимствовать из книг того же мракобеса, что я будто бы выдаю себя за перевоплощение Преп. Сергия, состою главою мирового Коминтерна и Фининтерна и тому подобные неправдоподобности. Прямо удивительно, что люди, считающие себя интеллигентными, способны цитировать всякую некультурную чепуху.

По этому поводу вспоминается мне, как в 1920 году в Лондоне некий чиновник Мин [истерства] Ин [остранных] Дел уверял, что я не Рерих, ибо Рерих в 1918-м году похоронен в Сибири, и он присутствовал на моих похоронах. Затем ровно через десять лет, в 1930 г., в Лондоне же ко мне явился проф. Коренчевский и после всяких замысловатых вступлений сказал: "Есть у меня один вопрос, на который Вы мне, наверно, не ответите". Когда же я заинтересовался таким оборотом и сказал, что готов ему ответить, он таинственным голосом провещал: "Ведь вы не Рерих, а Адашев". Когда же я настаивал на том, что я есмь я, он с хитрым видом закончил: "Я так и думал, что вы мне не скажете истину". Вот, с какою кромешною тьмою приходится встречаться. Даже не знаешь, где границы этого Гранд-Гиньоля! Тогда у нас осталось впечатление, что Коренчевский умалишенный, но, очевидно, таких безумцев на свете довольно много, ибо они вся. чески продолжают свое своеобразное рекламирование.

В том же Лондоне проживают некая В. и архитектор Б., которые разновременно рассказывали, что мы взяли в плен Далай-Ламу со всеми его сокровищами. Самого-то Далай-Ламу мы в конце концов отпустили, но все несметные его сокровища оставили при себе. Взрослые пожилые люди не гнушаются и

такими россказнями. В некой газете я сам читал, что, встречаясь с людьми мне понравившимися, я пригоршнями вынимаю из кармана бриллианты и рубины и одариваю ими их. Известный Вам барон М. в Лондоне спрашивал доверительно Ш.: "Ведь от одного взгляда Рериха волосы седеют! Вот Вам и товарищ председателя Думы. Поистине, мы живем еще в каком-то мрачном средневековье.

В то же время, если Вы спросите всех этих вещателей, видели ли они мои картины, они сознаются, что не видали. Если спросите их, читали ли они мои книги, они должны будут сознаться, что не читали. Сознавшись в этом игноранстве, они все же будут считать возможным повторить и измышлять какие-то нелепейшие сказки. Вот в редакции говорят о каком-то рекламировании. Спрашивается, разве я сам повинен во всяком таком рекламировании о седеющих волосах. Вот, например, в Харбине некая "интеллигентная особа" видела меня ходящим по воде на реке Сунгари — в чем она и клялась. Что же, и такое рекламирование я сам устраиваю? Неужели считается рекламированием, что я пишу книги и картины или в течение десятков лет работаю по археологии и забочусь о сохранении культурных ценностей. Право, смеху подобно.

Мои статьи "Лихочасье" и "Болезнь клеветы" достаточно отвечают на всякие мракобесные вылазки. Вот в Америке Х.[29] украл наши шеры — пожалуй, и это рекламирование. Письмо это останется как бы историческим документом того, что люди не стесняются говорить о том, чего они вообще не знают. Даже профессора беззастенчиво произносят суждение о предметах, им незнакомых. Они говорят об осторожности, но неужели из осторожности они произносят всякие необоснованные наветы? Плох такой "научный" метод. Чую все Ваши звучные доводы и ответы всем этим игнорантам. Особенно сейчас, в дни сдвигов, пусть люди будут осмотрительнее и позаботятся о достоверности…

Публикуется впервые

Оттуда

Есть особый вид людей, называющих себя скептиками и требующих "вещественных доказательств". При этом на каждое доказательство они найдут свое опровержение. Если явится свидетель, они скажут, ему просто показалось. Если окажется множество свидетелей, то, наверное, будет объявлено что произошел массовый психоз. Если они увидят отпечатки чего-то на материальной фильме, то наверное, будут подозревать какие-то хитроумные подделки. При этом они упустят из вида, что человек, слишком много подозревающий других, не носит ли в себе самом эмбрионы того самого, в чем он готов обвинить и прочих.

Среди всяких показаний все-таки наиболее поражающими Для скептиков будут знаки, оказавшиеся на вещественных предметах. Если на фильме проявляется нечто, не бывшее перед аппаратом в момент съемки, то даже присяжный сомневатель (если такое слово существует) будет все же поколеблен в своем заскорузлом скепсисе, иначе говоря, в своем неведении. Сколько раз каждому приходилось встречать людей, которые торжественно объявляли, что если им будут предъявлены доказательства, они всенародно объявят о том, в чем убедились. Но когда эти ожидавшиеся ими доказательства оказывались налицо, то никто из них не только всенародно ни о чем не объявлял, но преспокойно продолжал пребывать в прежней тоге скептического самодовольства. Не сказать ли примеры?

Оставим пока личные наблюдения, временно пренебрежем множеством свидетелей и вспомним лишь несколько эпизодов фотографических. Большая литература накопляется по вопросам фотографирования образов "оттуда". В книге Коутса можно найти целый ряд снимков, в подделке которых трудно сомневаться. Так же точно нельзя заподозривать подделку тех случайных снимков, которые считались самими съемщиками просто испорченными фильмами. Вспоминаю, как однажды в Индии сняли фотографию одного умершего лица, и на снимке, кроме тела, оказался целый ряд фигур, в которых близкие умершего вполне признали ранее умерших его родственников. Также нам приходилось видеть простые паспортные фотографии, на которых в самых необычных местах проявлялись непрошеные лица. фотографы горевали об испорченных фильмах. А ведь такая "порча" могла происходить гораздо чаще, нежели можно предполагать.

Совсем недавно был сообщен следующий "загадочный" эпизод во время фильмовой съемки:

"Удивительную историю, случившуюся во время киносъемки в одном из ателье Холливуда, рассказывает знаменитый американский киноартист Уорнер Бакстер. При съемке очередной фильмы ему по ходу действия пришлось изображать мужа, оплакивающего смерть своей жены. Артист был в ударе, и режиссер заметил, что он никогда еще в жизни не проводил свою роль с такой правдивостью.

Вечером снятая фильма демонстрировалась в зрительном зале в студии в присутствии режиссера. Через несколько минут он бросился к телефону и позвонил Бакстеру.

— Приезжайте немедленно, _- заявил он дрожащим голосом. — Случилось что-то совершенно невероятное.

Бакстер в автомобиле помчался в студию. Режиссер провел его в зрительную залу и приказал кинооператору продемонстрировать снятую утром фильму. То, что увидел на экране Бакстер, потрясло также и его. Он увидел себя в позе отчаяния, сидящим в кресле. Вдруг за его спиной появились еле заметные очертания женской фигуры. Ни Бакстер, ни режиссер не находили объяснения для этого удивительного явления. Возможность незаметного появления постороннего лица перед объективом аппарата во время съемки совершенно исключалась. Также не могло быть и речи о техническом трюке. Кинооператор клятвенно утверждал, что он снимал на совершенно чистую фильмовую пленку.

На другой день была повторена съемка той же сцены, причем приняты были все меры предосторожности. Когда приступили к демонстрации этой второй фильмы, пораженные зрители снова увидели за спиной артиста загадочное привидение.

По словам Уорнера Бакстера, до сегодняшнего дня так и не удалось разгадать это удивительное явление. Одни из фильмовых артистов, верующие в оккультные науки, утверждают, что в данном случае имело место явление какого-нибудь духа. Другие утверждают, что мысли артиста, достигнув высшей степени напряжения, приняли материальный образ. То, что загадочное явление повторилось дважды во время двух съемок, исключает всякую возможность обмана или трюка". ("Сегодня" 8 января 1937 г.).

Пока оставим в стороне приведенные в конце рассуждения о том, как именно объяснять появление нежданной фигуры на снимке. На эти темы можно дискуссировать очень много, и для скептиков такие предположения будут неубедительны. Но само появление фигуры на фильме, показанное многим, эту съемку видавшим, остается неопровержимым. Особенно характерно, что эпизод повторился дважды. Совершенно невозможно делать

предположение и выводы о том, какие именно привходящие условия могли способствовать такому проявлению. Очевидно, существуют такие сложные для человеческого мышления условия, которые пока еще не поддаются формулировке.

Нам приходилось слышать о том, в каких неожиданных условиях происходили самые замечательные снимки. А в то же время, когда, по человеческому разумению, устраивались будто бы "самые лучшие" условия, то результаты не получались. Особенно останавливает внимание именно неожиданность удачных проявлений. В этой нежданности исчезает всякий намек на подделку. Да и какие же подделки могут быть в тех случаях, когда люди не только не радуются манифестации, но, наоборот, считают ее просто порчею фильм.

Нам рассказывали, как один наш друг с трудом отнял у фотографа так называемую неудачную свою фотографию, на которой в разных положениях вышли непрошеные незнакомые лица. Фотограф весьма извинялся за такую странно испорченную фильму и даже не хотел отдать такой неудачный, по его мнению, негатив. При этом характерно то, что само помещение фотографа было совершенно обычным, в котором ежедневно происходили многочисленные съемки. А сам наш друг находился в самом обычном житейском настроении, будучи совершенно далек от мысли о чем-то необычайном. Много раз нам приходилось слышать, что неожиданные проявления получались именно не тогда, когда их человеческим рассудком ожидали, но в самых нежданных обстоятельствах. Нам приходилось видеть обстановку комнат, где происходили замечательные снимки, и можно было поражаться, что в этой нажитой атмосфере могло происходить нечто необычное. Очевидно, существуют особо тонкие условия, неуловимые пока человеческим мышлением.

Также нередко люди своими преждевременными выводами сами же нарушают возможности значительных явлений. Грубейшие рассуждения при тончайших проявлениях лишь вредят. Прежде всяких самовольных выводов следует непредубежденно собирать факты. Пусть при этом назовут вас материалистами — неважно, как будут определять ваши методы. Но прежде всего важно проявить во всех отношениях беспристрастие. Фильма — материальный предмет. Никто не заподозрит фильму и фотографический аппарат в чем-то "сверхъестественном". Но если эти материальные предметы отметят нечто тончайшее, то все равно, каким путем и каким методом, лишь бы новые факты проникали в человеческое сознание. Все расширяющее и дающее новые возможности должно быть принимаемо с признательностью.

Если замечательный факт произойдет не в особо устроенной лаборатории, но среди самой житейской обстановки, то ведь это нисколько не умалит его истинного значения. Можно вспомнить, сколько полезнейших открытий было сделано не специалистами этой области, но иногда как бы случайными работниками. Из области металлургии нам приходилось слышать, как специалисты обращали внимание на особые приемы, употребляемые некоторыми опытными рабочими. Именно эти "случайные" приемы потом оказывались особенно полезными в руках специалистов, оформивших их в целое значительное усовершенствование. Среди специалистов также существует два лагеря. Одни, даже будучи серьезными учеными, самомнительно пройдут мимо интереснейших фактов, если они не облечены в научное одеяние. Другие же и среди самой ординарной обстановки сумеют усмотреть и оформить самые замечательные усовершенствования. Ведь известно, что обследована лишь самая незначительная часть мозговой деятельности. Недаром нередко обращалось внимание, что человеческие взаимоотношения менее всего изучены. Называйте эти области психологией или, по обстоятельствам, рефлексологией; давайте им любые названия, которые могут помочь вашим опытам, но уберегите ценнейшие области от легкомысленного поругания.

Показательно, что такие книги, как "Неизвестный человек" Алексея Каррeля, выдержали десятки изданий и считаются наиболее распространенными на международном рынке. Человек все-таки стремится к познанию. Кроме эпидемии танцев и нововыдуманных игр, люди международно стремятся к просвещению. Доброжелательная наблюдательность будет первым орудием продвижения.

20 Февраля 1937 г.

Н. К. Рерих. "Обитель Света". М., МЦР, 1992

Привет вам, дорогие друзья!

(К 24 Марта 1937 года)

Большая радость в том, что мы все в самых разных странах будем поминать этот незабвенный день. Мы соберемся почти в то же самое время; будем в сердце нашем знать, что друзья наши, тем же путем идущие, в этот же час собрались в полном содружестве. Все Вы уже полюбили это слово — содружество. Оно напоминает Вам не только о дружбе, но и о единении. Драгоценно, когда можно собраться во имя этих двух понятий, рождающих и любовь и мощь. Все Вы уже твердо знаете, что единение не может быть притворным и лукавым. Всякая ложь в единении будет разрушительна. Но светло и непобедимо единение, в котором нет ничего ложного, в котором открыто сердце. Только в таком сердечном порыве мы поймем, что есть общий труд.

Когда Вы собирались в содружества, Вы отлично знали, что не для безделия, не для пустословия вы сходились, но для труда. Вам всем в осознании великого понятия труда навсегда ясно, что трудовой источник не может быть исчерпан. В Беспредельности живет труд. Именно творческим трудом объединены миры. И велика радость, что можно в труде приносить свою лепту мировому преуспеянию. Не в гордыне, не в высокомерии произносим мы это слово о посильной лепте. В ней же, в этой завещанной издавна лепте живет и Красота.

В содружествах Ваших Вы несете священный бессменный дозор о Красоте. Для Вас Красота не есть просто красивость прибаутки, но есть основа жизни. Без Красоты не может быть и живых устоев всего бытия. Живая Этика может быть живой лишь для того, в ком и слово о прекрасном всегда живет. Сперва в словах, а затем в немолчном биении сердца живет прекрасная правда. Не нужны внешние слова там, где самое глубокое чувство сливается с биением сердца. Без сердца, без красоты и самый труд превратится в подъяремную работу. В этих двух словах скрыт намек о насилии. Но в творческом труде выражено постоянное делание, и умное, и сердечное.

В беседах Ваших Вы воздали значение мысли. Вы навсегда оценили, что сила мысли является тою незримою мощью, которая соединит Вас с самим Превышним. Когда Вы сходитесь, то, как в Великом Служении, Вы несете в себе молитву прекрасную Тому, к Кому стремится сущность Вашего сердца. Многие из Вас не

однажды получали Великую Высокую Помощь. Вы записываете эти минуты, когда лучшее Ваше чувство получало общение с Тем, от Кого Вы имели силу, ободрение, и Ваше единственное достояние — крепость Вашего духа.

Никто не понуждает Вас сходиться в Вашем содружестве. Но Вам уже ценно знать, что каждый из Вас имеет место у общего очага, куда он принесет свои лучшие помыслы. У каждого своя радость и свое горе. И в том и в другом человеку тяжко быть в одиночестве. Неправильно в минуты напряжения стремиться к рассеянию. Наоборот, в часы напряжения человеку хочется быть с теми, в ком он уже уверен. Претерпев от всяких обманов, человеку нужно сойтись к какой-то твердыне, в которой он был бы уверен ясно и непоколебимо, что он будет понят, обережен и труд его будет оценен.

В памятные дни будем сходиться. Пусть каждый принесет с собою самые возвышенные мысли; ведь то, во имя чего мы сошлись, может быть окружено лишь самым возвышенным, на что только способен дух человеческий. В мире много и ужаса и смятения. Но в каждом собеседовании Вашем Вы объедините Вашу мыслительную мощь во благо. Вы станете крепко, станете вместе, зная, что объединенная мощь умножается безмерно. В собрании Вашем не будет никакой условности, суеверия и лукавости.

Наоборот, в отличие от многих других собраний, Вы сойдетесь в чистоте сердца, в улыбке радости. Наверное, каждый из Вас принесет какое-то задушевное слово. Может быть, вспомнит о чем-то наиболее глубоком в его существовании, Осенится воспоминанием о самом прекрасном, и Ваша беседа будет новым звеном, взаимно укрепляющим Вас на путях в великой Беспредельности. Мир Вам! Привет Вам!

[1937 г.]

Публикуется впервые

Чаша неотпитая

"Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая еще милее и дороже. И отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает ее не только потому, что она своя, но потому, что она и красива, и превосходна, и, поистине, полна скрытых значений.

Велика красота русская, у нас бесконечно много того, что еще недавно считалось неценным. Чего не видно из окон вагона, когда бывало ездили "куда следует". Чего мы не хотели знать. Как вообще не хотели знать свою собственную землю.

Когда после простудной напасти меня стали в Крым отправлять, вопреки всему потянуло меня опять в любимый Новугородский край. Коли пройдет, то и здесь пройдет.

За пределами оконного кругозора сколько изумительных красот и в Псковской области и в Новгородской земле. Так близких и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Но теперь как-то ненужно мыслить о былом. Теперь — настоящее, которое — для будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит, все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ тверд, без смятения. Новугородцы бодры.

Бодры так же, как. бодры озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как остры голубые глаза рыбаков озерных.

Степенны и суровы так же, как непроходны леса, которыми край еще полон. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новугородских пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменистые. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинуты. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, черные с желтым… Любой выбирай. Все нетронуто. Ждет.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками-храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюжевскому пути. Мета и Шелонь, Шерегодро, Пирос, Шлино,

Бронница и Валдай, Иверский монастырь, Нил Столбенский. Возвышенности Валдайские. Все это красота. Красота бодрая.

Жальники — к Новгороду. Дивинцы — к Твери, эти места называются. Дивинец — диво — город, с восхищением. Но того милее — Жальник. В нем много жаленья, покоя, слов вечных.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив еще "честной лес". По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время еще. А вот чудо.

Среди зеленого, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина, неотпитая чаша. Яма — сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом, и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Еще известны ключи в Варницах. Там и грязи такие же, как в Старой Руссе. Варницы — старое место, при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же слышал я и о каких-то теплых ключах.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И страшно, и больно, но и приятно знать, что в четырех верстах от большого пути еще лежат такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдет испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша — полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила. Русь верит и ждет".

А давно ли писано? Да вот четверть века прибежит. А стоят ли Новугородские дивинцы да жальники? Превосходно высятся.

А ходит ли на поиск Новугородская вольница, ушкуйники неуемные? Не то, что по Обонежской Пятине, да по Бежецкому Концу, а за пуп земли, за полуночные страны перелетели в поиске мирном.

А копают ли золото и самоцветы на Керженце, на Урале? Какое там Урал, а за самый Алдан забрались.

А ходят ли гусляры, сказители? Уже и по Смоленщине да по Киевщине, а и во Франкскую землю с песнями приехали.

Вася Буслаев уцелел ли? Не то что жив, но и на камнях начертания вычитал.

Дивинцы Новугородские! Чудо чудное! Диво дивное! Чаша неотпитая! Опять написан — Микула Селянинович. Великий пахарь вырывает красоту всенародную. Открылись исстари захороненные стенописи Софийского Собора в Киеве. В чудесном

живописном обрамлении Палеховского мастера издано в Москве "Слово о Полку Игореве". Закреплены в заботливом изложении мастера Суриков, Репин, Юон, Петров-Водкин… Помянуты всенародно Пушкин, Ломоносов, Горький, Менделеев, Павлов и другие герои. По Бородинскому полю веяли знамена. Голенищев-Кутузов, Суворов встали в памяти…

Отовсюду пишут: строится Академия Наук, возводится величественный Институт познания человека — экспериментальной медицины.

Народ хочет знать, молодежь всей земли хочет учиться. Не сказка, но явь. Кто же восстанет против знания! В "Литературной газете" N 56 говорится: "Надо воскресить и воспеть дела Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы. Надо заново перечитать всю историю, не доверяясь материалам 19-го века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологию, историографию.

Надо преодолевать традицию Карамзина, давление школы Покровского. Надо проделать заново огромнейшую работу. Надо двинуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Куликово поле, к Бородину, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Черное море, на Кавказ. Надо исходить по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собрать малейшие следы, внимательно работать с этнографами, в музеях, записывать песни, сказания".

На эти правильные слова мы отвечали еще в 1898–1903 гг. в статьях "О Старине Моления", "На Кургане", "По Старине", "По Пути из Варяг в Греки", "Радость Искусству"[30] и в других зовах и молениях о познании русских всенародных сокровищ. "Всенародное" — так мы пытались обратить внимание народа на истинные пути познания, на которых куется народная крепость и непобедимость.

В прошлом году мы утверждали: "Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим, о Родине, о ее счастье, о ее преуспеянии всенародном.

Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях".

Не устанем твердить об обороне всех сокровищ всенародных.

Пусть в обновленной кузнице мужественно куется меч

обороны и плуг труда! Привет!

25 Октября 1937 г.

Гималаи

"Октябрь". 1958, № 10

Латвия

Если припомнить все вехи личных общений с Латвией, то их окажется очень много. Более полувека тому назад припоминаются Майоренгоф, Кеммеры, Туккум — все Рижское побережье, куда мы ездили летом. Одним из самых ярких впечатлений было собирание янтарей. Оно соответствовало поискам в курганах, которые сызмальства привлекли внимание. Может быть, в поисках янтаря заключалось какое-то смутное предвидение будущих курганных находок, доказывавших существование далеких общений уже в неолите. В те же далекие дни услышались впервые сказания о народных героях Латвии, о зыбучих песках Куришгафа, о развалинах замков, хранивших увлекательные предания.

Затем в 1893-97 годах в Академии Художеств произошла встреча с двумя замечательными латышами — превосходными художниками — Пурвитом и Яном Розенталем. Оба они, совершенно разные в характере своего творчества, являли общий тип, так присущий Латвии. Самоуглубленность, серьезность в жизненных проявлениях, работоспособность и доброе товарищество всегда вспоминаются. Рано ушел от нас Розенталь, а ведь он, наверное, создал бы немало сильных обликов. Но Пурвит со своим тончайшим пониманием природы оставил в искусстве Латвии и в искусстве европейском свое неповторенное место. Оба они являлись как бы живым введением в понимание Латвии. Затем мы высоко ценили и археологов — историков Латвии. С покойным Спицыным мы не раз упоминали их, обращая глубокое внимание на значение латвийской археологии.

В 1902 году в Бежецком Конце Новугородской Пятины мною были вскрыты курганы с очень необыкновенным содержанием. Среди каменных неолитических орудий было найдено несколько сот янтарных украшений. Многие из них были в обломках, но их удалось в значительной степени склеить и восстановить. Они были на выставке в Археологической Комиссии. Древность находки приблизительно была определена в 2000 лет до нашей эры. Археологическое Общество Кенигсберга весьма заинтересовалось этими явными сношениями с Прибалтикой и считало найденные янтарные поделки происходящими из окрестностей именно Кенигсберга. Но тогда же в докладе моем в Археологическом Обществе я указывал, что ни к чему обращаться за аналогиями так далеко, когда они могут найтись ближе, а именно на Рижском побережье. Вспомнились наши ранние поиски янтарей, и было ясно, что такие дары моря естественно издавна

обращали на себя внимание и, вероятно, очень ценились. Во всяком случае, такое соединение неолитических орудий с хорошо обработанными янтарными изделиями считалось весьма важною находкою.

Затем в 1903 году мы с Еленой Ивановной объехали более сорока городов и исторических мест, среди которых наша поездка по Латвии навсегда осталась памятной. Кроме самой Риги, Митавы и Виндавы, мы подробно осмотрели Ливонскую Швейцарию — Венден, Зегевольд — все эти удивительно живописно романтические памятники прошлого, которые теперь носят такие многозначительные имена, как Сигулда, Кримульда, Елгава. Сколько замечательных исторических и поэтических преданий! Сколько прекрасных образцов и неолита и бронзового века нам удалось собрать! Сколько раз, останавливаясь в поместьях, мы слушали интереснейшие повествования о древних делах. И сама Рига с древними зданиями ввела нас в свое славное прошлое. Было написано несколько картин и этюдов, которые сейчас разбрелись по Калифорнии и Канаде. Тоже где-то рассказывают они о Риге, о Митаве, о Зегевольде и как посланники добрые напоминают о красотах Латвии.

Сергей Эрнст в своей книге жалел о том, что именно эти картины разошлись по миру так далеко. Но нужно ли жалеть об этом? Нам ли судить, где и когда нужны вестники добрые?

В 1910 году опять пришлось побывать в Риге. В то время мы также интересовались старинными картинами. Это посещение дало нам ознакомление и с этой стороной старого быта. Много чудесных образцов и в старинных картинах, и в мебели, и в вещах прочего обихода удалось наблюдать. Осталась неизданною рукопись об этом посещении Латвии.

Среди бывших учеников Школы Общества Поощрения Художеств остаются в памяти имена Пранде и многих других, которые теперь уже сделались выдающимися деятелями искусства и художественного образования. Вспоминаем и почтенного Витоля, имя которого связано с именами лучших композиторов. Помним его на известных Беляевских концертах.

Прошло десять лет. Опять судьба свела нас с лучшими Латвийскими друзьями. В Лондоне мы встречаем В. А., с тех пор нашего сотрудника. Через него подошел и незабвенный др Ф. Д. Лукин. За ним выявилась целая плеяда сердечнейших латвийский сотрудников. Образовалось общество, так преданное Культурным задачам. Радостно было видеть, что вместо несовершенного шовинизма Латвия проявляла широкое понимание и глубокую оценку мировых явлений. Конечно, так и должно было быть. Язык страны, в котором сохранилось так много санскритских корней,

уже одним этим счастливым напоминанием выводил народ к широким пониманиям. Такое блестящее наследие не может проходить бесследно. В нем нужно искать и причины богатства латвийской поэзии, песен, костюмов, преданий — фольклора. Народ, владеющий такими неотъемлемыми сокровищами, знающий такое свое прошлое, будет бодро работать и для будущего.

Прошло время, когда люди могли легкомысленно отбрасывать свою старину, когда могли вандальски разрушать незаменимые памятники. Вы скажете мне на это, что увы, и сейчас во многих местах мира происходят непозволительные разрушения. Правда, прискорбная правда! Но зато в лучших слоях человечества нарастает и сознание о необходимости неотложно оберечь памятники культуры. При этом понимается, что сбережение это не может быть заключаемо в границах одной страны, но должно быть понимаемо в мировом масштабе. Наш Пакт о мировом охранении Культурных сокровищ со Знаменем Мира, которое должно быть охранителем всех народных ценностей, уже во многих странах приобрел признание, а в других благожелательно обсуждается. Не будем огорчаться, что подобные обсуждения требуют значительного времени. Ведь и Красный Крест, при всем своем ясном общечеловеческом задании, был введен лишь после семнадцати лет упорнейших усилий.

Охранение Культурных ценностей в связи с Латвией особенно четко встало предо мною, когда сейчас мы прочли в последних газетах задушевные речи на выставке латвийской старины.

Прекрасные слова, а сама выставка в своей действительности показывает, что это были не только слова, но претворение культурной идеи в дело. Среди присутствовавших я увидел имя проф. Баллодиса, Председателя Управления по Охране Памятников Старины, и оно напомнило мне наши давние беседы о нем с А. А. Спицыным. Так завершаются круги жизни. Хорошо, если эти встречи являются в доброжелательном аспекте. Настолько сложны сейчас течения человечества, что каждая возможность встречи сердечной уже оказывается настоящим камнем созидания.

Этим сказана не завершающая страница школьного учебника, но открыта светлая работа, не знающая границ и преград.

"Не знающий прошлого не может мыслить о будущем". Но ведь это прошлое нуждается не только в просвещенном понимании, оно требует сердечного охранения. Не может быть властей народного просвещения, которые сказали бы, что не желают охранять старину своего народа. А в данном случае еще народа, даже в корнях языка своего соединенного со светлыми

началами Арияварты. Каждая выставка народных сокровищ не есть только археология, в том узком смысле, как иногда она понимается. Ведь такая выставка есть шаг народной Культуры. Каждая раскопка, каждое восстановление древности не есть лишь обращение к прошлому, но всегда будет признаком расширения народного сознания.

Как радостно слышать, что Латвия так устремлена к охранению народных сокровищ, иначе говоря, к расширению народного сознания. На этих светлых общих путях особенно приятно послать привет и сердечное слово.

Вдохновенный поэт Латвии Рихард Рудзитис в своей последней книге "Сознание красоты спасет" прекрасно говорит о красоте:

"Сознание красоты воистину спасет человечество. Спасет через утончение, одухотворение и преображение форм. Спасет через расширение и озарение сознания. Спасет через очищение сердца — источника водопадов благодати. Спасет через неугасимый свет сотрудничества, единения и любви". Так может мыслить народ, слагающий светлое будущее.

1937 г.

Полностью очерк публикуется впервые (Первая половина очерка опубликована в сб. "Зажигайте сердца")

Эстония

"Рутте, рутте" — это было первое эстонское слово, выученное нами, когда мы ехали в большой старинной карете четверкою в Гапсаль. Это поездка запомнилась. Ведь она была первым выездом из нашего поместья "Извара", а в пятилетнем возрасте все впечатления особо четко запоминаются. Мелькнули серые стены Нарвы, очень понравился старый Ревель с башнями и островерхой киркою. Было необычно ехать по песчаным дюнам и мелкому плитняку до Гапсаля. Лошади бежали медленно, и потому еще услышанное на Ревельском вокзале "рутте, рутте" весьма пригодилось. Проезжая мимо пашни, мы были удивлены, слыша какой-то стеклянно-каменистый звук. Оказалось, что почва состоит из мельчайшего плитняка, и тем удивительнее было видеть, что под трудолюбивой рукой и такая почва могла сделаться плодородной.

В Гапсале привлекли внимание развалины старого замка. Особенно же присмотрелись мы к ним, когда услышали легенду о белой даме, появляющейся в готическом полуразрушенном окне. Скептики уверяли, что при известном положении луны получались очертания фигуры, но хотелось верить, что это не отсвет лунный, а сама белая дама, появляющаяся перед чем-то особенным. Тогда же рассказывали нам и легенды древних ревельских башен и сказания о замках Лоде и Таубе — все это было необычно, и после тишины изварских лесов и озер шум морского прибоя тоже гремел какую-то увлекательную северную сагу.

Второй приезд в Гапсаль — через много лет — был уже в 1910-м году. Там же были написаны несколько картин. "За морями земли великие" — эта картина была впечатлением побережья. Северянка, навстречу дальнему ветру, мечтает о неведомых чудесных землях, о той сказочной стране, которая живет в сердце человеческом. Тогда же был написан эскиз к "Пути Великанов". Там же оформился "Варяжский Мотив", а дума о ревельских башнях послужила для картины "Старый Король". В то же время подготовлялись и эскизы для храма в Талашкине, имении княгини М. К. Тенишевой. "Царица Небесная на берегу реки жизни" была закончена именно в Гапсале.

Таким путем целый ряд впечатлений дала Эстония. Из дома Бреверн де ла Гарди была нами куплена отличная мебель петровских времен, которая долго напоминала нам эти края. Затем в Финляндии мы не раз встречали друзей из Эстонии, и потому теперь каждая весточка из Таллинна получает особо

дружеское значение. Привет "Союза Эстонских Академических Художников" меня глубоко тронул, ибо область искусства всеобъемлюща, и художники трудятся поистине на мировой ниве. Давно, давно приходилось писать, что искусство является лучшим послом человечества. Великие примеры Веласкеса, Рубенса и других прекрасных мастеров воочию показали, как могущественны были основы творчества. Симфония красок и звуков, как в мифе Орфея, всегда была лучшею победою. В статье "Переселения Искусства"[31] мне приходилось вспоминать, как на нашем веку народы начали обмениваться выставками, театром, концертами. Именно этими всенародными основами укреплялось все самое ценное. В языке искусства не нужно было прибегать к каким-то увещаниям, наоборот, в словах творчества сходило вдохновение, вырастало понятие общечеловечности.

Французы говорят: "Когда постройка идет, тогда все идет". Скажем: когда народ творит, тогда приходит и расцвет страны. Это не преувеличение. Неопровержимые классические примеры показали, откуда приходил расцвет стран, как складывалось возрождение. На целый ряд веков народ обновлялся именно цветами творчества. В Таллинне живут несколько бывших учеников Школы Поощрения Художеств. Вспоминаю их сердечно и радуюсь, когда читаю в газетах об их успехах. Правильно говорит пословица, что "дружба не ржавеет". Мне приходилось получать вести от бывших учеников из самых различных стран. При этом можно было убеждаться, что все они поминают добром школьное время. А это означает, что принципы школы были правильны. Действительно, наша Школа была поистине школой народной. Каждый способный человек мог найти в Школу свободный доступ. Мог избрать именно те предметы, которые его интересовали, и мог общаться со Школою вне всяких условных ограничений. Школу называли "Народная Академия" — так оно и было на самом деле. Когда вспоминаешь разнородный состав Школы, то можно лишь радоваться, как вся эта молодежь сосредоточенно устремлялась к изучению искусства. В Таллинне живут и два преподавателя Школы — Клара Феодоровна Цейдлер и Николай Феодорович Роот, а также живет и талантливый Анатолий Дмитриевич Кайгородов, который хотя и не был формально в нашей Мастерской Куинджи, но внутренне, конечно, был учеником Куинджи, а тем самым и нашим сотоварищем. Сколько радостных связей обнаруживается, как только подумаешь о Древних таллиннских башнях.

Слышу, что в Таллинне образовалась группа нашего Пакта по сохранению Культурных ценностей. Этот Красный Крест Культуры близок, или вернее должен быть близок, всем векам и

народам. Во взаимной охране Культурных ценностей не может быть никаких разделений, соревнований и раздражений. Пашня Культуры является общею пашнею. Каждый народ имеет свои неповторяемые драгоценности. Уважая личность человека, тем самым уважаем и плоды его гения. Не забудем, что и Красный Крест долгое время не был признаваем и даже подвергался невежественному глумлению. И сейчас найдется какой-нибудь жестоковыйный человек, который будет насмехаться, говоря, что Красный Крест не всегда и теперь уважаем. Но никто не скажет, что благородная идея Дюнана неприложима. Так же точно будет время, когда люди поймут, что и Красный Крест Культуры, иначе говоря, всенародное соглашение об охранении Культурных ценностей должно быть введено неотложно. Моральный импульс сохранения общекультурных ценностей должен быть широко возвещен и укреплен в сознании народном, начиная от первых школьных дней.

Поминая о ценностях вечных, хочется привести слова двух замечательных поэтов — Рихарда Рудзитиса, поэта Латвии, и Юрия Балтрушайтиса, поэта Литвы. Рудзитис в своей книге "Сознание красоты спасет" говорит: "Сознание красоты воистину спасет человечество. Спасет через утончение, одухотворение и преображение форм. Спасет через расширение и озарение сознания. Спасет через очищение сердца — источника водопадов благодати. Спасет через неугасимый свет сотрудничества, единения и любви, через вмещение и воплощение высших Миров Красоты".

Ю. Балтрушайтис говорит:

Есть среди грез одиноких одна
Больше всех на земле одинокая…
Есть реди стран недоступных страна,
Больше всех для стремленья далекая…
В радостный час неземной высоты
Эта греза зарницею светится —
Счастлив, кто в недрах немой темноты
С этой искрой таинственной встретится..
"В темном пути по откосам земным
Все изгладится в сердце, забудется
Только она с постоянством живым,
Будто сон упоительный, чудится.
Только она нас незримо ведет
Каменистой тропой бесконечности.
Тихо, как мать над малюткой, поет

О ликующих празднествах Вечности…

[1937 г.] Урусвати,
Гималаи
"Zeita gramata". Рига, 1938

Юон и Петров-Водкин

В далеких Гималаях получено две прекрасные книги о замечательных русских художниках Юоне и Петрове-Водкине. Обе книги изданы в Москве в 1936 году.

Видимо, художественные редакторы Г. А. Кузьмин и М. П. Сокольников потрудились, чтобы оправить творчество мастеров достойно. Удачно собраны картины и хороши цветные воспроизведения. Текст Я. В. Апушкина об Юоне[32] и А. С. Галушкиной о Петрове-Водкине[33] вдумчив и дает богатый материал. Апушкин начинает книгу о Юоне словами: "В Москве, в Третьяковской галерее, есть портрет Юона работы Сергея Малютина, помеченный 1914 годом. Это крепко и сочно, в присущей Малютину манере, сделанное полотно ценно для нас не только как самодовлеющее произведение искусства и не только как внешне точная передача изображаемого лица. Нет, ценность этого портрета значительнее и глубже, ибо он является попыткой проникновения во внутренний мир изображаемого, является опытом психологического раскрытия и объяснения человеческой личности.

Несмотря на то, что с момента написания портрета прошло более 20 лет, несмотря на то, что 17 из этих 21 опалены бурным дыханием революции, несмотря на то, что Юону сейчас уже не 39, а почти 60 лет — портрет этот сохраняет весь свой смысл и всю силу удивительно верной характеристики, данной художником художнику.

Вот, вглядитесь. На тахте, в несколько небрежной и в то же время удивительно покойной, я бы сказал, эпической позе сидит человек. На нем черный, строгий, хорошо сшитый сюртук; плечом он прислонился к стене; одной рукой, несколько вывернутой, он опирается на колено, другой — на край тахты. У человека круглая, коротко, почти по-татарски остриженная голова. Черным тщательно подбритым клином на белизне крахмального воротничка выделяется борода. Под такой же черной, так же тщательно подбритой полоской усов спокойный, с несколько утолщенными губами рот. И глаза, внимательные, пристальные глаза человека, привыкшего видеть, глаза живописца. Это — Юон.

Он спокоен, корректен, точен; он внимательно и углубленно задумчив; ни капли богемности, ни на йоту романтической "вдохновленности", никакой внешней растрепанности и никакой растрепанности чувств и мыслей. Он весь как бы собран воедино и ясен. И если нужно какое-нибудь слово, которое наиболее точно выражало бы его человеческую сущность, это слово будет —

мастер".

Галушкина кончает оценку Петрова-Водкина: "В современной действительности художник прежде всего хочет видеть ее положительные стороны, а в человеке — сильного строителя новой жизни.

В этом подъемном восприятии окружающего и положительном отношении к советской действительности и заключается основная ценность его искусства. Такие работы, как "После боя", "Матери", "Смерть комиссара", являются большим вкладом в советское искусство. Лишенные случайности и бытовой мелочности, они исполнены простоты, ясности и проникнуты героическим пафосом. Новые задачи, поставленные Петровым-Водкиным в последних работах, расширяют его искусство за рамки станковизма. Художник проявляет определенное стремление к монументальности и идет к завоеванию новых форм".

Характеристики глубоки; еще надо добавить, что оба мастера остаются художниками русскими. Разные они. Совсем не похожи друг на друга, но русскость живет в них обоих. Убедительность их творчества упрочена исконною русскостью. И в этом их преуспешность.

И Юон и Петров-Водкин прикасались к иноземному художеству. Юон всемирно мыслил в "творении мира". ПетровВодкин сам говорит, что наиболее сильное впечатление произвел на него Леонардо да Винчи; вторым мастером, поразившим его в Италии, был Джиованни Беллини: "встреча в галерее Брера с Джиованни Беллини застряла во мне навсегда". Петров-Водкин проходит и Париж и Мюнхенский Сецессион. Он любит и Пювис де Шаванна, и Гогена, и Матисса, внимательно вглядывается в разных мастеров, но в сердце остается художником русским. В этом особенно трогательная заслуга и Юона и Петрова-Водкина.

С обоими мастерами приходилось много встречаться, но никогда не сталкиваться. Помню беседы с Юоном. Константин Федорович всегда вносил спокойную убедительность. Он не раздражался в исканиях, но творил так, как по природе своей должен был выражаться. Юон всегда крепок, силен, нов. Нельзя его ограничить русской провинцией или русской природой, в нем есть русская жизнь во всей полноте. Юоновские кремли, Сергиева Лавра, монастыри и цветная добрая толпа есть жизнь русская. Сами космические размахи его композиций тоже являются отображением взлетов мысли русской. Краски, построение картин, свежая техника всегда порадуют о том, что у Юона много учеников. В его руководстве закалится молодое сердце.

Также хорошо, что и Петров-Водкин дал многих учеников. Редко можно найти такое счастливое сочетание, чтобы мастер, впитавший лучшие достижения Запада, остался исконно русским и нашел бы убедительный язык в своем руководительстве. А Кузьма Сергеевич умеет быть огненным. Петров-Водкин говорит в "Пространстве Эвклида"[34]. "Количества любого цвета, распределенные по холсту, оказались не случайными. Основные направления живописных масс давали картине динамику либо равновесие, в зависимости от темы. Я понял, что это они и производят во мне или бурю зрительного воздействия, или радость и покой равновесия".

А книга о Юоне заканчивается так:

"Он учит принципиальности и высокой требовательности к себе; учит уменью учиться, не впадая в подражательность; учит не страшиться влияний, критически их осваивать, обращать их на потребу своим художественным задачам и целям. Он учит широте кругозора, разнообразию мастерства, чуткости к великим явлениям действительности и мужества в трудном деле переоценки былых ценностей.

И еще он учит идейно-образной насыщенности реалистического искусства, четкости композиции, строгости рисунка, яркости цвета, равновесию содержания и формы — овладению всем тем, что сам Юон называет "основными элементами, непреходящими ценностями в живописи". И, наконец, он учит оптимизму, бодрому восприятию бытия как единого непрерывающегося процесса, он учит смотреть в прошлое, чтобы понять настоящее и в настоящем прозреть будущее".

Хорошо сказано. Красиво и сильно сказано, без умаления, без сентиментальности, но ярко, по существу. Выписываю эту цитату не только потому, что она хорошо характеризует мастера, но и потому, что она является выражением мысли русской — той молодой русской мысли, о которой можно порадоваться. Также можно порадоваться, видя, что творчество сильных мастеров не только почитается народом, но и запечатлевается на страницах, которые останутся в истории Культуры русской. Широко расходятся эти книги по многим странам. Русский язык недаром сделался вторым языком мира. Русский текст книг не мешает их появлению в самых далеких краях мира. Притом в книгах нет шовинизма, а это обстоятельство уже доказывает правильный рост мысли.

В тексте упоминаются имена писателей и художественных критиков: Бабенчикова, Голлербаха, Кузьмина, Дмитриева и Других, умевших дать верные оценки. Еще недавно газетные

листы обошло сведение о том, что Репинскую выставку посетили многие сотни тысяч почитателей его творчества. Такие факты сами по себе говорят о многом. Совсем недавно мы читали о новой потрясающей постановке "Анны Карениной" в Художественном театре. Все это удары резца на скрижалях.

Вспоминаю, какое движение воды в художественных кругах в свое время произвел "Красный конь" Петрова-Водкина. Сколько было споров, негодований. Даже испытанные любители не знали, какую мерку приложить к этой яркой картине. А вот сейчас она встала на заслуженное место среди прочих творений мастера. Удивительно наблюдать, как Петров-Водкин претворил свои давние итальянские впечатления в нескрываемо-русскую оправу. Посмотрите его "Мать" — никто не будет сомневаться в том, что эта картина русская. А в то же время вы чувствуете, какими этапами подошел к такой русскости мастер. Можно вполне понять, что для прошлых поколений трудно было найти меры творчества Петрова-Водкина. Вот, вот, как будто уже умудрялись заключить его в один из трафаретов, но тут же выявлялось нечто такое, чему должны были быть найдены новые слова. А между тем слова эти должны были быть простыми. Искание монументальных форм, влюбленность в рисунок и в сильный колорит настолько очевидны, что укладываются именно в простые утвердительные формулы. Художник заканчивает свое шестое десятилетие. Будем надеяться, что ему будет дана возможность приложить свое творчество именно в монументальных формах. Пусть, покуда силы его в полном расцвете, он оставит народу русскому все самое сильное, к чему стремился его творческий дух.

В характеристике Юона правильно указан его оптимизм. Такой мастер, как Юон, по природе своей, конечно, всегда будет оптимистом. Никакие сложности не смогут поколебать путь Юона. Наоборот, из всего комплекса жизни он опять найдет тот синтез оптимизма, который сделает его картины и реальными, и вдумчивыми, и улыбающимися в красках цветочного луга. Уже в седьмом десятке Юон, но каждый скажет о нем как о художнике молодом. В этом будет заключаться его необычайное качество. Он не сможет быть старым, ибо истинный оптимизм не дряхлеет.

Оба мастера почти от начала своей деятельности имели учеников. Это учительство, как у давних итальянских художников, являлось совершенно естественным выражением их художественного творчества. Ради учеников они вовсе не покидали своих ярких творческих выражений. Наоборот, общение с молодежью давало новые неисчерпаемые соки постоянному труду. И Юон и Петров-Водкин сделали очень многое. На трудных

перепутьях они укрепили и поддержали русское сознание. Они вели многих молодых по пути истинного неустанного изучения. Своим трудом они показывают, что действительно учение никогда не может кончиться, что не может быть такой школы, выйдя из дверей которой художник объявит себя законченным. Леонардо да Винчи говорил: "Истинный художник всегда будет сомневающимся". Может быть, вместо слова "сомневающийся" лучше сказать "ищущий", как единственное средство молодости и преуспеяния. И Петров-Водкин и Юон всегда останутся художниками ищущими, иначе говоря, преуспевающими.

В оптимизме, постоянном труде, в обновлении творчества оба мастера дают пример роста русской мысли и красоты.

24 Мая 1937 г. Урусвати,

Гималаи

"Октябрь", 1958. № 10

На страже мира

Главная задача — начать движение и дать направление мысли. Позднее мысль будет течь, принимая мировые размеры. Конечно, всегда неизбежны имитации, повторения, толкования, комментарии и утверждения, но все для блага. Опасен только один болезненный застой.

Друзья нашего Пакта снова могут почувствовать ободрение. Лига Наций предложила полезные меры для защиты сокровищ искусства. Лига настаивает на устройстве зданий, достаточной крепости для сопротивления с разрушительной силой бомб, а также на том, чтобы музеи должны быть освобождены от утилизации под военные надобности.

"Здания с бомбоупорными прикрытиями для портретов, а также восстановление средневековых хранилищ для статуй были рекомендованы Лигой Наций в недавно выпущенном отчете Международных Музеев. Там также предлагается, чтобы во время соглашения для защиты искусства все компетентные лица авторитетных кругов поставили бы свое национальное искусство на военное положение согласно нижеприведенных строк:

Для движимых или удобоперевозимых предметов искусства должны быть сооружены здания с надежными прикрытиями внутри музеев, которые могли бы гарантировать безопасность так же, как и меры, например, предначертанные для защиты гражданского населения от воздушных бомбардировок; оборудование музеев на случай передвижения предметов искусства под эти прикрытия при случае неизбежной опасности.

Составление необходимых инструкций для штата музеев, а также практическое изучение их для подготовки для сих деликатных операций. Приобретение необходимого материала для быстрого применения при защите против разрушительных действий бомбардировок всех предметов искусства, которые не поддаются передвижению; применение таких же защитительных мер компетентными отделами для защиты всех архитектурных памятников на случай воздушной бомбардировки, а также страхование всех хрупких частей (цветные стекла, барельефы и пр. скульптурные отделки) как внутри, так и снаружи. Приобретение соответствующего оборудования для снятия этих частей.

Шаги с общественными авторитетами должны быть предприняты насчет очистки в мирное время известных памятников, выдающихся по своей артистической или исторической ценности, зданий, заводов, аэродромов, линий

сообщений и т. д., употребляемых или могущих быть употребленными для военных целей.

И, наконец, ввиду облегчения и заключения международного соглашения, приемлемого для всех военных властей всех стран, постройка вне городских центров и в местах, которые не представляют интереса со стороны военной или стратегической точки зрения, зданий и хранилищ, куда все предметы искусства, поддающиеся передвижению, могли бы быть перевезены, когда это нужно, или назначение города или центра в каждой стране, который мог быть объявлен нейтральным для защиты предметов искусства и который служил бы последним приютом для человеческих" законов".

Таким образом, Лига Наций также настаивает на защите Прекрасного. Мы не будем вдаваться в детали этих предложений, некоторые из них исполнимы, другие менее. Но не в этом дело. Важно то, что мысль о сохранении Культурных сокровищ распространяется все шире и шире по всему свету. Много еще голгоф и горящих костров наполняют мир страхом и смятением, но эти ужасные знаки непрестанно будут напоминать миру о неизбежности вопросов о защите всех цветов на полях Культуры.

Некоторое время тому назад мы предложили Комитету нашего Пакта собрать и суммировать все предложения относительно мира, исходящие из всевозможных организаций.

Много индексов и каталогов должно быть сделано, чтобы отыскать истинную мировую мысль о мире, о защите мировых сокровищ, о соглашениях, возможных в этом направлении.

Впереди бесконечная работа для выполнения, и мировые события лишь подтверждают насущную необходимость этой работы.

Подобно многим ветвям Красного Креста, возникнут всевозможные проблемы для разрешения вокруг Знамени Мира.

Без зависти и вражды каждая страна будет обязана внести свою лепту в сокровищницу истинных достижений.

В школах с раннего детства будет заложено основание для сохранения всего Прекрасного. Этот год отметит 34-ю годовщину движения нашего Пакта Мира. В течение этих трех десятилетий много народа приблизилось, много мнений было выражено, но одна только задача остается без изменения — неизбежность действия. Мировые события только подтверждают это.

Газеты сообщают, что испанскому правительству с трудом удалось спасти собор в Барселоне от своей собственной толпы. Было необходимо наклеить большие плакаты на стенах собора, взывающие о его защите, а также вызвать военные части с пулеметами. Не показывает ли этот потрясающий пример,

насколько необходимо образовать людское сознание. Перед самыми глазами происходят прискорбные невознаградимые разрушения, и только властный моральный импульс может спасти человечество от повторения фатального истребления.

Пакт для Защиты Культурных Сокровищ нужен не только как официальный орган, но как образовательный закон, который с первых школьных дней будет воспитывать молодое поколение с благородными идеями о сохранении истинных ценностей всего человечества. Пакт уже подписан 22 странами. Вне всякого сомнения, это большое число будет постепенно увеличено другими странами.

Наш Пакт справедливо назван Красным Крестом Культуры. Действительно, он находится в самой тесной связи с Красным Крестом, который при возникновении был принят довольно скептически, но который в настоящее время занял неоспоримое место гуманистического основания жизни.

Чтобы показать повелительную необходимость всех движений мира, нужно прослушать постановления военных кругов:

"Если недавно мир хотел подчинить войну своим собственным законам и регулировать ее легальными ограничениями и пробовал заставить войну уважать свою мораль и ценности, теперь все наоборот: мир должен подчиниться требованиям воины, которая стала правителем века и снизвергла мир к простому понятию перемирия. Эта эмансипация войны, которая составляет главную черту нашей эры, требует для своего выявления последнего решительного шага, уничтожения настоящего социального порядка, который базируется на применении мира, и замены этого порядка военным. Установление подобного военного положения — главная задача и цель сегодняшнего дня".

Не будем затруднять читателя многочисленными подавляющими выдержками. Существуют целые тома, как например, "Общая война", "Война для уничтожения". Они описывают войну, в которой население нации должно взять объектом полное уничтожение врага всеми доступными средствами без каких-либо ограничений, без сожаления. Таким образом, "Общая Война" направлена не против армии врага, но против всей нации как таковой — "Война есть высшее проявление живой воли народа, и поэтому политика должна служить исключительно военной верховной власти" — так утверждают военные.

Легко понять, что подразумевается под "полным уничтожением врага". Это также покрывает все накопления Культуры. Перед лицом жестоких целей "Общей Войны" —

безжалостные методы победителей прошлого покажутся детской игрой. Если человечество достигло таких неслыханных чудовищностей, то тем скорее должен человек направить все свои усилия на защиту Культурных ценностей как в артистических, научных сокровищах, так и в лице представителей Культуры.

В 1920 году на банкете, данном Комитетом по случаю моей выставки в Лондоне, г. Г. Дж. Уэллс, который был также членом этого совета, выразил следующую идею, поднимая свой стакан: "Этот простой предмет, который никем из нас не рассматривается как нечто редкое, может, в известных обстоятельствах, стать редким сокровищем. Всегда возможно, что благодаря саморазрушительной ненависти цивилизация может быть стерта, и тогда человечеству заново придется начинать его культурные накопления в самых трудных условиях варварства".

Спустя 17 лет, разве не видим предвидения Уэллса в настоящих угрозах войны?

Плачевно сознавать, что спустя миллионы лет существования нашей планеты человеку приходится повторять подобные аксиомы. Отсюда вывод — если на наших предыдущих конференциях Пакта Мира мы призывали удвоение усилий, то в настоящих условиях мира необходимо утроить наши усилия. На страже мира!

15 Июля 1939 г.

Публикуется впервые

Борис Григорьев

"Ваше суровое осуждение России я не могу разделять, ибо сам я русский, получил художественное образование в России, горжусь моими русскими учителями, люблю Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и всех русских великих писателей и художников. И с Вами мы встретились в России. И сейчас мы беседуем по-русски. От души мы порадовались Вашим известиям о сыне Вашем. Как хорошо, что он полюбил философию; наука о мысли, о мудрости даст ему и широкий горизонт. Радуемся, что и супруга Ваша с Вами. Итак, вся Ваша семья вместе. Если напишете о Вашей выставке в Париже и о дальнейших работах — сердечно обрадуете. Ведь прежде, чем думать, как Вы пишете, о встрече на Парнасе, мы еще здесь, на земле, в трудах и творчестве, и пусть будем в доброжелательстве. Хорошие слова — добротворчество, доброжелательство и милосердие. Желаю и Вам и всем Вашим все самое лучшее, а таланту Вашему, мощному и неиссякаемому, мы всегда радуемся. Мало талантов ярких и убедительных. Особая бережность должна быть проявлена всюду, где выражена сильная индивидуальность. А ведь каждая картина, в которой запечатлен лик человечества, будет печатью века. Когда-то и кто-то будет беречь эти творенья. Искренно и душевно".

Даже в своих суровых суждениях Григорьев остается мощным и неукротимым. Имеются люди, которые считают, что с Григорьевым не сговориться, и не хотят заметить чрезвычайную силу его произведений. Он создал свой стиль и к таким самобытным явлениям нужно относиться бережно. Он будет ругать то, что, может быть, любит в глубине сердца и будет молча обходить то, что презирает.

Наши первые беседы были во время, когда он рисовал мой портрет. Славный вышел рисунок. По силе выражения это был один из лучших портретов. Елена Ивановна искренно восхищалась силою лепки лба и глаз. С этого рисунка Григорьев написал большой портрет-картину. Большая голова на фоне огромного облака. Интересно описывал Григорьев эту картину мне в одном из писем. Кажется, она в одном из московских собраний.

И техника у Григорьева своя. Он почти ультрамодернист, но подход к творчеству у него свой и, нужно отдать справедливость, незаменимый. По материалам техника Григорьева смешанная. Он одинаково умел выразиться и в масле, и в темпере, и в акварели. Вполне понятно, что художник с его темпераментом не будет

ограничивать себя ни формою, ни материалом. Есть у Григорьева качество убедительности. Этим победоносным свойством Григорьев укрепил себя в истории живописи.

Вот он грозится, что никогда не вернется на Родину, а я не верю ему в этом. Не только вернется, но и увидит русский народ в новом аспекте. Найдет и в Достоевском привлекательность и великую значительность. Григорьев корит меня за новое правописание. Но ведь повсюду оно теперь. Не только молодежь, но и наши современники, как Лосский, Булгаков, убедились в правах упрощенного знака. Неужели нужна ижица и фита?

Но прав Григорьев в том, что сделался легким на подъем. Океанные пространства ему нипочем. В этом передвижении Григорьев приобщился новому ритму века. Много замечательного отобразил Григорьев в разных заокеаниях. Видит он, что в Европе плохо и в Америке не лучше. Вспомнит он и о просторах российских и найдет новые ласковые слова о Великой Родине.

28 Июля 1937 г.

Публикуется впервые

Толстой и Тагор

"Непременно вы должны побывать у Толстого", — гремел маститый В. В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной Библиотеке, когда я пришел к Стасову после окончания Академии Художеств в 1897 году: "Что мне все ваши академические дипломы и отличия! Вот пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники. Вот это будет признание. Да и "Гонца" вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймет, с какою такою вестью спешит ваш "Гонец". Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Еще и Илья (скульптор Гинзбург) едет. Непременно, непременно едем".

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улегся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идет длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая этика "Китеж-Града" по сердцу.

"Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от нее", — грозит Стасов Корсакову.

Именно в это время много говорилось о толстовском "Что есть Искусство" и о "Моя вера". Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небылицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен представлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги. Шептались неправдоподобные анекдоты о Толстом. При этом совершенно упускалось из виду, что он может рассказать прекрасную притчу о трех старцах.

Жалею, что не имею под рукой текста этого сказания. Но каждый желающий помыслить о великом Толстом должен знать хотя бы краткое его содержание. На острове жили три старца. И так они были просты, что единственная молитва, которою молились они, была: "Трое нас — Трое Вас. Помилуй нас". Большие чудеса совершались в таком простом молении. Прослышал местный архиерей о таких простецах-старцах и недопустимой молитве и решил сам поехать к ним, вразумить их молитвам достойным. Приехал архиерей на остров, сказал старцам, что их молитва недопустима и научил их многим приличествующим молениям. Отплыл архиерей на корабле. Только видит, что движется по морю свет великий, и рассмотрел он, что три старца, взявшись за руки, бегут по воде, поспешают за

кораблем. Добежали. Просят архиерея: "Не упомнили мы молитвы, тобою данные, вот и поспешили опять допросить".

Увидав такое чудо, архиерей сказал старцам: "Лучше оставайтесь при вашей молитве".

Мог ли невер дать такой замечательный облик старцев, достигших Света в их простейшем молении? Конечно, Толстому, этому великому искателю и познавателю, было близко все истинное, доскональное. Все же последующие усложнения Истины, конечно, дух его не воспринимал.

Все помнят и "Плоды просвещения" Толстого, повесть, полную сарказма о невежественных спиритических сеансах. Некоторые люди хотели увидать в этом отрицание Толстым вообще всей метафизической области. Но великий мыслитель лишь бичевал невежество. В его эпическом "Войне и Мире", "Анне Карениной" и во многих рассказах и притчах явлены искры широчайшего понимания психологии в ее высочайшем значении. В пылу спора Толстой действительно мог утверждать, что простой деревенский танец для него равен высочайшей симфонии. Но когда вы могли наблюдать, насколько писатель был глубоко потрясаем именно лучшею музыкою, то вы отлично понимали, что в его парадоксах заключено нечто гораздо более тонкое и обширное, нежели слушатели его хотели из них сделать в своем разумении. Великий Учитель, уходящий перед концом жизни в Оптину пустынь, разве не дал хотя бы одним этим уходом высочайший аспект своего земного бытия?

Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вез какие-то подарки. Римский-Корсаков — свои новые ноты, Гинзбург — бронзовую фигуру Толстого, Стасов — какие-то новые книги и я — фотографию с "Гонца".

Тот, кто знавал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделенные от улицы двором, всю эту атмосферу просвещенного быта — тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Все было такое простое и вместе с тем утонченное. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванный "толстовкой". Характерный жест рук, засунутых за пояс — так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не полюбилось бы самому Толстому, и он вероятно оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. И

против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговоров не было возбуждением, но наоборот — выявлением мощной спокойной мысли. Индии ведомы такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинзбурга, сделав несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что "Гонец" не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей гонец в ладье спешил к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что "восстал род на род". Толстой говорил: " Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований: надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет".

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить мое внимание в сторону народа.

"Умейте поболеть с ним", — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: "Ну вот, теперь вы получили настоящее звание художника".

Удивительна вся судьба Толстого — и великого писателя и великого учителя жизни. Каждое событие его жизни лишь увеличивало всенародное почитание его. Когда же произошло отлучение его от церкви, то, казалось, не было границ симпатии и сочувствиям народным. Кроме уже напечатанных произведений Толстого, в обществе ходили и многие неразрешенные цензурою вещи и письма. Шепотом передавались подробности отлучения от церкви, шли слухи о свидании с императором. Наконец, говорилось о пророчествах Толстого. Впоследствии это замечательное пророчество широко обошло прессу. В прозрениях

своих маститый писатель уже предвидел и войну, и многие другие потрясающие события.

Каждая весть о новом слове Толстого воспринималась напряженно, точно бы поверх официальных авторитетов, где-то, как мощное внутреннее течение, неслась творческая прозревающая мысль Толстого. Помимо его громоподобных речений о непротивлении злу, о любви всечеловеческой, об истинном просвещении, остались и такие глубокие строки, как описание смерти дерева. В Индии особенно были бы понятны эти простые трогательные слова, в которых заключалась глубокая мысль о вездесущей жизни. Излюбленная героиня Толстого Наташа говорит: "Да, я думала сначала, что вот мы едем и думаем, что мы едем 'домой, и мы Бог знает куда едем в этой темноте и вдруг приедем и увидим, что мы не в Отрадном, а в волшебном царстве. А потом еще я думала…".

Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шел за сохою, как истинный Микула Селянинович древнерусского эпоса, и когда он, подобно Беме, тачал сапоги и вообще искал прикоснуться ко всем фазам труда. Без устали разбрасывал этот сеятель жизненные зерна, и они крепко легли в сознание русского народа. Бесчисленны дома имени Толстого, толстовские музеи, библиотеки и читальни имени его. И разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину на маленьком полустанке железной дороги. Удивительнейший конец великого путника. Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту даже не поверила. Помню, как Елена Ивановна первая принесла эту весть, повторяя: "Не верится, не верится. Точно бы ушло что-то от самой России. Точно бы отграничилась жизнь".

Я сейчас записываю эти давние воспоминания, а перед окном от самой земли и до самого неба — через все пурпуровые и снеговые Гималаи — засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба! Так же именно Елена Ивановна принесла и совсем другую весть. Не раз довелось ей находить в книжных магазинах нечто самое новое, нужное и вдохновительное. Нашла она и "Гитанджали" Тагора в переводе Балтрушайтиса. Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. Кроме чуткого таланта Балтрушайтиса, конечно, помогло и сродство санскрита с русским, литовским и латышским языками. До этого о Тагоре в России знали лишь урывками. Конечно, прекрасно знали, как приветственно имя Тагора во всем мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, еще не было случая прикоснуться.

"Гитанджали" явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получилось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь, кроме подлинного таланта. Таинственно качество убедительности. Несказуема основа красоты, и каждое незагрязненное человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветлый отклик о душе народной внес Тагор. Какой такой он сам? Где и как живет этот гигант мысли и прекрасных образов? Исконная любовь к мудрости Востока нашла свое претворение и трогательное созвучие в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди, самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта. Как под прекрасным куполом храма, как в созвучиях величественной симфонии, так же победительно соединяла сердца человеческие вдохновенная песнь. Именно, как сказал сам Тагор в своем "Что есть искусство":

"В искусстве наша внутренняя сущность шлет свой ответ наивысшему, который себя являет нам в мире беспредельной красоты поверх бессветного мира фактов".

Все поверили, верят и знают, что Тагор принадлежал не к земному миру условных фактов; но к миру великой правды и красоты. Прочно зародилась мечта: где бы встретиться? Не доведет ли судьба и здесь, в этом мире, еще увидеть того, кто так мощно позвал к красоте-победительнице? Странно выполняются в жизни эти повелительные мечты. Именно неисповедимы пути. Именно сама жизнь ткет прекрасную ткань так вдохновенно, как никакое человеческое воображение и не представит себе. Жизнь — лучшая сказка.

Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэт-террас в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия — панно "Сны Востока". Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помним, как прекрасно вошел он и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление и сразу дало полное и глубокое отображение сущности Тагора.

На завтраке мирового содружества религий в 1934 году в Нью-Йорке Кедарнат Дас Гупта так вспомнил эту нашу первую встречу с Тагором: "Это случилось 14 лет тому назад в Лондоне. В это время я находился в доме Рабиндраната Тагора, и он сказал мне: "Сегодня я доставлю вам большое удовольствие". Я последовал за ним, и мы поехали в Саут Кенсингтон в дом, наполненный прекрасными картинами. И там мы встретили

Николая Рериха и м-м Рерих. Когда м-м Рерих показывала нам картины, я думал о нашем прекрасном идеале Востока: Пракрити[35] и Пуруша[36], человек, явленный через женщину. Это посещение навсегда осталось в моей памяти".

Таким же незабываемым и для нас осталось это явление Тагора, со всеми проникновенными речами и суждениями об искусстве. Незабываемым осталось и его письмо, насыщенное впечатлениями нашей встречи. Затем встретились мы и в Америке, где в лекциях поэт так убедительно говорил о незабываемых законах Красоты и человеческих взаимопониманий. В суете левиафана, города слова Тагора иногда звучали так же парадоксально, как и волшебная страна Толстого, жившая в сердце великого мыслителя. Тем больше был подвиг Тагора, неустанно обходившего мир с повелительным зовом о Красоте. Сказал поэт о Китае: "Цивилизация ждет великого завершения выражения своей души в красоте". Можно цитировать неустанно из книг Тагора его моления и призывы о лучшей жизни, такие легковыполнимые в непреложной стране самого поэта.

Разве далеки от жизни эти зовы? Разве они лишь мечты поэта? Ничуть не бывало. Вся эта правда во всей своей непреложности дана и выполнима в земной жизни. Напрасно невежды будут уверять, что мир Тагора и Толстого утопичен. Трижды неправда. Какая же утопия в том, что нужно жить красиво? Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и напитывать все окружающее просвещением? Ведь это все вовсе не первоначальная субстанция, утопия, но сама реальность. Если бы хотя в отдельных притушенных искрах не проникал в потемки земной жизни свет Красоты, то и вообще жизнь земная была бы немыслима. Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят напоминание и приказы о вечных основах жизни! Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразие, что удушено будет каждое живое дыхание.

Страшно проклятие безобразия. Ужасно гонение, которое во всех исторических эпохах сопровождало истинное искание и познание.

Тагор знает не по газетам, но всем своим чутким сердцем, какие именно мировые опасности встают в наши армагеддонные дни. Тагор не скрывает этих опасностей. Как всегда, смело он говорит о вопросах мира и просвещения. Можно себе представить, сколько шипения невежества где-то раздается о его призывах о

мире.

Последнее его письмо, полученное недавно, с болью отмечает мировое положение: "Мой дорогой друг! Проблема мира сегодня является наиболее серьезною заботою человечества, и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе с всевозрастающей яростью. Безобразное проявление обнаженного милитаризма повсюду предвещает злое будущее, и я почти теряю веру в самую цивилизацию. И все же мы не можем сложить наши устремления — это только ускорило бы конец".

Сердце великого поэта насыщено скорбью о происходящем смятении. Также он знает, что каждый культурный деятель должен мужественно оставаться на своем посту и самоотверженно защищать сокровища мира. И в этом самоотвержении тоже явлен знак толстовского служения человечеству. Как Толстой не был политиком, так же точно и Тагор всегда остается Учителем жизни.

Можно ли назвать кого-либо, кто с такой убедительностью сочетает модернизм с заветами древнейшей мудрости? Именно такое сочетание для большинства людей кажется непримиримым. Даже признанные философы говорят свое пресекающее "или — или". Точно бы жизнь не имела единый источник и законы мироздания были незыблемы. Мне самому приходилось слышать, как очень образованные люди говорили, что несвоевременно цитировать Конфуция или Веды[37]. Они заподозривали какое-то ретроградство или нежизненность в изучении древних заветов. Только теперь наука начинает в лице нескольких рассеянных по лицу земли тружеников признавать всю ценность познаний, дошедших до нас из глубины несчетных веков. В Тагоре такие познания врожденны, а его глубокое знание современной литературы и науки дает ему ту уравновешенность, тот золотой путь, который в представлении многих казался бы неосуществимою мечтой. А он здесь перед нами, лишь бы внимательно и доброжелательно рассмотреть его.

К семидесятилетию Тагора мы писали: "Виджая Тагор!" — победа Тагора! Трудна такая победа, но тем драгоценнее наблюдать светлого победителя, просиявшего служением человечеству.

Для внешнего наблюдателя различны Тагор и Толстой. Кто-то досужий до изыскания противоречий, наверное, закопошится в желании еще что-либо разъединить. Но если мы пытливо и доброжелательно посмотрим в существо, то каждый из нас пожалеет, почему у него нет портретов Толстого и Тагора, снятых вместе — в углубленной беседе, в середине мудрости и в желании

добра человечеству. В рижской газете "Сегодня" был портрет Тагора к семидесятилетнему юбилею. Прекрасный поэт Латвии Рудзитис сердечно и утонченно характеризовал великого Тагора, а сейчас из Праги проф. В.Ф.Булгаков прислал мне отлично исполненную открытку с изображением Толстого и его самого в 1910 г. в Ясной Поляне. И опять два прекрасных облика Толстого и Тагора встали передо мною во всей глубине мудрости своей и во всем благожелании человечеству. Вместе, на одном изображении, хотел бы я видеть эти два великих облика. Низкий поклон Толстому и Тагору!

[1937 г.] Урусвати, Гималаи

"Рассвет", 14–15 сентября 1937 г.

Самое первое

Нелегко описать жизнь, в ней было столько разнообразия. Некоторые даже называли это разнообразие противоречиями. Конечно, они не знали, из каких импульсов и обстоятельств складывались многие виды труда. Назовем эти особенности жизни именно трудом. Ведь все происходило не для личного какого-то удовлетворения, но именно ради полезного труда и строительства. На наших глазах многих полезных деятелей обвиняли в эгоизме, ради которого они будто бы исключительно творили. Нам приходилось слышать такие обвинения и о Толстом, в отношении братьев Третьяковых, и о Куинджи, и о кн. Тенишевой, и о Терещенко, и о многих других, слагавших незабываемо полезное народное сокровище. Завистники шептали, что все эти поборники и собиратели действуют исключительно из самолюбия и ожидают каких-то высоких награждений. Когда мы говорили: "Но что, если вы клевещете, и доброе строительство происходит из побуждений гораздо более высоких и человечных.

Гомункулы усмехались и шептали:

"Вы не знаете человеческой природы". Очевидно они судили по себе, и ничего более достойного их мышление и не могло вообразить.

Даже дневник очень трудно вести. Не было тихих времен. Каждый день происходило столько неожиданного разновидного, что на близком расстоянии часто совершенно невозможно представить себе, что именно будет наиболее значительным и оставит по себе продолжительный след. Иногда как бы происходит нечто очень житейски существенное, а затем оно превращается в пустое место. Лучше всего обернуться на жизнь на расстоянии. Произойдет не только переоценка событий, но и настоящая оценка друзей и врагов. Приходилось писать: "друзей и врагов не считай" — это наблюдение с годами становилось все прочнее. Сколько так называемых врагов оказались в лучшем сотрудничестве и сколько так называемых друзей не только отвалились, но и впали во вредительство, в лживое бесстыдное злословие. А ведь люди особенно любят выслушать таких "друзей". По людскому мирскому мнению, такие "друзья" должны знать нечто особенное. Именно о таких "друзьях" в свое время Куинджи говорил, когда ему передали о гнусной о нем клевете: "Странно, а ведь этому человеку я никогда добра не сделал". Какая эпика скорби сказывалась в этом суждении. Но о радостях будем вспоминать, жизнь есть радость.

[1937 г.]

"Прометей", М., 1971, № 8

Самое первое

"На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати белых парусах…"

Тонким голоском пелась старинная Петровская песня. А кто пел, того не помню. Вернее всего, Марья Ильинишна, старушка, "гаванская чиновница", приходившая из Галерной гавани посидеть с больным, сказку сказать и о хозяйстве потолковать.

Так и жили на Васильевском острове, на набережной против Николаевского моста. Наискось было Новое Адмиралтейство. На спуск военных судов приходили крейсера и палили прямо нам в окна. Весело гремели салюты и клубились белые облачка дыма. На набережной стоял памятник адмиралу Крузенштерну. Много плавал, открыл новые земли. Запомнилось о новых землях.

А вот и первое сочинение — песня: "Садат бадат огинись азад. Ом коську диют, тебе апку дудут". Дядя Коркунов за такое сочинительство подарил золотые папочные латы. Двух лет не было, а памятки связались с Изварою, с лесистым поместьем около станции Волосово, в сорока верстах от Гатчины.

Все особенное, все милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре. Название от индусского слова Исвара. Во времена Екатерины неподалеку жил какой-то индусский раджа.

Дом изварский старый, стены, как крепостные, небось и посейчас стоит. Все в нем было милое. В прихожей пахло яблоками. В зале висели копии голландских картин в николаевских рамах. Большие угольные диваны красного бархата. Столовая — ясеневая. Высокий стенной буфет. За окнами старые ели. Для гостей одна комната зеленая, другая голубая. Но это не важно, а вот важно приехать в Извару. Шуршат колеса ландо по гравию. Вот и белые столбы ворот. Четверка бежит бойко. Вот-то было славно. Желанка, Красавчик, Принц и Николаевна. Кучер Селифан. Деревни — Волосово, Захонье, Заполье — там даже в сухое время лужи непролазные. От большой дороги сворот в Извару.

Ландо шуршит по гравию мимо рабочего двора, среди аллей парка. А там радость. За березами и жимолостью забелел дом. И все-то так мило, так нравится, тем-то и запомнилось через все годы.

Нужно сразу все обежать. Со времен екатерининских амбар стоит недалеко от дома — длинный, желтый с белыми колоннами. Должно быть, зерно верно хранится подле хозяйского

глаза. По прямой аллее надо бежать к озеру. Ключи не замерзают зимою. Дымятся, парят среди снегов, вода светлая и ледяная. Дикие утки и гуси тут же у берега. На берегу озера молочная из дикого камня — очень красиво, вроде крепостной стены. Такой же старинной постройки и длинный скотный двор. Быки — на цепях. К ним ходить не позволено. Такие же длинные конюшни. За ними белое гумно, картофельные погреба. Один из них сгорел. Остались валы — отлично для игры в крепость.

После города первый обход самый занятный. Все опять ново. Но завтра опять станет хотя и милым, но обычным. А в первый день — все особенное. Новые жеребята, новые щенки, новый ручной волк. Надо навестить Ваську и Мишку — малышей вроде шотландских пони. Их потом подарили казенному лесничему, а ведь они считались моими.

Вот бы припомнить самое первое. Самое раннее. Тоже из самого раннего: старинная картина — гора при закате. Потом оказалось не что иное, как Канченджунга. Откуда? Как попала? В книге Ходсона была подобная гравюра. Картина с гравюры или гравюра с картины? Были кой-какие старинные вещи, но их как-то не ценили. В те годы отличную мебель выбрасывали на чердак и заменяли мягкою бесформенностью.

Вот бы вспомнить что-нибудь самое первое! Самое раннее! Вспомнишь и то и другое, но все это не самое первейшее.

1937 г.

"Октябрь", 1958, № 10

Три меча

Меч деревянный

Остров, древний псковский город на реке Великой. Крепость на острове. 1879 год. Мы гостили у бабушки Татьяны Ивановны Коркуновой-Калашниковой. На Липенке — старинный дом с большим заросшим садом. Нижний этаж белый каменный, а верхний и чердак деревянные — охряные, со ставнями и белыми наличниками окон. Под косогором Великая, а за ней парк какого-то большого поместья с белым екатерининским домом. В саду у бабушки много ягод, немало и репейника. Хочется сразиться с этими драконами. Но меча нет. Впрочем, во дворе живет строительный подрядчик Иван Иванович Чугунов. Все чай пьет вприкуску. У него всякие мастерские где-то. Он услыхал про нужду в мече и скоренько принес новенький. Хорошо сделано, и ручка вырезана с навершием, и длина хороша. Одно горе — меч-то липовый, деревянный, а выкрашен под медь. Нечего делать, и такой послужит. Много драконов было сражено в бабушкином саду…

Меч железный

1896 год. Академия Художеств. Уже складывается сюита "Славяне". Задуманы "Гонец: восстал род на род" и "Сходятся старцы", и "Поход", и

"Город строят". Читаются летописи. Стасов открывает сокровища Публичной библиотеки. В Изваре из старого птичника переделана мастерская. Собраны волчьи и рысьи меха. Нужно славянам и оружие. В придорожной кузне почерневший кузнец кует меч, настоящий, железный, точь-в-точь, как мы находили в курганах. Долго этот меч находился в кладовой. Юрий помнит его.

Меч огненный

1913 год. Спящим стражам приносится меч огненный. "Меч мужества" понадобился. Приходят сроки. Тогда же и в начале 1914 года спешно пишутся: "Зарево" — с бельгийским львом, "Крик змея", "Короны" — улетевшие, "Дела человеческие", "Город обреченный" и все те картины, смысл которых мы после поняли.

Меч огненный — к новым вратам. А вот 1931 год, и все три меча напомнились. В Западном Тибете на скалах высечены издревле три меча. Граница ли? Победа ли? Знак трех мечей встал в памяти.

1937 г.

"Октябрь", 1958, № 10

Радость

Одна из первых радостей была в музыке. Приходил к нам старенький слепой настройщик. Приводила его внучка. После настройки рояля он всегда что-нибудь играл. Рояль был хороший — Блютнер с надписью Лешетицкого. Слепой настройщик, должно быть, был отличным музыкантом, и игра его запомнилась.

Бывало, ждешь не дождешься, когда кончится настройка. Как бы не помешал кто долгожданной игре. Гостиная была голубая, на стене — Канченджунга. Теперь знаю, что именно эта любимая гора была в розовом закате. Слепой играл что-то очень хорошее. Было удивительно, что слепой играет…

Потом — "Руслан и Людмила" и "Жизнь за царя" в Большом театре. Балеты: "Роксана", "Баядерка", "Дочь Фараона", Корсар"… Казалось, что музыканты играют по золотым нотам.

Приходил "господин с палочкой". Была забота, чтобы все в ложе скорей сели по местам. "Господин с палочкой пришел!" — так тревожно заявлялось в аванложу в боязни, что запоздают и начнут двигать стульями и говорить, а там уже волшебно играют по золотым листам. На занавесе была погоня фавна за амурами. Со стороны фавна неприятно было сидеть в литерной ложе. Лучше всего, когда ложа оказывалась в середине…

Итальянская опера нравилась меньше. Мазини, Патти не поражали. "Риголетто", "Травиата", "Лючия" — что-то в них было чуждое. "Аида" и "Африканка" были ближе. Хор африканцев, певший почему-то о Браме и Вишну, был подобран на рояле. Впрочем, играть днем рядом с кабинетом отца не разрешалось.

Уже много позднее открылся новый путь — Беляевскис концерты, Римский-Корсаков — "Снегурочка". Далеко прослышалось имя Мусоргского, дяди Елены Ивановны.

С первого приезда Вагнеровского цикла мы были абонентами. Странно вспомнить, что люди, считавшиеся культурными, гремели против и считали Вагнера какофонией. Очевидно, каждое великое достижение должно пройти через горнило отрицания и глумления.

1937 г.

U.K.

Рерих. "Из литературного наследия". М., 1974

Отец

Говорят: "Если хотите найти сведения о художнике, менее всего расспрашивайте его родственников".

Действительно, о своих люди менее всего знают. Что мы знали об отце? Мало, что знали. Мельком слышали, что он работал по освобождению крестьян. Был членом Вольно-Экономического Общества.

Знали, что друзьями его были Кавелин, Костомаров, Микешин, Мордовцев, Менделеев, Андреевский… Знали, что кроме юридической работы, он писал драматические вещи. Но где они? Помню манускрипт одной драмы; он был писан мягким карандашом и стерся до неудобочитаемости.

Был членом Сельскохозяйственного Клуба. Устроил в Изваре дорогую сельскохозяйственную школу, но не захотел дать неизбежную взятку, и школу прикрыли за левизну. Хотел устроить орошение крестьянских лугов шлюзами. Их растащили. Машины и локомобиль спалили. Ни за что!

Помню волокиту с управляющими. Каких только не было. Один поляк, празднуя свои именины, сжег скирды хлеба. Другой — немец с отличными белыми бакенами — увез машины и угнал скот. Стал переезжать из уезда в уезд и еще потребовал выкуп… Третий заколол перед Пасхою всех телят и объяснил, что они пали от неизвестной болезни… Чего только не было… Со времен Павла шел с казною процесс о строевом лесе, неправильно отмежеванном…

Урывками слышали мы о делах, но внутренний облик отца оставался несказанным. Знали, что люди весьма ценили его юридические советы, доверяли ему. Помогал он в деле Добровольного Флота. Помню адмирала Кази, Бубнова.

Не любил лечиться отец. Уже давно врачи требовали отдых. Но он не знал жизни без работы. Просили его не курить или уменьшить курение, ибо грозило отравление никотином, но он отвечал: "Курить — умереть и не курить — умереть".

Много было недосказанного. Наверно, были какие-то разочарования. Друзья поумирали раньше, а новые не подошли. Были какие-то рухнувшие построения. Лучшие мечты не исполнились. Мало кто, а может быть, и никто не знал, чем болело сердце.

(1937 г.)

"Из литературного наследия"

Начало

Было отвоевано право стать художником. Первые рисунки в "Звезде" и в "Иллюстрации". На ученической выставке в Академии (1896) "В Греках" — варяг в Царьграде. Подходит Соколов, хранитель Музея, спрашивает: "Отчего нет цены на варяге?" "А мне просто невдомек, что он кому-то нужен". "Но все-таки, сколько?" Отвечаю: "80 рублей" (думаю, не дорого ли?). Соколов улыбается: "Считайте проданной", подводит седоватого приветливого господина — оказывается В.С. Кривенко. После Рущиц сердился за дешевую цену…

Волнительно было с "Гонцом" в 1897 при окончании Академии. Мы ушли из Академии вместе с Куинджи, его выжили великий князь Владимир и граф И.И. Толстой. Ожидали, что наше восстание за учителя будет осуждено Академией.

Так отчасти и случилось. Не могли не дать звания, но смотрели косо. Ко мне подходил Матэ и предлагал перейти в мастерскую Репина, а на следующий год ехать за границу. Отвечаю: "Василий Васильевич, помилуйте, ведь такая поездка на тридцать сребреников будет похожа".

За нашего Архипа Ивановича мы дружно стояли. Где же был другой такой руководитель искусства и жизни?! Никакими заграничными командировками нельзя было оторвать от него. Помню, один клеветник шепнул ему: "Рерих вас продал", а Архип Иванович засмеялся: "Рерих мне цену знает…" Знали цену Куинджи.

На конкурсную выставку приехал Третьяков. Наметил для Москвы Рущица, Пурвита и моего "Гонца". Было большое ожидание. Наконец, Третьяков подходит: "Отдадите "Гонца" за 800 рублей?" А он стоил тысячу, о чем говорить! Пришел Третьяков ко мне наверх в мастерскую. Расспрашивал о дальнейших планах. Узнал, что "Гонец: восстал род на род" — первая из серии "Славяне". Просил извещать, когда остальные будут готовы. Жаль, скоро умер и серия распалась.

"Сходятся старцы" — в Калифорнии. "Зловещие" — в Русском Музее. "Поход" — не знаю, где. Только "Город строят" Серовым и Остроуховым куплен в Третьяковку уже с Дягилевской выставки. Сколько шуму было при этой покупке. Ругали, ругали — потом привыкли. Розанов хорошо написал.

[1937 г.]

"Октябрь", 1958. № 10

Академия

Сколько чувств будило здание Академии. Музей, скульптуры, темные коридоры, а там где-то внутри и школа, связанная со многими любимыми именами… Удастся ли попасть туда?

Летом 1893 года работа с И.И. Кудриным в Музее Академии. Перерисованы все головы, которые ставятся на экзамен. "Не увлекитесь тушевкой, — учит Кудрин, — главное, покажите, как строите".

На экзамене голова Антиноя, сделал, что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: "Не в этом — так в будущем году". "Неужели провал?". "В списке нет вас". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш (мы его очень любили) и укоризненно усовещивает Новаренко: "Чего смущаете, раньше, чем говорить, прочли бы список". Принят и даже хорошо!

Головной класс — профессора Лаверецкий и Пожалостин. На ближайшем экзамене перевод в фигурный. Там Чистяков и Залеман. Чистяков за Аполлона перевел на следующем экзамене в натурный. А сам во время работы как закричит: "У вас Аполлон-то француз, ноги больно перетонили".

В натурном Виллевальде, всегда в форменном фраке, всех хвалящий. Помню, как один расхваленный им академист получил на экзамене четвертый разряд. Пошел жаловаться: "Как же так, профессор, вы так хвалили?". "Ну что ж, у других еще лучше было". За эскиз "Плач Ярославны" — первый разряд. Тогда же эскизы: "Святополк Окаянный", "Пскович", "Избушка пустынная", "На границе дикий человек", "Пушкари", "Вече"…

Старая Академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть — к Репину или к Куинджи. Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: "Пойдем лучше к Куинджи". Пошли. Посмотрел сурово: "Принесите работы". Жили мы близко — против Николаевского моста — сейчас и притащили все, что было. Смотрел, молчал, что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: "Это вот они в мастерскую ходить будут". Только и всего! Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал, например, за "Поход", а потом вернулся: "Впрочем, не огорчайтесь, ведь пути искусства широки — и так можно!".

[1937 г.]

"Октябрь", 1958, № 10

Живопись

Прежде всего потянуло к краскам. Началось с масла. Первые картины написаны толсто-претолсто. Никто не надоумил, что можно отлично срезать острым ножом и получать эмалевую плотную поверхность. Оттого "Сходятся старцы" вышли такие шершавые и даже острые. Кто-то в Академии приклеил окурок на такое острие. Только впоследствии, увидав Сегантини, стало понятно, как срезать и получать эмалевую поверхность.

Масло вообще скоро надоело своею плотностью и темнотою. Понравилась мюнхенская темпера Вурма. Много картин ею написано. Стенопись в Талашкине тоже вурмовская. Серову эти краски понравились, и он просил меня для него их выписывать. С войною вообще прервалось, и сама фабрика закрылась.

В то время привлекла яичная темпера. В нашей иконописной мастерской были всякие опыты. Были комбинации с клеевой темперой. Воздушность и звучность тонов дали свободу технике. С Головиным были беседы о темпере, но он часто предпочитал пастель. С маслом темпера не сравнима. Суждено краскам меняться — пусть лучше картины становятся снами, нежели черными сапогами… Неоконченная картина Микеланджело в Национальной Галерее Лондона дала мысль о цветных фонах. Она была писана на зеленом фоне — от него Терра ди Сиенна становилась не рыжей, а золотистой. Театральный маляр у Головина отлично готовил такие холсты.

Также работал и на цветных папках. Иногда примешивал и пастель, фиксируя ее молоком или жидким столярным клеем. Над ванной производились сложные вымывания над небольшими картинами.

Холсты выписывались от Лефранка. Сперва пробовал брать уже подготовленные, но потом оказалось, что лучше всего готовить холсты дома — как в старину. Один такой синий холст Серов унес для своей Иды Рубинштейн.

Пробовал темперу в тюбиках от Лефранка и от Жоржа Роуней. Каждая имела свои особенности, но все-таки не давала силы тона, а белила желтели и трескались. Я советовал В. А. Щавинскому заняться техникой красок, чтобы иметь доброкачественные русские. Он начал; мы мечтали открыть при Школе Поощрения Художеств целую техническую экспериментальную мастерскую. Но Щавинский был убит. Полезная мысль завяла.

[1937 г.]

"Октябрь", 1958, № 10

Охота

Уже со школьных лет обнаружились всякие легочные непорядки. Затем они перешли в тягостные долгие бронхиты, в ползучие пневмонии, и эти невзгоды мешали посещению школы. Как только осенью мы возвращались из Извары в Питерские болота, так сейчас же начинались нескончаемые простуды, и уберечься от них было почти невозможно. Наконец, после третьего класса гимназии домашний доктор серьезно призадумался и решил радикальный исход. "Нужно и зимою ездить в деревню, пусть приучается к охоте. В снегах и простуду как рукой снимет". По счастью, этот врачебный совет был исполнен. В это время управляющим в Изваре был Михаиле Иванович Соколов, почти что Топтыгин по виду и по своей любви к охоте и лесу. Открылась совершенно новая страница радости. На лыжах ходили за лисицами, "тропили" рысей, посылали лесничих выведать медвежьи берлоги — много увлекательных радостей. А уже когда настанет весна с глухариными и тетеревиными токами и с тягою вальдшнепов, тут уже всякие простуды должны уйти. Потом и без ружья можно бы провести ночь в лесу или на лыжах пробираться по сугробам. Но вначале, особенно же под руководством занятного Михаиле Ивановича, вся обстановка охотничья казалась какою-то сказкою. Убийственная часть этого занятия скоро отпала, просто сама собой отмерла, стала несовместимою. Но впечатления весенних ночей и восходов, гомон птичьего базара, длинные хождения по зимним лесам — все это навсегда вносит особый склад жизни. Недаром охотничьи команды являются самыми зоркими и подвижными воинскими частями — они больше всего соприкасаются с природою.

Бывало, мы уходили в лес на несколько дней. Не однажды подолгу плутали. В то время уезды, смежные с Псковскою областью, были очень лесисты. Так, один раз мы проплутали целых три дня, пока выяснилось, что подошли к самой станции Дивенской. Это блуждание по разнородному лесу, по обширным моховым болотам с опасными бездонными "окнищами" потом долго вспоминалось. Местный проводник в каждой опушке и роще признавал давно знакомые места, но приближаясь, мы оказывались где-то очень далеко от дома. Но никто не сетовал, и новые впечатления лесного царства навсегда отразились. Курганы — летом, охота — зимою и весною дали настоящие радости.

[1937 г.]

"Из литературного наследия"

Мысль

Запоминаются не только яркие писания мыслителей, но и отдельные словечки, от них в беседах услышанные. Такие пламенные меткие выражения иногда остаются в памяти особенно ясно. От Владимира Соловьева, Стасова, Григоровича, Костомарова, Дида Мордовцева, Менделеева, Куинджи и до Иоанна Кронштадского много незабываемых речений навсегда осталось в жизни. Костомаров умел бросить меткое слово, зажигал своим бурным огнем Стасов, Менделеев даже во время шахматной партии бросал замечательные вехи. При этом такие отдельные броски оставались совершенно новыми и неповторенными в письменных трудах.

Помню Дида Мордовцева, блестяще говорившего у нас при учреждении общества имени Шевченко. Могли ли мы думать, что совершается нечто запрещенное и само восхваление большого поэта могло быть чем-то нецензурным. Затем для обмена мыслями создавалось несколько кружков. Был студенческий кружок, сошедшийся вокруг студенческого сборника. Но состав его был слишком пестр, и никакого зерна не составилось.

После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирался очень ценный кружок — Лосский, Метальников, Алексеев, Тарасов… Бывали хорошие беседы, и до сих пор живет связь с Лосским и Метальниковым. Зародилось и "Содружество" — С. Маковский, А. Руманов — группа писателей и поэтов. Просуществовало оно не так долго, но создало хорошую дружбу, оставшуюся на долгие годы, и посейчас.

Удивительно, насколько меняются человеческие выражения, сказанные наедине. Например, Куинджи в беседах наедине выявлялся настоящим интуитивным философом. Какие прекрасные строительные идеи он высказывал и видимо бывал очень потревожен, если входило третье лицо. Точно бы что-то отлетало. Впрочем, то же самое замечалось и с Владимиром Соловьевым. Если что-либо постороннее вторгалось, то вся ценная нить мысли мгновенно пресекалась, и он спешил прекратить беседу. Стасов — тот не боялся присутствовавших. Даже наоборот, если подозревал в ком-либо врага своих идей, то он сразу начинал громить в направлении подозреваемого неприятеля. А за словами он в карман не лез. Чем дальше, тем с большею признательностью вспоминаются все, кто так или иначе возбуждал и чеканил мысль. Ни в школе, ни в университете это не происходило, но встречи и беседы навсегда запечатлевали мысли. Целая кузница мыслей.

(1937 г.)
"Зажигайте сердца"

Археология

Около Извары почти при каждом селении были обширные курганные поля от X века до XIV. От малых лет потянуло к этим необычным странным буграм, в которых постоянно находились занятные металлические древние вещи. В это же время Ивановский производил исследования местных курганов, и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе. К раскопкам домашние относились укоризненно, но привлекательность от этого не уменьшалась. Первые находки были отданы в гимназию, и в течение всей второй половины гимназии каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное.

В бытность в университете Спицын и Платонов провели в члены Русского Археологического Общества, где я потом был пожизненным членом. Этим путем произошло сближение со всею археологической семьею. Кроме славянского отделения, я посещал и заседания Восточного отдела, бывшего под председательством барона Розена. Там же встречал я и Тураева. В то же время Археологическая комиссия дала несколько командировок для исследования древностей Новгородских Пятин и Тверской и Псковской областей. Археологический Институт просил устроить экскурсии, в которых принимали участие не только члены Института, но и гости, например, Милюков, Беклемишев, Глазов…

Большое огорчение доставил и мне и Елене Ивановне Н. И. Веселовский, когда в собрании Археологического Общества он объявил найденные нами на озере Пирос неолитические человекообразные фигурки подделками. Я его спросил, если это подделки, то кто же мог их сделать. Веселовский со своим обычным невозмутимым видом отвечал: "Мало ли кто, может быть, рабочие подбросили". Такое совершенно необоснованное суждение внутренне много подорвало мое уважение не только к Веселовскому, но и к другим, которые смущенно промолчали во время этого несправедливого и ненаучного наскока. На следующий год Веселовский с группою студентов отправился на места наших неоконченных раскопок (обычно так не поступают), и нашел такие же человекообразные фигурки. Тогда в том же обществе Веселовский сделал громогласный доклад о своих необычных находках, а мне пришлось только сказать: "Не знаю, которое же из Ваших сообщений правильно, настоящее или прошлогоднее". На это Веселовский, смутившись, продолжал говорить о подлинности найденных им фигурок. Кроме многочисленных коллекций каменного века русского, удалось

собрать и в Европе.

[1937 г.]

"Из литературного наследия"

Нумизматика

Справедливо говорится, что нумизматика есть помощница истории. Вообще вещественные доказательства часто неожиданно рассеивали предубежденные идеи. В наших раскопках однажды нумизматика тоже помогла. В Деревской Пятине был вскрыт курган, который обычно считался одиннадцатого-двенадцатого века. В руке костяка была найдена серебряная монета, которая оказалась копейкою Вольного Новгорода пятнадцатого века. Без этого неоспоримого доказательства невозможно было бы предположить, что древние обычаи продолжались так долго. Конечно, был любопытен и сам древнейший обычай вкладывать Харонову плату в руку покойника. Кроме датировок, монеты всегда являлись замечательным показателем стиля эпохи.

У нас было нумизматическое собрание. А.А.Ильин очень поощрял его, хотя мы с ним и расходились в сущности нашего отношения к нумизматике вообще. Он был специалистом-нумизматом, для которого сорочий или несорочий хвост на рубле был замечательным признаком, а мы прежде всего любили стилизацию и декоративность знаков. Кроме того, мы особенно любили древнейший период. Киевские гривны и удельные монеты доставляли нам гораздо больше радости, нежели какие-то редкости позднейших неожиданностей монетного двора. Еще в Петровских копейках оставалась стильность. Были курьезны чудовищные по размерам Екатерининские гривны, а после этой эпохи стиль окончательно стерся. Любили мы и копейки Вольного Новгорода. На них бывали изображения льва. Точь-в-точь венецианский лев Св. Марка. Не мечтал ли Новгород о царице морей Венеции? Также любопытно было наблюдать иноземные влияния, приходившие через приглашенных к великим князьям итальянских или немецких чеканщиков. Вообще, если в главнейших образцах разложить в хронологическом порядке нумизматическое собрание, то довольно наглядно получится картина эволюции или инволюции страны. Были и забавные Петровские бородовые знаки — плата за право ношения бороды. Ведь считалось, что без бороды человек не может получить ни отпевания, ни сорокоуста, ибо коты и псы имеют усы протягновенные, а бороды не имеют. Также декоративны были четвертаки Алексея Михайловича, представлявшие сектор рубля. Интересно было наблюдать, как первоначальные символические знаки потом перешли в портреты.

[1937 г.]

"Из литературного наследия"

Оценки

Нововременский Буренин как-то повадился в нескольких своих фельетонах в связи с Горьким и Андреевым ругать и меня. Мы, конечно, не обращали внимания на этот лай. Но Куинджи был иного мнения. Он сохранял своего рода пиетет к печатному слову и считал, что буренинская ругань мне должна быть чрезвычайно неприятна. Как я его ни убеждал в противном, он все-таки твердил: "Что ни говорите, а это очень нехорошо. А главное в том, что если Буренин начал, то уж не отстанет". Я предложил Куинджи, что остановлю эти наскоки, но Куинджи только качал головой. В скором времени мне посчастливилось в театре встретить Буренина. На его традиционное "как поживаете?" я ответил: "Живу-то хорошо, но уж больно злы люди". "А в чем дело?" — осведомился Буренин. "Да вот вы меня сейчас часто поминаете, а люди ко мне пристают с вопросами, сколько я вам заплатил". Буренин даже глазами заморгал и с той поры никогда даже не упоминал меня. Куинджи много смеялся, узнав о происшедшем.

Однажды Куинджи вернулся после обеда у Альберта Бенуа очень огорченный. Мы стали спрашивать его, в чем дело. "Это дело в том, что опять сказал, что не следовало бы. Григорович при всех начал уверять, что он первый хвалебно писал о моих картинах. А я не удержался и сказал, что он называл мои картины сапогами. Он, бедный, так и осунулся. Мне не следовало напоминать ему. Пусть бы себе думал так, как ему сейчас хотелось". То же самое приходилось испытывать и каждому из нас. Помню, как наш друг Селиванов начал уверять, что он первый хорошо написал о моем "Гонце". А я ему совершенно не к месту напомнил, что именно он "Гонца"-то и обругал. Получилось совсем нехорошо, и в памяти встал эпизод Куинджи — Григорович. Русский народ сказал правильно: "Кто старое помянет, тому глаз вон". Мало ли что бывает. Тот же народ говорит: "Быль молодцу не укор". Можно припомнить многие перемены мнений. Где-то в архивах, склеившись, как кирпичи, останутся засохшие газетные листы. Говорят, что обычно оценки меняются три раза в столетие, как бы вместе с поколениями. Но это не совсем верно, оценки меняются гораздо чаще. Русский народ тоже сказал: "Прост как дрозд, нагадит в шапку и зла не помнит". Люди изобрели многие слова, чтобы покрыться в своей изменчивости: "недоразумение, недоумение, покаяние, а в лучшем случае ошибка".

(1937 г.)

Публикуется впервые

Друзья

Кроме друзей из живописно-художественного мира, всегда были близки еще три группы — а именно зодчие, музыканты и писатели. На расстоянии многих лет часто даже вообще невозможно вспомнить, как именно образовывались эти дружеские отношения. С зодчими, которые потом даже избрали меня членом Правления их Общества, дружба складывалась вокруг строительства. Пришел Щусев — один из самых замечательных архитектурных творцов. С ним делали мозаику для Почаева, часовню для Пскова… С Покровским делали Голубевскую церковь под Киевом, мозаики для Шлиссельбурга. Иконостас для Перьми. С Алешиным делались богатырские фризы у Бажанова… Много чего делалось, и керамиковые фризы для Страхового Общества, и панно для молельни в Ницце, и панно для Правления МосковскоКазанской дороги… А там уже начинался храм в Талашкине с М. К. Тенишевой… После подошел тоже замечательный архитектор Щуко… Была дружба с Марианом Перетятковичем, который один из первых воспринял идею охранения Культурных ценностей…

Музыкальный круг образовывался и около Елены Ивановны, о которой ее профессор Боровка говорил, что она могла иметь блестящее будущее пианистки. Так же и Степа Митусов всегда был живым звеном с музыкальным миром. В нем были заложены крупные музыкальные способности. Семья Римских-Корсаковых… Стравинский, который потом пришел за сюжетом для совместного создания балета, из чего выросла "Весна Священная". В 1913 году Париж надрывался в свисте, осуждая "Весну", а через несколько лет она вызывала столь же сильные восторги. Таковы волны человеческие. Пришел Лядов со своим даровитым сыном, который потом у нас работал в Школе. Жаль, что молодой Лядов был убит в начале войны, из него вышел бы большой художник. Вообще семья Лядовых была утонченно даровитая, и чувствовалось, какие они были к тому же и хорошие люди. Штейнберг, зять Римского-Корсакова, посвятил мне прекрасную увертюру к "Сестре Беатрисе". Затем приближался барон фитингов и даровитые Завадские. Много встреч, также много было их и за границей.

Из писателей — дружеские отношения с Горьким, Леонидом Андреевым и с некоторыми корифеями старшего поколения. Мы любили и ценили Мережковского, и если бы он написал лишь одного Леонардо да Винчи, то уже был бы великим писателем. Особые отношения были с А. М.Ремизовым. С одной стороны, мы

как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его "Жерлицу Дружинную". Вспоминаю и последнюю встречу в Париже, записанные им сны. Он не только мастер слога, но и ведун души. Много встреч.

[1937 г.]

Н. К. Рерих. "Художники жизни". М., МЦР, 1993

Учеба

После Университета и Академии, и Кормоновской мастерской началась еще одна учеба, и очень суровая. Говорю о работе в Обществе Поощрения Художеств. Некоторые пишут, что пригласил меня туда Собко, но это не совсем верно, ибо главным образом приглашение произошло по линии Д. В. Григоровича. Не успел он утвердить меня по музею Общества, как умер, а музей перешел в ведение Боткина. Я же именно тогда писал против Боткина и критиковал его реставрацию Новгородской Софии. После этого мне казалось невозможным с Боткиным встретиться, а тем более сотрудничать. Но Балашев, бывший вице-председателем, был иного мнения. Со свойственной ему торопливостью он пригласил меня поехать вместе с ним к Боткину под предлогом осмотра известной боткинской коллекции. Прием превзошел всякие ожидания. Не только была показана коллекция самым предупредительным образом, но было заявлено о великом удовольствии встретиться в музее Общества, и таким образом все приняло совершенно неожиданные размеры. По поводу же моих статей о Софии было сказано, что Боткин читал их с огромным интересом. Конечно, еще много раз пришлось в деле столкнуться с академической рутиною Боткина. При выборах в академики именно Боткин произнес речь против меня, но когда избрание все же состоялось, то на другое утро Боткин уже был у меня, целовался и говорил, улыбаясь: "Ну и была битва, слава Богу, победили". Он не знал, что еще накануне вечером Щусев и Беренштам позвонили по телефону о положении дела. Так же точно Боткин был против моего назначения директором Школы, но когда и оно все же состоялось, он с улыбками и объятиями спешил оповестить о победе. Опасный был человек, но все-таки поблагодарю его за учебу, за вкоренившийся обычай быть на дозоре. И другие члены комитета занимались той же учебою. Так, например, после моего избрания секретарем Общества, председатель финансовой комиссии Сюзор пригласил меня вечером "потолковать о финансовых делах". Речь шла о большом бюджете и о разных цифрах, превышавших 200.000 рублей. Быстро Сюзор называл разные детальные цифры. Устно подводил итоги и делал всякие сложные сопоставления. Я также устно подавал реплики, и таким образом мы пробеседовали часа три. Затем совершенно неожиданно Сюзор попросил меня через два дня представить весь бюджет, включив в него все те многие детальные соображения, которые он называл. Я попросил его дать мне какие-либо записки по этому поводу, но он сказал, что

записок он не имеет и даже не может повторить устно все им сказанное. При этом он добавил, улыбаясь: "Я удивлялся, видя, как вы надеетесь на свою память и ничего не записываете". Действительно, пришлось вызвать все силы памяти, чтобы не ударить лицом в грязь. Спасибо и за такую учебу. В то же время продолжалась учеба со стороны Куинджи, который постоянно давал незаменимые уроки и примеры общественной справедливости и откровенности. Селиванов толкнул к собирательству старинных картин. Каждый из членов Комитета приложился к этой жизненной учебе. Спасибо.

[1937 г.]

Публикуется впервые

Собирательство

Не однажды нас спрашивали, отчего мы начали собирать именно старых нидерландцев? Но кто же не мечтает о Ван Эйке, Мемлинге, Ван дер Вейдене, Ван Реймерсвале, Давиде, Массейсе? Кроме того, в каждом собирательстве есть и элемент судьбы. Почему-то одно подходит скорее и легче. Открываются возможности именно в том, а не в другом, так и было.

Порадовал Блэз, оба Питера Брейгеля, Патинир, Лука Лейденский, Кранах. За ними подошли Саверей, Бриль, Момпер, Эльсгеймер, Ломбард, Аверкамп, Гольциус, старший Ван дер Вельде, Конинг — и в них было много очарования, щедрости построения и декоративности. Затем неизбежно появились Рубене, Ван Гойэн, Остаде, Ван дер Нэр, Ливенс, Неффс, Теньер, Рюнздаль… Друзья не удивлялись, что эти славные мастера вошли в собрание по неизбежности. Дело в том, что душа лежала к примитивам с их несравненными звучными красками и богатством сочинений. Елена Ивановна настолько прилежала к примитивам, что вхождение даже самых привлекательных картин семнадцатого века встречалось ею без особой радости.

Много незабываемых часов дало само нахождение картин. Со многими были связаны самые необычные эпизоды. Рубене был найден в старинном переплете. Много радости доставила неожиданная находка Ван Орлея — картина была с непонятной целью совершенно записана. Сверху был намазан какой-то отвратительный старик, и Е. И., которая сама любила очищать картины, была в большом восторге, когда из-под позднейшей мазни показалась голова отличной работы мастера. Также порадовал и большой ковчег Саверея, где тоже с непонятной целью был записан весь дальний план. Мы не успели восстановить Луку Лейденского, в котором осталось записанным все небо и дальний пейзаж. Вариант этой картины находится в Лувре.

Питер Брейгель был найден совершенно случайно. Распродавалось некое наследство, и меня пригласили купить что-либо. Было много позднейших картин, вне нашего интереса. Продавщица была весьма разочарована. Наконец, высоко над зеркалом в простенке между двумя окнами я заметил какую-то совершенно темно-рыжую картинку. Спросил о ней, но продавщица разочарованно махнула рукой: "Не стоит снимать, вы все равно тоже не купите". Я настаивал, тогда продавщица сказала: "Хорошо, я ее сниму, но вы непременно купите и не отказывайтесь, а для верности положите двадцать пять рублей на

стол". Так и сделали. Картинка на меди оказалась настолько потемневшей, что даже нельзя было распознать сюжет. А затем из-под авгиевых слоев грязи вылупился зимний Брейгель. Много забот доставил "Гитарист" Ван Дейка. Просили за него порядочную цену, о которой мы еще не успели сговориться. Но Е. И. не дождалась окончания переговоров и начала чистить картину. Можете себе представить наше волнение, когда владелец картины пришел для окончательных переговоров. По счастью, все уладилось к обоюдному удовольствию. Был спасен и Блэмарт, на котором было записано все небо с ангелами. Без конца памятных эпизодов. Много дали радости старые нидерландцы. К тому же примитивы так близки современной нашей школе.

[1937 г.]

"Из литературного наследия"

Азия

Восток вообще является понятием относительным. Во всяком случае, оно не географическое. Из Парижа вы едете на юг и приезжаете на восток — в Алжир. Затем из Алжира едете на восток и приезжаете в Грецию и Румынию, которые к востоку не принадлежат. Пределы Азии тоже очень неопределенны. Это давно уже замечено, и начались существенные приставки. Получилась обширнейшая Австрал-Азия, затем соделалась Евразия. Никто не объяснит, почему Астрахань, Кавказ, Крым в существе своем не Азия. Условная граница по Уралу потом расплывается в несказуемую неопределенность. Было время, когда по неведению и неразумению считалось неуместным называть себя азиатами. Но затем трудами многих просвещенных людей этот нелепый предрассудок сгладился. Прозорливый поэт уже воскликнул: "Да, азиаты мы". Как же мы не азиаты, когда сокровищница русская, вся Сибирь неизведанная, сохраненная, занимает большую часть Азии, в чем уже никто не будет сомневаться.

К сердцу Азии потянуло уже давно, можно сказать, от самых ранних лет. Имена Пржевальского и Потанина уже давно стали несказанными магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал. Русь в древнейшие времена уже внимательно слушала сказания мудрых восточных гостей. Сношения с Востоком были гораздо глубже, нежели западники старались это представить. Уже не говоря о восточной сущности Византии и о всех сокровищах восточно-русских, даже в изобразительных искусствах Европы с давних времен можно находить прямые влияния азиатские. Сердце Азии является как бы и сердцем мира, ибо откуда же шли все учения и вся мыслительная мудрость? Поищем внимательно и найдем ко многому истоки все-таки в Азии. Даже северо-американские индейцы разве не являются азийскими аборигенами?

В семье нашей сама судьба складывала особые сношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии или вообще изучали ее. Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали Томские профессора и все толковали об Азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и так или иначе приобщаться к Азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь.

(1937 г.)

"Из литературного наследия"[38]

Индия

От самого детства наметилась связь с Индией. Наше именье "Извара" было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа и до последнего времени оставались следы могольского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайан-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. "Девассари", "Лакшми" (в "Весах"), "Индийский путь" (по поводу поездки Голубева), "Граница царства", "Кришна", "Сны Индии" — все это было написано еще до поездки в Индию, так же, как "Гайятри" и "Города пустынные"[39]. С 1923 года мы были уже в Индии и с тех пор все познание Индии, любовь к ней и многие дружеские сношения возросли. Еще в 1920 году в Лондоне нас посетил Рабиндранат Тагор и звал в Индию. После этого в "Модерн Ревью" в Калькутте появилась большая статья о моем искусстве. Это было как бы введением в Индию. Елена Ивановна уже давно знала и любила книги Рамакришны и Вивекананды.

С 1923 года мы объехали главные достопримечательности Индии, начиная с Элефанты, Агры, Фатехпур Сикри, Бенареса, Сарната, побывали в ашрамах Рамакришны, в Адьяре[40], в Мадуре, на Цейлоне и всюду нашли сердечное приветливое отношение. Установились связи не только с семьею Тагора, но и с многими представителями философской мысли Индии — Свами Рамдас, Шри Васвани, Свами Омкар, Свами Джаганишварананда, Шри Свами Садананд Сарасвати. Сблизились с Джагадис Боше, завязались переписки с Анагарикой Дхаммапаллой, с Рамананда Чаттерджи, с Сунити Кумар Чаттерджи, с Раманом. Скрепилась дружба с художниками Асит Кумар Халдар, Биресвар Сен, с художественными писателями Ганголи, Мехта, Басу, Тандан, Баттачария, Чатурведи, Равал, Кунчитапатам, Тампи, Сиривардхана… Боше-Институт, Королевское Азиатское Общество, Маха Бодхи, Нагари Прачарини Сабха, Индусское Общество Восточных Искусств избрали почетным или пожизненным членом. По предложению Рай Кришнадаса устроили отдельный зал в Бхарат Кала Бхаван, затем Городской Музей в Аллахабаде по инициативе Рай Бахадура Брадж Мохан

Виас тоже посвятил отдельный зал, а затем Траванкорское правительство при содействии Дж. Кезенса приобрело целую группу картин для своей государственной галереи Шри Читралайям. И в других махараджествах Индии предложения устроить выставки: Гайдерабад, Мисор… Трогательно было получать с разных концов Индии просьбы прислать напутственно-приветственные статьи индусским организациям: конгресс Махасабха, Федерация студентов в Дели, бойскауты Маха Бодхи, Стра-Дхарма, Школа Миры… Предисловия к книгам — Фахтулла-хан, Тейджа Синг, Моханлал Кашиап, Бхану Синг, Гупта… Не забуду встречи со "строителем нового Карачи" Джамшед Нуссерваджи. Индия радушно приняла наш Институт. Сердечный привет Индии.

(1937 г.)

"Из литературного наследия"

Наггар

Поднялись из Дарджилинга со всеми вещами, чтобы переехать в старинное место Наггар. Берега Биаса связаны и с Риши Виасой, собирателем Махабхараты, и с Александром Великим, войско которого не пошло дальше этой горной реки. Здесь проходил и Будда и Падма Самбхава, здесь жил Арджуна и другие Пандавы[41]. Недалеко Манали — от Ману. Горячие ключи Басишту и долина Маникаран-Парвати с серебряной рудой. Через Ротанг — уже тибетская природа. Все скопилось в изобилии… Древняя Кулута!

К Рождеству 1928 года доехали до Наггара (по-русски Вышгород). Еще не перешли Биас, из Катрайна увидали высоко на холме дом. "Вот там и будем жить". Нам говорят: "Невозможно! Это поместье раджи Манди. Дом не сдается". Но если что-то должно быть — оно и делается. Все устроилось, несмотря на немалые препятствия. Все-таки преодолели.

На север от нас — Манали, Аржунгуфа, Джагадсуг, Басишта, а за ними снежный Ротанг. Путь на Тибет, на Кайлас, на Ладак, на Хотан — через Гоби — на Алтай. Древний путь.

На восток — Чандер Кани-перевал — за ним Малана (особый монхмерский язык) — Спити — Тибет.

На запад — Бара Бхагал — а за хребтами Кашмир, Пир Панзал, а там и Памир.

На юг — дорога на Симлу, на Манди, на озеро Равалсар, а там и жгучие равнины Индии.

Наггар — место древнее. Несколько старинных храмов. Когда-то здесь были, по словам китайских путешественников, буддийские вихары[42]. Теперь и следа не осталось. Сохраняется предание, что где-то здесь захоронены священные книги во времена тибетского иконоборца Лангдармы. Покровитель долины Нар Синг иногда показывается в виде старца в белом. Гуга Чохан[43], старый раджпутский раджа, тоже почитается хранителем долины.

Разных богов в долине триста шестьдесят. У нас письменное условие между богом Джамлу, британским правительством и нами о пользовании водою. Гремят барабаны и ревут длинные трубы, когда боги посещают друг друга в дни ярмарок. В лесу затерялся храмик — там подвизался отшельник Пахари Баба. Деодары, сосны, дубы еще теснятся по склонам, но много лесов уже нарушено. Внизу под холмом, на старой дороге звенят колокольцы каравана. Чарует зов караванный. Откуда? Куда? С какими вестями?

(1937 г.)
"Из литературного наследия"

Общее дело

Во время моей выставки в Музее Канзас-Сити местная жительница Холме возымела увлекательную мысль, чтобы одна из моих картин — "Властитель Ночи" — была бы поднесена Музею от имени молодежи. Для этого она обратилась в местные школы, где ее предложение было встречено с большим восторгом. Дети любят, когда их привлекают к серьезному делу больших. Как мне писали, при этом произошли многие трогательные выступления. Были даже какие-то детские шествия и газетные обращения, и это общее дело прошло под знаком полного успеха.

Мне лично такое участие молодежи было необыкновенно радостно. Никто не заставлял и не застращивал молодые головы какою-то необходимостью условною. Наоборот, была брошена лишь живая идея, и молодежь разных возрастов в пол ном единении отозвалась. Конечно, немало существует всяких общественных начинаний. Но как бы много их ни было, все-таки хочется, чтобы общественность проявлялась в еще более обширном размере. Широкие круги молодежи должны быть привлекаемы к серьезным общественным построениям. В конце концов, для кого же все строится, собирается, запечатлевается? Прежде всего, для той же молодежи, для будущих поколений. Если всегда и во всем именно молодое поколение будет привлекаться к действенному сотрудничеству, то легче всего образуется живая связь с будущим,

Очень много всегда говорилось о различии и даже о коренном непонимании разновременных поколений. Но дряхлость восприятия обозначается вовсе не поколениями, но совсем другими обстоятельствами, которые нетрудно превозмочь. Каждый знал молодых стариков и очень дряхлых юношей. Дело не в возрасте, а в состоянии мышления. Но чем больше от юных лет человек будет привлекаться к общим делам, чем больше научат его думать об общем благе, тем продолжительнее сохранится молодость всех восприятий.

Государственные строи современности открывают широкий доступ для всего населения ко всем деятельным выявлениям. Но следует, чтобы люди не только чувствовали себя допущенными, но и ощущали бы себя содеятелями. Именно сознание содеятельности во всем ее труде и ответственности приносит здоровое мышление. В этом образе мышления люди научатся и радоваться прекрасному. Создавайте содеятелей.

[1937 г.]

"Зажигайте сердца"

Кормон

Нужно сказать, что Фернанд Кормон несколькими своими указаниями заложил многое незабываемое. Некоторые его считали неисправимым академиком и очень формально сухим человеком. По моим наблюдениям, это было не так. О себе Кормон говорил очень показательно: "Если бы мне пришлось начать снова, я бы сделался скульптором". Действительно, когда вы рассматриваете в Люксембургском музее его "Каина", вы понимаете всю тонкость суждений Кормона о себе. Красок он не знал, но в то же время он очень поощрял краски в учениках. Рассматривая мои эскизы, он сказал: "Мы слишком изощренны (рафинированы) — мы у Вас будем учиться". Затем когда как-то я сказал ему, что люблю не столько работать на глазах у всех в общей мастерской, сколько наедине, он как-то сочувственно улыбнулся и сказал: "Все наши школы — чепуха (blague), человек становится художником, когда остается один. Если имеете средства — возьмите мастерскую, работайте один и приносите мне этюды. С удовольствием и я к вам зайду". Согласитесь сами, что такое суждение довольно необычно для сухого члена Института, каким для многих представлялся Кормон. Нельзя не вспомнить, как Сарджент, познакомившись с некоторыми членами Королевской Академии, с удивлением заметил: "Они оказались гораздо более человечными, нежели можно было предполагать".

Ученики знали как бы двух Кормонов. Один приходил в Академию, сурово поправлял рисунок и не вдавался ни в какие рассуждения об искусстве. Другой же Кормон приглашал к себе некоторых учеников, и в праздничные дни у него собиралась целая оживленная группа, встречавшая совсем другого Кормона. В эти минуты подчас он мне напоминал Анатоля Франса. Не скупился на очень меткие и тонкие определения. Умел похвалить, но в то же время успевал бросить какое-то ведущее слово. Приносили к нему напоказ всякие работы и рисунки, и масляные этюды и эскизы, от законченных и до самых зачаточных. Из моих эскизов ему нравились "Идолы", "Поход Владимира на Корсунь", "Волки", "Вороны" и эскизы для "Веча". Можно было ожидать, что краски идолов будут чужды Кормону, но он хотя и приговаривал "farouche, farouche"[44], но все-таки показывал остальным ученикам, одобрительно восклицая: "Это для будущего".

[1937 г.]

"Зажигайте сердца"

Первопечатник

О происхождении Ивана Федорова очень мало известно. Он был диаконом Николо-Гостунской церкви в Калужской области и оттуда приехал в Москву. Где и когда он родился, кто были его родители — осталось неизвестным.

Скоро после того, как был выпущен первопечатный "Апостол", на Ивана Федорова и Петра Мстиславца начались гонения. Вот что пишет об этом сам Иван Федоров."…Презельного ради озлобления, часто случающегося нам не от самого Государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многие ереси умышляли, хотячи благое дело в зло превратити и Божие дело вконец погубити, яко же обычай есть злонравных, и ненаученных, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше, ниже духовного разума исполнена бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо зависть и ненависть, сама себе наветующи, но разумеет, како ходит и о чем утверждается: сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели".

Беженцы устроились у гетмана Гр. А.Ходкевича в Заблудове и 8 июня 1568 года приступили к печатанию "Учительного Евангелия".

В 1570 году Ходкевич закрыл свою типографию и предложил Ивану Федорову даже землю для занятия хлебопашеством, но последний считал, что ему не пристало "в пахании да сеянии жизнь свою коротать и вместо сосудов с духовными семенами, которые следует по миру раздавать, рассеивать хлебные семена".

Из Заблудова Ив (ан) Федоров отправился во Львов и там после долгих бедствований начал свое любимое книгопечатное дело.

В 1580 году Ив [ан] Федоров работает у кн. Константина Конст [антиновича] Острожского.

После выпуска в г. Остроге в 1581 году так называемой "Острожской Библии", которая является верхом совершенства того времени, Ив [ан] Федоров вернулся во Львов, чтобы самостоятельно продолжать там книгопечатное дело. Но по недостатку средств он не смог выкупить оставшихся там своих типографских инструментов, провел последние годы своей жизни в крайней бедности и скончался 5 декабря 1583 года.

На его могильной плите сохранилась следующая надпись: "… Иоанн Феодорович, друкар Москвитин, который своим тщанием друкование занебдоша обновил". И внизу плиты: "Друкар книг пред тем невиданных".

Неужели и первопечатника изгнали? Откуда же такое расточительство? А теперь Ивану Федорову посвящают дни русского просвещения, марки, празднества культуры!

Однажды я спросил по поводу одного замечательного непризнанного автора, но — мне ответили: "Пусть помрет; лет через пятьдесят и попразднуем".

(1937 г.)

"Зажигайте сердца"

Блок и Врубель

Среди множества разновременных встреч по всему миру особенно сохраняются в памяти общения с Блоком и Врубелем. Оба они были особенные. Оба имели свой самобытный, присущий только им стиль и способ выражения. Часто бывает, что особо схожие по внутреннему содержанию люди между собою не встречаются. Так, Врубель не встречался с Блоком — просто они совершали земной путь каждый по своей тропе. Но с этой тропы каждый из них видел чудесные дали, и в этих далях было так много подобного. Какими-то странными особенностями были окружены наши общения. Почему-то всегда случалось, что общения наши всегда бывали какими-то особенными. Посещения оказывались всегда наедине. Легко, казалось бы, могло случиться, что кто-то мог прийти и внести обычность в беседу, но этого не случалось. Первый раз Блок пришел с просьбою сделать ему для его книги фронтиспис "Италия". На этой почве старинных фресок и великолепных сооружений начались наши внутренние беседы. Говорили и о религиозно-философском обществе, которое Блок перестал посещать, жалуясь, что "там говорят о несказуемом". Предвидение, выраженное в образах, свойственных лишь Блоку, своеобразно сказывалось во всех его речах. Он знал, что мы азиаты, и мудро претворял это утверждение.

К Азии или, лучше сказать, к Востоку тянулся и Врубель. Он понимал и Византию, но именно ту Византию, в которой отобразился истинный Восток. Даже и в последних своих вещах, например, в "Раковине", Врубель был знатоком Востока. Ведь этим путем могли мыслить иранские, индийские и китайские мастера. Незабываемо последнее посещение Врубеля, бывшее в 1905 году. Уже говорили о каких-то странностях, обозначавшихся в его жизни. Помним, он пришел довольно поздно вечером, и за чаем была беседа о новых задуманных картинах. Жили мы в доме Кенига на пятой линии Васильевского Острова, столовая выходила во двор, и стояла полная тишина. Вдруг Врубель примолк и насторожился. Спросили его, в чем дело. Он прошептал: "Поет". Спросили: "Кто поет?". "Он поет, как прекрасно". Мы встревожились, ибо была полнейшая тишина. "Михаил Александрович, да кто же, наконец, поет?" Врубель как-то неожиданно остеклился: "Да, конечно, он, демон, поет". При этом он спешно махнул рукою, как бы прося не мешать. Мы замолчали. Елена Ивановна, которая очень любила Врубеля, тревожно смотрела на меня, и так прошло значительное время. Наконец, Врубель както особенно глубоко вздохнул.

Настороженность пропала. Он поспешно поднялся из-за стола и начал совершенно прозаично прощаться, ссылаясь на поздний час. Замечательно, что даже когда Врубель заболел и был признан неизлечимым, то Академия Художеств продолжала его ненавидеть, — настолько он был противоположен в своей сущности. Когда мы хлопотали о пенсии ему, то именно из недр Академии посыпались возражения и множество кандидатов, которые, конечно, и в подметки Врубелю не годились. Впрочем, академические круги не только ненавидели Врубеля, но и чуждались Блока, настолько их самобытное творчество было чуждо академической рутине.

[1937 г.]

"Из литературного наследия"

Головин

Головин привлекал к себе не только дарованием, но своею утонченностью, постоянным исканием и совершенствованием. Была в нем и какая [-то] таинственность. Никто не знал его домашней жизни. Иногда Головин куда-то спешил. Должен был с кем-то встретиться, и никто не был посвящаем в его внутренний быт. Но это не мешало дружбе с Александром Яковлевичем. Почти каждый вечер в его мастерской над зрительным залом Мариинского Театра собиралась группа друзей. Снизу неслись приглушенные звуки оркестра, шла особая театральная жизнь, а Головин толковал о своих будущих постановках. Углублялся или в "Кармен" или в "Руслана". Многие любили "почаевать" на верхотурке у Головина, и он умел быть радушным хозяином и хорошим другом. Иногда он бывал расстроен. Друзья спрашивали: "Неужели Коровин приехал?" Головин подозрительно смотрел на двери и шептал: "Да, да, черный здесь. Слышу его запах". Вероятно, вражда Головина с Коровиным имела какое [-то) глубокое основание. Мы не расспрашивали о причинах, втайне мы вспоминали пресловутую вражду Энгра и Делакруа. Почти в тех же выражениях говорил Энгр, когда Делакруа появлялся на выставке: "Слышите, серой пахнет!" За исключением Коровина, Головин ко всем был очень приветлив, и даже неизбежные театральные тернии, видимо, не выводили его из себя.

Была истинная радость говорить с Головиным об искусстве. Он любил обсуждать и технические приемы. Искал сочетания темперы и пастели. Думал о лучшей подготовке холста. Болел вопросом о рамах. После всяких проб ввел медные закантовки. Всегда настаивал, чтобы стекло было толстое с фасетом. "Ведь такое стекло все равно, что лучший лак". Даже свои крупные вещи Головин обрамлял медною закантовкою. Интересовался цветными холстами. Его маляр много раз подготовлял их для меня. По заказу "Золотого Руна" на той же театральной верхотурке Головин писал

мой портрет. Непременно хотел, чтобы был надет черный сюртук с желтым жилетом и с лиловатым галстуком. "А в глазах пусть будет что-то монгольское, азиатское" — так ему казалось. Он любил азийскую Русь. Прекрасный художник!

Он умел всегда оставаться молодым, готовым на новые поиски. И в красках его, всегда свежих и нежных, сказывалась природа истинного мастера.

[1937 г.]

"Художники жизни"

Леонид Андреев

После смерти Леонида было в Лондоне устроено поминальное собрание. И я говорил на нем и читал некоторые письма. После собрания подходит Милюков и в большом изумлении спрашивает меня: "Оказывается, вы были большими Друзьями, как же никто об этом не знал?" Отвечаю: "Может быть, о многом не знали, да ведь и никто и не спрашивал". Леонид Андреев тоже был моим особенным другом. Как-то сложилось так, что наши беседы обычно бывали наедине. Профессор Каун в своей книге об Андрееве приводит со слов вдовы покойного забавный эпизод. Она говорила ему о своем удивлении, когда во время наших бесед с Леонидом он говорил о своей живописи, а я- о своих писаниях. Действительно, такие эпизоды бывали, и мы сами иногда от души смеялись, наконец, заметив такую необычную обратность суждений.

Андреев хотел, чтобы я принял более близкое участие в "Шиповнике". Затем через несколько лет он и Сергей Глаголь нежданно как-то очень поздно вечером нагрянули с просьбою и даже с требованием, чтобы я вошел с ними в одну газету. Я старался уверить их, что существование этой газеты будет кратким и вообще не мог себе представить именно их в этом деле. Видимо, они оба очень обиделись, говоря: "Но ведь вы пойдете с нами и ни с кем другим, вы будете знать нас — мы вам верим, и вы нам поверьте". Затем они оба встали и, низко кланяясь, очень смешно твердили: "К варягам пришли — не откажите". Но все мои соображения оказались правильными, и Леонид потом вполне признал это.

Уже незадолго до смерти в Финляндии Леонид скорбно говорил мне: "Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу и не знаю". Тягость одиночества звучала в этом признании. Многое, уже сложившееся внутри, Леонид не успел досказать. В самые последние месяцы жизни он делился новыми затеями и литературными образами, и они были бы так необходимы в серии всего им созданного. Он всегда широко мыслил, но в последние дни появилась еще большая ширина и углубленность. Он писал, что завидует нам в Швеции и Лондоне, собирался приехать и в то же время уже понимал, что сил не хватит. Не уберегли Леонида. А таких, как он, немного, впрочем, и многих не уберегли. Не захотели уберечь, не подумали вовремя. Большое расточительство происходит.

[1937 г.]

"Из литературного наследия"

(Опубликовано без последней фразы).

Шаляпин и Стравинский

Записываю два мнения русских художников. Шаляпин после своей харбинской и шанхайской поездки возопил:

"…К сожалению моему, как вам уже из газет известно, от некоторой части русских мне пришлось просто-напросто убежать! Третьего концерта в Шанхае я не пел, хотя он был объявлен. Утром этого дня я, никому не говоря ни слова, покинул Шанхай с глубочайшим отвращением. Ничего я, разумеется, не боялся, но стало мне невыносимо противно. Много я на своем жизненном пути встречал разных зоологических типов. Одни с длинными ушами, другие с лягающими копытами, но тут я столкнулся с зоологическими типами в больших рогах. А я только артист, не тореадор!..

Меня желали использовать в чуждых мне совершенно политических целях, и когда я от этого — прямо скажу — брезгливо уклонился, меня признали "врагом эмиграции" и "жидовским прихвостнем". Да, конечно, правда, что я враг эмиграции, если эмиграция — то, что я собственными глазами с чувством ужаса и отвращения видел в Харбине. В конце марта японцы приурочили ко дню падения Мукдена какой-то авиационный праздник. Естественно, они праздновали свою национальную победу над врагом. По городу длинной лентой без конца тянулась процессия. Японские части, маньчжурские — все роды оружия. И что же вы думаете выпало мне увидеть? В русских военных и кадетских мундирах человек четыреста русских шествуют в строю в память поражения русской армии!.. Вот это незабываемое впечатление позора окрашивает для меня все то, что произошло…"

Во время своей последней поездки в Прибалтику Стравинский сказал:

"Прежде всего, нужно понять одну и главную причину упадка и угасания Культуры. Это — грех. Падает вера. Европа поглупела. Исподволь и понемногу ее охватывает кретинизм. Надо бы начинать с того, чтобы учить ребенка творить крестное знамение. Воздвигать алтари нужно горней, а не земной любви, приникать к Евангелию, задумываться над Иоанном Богословом. Этот путь не обманет. Нужно постигать религию не умом, — ум здесь может только помочь, он — компас путника, но не сам путник. Три символа, три силы двигают миром и спасают его: вера, надежда и любовь".

(1937 г.)

"Художники жизни"

Дягилев

Сергея Павловича мы любили. Он совершал большое русское дело. Творил широкие пути русского искусства. Все, что делалось, было своевременно и несло славу русского народа далеко по всему свету. С годами можно лишь убеждаться, насколько работа Дягилева была верна. Как все верное и нужное, эта работа была особенно трудною. Сколько враждебности и наветов окружало все, что слагалось Дягилевым и "Миром Искусства". Но и в самые трудные часы Дягилев не падал духом. У него хватало природной стойкости, чтобы одиноко, на своих плечах, выносить и разрешать самые запутанные положения. Санин рассказывал, как однажды в Париже театру Дягилева грозила почти неминуемая гибель. Но никто из участников даже не заметил и малейшего признака опасности. Узнали лишь, когда театр был спасен. Много таких побед!

Весь "Мир Искусства", журнал, портретная выставка, балет, опера — все это легко теперь перечислять, но трудно измерить, какая бездна энергии потребовалась для каждого из этих дел. Много доброжелательства выказывал Дягилев во всех житейских встречах.

Наши отношения начались с конкурсной выставки 1897 года. В "Новостях" Дягилев добром отметил моего "Гонца". Затем он очень хотел получить для Парижской выставки 1900 года "Поход", но картина уже была отдана на академическую выставку. Жаль! После, в 1903 году, Дягилев приехал к нам на Галерную и пригласил на выставку "Мира Искусства" в Москву. Увидав еще неоконченный, по моему мнению, "Город строят", Дягилев взял с меня обещание, что ничего более изменять в картине не буду. Эта московская выставка дала большие следствия.

Следующая встреча наша была на почве театра в 1906 году. "Половецкий стан" (тот, который в Третьяковке), а затем "Псковитянка" (Шатер Грозного), "Игорь" и в 1913 году — "Весна Священная". Уже в Лондон в 1920 году Дягилев прислал мне телеграмму — привет о пятисотенном представлении "Половецкого стана". Не знаю, где находится мой занавес к Китежу — он был принят превосходно. Где занавес Серова? Ведь это была капитальная вещь: "Неужели мыши съедят?"

Последний раз мы виделись в Лондоне в 1920 году. Обсуждались с Бичамом "Царь Салтан", "Садко"… Но Бичам впал в банкротство, и проект развалился. С радостью следили мы, как Дягилев через все трудности преуспевал. Теперь его имя уже обозначает большие русские победы (см. "Венок Дягилеву").

Очень показательно, что Дягилева в последние годы потянуло к библиофильству. Он почуял, что надо спасать и окружить особою бережностью. Дягилев и Бенуа дали незабываемый путь искусства. Хулители на все найдутся. Наверно, ктото поносит "Мир Искусства" вообще. Но история русского искусства сохранит это движение на одной [из] лучших своих страниц.

Хорошо сделал Лифарь, устроив выставку, посвященную Дягилеву.

[1937 г.]

"Художники жизни"

(Было опубликовано с сокращениями)

Западни

Нагорья Тибета часто до того изрыты сурками, что езда делается очень опасной. Даже на шагу конь иногда нежданно проваливается по колено и глубже. Скакать совсем нельзя — можно коню ноги переломать.

Западни повсюду. Понемногу привыкаешь к опасностям, и они становятся как бы неизбывностью жизни. Однажды в поисках каменного века посреди бурного Новугородского озера потекла лодка. Вода быстро прибывала. Пробовали заткнуть течь — не помогло. А ветер крепчал. Гребцы сумрачно переговаривались. Один греб изо всех сил, а другой вместе с нами двумя откачивал воду:

— Не доедем.

— Говорил, нужно было взять у Кузьмы новую лодку.

— Не доехать. Сиверко захлестывает.

— А плавать умеете?

— Нет, не умеем.

— Ну, тогда еще хуже.

Моя милая Лада и тут проявила твердость и спокойствие:

— Все-таки глупо тонуть, — только и сказала, а сама работала не хуже гребца. Вот у кого учиться мужеству. И почему это слово от мужа, когда пример часто придет от женщины? Вдали показалась синяя пологая коса. Гребец осмелел:

— Ин, доедем.

Но другой продолжал настаивать:

— Куда тебе. Того гляди все полотнище высадит.

А через полчаса авральной работы стало ясно, что мы Продвинулись к берегу:

— Бывает и корабли ломат, а бывает и не ломат.

— Не иначе, что Преподобный Сергий вынес из западни. А была западня, вот уж западня! Ну теперь огонек запалим, обсушимся. Не прошло и часу, как мы причалили к илистой косе. Где тут обсушиваться, когда на песке блеснули вымытые волнами стрелки и скребки.

— Спину-то, Елена Ивановна, пожалейте. Не поденная работа, — улыбается Ефим, а сам легко ступает в лаптях по топкому илу. Славный Ефим!

Тонули мы и в Финляндии на озере в растополь перед ледоходом. Пробовали тонуть в Балтийском море около Гапсаля. Лада чуть не сгорела. Юрия чуть не застрелили в Улан-Баторе. Много было всяких западней и водных и земных злокозненных. Учились жизни всячески.

"Зажигайте сердца"

Театр

Театр, волшебный фонарь и калейдоскоп были самыми ранними занятиями. Для театра в магазине Дойникова покупались для вырезывания готовые пьесы: "Руслан и Людмила", "Жизнь за Царя", "Конек Горбунок"… Но эти установленные формы, конечно, не удовлетворяли, и сразу являлись идеи не только усовершенствовать постановку этих пьес, но и поставить что-либо свое. Так была поставлена "Ундина" на сюжет Шиллера, затем "Аида", "Айвенго". Главною задачею этих постановок было освещение посредством разноцветных бумаг. Иногда в театре случались пожары, в которых погибали декорации. Кроме постановок на готовые сюжеты, были попытки сочинять свои пьесы преимущественно исторического содержания. С таким театральным опытом начались с восьмилетнего возраста и школьные годы. В течение гимназических лет несколько раз участвовал в пьесах Островского и Гоголя. Тогда же рисовались и программы, как сейчас помню, с портретом Гоголя. Программы хранились в архивах гимназии Мая, а где они теперь, кто знает? Таким образом, когда барон Дризен в 1905 году заговорил о театре, то почва к этому была совершенно готова. Из первых постановок — "Три Мага" (эскиз к ним — в Бахрушинском музее, но, к сожалению, при наклейке уже в музее были стерты все пастельные верхние слои, в чем я убедился в 1926 году, будучи в Москве), "Валькирия" и "Кн[язь] Игорь". В предисловии к американскому каталогу Бринтон передал мои соображения о тональной задаче, выполненной в эскизах "Валькирии". В 1921 году в дармштатском журнале "Кунст унд Декорацией" Риттер назвал мои декорации к Вагнеру самыми лучшими из всего, что для Вагнера было до тех пор сделано. Такая похвала, исходившая из центра вагнеровского почитания, была весьма замечательной. Из русских опер, кроме "Князя Игоря", были эскизы к "Садко", "Царю Салтану" (Ковент Гарден), "Псковитянке" (Дягилев) и три постановки к "Снегурочке". Первая постановка была для "Опера Комик" в Париже, вторая — в Петербурге и третья — в 1922 году в Чикаго. В 1913 году по предложению Станиславского и Немировича-Данченко был поставлен "Пер Гюнт" в Московском Художественном театре; тогда же для Московского Свободного Театра была приготовлена постановка "Принцессы Мален" Метерлинка в четырнадцати картинах, но из-за краха этого театра постановка не была закончена. В том же году в Париже — "Весна Священная" с Дягилевым и Нижинским, а вторая постановка "Весны" — в 1930 году в Нью-Йорке со Стоковским и Мясиным. В

1921 году "Тристан и Изольда" для Чикаго. Так же не забуду "Фуэнте Овехуну" для старинного театра барона Дризена. Оригинал эскиза был в собрании Голике и был в красках (в несколько пониженной гамме) в монографии 1916 года. Уже во время войны в 1915 году в Музыкальной Драме была поставлена "Сестра Беатриса", музыкальное вступление к ней было написано Штейнбергом и посвящено мне. К серии театральных работ относится и занавес панно "Сеча при Керженце", заказанная мне Дягилевым. Не знаю, где остался этот занавес, так же, как и занавес панно Серова. Были еще эскизы к "Руслану", один акт к "Хованщине" (хоромы Голицына) и эскизы к предполагавшейся индусской постановке "Девассари Абунту". Один из этих эскизов был в собрании Милоша Мартена в Праге. Вы спрашиваете, где находятся все эти эскизы. Они чрезвычайно разбросаны. Корабль "Садко" — у Хагберг-Райта в Лондоне, "Половецкий стан" — в "Виктория Альберт Музее" и в Детройте. "Принцесса Мален" — в Стокгольме в Национальном Музее, в "Атенеуме" /Гельсингфорс/, несколько эскизов в СССР. "Снегурочка" — в Америке, в СССР и где-то в Швейцарии. "Весна Священная" — в СССР, один эскиз был у Стравинского, эскиз для 1930 года — в Музее Буэнос-Айреса. Да, чуть не забыл, еще был эскиз для ремизовской пьесы, который воспроизведен в монографии 1916 года под названием "Дары", и для мистерии "Пещное действо", который воспроизведен в красках в монографии Ростиславова. Можно найти воспроизведения в "Золотом Руне", в "Аполлоне", в монографии 1916 года, в монографии Эрнста, в монографии Еременко и в последней монографии 1939 года. Хотя оригиналы и очень разбросаны, но из приведенных монографий можно собрать значительное число разных воспроизведений, и среди них — некоторые в красках. Предполагались еще совместные работы с Фокиным, с Коммиссаржевским, с Марджановым, но за дальними расстояниями и переездами все это было трудно осуществимо. Были беседы и с Прокофьевым, и я очень жалею, что не пришлось осуществить их, ибо мы все очень любим Прокофьева. В театральных работах так же, как и в монументальных стенописях, для меня было всегда нечто особо увлекательное.

(1937)

"Из литературного наследия"

Грабарь

Некоторые говорят о ненужности автомонографий. Неправы они. Каждое такое жизнеописание дает неповторимый материал. Вспомним Челлини. Автобиография Грабаря дает множество характеристик. К тому же она сообщает о молодости Грабаря — нелегко ему было. Эти трудности — ключ ко многому. Пусть даже некоторые сообщения в книге неверны — может быть, стерлись годами, но вся книга полна значения. К Грабарю бывало несправедливое отношение. Щербов зло перефразировал имя: Ирод Грабер. Щербов и Рауш уверяли, что когда у Грабаря глаза круглые — тогда он привирает. Говорили о неискренности. Мало ли что шепчется, а о деятеле — тем более. Грабарь закрепил себя не только в искусстве, но, подобно Визари, и в писаниях. Сообразите все им сделанное и скажете спасибо. Разве уж так много подобных деятелей? Жаль, что осталась неоконченной история русского искусства. Грабарь задумал ее оригинально. Отделы были поручены знатокам дела. А у нас так мало было издано о неисчислимых сокровищах русских просторов. Свой организаторский талант Грабарь проявлял не однажды. И каждый знает, как это было нелегко в среде недоброжелательства и под косым взглядом академической рутины.

Грабарь сам пробил свой путь — без богатых или сановных родственников. Елена Ивановна и я одинаково ласково относились к Игорю и радовались его достижениям. Последний раз мы виделись в Москве летом 1926 года. Тогда Грабарь руководил реставрационной мастерской. Без сомнения, много добра для старинного искусства произошло от его советов и указаний.

Как всегда деятельный, он был полон замечаний о работах. И всюду, где он появлялся, зарождалось какое-нибудь новое, полезное дело! И на словах и в книге своей Грабарь выражается твердо. В наше шаткое время деятельность и деловитость особенно нужны. От многого Грабарь мог бы поникнуть духом. Развалились выставки Мекка и Щербатова. В 1915-м во время немецкого погрома в Москве в типографии Гроссмана и Кнебеля погибли все материалы биографий русских художников. Много препон и задорин на пути созидательства. Но Грабарь не унывал, и это качество всегда нам было ценным. Картины Грабаря — в лучших Музеях. В русской школе они составили отличное звено между московским и питерским течениями. И сейчас, приближаясь к восьмому десятку, Игорь мыслит бодро и дает целую галерею выдающихся портретов. Вспоминали мы в

Гималаях Игоря и жену его, а тут с почты несут его книгу.

(1936 г.)

"Художники жизни"

Симфония жизни

Увлекательна радость наблюдать великое делание. Поистине, это ощущение подобно вибрациям великой симфонии.

Вы наблюдаете все нарастания и замирания, чтобы с трепетом уследить, как именно замирание созвучий разрастется в блестящий утверждающий аккорд. И как нарастания превратятся в торжественную фугу, всегда обновляясь и храня основную тему. Вот уже как будто тема иссякла. Не повторилась ли она? Нет. Она опять возродилась в новой тональности, напитанная новою убедительностью.

Выросло маэстозо. Вот, вот оно уже как бы кончилось, но лишь для того, чтобы зазвучать вновь и затронуть новые струны нашего сердца. Вот уже как бы высшая мера — кажется, дальше нельзя… Но гениальный композитор неистощим. Вливаются новые силы, и следует новое разрешение.

Навсегда остаются в душе призывы таких мощных симфоний. В усталости ли, в раздумьи ли человек про себя повторяет эти потрясшие его созвучия, и сколько обновления и неисчерпаемости открывают они в живом сердце!

Взяв сравнение музыки, невольно вспоминается и страна, где так много музыки и песен, рожденных в самой жизни. И теперь на наших глазах мы слышим симфонию жизни в великом делании. Разве не великое это делание, когда вы просмотрите, или, вернее, прослушаете эту симфонию от ее зачатка. Во всех волнах нарастания пусть видят молодые учащиеся, чего может достигать дух, сознательно устремленный к процветанию страны.

Все великое прошлое возлагает на плечи делателей огромную, казалось бы, подавляющую для других ответственность. Но радостно и проникновенно принята эта ответственность. В светлом добровольном порыве разрешились многие, казалось бы, нерешимые проблемы.

Великий делатель заставляет поверить в себя, ибо без этого доверия он не мог бы строить. Сознание народа, смущенное недавними потрясениями, признало этот собирательный маяк.

Даже те, которые по какой-либо причине не могли сразу понять благотворность делания, они, в конце концов, должны признать, что совершается нечто высокополезное, нечто собирающее и координирующее нервы страны.

Сейчас происходит на глазах наших целый ряд подобных деланий в разных размерах. Во время душевных потрясений человека лечат музыкой. Так же точно во время мировых кризисов сознание укрепляется лицезрением действующих

обновителей и укрепителей жизни. Правда, исторические примеры, как нельзя более нужны. Они должны быть преподаны во всех школах, от низшей и до высшей. Но сердце, хотя бы и укрепленное далеким прошлым, жаждет прикоснуться к дню сегодняшнему и утвердиться сознанием, что великие делания возможны здесь, сейчас, неотложно. Исторические примеры дадут основу, но вырасти делание может, если будет поддержано тем, что возможно сейчас, несмотря на все трудности.

Преодоление трудностей уже будет необычайно возбуждающим средством для всех, следящих за нарастанием аккорда. Великие примеры, созданные в преодолении трудностей, поистине незабываемы. Не было отступления, происходило нарастание, которое не может не быть признано и друзьями, и врагами. Конечно, наличность врагов сохраняется. Ведь нельзя же без них; без врагов, как песнь без аккомпанемента. Да и на ком же измерить длину тени своей делателю?

Вполне естественно, что творец не может не смотреть широко кругом, но в своей мощной симфонии он вносит и в далекие предметы отзвуки той же силы и неотложности, как и среди ближайших дел. Авторитет, заработанный трудом неустанным, не может быть заменен никакими другими убеждениями. А ведь сейчас люди так нуждаются в авторитетах. От известного они пришли к самому неизвестному. Поклонившись самому неизвестному, люди увидели, что от этого построения пути нет. И они опять загрустили об авторитетах. И таким образом возникли истинные значения. В этом понимании истинных значений заключен залог преуспеяния. По неведению люди запнулись за многое, через что нужно было лишь перешагнуть, если ясен путь дальнейший. Но очищая значение остальных понятий, люди получат и путь ясный, в котором "ужасные проблемы" станут лишь камнями перехода великой реки.

Великие примеры научают не бояться. Ведь каждому большому делателю угрожает бесчисленное количество опасностей. Опасности эти не претворяются в действие, ибо делатель прежде всего их не боится. А все то, чего мы не боимся, уже теряет всякое значение, если оно было направлено лишь, чтобы ужаснуть нас. Как же должны быть признательны люди каждому великому делателю, безразлично, будут ли они вполне или не вполне согласны с подробностями его пути. Когда вы видите величественную картину, то по строению самого глаза вы не рассмотрите подробностей ее. Вам будет жаль разбить ваше цельное возвышающее впечатление о какую-либо неясную вам подробность. Большое и вызывает большие меры. Если же что-нибудь может вернуть измельчавшее человечество к большим

мерам, к большим переходам, к великим восхождениям, то мы должны всемерно беречь эти великие путевые вехи мира.

Музыка понималась в классическом мире как вообще художественно-образовательное понятие. Пусть будут примеры музыки в этом широкотворческом понимании наиболее выразительны и для других жизненных достижений.

Музыку нельзя рассказать словами. Она должна быть воспринята в действии. То же самое и во всяком творчестве. Потому-то положение художественной критики всегда относительно. Так же теоретически можно рассуждать о возможности жизненных великих примеров и в наше время. Одно будет теоретическое рассуждение, но совсем другое, когда видим эту великую симфонию жизни, проявленную тут же, при всех, на тех самых местах, где она казалась немыслимой. Честь и слава великим делателям!

Честь им, которые в жизни, в трудностях, в опасностях и трудах вносят неустанное просвещение народа и, подобно неутомимому ковачу, выковывают героический дух нации. Честь и слава великим делателям, которые и денно, и нощно ведут народ ко благу. Великая симфония жизни!

Отрицание, вечный тормоз движения — проклятие мира. Высока ценность Культуры во всех ее видах. Честь нации в работе на Культуру. Народам почет постольку, поскольку они внесли свою долю в Культуру человечества. Велика существенная важность труда, которым человек побеждает природу и творит мир — мир во всем.

Этическая основа охватывает всю действительность, всю человеческую деятельность. Ни одно деяние не избавлено от морального суда. Высока ценность Красоты: хранилища народной памяти в сказаниях, языке, быте, строении. Красота — главнейшая духовная сила, движущая народами: она является преемственным и непрерывным творчеством народной души.

[1938 г.]

Публикуется впервые

Парапсихология

Новые взлеты мысли порождают и новые слова. Еще недавно завоевало себе право гражданства понятие психологии — не будем повторять значение этого греческого слова, ибо оно достаточно всем известно. Постепенно психология завоевывала новые области и проникала в глубины человеческого сознания. Психология связалась с неврологией, обратилась в Институт Мозга, коснулась областей сердца и сосредоточилась на изучении энергии и мысли.

Уже давно Платон заповедал, что идеи управляют миром, но наука о мысли оформилась сравнительно совсем недавно. Вполне естественно, что потребовалось и новое утонченное обозначение для этой широчайшей области. Таким образом, получилась многозначительная надстройка над понятием психологии — родилась парапсихология. Радиоволны, чувствительные фотографические фильмы и многие новые пути науки сроднились с областями парапсихологии, и не случайно человеческое внимание устремилось к этой высшей области, которая должна преобразить многие основы жизни.

Во времена темного средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончались бы инквизицией, пытками и костром. Современные нам "инквизиторы" не прочь и сейчас обвинить ученых-исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя. Также мы знаем, что за исследование в области мысли серьезные ученые получали всякие служебные неприятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так бывало и в Европе и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих заторов и наветов. Эволюция противоборствует темному невежеству, и сама жизнь блестяще выдвигает то, что еще недавно вызывало бы глумление невежд. Ведь не забудем, что еще на нашем веку одна ученая Академия назвала фонограф Эдисона проделкою шарлатана. Еще недавно некий врач уверял, что если микроорганизмы требуют такого большого увеличения для изучения их, то они вообще не могут иметь значения и приложения во врачебной практике. Такого рода заявления, как видите, передаются и сейчас печатным словом. Но если косность костенеет, то все живые части

человечества неудержимо стремятся к истинному широкому познанию.

Мы узнаем, что в одной Америке сорок профессоров заняты изучением энергии мысли. Перед нами лежит журнал "Парапсихология", издаваемый под редакцией проф. Рейна (Дьюк Университет в Сев. Каролине). Проф. Рейн и проф. Макдугл уже много лет работали над передачею мысли на расстояние. Нам уже приходилось отмечать их блестящие результаты в этой области. Теперь же проф. Рейн привлек к сотрудничеству целую большую группу интеллигентных студентов и вместе с ними произвел ряд поучительнейших опытов.

Сперва передача мыслей производилась на кратчайших расстояниях в простейших формулах, но затем опыты постепенно перешли и на более далекие расстояния и сделались сложными и по содержанию своему. В течение нескольких лет было установлено, что мысль несомненно может передаваться на расстояние и для этого люди вовсе не должны становиться какими-то сверхъестественными посвященными, но могут действовать в пределах разума и воли. Несомненно, что область мысли, область открытия тончайшей всеначальной энергии, суждена ближайшим дням человечества. Таким образом, именно наука, называйте ее материальной или позитивной, или как хотите, но именно научное познание откроет человечеству области, о которых намекали уже древнейшие символы.

Если мысль мировая направляется по определенному пути, то множество неожиданных пособников могут быть усмотрены наблюдательным умом исследователя. Появились люди, Притом самые обыкновенные, которые без приемника улавливают радиоволны или могут видеть через плотные предметы, подтверждая этим, что орган зрения может действовать и за пределами физических условий.

В Латвии под надзором врачей и ученых находится маленькая девочка, читающая мысли. Врачебный надзор исключает какое бы то ни было шарлатанство или своекорыстие. В конце концов, такой феномен уже перестает быть таковым, если и студенты Университета Сев. Каролины совершенно естественно достигают путем упражнений очень значительных результатов.

Также весьма замечательны опыты с недавно изобретенным аппаратом, устанавливающим тончайшие, до сих пор еще не уловленные пульсации сердца. Еще на днях доктор Анита Мьюль рассказывала нам об этих произведенных ею опытах. При этом оказывалось, что высокая мысль чрезвычайно повышала напряжение и утончала вибрации, тогда как мысль обиходная, уже не говоря о мысли низкой, сразу понижала вибрации. Кроме

того, было замечено, что объединенная мысль группы людей, составивших цепь, необычайно усиливала напряжение. Доктор Анита Мьюль вынесла также наблюдения из своего недавнего посещения Исландии, Дании, а теперь, вероятно, и Индия, где она находится, даст ей новые импульсы.

Конечно, всякие такие соображения, хотя бы и подтвержденные механическими аппаратами, продолжают оставаться для большинства "терра инкогнита". Но по счастью, эволюция никогда не совершалась большинством, а была ведома меньшинством, самоотверженным, готовым претерпеть выпады невежд. Но правосудие истории неизбежно. Имена невежд, противодействующих знанию, становятся символами постыдного ретроградства. Имя Герострата, уничтожившего произведение искусства, осталось в школьных учебниках, только не в том значении, о котором этот безумец мечтал. Имена невежд, подавших свои голоса за изгнание из Афин великого Аристида, не так давно были найдены при раскопках в Акрополе и пополнят собою мрачный синодик невежд и отрицателей. Конечно, не забудем, что человек, уловивший радиоволны без аппарата, и теперь еще угодил в сумасшедший дом, ибо некоторого сорта врачи не могли допустить эту способность. Вообще многие человеческие способности удивят косных ретроградов, и им придется пережить немало постыдных часов, когда все, что они отрицали, займет свое место в области точных наук.

Еще и теперь передача мыслей на расстояние некоторыми обскурантами считается чуть ли не колдовством. Мы можем привести примеры, когда эта, уже установленная десятками профессоров область вызывает грубые насмешки и восклицания о получении вестей из голубого неба. Не говоря уже о примерах, запечатленных в литературе многих веков и народов, позволительно напомнить невеждам, что радиоволны, которые уже вошли в их же каждодневный обиход, тоже получаются именно из голубого неба. Плачевно подумать о том, что люди не задумываются над многими очевидными явлениями и о космических основах или законах, лежащих за ними. Как попугаи, невежды не прочь иногда твердить труизмы, сами не понимая их значения. Так, кричащие о вестях из голубого неба не подозревают, что они говорят о том, что уже установлено научными исследованиями и запечатлено аппаратами.

Столько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством! Нелепые запреты, созданные косностью отрицателей, начинают спадать. Еще вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-

Веды[45], столь еще недавно осмеянные, оживают под рукою просвещенных ученых. В Москве основывается Институт Изучения Тибетской Медицины, западные ученые нашли чрезвычайно знаменательные указания среди древних китайских заветов, которые вполне отвечают новейшим европейским научным открытиям. И древняя знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке, открывшей большое количество адреналина именно в этих амфибиях, кроме того, в них уже найдено новое вещество буффонин, очень близкое к дигиталису. Можно приводить множество примеров среди подобных новейших открытий. Ослиная шкура китайской медицины тоже была оправдана в отношении витаминоносности последними исследованиями доктора Рида.

Другой ученый, доктор Риил, под древнейшими символами установил указания на железы, значение которых сейчас понято и так выдвигается наукою. Таким образом, в разных областях науки древние знания выявляются под новым, вполне современным аспектом. Если собрать эти параллели, то получится многотомное сочинение. Но завершительным куполом всех этих исканий будет та основная область, которая сейчас идет под наименованием парапсихологии, ибо в основе ее лежит все та же великая всеначальная, или психическая энергия. Мечта о мысли уже оформилась в науку о мысли. Мысль человеческая, предвосхищающая все открытия, уже носится в пространстве и достигает человеческое сознание именно "из голубого неба". Мозговая деятельность человека приравнивается к электрическим феноменам; еще недавно биолог Г.Лаховский утверждал, что все этические учения имеют определенно биологическую основу. И таким порядком труд Лаховского подтверждает опыты доктора Аниты Мьюль с электрическим аппаратом, наглядно отмечающим значение качеств мысли. Даже миф о шапке-невидимке получает научное подтверждение в открытых лучах, делающих предметы невидимыми. Итак, повсюду вместо недавних отрицаний и глумлений возникает новое безграничное знание. Всем отрицателям можно лишь посоветовать — "знайте больше и не затыкайте ушей ваших ватою преступного невежества". Издревле было сказано, что невежество есть прародитель всех преступлений и бедствий.

Будет ли парапсихология, будет ли наука о мысли, будет ли психическая, или всеначальная, энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий. Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство — этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век

есть эпоха Энергетического Мировоззрения.

1 Января 1938 г.

Урусвати

"Обитель Света"

Творчество

Лизипп прежде, чем сделаться ваятелем, был подмастерьем кузнеца. Печаль мыслящей души и горести голодного тела не иссушили сердца великого художника. Нет той засухи, которая может уничтожить зерно творчества, готовое процвести. В самых тяжких трудах народная песня звучит призывом к обновленному творчеству. Заложено оно в качестве каждого труда. Искусство, знание, труд — сыны того же творчества — ведущего, возводящего.

Задачи искусства с древнейших времен характеризованы самыми различными словами. Как бы ни были разнообразны эти определения, но сущность их всюду сквозит одна и та же. От искусства прежде всего требуется убедительность. Говорят, что для убедительности нужно увидеть красиво. Так оно и есть. Увидеть красиво — это значит и понять наилучшую композицию. Что же такое есть эта композиция? Много говорилось об условном, умышленном сочинении. Говорилось о тенденции, о претенциозной сюжетности, вообще много раз люди хотели выразить свое справедливое негодование против чего-то, что по их мнению отягощало и обескрыливало высокое понятие творчества.

Действительно, бывает условное сочинение. Такая композиция всегда будет, в конце концов, утомлять и надоедать. Это будет искусственная композиция. Но существует и другая композиция, естественная и словами нареченная. Художник может увидеть так четко и строительно, что из его песни, как говорится, слова не выкинешь. Именно так, как бывает в природе, когда самые разнообразные элементы сочетаются в полном согласии. Когда рассматриваешь группу кристаллов, то всегда можно удивляться, как даже при неожиданности форм они образуют стройное убедительное целое. Так бывает и во всем художественном творчестве. Произведения бывают так естественно кристаллизованы, что даже рассуждения о композиции вообще отпадают. В таком кристалле творчества выразится и та убедительность, которая может быть очувствована, но слова будут бессильны ее выразить и дать о ней какой-либо рецепт.

Картину, естественно построенную, вы не урежете и не прибавите. Вы не передвините ее части, не оттого, чтобы не нарушить "симметрию", но чтобы не лишить ее жизненного равновесия. Вам захочется жить с такой картиною, ибо в ней вы будете находить постоянный источник радости. Каждый предмет,

источающий радость, уже представляет истинную драгоценность. Вам безразлично, к какой школе или к какому течению будет относиться этот предмет искусства — он будет убедительным проводником Прекрасного и даст вам часы, в которые вы полюбите жизнь. Вы будете признательны тому, кто помог вам улыбнуться жизни, и будете беречь этот иероглиф Красоты. И вы станете добрее, не сухим приказом морали, но творческим излучением сердца. В вас пробудится Творец, сокрытый в недрах сознания.

Наука в ее лучших открытиях оказывается уже искусством. Такие поразительные научные синтезы навсегда запечатлеваются в человеческом мозгу как нечто покоряюще убедительное. Тогда наука уже не является условной синхронизацией фактов, но победительно устремляется в область новых познаваний и ведет за собою человечество.

Творчество, будет ли оно в знании или в художестве, словом, во всех областях, руководимых музами классического миРа, оно будет увлекательно, то есть убедительно. Наука уже входит в такие необъятные области, как мысль. При этом обнаруживается, что мысль действует по каким-то законам, еще не произнесенным человеческими словами, но уже ощущаемым в ряде производимых сейчас опытов. Ум мыслителя будет творческим.

От искусства постоянно требовали, чтобы оно было творческим. Это требование более чем справедливо. В конце концов, искусство и не может быть не творческим. Будет ли это сложнейшая картина, будет ли это пейзаж, будет ли это портрет, но раз это произведение выйдет из-под руки подлинного художника, оно будет творческим. В сложности современных понятий, может быть, и само понимание творчества раздробилось. Иногда люди начинают полагать, что творчество должно выражаться в формах, не имеющих ничего общего с реальностью. Все еще помнят шутку, подстроенную на одной французской выставке, где картина оказалась написанною хвостом осла. В поисках творчества люди иногда начинают вместо освобождения (ибо творчество должно быть свободно) искать каких-то новых ограничений и условных рецептов. При этом забывается самое основное условие творчества, — творчество прежде всего не терпит ничего условно навязанного и самоограничительного.

Для примера вспомним хотя бы Гогена. Можно ли его картины назвать условными и нарочитыми? Именно в свободе творчества Гоген перешагнул за все рамки сюжета или каких-либо ограничительных технических правил. Гоген всегда остается творческим художником, иначе говоря, всегда остается

убедительным подлинным мастером. Сила убедительности Гогена не в каких-либо рецептах и рассудочно придуманных правилах. Он творил так же, как поет птица, которая не может не петь, ибо ее песнь есть выражение ее сущности. Убедительность Гогена живет в том, что он был способен увидать каждую свою картину как часть творческой природы.

Таинственное видение картины именно так, как нужно, именно так, как убедительно, будет всегда далеко за приемами технических правил. Творцы всех времен и народов создавали произведения, не только интуитивно увидев их в лучшем выражении, но они распространяли свое творчество и на самый материал, из которого они работали. Ваятель, уже увидев глыбу мрамора, творил из нее в лучших пределах. Художник-резчик пользовался каждым качеством куска дерева, чтобы слить его с образами, явившимися творческому глазу. Живописец интуитивно выбирал красочный материал для каждого своего выражения. Художник не мог бы потом объяснить, почему именно ему требовалась масляная живопись, или темперная, или акварельная, или пастель. Так было нужно. Почему оратор повышает и понижает свои интонации? Почему музыкант находит те несказуемые чарующие гармонии, которых он и сам не может уже повторить?

Сейчас много говорят об интуиции. Пишутся труды об интуитивной философии. Ищутся решения проблем не только в вычислениях, но и в интуитивном синтезе. Один художник говорил: "Сделайте так, чтобы поверили". Другой, рассуждая о некотором реалисте, говорил — неужели он должен изобразить даже и всю придорожную грязь, потому что она в реальности существует? Но в то же время не будем говорить и против реализма. Ведь реализм есть стремление к действительности. А действительность дает и ту убедительность, которую нужно увидать красиво.

За последнее время также много говорилось о синтезе искусства. В изобразительных искусствах синтез есть не что иное, как конденсация всех добрых возможностей. Однажды Брюллов в шутку говорил, что искусство чрезвычайно легко: "стоит взять нужную краску и положить ее в нужное место". Мастер и большой техник в сущности сказал правду. Именно, нужно положить краску и сделать так, как нужно. А нечто подскажет, что есть это "нужно". Мастер знает, что иначе и нельзя было бы сделать, а когда вы спросите его, по каким таким законам и правилам он сделал именно так, а не иначе, то никакой художник не объяснит вам, в силу каких законов он поступил так.

Сопоставляя произведения разных времен и народов, мы

видим, что нередко самые, казалось бы, разнородные произведения отлично уживаются в общем сочетании. Можно легко себе представить, как некоторые примитивы и персидские миниатюры, и африканское искусство, и китайцы, и японцы, и Гоген, и Ван Гог могут оказаться в одном собрании и даже на одной стене. Не материал, не техника, но нечто другое позволит этим совершенно различным произведениям ужиться мирно вместе. Все они будут истинно творческими произведениями. При этом все роды искусства — и скульптура, и живопись, и мозаика, и керамика, словом, решительно все, в чем выразился творческий порыв мастера, будут друзьями, а не взаимоисключающими врагами.

Каждый из нас нередко слышал взаимоисключающие суждения. Кто-то говорил, что он понимает лишь старинную школу. Кто-то запальчиво возражал, что все должно быть в движении, и потому он радуется лишь модернистам, хотя бы и в резких их проявлениях. Кто-то почитал лишь масляную живопись, а другие преклонялись перед легкою акварелью. Кто-то уверял, что он любит лишь "законченные картины", а другие говорили, что для них дороже всего эскизы как первые одухотворенные порывы творца. Кто-то хотел восхищаться лишь монументальными творениями, но другие любовно улыбались миниатюрам. Одни ограничивали себя грандиозом, а другие находили отдых души и в малых художественных библо. Означают ли всякие такие ограничения и ограниченность души любителя или же, может быть, эти любители просто засорили свои возможности?

Очень часто и любование, и собирание зависят от какогото случайного первого толчка. Когда-то человек, может быть, услыхал о том, что картина писана масляными красками, и это выражение запало в его мозг. Ребенок в семье услышал поразившее его слово об акварели, может быть, ему дали ящик с акварельными красками, и из случайного начала потом сложилось внимание именно к этому материалу. Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальною случайностью. Конечно, эти "случайности" часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и естественно распустились почки, долго спавшие в зимних холодах. Началось новое творчество!

Какое прекрасное слово — "творчество"! На разных языках оно звучит зовуще и убедительно. Оно в самом себе уже говорит о чем-то скрыто возможном, о чем-то победительном и

убедительном. Настолько прекрасно и мощно слово "творчество", что при нем забываются всякие условные преграды. Люди радуются этому слову как символу продвижения. Веление творчества покрывает собою все рассудочные шептания о правилах, о материалах, обо всем том, о чем часто рычит пресекательное слово "нельзя". Творчеству все можно. Оно ведет за собою человечество. Творчество есть знамя молодости. Творчество есть прогресс. Творчество есть овладение новыми возможностями. Творчество есть мирная победа над косностью и аморфностью. В творчестве уже заложено движение. Творчество есть выражение основных законов Вселенной. Иначе говоря, в творчестве выражена Красота.

Сказано — Красота спасет мир. Этой формуле улыбались и сочувственно, и осудительно, но опровергнуть ее никто не мог. Есть такие аксиомы, о которых можно удивляться, но ниспровергнуть их нельзя. Человечество мечтает о свободе, оно пишет этот великий иероглиф на фронтонах зданий. В то же время человечество пытается всеми мерами ограничить и снизить это понятие. Великая свобода мысли явлена в истинном творчестве. Истинным же будет то, что прекрасно и убедительно. В тайниках сердца, за которые ответственен сам человек, заложено верное суждение о том, что есть истинная убедительность, что есть творчество, что есть Красота. "Не картина, но правда", — говорил Веласкес. Вспомним и два прекрасных отрывка из Анатоля франса: "Все, что имеет цену лишь вследствие новизны и некоторого исключительного художественного вкуса, старится быстро. Художественная мода проходит, как и все другие моды. Существуют вычурные фразы, которые хотят быть новыми, как платья, выходящие от известных портных; они держатся только один сезон. В Риме во времена упадка искусств статуи императриц были причесаны по последней моде. Эти прически вскоре становились смешными; надо было менять их, и на статуи надевали мраморные парики. Нужно, чтобы стиль, причесанный, как эти статуи, был перечесываем каждый год. И поэтому-то в наше время, когда мы живем так скоро, литературные школы существуют только немногие годы, а подчас только несколько месяцев. Я знаю молодых людей, стиль которых уже опережен двумя или тремя генерациями и кажется архаическим. Это, наверное, действие удивительного прогресса индустрии и машин, уносящего удивленные общества. Во время Гонкуров и железных дорог можно было еще довольно часто оставаться на некоторой форме художественного письма. Но со временем телефона литература, зависящая от нравов, возобновляет свои формы со скоростью,

лишающей предприимчивости. Мы скажем с Людовиком Галеви, что единственные простые формы могут спокойно пройти не через века, что было бы слишком много, но через годы.

Единственное затруднение — это найти простой стиль, и должно сознаться, что это затруднение велико.

Природа в том виде, по меньшей мере, в каком мы можем познавать ее, и в средах, приспособленных к жизни, не предоставляет нам ничего простого, и искусство не может претендовать на большую простоту, чем природа. Между тем мы прекрасно понимаем друг друга, когда говорим, что такой-то стиль прост, а такой-то — нет.

И я скажу, что если нет простых стилей, то есть стили, которые кажутся простыми, и именно с этими последними связаны молодость и долговечность. Остается только изыскать, откуда у них эта счастливая внешность. И подумаешь, конечно, что они обязаны ей не тем, что они менее других богаты разными элементами, но тем, что образуют целое, где все части так хорошо скреплены, что их не различишь. Хороший стиль, наконец, подобен этому лучу света, входящему в мое окно, теперь, когда я пишу, и обязанному своей чистой яркостью внутренней связи сечи цветов, из которых он составлен. Простой стиль подобен белой прозрачности. Это, конечно, только образ, и известно, как мало стоят образы, если они собраны не поэтом. Но я хотел дать понять, что в языке прекрасная и желанная простота — только внешность и что она слагается единственно из хорошего порядка и главенствующей внутренней экономии речи".

"Если вы хотите вкусить истинного искусства и испытать перед картиной глубокое впечатление, взгляните на фрески Гирландайо, в Santa Maria Novella во Флоренции, "Рождество Богородицы". Старинный мастер показывает нам комнату роженицы. Анна, приподнятая на постели, не молода и не красива, но видно сразу, что она хорошая хозяйка. У изголовья ее постели расположена банка с вареньем и два граната. Служанка, стоящая у ложницы, подносит ей сосуд на блюде. Ребенка только что мыли, и медный таз еще стоит посреди комнаты. Теперь маленькая Мария пьет молоко прекрасной кормилицы, молодой матери, милостиво предложившей грудь ребенку своей подруги, чтобы это дитя и ее собственное, почерпнув жизнь у одного источника, сохранили бы в ней одинаковые наклонности и, вследствие общей крови, любили бы друг друга братски. Около нее молодая женщина, похожая на нее, или скорее молодая девушка, быть может, ее сестра, богато одетая, с открытым лбом и с косами на висках, как у Эмилии Пии, протягивает руки к младенцу очаровательным движением, выдающим пробуждение

материнского инстинкта. Две благородных посетительницы, одетых по флорентийской моде, входят в комнату. Их сопровождает служанка, несущая на голове дыни и виноград, и эта фигура пышной красоты, одетая по-античному, опоясанная развевающимся шарфом, является в этой домашней и набожной сцене какой-то неведомой языческой грезой. И вот, в этой теплой комнате, на этих нежных женских лицах я вижу всю прекрасную флорентийскую жизнь и расцвет раннего возрождения. Сын ювелира, мастер первых часов, явил в своей живописи, прозрачной, как заря летнего дня, всю тайну этого куртуазного века, когда существовало счастие жить, и очарование жизнью было столь велико, что сами современники восклицали: "Милостивые боги! Блаженный век!"

Художник должен любить жизнь и показать нам, что она прекрасна. Без него мы сомневались бы в этом". Леонардо заповедал:

"Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось от природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу".

"Живописец должен быть всеобъемлющ. О, художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явления природы! Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением природы".

В истории перечисляются разнообразные, удивительные труды Леонардо да Винчи во всех областях жизни. Он оставил поразительные математические записи, исследовал природу воздухоплавания, погружался в медицинские соображения. Он изобретал музыкальные инструменты, изучал химию красок, любил чудеса естественной истории. Он украшал города великолепными зданиями, дворцами, школами, книгохранилищами; строил обширные казармы для войск; вырыл гавань, лучшую на всем западном берегу Адриатического моря, и строил великие каналы; закладывал могущественные крепости; сооружал боевые машины; рисовал военные картины… Велико разнообразие!

Но после всего замечательного Леонардо в представлении мира остался художником, великим художником. Это ли не победа творчества?!

24 Марта 1938 г.

Гималаи

Первая часть очерка опубликована в сб. "Зажигайте сердца"

Александр Яковлев

Безвременно ушел Яковлев. Когда в Парижском авионе мелькнула поражающая фраза: "Умер художник Яковлев", мы искренне не поверили. Только что перед этим известием мы имели хороший разговор об Александре Евгениевиче. Кашгарский врач Яловенко, которого судьба забросила в наши горы, услыхав нашу похвалу искусству Яковлева, рассказывал о последнем посещении Туркестана художником. Приятно было слышать сердечные воспоминания о высокодаровитом мастере.

Рассказывалось о доброжелательстве Яковлева, о его неустанной работе и о поддержании им высокого духа среди прочих участников Ситроэновской экспедиции. Во время остановок Яковлев нередко украшал стены своими набросками и Щедро давал путевым друзьям свои быстрые портреты и эскизы. Много таких памяток разбросано художником по Азии и всюду его вспоминают сердечно. Все знали Яковлева бодрым и жизнерадостным, и потому известие о смерти его явилось особенно потрясающим. После авиона дошли и газеты, и увы, не осталось сомнения в том, что ушел еще один прекрасный художник.

Редеет группа "Мира Искусства". Уже нет Дягилева, Головина, Бакста, Браза, Кустодиева, Трубецкого, Чехонина, а теперь уже нет и Яковлева. Творческий путь этого мастера протек в разных странах. В России его первые картины и незабываемое участие в "Сатириконе". Затем Европа, а потом безбрежная Азия и Африка. Преподавательство в Бостонской Школе, и вот уже конец. Никто не поймет, почему этот сильный человек должен покинуть землю на пятидесятом году, когда дарование его все росло, все обновлялось в постоянных исканиях, и можно было ждать еще многих прекрасных произведений.

Помню выставку Яковлева в Лондоне в 1920 году — большие выставочные залы были наполнены поразительными картинами из Китая. Какая в них была тонкость и убедительность, и в то же время не было никакого подражания, но повсюду отразилась самобытность. Затем любовались мы выставкой Яковлева в 1934 году в Ситроэновском Музее. Встретились близкие сердцу типы Туркестана и Монголии. Зорким глазом художник ухватывал характер изображаемого и при этом уберегся от этнографичности и географичности. Это была сказка Яковлева об Азии, так же точно, как ранее он дал волшебную сказку Африки. Перед самою войною он дал в своей обычной сангине мой портрет, и кто знает, где он теперь находится. Мне приходилось говорить о щедром

русском даянии всему миру. Поистине, где только не найдете русского творчества! Когда мы проезжали по Китаю, то в нескольких местах встречались с портретами и этюдами Яковлева и еще раз радовались, видя, с каким восхищением береглись эти произведения.

Яковлев завоевал твердое положение в русском и в иностранном искусстве. Вспоминаю, как тепло писал о Яковлеве Дедлей Крафтс-Уатсон, лучший критик Америки в издании Дэльфийского Общества. Татьяна Варшер сообщала в своих итальянских фельетонах об учениках Яковлева. Приятно слышать, что бостонцы сохранят о Яковлеве такую нестираемую память. Участники "Мира Искусства" также сердечно отозвались: Александр Бенуа — в "Последних Новостях" и Добужинский — в "Сегодня". Ценно, когда ближайшие друзья оставят на страницах истории искусства свои утверждения. Особенно же это необходимо при таком художнике, как Яковлев, творчество которого напитало все части света. Правда, существуют прекрасно изданные монографии, посвященные его творчеству. Каждая такая книга обычно обнимает лишь часть творчества. Но Яковлев был так разнообразен и в темах и в подходах к ним, что невозможно было бы судить его лишь по частичному изданию. Пусть в книгах ситроэновских экспедиций прекрасно отражены некоторые работы Яковлева из Африки и Азии, но ведь это будет лишь очень частичным напоминанием о всем творчестве мастера. Наверное, когда-то выйдут полные монографии, в которые войдут и портреты и картины художника разных периодов. От замечательных рисунков "Сатирикона" и до глубоко вдумчивых портретов — вся эта сторона творчества должна быть запечатлена. Молодое поколение будет учиться на этих четких уверенных линиях. Среди сменяющихся движений искусства творчество Яковлева останется не старым и не ультра-модернистическим, но самоценным, и с годами ценители искусства еще глубже восхитятся этим щедрым и убедительным творчеством.

Редеет группа "Мира Искусства", но все мы помянем товарищей наших в их славном творчестве.

Апрель, 1938 г.

"Из литературного наследия"

Цивилизация

Сколько гордости о Культуре! Сколько выспренных слов о цивилизации! Сколько надежд на будущее!

Между тем голос разума твердит, что Культура возможна при расширенном сознании, а цивилизация может процветать на здоровых началах, и лучшее будущее требует обновления жизни.

Раздвоились человеческие искания. С одной стороны — прекрасное овладение энергией мысли, но с другой — удушение не только газами разрушительных бомб, но и газами собственных печей, моторов и фабрик.

В.Татаринов в своем недавнем очерке об опасности из воздуха правильно обращает внимание на многие бедствия, созданные небрежением и непроверенною цивилизацией:

"Каждый день жители городов подвергаются систематическому отравлению — наше питание, вредное или полезное, здесь не причем, так как опасность идет из воздуха. Каждый День мы вдыхаем то дома, то на улице ядовитый газ — окись углерода, и отравление это происходит систематически, но незаметно, потому что газ этот запаха не имеет. Это тот самый газ, к которому прибегают самоубийцы, использующие в таком случае печки, тот газ, который образуется в гигантских количествах при взрывах и пожарах в шахтах, от которого гибнут углекопы, находившиеся в этот момент в шахте, и спешащие им на помощь спасательные партии.

Ряд профессий представляет в этом отношении большие опасности — химическая, металлургическая, стеклодувная — и такая опасность существует в каждом заводском, фабричном или промышленном предприятии, где содержание окиси углерода в воздухе превышает соотношение 1 на 90.000.

Всякие легкие переносные печи, печи с медленным сгоранием, керосиновые печи, газовые аппараты для нагревания ванн и т. д. способны представить немалую опасность, и за ними нужно тщательно следить. По мнению проф. Пиаво, специально изучавшего этот вопрос, во всех домах старше 15 лет печи должны быть подвергнуты внимательному осмотру для установления, не проходят ли где-нибудь вредные газы. Доктор Фесанжэ описывает два случая таинственной болезни, когда пациенты жаловались на постоянные мигрени, головокружения и слабость и когда никакие средства не помогали. По совету врача, архитектор исправил старые печи, и больные быстро выздоровели.

Опасность может представлять и закрытый автомобиль, столь

модный в наше время. Как ни совершенна его конструкция, невозможно предотвратить утечку газов, собирающихся в маленьком и закрытом помещении автомобильной каретки, и женщины, более чувствительные, чем мужчины, часто жалуются на головокружения, приступы тошноты и обморочное состояние.

Но опасность подстерегает нас не только в закрытых помещениях, но и на улице, где дым, поднимающийся из труб, смешивается с отработанными автомобильными газами. В городах, где дома высоки, улицы сравнительно узкие, а автомобильное движение очень развито, результаты могут получиться весьма серьезные. Анализ воздуха на оживленных артериях Нью-Йорка показал содержание окиси углерода в пропорции 1 на 10.000, то есть в 5 раз больше нормы, допустимой с точки зрения гигиены.

Каковы последствия такого медленного отравления окисью углерода? Беда в том, что, за исключением резко выраженных случаев, эти последствия проявляются так, что догадываться об их причине весьма трудно. Такое отравление газом прежде всего способствует своего рода активизации всех болезней, уже существующих в организме или явно, или в скрытом виде. У людей с плохим пищеварением оно расстраивается еще больше, причем появляются до того небывшие тошноты. У людей с плохим сном бессонница становится постоянным явлением, у ревматиков учащаются и усиливаются боли и т. д. Одним из курьезных признаков отравления газом служит ожирение живота — организм защищается от яда отложением жира.

Все эти симптомы настолько не характерны, что не всегда можно догадаться, что причиной их является плохо функционирующая печь. Но медленное и систематическое отравление окисью углерода влечет за собой и более серьезные последствия — общую анемию и даже грудную жабу. Несколько случаев грудной жабы, несомненно вызванной таким отравлением, уже описаны во Франции и Германии.

В декабре 1930 г. вся Северо-Западная Европа, от Финляндии до Дунайской низменности, от Голландии до Центрального плато Франции, была покрыта густым туманом, образовавшимся от смешения влажного морского воздуха с холодными нижними слоями европейской атмосферы. В эти дни поезда шли с большим опозданием, воздушное сообщение прекратилось, и даже пароходы предпочитали отстаиваться в гаванях, так как видимость у берегов не превышала 50 метров.

В живописной долине Мааса, вблизи Льежа, этот туман вызвал настоящую катастрофу. Крестьяне, работавшие на полях, внезапно увидали, как на них надвигается плотная черная стена

тумана и почувствовали острую боль в горле, сопровождаемую удушливым кашлем. Испугавшись не столько этих болевых явлений, сколько угрожающей туманной стены, люди бросились по домам. Через несколько часов десятки застигнутых туманом умерли в страшных мучениях, жалуясь, что они как бы сгорают заживо.

Населением овладела паника, никто не решался выходить из домов, окна и двери которых были забаррикадированы подушками, матрацами и комодами. Прибывшие власти организовали медицинскую помощь, поставили в домах баллоны с кислородом, раздали противогазовые маски. Когда туман рассеялся, ученые специалисты и прокуратура начали следствие.

Аналогичные явления были уже известны в окрестностях Льежа в 1911 и 1913 гг. — жертвами тумана стали тогда несколько старых шахтеров и множество домашнего скота. В 1925 г. в Рейнской области, в районе Випперфурта, среди безоблачного весеннего дня внезапно образовался густой, черный туман, температура сильно понизилась, а в воздухе запахло хлором и серой. Несколько десятков человек почувствовали приступы удушья, а двое из них — пострадавшие на войне от газов — умерли. Погибло много птицы, а в реках всплыли на поверхность тысячи дохлых рыб.

По поводу причин этой "туманной астмы" было высказано Множество гипотез — предполагали эпидемию воспаления легких, хотя такой эпидемии нигде и никогда не было, эпидемию злокачественного бронхиального гриппа, чумы, пыль, принесенную ветрами из Сахары и губительно подействовавшую на легкие, неизвестные ядовитые газы, неизвестно кем пущенные, и так далее.

Сам по себе туман, какой густоты и какой температуры он ни был бы, опасности не представляет и смертей вызвать не может, но в долине Мааса он смешался с ядовитыми парами, поднимающимися из труб многочисленных металлургических и химических заводов. В обычное время эти газы, вследствие своей летучести, уносятся в атмосферу, но в данном случае благодаря резкому понижению температуры они начали охлаждаться и сгущаться и не смогли проникнуть сквозь плотный туман окисей цинка и пары серного ангидрида — те и другие могли оказаться смертельными для дыхания. Достаточно указать на то, что серный ангидрид, смешиваясь с водяными капельками, давал серную кислоту, падавшую на землю.

Выделения фабричных труб в долине Мааса не более ядовиты, чем выделения лондонских заводов, но в Лондоне воздух теплый, и теплые восходящие слои его вентилируют

атмосферу, унося с собой ядовитые газы…

Случай в долине Мааса, конечно, исключительный, но, к несчастью, жителям больших городов приходится жить в условиях, хотя и не столь исключительных, но тем не менее далеко не благоприятных для наших дыхательных путей".

"Опасность из воздуха" действительно является очередным предупреждением. Тут уже не солнечные пятна виноваты, а пятна на совести человеческой. Опытный педагог советует: "не давайте детям опасных игрушек". То же самое говорят и о газах и о энергиях, легкомысленно вызываемых из пространства. При этом такие предупреждения делаются вовсе не ретроградами, отрицающими все новое. Наоборот, искатели нового хотят, чтобы оно служило здоровью человечества.

Даже без объявления войны разрушаются целые города. А Иден справедливо говорит о приближении времени, когда люди, подобно троглодитам, будут спасаться в пещерах. Предлагают обложить все музеи и соборы мешками с песком для сохранности. Эти мешки, кроме песка, будут заключать в себе и разочарование в принципах человечности. Говорят о сокрытии художественных сокровищ под землею. Так же мыслили и в глубокой древности, когда хоронили клады под землю.

Не правда ли странно, что при всех современных открытиях мысль должна возвращаться к пещерным троглодитам и к подземным кладам? А как же быть с цивилизацией? А почему возмущаться какими-то бывшими вандализмами, когда и без вандалов можно перечислять отвратительные разрушения, происходящие и сейчас.

"Опасность из воздуха" — правильно. "Опасность от сердец каменных" — и это своевременно. А где же госпожа цивилизация? Почему же она молчит и прикрывает собою все страшное и губительное?! Пятнами на солнце не отговориться. Пятна на совести человеческой еще опаснее.

20 Мая 1938 г. Урусвати

Публикуется впервые

Вандалы

Непрочно стало на Земле. И всегда-то Земля была не очень тверда. Но сейчас особенно сгустились всякие сведения о разрушениях. Из Парижа пишут: "Сегодня был просмотр фильма, снятого в Испании. Показано, между прочим, разрушение, произведенное воздушными бомбардировками в Барселоне. Эти снимки производят гнетущее впечатление. Огромные дома, срезанные как ножом на две половины: одна превращена в щепы, а другая еще стоит, видны комнаты, уют и всюду трупы, трупы… Или школа: десятки убитых детей и на полуразрушенной кафедре труп учителя. Испанское правительство устроило здесь выставку, показывающую разрушение художественных и исторических сокровищ, а также меры, принимаемые к их спасению. Меры эти, впрочем, сводятся к вывозу, насколько позволяют обстоятельства, портативных вещей за границу и в покрытии зданий мешками с песком. Вероятно, вы читали о проекте "женевских убежищ" для детей, стариков и т. д., в общем, это все паллиативы. На днях состоялся банкет в Институте Высших Международных Исследований; все считают, что наш Пакт по своему моральному и Культурному уровню во много раз превосходит все обсуждающиеся сейчас предложения, но в то же время все говорят, что эвентуальные противники, которых мы теперь знаем по их деяниям в Испании, и в Китае, и в Эфиопии, заведомо будут нарушать и Пакт о Защите Памятников и Женевскую Конвенцию Красного Креста. В краснокрестных кругах, в частности, в этом уверены". Итак, человечество настолько отступило от основ Культуры и цивилизации, что уже и знак Красного Креста теряет свое значение.

А вот еще письмо: "Действительно, все эти довольно странные рассуждения не имеют ничего общего с нашим Пактом. Мы говорим именно о международном Культурном соглашении, о введении гуманитарного международного принципа, а они говорят о мешках с песком. Идея обложения высоких соборов мешками с песком так же нелепа, как если бы кто-то предложил уничтожить Красный Крест и вместо того каждого солдата обвязать мешками с песком. Так же странно звучит и идея подземного захоронения кладов, которая в древние времена иногда применялась. Еще недавно Иден сказал, что повидимому в недалеком будущем терроризированным горожанам придется разбежаться по пещерам, подобно троглодитам. Итак, пусть "житейские мудрецы" думают о песочных мешках и о захоронении кладов — чего доброго, может быть, вернутся и к древнейшим

заклятиям кладов. Все это настолько далеко от принципа нашего Пакта, что Вам тем легче не только подчеркнуть наш приоритет, но и доказать всю несправедливость этих подходов к мыслям о всечеловеческих творческих сокровищах. Для карикатуристов неиссякаема тема изобразить высочайшие соборы, обложенные мешками с песком доверху, сверх шпица. "Не стройте на песке". Действительно, плохо положение человечества, если оно должно надеяться на пески и должно отставить всякие помыслы о гуманитарных основах. Все происходящее дает Вам и нашим друзьям право очень громко заговорить об истинной охране всенародных сокровищ. Говорят, что страус, чувствуя опасность, засовывает голову под крыло или в песок. Поистине, естественная история дает множество примеров. Конечно, людям следовало бы многому поучиться и у муравьев и у пчел, которые обладают прекрасной организацией".

В каждом из получаемых журналов имеются потрясающие снимки со всевозможных варварских разрушений. Только подумать, что эти документы останутся на срам и позор всего современного человечества! На это могут сказать, что ведь не все человечество занимается разрушениями. Правда, но делаются эти вандализмы на глазах у всех. Когда же мы подсчитаем процент возмущающихся против происходящего варварства, то, увы, этот процент во всем мире не будет уже таким подавляющим. При каждом уличном происшествии можно наблюдать любопытнейшее деление психологий. Одни чистосердечно спешат на помощь, другие приближаются из пустого любопытства, третьи отступают в постыдном небрежении и страхе, а четвертые еще и злорадствуют! При каждом вандализме можно наблюдать именно такое же деление. Но ведь не все ли равно, будут ли вандалы активными или пассивными, в существе своем они остаются теми же некультурными разрушителями. Попустительство мало чем отличается от самого преступления.

Вот об этих пассивных вандалах человечеству тоже пора подумать. На их глазах совершаются всевозможные непоправимые разрушения. В одном случае они произойдут от бомб и так называемой "тоталитарной" войны, а в других они совершатся и без бомб на глазах у всех посредством яда человеческого. Еще большой вопрос, который яд опустошительнее — будет ли это газовая атака или будет преднамеренное злостное разрушение Культуры. В так называемых "мирных" действиях сейчас происходят немалые антикультурные деяния, а "народ безмолвствует", и толпы так же, как в каждом уличном происшествии, разделяются на четыре разряда. При этом, увы! число стремящихся к обороне Культуры весьма мало, но зато

толпа любопытствующих и злорадствующих весьма велика.

Каждый из любопытствующих и злорадствующих находит или, вернее, старается найти причины своего бесстыдного поведения, но они не желают подумать, что в таком образе действия они причисляют себя к вандалам и участвуют в непоправимых разрушениях. Каждый уклоняющийся от содействия обороне Культуры уже навсегда сопричтется к пассивным вандалам. Ведь в каждой пассивности имеется своего рода активность, и такая "активность" может быть еще страшнее и отвратительнее.

Последствия ее отзовутся на разложении всей нации. Пусть пассивный вандал не думает, что его промолчание не отзовется где-то актуально. Наоборот, история отыщет не только вандалов активных, но и всех тех, которые попустительствовали и бесстыдно глазели, как при них совершались мучительства и опустошения. Как бессердечны, как жестоки эти молчащие, притворяющиеся глухими, когда человек возопить должен!

Мы говорили об обороне всего ценного для прогресса человечества. Одно — оборона, но совершенно иное — агрессия. Мы звали не обложиться мешками с песком, но противоставить мощь мысли о Культуре, которая должна предотвратить непозволительные разрушения. Истребляют, разбивают и рассеивают памятники Культуры, а человечество не только попустительствует, но оно складывает страницу истории. И какая это будет мрачная страница! В ней будут запечатлены озверелые разрушители и мучители, а наряду с ними будет сказано, как огромнейшая часть человечества своим бессердечием потворствовала и способствовала вандализмам.

Разнообразны способы способствования преступлениям. Можно не сбросить самолично бомбу с аэроплана, но зато изготовить ее и изобрести и продавать самые человекоубийственные орудия и вещества. Можно противодействовать Культурным начинаниям, можно разрушать или искажать созидательные мысли и тем способствовать одичанию. Из преднамеренных преступных замыслов может возникать рассеяние, расчленение и уничтожение целых объединенных накоплений. Каждый, кто делом или мыслью будет способствовать таким опустошениям, он навсегда сопричислится к вандалам, опустошавшим дух человеческий.

Страшные дела творятся в мире. Самые истребительные войны уже не называются войнами; непоправимые разрушения называются "переменою политики", и вандалы спесиво изобретают себе новые мундиры и одеяния, считая себя вершителями судеб. Не все ли равно, каким именно шагом

человечество будет спешить к самоистреблению и к братоубийству? Может быть, будет изобретен и особый бег, чтобы поспешить к преступному вандализму. Но неужели же огромное большинство любопытствующих и злорадствующих, этот гнусный терциус гауденс[46], не может понять, что они-то и способствуют всевозможным вандализмам. Попустительство есть соучастие в преступлении.

Возопить должен человек против вандализма!

24 Июня 1938 г.

Гималаи

"Рассвет" Чикаго, 11 ноября 1938 г.

Новости

Наугад беру несколько газетных сообщений из последней почты. "Комментарии излишни", каждое сведение говорит за себя. Если же еще добавим реляции с полей сражений с востока и с запада, то картина получится армагеддонная. К тому же войны еще нет — происходит лишь "умиротворение". Какая ирония! Запишем без прибавлений и убавлений — так как есть. "Невеста в лотерею". Сидней, 23 июля.

По случаю 25-й годовщины со дня основания австралийский город Винтон устраивает торжества и лотерею с небывалым призом: разыгрывается невеста, самая красивая и добродетельная девушка в городе. Билеты продаются исключительно холостякам, которые дают письменное обязательство жениться на девушке, если ее выиграют. Городское самоуправление оплачивает свадебное путешествие и предоставляет молодоженам меблированную квартиру в лучшем квартале города. До настоящего времени продано уже 300.000 билетов, делить которые на десятые части строжайше воспрещено. "Новорожденный-заложник". Нью-Йорк, 23 июля.

Жена чиновника, Эллис Брюс, родила в городском госпитале в Чикаго младенца. Отец не мог внести требуемой платы, и дирекция госпиталя решила задержать новорожденного до уплаты денег. Брюс обратился в суд. Полисмена, явившегося за младенцем, директор госпиталя выгнал вон. "Заложник" отлично чувствует себя в пеленках и на искусственном питании, но родители в отчаянии.

"Преступность в С. Штатах". Нью-Йорк, 26 июля. Исполнительный комитет Ассоциации американских адвокатов напечатал доклад с целым рядом статистических данных. Из них видно, что в Соединенных] Штатах один из 37 жителей преступник, а 200.000 живущих сейчас американцев в будущем непременно совершат хоть одно преступление. В докладе высчитано, что в Соединенных Штатах каждые 22 секунды совершается одно преступление, что число убийств в 20 раз больше, чем в Англии, соответственно с количеством населения, и что расходы, связанные с поимкой преступников в Соединенных Штатах, в 1937 году увеличились на 6 проц[ентов] по сравнению с 1936 годом.

Число заключенных в тюрьмах Соединенных Штатов, по сравнению с общим количеством населения, во много раз больше, чем во всякой другой цивилизованной стране. "Планетта — национальный герой". 27 июля 1938. Из вчерашних телеграмм

уже известно, что убийца Дольфуса — Планетта не только объявлен национальным героем в Германии. К Шушнигу предъявлено обвинение, что он допустил осуждение и казнь Планетты.

Планетта и Голивебер, как известно, были повешены по приговору военно-полевого суда. В течение четырех лет австрийцы праздновали 25 июля память Дольфуса. В этом году впервые праздновалась память его убийц.

Планетта причислен к лику "героев великой Германии", которых национал-социалистическая пропаганда ставит выше Христа. В официальных "заповедях" для гитлеровской молодежи 24- я заповедь (всего их — 51) составлена в таких выражениях: " — Как умирал Планетта?"

— С возгласом: "Гейл Гитлер! Да здравствует Германия!". "Лондон проваливается". 26 июля 1938. Английскими геологами установлено с полной очевидностью, что почва под Лондоном опускается приблизительно на один дюйм в пять лет. При этом бывают периоды, когда это опускание как бы совершенно приостанавливается, и, наоборот, иногда опускание почвы идет необычайно быстро. Как бы то ни было, но за последние пять тысяч лет почва опустилась свыше, чем на 80 футов.

При исследовании находящихся недалеко от Лондона Мюльберийских болот выяснили, что есть циклы, когда опускание идет сравнительно быстро; сейчас как раз наступил этот цикл.

Некоторые ученые предсказывают, что еще нынешнее подрастающее поколение может дожить до такого времени, когда парапет набережной Темзы будет поднят на несколько Футов выше человеческого роста, и люди, идущие по набережной, будут только слышать пароходные гудки, но самих пароходов и воды видеть не будут.

"Огненные шары над Швецией". Варшава 14 июня. 27 мая около семи часов вечера замечены в Южной Швеции и над Балтикой у шведских берегов многочисленные спадающие огненные шары. Астрономическая обсерватория в Стокгольме собрала подробные данные, касающиеся этого дождя огненных шаров, и в настоящее время опубликовала.

Общим числом насчитано 493 огненных шара, которые в этот день спали с неба. Все с большим или меньшим треском лопались над землею. Некоторые были так светлы, что ослепляли. Шары эти — вероятно, остатки комет, блуждающие во Вселенной.

"Ученые наблюдают облака на Венере". Флагстаф, Аризона, 12 июля.

Астрономы Лоуэлльской обсерватории наблюдают здесь огромные белые облака на Венере, чтобы разрешить вопрос, что

происходит на этом неведомом мире. Облака совершенно покрывают Венеру, но меняют свою форму и тень, гонимые бешеным ветром. Доктор В. М. Слайфер, директор обсерватории, которая производит спектроскопические исследования, говорит, что, судя по качеству света, отражаемого облаками, можно судить, что они состоят из пыли.

"1938 год — последний год мира. Угрожающее предостережение ученого". Бомбей, 14 августа.

Предсказание, что земля придет к насильственному концу в течение года, сделано лицом не меньшего значения, нежели доктором Куртом Вильгельмом Мейснером, директором Астрономической Обсерватории Франкфуртского Университета. Он основывает свое суждение на изучении феноменов природы, как участившиеся землетрясения, исчезновение некоторых морских течений в Тихом океане и изменения климатических условий. Единственное объяснение, которое находит проф. Мейснер, заключается в том, что они вызываются огромной кометой, неожиданное влияние которой обрушится на нас и может потрясти всю солнечную систему.

Комета еще невидима, но он вычислил ее теоретический путь и пришел к заключению, что она не будет видна до начала будущего года. Тогда, стремясь из пространства с колоссальной скоростью, комета вызовет гигантские приливы и землетрясения, которые в течение одной недели потрясут землю.

Алексей Каррель уверяет, что в близком будущем все люди сойдут с ума.

Куда же дальше?

— "А избирают ли королев?" — "Мало того, что даже королев улиц, даже королей школьников выбирать начали".

— "А как сопляжники?" — "Превосходно сопляжничают".

— "Пляшут ли человеки?" — "Да еще как". — "На Титанике тоже плясали".

17 Августа 1938 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Академия Художеств

"Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкия песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное летит под песни ямщиков", — говорит Гоголь о русской песне. Теми же словами можно сказать и о всех областях русского искусства.

Еще недавно любовались мы "Словом о Полку Игореве", украшенным превосходными миниатюрами палеховских и мастерских мастеров. А ведь было время и еще на нашем веку, когда этих мастеров не считали чем-то серьезным. Так себе, иконописцы! Но стоило открыть дверь этому народному сокровищу, и получились отличные вещи. Кто приближался к русским самобытным кустарям, тот знает, какой неисчерпаемый кладезь рукоделия и воображения заключен в народных глубинах. За время школьной деятельности мне пришлось встретиться со многими самоучками — всегда радуюсь, что на собственном опыте пришлось удостовериться, как даровит народ. Стоит лишь открыть доступ к истинному художеству, и дарования вспыхивают в прекрасных образах.

В будущем году Академия Художеств празднует 175-летие своего существования. Каждый из нас, прошедших академическую учебу, добром помянет свои школьные годы. Как таинственно зовуще было само здание Академии, предшествуемое на Неве сфинксами и окруженное по всей набережной Васильевского острова такими историческими зданиями, как Горный "Институт — с одной стороны, Меныыиковские Палаты, Университет, Биржа — с другой стороны.

От самого своего основания — от времен екатерининских, От Дашковых, от Шуваловых, от наследий гениального Ломоносова стены Академии вместили и Боровиковского, Левитского, Кипренского, Венецианова, Брюллова и всю знаменательную группу передвижников. Нельзя сказать, чтобы Академия Отвращала от себя, ибо имена Репина, Куинджи, Маковских, Матэ, Шишкина, Дубовского и всех, имена которых остались в истории русского искусства — все эти мастера так или иначе прошли через Академию или около Академии. Среди рисунков в Академии на стенах классов можно было видеть целое собрание наших лучших художников — даже такие новаторы, как Врубель,

оставили свои памятки на стенах натурного класса.

Нашему поколению пришлось ознакомиться с двумя эпохами Академии. Мы начали работу при старых профессорах вроде Вилливальде, Шамшина, Подозерова, Лаверецкого, Пожалостина и при нас на наших глазах совершилась реформа. Пришли передвижники. Можно было свободно избрать себе руководителя, и традиционный академизм, о котором так много говорилось, сменился свободою работы.

Из всех старых профессоров удержался лишь один П.П.Чистяков. В нем было много от природного учителя. Своеобразие суждений и выражений привлекало и запоминалось. Но все мы спешили скорей перейти из натурного класса в мастерскую. Труден был выбор между Репиным и Куинджи не только потому, что один был жанристом, а другой пейзажистом, но по самому характеру этих мастеров. Создалась легенда о розни между репинцами и куинджистами. Но в сущности этого не было. У Репина были Кустодиев, Грабарь, Щербиновский, Стабровский. Почему нам, бывшим у Куинджи, ссориться с ними? У нас Пурвит, Рущиц, Рылов, Химона, Богаевский, Вроблевский — каждый был занят своей областью.

В составе профессоров Академии происходили обновления. Пришли Ционглинский, Кардовский и Самокиш. Пришли затем Е.Лансере, Щусев, Щуко. Среди членов любителей были такие доброжелательные собиратели, как гр. Голенищев-Кутузов, Тевяшов, Дашков…

Староакадемическое крыло держалось М. Боткиным. О нем можно бы написать целую книгу. У него были и неприятные черты, но зато он был страстный собиратель. Знал Александра Иванова, Брюллова, Бруни — был свидетелем той "римской" группы, о которой всегда занимательно слышать. Конечно, наша группа, а особенно "Мир Искусства" был ненавистен Боткину. Но такая борьба неизбежна.

Бывали и такие диалоги. Встречаю Боткина, выходящего с выставки "Мира Искусства". Он бросает мне: "Все сжечь". — "Неужели все?" — "Все". — "И Серова?" — "И Серова". — "И Врубеля?" — "И Врубеля". — "И Александра Бенуа?" — "И Бенуа". — "И мои?" — "И ваши". — "И ваши нужно сжечь?" Боткин вскидывает руками и спешит дальше. Уж эти аутодафэ! До чего они полюбились от самых древних времен! Но эта сожигательская группа в Академии Художеств была в значительном меньшинстве.

Московская группа была представлена внушительно — Суриков, братья Васнецовы, Виноградов. Таким образом соревнование Москвы и Питера уравновешивалось. Кондаков, Айналов и Жебелев представляли, так сказать, профессорскую

группу по истории искусства. Представители семьи Бенуа вносили культурное веяние. Конечно, такие революционеры, как Дягилев, в Академию не могли попасть, и это было жаль — ведь именно такие пламенные деятели могли вносить особенное оживление в деятельность Академии.

Такая работа могла бы иметь огромнейшее Культурное значение. Кроме самой Академии, в ее ведении находился ряд художественных школ. Из них Киевская (Мурашко), Одесская, Харьковская и другие представляли из себя крупные художественные центры. По всем необъятным просторам могли быть раскинуты целые множества очагов искусства. Сколько утончения вкуса, сколько истинного отечествоведения могло бы быть легко посеяно даже в самых удаленных областях! Конечно, жаль, что так называемые художественно-промышленные школы находились в ведении Министерства Торговли и Промышленности — вне касания художественных центров. С давних времен мы пытались бороться против этого бюрократического разделения. Наш постоянный девиз — "искусство едино" не получал чиновных признаний. Между тем какое замечательное художественно-культурное единение могло бы состояться! Где же можно провести черту между искусством и художественною промышленностью? Почему пуговица, вышедшая из мастерской Бенвенуто Челлини, должна быть нехудожественным произведением, а отвратительная олеографическая картина будет претендовать на высокое искусство? Деление может быть лишь по качеству, безразлично, из какого материала создано произведение. О таких предметах трудно было спорить и в Академии Художеств, и в Министерстве Торговли и Промышленности. А со временем с любовью вносятся в музеи как картины и скульптура, так и художественные иконы и превосходные, вполне художественные изделия кустарей.

В далеких Гималаях, конечно, весьма трудно было следить за всеми русскими художественными изданиями последних лет. Но все же, кроме превосходно изданного "Слова о Полку Игореве", мы получили хорошие книги о переписке знаменитых мастеров, о лессировке, а также прекрасные монографии Юона, Петрова-Водкина, два тома, посвященные Репину, и в последнее время автобиографию Грабаря. Все книги имеют много цветных воспроизведений, и многие из них отличного качества. Самый текст обработан чрезвычайно серьезно, а библиографический материал собран весьма тщательно. Кроме этих больших изданий, вам пришлось видеть и целую серию общедоступных школьных книг вроде прекрасно написанной биографии Бородина. Таким образом, и школьный возраст может знакомиться с выдающимися

Деятелями своей родины.

В Школе Общества Поощрения Художеств, кроме разнообразных мастерских, мы вводили также, и хоровое пение, и очень хотелось обогатить программу введением и музыки. Ведь художественные дарования развиваются так своеобычно. Не забудем, что Верещагин не был принят на экзамене в Академию Художеств, а Куинджи трижды держал экзамен неудачно, и на третий раз из тридцати экзаменовавшихся только он один не был принят. Вот каковы неожиданности жизни. Впрочем, именно тогда был наиболее глухой период академической деятельности. Если же взять списки академических заграничных пансионеров, то можно лишь удивляться, сколько из них не оставили следа в истории русского искусства.

Теперешний юбилей Академии Художеств должен быть не только памятным днем прошлому, но и праздником для будущего русского искусства. Среди всего великого и необычайного пусть Академия Художеств не будет похожа на всякие Академии — но пусть явится деятельным и живым рассадником для всех народных дарований.

Вспоминаю 1893 год — экзамен для поступления в Академию. На экзамене была поставлена голова Антиноя. Рисовали три часа и с трепетом подали. С трудом могли дождаться результатов экзамена. Прихожу в большой вестибюль Академии — там меня встречает один ученик и начинает утешать: "Не в этом, так в будущем году". — "Неужели провал?" — "В списке вас нет". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш — мы его очень любили — он укоризненно усовещивает шептателя: "Чего смущаете, раньше, чем говорить — прочли бы список толком". Принят и даже хорошо! На радостях пошли посидеть в Академический сад — там хорошо бывало в осеннее время, среди золота лип и клена.

28 Сентября 1938 г.

Гималаи

"Октябрь", 1958, № 10

Лада

Лада — древнерусское слово. Сколько в нем лада, вдохновения и силы! И как оно отвечает всему строю Елены Ивановны. Так и звали ее. Когда Серов работал над ее портретом, он уверял, что основою ее сущности есть движение. Вернее сказать — устремление. Она всегда готова. Когда она говорит об Алтайских сестрах для всенародной помощи, то в этом призыве можно видеть ее собственные основные черты. Принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил — на все это готова Елена Ивановна. Часто остается лишь изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная ее слабое сердце и все те необычные явления, которым врачи лишь изумляются. На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она все же пыталась лично участвовать и в устроении каравана и в улажении всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому бывало немало поводов самого различного характера.

И живет Елена Ивановна в постоянной неустанной работе, так — с утра и до вечера. Поболеет немного, но быстро духом преодолевает тело, и опять уже можно слышать, как бодро и быстро стучит ее пишущая машина. Сейчас друзья хотят издать письма Елены Ивановны. Конечно, часть писем, да и в извлечениях. Если бы все, то получилось бы много томов.

Особа и необычайна деятельность нашей вдохновительницы. В разных странах целые очаги питаются ее помощью, прилетающей на крыльях аэропланов. Она всегда спешит с помощью. Ждут слова утешения, утверждения и пояснения. Даже из друзей многие не знают, что Еленою Ивановной написан ряд книг. Не под своим именем. Она не любит сказать, хотя бы косвенно, о себе. Анонимно она не пишет, но у нее пять псевдонимов. Есть и русские, и западные, и восточные. Странно бывает читать ссылки на ее книги. Люди не знают, о ком говорят. По мысли Е. И. возникают женские единения. Особая прелесть в том, что многое возникает, даже не зная истинного источника. Велика радость — давать народу широкое мировоззрение, освобождать от суеверий и предрассудков и показать, насколько истинное знание есть путь прогресса. Лада — прекрасное древнерусское имя.

(1938 г.)

"Из литературного наследия"

Потери

В новейших изданиях старинных мастеров в конце книг приводятся списки исчезнувших произведений. Некоторые из них известны по гравюрам, другие были в свое время копированы, но сами оригиналы по-видимому бесследно исчезли. Это могло случиться и при многих пожарах, и во время всевозможных вандализмов и религиозных гонений, как например, во времена Савонаролы. Конечно, и до сих пор в самых неожиданных обстоятельствах иногда находят такие "пропавшие" вещи. Стоит вспомнить, что еще недавно нашли превосходного Вермеера, а в Брюсселе на аукционе за сто франков был куплен несомненнейший Рембрандт. Кроме уничтожений, старинные картины нередко записывались сверху по совершенно непонятным причинам. Так случилось и с картиной Дюрера, и со многими итальянскими и нидерландскими отличными художниками. Мне лично пришлось купить в совершенно записанном виде хорошего Ван дер Вейдена. Наши дни должны принести еще большие неожиданности не только со старинными картинами, но и с нашими. Знаем о пропаже "Ункрады", "Сечи при Керженце", "Казани", "Зовущего", "Похода" и многих других картин. Говорили, что в одном польском замке во время войны погибло множество картин и в том числе шесть моих. В то же время на уединенном острове Сааре Маа находят какую-то мою картину. В Швейцарии оказывается эскиз к "Идолам", который давным-давно считался утраченным. Поистине, пути искусства неисповедимы.

Все помнят, как в 1906 году в Америке было на принудительном аукционе за долги комиссионера выставки Грюнвальда продано 800 русских картин. Среди них были и Репин, и братья Маковские, и Мусатов, и много других известнейших художников. Так, до сих пор осталось совершенно неизвестным, куда распылилось все это множество произведений. У меня было в этом числе семьдесят пять этюдов русской старины и картины "Сходятся Старцы", "Псков". Часть из них попала в музей в Калифорнию, но 25 вещей исчезли без всякого следа. Говорили, что они где-то в Канаде. На одном из случайных аукционов в Лондоне мне пришлось видеть две картины Верещагина. Спрашивается, где находится вся его индийская серия? Неисповедима судьба искусства. Вечные странники. Пропасти "Световитовы кони", "Вайделоты", "Предательница", "Заговорщики", "Малэн", "Ункрада", "Зовущий"… А где "Три радости"? Где "Волокут волоком"? Где "Кончак"? Начнешь считать

и конца нет.

[1938 г.]

"Из литературного наследия"

Университет

Семейный гордиев узел был разрешен тем, что вместо исторического факультета я поступлю на юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию Художеств. В конце концов, получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции.

Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов — Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего "Гонца", спрашивает: "На что вам римское право, ведь наверное к нему больше не вернетесь?" Был прав, но все же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский — как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен.

Зачетное сочинение: "Правовое положение художников древней Руси". Пригодились и "Русская Правда", и "Летописи", и "Стоглав", и "Акты Археографической Комиссии". В древней, в самой древней Руси много знаков Культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как ее хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения — научно.

С историками сложились особые отношения. Спицын и Платонов уже провели меня в члены Русского Археологического Общества. В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении кн. П. А. Путятина я встретил Ладу, спутницу и вдохновительницу. Радость!

Университету, сравнительно с Академией Художеств, уделялось все же меньше времени. Из студентов-юристов помню: Серебреницкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними в дальнейшем не пришлось. Были приглашения бывать на семинариях и в Юридическом обществе, но времени не находилось.

Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам — Белуха, Хан-Тенгри!

Куинджи очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали. Затем Кормон в Париже тоже всегда отмечал университет.

Исторический, а не юридический факультет считал меня

своим.

Сейчас вышла отличная книга Г. В. Вернадского "Звенья русской культуры"[47].

"Октябрь", 1958, № 10

Народ

С многолюдством народным мне пришлось встречаться во всей моей жизни. В Изваре всегда было многолюдно. Во время охоты довелось встречаться с народом во всех видах его быта. Затем раскопки дали народную дружбу. Поездки по многим древним городам создали встречи самые незабываемые. Потом в Школе каждый год приходилось встречаться с двумя тысячами учащихся, в большинстве с фабричными тружениками всяких областей. И эти встречи навсегда составили ценнейшие воспоминания, и душа народная осталась близкой сердцу. В последний раз мы соприкоснулись к русскому народу во время экспедиции 1926 года, когда ехали через Козеунь, через Рюриков поселок, через Покровское к Тополеву Мысу, а оттуда плыли по Иртышу и далее до Омска. И в Покровском, а затем на пароходе к нам приходили самые разнообразные спутники. Велика была их жажда знания. Иногда чуть ли не до самого рассвета молодежь, матросы, народные учителя сидели в наших каютах и толковали и хотели знать обо всем, что в мире делается. Такая жажда знаний всегда является лучшим признаком живых задатков народа. Не думайте, что вопросы задаваемые были примитивны. Нет, люди хотели знать и при этом выказывали, насколько их мышление уже было поглощено самыми важными житейскими задачами.

Народ русский испокон веков задавался вопросом о том, как надо жить. К этому мы имеем доказательства уже в самой древней литературе нашей. Странники всегда были желанными гостями. Хожалые люди не только находили радушный ночлег, но и должны были поделиться всеми своими накоплениями. Сколько трогательной народной устремленности можно было находить в таких встречах! Нередко при отъезде какой-то неожиданный совопросник, полный милой застенчивости, стремился проводить, чтобы еще раз, уже наедине, о чем-то допросить. Горький рассказывает, как иногда на свои вопросы он получал жестокие мертвенные отказы. Невозможно отказывать там, где человек приходит, горя желанием знать. В этом прекрасном желании спадает всякое огрубение, разрушаются нелепые условные средостения, и соприкасаются дружно и радостно сущности человеческие. Как же не вспомнить Ефима, Якова, Михаилу, Петра и всех прочих раскопочных и путевых друзей. Навсегда остаются в памяти пароходные совопросники, так глубоко трогавшие своими глубокими запросами. В столовую парохода входит мальчик лет десяти. "А не заругают войти?" — "Зачем заругают, садись, чайку выпьем". Оказывается, едут на новые

места, и горит сердце о новой жизни, о лучшем будущем. Знать, знать, знать!

(1938 г.)

"Зажигайте сердца"

Душевность

Среди странствий на полях Культуры пришлось встретить множество разнообразнейших людей. Можно их делить по самым разным признакам, но сейчас хочется записать по признаку душевного расположения к русскому народу. Одни думают, что у русского народа совсем нет друзей. Другие, наоборот, считают, что друзей много. И то и другое неопределительно. Друзья-то есть, но они очень трудно распознаваемы. Душевная расположенность есть не надуманное, но врожденное качество. Начнем ли мы смотреть по расовому признаку — ничего не выйдет. Начнем ли вспоминать исторические примеры, и на этих данных будут лишь недоразумения. Может оказаться, что целые войны были с друзьями, а всякие притворные вежливости были в кругу врагов. Не сказать ли примеры?

Знаем, как многократно русский народ помогал другим народам, и в большинстве случаев никакой ни признательности, ни душевности не происходило. Русский народ отдавал, почти дарил огромные свои области, но и эти душевные жесты бывали забыты и, может быть, умышленно забыты. Одни — по зависти, другие — по невежеству, третьи — по какому-то неизреченному атавизму не проявляли душевности к русскому народу. Одни рассказывали о развесистой клюкве, о медведях на улицах Москвы, другие изобретали клеветы о пожирании казаками мыла, сальных свечек и даже младенцев. Даже и теперь во многих фильмах, как только дело касается русского быта, можно видеть самые неправдоподобные постановки. Иногда даже невозможно Решить, делается ли это по невежеству или же умышленно по какой-то внутренней враждебности к русскому народу. Большое достижение в том, что сейчас русское искусство и литература в переводах на многие языки широко обошли мир. Все-таки в сознание читателей и зрителей должны были проникнуть истинные сведения о русской жизни.

Там, где поймут русский народ, там вопреки всяким нелепым атавизмам зародится и душевность. Может быть, мы неправильно употребляем это слово, но оно представляется показательным. Мы уже не говорим о любви, о дружбе, о расположении, но хотя бы зародыш душевности должен послужить на благо, на взаимопонимание и на справедливую оценку души народов. От древнейшей и до новейшей русской литературы можно видеть отображение этой души. Главное же — знать достоверно.

(1938 г.)

"Из литературного наследия

Стихия

Прислали книгу "Волга идет в Москву". Грандиозный новый канал останется историческим актом. Какое бы шипение где-то ни происходило, все-таки дело остается делом и притом русским великим делом. По всей истории русской от летописных времен можно находить великие дела, размер которых обозначался лишь в веках. Нам приходилось знакомиться среди раскопок каменного века с системою Петровских каналов. Не забудем, что во время сооружения этих замечательных водных путей вспыхивали целые бунты, и называлось это благодеяние "антихристовым делом".

Стихийно звучат слова поэта Хлебникова: "Ставят новую правду зодчие наши на новых основах". А.Прокофьев скрепляет: "Конечно, повенчано, покрыто… Люди перестраивают мир". В.Саянов подтверждает: "Такое могущество силы, такое судьбы торжество… И память о том сохранили веселые песни его". Стихийно звучат слова офицера: "Зубами вцепись в свою душу, и даже в минуты отчаяния и безвыходности добейся полного спокойствия и невозмутимости. Это — неотразимо для людей. А люди все-таки склонны дрожать за свою шкуру. Для них свое логово дороже вселенной. Человек привык только к трем ничтожным измерениям, а беспредельные размахи мира повергают его в ужас. Добейся того, чтобы и смерть не ранила твоей души". Лужницкий с натуры воспроизводит рассказ бывшего бродяги: "Меня очень сильно занимают вопросы международной политики, проблемы завоевания стратосферы и разложения атомного ядра, великие исторические эпохи, жизнь знаменитых личностей… Мне знакомы имена Аристотеля, Бэкона, Ньютона, Моцарта, Бетховена и других великих людей. Я вдумываюсь в образы этих титанов, создавших целые эпохи философии, науки, музыки".

Многообразно народное творчество. Русский народ дал и мудрейшие пословицы, и былины, и плач, и радость. Эпохи запечатляются не убогою роскошью, но строительством. Историк и археолог, вскрывая давнишние города, отмечают прежде всего монументальные здания, водоснабжение, каналы, пути сообщения и все те общественные проявления, которые обозначили сущность этого строительства. По взрывам души народной, по стихийным взлетам последующее поколение исчисляет мощь потенциала. Обветшавшие умы пытаются представить даже лучшие человеческие достижения лишь миражом, подделкою, а то и просто выдумкою. Смелые летчики завоевали новые пространства. И таких радостей общечеловеческих очень много.

Признаем и порадуемся.

"Наш современник", 1967, № 7.

Русский музей в Праге

Русский культурно-исторический музей в Праге представляет собою явление глубочайшего значения. Это первый русский музей в Европе. Среди беспредельного русского строительства такой музей является маяком утверждения достоинства русского искусства и науки перед Европою. Русские достижения прежде бывали представлены на временных международных выставках, а также театральными постановками. Все эти выступления имели огромное значение для осведомления о росте русского творчества. Но все же они были временными, а теперь Русский музей в Праге является учреждением постоянным, в которое могут сохранно стекаться разнообразные проявления русского творчества. Уже с 1906 года я неоднократно поднимал вопрос о полезности учреждения в Европе отдельного Русского музея или же способствовать учреждению РУССКИХ отделов при существующих европейских музеях. Каждый из нас имел много случаев болеть о недостаточном ознакомлении Европы и Америки с русским творчеством и с РУССКИМ народом вообще. Враждебные элементы не переставали сеять самые неправдоподобные выдумки, желая представить русский народ неуспешным, неудачным и отсталым.

Сейчас уже много сделано для правильного ознакомления иностранцев с русскими достижениями, и наш музей в Праге должен являться одним из вернейших средств для такого справедливого ознакомления. Быстрый рост музея доказывает как даровитость его учредителей — Булгаков, Новиков — так и всеобщую отзывчивость к этому нужнейшему начинанию. Нужно порадоваться, что музей постоянно обогащается новыми отделами и, таким образом, действительно может представлять русскую культуру. При ограниченности средств, конечно, многое труднодостижимо, ибо приходится ограничиваться ожиданием пожертвований как вещевых, так и денежных. Прекрасно, что теперь уже имеется и краткий каталог. Для дальнейшего роста музея все же необходимо еще более широкое осведомление о задачах и об истории возникновения этого учреждения. Следует иметь хотя бы краткую брошюру, хотя бы на трех языках, удобную для широкой рассылки. Ведь нигде заграницею не существует такого Русского музея, и потому мы вправе ожидать, что отклик должен прийти из всех частей света. И он может прийти, лишь бы только люди широко знали о неограниченных задачах музея. Русский музей творит общерусское дело.

16 Августа 1938 г.

"Из литературного наследия"

Вперед

Не будет ли каждое воспоминание зовом "назад"? Не остановит ли оно поток продвижения? Не будет ли оно запрудой для течения новой мысли? Если воспоминание может остановить и преградить продвижение, то лучше и не ввергаться в эти бывшие области. Только то хорошо, что может исправить заблуждения и вдохновить к новым исканиям. Среди груд воспоминаний прекрасны лишь те, которые научали быть молодым, сильным, неутомимым. Сделанное нами ранее нельзя любить, ибо оно было несовершенно. Если же кому-то подумается оно совершенным, то пусть покажет он врачу засорившийся глаз свой. Нет беды в том, что прежде сделанное окажется несовершенным. Если оно представилось бы окончательным завершением, то прервался бы путь прекрасных исканий. Не убоимся того прошлого, которое насыщено примерами для будущего. В каждой неудаче уже заложен урок усовершенствования. Иначе к чему сказано: "Благословенны препятствия, ими мы растем". Не сожалеть надо о прокисшем молоке, но и его полезно использовать.

Синтез заповедан во всем. В нем преподано значение сотрудничества и содружества. Специализация полезна, если она служит синтезу. Не может возгордиться один член тела человеческого. Даже самый из них деятельный может существовать при наличии других. Синтез, сложение сил, ведет вперед. В таком приказе звучит Беспредельность. В ней не может быть поражения. В ней не будет нелепых делений. Не будет рас, классов. Наконец, в ней не будет поколений. Поколения обозначаются там, где ветхость или юность. Но мысль безвременна. Мысль о благе, о знании, о красоте не может быть ветхой. Всякая ветхость даст смрад и гниение и может быть легко распознана. И злоба, и ненависть, и человекоубийство не принадлежат к передовым достижениям. "Вперед, вперед", — в этом стремительном приказе далеко позади остается все смрадное и ненавистное. Если же найдется и нечто старинное — оно будет обновлено пониманием нетленно прекрасного. О красоте мыслит тот, кто непреклонно вперед устремляется. Он хочет и лететь и творить и приобщиться к общему благу. В самости нет простора, нет полета к обновлению. "Per aspera ad astra"[48].

4 Сентября 1938 г.

"Зажигайте сердца"

Русская икона

Теперь все знают, что старая русская икона есть ценнейший примитив. Весь мир ознакомился с этими нашими сокровищами и единодушно восхитился также и со стороны чисто Художественной. Это признание произошло в течение последних тридцати лет. Но еще в 1900-м году дело обстояло совершенно иначе. Для одних икона была священным предметом, Который из почитания можно наглухо забить гвоздями в золотой или серебряный оклад. Нам приходилось видеть чудесную Живопись, забитую гвоздями, и варварство это происходило от Почитания. Для других икона была какой-то кустарщиной, а Прекрасные мастера-иконописцы презрительно назывались богомазами".

Когда мы ездили по Руси для ознакомления с фресками старых соборов и с чудесною иконописью, на нас смотрели как на чудаков. Один злой человек даже написал, что скоро весь обиход, по нашим рисункам, будет "по мотивам чуди и мери". На такие наскоки мы отвечали, что пройдет несколько лет, и те же хулители будут восхищаться якобы вновь открытыми русскими примитивами. Восхищение это будет не только на страницах научных трактатов по истории искусства, но будет оно в лучших художественных оценках. Мы прибавляли: "И завопят и заохают — будем их вопление пророчествовать". Так и случилось. Вдруг сделалось принятым ездить по старым монастырям, заботиться о восстановлении древних фресок и восхищаться новгородским, киевским и московским иконным письмом. Открылись глаза на ценнейшую художественную сторону иконописания — вдруг оказалось, что из среды народной постоянно выходили истинные художники. Одни из них оставили нам имена свои, но большинство прошло безымянно, а ведь и они, эти "знаемые и незнаемые", "писанные и неписанные", были отличными мастерами.

Когда-то нам говорили, что только иноземцы научили русских иконников. Преемственность всегда была и во всем, и нам нечего отказываться от наследий Византии, Востока и Италии. Но никто не скажет, что такие великолепные мастера, как Симон Ушаков, Рублев, Данило Черный "со-товарищи", не были исконно русскими дарованиями. Расширились страницы русской истории искусства. Оказалось, что вовсе не от основания Академии Художеств, но от глубокой древности русский народ уже может гордиться своими художниками, настоящими мастерами, которые с великим искусством изукрашали стены храмов и палат.

[1938 г.]
"Зажигайте сердца"

Урусвати

Уру и Свати — древние имена, встречаемые в Агни-Пуранах.

Урусвати — Гималайский Институт Научных исследований — начался в 1928 году под самыми хорошими знаками. Гималаи являются неистощимым источником не только аюрведических исследований, но и со стороны исторической, философской, археологической и лингвистической всегда будут неисчерпаемы. Место Института в древней долине Кулу, или Кулуте, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны, здесь собирал Махабхарату риши Виаса. Здесь и Виасакунд — место исполнения желаний.

Но не все, видно, желания исполняются. В самое короткое время были собраны богатые ботанические и зоологические коллекции, накоплялся местный лекарственный материал, шли записи и лингвистические исследования. Коллекции посылались и в ботанический сад Нью-Йорка, и в Музей Естественной Истории там же, в Кью-Гарденс в Англию, и в Академию Наук в Ленинград, и в ботанический сад в Париже. Кроме того, местные растительные экстракты посылались в Европу для терапевтических анализов. Поспел целый обширный тибетско-английский словарь, уже готовы исследования лахульского и амдосского диалектов. Много уже собралось разнообразных материалов. Журнал Института за три года своего выхода и по содержанию и даже по объему все возрастал, и был установлен обмен научных изданий и корреспонденция со всеми странами мира. Среди членов и сотрудников Института закрепились имена: д-р К. К. Лозина-Лозинский, полк. А. Е. Махон, д-р Г. Лукин, лама Лобзанг Мингюр Дордже, Махапандит Рахула Санкритиаяна, лама Чомпел, ботаник Султан Ахмед, покойный проф. Кашиап, покойный знаменитый биолог Индии Джагадис Чандра Боше, лама Лобзанг Цондю, лама Дава Тензинг, член Нанкинской академии д-р Кенг, проф Е. Д. Меррил, много-много ценных сотрудников. Много потрудился и директор Института Юрий и секретарь Института Шибаев, а сколько трудов положил Святослав и по медицинским экстрактам и по ботаническим собираниям. Были уже налажены показательные питомники. Но вдруг загрохотали американские финансовые кризисы. Зашумело европейское смущение. Пресеклись средства. Одними картинами не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что

могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. Стоит лишь вспомнить, какие интересные исследования произвел д-р Бернард Рид, доказавший, что основы древнейшие весьма близки нынешним открытиям. Все есть, а денег нет.

1938 г.

"Из литературного наследия"

Credo

Пишут, что не знают мое credo. Какая чепуха! Давным-давно я выражал мое понимание жизни. Ну что ж, повторим еще раз:

"Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата "священного источника". Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное! Дайте же им это. Дайте искусство народу, кому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем…

Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания Культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже "земные" люди поняли действенное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все "священные врата". Под знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее".

Писалось это двадцать лет назад, а говорилось и гораздо раньше. Те самые, кто говорят, что они не знают, отлично слышали от меня самого. Знать-то они знают, но для каких целей им нужно набросить тень, внести неопределенность? "Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь останется". А мы все же будем звать к прекрасному, и ценность творчества будет нашей основою.

(1938 г.)

"Из литературного наследия"

Будем бережливы

Ушел Шаляпин. Ушли и Горький, и Глазунов, и Куприн, и Трубецкой, и Кустодиев, и Дягилев, и Враз, и Бакст, и Головин, и Яковлев… Свернулось несколько страниц истории русского искусства, русской культуры. Невольно хочется обернуться и посмотреть, много ли у нас остается величин того же поколения и того же значения. Выходит, что окажется их не так уж много — лист окажется не так уж велик по всем отраслям искусства и литературы.

Много раз писалось о бережливости. "Много где проявлялась расточительность. Застрелили А. С. Пушкина и Лермонтова. Изгоняли из Академии Наук Ломоносова и Менделеева. Пытались продать с торгов Ростовский Кремль. Длинен синодик всяких расточительств от давних времен и до сегодня. Довольно. Бережно и любовно должна быть охранена Культура". Нельзя отговариваться тем, что кто-то когда-то чего-то не заметил за сутолокою жизни. Всякое небрежение к Культуре уже непростительно и недопустимо во всевозможных обстоятельствах.

Если человек любит Культуру и, естественно, свою родную Культуру, то он отнесется со всевозможною бережностью " носителям этой Культуры. Каждый выдающийся деятель Культуры уже является живым памятником ее. Люди нередко творят об охранении каменных памятников. Но не лучше ли при этом также помыслить и о заботливом охранении памятников живых, которые могут еще во многом приложить свои творческие силы во славу русского народа. Многие скажут: нам всем всюду тяжко. Но ведь эти тяжести будут облегчаться сознанием, что среди нас живут те, которых мы называем учителями в разных областях жизни.

Всегда ли мы бываем справедливы? Не бываем ли мы, по слову Пушкина, "к добру и злу постыдно равнодушны"? Не обходим ли мы молчанием то, что должно бы вызывать самое сердечное суждение? В таком сердечном порыве все мы несмотря на тяготы жизни могли бы создать нашим старшим культурным творцам дни спокойные, углубленной творческой работы. Не будем ожидать, пока будут построены целые институты, как было сделано для работы Павлова. Не только широкие материальные возможности, но именно сердечность убережет от расточительности, о которой когда-то кто-то устыдится. Будем бережливы.

[1938 г.]

"Зажигайте сердца"

Гонения

Вышла еще одна книга о Парацельсе, об Агриппе Неттесгейском, о Раймонде Люлли. Еще раз рассказывается, каким гонениям подвергались эти замечательные ученые. Странно вспоминать о всех невежественных на них наскоках теперь, когда труды их признаны и издаются внушительными томами. Впрочем, везде ли уже признаны они? В некоторых мрачных закоулках и посейчас считают Парацельса шарлатаном, Агриппу — придворным отравителем, а Раймонда — фальшивомонетчиком. Энциклопедии еще в недавних своих изданиях не стыдились поносить С. Жермена, и лишь в последнем выпуске сквернословие уменьшилось. Недавно скончался профессор Мак Дуггаль. От него мы слышали, каким порицаниям он подвергался за свои исследования в области парапсихологии. Много крови ему испортили злобные игнорамусы[49].

Поучительно наблюдать, как именно свирепствуют эти темные силы. Прежде всего они измышляют всякую ложь. Они не заботятся о каком-либо правдоподобии. У них, кроме лжи, нет другого оружия, и они стараются использовать ее в полной мере. Судя по себе, лжецы отлично знают, что адептов лжи множество и метод лжи для всех них будет единственно приемлемым. Так и происходит нескончаемая битва мужественного подвига с лживым невежеством..

Вот мы еще недавно наблюдали, как свора злобных врачей бросилась на своего даровитого коллегу, в неистовстве стремясь изничтожить его. Поистине, получилась мрачная картина средневековой инквизиции. Бездна лжи была вылита. Были изобретены лжесвидетели. Худшие исчадья человеческого порока были обнаружены, и трудна была борьба за правду. В конце концов, правда победила, но сколько сил было потрачено на восстановление истины! Можно ли до такой степени расходовать чистую энергию? Лжецы были отбиты и приведены к молчанию, но ущерба не понесли. Они заползли в свои темные норы, чтобы еще более изощриться во лжи.

Знаем, сами знаем, как нелегко отбивать натиск лжи. Знаем, сколько сил уходит на отражение злобной своры. Для какой-то особой закалки нужно это состязание с тьмою. Преодоление хаоса происходит во всей жизни. Тень выявляет Свет. Без битвы невозможна и победа. Все это так. Но как больно видеть неисчислимую затрату сил только на то, чтобы временно заставить примолкнуть отца клеветы и лжи, живущего тлением и разложением.

(Не ранее 1938 г.)
Публикуется впервые

Радость

"У меня с годами выработалось такое отвращение к большим выставкам современного искусства, к так называемым "салонам", что мне стоит больших усилий заставить себя посетить одно из таких торжищ. Идешь вроде как бы по какому-то Общественному долгу, а вступив на выставку, через полчаса Чувствуешь уже отчаянную ломоту в спине, ноги получают Пудовые гири, а то, что видишь, мучительно сливается в какую-то серую "бессмысленную" массу…

Каждый раз к тому же, настрадавшись, выносишь одинаковое впечатление с такой выставки — впечатление безнадежности. А между тем всюду на таких выставках имеются и картины, и скульптуры, и разные предметы, в которых есть талант, которые в других условиях могли бы остановить внимание и понравиться. Беда, очевидно, в чрезмерности этих агломератов и в хаотичности такой смеси.

Еще больше, однако, нежели размножение салонов, на появление чувства безнадежности действует сознание полной тщеты самых этих художественных манифестаций. В былое время люди за много месяцев готовились к тому, чтобы на годичной выставке отличиться; это был настоящий публичный экзамен, которому себя подвергали как начинающие художники, так и совершенные arrives[50]. Пусть и наиболее блестяще выдерживавшие эти экзамены художники ныне забыты и смешаны с грязью — все же не один десяток лет они представляли собой "французскую школу", и Франция гордилась ими. Оценивали этих художников-чемпионов не только густые массы парижан, но и толпы иностранцев, которые, попадая в Париж, сознавали, что их здесь чему-то научат, что они в этой лаборатории всякого изящества и всякого удовольствия получают весьма приятные jouissances[51]. Теперь же и толп парижан не видно, а из иностранцев ходят по выставке разве те, кто сами в салонах экспонируют.

Впрочем, эти нынешние салоны вообще ничего общего с "экзаменами" не имеют. Это просто случайный склад совершенно обыденной продукции. В живописной своей секции это одно нераздельное царство этюдов, в котором индивидуальное утопает уже потому, что в сущности никто даже и не пытается что-то выразить, а все работают согласно пяти-шести формулам, без малейшего энтузиазма или хотя бы простого умиления перед природой. Особенно же чувствуется полнейшее отсутствие каких-либо задач…"

Так пишет Александр Бенуа об осеннем салоне 1938 года. Заговорил не только критик, но художник. Чувствуется боль и печаль, что за мрачною житейскою суетою ушел праздник искусства. Каждый из нас помнит такие праздники и заграницей и на русских выставках. Происходило нечто значительное. Выявлялись смелые задачи. Шла борьба за правду художества. И зрители не оставались "к добру и злу постыдно равнодушны". В спорах, в столкновении мнений выковывалась истина. Слагался стиль эпохи. Выставку ждали. Задолго уже появлялись сведения об окончании новых картин. Было знаменательно, что для сына Ивана Грозного Репину позировал сам Гаршин. Любители болели, слыша, что Врубель опять переписывает "Демона". Удастся ли? С волнением слышали о новой манере Серова в портрете Иды Рубинштейн. Ждали бакстовскую "Шехерезаду". Мало ли о чем слышали и горели ожиданием…

Слышали о завоеваниях Гогена, Ван-Гога, Дега[52], дягилевские постановки волновали. Художественный театр вдохновлял и перерождал поколение. Было не все равно, в чьем костюме будет Шаляпин в "Олоферне" или "Кончаке". Был нерв, когда молодежь встала за Куинджи против его академических притеснителей. Около искусства была значительность. Был тот праздник, в огнях которого согревались сердца. Неужели ушло? Молодо и сильно говорит Бенуа. Это не брюзжание о "давних, славных временах". Не переехала ли какая-то машина, какая-то чертовская танка радость об искусстве? Чем же жить-то тогда?

Из первых школьных лет встает волнующий художественный облик. Прочитан роман Золя. Кто-то разъясняет, что в основе его положены достижения и терзания Мане. Сам герой только недавно умер. Весь этот подвиг не есть блестящий вымысел, но быль во всей ее драматичности. И сейчас в снежных Гималаях звучит живой сказ о битве художника за новую правду, за новую красоту. Сильно было первое впечатление, и Мане на всю жизнь остался борцом и гигантом. О нем не забудут.

Некоторые имена странно проходят в нашей жизни, неожиданно появляются, точно бы напоминают и ободряют. Мане много раз напомнил и ободрил. При встречах с Пюви де Шаванном и Кормоном опять неожиданно выплыло имя Мане. Оба мастера хотя и были совершенно различны от задач Мане, но говорили о нем с большим уважением. Это производило впечатление, ибо особенно поражает, когда с уважением высказываются деятели отличных и даже противоположных направлений. Во все время моих пребываний в Париже постоянно выдвигалось имя Мане. В то время, как другие большие имена произносились с некоторою нервностью и в положительном и в

отрицательном смысле, этот основоположник целого направления оставался окруженным несменным геройским ореолом.

В 1923-м году у маленького антиквара в Париже мы нашли палитру Мане с мастерски сделанным наброском головы и С подписью. В ту минуту с собою денег не было, и мы поспешили вернуться в отель, чтобы взять необходимые франки. Велико было наше огорчение, когда, вернувшись, мы узнали, Что немедленно после нас кто-то купил и унес эту палитру. Но не только во Франции постоянно упоминалось имя Мане. Сейчас в Гималаях нами получена последняя монография Роберта Рея, сопровожденная сотней красочных и однотонных воспроизведении. Какая хорошая книга! Текст составлен умело и рельефно. Ничего лишнего, но доброжелательно собраны вехи жизни. Среди воспроизведений встречаем и наших давяих друзей, о которых всегда приятно вспомнить. Кроме того, Имеется и ряд вешей, мало воспроизведенных или вообще новых. Таким образом, заботливо собрано все творчество мастера в его характерных проявлениях. Конечно, у Мане до пятисот одних больших картин, из которых лишь сравнительно небольшая часть вошла в монографию. Но все же даны именно те путевые знаки достижений, которые выражают облик художника. В приложенной библиографии, конечно, перечислены лишь главнейшие статьи и заметки, но и по ним можно судить, как кристаллизовалось общественное мнение о мастере.

Особенно любопытны выдержки из разных художественных критик. Можно видеть, как в этих суждениях делилось общественное мнение. Одни устремлялись к будущему и воздавали дань смелым поискам, а другие уходили под черепаший щит, увязая в тине ретроградства. Любопытно суждение некоего в свое время известного критика (мир его праху), сказавшего: "На выставке имеются холсты Мане. Пройдем мимо! Один известный иностранный художник сказал мне: "Вот, до чего дошло французское искусство". Но я подвел его к картине Жюля Бретона со словами: "Вот оно, искусство Франции". Любопытнее всего то, что именно Жюль Бретон во время недавней всемирной выставки в Чикаго был выброшен с выставки как образец тривиальности и пошлости. Конечно, мы бы не стали изгонять Жюля Бретона, который является характерным для определенного направления. Может быть, для многих оно будет скучным и стиснутым уже изжитыми формами, но всетаки ему нельзя отказать в известном чувстве и непосредственности выражений.

Среди критических суждений о Мане особенно ярко обозначилось, что лучшие люди во главе с Золя сразу почуяли

истинный талант, а все те, которые ужасались и старались унизить творчество Мане и сами остались униженными или, вернее, забытыми в своих могилах. Давно говорилось: "Скажи мне, кто твои друзья и враги, и я скажу, кто ты есть". И теперь, когда героическое достижение Мане стоит незыблемо, можно видеть правоту старинной пословицы. Признавшие Мане и сами были большими людьми, а серые отрицатели и завистники были теми, кого Мане по природе своей и не мог бы назвать своими друзьями.

От первых школьных лет имя Мане являлось для меня ободряющим. Он помогал мне ощущать значительность искусства и новых исканий. Он всегда оставался молодым и теперь, через полвека, искусство Мане не только не утеряло своей свежести, но, как и всякое истинно героическое деяние, оно растет и приносит радость.

Вот мы погоревали вместе с Александром Бенуа о безрадостности Салона и порадовались вместе с Робертом Реем о свежести искусства Мане. Бенуа правильно печалится, не усматривая в Салоне новых задач, новых исканий. Точно бы где-то стоит удобное кресло, манящее к спокойной тихонькой работе, и в таком упокоении выдыхается поступательная человеческая энергия. Тут-то и бывает конец всякой радости. Ведь радость есть сильное чувство, и оно рождается от напряжения энергии. Молодежь стремится к радости и напрягается в тщетных поисках этого обновляющего вдохновения. Поможем всем молодым на этих путях к радости. Если они найдут эту искру, то ведь она озарит все и будет радостью общечеловеческою. Представьте себе всю землю, лишенною всех произведений искусства, и вы получите облик безотрадного отчаяния. Много раз приходилось писать о вандализмах. Люди отлично знают, что обнажая стены, они точно бы уносят цветы жизни. За последние годы можем перечислить множество вандализмов и зверских разрушений. Длинен список всего невозвратно погибшего. Не пора ли не только правительствам, но всем обывателям подумать о том, чем является искусство для всей эволюции. Невозможно насильственным приказом сделать людей культурными. Человек должен сам захотеть приобщиться к познанию и тем открыть врата радости. Из глубин веков звучит: "Радость есть особая мудрость".

1 Января 1939 г.

Публикуется впервые

Продажа душ

Сколько бедствий! Со всех концов пишут о разрушениях, об утеснениях и о всяких человеческих несчастьях. Через все эти темные стекла вы можете разглядеть еще одну беду, которая не произносится. Пожалуй, слово о ней будет сочтено бестактным и неуместным в наш век великих цивилизаций! Хорошо, еще если при этом можно не сказать: "в наш век культуры"!

Под разными, иногда очень пышными наименованиями, творится злое дело, позорное для человечества. Говорят очень выспренне об изменении границ, о всяких присоединениях; кто-то не удержится, чтобы не произнести слово "аннексия"… Среди всех этих прилично причесанных собеседований никто не решится вспомнить о том, что беззастенчиво происходит продажа душ человеческих.

Сейчас никто не говорит о войне. Вместо войны придумано новое бесстыдное определение — замирение. Таким образом, прекрасное слово мир включается в понятие лицемерия, ханжества и лукавства. При этом все знают, что от изменения границ, от аннексий, от агрессий и всяких "замирений" происходит неприкрытая продажа душ человеческих.

Представим себе глубокую трагедию мирного жителя, которому "по щучьему велению" вдруг говорят, что он сделался другою народностью, что он должен отказаться от предков, от всего обихода и ради спасения головы своей должен спешно приобрести чужой несвойственный ему строй жизни. Ему скажут, что он ради чьих-то соображений перестал быть самим собою и продан вместе со многими другими вещами какому-то пришлому завоевателю.

Могут сказать, что завоевания происходили испокон веков, и это зло неизбежно. Но в то же время будут называть прошлые века варварством, а теперь будут кичиться какою-то цивилизацией и даже будто бы культурою. Все скажут, что прежде были нравы дикие, но теперь под влиянием гуманистической философии природа человеческая утончилась, и уже невозможными стали грубые убийственные преступления. Неправда ли, ведь и такое притворство можно нередко сейчас услышать? Люди будут гордиться не ими сделанными открытиями и научными достижениями и, как обезьяны, превратят эти сокровища в средства убийства, поношения и рабства.

Полетели люди, но куда же они долетают? Что же несут их летательные машины и для чего сейчас строятся огромнейшие

количества аэропланов? Может быть, только в образовательных и познавательных целях? Может быть, все эти машины спешно настроены не для корыстий и убийства, но для самых человечных целей? Сделалось уже лживым предположение, что крыльями овладело человечество для добра и взаимодоброжелательства. Именно для убийства идут спешные работы повсюду. Для усиления мучений изобретаются всевозможные ядовитые газы, бомбы и такие орудия, которые скоро могут стрелять вокруг света. Вот до чего дожили!

Лицемеры скажут: о ком говорите? о каких-то дикарях? Вот тут-то лицемеры и выдали себя, проговорились. Во-первых, что значит дикарь? По невежеству даже очень культурные мысли иногда называются дикарством и неприложимыми к жизни. Вспомните, милые лицемеры, кого вы подчас называли дикарями и перед кем вы кичились вашими крахмальными воротничками. На каких таких весах будете вы взвешивать вашу душу и душу так называемого вами дикаря? Но если бы и нашлись такие весы, то вдруг они покажут совсем не то, о чем вы предполагали?

Итак, прикрывшись разными лукавыми измышлениями, вы занялись продажею душ человеческих. Вы говорите им, этим бедным проданным душам: вчера ты был одним, а сегодня, по нашей указке, ты станешь иным. Вы даже не спросите у проданного в душевное рабство о его желаниях или убеждениях. Вы будете настоящими рабовладельцами не только в удаленных странах, но и среди самых, по-вашему, цивилизованных материков. Вот до чего дожили!

Но, может быть, мы преувеличиваем. Может быть, продажа душ уже принадлежит к прошлому? И все человечество мощно и сплоченно уже заявило о неповторимости бывших угнетений и рабовладельчества? Нет, человечество не только не заявило свой властный запрет насилию, оно в лучшем случае промолчало, а в худшем нашло лицемерно научные объяснения своим нашествиям.

При каждом уличном несчастье одни трусливо разбегаются, другие холодно любопытствуют и лишь очень немногие, лишь единичные спешат на помощь. Вот мы видим продолжающиеся разрушения неповторимых сокровищ, вот мы видим ужас убийств и мучительные многотысячные избиения, а люди безмолвствуют. Газеты в страхе не принимают статей о мире и говорят, что во время агрессии даже неприлично возражать. Будто бы каждое возражение может кого-то рассердить и тогда проданным душам будет еще хуже.

Крылья, крылья, не рано ли овладело вами человечество и не принесли ли вы вместо просвещения позор и насилие? Против

рабства написано много трогательных, прекрасных книг. Если бы в каком-либо собрании спросить присутствующих подтвердить вставанием, кто за рабство, то, наверное, никто не встанет. Даже те, которые в данную минуту деятельно участвовали в продаже душ, и те промолчат, опустив глаза, — настолько постыдно понятие рабства. Но не хуже ли открытого рабства тайная продажа душ — игра черепами человеческими?

Многие тысячи обществ посвящены вопросу о мире. Может быть, среди членов этих обществ имеются и владельцы оружейных заводов. Может быть, кое-кто из этих членов, громко говоря о мире и благоволении на земле, в то же время не прочь подписать постыдную продажу душ. Кто-то острым ногтем или когтем проводит по карте новые границы, точно бы по безлюдным пространствам. Но души-то, души-то человеческие тоже рассекаются этим ногтем, и презирается цена Души человеческой.

Ради какого же лучшего будущего совершаются все самоотверженные подвиги и научные открытия? Во всяком случае, не для будущего рабовладельчества. Говорится об эволюции, о просвещении, о новой жизни. Но ведь нельзя же подойти к этой новой жизни, неся купчую крепость о продаже душ человеческих. Продаются и старики, продаются возмужалые работники, наконец, продаются и дети. Это будущее поколение уже понимает, что над ним было совершено насилие. Молодое поколение в своих анналах передаст и впредь о тех ужасах, которым они были свидетелями. Детское сердце и детское воображение вмещают многое.

Вот до чего дожили! Лицемерно совершаются продажи душ человеческих. Какое бедствие!

Февраля 1939 г.

Публикуется впервые

Великий Новгород

"Новгород — город-музей, насыщенный памятниками русской старины, уцелевшими благодаря тому, что он избежал татарского ига. Лишь в XVII веке шведы частично разрушили Софийскую сторону города. XI и XII века представлены в Новгороде лучше, чем где бы то ни было. Софийский собор XI века, построенный под руководством греков русскими мастерами, является исключительным памятником Культуры. Не менее ценен и построенный в XII веке Антониев монастырь. К XII веку относится Юрьев монастырь. По словам "Известий" (5 января), в последние годы изучение исторических богатств Новгорода особенно усилено. Для этого отпускаются значительные средства. "Проведено несколько сессий Института истории Академии наук, посвященных сокровищам русской Культуры в Новгороде. Издается "Новгородский Сборник". В последнее время раскопаны "Рюриково городище", "Словенский холм". Успешно велись раскопки Вечевой площади. Летом начнутся раскопки в Новгородском кремле. Для лучшей организации такого рода работ с 1 января, по решению Президиума Академии наук, Институт истории приступил к организации в Новгороде исторической секции. В план секции входит, в частности, подготовка издания неопубликованных материалов о борьбе русского народа со шведами". ("Известия", 5 января).

Великий Новгород! "Как много в этом звуке для уха русского слилось!" Тридцать лет пробежало со времени нашей раскопки в Детинце Новгородском. Вспоминаю об Ильмене, Волхове, о всех холмах и буграх, нажитых во времена славы Новгорода. Вспоминаю славного воителя Александра Невского. Вспоминаю Марфу Посадницу и могилу ее во Млеве. Верилось, что найдутся люди, которые бережно вскроют и охранят сокровища всенародные. И вот весь Новгород объявлен музеем. Мечта исполнилась.

"Были обладателями всего Поморья и до Ледовитого моря, и по великим рекам Печоры и Выми, и по высоким непроходимым горам во стране, зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодные реки; тамо бо беруще звери дики, сиречь соболи".

Трудно поверить, как ходили новгородцы до моря Хвалынского (Каспийского) и до моря Венсцийского.

Невообразимо широк был захват новгородских "молодых людей". Молодая вольница беспрерывно дерзала и стремилась. Успех вольницы был успехом всего великого города. В случае неудачи старейшинам срама не было, так как бродили люди

"молодшие". Мудро!

Но везде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду все ценное несли они в новгородскую скрыню. Хранили. Прятали крепко. Может быть, эти клады про нас захоронены. В самом Новгороде, в каждом бугре, косогоре, в каждом смыве, сквозит бесконечно далекая, обширная жизнь.

Черная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпича всех веков, обломками изразцов и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицам и переулкам города, можно из-под ноги поднять и черепок X — XII века, и кусок старовенецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати…

Люблю новгородский край. Люблю все, в нем скрытое. Все, что покоится тут же среди нас. Для чего не надо ездить на далекие окраины; не нужно в дальних пустынях искать, когда бездны еще не открыты в срединной части нашей земли. По новгородскому краю все прошло. Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все верящее в себя. Бездны нераскрытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски.

Слишком много со всех сторон очевидного. Чему дать первенство? Упорядочению церквей, нахождению старых зданий, Раскопкам в городе или под городом в самых древних местах?

Наиболее влекут воображение подлинный вид церквей и Раскопка древнейших мест, где каждый удар лопаты может Дать великолепное открытие.

На рюриковском городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, все полно находок. На огородах, из берегов беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно.

Чувствуется, как после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах, при впадении Волхова в Ильмень, жизнь разрасталась по более высоким буграм, через Городище, Нередицу, Лядку — до Новгорода.

На Городище, может быть, найдутся остатки княжьих теремов и основания церквей, из которых лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславом Владимировичем.

Коломцы (откуда Передольский добыл много вещей каменного века), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Раком (бывший дворец Ярослава), Мигра, Зверинцы, Вяжищи, Радятина, Холопий городок, Соколья Гора, Волотово, Лисичья Гора, Ковалево и многие другие урочища и погосты ждут своего

исследователя.

Но не только летописные и легендарные урочища полны находок.

Прежде всего, повторяю, сам город полон ими. Если мы не знаем, чем были заняты пустынные бугры, по которым, несомненно, прежде тянулось жилье, то в пределах существующего города известны многие места, которые могли оставить о себе память.

Ярославле Дворище (1030 г.), Петрятино Дворище, Двор Немецкий, Двор Плесковский, два Готских Двора, Княжий Двор, Гридница Питейная, Клеймяные Сени, Дворы Посадника и Тысяцкого, Великий Ряд, Судебная Палата, Иноверческие ропаты (часовни), Владычьи и Княжьи житницы, наконец, дворы больших бояр и служилых людей — все эти места, указанные летописцами, не могли исчезнуть совсем бесследно.

На этих же местах внизу лежит и целый быт долетописного времени. Все это не исследовано.

Дико сказать, но даже детинец новгородский и тот не исследован, кроме случайных, хозяйственных раскопок. Между тем детинец весьма замечателен. Настоящий его вид не многого стоит. Слишком все перестроено.

Но следует помнить, что место детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княжий Двор и с Владычной стороны св. София, видела слишком многое.

Уже в 1044 году мы имеем летописные сведения о каменном детинце. Юго-западная часть выстроена князем Ярославом, а северо-восточная — его сыном св. Владимиром Ярославичем. Хорошие, культурные князья! От них не могло не остаться каких-либо прекрасных находок.

Кроме исконного поселения, на Городище долгое время жили новгородские князья со своими семьями. Московские князья и цари часто тоже стояли на Городище, хотя иногда разбивали ставки и на Шаровище, где теперь Сельцо, что подле Нередицы. Княжеские терема оставались на Городище долго. Вероятно, дворец на Городище, подаренный Петром I Меньшикову, и был одним из старых великокняжеских теремов.

Богатое место Городище! Кругом синие заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что "кустом стоят". Виднеются — Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сковородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синеет Бронница. Все, как на блюдечке с золотым яблочком.

Вся южная часть детинца теперь занята огородами. Прежде здесь стояли многие строения и до 20 церквей. Здесь же проходило несколько улиц и главная улица Кремля — Пискупля. Где-то возле Пискупли стоял храм св. Бориса и Глеба, поставленный на месте древней сгоревшей Софии. На этих же огородах были все княжий постройки и самые терема. Как известно, Княжая Башня вела на Княжий Двор.

Трудно все это представить, глядя на пустырь. Не верится старинным изображениям Кремля; не верится рисункам иноземных гостей. На планах, сравнительно недавних (XVIII в.), еще значатся на месте огорода какие-то квадраты зданий. Куда это все девалось?

Главная предчувствованная нами задача разрешена. Жилые слои Кремля оказались не перекопанными. Картина древнего Новгорода не тронута. В пустующей южной части Кремля при достаточных средствах можно раскрыть все распределение зданий и улиц. Конечно, для этого нужны крупные деньги. Но зато какая большая задача будет разрешена. Настоящая народная задача.

На веселом июльском припеке наблюдаю приятную картину. Радом помещается неутомимый Н. Е. Макаренко, кругом него мелькают разноцветные рукава копальщиков. Растут груды земли, черной, впитавшей многие жизни. У Княжей Башни орудуют наши рьяные добровольцы: искренний любитель старины инженер И. Б. Михаловский и В. Н. Мешков. На стене поместился со своими обмерами мой брат Борис. Из оконцев Кукуя выглядывают обмерщики Шиловский и Коган. Взвод арестантов косит бурьян около стены. Из новгородцев интерес проявляют Романцев, Матвеевский, о. Конкордин. Хоть посмотреть приходят.

Кроме того, мы знаем, что у Федора Стратилата на Торговой стороне очищают фрески (и хорошо очищают). На Волотове Мясоедов, Мацулевич и Ершов изучают и восстанавливают стенопись.

Кажется, что Новгород зашевелился; кто-то его пытается пробудить… Но для нас радость недолгая. Деньги приходят к концу, и хорошо еще, что удалось довести широкую траншею до основного материка. С обеих сторон траншеи торчат наслоения разных веков. Сперва остатки каменных построек, потом деревянные строения, частью сожженные, частью разрушенные. Повсюду находки разных веков. В одном из веков через траншею проходила улица, мощеная деревянными плахами. И так ниже и ниже, до находок скандинавского типа. Является мысль сохранить этот разрез всех новгородских наслоений. Сделать это нетрудно. Стоит лишь над траншеей поставить навес с достаточными водостоками, и для посетителей Новгорода останется прекрасное

вещественное доказательство, как наслаивались старинные города. И денег на это сооружение еще хватило бы. И донизу, до самых первонасельных слоев, можно бы сделать хорошую лестницу. Идем с этим проектом к губернатору и к удивлению получаем отказ. Основная причина самая оригинальная: по пустырю ходят свиньи, и они могут упасть в траншею. Хоть бы о детях позаботился отец города, а то именно о свиньях. Так на свинстве и кончилось. И последние деньги пришлось на закапывание траншеи потратить.

Так записывалось. Верилось, что подземная Русь проявится. Даст народу своему сохраненные сокровища. И вот дожили. Молодое поколение вспомнило о захороненных кладах. Поет Садко: "Чудо чудное! Диво дивное!"

1 Февраля 1939

"Из литературного наследия"

Щуко

Еще один. Еще нет одного из группы "Мира Искусства". Запоздалая газета принесла сведения о кончине известного академика, архитектора В. А. Щуко. Хорошую страницу истории русского зодчества оставил по себе Щуко. Он понимал глубоко русский ампир, он любил итальянский восемнадцатый век. У него был природный тонкий вкус и все, что исходило от него, было благородно по заданию и форме и прекрасно по жизненной внешности. Незабываемы его театральные постановки.

Щуко участвовал во многих постройках, помогал в устройстве заграничных выставок и доказал себя замечательным педагогом. Мы работали с ним и по школе Общества Поощрения Художеств и по Женским архитектурным курсам. Все эти годы совместной работы вспоминаются особенно сердечно. Щуко умел вдохновить учащихся и приучить их к постоянному труду. У нас в школе он руководил классом композиции, и каждый, посещавший годовые ученические выставки, помнит, как прекрасны и значительны были работы его класса. При этом он не подавлял учащихся какими-либо своими особыми симпатиями. Нет, он давал широкую возможность выражения, и потому каждый мог пробовать свои силы в любом близком ему стиле. Щуко радовался и обмерам храмов, понимал форму ценнейшего фарфора, любил гобелены ц давал идеи превосходной мебели.

Ко всем своим архитектурным дарованиям Щуко добавлял еще и мудрую ровность характера, а сам умел работать и этим своим примером заражал окружающих. Во время множайших дискуссий и совещаний всегда можно было положиться на Щуко, что он не отступит от обдуманного, принятого решения. За время совместной работы мы с ним выдержали немало ретроградных академических натисков, и он понимал, что в этих житейских битвах единение есть первое условие.

За последнее время мне довелось встретить в разных странах несколько бывших учащихся Школы Поощрения Художеств. Казалось бы, за все минувшие насыщенные событиями годы можно бы ожидать забвения. Но, видимо, руководство Щуко многим помогло в их дальнейшем жизненном пути. И все эти бывшие учащиеся, а теперь уже художественные деятели на разных поприщах с любовью и признательностью вспоминали своего учителя. А ведь это бывает не так часто. Волны лет смывают иногда даже очень значительные вехи, и потому живая память уже есть знак чего-то действенного.

При всей своей занятости Щуко всегда умел найти время для

всего неотложного. Я не слышал от него мертвого слова "нельзя". "Если нужно, то и буду", — говорил Щуко и хотя бы с легким опозданием, но все-таки успевал прийти в совещание. Не знаю, была ли посвящена творчеству Щуко монография, если нет, то необходимо бы собрать и запечатлеть труды этого замечательного русского зодчего. Иначе в суете быта опять все развалится, запылится, растеряется. Сколько Раз приходилось убеждаться, как легкомысленно растеривались и расточались собрания, которые для будущих поколений были бы незаменимыми.

Все сотоварищи по Школе Поощрения Художеств сохранят о Щуко лучшую память. Помню, как на годовом собрании Билибин прочел оду, обращенную ко всем присутствующим, в Которой помянул отсутствовавшего на Римской выставке Щуко словами:

"Но где, однако же, Щуко?
Он в Беренштама воплотился
и во плоти иной явился
там где-то очень далеко".

Где-то далеко сейчас Владимир Алексеевич. По какому такому радио послать ему весточку и привет и сказать, как сердечно мы его помним.

14 Февраля 1939 г.

"Из литературного наследия"

Друг человечества

Окончил свой земной путь друг человечества. Говорю о Чарльзе Крэне. Разнообразна и плодоносна была его жизнь, и о нем тепло вспомнят во всех частях Света. Крон — одно из исконных американских имен. Внешняя сторона жизни Чарльза Крэна богата деятельностью. Увлекаемый любовью к Востоку еще в раннем юношестве молодой Крэн поступает юнгою на парусную шхуну — в этом первом плавании уже выразились все последующие устремления к землям далеким.

Отец Крэна — один из крупнейших индустриалистов Америки — хотел всячески привязать юношу к своему фабричному делу. Уже с пятнадцати лет молодой Крэн привлекался отцом к фабричному станку, чтобы и во время общего образования получить наглядное знание своего индустриального дела. Видим потом близкое участие Ч. Крэна с Вестингаузом, но эта сторона деятельности никогда не могла заполнить душу одаренного широкого деятеля. Постепенно он отходит от непосредственного участия в заводах и фабриках и посвящает себя широкой деятельности дипломата и гуманиста.

Видим Крэна послом в Пекине, где он сумел оставить по себе незабываемую память. Затем он остается почетным советником Китайского правительства. Знаем встречи Крэна и дружбу с Ибн Саудом в Аравии и в Ираке с Фейзалом и с главою Египта. Видим Крэна в Индии и несколько раз в России. Все это внешняя широкая деятельность, но особенно запечатлеется внутренняя сторона гуманитарной работы Крэна. Тут мы имеем несчетное количество благодетельных фактов.

Кто посылает на Афон целый пароход разных припасов и тем спасает монастырь от голода и нищеты — конечно, Крэн. Кто помогает Чехословакии и Масарику — именно Крэн. Кто дает образование множеству студентов в разных странах — конечно, Крэн. И в Сирии, и в Швейцарии, и в Китае студенты и ученые всегда будут помнить о том, кто помог им в их трудных путях. В гостеприимном доме Крэна можно было встретить и ученых, и писателей, и артистов, и дипломатов, и общественных деятелей, словом, выдающихся людей из разных стран. Кому-то устраиваются лекции, кому ангажемент, кому-то концерты. Идет помощь университетам и музеям… А сколько бесчисленной анонимной помощи рассыпается всюду, где были нужда и несчастье! Поистине, можно сказать, что от Крэна никто не уходил без ободрения и самой деликатной помощи. Черта особой чуткости и деликатности была особым качеством характера

Крэна. Его ничто не могло задержать там, где он чувствовал, что может помочь и сделать что-либо полезное. Имя Крэна сохранится на почетных страницах многих научных и филантропических организаций. Крэн был почетным советником и наших учреждений.

Не раз во время своих путешествий Крэн подвергался большим опасностям, но ничто и никто не могли остановить его. В Ираке только по счастливой случайности Крэн не был убит разбойниками. А сколько несправедливых толкований вызывали его лучшие гуманитарные деяния! Необычайна была любовь Крэна к Востоку. Он не только устремлялся к Востоку, но и глубоко любил его красоту. Не мимолетным туристом проезжал Крэн по Азии или Египту, — он входил туда как свой человек, как друг, точно бы давным-давно живший в этих странах.

Для нас, русских, имя Крэна особенно дорого. Он много раз бывал в России, знал и ценил народ русский и восхищался русскою стариною. Последний раз он был в Москве около двух лет тому назад. У нас лежит замечательное его письмо, в котором рассказаны положительные впечатления этой поездки. Мнение такого знатока души человеческой чрезвычайно ценно. Если бы у народа русского побольше было таких искренних друзей!

Среди собирательства Крэна русское и восточное искусство занимают особое место. У него было много русских картин, были ковры. На стенах его домов и поместий были и Самарканд, и Афон, и Ростов Великий, и Бенарес, и Тибет, и Гималаи — словом, все, к чему устремлялась его многовмещающая душа. В преклонных летах уже после тяжкой болезни Крэн хотел еще раз приобщиться хотя бы к Ближнему Востоку. В минувшем сентябре он успел побывать в Египте и еще раз Взглянул на величие пирамид.

Перед самым отходом Крэн захотел иметь мою картину "И Открываем Врата". Душа его уже устремлялась к открытым вратам, туда, где живет вечная красота и где мысль творит будущую счастливую жизнь. Чарльз Крэн опочил 14-го февраля. Память его будет почтена во всех частях света. Его множайшие и разнообразнейшие друзья сохранят в сердце своем лучшие чувства об этом великом друге человечества.

8 Февраля 1939 г.

Публикуется впервые

Мечты

Многие мечты исполнились. Хотелось приобщиться к Индии, и вот уже шестнадцать лет, как мы связаны с нею. Хотелось познать Тибет, и мы прошли его насквозь. Хотелось пожить в юрте- и в юрте пожили… Мечталось об охранении народных культурных сокровищ, и Знамя-Охранитель прошло по миру. Мечталось об искусстве как о светлом посланце, и вот именно искусство шествует по миру и каждый раз, при каждом выступлении поминается, как благодатны воздействия искусства. Мечталось, чтобы русское искусство не только имело свои отделы в иностранных музеях, но чтобы в Европе был Русский музей. И вот такой музей состоялся. Мечталось о том, чтобы великий Новгород, великий Киев и другие исконные русские города были объявлены городами-музеями. И вот и эта мечта исполнилась — великий Новгород уже объявлен городом-музеем.

Недавно Конлан писал, что наша экспедиция была отражением уже давно написанных, предвиденных картин, что же, и это правильно. Конлан вспоминает "Половецкий стан", написанный в 1906 году, и указывает, что потом мы жили именно в таких же юртах. Вспоминается, что еще ранее писалось об Индийском Пути. К тому же времени относится и картина "Девассари Абунту", а затем "Граница Царства" (где она находится?). Еще раньше, в 1904 году, в собрании зодчих уже читалось о необходимости всенародного и всечеловеческого охранения культурных сокровищ. Подобно Красному Кресту, план такого международного охранения прошел через многие мытарства и препятствия. Но все-таки теперь — где самими правительствами, а где общественными учреждениями — уже принимается идея Пакта об охранении всего прекрасного и научного. Вспомним и разные другие мечты и по искусству, и по школьному делу, и по многим жизненным проблемам. Немало дум о всех этих областях уже вошло в жизнь. Появились Институты Объединенных Искусств, развились всевозможные кооперативные начинания. Все это драгоценно вспомнить — значит, думалось по правильному руслу. Выходит, что мечта недаром называется легкокрылой, у нее добрые крылья. И где положите вы границу между мечтою и предвидением? И где граница мысли? И не есть ли всякая действительность следствие мысли? И знаем ли мы, где всходят посевы мысли? И в каких таких сроках они претворяются в действительность? Охраним мечту как лучший мост к построению действительности. Дозволяется мечтать художникам и поэтам, но пусть помечтает и

все человечество. Из мечты доброй родится и добрая действительность.

1 Марта 1939 г.

"Из литературного наследия"

Петров-Водкин и Григорьев

На днях поминали Щуко и говорили: еще один ушел! А теперь нужно сказать: еще ушли! Сразу два — оба сильные, оба в полной мере таланта, опыта, творчества. Оба они были различны, но потенциал их был велик и серьезен. Именно это были серьезные художники. Трудно сказать, кто из них удельно был больше. Стоит вспомнить некоторые вещи Григорьева, и он покажется сильнее, но затем представить крепко спаянные, творчески пережитые картины Петрова-Водкина, и перевес склонится на его сторону. Петров-Водкин не писал "Расея", но действенно работал для народа русского. Григорьев же хотя и много думал о "Расее", но чуждался ее, а подчас и громил ее огульно и несправедливо. Это было причиною нашего расхождения. Может быть, Григорьев своеобразно любил "Расею", но облик ее он дал в таком кривом зеркале, что жалеешь об искривленности. В своих странствованиях по всем Америкам Григорьев среди всяких столкновений получил и язву раковую. Чили заплатило ему вперед жалованье, но просило уехать немедленно. Рисунки для модных платьев в Гарперс Базар тоже не могли радовать природного художника. В последний раз мы виделись в Нью-Йорке в 1934 году. Григорьев нервно и настойчиво рассказывал об увлекательности работы для модного журнала, но в кипении желчи сказывалось терзание заплутавшегося путника. Все-то он сворачивал против Расеи, твердил, как хорошо ему за границей, но тут-то и не верилось ему. Все-то будто бы было хорошо и прекрасно и удачно, но глаза говорили о совсем другом. Ту же двойственность подметил и А. Бенуа, когда писал о последней выставке Григорьева в Париже.

Совсем иначе вышло с Петровым-Водкиным. В самом начале его упрекали в иностранных влияниях. При всей его природной русскости о нем говорили как об иностранце, о французе и старались найти манерность в его картинах. Но манерности не было. Был характерный стиль. Петров-Водкин неоднократно бывал за границей, но не мог там оставаться. Его тянуло домой, а дом его была русская земля. Русскому народу Петров-Водкин принес свое художественное достояние. Он учил русскую молодежь. Учил искусству серьезному, учил познанию композиции и техники.

Молодая русская поросль сохранит глубокую память о том, кто и в трудные дни принес свое творчество русскому народу. Хорошее, крепкое творчество. Не натурализм, но ценный реализм, который может вести сознание народное. Большая брешь в "Мире

Искусства" — Яковлев, Щуко, Григорьев, Петров-Водкин. Ушли преждевременно! А сильные люди, сильные художники так нужны!

9 Марта 1939 г.

"Из литературного наследия"

24 марта 1939 г

Радоваться ко дню 24-го Марта. Сойтись к этому дню с самыми добрыми взаимными пожеланиями. Отеплить друг друга прекрасными устремлениями — укрепиться в содружестве для будущей работы. Не в мирное время, не в легкие дни шлем эти пожелания, но ведь радость есть особая мудрость, а в памятные дни нужно принести все свои лучшие намерения. Если у кого горе, то именно в такие дни нужно пытаться исцелить его от горести, и лучшим средством будет общее дружеское пожелание. Если у кого имеется особая радость, то именно в памятные дни он захочет поделиться ею с друзьями. Дружба, содружество — не пустой звук, не облачное, не пыльное рассеяние. Наоборот, содружество есть истинный цемент, на котором устоит даже самое массивное здание. Иногда может казаться, что понятие дружбы есть нечто врожденное, чему не надо учиться. Неправильно — и дружбе, и содружеству, и сотрудничеству нужно учиться. Все эти качества нужно воспитывать в себе в постоянном труде. Взаимное доверие, без которого не может быть и дружбы, тоже должно быть развиваемо. Всякие неискренние улыбки пусть будут уделом невежд, которые не знают об основах бытия. Но каждый приобщившийся к Живой Этике, понявший необходимость нравственных основ, отлично понимает, что искренность и сотрудничество будут теми прочными устоями, на которых складывается совершенствование.

Дорогие друзья, в памятный день 24-го Марта мы сойдемся в разных частях света и пошлем наши лучшие мысли Тому, Кто в вечном труде и в вечной красоте слагает счастливое будущее. И это счастье не будет чем-то недвижным и закостенелым в самости и своекорыстии — оно будет радостным напряжением всех светлых качеств. Пусть в этот день каждый просмотрит свои светлые качества. Если он найдет в себе новое благодатное зерно, пусть порадуется. И придет он к друзьям своим не на холодное бездушное совещание, но для огненного и прекрасного общения. Призовем все свои силы, чтобы служить человечеству. Не будем препинаться о человеческие заблуждения, но будем надеяться, что удастся по всей земле посеять те благостные семена, которые называются добром. Это семя добра нуждается в прекрасной оправе и потому, призывая к добру, будем служить и красоте. Красота и добро — ключ к радости. Радоваться в день 24-го Марта!

Публикуется впервые

Равнодушные

Одного из митрополитов спросили, как удалось ему в преклонных годах сохранить здоровье и моложавость. Он простодушно сознался: "Ничего близко к сердцу не принимал". Также когда спросили правителя, из какого источника черпает он свои силы, он ответил: "Из равнодушия". Жизнь показала, что в обоих случаях метод равнодушия был неуспешен. Некий деятель говорил, что с годами он в некоторых отношениях стал прохладнее. На это я возразил ему, что именно с годами, с накоплением опыта человек должен становиться огненнее. Подводя итог своей деятельности, человек непременно будет пламенно спешить завершить все, им предпринятое, а потому и отношение его ко всем обстоятельствам, ко всем людям не будет становиться прохладнее.

Уж эта прохлада! Уж это равнодушие! Ведь в них заключается замирание энергии и выступает позорное безучастие. Пушкин навсегда бросил человечеству укор: "К добру и злу постыдно равнодушны". Каждый из нас бывал свидетелем, как разрушались самые полезнейшие, самые прекраснейшие начинания вследствие окружающего равнодушия. Кто же поощряет всякие преступления, всякие вандализмы и все позорные действия? Прежде всего весь этот ужас земной жизни поощряется равнодушными. Они не принимают к сердцу все вокруг происходящее. Иначе говоря, они живут без сердца или, еще вернее, живут бессердечно. Мир наполнен потрясающими событиями. Свершает их сравнительно небольшая кучка озверелых людей. А все множество земное Молчит, охает в подушку и не представляет себе, что именно его безмыслие, его мертвенность способствуют самым ужасным преступлениям.

Равнодушные люди полагают, что где-то и кто-то сделают что-то. Но себя они не считают содеятелями. Не считают они себя деятелями прежде всего потому, что не хотят брать на себя ответственность за все происходящее. Они не хотят думать о будущем, ибо пытаются ускользнуть от этого будущего и надеются, что как-то все уладится. Некоторые правительства полагают: "Подождем — увидим". А из этого лукавого обождания потом происходят непоправимые бедствия.

Проходят тысячелетия, а класс равнодушных людей не только не уменьшается, но, может быть, даже возрастает. Какое зло заключается в мертвом состоянии, "к добру и злу постыдно равнодушны".

24 Марта 1939 г.

Публикуется впервые

Good Friday [53]

Говорят, что бандиты предпочитают нападать под праздник, когда их менее всего ожидают. Впрочем, бандиты — не поэтическое выражение. Не лучше ли сказать — пираты. Но и это слово не звучит громко. Лучше всего — корсары! Оно и звучно и выразительно. Накануне праздника подплывут, и разрушат, и разграбят.

И не нужно обращаться к дальним векам. Ведь и сейчас можно слышать о таких же кровавых похождениях. Может быть, именно в Страстную пятницу менее всего ожидают корсарских набегов. Особенно поразительно, если к Страстям прибавятся пушечные залпы и взрывы. Корсары всегда "правы" со своей точки зрения. Или они повесят или их повесят.

Неужели и сейчас, в этот самый час, где-то корсары уже делят добычу? И еще что-нибудь разрушается и кто-то убивается. А в день, когда человечество скорбит о совершенном предательстве, именно в этот день где-то происходит жестокое кровопролитие?! Да, происходит! Да, неповинные страдают! И кто-то лицемерно прикидывается глухим и слепым, чтобы не услышать вопли жертв. А Пилат требует "чистой" воды, чтобы еще раз умыть руки. Привычные руки!

Найдутся и такие, которые будут уверять, что совершаемая жестокость не важна. Скажут, что во имя индустрии и коммерции следует промолчать. Посоветуют так согнуть спину, чтобы превратиться в камень, или надеть такую шкуру, чтобы походить на овцу. Впрочем, и овцу зарежут. Не лучше ли спрятаться под грудою отбросов? Хорошо, что противогазная маска похожа на свиное рыло.

Газеты предпочитают не сообщать мрачных новостей под праздник. Законодатели разъезжаются удить рыбу. Вода не должна быть мутной. Но для корсаров такой разъезд — сущая выгода. Набег успеет совершиться. На месте не поймают. А там окажется, что у Фемиды глаза завязаны. Вокруг каждого закона поле оставлено. "Закон, что дышло, — куда повернешь, туда и вышло". Народ сложил поговорку.

Некоторые захватчики, почти что корсары, почтены памятниками. О корсарах сложены поэтические легенды. Был итальянский балет "Корсар". Были песни о разудалых разбойниках. Фильмы воспевали проворство и безнаказанность гангстеров. Но один сюжет до сих пор был упущен. Корсарство еще не совершалось в Страстную пятницу! Но и эта особенность уже предусмотрена. Писатели уже не могут претендовать на

оригинальность, если их корсар, подбочась завопит: "Для нашего дела лучше всего Страстная пятница!"

9 Апреля 1939 г.

Публикуется впервые

Мир в маске

Повсюду выдаются маски — волею судеб они почему-то похожи на свиные рыла. Может быть, скоро дипломатические заседания будут происходить в маске. Может быть, подобно маркизе Гонзага, приславшей Цезарю Борджиа сто масок в подарок, скоро будут изобретены рождественские подарки в виде масок. Не подумайте, что говорим против предохранительных мер. Конечно, мир пришел в такое ужасное состояние, что каждый человек чувствует себя более охраненным, если при нем в особом кармане будет находиться маска.

Да, обстоятельства таковы, что человечность и человеколюбие куда-то скрылись, а на место их выдвинулись охраненные какими-то законами всевозможные человекоубийственные "изобретения. Каждый день, а может быть, и каждый час целые страны трепетно ожидают налетов, которые должны отравить все сущее. Изобретена особая тоталитарная война. Война против всего живого, против всего сущего.

Может быть, в каких-то давних сентиментальных веках идея тоталитарной войны была бы названа варварским изобретением. Впрочем, и сами так называемые варвары прежних времен вовсе не задавались целью вести тоталитарную войну. Теперь же цивилизация настолько продвинулась, что понятие тоталитарной войны введено в ряд научных понятий. Без всякого ужаса люди за несколько лет привыкли к такому понятию. На каких-то заседаниях оно произносится с научным спокойствием, и дипломаты как бы согласились между собою в неизбежности и таких бесчеловечных проявлений.

Появились средства самоохраны. Правда, они несколько напоминают времена троглодитов, когда люди спасались в подземные пещеры, рыли, как кроты, подземные ходы. И теперь роются те же подземные катакомбы. Но все должно идти вперед, и потому человечество озаботилось изобретением маски как единственного средства спасения. Прежде надевали маску, когда шли на какое-то таинственное предприятие или же старались быть неузнанными. Маска — символ притворства, измены. Теперь же таинственные предприятия сменились каждодневною непрерывною опасностью, и весь мир надел маску.

Весь мир оказался вынужденным надеть свинообразную личину. Правда, некоторые юмористы еще сквозь слезы шутят по поводу этой мировой маски. Но какой трагизм, какой гранд-гиньол заключен в понятии всемирной маски! Мир — в маске! Вот до чего дожило человечество. Наряду с этим происходят

всемирные ярмарки и базары, люди пляшут… Может быть, скоро мы услышим о костюмированном вечере, о маскараде, на котором все присутствующие должны быть в предохранительных масках. Страшен символ наших дней — мир должен надеть маску. Мир — в маске. Чего же больше?!

21 Апреля 1939 г.

Публикуется впервые

"Париж"

"Париж" горел. Конечно, это не тот пожар, о котором говорил Нострадамус, но все же пожар чрезвычайно показательный. Мало того, что сгорел или был подожжен один из лучших океанских пароходов, но на нем были погружены художественные сокровища для Нью-Йоркской ярмарки. Пишут, что эти произведения искусства уже снимались с горящего парохода, и оценивались они в 25.000.000 долларов. Конечно, это чисто человеческая оценка, а по существу своему эти художественные сокровища не могут быть расцениваемы никакими долларами.

Случившееся напоминает мне о моем докладе Римскому конгрессу в 1930 году. В докладе я обращал внимание на три возникшие опасности для художественных произведений. Во-первых, опасность от каких-либо покушений при перевозках и от всяких вандализмов. Во-вторых, опасность от временной перевозки произведений в чуждые им климаты. Нам самим приходилось наблюдать, как губительно действовали различные климаты на картины и резные статуи. В-третьих, опасность, возникающая от рентгенизации.

Эта последняя опасность, возникшая, можно сказать, за последние дни, очень чревата последствиями. В конце концов, никто не знает последствий рентгенизации. Мне самому приходилось слышать мнение врачей о том, что рентгенизация абсолютно безвредна. Когда я спрашивал: "Неужели такой мощный луч не оказывает ни положительного ни отрицательного воздействия", мне с серьезнейшим видом возражали, что последствий никаких не замечено. Спрашивается, как скоро ожидались эти последствия? При рентгенизации человека допускалось, что в исключительных случаях могут быть даже смертельные последствия. Правда, говорилось, что таких последствий на тысячу одно, но все же они были зарегистрированы.

Кто же может утверждать, что рентгенизация картин, которая стала таким модным явлением, не окажет разлагающего следствия через некоторое время, и кто же может определить это время? В докладе своем я предлагал не торопиться с рентгенизацией лучших картин, пока в продолжение многих лет люди сами не познают свойства этих сильнейших лучей. Пусть бы уж производили опыты над третьестепенными старинными картинами, но всегда, когда слышишь о рентгенизации Рембрандта, Голбейна, Дюрера и других первоклассных мастеров, всегда западает опасение, поблагодарят ли за эти опыты будущие

поколения?

Гибель "Парижа" вызывает в памяти многие бывшие размышления. В Сан-Франциско выставлены редчайшие произведения Леонардо. Наверное, приняты исключительные меры для их охраны. Но ведь и на "Париже" тоже, вероятно, все меры осмотрительности были приняты. Кроме художественных произведений, на "Париже" было погружено золото на 75.000.000 долларов. Конечно, при желании можно накопать из земли еще большие миллионы золота, но художественных сокровищ, доверенных океану, уже никто не мог бы возместить.

Сейчас много опасностей в мире. Исчезают целые страны, но, чтобы усилить впечатление современного трагизма, сгорает пароход, который должен был перевезти неповторимые художественные сокровища на ярмарку в Америку. Предметы искусства спешно снимались с парохода уже во время пожара. Еще раз вспыхнула предупреждающая лампочка. Счастье, что удалось спасти сокровище, но ведь могло случиться и обратное, и ко всем происходящим вандализмам мог прибавиться и еще один страшный, ужасающий.

24 Апреля 1939 г.

Гималаи

"Из литературного наследия"

Самое утомительное

Больше всего утомляют человеческие выдумки. Посмотришь книгу Грабаря — наврал. Развернешь американскую газету — налгали, да еще как! Заглянешь в толстый журнал — опять небылицы. Советуют: "Да просто не читайте!" Легко сказать! И хотел бы, но оно просто само в руку лезет.

Иногда выдумки — явно злобные, вредительские. Но не реже и по невежеству. С неизвестною целью: "Прост, как дрозд, нагадил в шапку и зла не помнит". По существу — пусть бы себе болтали, но есть в таких измышлениях нечто утомительное. Точно бы микроб ядовитый.

В то же время вранье настолько размножается, что люди привыкают вообще не оскорбляться. "Брань на вороту не виснет". Выходит, что за клевету вообще преследовать нельзя. Помню, как некто возмущался клевете, назвавшей его шпионом, а присутствовавшая особа с завистью заметила: "Вот, если бы обо мне так прокричали".

Увы, многие были бы в восторге хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь привлечь "общественное внимание". Они скажут: "Быль молодцу не укор", — хоть бы на час привлечь внимание. А чье внимание? Какого чудища внимание? Об этом и нужды нет.

Помогают и фильмы. Разбой и грабеж и насилие в них так часто воспевалось. Говорят, теперь этот разбойный элемент изгоняется. Но он уже влез в жизнь. На этот дымный пламень уже налетели бабочки и мушки и моли. Жажда необычного обуяла. А необычность добра и трудна, и путь к ней скучен для многих.

От рутинной скуки хоть извергом назови — лишь бы произошло что-то необычайное. И вот где-то в недрах быта зарождаются темные вымыслы. Доносы, жалобы чеховского человека щедро рассыпаются. Иногда клеветник сам не знает, к чему налгал он? Вот эти-то человеческие омывки и гнетут. Порождается утомление или, вернее, омерзение.

Вы знаете, что никогда не найдете ехидну, породившую клевету. Знаете, что, может быть, произошло коллективное позорное "творчество". Все это знаете, но легче не станет. Мучительно думаете: за что? зачем? к чему?

Никакой труд не даст такое утомление, как созерцание человеческого позора. Противоречия удручают, но клеветнические измышления всегда будут самым утомительным. Позор человечества!

1 Мая 1939 г.

Публикуется впервые

Бенуа

Вылез из парижской тины дед Бенуа. Брызжа слюною, обвинил меня в гордости, в честолюбии, в тщеславии, невесть в чем… В припадке злобности с действительностью не считался. Выходит, что Тибет мы прошли из гордости. На горы всходили из тщеславия. В Монголии, в Китае были из честолюбия. Никаких познаваний не было. Ничего не любили. Ни к чему не стремились. Ничему не учились. То же самое приходилось слышать о Льве Толстом, о Павле Третьякове, о Мечникове, о Метерлинке… Выходило, что все действовали лишь из рекламы и тщеславия.

Дедушка Бенуа, вредно сердиться на восьмом десятке. К чему ведет? Теперь получаются письма из разных концов. Пишут: "Ползучие вылезают из всех щелей, очевидно, чувствуют падение свое. Бенуа весь и проявился — каким был всю жизнь, только не всем и не всегда себя показывал в настоящем своем виде. Увидев живую книгу, не выдержали задерживающие центры — выявил себя целиком. Читая эту статью, можно проследить, как постепенно наливалось это существо злобой, завистью и негодованием. Бумага хороша, печать приятная, репродукции безукоризненны и обложка без претензий, а вот текст свалил несчастного Бенуа. Бедный, бедный Александр Бенуа — не выдержал, прорвало!

Не знал его близко, но почему-то никогда не понимал, почему Бенуа считается русским человеком. По некоторым его писаниям можно было понять, что его тяготит связь с русским народом, с русскостью, и с тех пор осталось какое-то неприятное чувство к этому человеку".

Из другой страны сожалеют: "В какое ретроградство впал Бенуа. Одряхлел что ли? Экая зависть!"

Еще пишут: "Как и следовало ожидать, статья вышла препротивная. В предыдущих письмах я сообщал, что нападки здешних интриганов сосредоточились на тексте монографии. Но Бенуа воспользовался случаем, чтобы сделать еще несколько неприятностей, пересыпав статью личными замечаниями в самом развязном тоне и, кроме того, постаравшись, с явным лицемерием, как бы вбить клин между Вашими сотрудниками и Вами. Лифарь снова шумел против Бенуа, назвал его "неудавшимся талантом".

Не однажды Бенуа давал обо мне необоснованные, вредительские сообщения. Когда летом 1926 года Бенуа и мы были на Родине, он ухитрился дать в московских газетах

измышленное известие о том, что Папа меня проклял. Спрашивается, к чему такое сочинительство?

Впрочем, нам не привыкать стать. Уже три раза меня хоронили. Подобно Марку Твену приходилось говорить, что "это слегка преувеличено".

Несчастливые заклинания произнес Бенуа. Эх, Александр Николаевич, вредно сердиться на пороге восьмого десятка. "Юпитер, ты сердишься, значит ты неправ".

10 Мая 1939 г.

Публикуется впервые

Города поглощенные

"Группа исследователей взяла на себя задачу исследовать конвейскую бухту в Уэльсе, чтобы разыскать исчезнувший город Лис-Гелит, который в IV столетии после Р. Х. погрузился в морскую пучину.

В связи с этим английская печать вспоминает о различных других бесследно исчезнувших городах во всех частях света. Всего несколько недель тому назад уровень воды в Каспийском море настолько понизился, что из воды появились развалины — по-видимому, остатки древнего города Карабашагера. В Вест-Индии Порт-Ройяль так часто становился жертвой пожаров, землетрясений и наводнений, что обитатели в конце концов покинули его и построили на некотором расстоянии новый город. Но и теперь в водах Карибского моря можно видеть дома старого Порт-Ройяля. Крыши исчезли, но столы, стулья и другая домашняя утварь уцелела, так как ее покрыли кораллы.

Другие затонувшие города были обнаружены под водами Эгейского моря, Мертвого моря и Сарагосского моря. Жестокие бури на Северном море лишили Германию многих цветущих городов и даже целых островов. Так, например, на севере Фризских островов наводнением был разрушен город Рундхоль. Наводнение 1634 г. поглотило целый остров Нордштранд. Наводнение, происшедшее в день Нового года в 1865 г., вызвало гибель города Альт-Вангерооге. В Англии сохраняются воспоминания о затонувшем городе Денвиче. Ежегодно устраивается паломничество на то место на морском берегу, где когда-то стоял город".

И на берегу Ла-Манша, как говорят, еще можно во время отлива видеть развалины древнего города. Но не только на окраинах Европы знают об исчезнувших поселениях. Сказ о всяких подводных Китежах прошел и по Руси и по всей Азии. Сплетаются еще видимые подводные развалины с преданиями об Атлантиде, и сказки становятся явью. А ведь еще совсем недавно об Атлантиде не принято было вообще говорить. Только упоминание Платона о гибели последнего острова этого материка еще давало возможность иногда скромно заикнуться о бывших материках. Но теперь об Атлантиде создалась уже огромная литература в тысячах томов. Из пыли древности встали рассказы и о других поглощенных землях. Какие же новые поглощения готовят узорчатые, словно огрызанные берега Европы?

18 Мая 1939 г.

Публикуется впервые

Новизна

Прислали каталог американской выставки Сальвадора Дали. Некоторые друзья сомневались, что может появиться после сюрреализма? Но вот оно и появилось. Дали сам пишет о своем искусстве, что оно основано на паранойе, то есть на безумии. В этом смысле нужно отдать справедливость новизне Дали. Среди всего множества новейших течений искусства со всеми приклеенными к ним рецептами никто не решался назвать свое искусство безумным. Но вот такой смельчак нашелся. Американцы обрадовались и такой новизне и, как говорят, нарасхват раскупили его картины. Кстати, сам Дали, который, очевидно, является очень "практичным" человеком, поясняет, что в каждой из его картин заключено несколько картин. Значит, каждый отважившийся купить его картину тем самым приобретает сразу полдюжины картин и может их рассматривать в зависимости от своего настроения.

Конечно, имеются разные специфические любители новизны. В последних газетах пишут, что среди "золотой молодежи" Америки в последнее время развился забавный обычай есть живьем золотых рыбок. Говорят, что некий любитель проглотил в один присест восемьдесят золотых рыбок. Вероятно, этим "подвигом" он хотел закрепить за собою прозвище "золотой молодежи".

Мало ли по свету ходит скоропостижных новаторов. Возьмите список "новых течений" последних лет, и вы получите ряд самых странных названий. При этом большинство этих названий сами по себе ничего не будут обозначать. Но в пространных манифестах будут рассказаны туманные изложения, опрокидывающие все бывшее.

Обернемся к истинным новаторам давних времен. После прекрасных в своем роде Беллини появляются Джорджоне и Тициан. Несомненно, они оказались самыми поразительными новаторами, но никаких рецептов своей новизне они не писали. Таким же естественным новатором оказался Греко. И он никаких манифестов своей новизне не писал. Просто он делал так, как только и мог сделать. Другую песнь он и не мог бы пропеть.

Просмотрим и дальнейших таких же естественных новаторов. Все они работали так, как могли. Им не приходилось ни извиняться за особенности своего творчества, ни поражать буржуазную робость грозными манифестами. Могли ли иначе работать Мане, Ван Гог, Гоген, Врубель? Говорят, что Ван Гог был безумен. Может быть, врачи и находили это, но сам Ван Гог

никогда бы не стал настаивать на безумии своего искусства. Итак, все движется вперед. Художник для успеха своего должен назвать свое искусство сумасшедшим и, как показала последняя выставка Дали, его новый рецепт оказался весьма действенным. Буржуазы опять были побеждены. Всяко бывает. Анатоль Франс, озаренный мудрою улыбкою, замечает: "Все, что имеет цену лишь вследствие новизны и некоторого исключительного художественного вкуса, старится быстро. Художественная мода проходит, как и все другие моды. Существуют вычурные фразы, которые хотят быть новыми, как платья, выходящие от известных портних; они держатся только один сезон. В Риме во времена упадка искусств статуи императриц были причесаны по последней моде. Эти прически вскоре становились смешными; надо было менять их, и на статуи надевали мраморные парики. Нужно, чтобы стиль, причесанный как эти статуи, был перечесываем каждый год.

Хороший стиль, наконец, подобен этому лучу света, входящему в мое окно, теперь, когда я пишу, и обязанному своей чистой яркостью внутренней связи семи цветов, из которых он составлен. Простой стиль подобен белой прозрачности".

20 Мая 1939 г.

Публикуется впервые

Тушители

Все человечество делится на два вида — тушители и вдохновители. На каждого доброго, жизнерадостного вдохновителя найдется десяток мрачных тушителей. Кто их знает, — откуда они берутся?!

Можно бы думать, что всякие земные невзгоды притупили в них доброту и радость. Но среди тушителей найдутся и такие, кому живется неплохо. Казалось бы, и судьбой не обижены и пути им не закрыты, никто их не ущемляет, а вот подите же! — сами из кожи вон лезут, чтобы хоть что-нибудь умалить. Выгоды они никакой не получают. Наталкиваются на чувствительные удары, но все же продолжают свое вредительство.

Кому вредят? За что вредят? Вероятно, и сами подчас не знают. Уж не болезнь ли особая? Может быть, "завистливая лихорадка" или "судорога ненависти"? Не придумать ли звонкое латинское название? Среди врачебной помощи можно прописать ледяной душ, пока не одумаются.

Некоторые отнесут такие эпидемии к зависти. Но это не определительно. Казалось бы, двуногий может завидовать лишь человеку. Но можно убедиться, что тушители извергают злобную слюну решительно против всего сущего. Даже солнечный день — и тот оговорят. В любом строении найдут хоть что-нибудь им ненавистное.

Повсюду проявились два типа. Одни начинают обсуждать от хорошего, но другие даже первое слово свое направят в осуждение. Они не будут искать доказательств. Просто, де, не нравится. И в этом заскрипит самая ржавая самость.

Тушителей не исправить. Как бы неизлечимая мозговая болезнь. Кто знает — может быть, хроническое разжижение мозга. Но опасность в том, что эти носители микробов заражают все на пути своем. Как говорится, "и трава не растет на следу их".

Они прикидываются авторитетами. Запасаются иностранными терминами. Окутываются лживою ласковостью. Полны всяких уловок — лишь бы повлиять на слушателей, лишь бы протолкнуть разложение в мозг молодежи. Они особенно охотятся за молодежью. Опасайтесь!

Опасайтесь всех тушителей на всех путях их. Идите не с теми, у кого "нет" на первом месте. Пусть светлое "да" ободрит и поможет найти лучшую тропу. Вдохновение — жизнь. Разложение — смерть. Красиво само слово "вдохновение". Ко злу — совращение. К добру — вдохновение.

22 Мая 1939 г.

Война

Уже с 1936 года мир вступил в новую войну. Это было подтверждено со стороны французских военных обозревателей. Генералы Азан, Дюваль, Дюфур, Тило и другие пришли к единодушному заключению, что война в особой форме уже навязана миру.

"Эфиопия, Австрия, Испания, Китай, Чехословакия, Мемель, Албания — лишь отдельные боевые участки этого грандиозного поля сражения, где льется уже горячая кровь и где вместе с пропагандой по радио и тонкой дипломатией пущены в ход танки и чудовищных размеров артиллерия и авиация.

Отличительной чертой этой войны до сих пор была полная и совершенная организованность нападающей стороны. Открытые провозглашения принципа насилия, точное определение целей навязываемой войны, перевод всего хозяйственного и политического аппарата на военные рельсы, согласованность действий военных и дипломатических штабов, стремительность и сохранение инициативы — таковы характерные черты этой организованности.

Пассивность и дезорганизация обороняющейся стороны до последних дней были таковы, что даже определение и фиксирование нападающего клеймились как признаки "идеологической борьбы", как подталкивание к войне. Чехословакия и Албания развеяли мираж наивных мечтаний, и мировое общественное мнение назвало, наконец, нападающего — три тоталитарных государства".

Действительно, когда говорилось о начале войны в 1936 году, никто не придавал этому никакого значения. Неподвижность мышления требовала лишь определенных условий объявления военных действий. В давние времена учтивые французы говорили своим тогдашним противникам-англичанам: "Господа англичане, стреляйте первыми". Но с тех пор не только учтивость, но и вообще все человеческие отношения оказались пережитками. Мы видим на кровавых примерах, какими вновь изобретенными способами совершаются агрессии. Самая характерная война называется умиротворением, и завоевание называется присоединением. Таково смятение в мире, что даже такое вопиющее понятие, как война, оказывается просмотренным. В базарной суете человечество не заметило, как началась мировая война в разных частях света. Во время кровавейших преступлений некоторые слепцы говорят о том, что мир не нарушен. Никто не поймет, отчего происходят эти утверждения — от лицемерия или

от слепоты. Действительно, мировая война началась в 1936 году. Этот год был замечателен во многих отношениях. Поистине, армагеддонный год.

23 Мая 1939 г.

Публикуется впервые

Знамя Мира

Просят собрать, где имеются знаки нашего Знамени Мира. Знак триединости оказался раскинутым по всему миру. Теперь объясняют его разно. Одни говорят, что это — прошлое, настоящее и будущее, объединенное кольцом Вечности. Для других ближе пояснение, что это религия, знание и искусство в кольце Культуры. Вероятно, и среди многочисленных подобных изображений в древности также имелись всевозможные объяснения, но при всем этом разнообразии толкований знак как таковой утвердился по всему миру.

Чинтамани — древнейшее представление Индии о счастье мира — содержит в себе этот знак. В Храме Неба в Китае вы найдете то же изображение. Тибетские "Три Сокровища" говорят о том же. На знаменитой картине Мемлинга на груди Христа ясно виден этот же знак. Он же имеется на изображении Страсбургской Мадонны. Тот же знак — на щитах крестоносцев и на гербах тамплиеров[54]. Гурда, знаменитые клинки кавказские, несут на себе тот же знак. Разве не различаем его же на символах философских? Он же на изображениях Гесэр-хана и Ригден-Джапо. Он же и на Тамге Тамерлана. Он же был и на гербе Папском. Его же можно найти и на старинных картинах испанских и на картине Тициана. Он же на старинной иконе Св. Николая в Баре. Тот же знак на старинном изображении Преподобного Сергия. Он же на изображениях Св. Троицы. Он же на гербе Самарканда. Знак и в Эфиопии и на Коптских древностях. Он же — на скалах Монголии. Он же на тибетских перстнях. Конь счастья на Гималайских горных перевалах несет тот же знак, сияющий в пламени. Он же на нагрудных фибулах Лахуля, Ладака и всех Гималайских нагорий. Он же и на буддийских знаменах. Следуя в глубины неолита, мы находим в гончарных орнаментах тот же знак.

Вот почему для Знамени всеобъединяющего был избран знак, прошедший через многие века — вернее, через тысячелетия. При этом повсюду знак употреблялся не просто в виде орнаментального украшения, но с особым значением. Если собрать вместе все отпечатки того же самого знака, то, быть может, он окажется самым распространенным и древнейшим среди символов человеческих. Никто не может утверждать, что этот знак принадлежит лишь одному верованию или основан на одном фольклоре. Бывает особенно ценно заглянуть в эволюцию человеческого сознания в самых разных его проявлениях.

Там, где должны быть охраняемы все человеческие сокровища

— там должно быть такое изображение, которое откроет тайники всех сердец людских. Распространенность знака Знамени Мира настолько велика и неожиданна, что люди чистосердечно спрашивают, был ли этот знак достоверным или он вымышлен в позднейшие времена. Нам приходилось видеть искреннейшее изумление, когда мы доказывали распространенность этого знака с древнейших времен. Теперь человечество в ужасе обращается к троглодитному мышлению и предполагает спасать в подземных хранилищах, в пещерах свое достояние. Но Знамя Мира именно говорит о принципе. Оно утверждает, что человечество должно согласиться о всемирности и всенародности достижений человеческого гения. Знамя говорит: "noli me tangere" — не прикасайся — не оскорби разрушительным прикосновением Сокровища Мира.

24 Мая 1939 г.

Публикуется впервые

Шовинизм

Шовинизм — очень опасная эпидемия. К прискорбию нужно сказать, что и в наш цивилизованный век эта болезнь распространяется по миру яростно. Постоянно вы можете слышать из самых различных стран, что национализм понимается в виде шовинизма. Все и доброе и худое прежде всего отстукивается в области Культуры. Так и в данном случае: национализм, понимаемый в виде шовинизма, прежде всего отражается в искусстве и в науке, и приносит с собою не рост, но разложение. Постоянно приходится слышать о том, что в той или другой стране должна быть какая-то своя Культура, отличная от всех прочих, должно быть какое-то свое ограничительное искусство и какая-то своя особенная наука. Точно бы искусство и наука могут отойти от Бесчеловечности и замкнуться в предрешенные, узкие рамки. Спрашивается, кто же такой будет брать на себя эти предрешения? Кто же во имя какой-то мертвой схоластики может лишать искусство и науку их живых, неограниченных путей?

У русских всегда было много недоброжелателей. А между тем именно в области отношения к шовинизму Русь могла бы дать много прекрасных примеров как из прошлого, так и из ближайшего времени. Вспомним, как доброжелательно впитывала иноземные достижения Киевская Русь, затем Москва и все послепетровское время. В Московской Третьяковской галерее имеется и иностранный отдел. Собрания Щукина, Морозова, Терещенко, кн. Тенишевой и всей блестящей плеяды русских коллекционеров имели превосходные произведения иностранного искусства. Никто не сетовал на них за это, наоборот, все радовались, что таким путем молодые поколения даже и в пределах своей Родины имеют возможность знакомиться с лучшими иностранными достижениями. При этом можно было видеть, что русскость нашего искусства вовсе не страдала от такого обилия иноземных образцов.

Там, где сильна сущность народа, там нечего беспокоиться об угрозе подражания или обезличивания. Там, где живет строительство, там все примеры и все пособия будут лишь желанною помощью. Здоровый организм переварит все новое и даст свое выражение души своего народа. Шовинизм будет лишь знаком позорной боязливости или зависти. Кроме прискорбных знаков шовинизма, сейчас замечается и эпидемия переименований. Только что исчез Сиам и появился для удлинения Маунг-Тай. При этом указывается, что Сиам есть слово

иностранное и потому должно было быть заменено. Не знаем, на каком именно иностранном языке слово Сиам имело свое значение. Может быть, в наименовании Маунг-Тай скрыты какие-то магические созвучия и они помогут быстрому и прекрасному росту этой древней страны? В таком случае мы даже перестанем жалеть всех школьников, которым по неизвестным для них причинам приходится переучивать многие названия. А географические карты, по нынешним временам, должны перепечатываться почти ежегодно. Кто знает, может быть, и Греция задумает переименоваться в Элладу. Если такое переименование обнаружит в Греции философов и художников, равных ее классическим прообразам, тогда пусть вместо Греции будет Эллада. А школьники могут понатужиться и заучить и это переименование.

Если переименования происходят от какого-то своеобразного шовинизма, тогда они были бы одним из самых грустных явлений нашего века. Конечно, при римлянах Париж назывался Лютецией, и многие английские города имели римские названия. Но нельзя же себе представить, что в силу каких-то желаний Париж исчезнет и заменится или древнегалльским словом или каким-то неожиданно современным. Не будем думать, что эпидемия переименований тоже является каким-то особым видом опаснейшей болезни человечества. По счастью, слово "шовинизм" никогда не было почетным. Так же точно алкоголизм или наркотизм и всякие другие "измы" не произносятся с восторгом, а если и говорятся, то с каким-то явным или тайным устыжением. Интересно бы припомнить, при каких именно обстоятельствах и кем именно изобретено слово "шовинизм". Мы слышали, что и гильотина была изобретена ради милосердия. Шовинизм был изобретен ради мирового торжества культуры.

3 Июня 1939 г.

Н. К. Рерих. "Россия", М. МЦР, 1992

Русская слава

О русских изделиях сложились многие легенды. Мы слышали, что павловские ножи отправлялись в Англию, где получали тамошнее клеймо, чтобы вернуться на родину, как английское производство. Мы слышали об "английских" сукнах из нарвской и лодзинской мануфактуры. Слышали о "вестфальской" ветчине из Тамбова. Слышали о "голландских" сырах из русских сыроварен. Слышали, как некий аграрий потерял ключи от своего амбара, а затем, когда выписал лучшее зерно из Германии, то в мешке нашел свои потерянные ключи. Также слышали мы, как ташкентские фрукты должны были прикрываться иностранными названиями, чтобы найти сбыт на родине. Тщетно некоторые продавцы пытались уговорить покупателей, что русские продукты не только не хуже, но лучше иностранных, но русские люди по какой-то непонятной традиции все же тянулись к английскому, французскому, немецкому.

Когда мы говорили о российских сокровищах, то нам не верили и надменно улыбались, предлагая лучше отправиться в Версаль. Мы никогда не опорочивали иностранных достижений, ибо иначе мы впали бы в шовинизм. Но ради справедливости мы не уставали указывать о великом значении всех ценностей российских.

В неких историях искусства пристрастные писатели восставали против всех, кто вдохновлялся картинами из русской жизни. Потребовалось вмешательство самих иностранцев, преклонившихся перед русским искусством, перед русскою музыкою и театром и признавших гений русского народа. Вспомним, какую Голгофу должны были пройти Мусоргский, Римский-Корсаков и вся "славная кучка", прежде чем опять-таки же иностранными устами они были высоко признаны. Мы все помним, как еще на нашем веку люди глумились над собирателями русских ценностей, над Стасовым, Погосскою, кн. Тенишевой и всеми, кто уже тогда понимал, что со временем народ русский справедливо оценит свое природное достояние. Помню, как некий злой человек писал с насмешкою "о стульчаках по мотивам Чуди и Мери". Ведь тогда не только исконно русские мотивы, но даже и весь так теперь ценимый звериный стиль, которым сейчас восхищаются в находках скифских и луристанских, еще в недавнее время вызывал у некоторых снобов лишь пожимание плечей.

Теперь, конечно, многое изменилось. Версальские рапсоды уже не будут похулять все русское. Русский народ оценил своих

гениев и принялся приводить в должный вид останки старины. Новгород объявлен городом-музеем, а ведь в прошедшем это было бы совсем невозможно, ибо чудесный ростовский Кремль с храмами и палатами был назначен к продаже с торгов. Только самоотверженное вмешательство ростовских граждан спасло русский народ от неслыханного вандализма. Так же было и в Смоленске, когда епархиальное начальство назначило к аукциону целый ряд церковной ценной утвари, и лишь благодаря вмешательству кн. Тенишевой эти предметы не разбежались по алчным рукам, а попали в тенишевский Музей.

Можно составить длинный синодик всяких бывших непризнаний и умалений ценностей русских. Потому-то так особенно радостно слышать о каждом утверждении именно русского природного достояния народа. К чему нам ходить на поклон только в чужбину, когда у нас самих лежат в скрынях непочатые сокровища? Посмотрите на результаты русских археологических экспедиций за последние годы. Найдено так много научно значительного, и широко раздвинуты познавательные рамки. Затрачены крупные суммы на реставрацию Сергиевой Лавры, Киевской Софии и других древнейших русских мест.

Волошин пишет книгу "Великий русский народ", где воздает должное деятелям земли русской от Олега и до Менделеева по всем разнообразным строительным областям. Для меня лично все эти утверждения являются истинным праздником. Ведь это предчувствовалось и запечатлелось во многих писаниях, которым уже и тридцать и сорок и более лет.

Верилось, что достойная оценка всех русских сокровищ произойдет. Не допускалось, чтобы народ русский, такой даровитый, смышленый и мудрый не вдохновился бы своим природным сокровищем. Не верилось, чтобы деятели, потрудившиеся во славу русскую в разных веках и во всех областях жизни, не нашли бы достойного признания.

И вот ценности утверждены, славные деятели признаны, и слава русская звучит по всем краям мира. В трудах и в лишениях выковалась эта непреложная слава. Народ русский захотел знать, и в учебе, в прилежном познании он прежде всего оценил и утвердил свое прекрасное, неотъемлемое достояние. Радуется сердце о Славе Русской.

27 Июля 1939 г.

Гималаи

"Литературные записки". Рига, 1940

"Мир Искусства"

В Париже закончилась дягилевская выставка, устроенная Лифарем. Выставка прошла с большим успехом. Мы все мысленно поблагодарили Лифаря за этот превосходный почин и пожалели, что размеры выставки заставили ограничиться лишь балетом. Даже не могли быть включены оперные постановки дягилевской антрепризы. Кроме того, вся широкая деятельность Сергея Павловича должна быть отмечена. Целая эпоха русского искусства прошла под знаком Дягилева и группы художников.

Удивительно подумать, что за последние годы из этой группы уже покинули так многие земную юдоль. И все они ушли преждевременно среди неизбывного и восходящего творчества. Уже нет Бакста, Браза, Головина, Кустодиева, Трубецкого, Чехонина, Яковлева, Щуко, Бориса Григорьева, Петрова-Водкина, а теперь совсем недавно ушел и Сомов. Творчество каждого из этих художников своеобразно, и тем не менее все же понятно, что они принадлежали к одной сильной группе, ознаменовавшей собою целое движение русского искусства.

Разбросаны по разным странам остальные участники "Мира Искусства". В СССР — Лансере, Яремич, Билибин, Грабарь. В Париже — Гончарова, Ларионов, Коровин, Александр Бенуа, Серебрякова, Остроумова, Стелецкий, на юге Франции — Малявин. Стал литовцем Добужинский, а Судейкин — американцем. Пурвит — в Риге. Память Чурлениса очень почтена в Литве. Может быть, кто-то и в Праге или в Белграде…

Перебираю письма от Бориса Григорьева, Александра Бенуа, Ларионова, Билибина и других соучастников по выставкам "Мира Искусства". Хотя и разнообразны были устремления, но в письмах чувствовалась некоторая корпоративность. Это всегда радовало, напоминая о старых гильдиях. Ведь тоже разнообразны были старинные мастера и все же они собирались под знаком своей гильдии, и такой сильный рой помогал среди бытовых переживаний.

Общество "Мир Искусства" сложилось среди особых условий. Сперва были выставки, устроенные самим Дягилевым. Затем произошло объединение с Союзом Московских Художников, но это объединение просуществовало недолго. Вследствие какой-то статьи Бенуа, которую москвичи нашли крайне несправедливой, произошли трения, и группа "Мир Искусства" организовала отдельное общество[55]. Устроились выставки в зале Общества Поощрения Художеств, в доме Пушкина, а также в Москве. По примеру Дягилева бывали и заграничные выставки, как например,

в Венском Сецессионе, где ряд наших художников были избраны почетными членами. Наряду с выставками нашего общества происходила и растущая театральная деятельность Дягилева. Многие наши сочлены оказались избранными в члены Осеннего Салона. Антреприза Дягилева сделала целую эпоху на Западе. Если собрать всю литературу, посвященную этим манифестациям русского искусства, то получился бы огромный том, который всегда будет настольным для каждого историка искусства.

Вот уже более тридцати лет этой художественной работе. А если считать от первых общественных выступлений Дягилева, то и сорок лет наберется. Теперь многое бывшее кажется очень простым, логично сложившимся. Последнее, т. е. логичность движения, несомненно, но было бы неправильно сказать, что она была завоевана легко и просто. Как и подобает для каждого значительного движения, почин Дягилева был встречен с крайним возмущением. Жалею, что не сохранились статьи московских газет хотя бы о Дягилевской выставке 1903 года. Чего только там не было написано! Как только ни нападали на комиссию Третьяковской галереи, состоявшую из Серова, Боткина и Остроухова, за сделанные на этой выставке приобретения для Третьяковки! Помню, как некий писатель, уже не зная, на чем выместить свое негодование, восклицал: "Одни имена-то чего стоят!" А затем, встретившись со мною в Москве, он очень извинялся, объясняя каким-то непонятным для меня незнанием чего-то. То же самое произошло на этой же выставке и в столице. Несмотря на то, что лучшие голоса, как гр. А.А.Голенищев-Кутузов, В.В.Розанов и другие культурные писатели, поняли и поддержали выставку, все же нападки желтой прессы были велики. Видимо, где-то было позволено ругать выставку. Главное негодование исходило из Академии Художеств, и разгневанный М.Боткин кричал, что выставку нужно сжечь.

Весело теперь вспоминать всякие такие изречения, но в свое время они доставляли немало хлопот. После статей Буренина А. И.Куинджи очень разбеспокоился. Покачивая головою, он говорил: "А все-таки это нехорошо". На мои доводы, что было бы еще хуже, если бы Буренин принялся хвалить, Куинджи все же покачивал головой. Теперь так же весело вспоминать и скандал на первом представлении "Весны Священной" в Париже. Санин, весь вечер не отходивший от меня, умудренно шептал: "Нужно понять этот свист как своеобразные аплодисменты. Помяните мое слово, не пройдет и десяти лет, как будут восторгаться всем, чему свистали". Многоопытный режиссер оказался прав.

Своеобразно работала группа "Мир Искусства". Внешне могло показаться, что никакого единения нет, но по существу все шли к

тому же достижению. Потому-то и само движение в глазах зрителей все же оставалось определенным. Вот мы жалеем, что Лифарь мог показать лишь часть всего движения, а именно балет. Но ведь и эту часть еле мог вместить огромный зал Лувра. К тому же из-за расстояний и прочих особых условий многие материалы даже и этого отдела не могли быть использованы. А во что же вылилась бы эта русская манифестация, если бы можно было показать полностью и другие отделы движения! Конечно, на выставках скучны бывают всякие сборники сведений, но когда дело идет о целом движении, которое оставляет за собою неизгладимые следствия, то и такие сведения были бы уместны.

Вообще близится время, когда движению "Мира Искусства" должно быть посвящено какое-то издание, в котором будут помянуты все области искусства, где потрудились художники "Мира Искусства". Сообщают, что в Лондоне издается книга о балете за пятьсот лет. В ней будут помянуты и дягилевские балеты. Книга, вероятно, будет интересная, но опять можно будет пожалеть, что запечатлеется лишь один отдел искусства. Без сомнения, должна быть издана книга всего движения "Мира Искусства". В нем потрудились и композиторы, и певцы, и балетные артисты, и писатели, и живописцы — словом, представители искусства всех родов. Подумайте о такой книге. Не говорите, что для нее нет средств — это сейчас общепринятая отговорка. Всюду сперва должна быть проявлена воля, а к ней приложатся и средства. Образуйте ядро. Начните собирать материалы. Всего найдется в таком изобилии, что придется лишь выбирать. Так и вижу мысленно большой том с надписью "Мир Искусства".

И еще одна мечта. За эти десятилетия выросло сильное младшее поколение. Оно разбросано по разным странам, но в существе его обозначаются основы "Мира Искусства". Среди молодых многие уже отличились на выставках, преуспели в театральных постановках, и картины их находятся уже в лучших музеях. Суждено ли им идти вразброд, чураясь друг друга? Или же они могли бы в каком-то внутреннем или внешнем единении продолжить движение "Мира Искусства"?

Может быть, неисправимо думать о каких-то сотрудничествах и содружествах для вящей общей пользы, когда весь мир тонет в человеконенавистничестве. Может быть, младшее поколение не нуждается ни в каких единениях, но мысля путями истории искусств, мы все-таки вспоминаем о мощных трудовых гильдиях, которые способствовали расцветам искусства. Опять-таки говорим не о каком-то делении, но о деле общерусском. Само искусство в сущности своей неделимо, и призрачны все разделы,

нанесенные случайностями быта. Никакие ни географические, ни этнографические условия не могут разрубить древо искусства. Стравинский может работать в Париже, а Прокофьев — в Москве, а русское Искусство и от того и от другого получает свою прибыль. Мечта о единении младшего поколения пусть зарождается в пространстве. Как и принято во всех веках, сперва ее найдут неисполнимой и ненужной, а затем через малое количество времени она покажется вполне уместной, если только подумать доброжелательно. Так же точно пусть кто-то доброжелательно подумает и о книге "Мир Искусства".

4 Августа 1939 г.

Гималаи

"Художники жизни"

"Море волнуется"

"Море волнуется"! Есть такая игра. Сядут в круг. Один по жребию остается в середине. Неожиданно он крикнет: "Море волнуется!" Все вскочат и меняются местами. Но кто-нибудь замешкается и останется без места. Находчивость, самодеятельность состязается. И никто не знает, кто займет лучшее место.

Вспоминаю о наших обществах, центрах, комитетах и группах. Никто не решил бы, где движение разрастается и где потухнет. Да и навсегда ли? Иногда при самых, казалось бы, удачных условиях группа распадалась и замирала. Но нередко из самого малого зерна вырастает крепкое древо. Древо Культуры. В Литве такое древо было посажено.

В Белграде умер первый председатель нашего общества, ректор Университета Иованович. Кашанин оказался совершенно невозможным. Группа Дукшинской как бы замолкла. Но вот в нее вошли сербские художники и музыканты, и опять началась культурная работа. В Нью-Йорке Хорш оказался жуликом и вандалом. Но вместо одного учреждения вспыхнули три: "Фламма" в Индиане, "Арсуна" в Санта Фе и Р [усекая] Академия в Нью-Йорке. Казалось, что центр в Филадельфии как-то заглох, но вот слышим, что опытные люди хвалят его работу. В Загребе — смутно. Началось содружество звонко под председательством Мажуранича, он был президентом Югославского Сената. Но настали перемены, Мажуранич ушел, а без него и Загреб примолк, притаился. Надолго ли?

Конечно, в каждом изменении имеются и новые возможности. Из-за Кашанина удалось помочь Русскому Музею в Праге. Затем появилась Коимбра. Никогда не узнаешь, где и когда и при каких обстоятельствах возникнут новые возможности. Вот примолк Тюльпинк в Брюгге. Но не забудем, что благодаря ему устроились в Брюгге две международных конференции нашего Пакта и он же исхлопотал у Городского Муниципалитета дом для Музея. Каждое благое дело не должно быть забыто. Кто знает, какие местные заботы тревожат пограничный Брюгге, этот несравненный город-музей?

В Париже в нашей французской Ассоциации тоже были всякие смены, но в этом году вошли в состав Совета новые члены всех родов искусства. Комитет Пакта вновь напомнил европейским и азийским государствам о своевременности Пакта Охранения Культурных ценностей. Кто знает, когда опять приступят к этому неотложному соглашению.

Особенно выдвинулась деятельность Балтийских стран. В Риге растет Музей, расширяется издательство, идут беседы и лекции. После первого конгресса, устроенного в 1937 году нашим Латвийским Обществом, в текущем году наши Общества участвовали на общебалтийском конгрессе. Задушевна работа Литовского Общества, имеющего свои группы в нескольких городах, так же, как и Латвийское Общество. Эстонская группа имеет собеседования и тоже предполагает приобщиться к издательству. В Варшаве были удачные лекции и выступления в журналах.

Группы на Дальнем Востоке, несмотря на труднейшие местные условия, работают. В Шанхае издаются два бюллетеня, и можно радоваться самодеятельности, особенно же зная тяжкие материальные условия.

В Индии — Р[усский] Центр искусства и культуры в Аллахабаде устроил ряд выставок, вечеров и лекций. В Бенаресе изыскиваются средства для нового помещения. В Мадрасе "Интернационал студентов Р." встретился с любопытными бытовыми затруднениями из миссионерских кругов. Когда-нибудь и об этом расскажем.

Сотрудник в Буэнос-Айресе не только издал книгу по-испански, но и устроил ряд журнальных выступлений. Отзываются сотрудники в Финляндии, в Португалии, в Болгарии, в Австралии, в Новой Зеландии, в разных краях земли. Чуется, что вопросы Культуры насущны.

Одно — замолчит, другое — вырастет. Недоумения и трудности сменяются преодолениями и приходом новых друзей. Среди них — молодые и телом и духом. По почину "Фламмы" Общества имеют свой орган — иллюстрированный трехмесячник. Пусть растет сотрудничество и обмен мыслями. Лишь бы не помешали бесчеловечные события. Но Феникс Культуры всегда жив. Из пепла восстанет. Привет содружникам! "Море волнуется", но ведь это жизнь, движение.

12 Августа 1939 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Сокровища российские

"Художественные сокровища России" — назывался журнал нашего Общества Поощрения Художеств. Первое слово длинно. Можно бы короче: "Российские сокровища искусства" или "Сокровища российского искусства". Пожалуй, последнее лучше, ибо упор на "сокровищах".

Долго эти сокровища были под спудом. В свое время журнал не мог окупить себя, даже несмотря на пособие. Конечно, тогда и посещаемость выставок была в среднем от пяти тысяч, в лучшем случае, до двадцати тысяч. Теперь же слышим о сотнях тысячах посетителей. Значит, народное сознание сдвинулось.

Лучшая мерка просвещения — по численности народного участия в общественно-научных и художественных делах. Суждения народа о разных родах искусства всегда были задушевны. В то время, когда в высших классах профессия учителя и художника была под сомнением и усмешкою, народ уже любил художника.

Мастерство кустаря вносило радость искусства под любой кров. Мы при поездках по российским необъятностям много раз убеждались, что паспорт искусства есть самый лучший, самый сердечный. Сейчас происходит то, о чем мы лишь могли мечтать. За последние годы вскрыто множество сокровищ. Число научных экспедиций выросло. Много выходит полезных художественных изданий, печатаются они во многих тысячах и быстро расходятся. Нашелся покупатель! Народ захотел читать. Поразительно звучат миллионные цифры изданий Пушкина, Гоголя, Толстого, Салтыкова, Тургенева, Горького… Нашлись трудовые гроши, чтобы внести в дом ценимого писателя. Умножаются музеи.

"Перемелется — мука будет". И вот питательная мука произошла. Была мука, а произошла мука. Без трудности и труд не увенчается. Хотите самое реальное — этим самым наиреальнейшим будут сокровища народные. Сокровища науки и искусств.

Опять нужно издавать журнал: "Сокровища российские". Бесконечен материал. Издание пойдет по всему миру. Дорого стоят павильоны на международных ярмарках. Как бы успешны они ни были, но через несколько месяцев все пойдет на слом. Пресыщенная ярмарочною сутолокою толпа не запомнит всего, ей мимолетно показанного. Но летопись "Сокровищ" долго проживет в книгохранилищах. Многие достижения, разрозненные в отдельных книгах, слились бы в летописи в мощное и красивое описание народных трудов.

Нарастет новый подъем собирательства и бережливости. Летопись не только войдет на полки книгохранилищ, но проникнет увлекательно в каждый дом. Малыши от первых лет накрепко запечатлеют завет: "Сокровища российские".

20 Августа 1939 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Опять война

В дымке мреют Смоленские леса. Ясный летний день. Жарко, но в храме прохладно. Кончаем роспись "Царица Небесная". Часть лесов уже снята. Идут предположения, как пойдет дальше настенное украшение. Вдруг конский топот. Кн. Четвертинская спешно влетела на паперть храма и ударила тяжкою вестью: "война". Менее всего гармонировало это убийственное слово с мирною стенописью. Собрались, обсуждали, каждый высказывал свои соображения, которые обыкновенно не оправдываются. Вместо росписи всего храма пришлось ограничиться одною алтарною апсидою с пилонами и надвходными арками. С трудом нашли места в вагоне. Все дороги были запружены войсками. Хотя школьные занятия и начались вовремя, но всюду сразу почувствовался сложный темп. Таков был 1914 год.

В следующем году — выставка искусства союзных народов и основание мастерских для увечных воинов. Казалось бы, в эти мастерские попадали совершенно случайные, неподготовленные люди, что называется, "от сохи". И тут под гром пушек еще раз пришлось убедиться в несказуемых дарованиях русского народа. Когда изделия этих мастерских были выставлены, то произошло даже недоразумение. Некие скептики начали уверять, что это работы не инвалидов, а каких-то вполне подготовленных прикладных художников. Помню, как обиделись этим руководители наших мастерских, ибо они искренне гордились успехами таких особенных учеников. И с каким восторгом работали инвалиды! Верилось, что эти семена, в них заложенные, дадут прекрасные ростки.

И еще одно качество русского народа, которое так поражало меня. Среди увечий и болестей всегда находилась и шутка, и песня, и самое душевное настроение. Приходившие посетители полагали найти скорбную атмосферу, проникнутую стонами, а вместо этого попадали на дружную работу, пересыпанную шутками и прибаутками. Из школы стали исчезать многие ученики. Послышалось о смертях и о подвигах; сколько самых отборных, подававших надежды молодых художников не вернулось с поля! Говорили, что такой войны больше не будет, что подобное человеческое безумие неповторимо.

Писалась картина "Враг рода человеческого", осуждавшая разрушения исторических городов. Ставилась в пользу Бельгии "Сестра Беатриса". Писались призывы ко всем нациям об охране памятников искусства и науки. А пушки гремели. Думалось, что их рев хочет напомнить человечеству о том, что так жить нельзя.

Что нельзя безнаказанно разрушать достояние народов, нельзя попирать создания человеческого гения. И не в одних музеях или университетах сохранялись памятники человеческих достижений. В каждом доме была хоть одна замечательная вещь, памятная, старинная. Даже в маленьких библиотеках бывали книги незаменимо редкие, и кто мог счесть все эти народные накопления? А что же будем говорить о человеческом живом таланте, который так часто расточительно уничтожался?

Да, думали, что это было последнее безумие. Надеялись, что впоследствии достаточно будет дружественного обмена мнений. Но вот опять ошиблись. Через четверть века, ровно через четверть века, то есть через целое поколение, вспыхнула эпидемия такого же безумия. И началась эта эпидемия тем же бесчеловечным образом. Опять сброшены бомбы в мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела. Конечно, эта война не сейчас началась. Уже в 1936 году она стала злобно формироваться. Уже истекал кровью Китай под неслыханно чудовищной агрессией. Уже терзалась Испания, Абиссиния… Был длинен список насилий. Были поразительные поводы для пароксизма разрушений. Как часто бывает, главные выстрелы загремели не тогда, когда общественное мнение их ожидало. Будем ли надеяться, что бесчеловечные уроки прошлого, хотя отчасти изменят к лучшему существующее положение? Злобная разноголосица мало ободряет к таким надеждам.

Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года встретили перед ликом Гималаев. И там храм, и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое и здесь сердце не допускает, что еще один земной ужас начался. Может быть, опять будем работать для Красного Креста. Опять искусство будет напоминать о том, что недопустимо разрушительство, и опять будем надеяться, что хоть теперь человечество поймет, где истинные ценности и в чем смысл совершенствования человека.

3 Сентября 1939 г.

Гималаи

"Из литературного наследия"

Охранителям Культурных ценностей

Громы Европейской войны требуют, чтобы опять было обращено живейшее внимание на охрану Культурных ценностей. Пакт о таком охранении находится на обсуждении в целом ряде европейских государств и уже подписан двадцатью одной республикой Америки. Конечно, при начавшихся военных действиях уже невозможно ожидать, чтобы какие-то соглашения во время самой войны могли произойти. Тем не менее деятельность наших комитетов во всякое время должна быть плодотворной. Вспоминая положение охраны Культурных ценностей во время войны 1914 года, мы должны сказать, что в настоящее время этому важному вопросу уделено несравненно большее внимание со стороны правительств и общественных учреждений. Без сомнения, работа наших комитетов, благотворно возбудившая общественное мнение в этом преуспеянии, оказала свое влияние. Кроме правительственных распоряжений, именно общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение.

В течение прошлой великой войны мы прилагали посильные меры, чтобы обратить внимание на недопустимость разрушений исторических, художественных и научных памятников. Затем в течение недавних столкновений, как например, в Испании и Китае, нам приходилось слышать об упоминании и приложении нашего Пакта. Так же и теперь все наши комитеты и группы друзей, которым близка охрана всенародных сокровищ, должны, не покладая рук, не упуская ни дня ни часа, обращать общественное внимание на важность и неотложность охраны творений гения человеческого. Каждый из нас имеет большие или меньшие возможности для распространения этой всечеловеческой идеи. Каждый имеет связи в печати или состоит членом каких-либо культурных организаций, и да будет его долгом сказать повсюду, где он может, доброе и веское слово об охране всего, на чем зиждется эволюция человечества. 24 Марта наш комитет предпринял ряд шагов перед европейскими правительствами, обращая внимание их на неотложность охраны Культурных ценностей. Такой призыв, как видно, был чрезвычайно своевременным. Пусть же теперь каждый сотрудник в культурном деле припомнит все свои связи и возможности, чтобы посильно укрепить общественное мнение, ибо оно прежде всего является хранителем мировых сокровищ. Друзья, действуйте спешно!

3 Сентября 1939 г. Гималаи

Публикуется впервые

Спасительницы

Лет тридцать тому назад один антиквар прислал мне на просмотр фламандскую старинную картину с совершенно необычным сюжетом. Вдали виднелся средневековый город, а на первом плане — целая толпа женщин шла, высоко подняв свои одеяния. Оказывается, картина изображала некий эпизод из осады города, когда защитники уже отчаялись в успешности, а женщины вышли в этом виде, желая устыдить неприятеля. История уверяет, что этим порядком город был спасен. Таково понимание о спасительницах. Несколько подобных же вариантов было запечатлено и в литературных произведениях. Но совсем другое передают нам из недавних событий в Индии. В один памятный день предполагалось предотвратить вход в общественное учреждение, которое своею непрекратившейся деятельностью нарушало торжественность часа. И вот в воротах этого учреждения появилась молодая девушка и со сложенными молитвенно руками встала неподвижно, заграждая вход. Никто не дерзнул пройти сквозь эту благородную стражу. Конечно, не замедлил появиться мотор с блюстителями порядка, и мужественная спасительница входа была увезена. Но не успел скрыться мотор со своею добычею, как на этом же месте появилась в той же молитвенной позе другая девушка и опять никто не посмел нарушить этот бессменный дозор. И вторая героиня была увезена, но на ее место нашлась третья самоотверженная защитница… Какая утонченность и возвышенность мышления сказывается в таком вдохновенном дозоре!

Увы, какие-то моторы или копыта не остановятся перед такою духовною преградою, но найдутся и те чуткие души, которые преклонятся перед молитвенно неприступною защитою. В наши дни, когда приходится узнавать о невероятнейших и грубейших злоухищрениях, странно и вдохновляюще было слышать простой рассказ о девушках-спасительницах. Вивекананда говорил, что пятьдесят женщин совершат то, что не под силу будет пятидесяти тысячам мужчин. Высокая правда выражена в этих словах. Не все поймут ее, и кто-то загогочет, представляя себе, как будут уничтожены эти спасительницы механическими ухищрениями злобы. Пример тому можно находить на страницах ежедневных газет. Но пути правды несказуемы. Очевидность — одно, и действительность — Другое. Именно она слагает эволюцию. Слава самоотверженным спасительницам!

20 Октября 1939 г.

Гималаи
Публикуется впервые

Старые друзья

Превозмогаю невралгию. Читаю старых друзей — Бальзака, Анатоль Франса, письма Ван Гога. Светик правильно замечает, что в его письмах нет ничего ненормального. На него нападали отдельные припадки безумия. Да и было ли это безумием или же протестом против окружающего мещанства? Ван Гог был у Кормона. Там же побывали и Гоген и Тулуз-Лотрек и Бернар. Не испортил их Кормон.

Перечитываю былины в новом московском издании с отличными палеховскими иллюстрациями. Народ познал свои сокровища. Замечательна былина о Дюке Степановиче, где сопоставляется богатство Галича с Киевом. Выходит, что Галич много превосходит Киев и зодчеством, и товарами, и всем великолепием. Добрыня принял портомойницу за матушку Дюка — в таком богатейшем наряде она была. Впрочем, и в "Слове о Полку Игореве" превозносится богачество и мощность Галича. Старое достояние Руси.

Вот опять русский народ объединен с Галицкой старинной областью. Наверно произойдут раскопки. Еще что-нибудь замечательное выйдет наружу. Показания былины о Дюке и "Слова о Полку Игореве" недаром устремляют внимание к галицийским взгорьям. И угры и болгаре имели причины стремиться в этих направлениях.

Любопытно, кто первый направил палеховцев и мстерцев в область былинной иллюстрации? Счастлива была мысль использовать народное дарование в этой области. Помню, как на нашем веку этих даровитых мастеров честили "богомазами". Впрочем, тогда ухитрялись порочить многие народные достояния. Доставалось нам немало за любовь к народному художеству. Правилен был путь наш. Не пришлось с него сворачивать.

И Настасья Микулична — величественный прообраз русского женского движения — давно нам был близок. Характерно женское движение в русском народе — в народах Союза. Выросло оно самобытно, как и быть должно. Женщина заняла присущее ей место мощно, как поленица удалая. Радостно читать, как индус пишет о своем пребывании в землях Союза. Народы волею своею показали здоровое, преуспевающее строительство. Как вспомнишь об этом историческом строительстве, и невралгия полегчает. Привет народам Союза! Привет Родине!

21 Октября 1939 г.

"Из литературного наследия"

Миражи

Стоянка была в открытой безводной пустыне. За барханами раскинулись приветливые миражи. Небывалые светлые озера, рощи деревьев, даже точно бы виднелись стены жилья. Врач экспедиции, прежде не видавший миражей, негодовал: "Зачем ночевать среди песков, когда в полутора верстах и вода, и топливо, и даже жилье!" Уговоры не подействовали, и наш спутник зашагал по песчаным кочкам к призрачному озеру. Часа через три он вернулся сердитый и молча заперся в палатке.

Сколько миражей! И какие привлекательные! Много опыта надо иметь, чтобы отличить очевидность от действительности.

Много неожиданностей и не в пустыне. На Ладожских островах мы пустились бродить. Кружили долго. Любовались скалами, вереском, елями, соснами, чудесными заливами. Наконец, увидели заманчивую скалу и решили влезть на нее. Карабкались с трудом и предвкушали за вершиною новые дали. Вошли, преодолели и оказались перед кухней нашего дома. Тоже своего рода — мираж.

И сейчас вокруг нас вершины, подле которых Монблан окажется карликом. На многие островерхие зубцы не всходил человек. Вот бы взобраться! Но знаем окрестности. Знаем, что с вершины увидим давно знакомые долины, к которым ведут удобные дороги. Но найдутся и те вершины, откуда откроются новые всходы, и стоит преодолеть их и не пожалеть сил.

В Трансгималаях иногда с перевала открывались бесчисленные вершины, все в блеске снегового убора. Глаз уже не мог охватить строения этого каменного океана. Кто знает, где явь и где мираж? Узкою тропою проходят путники. Вожатый каравана не дает удалиться в непроходимый лабиринт.

Изумляясь несказанному великолепному разнообразию вершин, вы уже готовы признать все вероятия. Ночью, когда полыхает Гималайское сияние, вы готовы к любой сказке. Но нет больших сказок, нежели сама жизнь.

Среди скал через самый стан медленно проходит серна со своим малышом. Не спешит, ее еще не научили страшиться. На гребнистой вершине четко выступают очертания каменных баранов с огромными рогами. Не бегут. Охотники опускают оружья и любуются.

За миражами достигнем и явь. За сказкою будет действительность. Доверчиво пройдем через станы по пути к новым вершинам. Там услышите сказание о Шамбале.

22 Октября 1939 г.

"Из литературного наследия"

Встречи

Одна писательница после целого вечера расспросов, прощаясь, горестно заметила: "А самого-то главного и не сказали". Правда, не сказано самое главное. Да и как его скажешь? Одни засмеют. Другие вознегодуют. Третьи и не выслушают! Записать бы для пьесы, для фильмы. Но как уложить все разновременное, разноязычное? Как-то следовало бы сделать. Нужно и время найти, и затворить уши на день сегодняшний. Нелегко это.

Уж на что уединились. У последней почтовой станции. На границе Тибета. Тут-то бы и собрать все "самое главное". Но мирские неурядицы и сюда достукиваются. И здесь ждутся газеты. И сюда спешат передать радио, со всеми его выдумками. Долетают телеграммы — теперь уже с цензорскими разрешительными пометками. Может быть, кое-что и не доходит. Где-то друзья негодуют о неполучении ответа, а их весть где-то застряла в цензуре.

Неурядицы всюду. И помочь нельзя, и мыслями собраться невозможно. Чувствуешь, как многое где-то выходит рыбьим хвостом. И черепки дребезгом своим заглушают "самое главное". Не повторится оно. Искры его тухнут в тучах пыли. Неужели не удастся запечатлеть? Только подумать, какие чепуховые причины мешали собраться и записать. Не все и записать можно. Каждый день дает свое разрешение и свое запрещение. Многие записи порывались. Еще на днях сожгли целые корзины рукописей. И то не ко времени и это не к месту. Но с годами уходят подробности, уже не схватить их. Основа не только не тускнеет, но даже укрепляется в памяти!

Уже если в горной глуши не собраться, то где и когда? А самое главное, самые ценные встречи замечательны своею потрясающей нежданностью, своею убедительною несравнимостью. И на людной улице столичного города, и в толпе музейных посетителей, и в банке, и в гостинице, и на горной тропе, и в шатре, и в юрте… Где только ни были те встречи, которые преображали жизнь! И скажешь ли это "самое главное" проходящим? И найдешь ли слова, которые удовлетворят, перечитывая?

Смута мира кипит. Нет таких гор, куда бы ни достиг стон убиенных. Как же сказать "самое главное"?

24 Октября 1939 г.

Публикуется впервые

Пропуск

Дело с визами причинило нам не только бесчисленные хлопоты, но больше того, оно нанесло неизгладимый вред для наших просветительных учреждений. Все визное дело и само начало его было несказанно безобразно. Весною 1930 года мы возвращались из Нью-Йорка в Индию, где в то время была Е. И. Обратились к британскому консулу в Нью-Йорке, он как-то странно замялся и предложил нам, раз мы едем через Европу, взять визу в Лондоне. Мы последовали консульскому совету, но когда прибыли в Лондон, то нам в Министерстве Иностранных Дел сказали, что виза нам вообще не будет выдана. Тут-то и началось памятное визное дело. Семнадцать государств хлопотали о выдаче нам визы. Необоснованный отказ вызывал всеобщее справедливое возмущение. Один дипломат передавал, что на обеде в Букингемском дворце старшина дипломатического корпуса воскликнул: "Все-таки это дело более чем странно!", и все поняли, что имелось в виду ваше визное дело. Кроме иностранных правительств, и лучшие английские представители много раз посетили улицу Даунинг с самыми сильными заявлениями. Так, в одно время там побывали герцог Соммерсетский, кардинал Бурн и архиепископ Кентерберийский, лейборист Тревильян… Писали Гордон Боттомлей и Голсуорси… Харберг-Райт, директор Лондонской библиотеки, написал своему правительству чрезвычайно сильное письмо, заканчивая его словами, что он надеется, что "разум возьмет верх". Масарик нам сообщал: "Джентльмены, мы наткнулись на Альбион". Дело о визе нашей так разрослось, что его возили по коридорам Министерства в тачке. Наконец, я спросил определенно, когда будет выдана виза? Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил: "Это окончательно?" И господин в желтом жилете ответил, низко поклонившись: "Окончательно!" Тогда я сказал: "По счастью, в мире нет ничего окончательного".

Наш друг, французский посол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с британским правительством, посоветовал нам возвращаться в Париж, тем более, что Президент Думерг назначил нам аудиенцию. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды ее, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол, граф Эренсверг сделал свое представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее Швеции

державы не имели успеха.

Ввиду болезни Е. И. наши французские друзья посоветовали нам ехать в Пондишери, откуда было все же ближе до наших Гималаев. Перед нашим отплытием из Марселя мы дали телеграмму британскому министру Гендерсону о нашем отъезде в Пондишери, на что он телеграфировал нам, что это "принято во внимание". Кроме французской визы во все пять французских владений в Индии, мы запаслись еще португальской визой в Гоа и в португальское селение около Бомбея. Британский консул в Пондишери был чрезвычайно встревожен нашим приездом, тем более, что по местному обычаю приезжие в Пондишери имели возможность посещать и Мадрас. Британский консул озабоченно спрашивал нас, что мы будем делать, если виза все же не будет выдана? Мы сказали, что приобретем имение в Пондишери, а затем будем ездить во французский Чандранагор (в 20 милях от Калькутты), в Гоа, в Каракал и в другие места, согласно нашим визам. Наши сожители по гостинице в Пондишери уверяли, что на деньги, потраченные на одни телеграммы, можно выстроить целый большой дом.

Визное дело началось необъяснимо безобразно, но и также необъяснимо вдруг закончилось. После месяца пребывания в знойном Пондишери мы в одно прекрасное утро на площади увидели чапраси (служащего) британского консула, бегущего к нам, махая какой-то бумагой. Оказывается, виза от вице-короля. В последнее свидание с нами британский консул удивленно спрашивал: "В конце концов, скажите, что все это значит?" Мы отвечали: "Если даже вы не знаете, то как же нам знать?" Некоторые злые языки поговаривали, что все то дело устроено нами же для рекламы, настолько непонятен был этот нелепейший эпизод от начала до конца. Но кто возместит потраченное время и огромные расходы, вызванные всеми этими перипетиями? Когда смотрю на толстенную папку нашего визного дела, то даже невероятно бывает вспомнить все вреднейшие человеческие попытки пресечь культурную работу. Но с тех пор в мире произошло столько всяких злостных ухищрений, что наш эпизод, длившийся без малого год, становится лишь одним из показателей современной "цивилизации", быстро утрачивающей всякую человечность.

30 Октября 1939 г.

Публикуется впервые

Продажа кинжалов

Много лет тому назад я читал чей-то рассказ о подсовывании кинжалов. Некий человек, присутствуя при ожесточенной ссоре, старался подсунуть враждующим кинжалы. Тогда думалось, неужели могут существовать люди, допускающие такое злокозненное одолжение смертоубийственных орудий? Но вот прошли годы, и мы воочию увидали, как продаются не только наркотики, но и братоубийственные оружия. Вы, мол, деритесь, а мы вам доставим все необходимое, чтобы вам удалось успешнее посеять семена смерти и раздора. Да, да, да, мы видим, что такое снабжение оружием не только существует, но даже прикрывается учеными терминами вроде строгой нейтральности и пацифизма.

Допустим, что какие-то люди настолько озверели, что они из-за корысти своей будут снабжать всех враждующих оружием. Но действительность еще мрачнее. Не только происходит снабжение оружием и всякими вредоносными веществами, но в то же время самым ханжеским образом произносятся сладкие слова о мире. Кто знает, может быть, среди этих ораторов о мире находятся даже и фабриканты оружия и всего того, что способствует войне. Сидя в раззолоченном отеле, улыбаясь за бутылкою шампанского, безопасно говорить о мире, в то же время заботясь о ковке мечей и о наиболее удобном снабжении ими всех воюющих. Среди падений человечества такое гнусное лицемерие особенно потрясающе. А ведь оно существует, и участники его, улыбаясь, перекидываются гольфными шарами или выезжают на "мирную" рыбную ловлю. Страшно подумать, что такое лицемерие проникло в массы человечества гораздо шире, нежели можно себе представить. Вот говорят о необходимости учреждения особых министерств Мира. Любопытно, будут ли эти министерства также заботиться о том, чтобы препятствовать распространению наркотиков и всяких смертоубийственных приспособлений? В некоторых странах почему-то не существует министерств народного просвещения. Не нужно ли, чтобы раньше министерств Мира были бы учреждены министерства народного просвещения?

Прежде чем надеяться на восстановление мира, нужно озаботиться просвещением народа. Не являются ли распространения оружия одним из самых утонченных видов гангстеризма, о развитии которого правильно сетуют некоторые страны. Может быть, просвещение осветит и язвы лицемерия. Мир уже в маске. Неужели должна начаться и лукавая продажа кинжалов?

1 Ноября 1939 г.

Публикуется впервые

Вредители

"И зачем врет человек?" — возмущался Тургенев. А газетчик Амфитеатров, очевидно, зная сущность вещей, говорил: "Хотя об этом и писали в газетах, но оно оказалось правдой".

Чем дальше, тем больше пишется неправды. Иногда так нескладно преподносится, что можно диву даваться — неужели кто-то поверит? Но, должно быть, верят, если эти нагромождения измышлений растут.

Может быть, все это призраки? Тогда беру хотя бы все, о нас написанное. Чего только не наврали! И глава Коминтерна, и глава Фининтерна, и перевоплощение Преподобного Сергия Радонежского. Прямо дико становится. Похоронили уже три раза, а может быть, и больше — всего не усмотришь. Не только перевирали мои писания, но перепечатывали мои статьи уже без имени… Всего было. Про Елену Ивановну писали всякую ложь. Наконец, сказали, что она "самая опасная женщина в Азии" — вот до какой звонкости доходило. Среди клеветников было немало людей, которым нам довелось добро сделать. Заявлял не раз, что не отвечаю за все, мною не подписанное. Но разве это остановит писак?! Подчас и конца краю не найдете. Кто мог выдумать, что мы взяли в плен Далай-ламу? Однако это рассказывалось в Париже на большом обеде, и вероятно ерунда поползла по городу.

Обычный совет — не обращайте внимания! Мы-то и не обращаем, но люди-то под полою перешептываются и по-своему приукрашают.

Особый вид двуногих — вредители. Что же это за племя? Или особый зоологический вид? Распадаются они на многие секции. Есть вредитель-доносчик или из платной выгоды или из искусства для искусства. Есть вредитель-завистник. Ночь спать не будет, пока не наврет. Есть вредитель-дурак — и себе навредить готов, лишь бы произнести нечто зловредное. Есть и вредитель служебный. Вредительствует по должности. Множество подклассов! Цивилизация расплодила этих микробов. Думают, что Культура их изведет. Но и под Культурою иные понимают разведение бацилл. Смутное время! Повсюду можно находить вредительство всех рангов. А Культура загнана в подвалы, в пещеры. Даже в бюджетах Культура обойдена. А в Культуре — и свет и радость. Так нужна радость!

14 Ноября 1939 г.

Публикуется впервые

Судьбы

Роден только тридцати семи лет был впервые принят на выставку. Через три года он получил медаль третьей степени. Заметьте, третьей степени! Затем последовали общеизвестные скандалы с неприятием его памятников Гюго, Бальзака и Героев Граждан. Кроме того, Роден был обвиняем в том, что он вообще не умеет работать и делает муляжи вместо того, чтобы лепить. Потребовалась целая комиссия испытанных скульпторов, которая, исследовав работу Родена, удостоверила оригинальность искусства великого скульптора. Когда мы были в мастерской Родена, невозможно было представить себе, чтобы этот самобытный, бодро уверенный мастер должен был проходить такие голгофы непонимания.

То же самое происходило и в первый период творчества Пюви де Шаванна. Одиннадцать лет он был непринимаем на выставки. Гоген умер накануне ареста, да ведь и Фидий скончался в тюрьме. А судьба Модильяни? Сколько судеб! Говорят, в Париже живет пять тысяч поэтов, ни разу не напечатанных. Перед многими молодыми захлопнуты двери.

Удивительно подумать, что так называемые Академии в разные века отличались тою же неприязнью ко всему даровитому и выходящему из рамок обычного. Любопытнее всего то, что эта же странная особенность сказывалась не только в художественных Академиях, но и в научных.

Можно привести длинный список имен, обойденных Академиями.

Нам могут сказать, что несправедливость Академий по отношению Ломоносова или Менделеева уже отошла в область прошлого. Но как же быть тогда с супругами Кюри, которые еще не так давно на наших глазах почувствовали на себе типичную академическую несправедливость.

Куинджи трижды не был принят на экзаменах в Академии. Последний раз из тридцати экзаменовавшихся двадцать девять было принято, и один-единственный Куинджи испытал на себе судьбу многих талантов. И Верещагин не мог поступить в Академию.

Опять-таки допустим, что все эти "памятки" относятся к прошлому. Но как бы сделать, чтобы в новых Академиях, в Академиях будущего такая более чем странная традиция не повторялась? Сейчас празднуется юбилей Российской Академии Художеств. Надо думать, что сложатся такие обновленные традиции Академии, когда путь истинных дарований будет

всячески облегчен. Пусть Российская Академия будет истинно новой. Новой — для молодых.

Изумляемся судьбам бывшим. Понимаем все творившиеся несправедливости, но ведь можно себе представить и бережливое отношение к талантам, когда Академии станут не осудителями и гонителями, но утонченными поощрителями и дальнозоркими провидцами тех, которым суждено стать народною гордостью и мировыми ценностями. Судьбы — в руках человечества.

17 Ноября 1939 г.

Публикуется впервые

Действительность

Реализм есть отображение действительности. Казалось бы, чего проще. Между тем, какая же это будет действительность? Реализму противопоставляется натурализм. В этом заключается как бы желание подчеркнуть особые качества реализма. Должно быть, авторы этих формул хотят подчеркнуть, что натурализм есть слепое подражание природе, тогда как реализм выражает сущность действительности. Говорят, что портрет реален тогда, когда он изображает не случайный какой-нибудь аспект лица, но именно когда он отображает сущность характерную и убедительную. В последнем слове и заключается различие между глубоким осмысленным реализмом и случайно поверхностным натурализмом. В реализме непременно будет участвовать истинное творчество, тогда как натуралист будет рабом случайного миража. Из реализма будет рождаться здоровое развитие искусства, тогда как натурализм приведет в тупик. О качествах настоящего творческого реализма следует глубоко подумать, чтобы молодежь не осталась в каком-либо заблуждении. Натурализм пренебрегает композицией, тогда как реализм не исключает такого творческого начала. Композиция должна быть воспитываема в художнике. С самых первых своих шагов в искусстве молодой художник должен развивать в себе эту способность. Наряду с мастерскими, в которых преследуются этюдные задачи, должны происходить беседы о композиции. Они не должны оставаться в пределах словообмена, но должны закрепляться сочинением эскизов. Молодежь должна запасаться такими эскизами. Существует заблуждение, что раньше человек должен законченно научиться рисовать и живописать, а уже потом думать о композиции. Забывается, что нет предела мастерству рисования и живописания, и никто не может дерзнуть утверждать, что он этому уже вполне научился. А кроме того, может случиться любопытнейший внутренний процесс, который захлопнет навсегда вход в композицию. Можно наблюдать, что многие, которые сызмальства не потянулись к эскизам, утратили эту способность. Все должно быть воспитываемо и образовываемо. Нельзя думать, что какие-то совершенства упадут с неба в готовом виде. Также и понимание истинного убедительного реализма не приходит сразу, а будет синтезом множайших прозорливых вдохновений.

25 Ноября 1939 г.

"Из литературного наследия"

Америка

Мы послали Вам телеграмму, прося напомнить Джаксону, что вследствие военного времени возникают всякие трудности, и обычно в делах эти экстраординарные обстоятельства принимаются во внимание, и многое откладывается на время войны. Не забудьте, что мы находимся в стране воюющей, в которой даже условия обычных сношений весьма затруднены. Так, например, я должен был послать две небольших картины в Швейцарию и с сентября до сих пор еще не получено соответствующее разрешение. Привожу это как иллюстрацию экстраординарных условий. Кроме того, Вы уже знаете, как нерегулярно и вперемешку доходят письма. Но очевидно вандалы именно хотят воспользоваться экстраординарными условиями для своих темных проделок. Хорш несомненно через разных "покровителей" толкает правительство не только к несправедливым решениям, но и торопит с какими-то разгромами. Хорш весьма заинтересован, чтобы первый разгром произошел как бы от лица правительства. Ведь тем самым будет как бы доказано, что суммы были не экспедиционные, а картины были куплены Хоршем, и значит принадлежат ему. Наш друг Стоке правильно заметил в одном из своих писем сюда, что он потрясен такими явными несправедливостями. Действительно, каждому честному человеку бросается в глаза, что с нашей и вашей стороны никакие показания и свидетельства не принимаются во внимание. Но Хоршу разрешается оперировать сфабрикованными им документами — копиями с несуществующих бумаг, разрешается произносить всякую мерзкую ложь и клевету, разрешается ставить на обороте картин фальшивые штемпеля. Все дело показало, насколько по таинственному мановению руки Хоршу разрешается все, а вам и нам даже самые веские обстоятельства не служат доказательством. Даже документальное письмо Хорша, которое меняет все дело, не принимается во внимание. Никто даже не мог спросить двух определенных вопросов — во-первых, к каким суммам относится письмо Хорша от 8-го Дек[абря] 1924 года и во-вторых, где же экспедиционные суммы, если полученные нами на экспедицию деньги являются частными присылками Хорша, и по его последней версии платою за приобретенные им картины. Неужели же судьям не почуялось все темное поведение Хорша? Только судья 0'Малей распознал нашу правоту, и затем судья Коллинс воскликнул о том, что Уоллес тревожил его по телефону в связи с поступками Хорша.

За все эти годы осталось в тайне престранное покровительство Уоллеса Хоршу. Вы писали о каких-то их сношениях. Но теперь становится ясным, что, пользуясь военными обстоятельствами, предполагается устроить какой-то разгром в пользу Хорша. Мы не раз читали о делах, которые даже в мирное время тянутся целые десятилетия. Спрашивается, почему же в нашем случае даже экстраординарные мировые обстоятельства не принимаются во внимание? Кроме того, теперь трое друзей подготовляют свой иск Хоршу. Не торопится ли он со своими новыми махинациями, чтобы прямо или косвенно осложнить иск наших друзей? Не кажется ли Вам странным, что в течение всего лета шли какие-то переговоры (и будто бы благоприятные) о соглашении с Вашингтоном. Можно было понять, что переговоры закончатся успешно и вдруг, можно сказать, накануне каких-то сроков сообщается об отказе. Все это показывает на нечто тайно происходящее. Лишь бы только, кроме всего прочего, интересы друзей не пострадали. Посылаю для Вашего личного сведения один из моих записных листов.

История повторяется, но в еще более безобразном виде. Теперь Вы видите, насколько своевременно было сохранить Комитет Друзей и собрать протесты против вандализма. Даже зная положение вещей, все же думается, что экстраординарные мировые обстоятельства должны быть приняты во внимание. Вы ведь знаете, что мы стараемся разыскать старые письма, имеющие отношение к делу. Вы понимаете, что эти розыски также чрезвычайно затруднены мировыми обстоятельствами. При ином положении дела можно бы уже лично поехать, но сейчас и передвижения временно затруднены. Пожалуйста, переведите для друзей эти строки. Ведь из них многие, вероятно, не представляют себе всех существующих затруднений. Вот милый Джин Ф. сетует на неполучение отсюда писем и трогательно ожидает присылки осеннего выпуска "Фламмы". Пожалуйста, скажите ему о всех затруднениях и поблагодарите его от нас за все сердечные чувства, им выраженные. Как жаль, что события так отразились на удачно начатой "Фламме".

27 Ноября 1939 г.

Публикуется впервые

Другу [56]

Дорогой мой, только что я писал нашим друзьям о том, что вряд ли можно ожидать Вашего письма — Вы так заняты — а тут-то и прилетела Ваша весточка. Может быть, кто-то укорит меня в излишней сентиментальности, но нас всех так глубоко тронуло, что Вы бессменно стоите на дозоре искусства и Культуры. Хочется сказать Вам к этому самый горячий привет. Рады слышать, что и переустройство Музея послужило к его пользе. Ближайшее соседство государственного Музея тоже хорошо и даже привлечет новых посетителей. Радовались мы, что Лосский неутомимо продолжает читать лекции в Университете, а ведь года его немалые. При свидании передайте им всем наши приветы. Хорошо, что Вам удается продвигать и монографию. Так обидно, что из-за внешних обстоятельств издание претерпевает затруднения. Жизнь еще раз показывает, насколько нужна Культурная работа. Вы справедливо негодуете на безобразные действия Бенуа. По этому поводу я получил немало писем. В данном случае он не касается ни Музея, ни наших обществ, но ненавидит наш Пакт об охранении памятников Культуры и все мои призывы к Культурному строительству, называя их мессианством! Попросту говоря, он производит подлую подрывную кротовую работу, которая тем отвратительнее, что у меня лежат сладенькие письма его. Думалось мне, что в "Мире Искусства" должен сохраняться хотя бы некоторый корпоративный дух, но отношения Бенуа доказывают, что этого нет. А ну его к шуту! Покойная Мария Клавдиевна Тенишева всегда называла его Тартюфом, очевидно, она знала его природу. Меня нисколько не трогает оценка Бенуа и ему подобных. На наших глазах и Толстого, и Третьякова, и Менделеева, и Куинджи всячески поносили, но все это, как Вы правильно замечаете, лишь пыль, несущаяся за устремленным всадником.

Каждый должен не только творить в своей области, но и быть на дозоре о Культуре. Ваш портрет с Толстым я видел в хайдерабадском журнале "Мир", но сейчас по условиям почты не могу высылать печатного. Эта Ваша карточка с Толстым всем нам очень нравится, и Толстой и Вы так характерно запечатлены в труде. Мы все трудимся, и даже сейчас протекает ряд удачных выставок.

Великое счастье: в такое сложное время все же можно глубоко уйти в работу. Вы пишете, что посетители Музея помнят мою первую выставку. Об этой выставке я храню самые светлые воспоминания. Во время ее обнаружились совершенно

невидимые, но трогательные друзья. Пожалуй, мало кто из них дожил до наших дней. Но пришли, конечно, новые, молодые. А с молодыми почему-то у меня всегда были особенно добрые отношения. Вы будете рады узнать, что наши сотрудники, несмотря на трудное время, приступили к изданию литературно-художественного сборника. Одно кончается, а другое начинается, как в добром лесу поднимается новая и здоровая поросль. Напишите о своих трудах. Наверное, многое пишете и, как всегда, затрагиваете прекрасные темы. У Елены Ивановны Ваша книга "Духовный Путь Толстого" всегда на рабочем столе. Отличная, сердечная и справедливая книга. Среди многих умалительных, пристрастных характеристик великого писателя, в которых участвовали, к сожалению, даже его семейные, Ваши слова о нем звучат, как голос светлой, утверждающей правды. Мелкие умы не видят истинную сущность жизни. Человек всегда судит лишь от себя, ради себя и для себя. Те же житейские мудрецы любят говорить — так было, так есть и так будет. Скажем, к сожалению — было, к ужасу — еще есть, но пусть не будет. Иначе, как же быть с эволюцией? Мы все живем о будущем, и в этом находим единственный смысл бытия, и тем сильнее радость труду. Ведь ничто не может воспрепятствовать этой радости. Перед Зарею ночь особенно темна. Жаль, что почтовые сношения затруднены. Друзья тянутся друг к другу, имеют сказать сердечные слова, хотят помочь и поддержать, но это становится почти невозможно. Тем дороже, когда слышишь, что Культурная работа продолжается и даже дает новые ветви. О Культуре мы говорили изначала и будем утверждать это же и до скончания. Без Культуры человечество обратится в двуногих.

4 Декабря 1939 г.

Публикуется впервые

Обзоры искусства

За последнее время за границею на разных языках появилась целая серия обзоров русского искусства, как общих, так и в отдельных областях. Казалось бы, это должно радовать во всех отношениях. Мы всегда мечтали о прославлении русского искусства среди всех народов, и каждый рассказ об искусстве родины должен быть нам очень ценен. Все-таки оказывается одно "но". За малыми исключениями, эти обзоры очень тенденциозны и пристрастны. Вместо широкого и справедливого исторического обзора почти все иностранные авторы избирают себе одну какую-то группу и, фаворизируя ей, попирают и стараются умалить все остальное. Иногда избранная группа модернистична, другой раз избирается группа самая старая, но и то и другое не может дать чужеземным народам веское и справедливое представление о развитии искусства нашей родины. Совершенно не понятно, к чему некоторые писатели для прославления одного явления непременно должны охаить все остальное. Так или иначе, все явления искусства имеют свою преемственность. Некоторые шаги новаторов бывают очень стремительны, и тем не менее для полного понимания их необходимо знать и все бывшее. Кажущиеся противоречия искусства делаются еще более обоснованными, когда мы знакомимся с их истоками. Критика есть справедливое определение художественного произведения, так, по крайней мере, должно быть. Неразумно выдвигать что-либо поруганием всего соседнего. Многие обзоры искусства придется пересмотреть, предпосылая широкий и доброжелательный взгляд. Не нужно думать, что сказанное относится лишь к русскому искусству, и в других обзорах часто можно найти тот же недостаток. В последнем номере чикагского журнала "Юнити" доктор Кезинс справедливо отчитал американского писателя Ван-Луна за его пристрастное суждение об искусстве Индии. На пространстве более полутысячи страниц всего две из них уделены искусству всей Индии и притом с самыми невежественными замечаниями. Оставлены без внимания такие незабываемые творения Индии, как фрески Аджанты, сказочное величие Эллоры или Элефанты, фееричность Гольта-пасса[57], красота Амбера, Агры, суровый грандиоз Читора и Гвалиора, все эллинистические и персидские влияния — всего не перечесть. Только небрежная рука высокомерного осудителя могла забросить многовековое искусство в небрежении. Поистине, "распространение неверных сведений есть особо вредное невежество".

7 Декабря 1939 г.
"Литературные записки", Рига, 1940

Знайте

Знайте, что даже самый лучший, казалось бы, самый неоспоримый поступок ваш может быть уродливо и злонамеренно истолкован. Мало того, человеконенавистники попытаются измыслить такое, чего вы не только никогда не делали, но о чем даже и не думали. Неизвестно, возросла ли злонамеренность вместе с механической цивилизацией или же это свойство всегда было на всех ступенях рода человеческого. Спрашивается, что же можете вы поделать даже в том случае, если услышите об источниках этой клеветы? Если за морями, за океанами люди выказывают свою ненависть, то как же можно воздействовать на эти отбросы человечества? Из Парижа пишут: "В день моего возвращения был завтрак, и Обухов, не приглашенный, заглянул так же, как он делал это и в прошлых годах. Во время разговора он сказал, что Ларионов, Гончарова, Бенуа распространяют, что вы стараетесь выманить деньги от различных правительств посредством какой-то "мистификации". Присутствовавшие, услышав это, разразились смехом, к которому и самому рассказчику пришлось присоединиться". Из Нью-Йорка пишут: "Ничтожный Стерн (из фирмы Эрнста) недавно явился к Джаксону со всеми рекордами, чтобы доказать правоту Хорша. Джаксон ему сказал, что знает все эти рекорды, которые ему ничего не доказали. Тогда Стерн сказал: "А что вы скажете на тот факт, что Хорши потеряли девочку, которая умерла оттого, что профессор сказал, что раз его картина висит в ее комнате, ей не нужна врачебная помощь и она будет исцелена". На это Джаксон сказал Стерну: "Я всегда верил в целительную силу искусства, но если бы это случилось с итальянским крестьянином, преданным католиком, которому кардинал Пачелли обещал бы своим присутствием исцелить больную, я бы поверил, но Хорш из Уолл-стрита, обтершийся повсюду — вы мне должны рассказать что-то более правдоподобное". Стерн ушел ни с чем, ибо Джаксон выказал ему открытое презрение". Очень хорошо, что мерзкая клевета встречается презрением и смехом, но французы говорят: "Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь останется". Проделки бандита Хорша нам уже достаточно ведомы, но трудно допустить, что Бенуа, Ларионов и Гончарова — художники уже на склоне лет, выказывают низость своей природы, порождая мрачную клевету.

1939 г.

Публикуется впервые

Прочная работа

7-го июня русское радио сообщает: "Профессор Фролов, руководитель мозаичной мастерской при Академии Художеств, основанной Петром Первым, работая несколько лет, закончил большого размера мозаичную картину на сюжет Рериха "Битва с варягами". В ближайшем будущем профессор Фролов будет руководить работами над самой большой мозаичной картиной в мире для Дворца Советов". Очень отрадно, что опять призывается к жизни прочная работа. Мозаика с давних времен как одно из ценных наследий Византии была облюбована русскими строителями. Жаль, что большая часть древних русских мозаик разрушилась вместе с зданиями во время всяких невзгод и вторжений. Но и то, что осталось, оказывается не хуже, чем мозаики в Палатах Рогеров в Палермо. Видно, что к работе призывались хорошие мастера, и было стремление к истинной монументальности. Неоднократно приходилось работать с Фроловым над стенными украшениями. Сооружали мы мозаики и для Почаевской Лавры, и для Пархомовки, и для Шлиссельбурга, и для Талашкина. Каждая из этих мозаик вызывала многие соображения, при этом всегда радовало стремление Фролова внести какое-либо полезное нововведение. Уже давным-давно он переложил на мозаику один из эскизов моего морского боя. Думается, что теперешняя его работа основана на варианте той же картины. Итак, выходит, что что-то изрезывается, а почти в то же время чтото складывается в прочной каменной работе. Для русских климатов мозаика подходит как нельзя более. В конце концов, что же другое, как камень, ближе ответит монументальным строениям? Кроме разнообразной смальты, у нас так много превосходных самоцветов с самыми замечательными отливами красок. Уже пробовали слагать из уральских самоцветов целую географическую карту и, как слышно, впечатление было очень грандиозное. В Италии, где так много превосходнейших мозаичных изображений, за последнее время Венеция сошла к более фабричному производству. И это жаль, ибо таким путем второклассные строители будут думать, что самые ничтожные орнаменты могут заслуживать векового запечатления. Меня всегда радовало, что при нашей Академии Художеств была и мозаичная мастерская, помещавшаяся в отдельном, уютном строении. Таким образом, мозаика не была рассматриваема как какое-то коммерческое прикладное ремесло, а именно как одна из лучших форм высокого искусства.

1939 г.

"Из литературного наследия"

Триумф Эллады

8 мая лондонские газеты сообщили об удивительных находках в Дельфах, которые, по мнению французских и греческих археологов, являются самыми ценными изо всех когдалибо обнаруженных в Греции, да, вероятно, и в мире. Сокровища были найдены учеными, когда, сняв несколько плит, которыми вымощена священная дорога к Храму Аполлона, они открыли большой подвал со скульптурами из чистого золота и слоновой кости, относящимися к шестому веку до Рождества Христова. Сокровища были когда-то помещены в колодец, скрытый под священной дорогой. Верхний слой, под которым они были найдены, состоял из пепла. Следовательно, их поместили в колодец во время большого пожара. Были также обнаружены золотые одеяния, или покровы для изваяний, много золотых фибул, серег и дисков или плоских брошей с изящно вырезанными на них изображениями животных. Продолжая раскопки в северном направлении, археологи обнаружили еще один колодец с предметами из бронзы и золота. Французский археолог Пьер де ла Кост-Месалье заявил, что все сокровища, найденные в обоих колодцах, носят явный отпечаток влияния Востока и что они, очевидно, были созданы в греческих колониях Малой Азии.

С этими находками связаны три обстоятельства, достойные внимания. Первое. Можно было ожидать, что поблизости от величественного античного Храма Аполлона обнаружат нечто прекрасное. И теперь это свершилось. Второе. Предсказывалось, что в какой-то знаменательный день в Дельфах будут найдены значительные ценности. И вот они найдены. Третье. Заявление французского археолога весьма показательно.

На значительной части территории Индии обнаружено влияние Эллады. А теперь мы слышим авторитетное заявление о том, что новые археологические находки в таком центре, как Дельфы, носят явные следы влияния Востока. Не следует забывать, что эти находки относятся к периоду расцвета эллинского искусства. А если мы теперь рассмотрим соответственно эллинское влияние на Востоке и восточное влияние в Греции в период ее процветания, мы можем сделать весьма интересный вывод. Великий Восток был колыбелью эллинского искусства — не менее великого, которое заложило основы для будущего апофеоза искусства.

"Это — на будущее", — говорил Софокл. То же самое можно сказать об эллинском искусстве и философии вообще. Стоит

проследить, какие элементы "на будущее" воплощены в творениях таких эллинов, как Фидий, Праксителъ, Лисипп, Апеллес и другие, принадлежащие к мощной фаланге представителей всех видов изящных искусств. Эллинское искусство было живо связано с философией, вернее с философами. К тому же и искусство и философия были жизненно важными. Пифагор, Платон, Анаксагор, Сократ и все выдающиеся мыслители, которых почитал весь мир, сами были в полном смысле слова художниками. А разве Перикл — великий вождь своего народа — не был истинным покровителем Красоты и Разума? А у какого еще народа было девять Муз — покровительниц всех видов искусства и знаний? Недаром во все времена во всех странах эллинское искусство всегда почиталось как высшее проявление человеческого гения. И мы знаем, что величайшие мыслители Эллады были всегда связаны с Египтом, Индией и всеми очагами мудрости. В основе этих взаимоотношений было отнюдь не подражание, а духовное родство Великого и Прекрасного. Мы видим великую эпоху Гандхары[58]. Мы знаем, какое сильное влияние оказала Эллада на скифское искусство. Вспомним эллинское влияние в Египте, Малой Азии и по всей Азии. Поистине, благодаря своей неистощимой убедительной жизненности эллинское искусство повсюду находило почитателей и последователей. До недавнего времени обычным правилом в академиях художеств было сначала копировать классические эллинские скульптуры, а уж потом переходить к эскизам с натуры. Но я всегда советовал и советую делать наоборот: постигать эллинское искусство после уроков эскизов с натуры, потому что лишь зрелый ум может оценить истинное великолепие эллинского художественного наследия.

Я пишу эти строки в величественных Гималаях. Далеко внизу серебряной лентой извивается река Биас. У этой самой реки Александр Великий остановился в своем походе на Восток. Итак, даже здесь, в Гималаях, живет память об Элладе. Весь юг России тоже полон неувядаемых эллинских шедевров. Там, где были основаны эллинские колонии, сейчас процветает искусство. Это несомненно дар Богов, что Красота живет в тех местах, где были эллины. Истинное величие там, где жизнь и искусство неразрывны. А этот союз ведет к бессмертию!

[1939 г.]

Публикуется впервые

Перевод с английского И. Б. Доброхотовой

Останки

На горных путях к Хотану мы видели несколько пещер, когда-то служивших обителями буддийских отшельников. Их темные отверстия иногда высились на отвесных скалах так, что и подступа к ним не было. При землетрясениях и обвалах все ступени исчезли, и теперь эти тайники остались в воздухе, делясь своею тайною лишь с орлами и грифами. Спуститься с вершины горы к ним на веревках было бы целым сложным предприятием. В нижних пещерах кое-где сохранились остатки стенописи, которую не удалось еще уничтожить мусульманам и кострам каракиргизов. Впрочем, кроме таких фанатиков, стенопись имела и многих других врагов в лице ученых, которые вырезали "ради науки" целые произвольные куски фресок. Так, например, одна большая фигура Бодисаттвы[59] оказалась так четвертованной, что часть ее попала в Лондон, часть осталась в Дели, а сапоги приютились в Хотане. Кроме этих всех врагов, фрески имели еще одного, а именно мышей. Известно, что в подвалах Берлинского музея много фресок, штукатурка для которых делалась на соломе, было съедено мышами. Трудно решима проблема, как поступать с монументальными древностями. Рассекать ли их на части, чтобы они волею судеб рассыпались по музеям, или же находить средства, чтобы памятники давних расцветов искусства оставались нетронутыми — в том виде, как их соорудили первоначальные создатели. Кто знает, не превратятся ли пустыни опять в жилые места? Не назовет ли кто-либо в будущем всех разрушителей памятников каким-либо нелестным эпитетом? Жаль было видеть обобранные, полусожженные стенные украшения пещерных храмов. Ведь эти фрески были не только хороши в художественном отношении, но в них оригинально срослись заветы Индии и Ирана с несомненными также китайскими воздействиями. Каждое созерцание великих разрушенных останков наполняет какою-то неизбывною печалью. Чуется, что эти памятники без всяких вторжений могли бы почти в целом виде дожить до нашего времени и дать полную картину расцвета искусства на тех местах, которые рукою человека превращены сейчас в безотрадные пустыни. Шум подземных потоков напоминает, что живоносная влага не покинула эти места и по первому желанию человека готова опять выйти наружу и оплодотворить лессовые пески.

Особенное впечатление на нас произвели останки пещерного монастыря около Кучар. По небольшому ущелью вы попадаете как бы в обширный амфитеатр, в стенах которого находились многие

храмы и жилые кельи.

Чувствуется вся древность этого места, по которому прошли и буддисты, и несториане, и манихеи. Фрески почти все обобраны или искалечены, но чувствуется, насколько богата была первоначальная стенопись. Сейчас уже не во все пещеры можно войти. Подступы обвалились, а нижние этажи завалены. Когда вы проходите по верхним пещерам, вы чувствуете по гулкому отзвуку, что внизу должны находиться еще какие-то помещения. По теперешнему состоянию развалин к этим скрытым хранилищам нелегко добраться. Потребовалась бы большая инженерная работа, чтобы не вызвать новых разрушительных обвалов. Кроме стенописи, вы видите, сколько изображений скульптурных украшало когда-то монастырь. Теперь от них остались одни пьедесталы, иногда с обломками ступней. Вот в обширной пещере было изображение паранирваны, вот на узких карнизах между пещерами стояли многие изваяний. Внизу по всему пространству разбросан щебень и мелкие куски строительных материалов. Нет-нет и среди мусора проглянет маленький осколок фрески. По всему чувствуете, что это место было когдато величественным, населенным и любовно украшенным.

Наверное, умирание такого центра было сопряжено со многими драмами. Не одно вражеское вторжение нанесло разрушительный свой удар. Заманчиво стучать по стенам и по полу и убеждаться о каких-то скрытых пустотах. Ведь там могут быть еще целые книгохранилища. Вспоминается, как в Туанханге монах совершенно случайно нашел множество ценных рукописей, составивших известность французского ученого. Так же и Козлов в Харахото по счастливой случайности открыл главное хранилище. Помним, как один исследователь говорил, что сбитый с толку многими противоречивыми данными он в отчаянии закрутился на месте древнего города и, "случайно" остановившись в изнеможении, решил именно тут попытать счастье, и ценнейшее хранилище было открыто. Вот и здесь, в долине Кулу, где-то скрыты древнейшие манускрипты. Упорное предание говорит об этом, совпадая и с историческим иконоборством Ландармы. Но какая счастливая "случайность" приведет и к этому открытию? В долине было, по словам китайских путешественников, четырнадцать монастырей. А где они?

Публикуется впервые

Препятствующие

Из Парижа пишут: "У нас был Раймонд Вейсс, директор юридического департамента Института Кооперации, который полностью подтвердил сведения о германском давлении на второстепенные государства в целях заставить их отклонить Пакт". Чудовищно слышать, что могут находиться препятствующие в деле охранения творений гения человеческого. Помним, что во время последней международной конференции Пакта среди тридцати шести стран, единогласно поддержавших Пакт, не прозвучали голоса представителей Германии и Англии. С тех пор произошли в мире многие события, к сожалению, вполне подтвердившие неотложную насущность Пакта. Мы удивлялись, слыша, что некоторые голоса не прозвучали при обсуждении этого, казалось бы, близкого всему человечеству предмета. Если даже некоторые люди по каким-то своеобразным соображениям не желали присоединяться к единодушному решению, то ведь непозволительно даже не участвовать в обсуждении. Правда, нам приходилось слышать, что главным препятствием для некоторых государств было, что идея Пакта исходила от русского.

Мы достаточно знаем, как для некоторых людей, по какому-то непонятному атавизму, все русское является неприемлемым. Не сказать ли примеры? Также мы слышали от некоего компетентного лица, что дуче[60] охотно занялся бы Пактом, если бы идея была предоставлена ему, чтобы исходить исключительно от него. Среди огромного количества корреспонденции, связанной с Пактом, можно найти многие любопытные показания. Из таких же своеобразных соображений Джилберт Мэррей затрепыхал против Пакта и получил отповедь в парижской газете "Комедиа". Во время трех международных конференций и всяких обсуждений мы находились в Гималаях или в глубинах Азии, и только почта, иногда очень задержанная, доносила к нам разнообразные сведения.

Поучительно было видеть, как люди делились на способствующих и препятствующих. Способствующие были не эгоистами, а около препятствующих всегда крутились какие-то личные соображения. Ох, уж эти человеческие документы! Ох, уж эти лукавые улыбки и кинжалы под плащом! А в мире творится такое, что ни жизнь человеческая, ни памятники искусства и науки уже не находятся в безопасности. Удвоим усилия на охранение Культурных ценностей!

"Из литературного наследия"

(Было опубликовано с сокращениями.)

Друзьям-художникам

Велика радость слышать об успехе русского отдела на выставке в Нью-Йорке. Пишут, как высится русское здание и какие толпы восхищаются самоцветною картою Российских необъятностей. Нам столько раз в разных странах приходилось убеждаться, насколько мало представляют себе иноземцы русские пределы. Когда мы указывали на сравнительных картах эту шестую часть света, то в ответ мы получали искреннее изумление. И теперь русский отдел высится в Нью-Йорке как притягательный маяк. И еще одно своеобразное признание слышится. Злошептатели — ведь всюду найдутся завистники и клеветники — негодуют, как можно было допустить, чтобы русский отдел доминировал над всеми прочими зданиями выставки. В этом возмущении сказывается необычное признание. Так же точно с огромным успехом прошел и русский отдел на минувшей выставке в Париже. Восхищались и хорами и театром. Знатоки говорят, что русский народ есть наследник чудесного будущего.

Пишут теперь, что мир всего мира зависит от русской мощи, от русского решения. Европейские журналы пестрят изображениями жизни народов Союза. Бодрые овладетели воздухом уже сделались великим примером. Идут стройные ряды воинства, и чувствуется в несломимости их защита родины. О русском искусстве вновь громко заговорили. В то время, когда Запад утопает в сюрреализме и параноизме, русские художники утверждают реализм жизни, исторический реализм, из которого растет здоровое совершенствование. Дружные усилия исследователей открыли многие древние сокровища, захороненные в Российских пределах. Опять встали советы мужей Новгорода, и в охране этой старины звучит бодрая новизна. Оценены народом Мусоргский, Репин, Павлов и все, кто поработал на ту славу, которая теперь уже понимаема всеми народами. Многое пережито, многое строится, и народ ценит все реальные события прошлого, которые ведут к блестящему будущему. Александр Невский, Сергий Радонежский, Ломоносов, Кутузов, Суворов, Пушкин — все, потрудившиеся для подвига русского, оценены народным поклоном. В здешних далеких горах — в Гималаях — помнят, как и в Индии прошли русские, и Афанасий Тверитянин давно, в пятнадцатом веке, и Долгорукий при Акбаре оставили легенды, а теперь эти предания оживлены новыми преуспеяниями русскими. Во всех признаниях русские художники всех областей имеют почетное место. Еще раз реально

было доказано, что искусство является великим связующим звеном международным.

Мы помним, при каких трудных условиях зачинались эти мирные завоевания русского искусства. Власть имущие, бывало, вовсе не желали признать значение художества во всех его проявлениях. Но ведь расцветы народов прежде всего выражались в их творчестве, в их созидательстве, в их искусстве. Это творческое строительство проникает во все слои жизни и становится близким даже самым далеким странам. При этом, как всегда, народ русский далек от гордыни. О себе он говорит мало, но то, что он делает, само шествует по миру, и перед этим великим носителем склоняются люди в искреннем приветном поклоне.

В этом году Российская Академия Художеств справляет памятную годовщину своего основания. Всем нам, связанным званием своим с этой Академией, радостно послать друзьямхудожникам душевный привет. Радостно вспомнить, что, говоря о годовщине Академии, уместно восстановить в памяти и все пути искусства русского. Прошло то время, когда искусство считалось чем-то прикладным, низшим. Теперь, наконец, после долгих настояний, уяснили себе люди, что народное творчество, лежащее в основе всей жизни и всех продвижений, есть подлинное искусство. Во время Великой войны в мастерских для увечных воинов мы могли наблюдать, как быстро усваивали искусство взрослые люди, об искусстве как бы никогда и не помышлявшие. Но оно живо в них, и стоило лишь дать толчок, чтобы цветы творчества прекрасно распустились. Довелось наблюдать и в школе, среди тысяч учащихся, пришедших большею частью от земли, от фабрик, от всех областей труда, как быстро это молодое поколение делалось настоящими художниками. Потом многие из них возвращались к своему трудовому станку, но их особенно ценили опытные мастера, потому что во все отрасли производства они вносили основу художества. Народы Союза все прилежат к искусству, именно творческому искусству. И в этом источнике заключается неисчерпаемость. Когда мы говорили "Чаша Неотпитая", то именно думалось о том великом будущем, которое уже осуществляет народ, полный творчества и строительства. Привет всем друзьям-художникам, писанным и неписанным, знаемым и незнаемым, сынам великого народа!

Сокращенный вариант очерка датирован Н. К. Рерихом 7 июля 1939 г.

"Зажигайте сердца"

Ошибки истории

Весь мир сейчас обуян писанием мемуаров. Казалось бы, для будущего историка это обстоятельство чрезвычайно благодатно. Но так ли оно выходит на деле? Когда вы начинаете сопоставлять выходящие мемуары, касаемые однообразных событий, то вас поражает несовместимая разноголосица. Спрашивается, если уже сейчас эта разноголосица является часто неразрешимою, то что же будет со временем, когда многие впечатления сотрутся и останутся лишь голые печатные упоминания? Иногда кажется, что некоторое правильное освещение вопросов можно найти в больших энциклопедиях и справочниках, которые сейчас так щедро издаются. Беру Британскую энциклопедию, которая, казалось бы, прошла всякие строгие редакции. Нахожу и относительно себя самого и относительно Тибета явные неправильности. Если эти ошибки бросаются в глаза в предметах знакомых, то сколько же всяких таких же извращений, вероятно, найдется и в других отделах энциклопедии! Нельзя же предположить, чтобы неправильности оказались лишь в этих предметах.

Вообще положение историографа бывает чрезвычайно сложным. Перед ним лежат обширные тома классических историков, имена которых окружены мировым почитанием, но факты, изложенные ими, нередко противоречивы. Можно легко себе представить, как в классические времена — во времена всяких хроник и летописей — через многие уши и рты докатывались сведения. Когда вы едете по Средней Азии и выслушиваете все сведения длинного азийского уха, то вам так живо представляется минувшее время, когда такими же точно сведениями питались и классические историографы. Других сведений, кроме изустной передачи от путешественников и всяких странников, у них и не могло быть. Поэтому так часто наряду с солидными, основательными сведениями мелькают подробности чисто сказочные, которые вам чудятся в устах пришельцев-рассказчиков.

Говорят, что в веках история отсеивает правду. До известной степени это так и есть, но наряду с правдой кристаллизуется также и немало выдумок. Если сейчас в только что испеченных мемуарах можно находить явные противоречия, то что же сказать о далеких веках, когда даже само произношение тогдашних местных наречий до нас вообще не дошло? Ошибки истории.

Публикуется впервые

Крик пространства

Сообщают, что около Данцига построена такая мощная радиостанция, что она заглушает собой все остальные. С одной стороны, этот факт как будто не содержит в себе ничего особенного, ибо мало ли разного напряжения радиостанций может быть построено, но в существе своем это известие чрезвычайно знаменательно. Очевидно, происходит еще один вид воздушной войны. И без того человечество воспользовалось новейшими открытиями лишь для убийственных целей. Но радиовопли могли греметь по миру и обращать внимание на разные творимые бесчеловечности. Значит, кому-то потребовалось заглушить возможность таких пространственных жалоб. Кто-то пытается схватить за горло само пространство и помешать нежелательным для него оповещениям. Многозначительно такое изнасилование пространства. И трудно себе представить, что может произойти если человечество вступит и на такой путь насилия. Конечно, неразумие подскажет, что против мощной станции можно построить еще более сильную. Никто не подумает, чем может окончиться такой марафон взаимоудушения.

Наивно предполагается, что пространство может вместить любое количество энергии. Но кто же сказал, что эти дозы энергии могут быть безграничны? Люди уже убеждаются в том, что одними энергиями можно пресекать другие, более слабые. Продолжим то же соображение в прогрессии, и мы получим ужасающую войну в пространстве. Никто не будет знать пределы этой войны. Никому не может быть известно, насколько может быть изнасиловано и отравлено пространство. Одно ясно, что люди в обоюдной ненависти способны вызвать к действию самые страшные разрушительные энергии. Если в данную минуту еще не происходит какого-то потрясающего взрыва или каких-то губительных эпидемий, то это еще не значит, что их вообще не может быть. Люди опять-таки обвиняют далекие солнечные пятна во всех своих безумиях. Наука опередила человеческую психологию. Наука уже вступила в океан новых энергетических опасностей, а люди легкомысленно пытаются изнасиловать и отравить само жизнедательное пространство. Куда же приведет такой "прогресс"?

[1939 г.]

Н. К. Рерих. "Человек и природа". М., МЦР, 1994

Врачи

За всю жизнь в разных странах довелось часто встречаться с врачами. Сейчас хочется записать не о их профессиональных достижениях, но об одной общей для многих врачей черте. Они оказывались собирателями и горячими любителями искусства. Вспоминаю Голоушева, Лангового, Сергея Боткина, Вяжлинского, Двукраева, Бертенсона и многих других в разных русских городах, которые любовно и самоотверженно устремлялись к разным областям искусства. В Париже приходилось видеть французских врачей, которые оказались серьезными собирателями живописи. И в Англии обнаруживались связи врачей с художеством. Вот теперь мы видели в Латвии д-ра Феликса Лукина, а теперь д-ра Гаральда Лукина, которые так близки искусству. Вспоминаю отличное письмо Гаральда Лукина после его посещения европейских- музеев. Трогательно было видеть, как из целого обширного города, полного разнообразных привлечений, Гаральд вспоминал лишь художественные музеи и в них определенные картины, его поразившие. Помню, как трогательно писал он о картине Тициана и сколько художественных изданий прошло через руки Гаральда.

Драгоценно, если именно врачи оказываются такими пламенными почитателями искусства. Так оно и должно быть. Изучая проблемы человеческого организма, истинный врач непременно будет привлечен самыми тончайшими, самыми возвышенными показаниями. Без искусства, в конце концов, человек не может жить. Остается лишь различие в том, будет ли человек увлекаться хорошим искусством или же вульгарными суррогатами. Мы были счастливы наблюдать, что знакомые нам врачи были почитателями и собирателями хорошего искусства. Они были добрыми врачами, и врожденный вкус устремлял их к лучшим выражениям искусства.

В театрах и в концертах можно было постоянно встречать врачей, предпочитавших именно самые лучшие художественные искания. Вспомним, как близки были некоторые врачи Московскому Художественному Театру и поддерживали новые искания в то время, когда многие завзятые театралы еще были полны всяких сомнений. Вспомним и беляевские концерты, бывшие очагом лучшей русской музыки. Мы и там встречали многих врачей. Когда же был изобретен цветовой орган, а затем музыка Термена, то именно врачи (лучшие из них) были одними из первых, оценивших эти достижения. Лучшее тянется к лучшему.

1939 г.
"Рериховский вестник". Л., 1992, № 4.

Фрагменты

Когда начались переговоры о постановке "Пер Гюнта", Станиславский настаивал, чтобы я съездил в Норвегию. Сказал ему: "Раньше сделаю эскиз, как я себе представляю, а уж потом, если хотите, съезжу". Целая группа артистов поехала на фиорды, а вернувшись, нашли мои эскизы очень выразительными для Норвегии, для Ибсена. И ехать не пришлось!

То же самое произошло с "Фуэнте Овехуна". Барон Дризен прибежал восхищенный, рассказывая, как некий испанец нашел, что моя декорация вполне отвечает одному местечку около Мадрида. В Испании я не был. Много раз хотелось поехать, но все что-то мешало. Увлекательная страна. Мавры, Сид, Сервантес всегда прельщали. А Греко, а Веласкес?!

Конлан правильно вспоминает, что мы нашли "Весну Священную" в 1925 году в Кашмире, а "Половецкий стан" в Монголии. Даже жили в таких же узорных юртах. Тут уж не география, не этнография, а сказка жизни.

Но бывало, что через много лет конкретное впечатление давало тон всему настроению пьесы. Так, когда в 1915 году Музыкальная Драма ставила "Сестру Беатрису", мне вся постановка представилась под карильон[61], которым мы восхищались в Брюгге. Я просил Штейнберга написать музыкальное введение именно на тему карильона в Брюгге.

Но часто, ох, как часто, лучшие мечты оказывались искаженными. В 1913 году в "Весне Священной" заднее панно картины, к моему ужасу, вместо полусферы начали вешать павильоном со складками по углам — поперек пейзажа. Позвал Дягилева: "Смотри, что за ужас!" Дягилев вскинул монокль и, увидев, что дело безнадежно, "успокоил": "Да ведь смотретьто кто будет!" На том и кончилось. В Ковент-Гардене в 1920 году я заметил в небе "Половецкого стана" огромную заплату. "Что это?" Ответ был простой: "В Мадриде прорвали".

Жаль, что не состоялась "Принцесса Мален" в Свободном Театре в Москве. Все было готово, но случился крах антрепризы. Кто-то из меценатов взбунтовался против одного из директоров, и начался развал. Санин таинственно шепнул мне: "Забирайте эскизы и уезжайте, здесь порохом пахнет". Не однажды Санин спешил с добрым советом. Всегда нравилось, когда режиссер Санин надевал костюм хориста и вмешивался в толпу для энтузиазма. Даже в трудные часы жило в нем вдохновение.

Еще две неосуществившиеся постановки "Тристана и Изольды". Одна в Зиминском Театре в Москве, другая — в

Чикагской Опере. Зимин заказал эскизы к "Тристану" (они теперь в Московском Бахрушинском Музее). Эскизы очень понравились, и китообразный Зимин вдохновился и пригласил меня главным советником его театра за 12.000 рублей за сезон. Уговорились. "Ну, а теперь поедем в баню, вспрыснем". Мне было ведомо о деловом значении этих лукулловских пиров в бане, и я отказался. "Значит, брезгуете нами", — проворчал Зимин. Все развалилось. Другая постановка предполагалась в Чикаго. Мэри Гарден очень хотела ее. Но дирекция нашла, что старые декорации еще не слишком изношены и могут послужить. За отъездом не состоялся и балет, задуманный с Прокофьевым. Жаль! Уж очень мы любим Прокофьева.

Бывали неразрешимые проблемы с костюмами. Збруева просила восточный костюм, который бы скрыл ее полноту. Трудная задача! Отчасти удалось разрешить сочетанием красок и узора.

Был проект совместной работы с Лядовым. Но после гибели на войне его талантливого сына — моего ученика, эти планы заглохли. Одно глохло, а другое вырастало. Чего только не бывает! Вот сейчас читаем, что Тетская галерея в Лондоне отказалась принять завещанный ей рисунок Сарджента. А ведь Сарджент был в составе совета этой галереи… Недавно мы видели воспроизведение прекрасной картины Уистлера — сестры за роялем. Не верилось, что такая картина в свое время, еще так недавно была отвергнута. Неужели во все времена свирепствует тот же "закон" отвергания?

[1939 г.]

Публикуется впервые

Грамоты

Архивные документы выучили и старорусскому письму. Язык летописей тоже скоро запоминается. Иногда письма складывались под стиль грамот. Стасов ими очень забавлялся. После того, как в. князь Владимир и гр. И.И.Толстой выжили Куинджи из Академии, была написана длинная былина. Она широко разошлась в списках. К картине "Сходятся старцы" была написана целая былинная присказка. Она была напечатана в каталоге академической выставки. Многим она понравилась, но академические архонты[62] и версальские рапсоды[63] ее не одобрили. Впрочем, всегда и во всем мы обходились без архонтов и рапсодов.

Один эпизод с "грамотою" едва не имел печальные последствия. Во время университетского зачетного сочинения, шутки ради, была написана "грамота" об иконописании. Случайно она оказалась при мне в Археологической Комиссии, и я прочел ее Спицыну. При этом был и Веселовский. К моему изумлению, а затем и к ужасу "грамоту" начали читать всерьез и даже научно обсуждать ее. По некоторым выражениям нашли, что "грамота" может быть киевского происхождения. Спросили, где именно она найдена? Напечатана ли? С превеликим трудом удалось чем-то прервать опасный разговор и уйти, не обидев доброжелателей. Вспомнился Мериме и Пушкин с песнями западных славян. Вспомнился Ганка с Краледворской рукописью. Там все было всерьез, а в нашем случае — шутка, чуть не обратившаяся в драму. Профессора никогда не простили бы свое невольное заблуждение. Ведь в то время были особенные курганные находки: копейка вольного Новгорода 15-го века в руке костяка в кургане, считавшемся 11-го века. Были неолитические человекообразные фигурки. Были необычные балтийские янтари в неолитических тверских курганах. Была эмалевая пряжка в городище около Торжка. Все это было ново, а тут затесалась бы несчастная "грамота", и все испортилось бы.

И где сейчас все эти "грамоты" и записи? Диплом мой на академика был найден на Мойке. Кто знает, как он попал туда? Ведь были большие склады всяких писем, заметок, эскизов… Среди переездов не уследить за всем скарбом. Всюду что-нибудь оставалось — и в Туркестане, и в Тибете, и в Китае, и в Америке, и в Париже, и в Финляндии… Спрашивают, где многие эскизы? А кто их знает?

Публикуется впервые

Средства

Дягилев всегда нуждался в деньгах. Иначе и быть не могло. Его личные средства были невелики, а выставки, журнал, антреприза, поездки — все это требовало больших затрат. Богатей сочувственно ему улыбались, но действительная помощь трудно приходила. Именитые друзья похваливали, но кошельки были закрыты. Впрочем, так же трудно было и во всех новых делах. Однажды я спросил Дягилева, отчего он не обратится к Ага-хану, который всегда посещал его балет. Ответ был: "Даже если для него лошадиный балет поставлю, то все-таки не поможет". Иногда становилось глубоко жаль траты такой ценной энергии на розыски средств. Перед постановкою "Половецкого стана" Дягилев в день своего отъезда принес мне в счет гонорара 500 рублей. Но вечером на вокзале его так осаждали со всякими денежными требованиями, что он лишь шептал: "И зачем я Рериху 500 рублей отдал?" Если бы я был на вокзале, вернул бы ему.

Одно время налаживалась хорошая кооперация с кн. М. К. Тенишевой. Она очень ценила Дягилева. Но из-за Бенуа и эта возможность развалилась. Мария Клавдиевна очень невзлюбила Бенуа за его двуличность и называла его Тартюфом. Можно было от души удивляться, что ни правительство, ни частные лица не пришли широко на помощь замечательным начинаниям Дягилева. Конечно, благодаря своей изумительной энергии Сергей Павлович как-то умудрялся выходить из денежных затруднений, но на это уходила ценнейшая энергия. Если бы перед Дягилевым не стояли всегда денежные опасности, его планы стали бы еще грандиознее. А ведь его планы всегда были во славу русского искусства. Если теперь русское искусство ведомо по всему миру, то ведь это в большой степени есть заслуга Дягилева. Говоря это, мы нисколько не умаляем значения всех художников разных областей искусства, которые работали с Дягилевым. Он умел выбирать для каждого выступления вернейший материал. Поверх всяких личных соображений Дягилев умел делать во благо искусства. Так, например, между ним и Сомовым отношения были всегда очень плохи. Была какая-то исконная антипатия, и тем не менее Дягилев умел ценить художника. Таким деятелям, как Дягилев, нужно давать достаточные средства во имя родного искусства. Ох, средства, средства!

[1939 г.]

Публикуется впервые

Нужда

Говорим, что Дягилеву было трудно со средствами, а разве нам самим легче было?! Сколько раз искали деньги на самые необходимые нововведения в школе, и частенько ни копейки не находили. Нужен был неотложный ремонт дома и всего-то на пять тысяч рублей. Нечаев-Мальцев сказал Ильину — председателю финансовой комиссии: "Делайте, а деньги найдутся". Все поняли, что миллионер хочет покрыть этот расход. Когда же в конце года Ильин сообщил о перерасходе бюджета на пять тысяч, тот же Нечаев-Мальцев пожевал губами и сказал: "Жаль, значит деньги не нашлись". И другие пять тысяч нужны были на надстройку мастерской. Никто не отозвался. Наконец, старуха Забельская дала эти деньги, усмехнувшись при этом: "Если уж от министеров получить неможно, то уж, верно, нам придется раскошелиться".

При возникновении новых расходов Комитет всегда предлагал повысить плату учащихся. Указывалось, что если расширяются мастерские, то Общество имеет право ожидать сочувствия со стороны учащихся, тем более что у нас было шестьсот бесплатных. Действительно, так и было, но менее всего хотелось отягощать учащихся, среди которых было много неимущих. Плата в нашей школе была самая низкая, и эта основа должна была быть нерушимой. Составление бюджета было самым злосчастным днем. Знаешь о всех нуждах, а доходные статьи — не резиновые! Советуют — "прибавьте на художественные аукционы или на выставки". Но такие прибавки проблематичны. Легко приписать ноль, а как его выполнить! А если народ не придет на аукцион или не захочет купить на выставке? Комитет Общества затруднялся иногда выдать стипендию в двадцать пять рублей и делил ее на две. Хороша была стипендия в десять рублей! Инспектор и руководитель класса Химона получал сто рублей. Когда же он заболел, и я просил Нечаева дать пособие, то получился ответ, что нужда — лишь от неправильного распределения бюджета. Велик бюджет — в сто рублей! Сколько хлопот было, чтобы устроить полуслепому Врубелю нищенскую пенсию в пятьдесят рублей!

Со стороны все выглядело пышно. Две с половиной тысячи учащихся. Восемьдесят преподавателей. Два дома — на Морской и в Демидовом переулке. Четыре загородных отделения. Превосходный музей, собранный Григоровичем. Выставки. Высокие покровители, именитые члены, и за всем этим нужда, пресекавшая все лучшие начинания. Бывало, что Комитет спорил долго, кому дать пятнадцать и кому десять рублей. Помню, долго

спорили об Анисфельде. Наконец, я сказал, что доходы членов Комитета за время спора много превысили обсуждаемую сумму. Анисфельд получил пятнадцать рублей. Ужасна нужда в делах просвещения! Но несмотря на все стеснения школа наша процветала. Разительный контраст представляла Школа Штиглица. Превосходное здание, огромный капитал, высокие жалованья, щедрые заграничные командировки — словом, казалось бы, все преимущества! А между тем народ не любил Штиглицевскую школу и предпочитал нашу. Живее было у нас! Никого не зазывали. Объявлений о школе не печатали, а всегда было полно. Преподаватели лишь жаловались на переполнение. Поистине, "трудности рождают возможности".

Когда мы говорили о "Народной Академии", мы опирались на реальное положение. Наше учреждение не входило ни в одно ведомство. Было само по себе, и это очень озабочивало Государственный Совет. Каждый год ко мне приезжал чиновник, предлагая приписаться к любому ведомству. "Куда хотите — или к Императорскому Двору, или к Народному Просвещению, или к Торговле и Промышленности. Куда хотите, но не можем же мы для вас держать отдельную графу — точно особое министерство". Начинались соблазны усиленною пенсией, чинами и орденами. Чечевичная похлебка была заманчива, но того дороже была нам свобода. Всегда я спрашивал соблазнителя: "Если припишемся куда-либо, то ведь оттуда будет прислана программа и придет какой-то инспектор?" Мне отвечали: "Но ведь это пустая формальность, канцелярская отписка". Но мы были достаточно умудрены, и никакая похлебка не действовала. Иначе, похлебав, пришлось бы потом расхлебывать. Правда, наш исключительный устав был для многих бревном в глазу. Григоровичу в свое время удалось провести неподведомственное положение Общества и Школы. Ради этого стоило потерпеть даже и нужду.

Публикуется впервые

Лист

Смотрю на список почетных советников наших учреждений. Сколько умерших: Джон Абель, Джемс Беннет, Джагадис Боше, Чарльз Крэн, Ральф Доусон, Арманд Дайо, Энрико Грасси, Самуэль Гальперт, Аугусто Легиа, Юлий Лэвенстейн, Роберт Мильтон, Альберт Майкельсон, Витторио Пика, Кармело Рапикаволи, Корнелия Сэдж Квинтон, Эдвард Спицер, Люис Воксел. Кроме этих, далеко ушедших, многие больны, как например, Рабиндранат Тагор, а о некоторых давно не слышно, как например, Иван Местрович, Альберт Эйнштейн, Алексей Щусев, Николай Макаренко, Игнатий Зулоага, Хюбрехт, Метерлинк, Мажуранич, Мануйлович. Живы ли? Слышим и списываемся с Жаком Бако, А.Боссом, Гордоном Боттомлеем, Христианом Бринтоном, Жоржем Шклявером, Кумаром Халдаром, Свеном Гедином, Эдгаром Хюэтом, Александром Кауном, Чарльзом Ланманном, Теодором Оппермаком, Чарльзом Пеппером, М-ме де Во Фалипо, Леопольдом Стоковским, Уортоном Сторком, Дэдлеем Крафтсом Уатсоном. Ведут культурную работу в разных странах Рихард Рудзитис, Гаральд Лукин с сотней прекраснейших латвийских сочленов. В Литве Серафинина и Юлия Монтвид со своими группами в нескольких городах. В Таллинне Беликов, Раннит, Новосадов; в Брюгге — Тюльпинк; в Париже Пейроннэ, Марк Шено, Лоближуа, Ла Прадель, Ле Фюр, Конлан, Метальников… В Америке — Лихтманы, Фосдики, Сутро, Стоукс, Кэмпбелл, Рейнир, Брагдон, Гартнер, Кербер, Форман, Радосавлевич, Пэлиан… В Буэнос-Айресе — Хозэ Альберн; в Канаде — Феллоус; в Австралии — группа Артур Смит, Анита Мюль; в Новой Зеландии Сэтерланд; на Дальнем Востоке — Инге, Калантаевские с группами, Кэнг, Лиу… В Италии — Ассаджиоли, Паломби, Писарева; в Болгарии — Омаршевский, Стоилов; в Португалии — МадахилРоха; в Швейцарии — Шауб-Кох; в Югославии — Асеев; в Праге — Булгаков, Лосский. В Индии много друзей и сотрудников — Виас, Сен, Чаттерджи, Тандан, Кришнадаса, Мехта, Кэзенс, Махон, Кашиап, Фатулла-хан, Рамдас, Омкар, Васвани, Джагадисварананда, Тампи, Равал, Дутт, Валисинга, Сиривардхана и много, много друзей. Затем так рано ушли из земной юдоли такие деятели, как Феликс Лукин, Георгий Спасский, король Александр, король Альберт, Норвуд, митрополит Платон, д'Андиньэ, Сульэ, Шабас, Галлен-Калела, Преображенский, Вроблевский, Рущиц… Из "Мира Искусства" ушло 12 человек — целая сильная группа. Большинство ушло не в

преклонном возрасте, когда еще много работы могло быть сделано. Подошло новое поколение. Постоянно слышим о молодых. Колесо жизни движется вперед.

[1939 г.]

Публикуется впервые

Наша Академия в Нью-Йорке

Сейчас Академия помещается в Карнеги-Холл. Место выбрано удачно — центрально и привычно для посетителей концертов и всяких художественных проявлений. Если Академия окажется лишь школой объединенных искусств, то это будет только половиною ее задачи. Кроме преподавания искусства, участники Академии должны сойтись в общей работе, так сказать, во взаимопомощи. Каждый в своей области имеет какие-то распространения и часто косвенно участвует и в других областях искусства. При доброжелательстве каждый может поделиться со своими сотрудниками, и таким путем получится взаимная польза. Мало того, сочлены Академии могут жить в разных штатах и поддерживать между собою живую и взаимополезную связь. Не следует сразу задаваться слишком обширными планами. Как всегда, можно советовать расширять дело планомерно в человеческих возможностях. Поверх всего нужно помнить, что живая Академия должна состоять не только из корифеев и заслуженных деятелей. Пусть путь в Академию будет открыт и для молодых работников искусства. Нужды нет, что они в данную минуту не известны толпам. Если в них горит истинный талант и желание доброжелательного сотрудничества, то они будут незаменимыми двигателями Академии. В каждом прогрессивном деле должна быть крепкая связь с молодыми поколениями. Мы всегда на этом настаивали, и с годами такое убеждение лишь укрепилось. Вот и теперь, если Академия в Нью-Йорке хочет преуспевать, она должна постепенно собрать кадры преданных сотрудников. Это не так уже трудно, ибо программа Академии включает все области искусства, и таким путем можно легко встретить самых разнообразных даровитых деятелей. Обычно слово "академия" предполагало собрание уже испытанных, умудренных деятелей, но пора открыть двери Академии шире, чтобы облегчить доступ к сотрудничеству и молодым. Всегда останется значительным прогноз правильно угадать народившийся талант. И эта радость должна жить в стенах живых академий. Достойно угадать талант и также достойно немедленно привлечь его к содеятельности. Если Академия хочет укрепиться и развиваться, пусть ее деятели помнят этот совет о ближайшем сотрудничестве с молодыми. Каждый год выдвигает новые молодые силы. Вечно молодое обновление будет неисчерпаемо.

Публикуется впервые

Забота

Разрушена Варшава. Погибли тысячи мирных жителей. В старинном городе было немало зданий, хранивших в себе исторические воспоминания. Немало было художественных собраний. В домах хранились семейные реликвии музейного значения. Радио передает, что весь город в развалинах. Вина лежит и в защищавших, и в нападавших. Положим, что защитники города оправдываются тем, что они ожидали помощь от союзников, которая не пришла. Подумали ли нападавшие о неповторимых исторических, художественных сокровищах — не знаем. Вспоминается, что во время Египетской кампании Наполеона при войске находилось несколько ученых, которые помогли охранить некоторые памятники. Все знаем об открытии Шампольона, которое оказалось ключом к дальнейшей египтологии. Этот пример невольно вызывает вопрос: имеются ли и теперь при армиях ученые-эксперты, которые тут же на месте могут подать совет об охранении Культурных сокровищ. Если Наполеон мог подумать о сотрудничестве ученых, то ведь сейчас тем более можно бы установить такой ученый совет при войсках. В Данциге волею судеб уцелела Артусова зала, а в Варшаве исчезли многие народные сокровища. Вспоминаем не только о музеях и исторических зданиях. В каждой семье имеются родовые художественные предметы. Приходилось наблюдать, как такие предметы оказывались семейным средоточием. Иногда одна такая реликвия уже объединяла людей, которые иначе недружелюбно разбежались бы. Говорить об охране народных сокровищ как будто уже должно стать труизмом. Но вот мрачная действительность еще раз доказала, что эти заботы насущны. Невозможно подвергать исторические города современным разрушительным осадам. Пусть геройские подвиги проявляются вокруг крепостей, которые и созданы для военного применения. В прошлую великую войну русские войска, оказавшие чудеса храбрости в крепостях польских областей, добровольно отошли от Варшавы, дабы не подвергать город опасностям разрушения. К сожалению, этот пример не оказался достаточным для современного положения дела. И защитники и нападающие одинаково должны понимать, что исторические города не должны быть местом битвы. Если бы при армиях находились ученые комитеты экспертов, то многое могло быть спасено. А спасать народное достояние необходимо.

[1939 г.]

Публикуется впервые

Эпизоды

В 1906 году Комитет Общества Поощрения Художеств поручил мне ознакомиться с заграничными художественными школами. Со мною поехал и мой помощник. Первый осмотр школы в Берлине сопровождался любопытным эпизодом. Когда мы обратились к дирекции школы и предъявили наши широковещательные документы, то результат получился совершенно неожиданный. К нам отнеслись очень почтительно, но сказали, что посещение таких именитых гостей должно идти через министра. Когда же я спросил, как скоро эта процедура закончится, мне сказали, что она возьмет неделю или две недели времени. Между тем у меня уже были назначены свидания в Париже. Мой помощник упал духом и говорит: "Этак мы никогда не успеем осмотреть все намеченное". Я его успокоил, говоря: "Если нам помешали большие бумаги, то пойдем с малыми". Так и сделали — на другой же день пошли в качестве желающих поступить в школу. Ходили по всему зданию, отовсюду нас вежливо гоняли, говоря, что раньше нужно побывать в канцелярии у регистратора. Мы, конечно, не сразу нашли путь к этой канцелярии и попутно побывали во всех классах и даже обращались с разными вопросами. В канцелярии нас снабдили всеми нужными сведениями, и так как нам ничего больше не нужно было получать, то мы спокойно отъехали в Париж. Официальное разрешение осмотреть школу нагнало меня уже в Швейцарии. С удовольствием вспоминаю посещение мастерской Ходлера; и картины его и сам он мне очень понравился. Шауб-Кох поэтому-то и хочет писать статью "Рерих — Ходлер — Сегантини".

Поездки вообще нелегко устраивались; пока я был секретарем Общества Поощрения, постоянно возникали какие-то спешные обстоятельства, и приходилось по телеграмме спешно возвращаться. Помню, как после свадьбы была разрешена поездка в Москву, а через три дня получилась телеграмма, вызывающая на спешное заседание Комитета. Пришлось вернуться. Запоминается и другой курьезный эпизод. Мы были тогда около станции Окуловка, вдруг получается телеграмма от принцессы Ольденбургской с просьбою быть у нее на другой день в восьмом часу утра. (Мой доклад у нее был самым ранним). Вечером же я уехал в Питер, и едва успел переодеться — поспешил с докладом. Доклад продолжился около часа, и мне показалось, что я, если не буду заезжать домой, то еще поспею на утренний Севастопольский поезд на Николаевский вокзал. Так и случилось, и после полудня я уже был в Окуловке. День был жаркий, а нужно

было несколько верст пройти около полотна железной дороги. И вот, сняв пальто, я зашагал во фраке и цилиндре к вящему изумлению стрелочников и прочих встречных. Кончилось тем, что наша прислуга чуть не упала в обморок, приняв меня за привидение, ибо никто не мог ожидать такого быстрого возвращения. Впрочем, такие фрачные прогулки были не раз. Из Петергофа мы с Зарубиным решили пройтись до следующей станции и тоже шествовали во фраках — вероятно, кое-кто нас принимал за официантов. Все это благодушные эпизоды. Но бывали и очень драматические.

Однажды у нас были гости, и мы спокойно беседовали, когда прибежал взволнованный Максим, служитель, и, не стесняясь присутствующими, заявил дрожащим голосом: "Барон Врангель очень больно Михаила Петровича Боткина в глаз ударил". Оказывается, в выставочном зале произошла целая драма. Устраивалась выставка старинной живописи, а по пожарным условиям градоначальник запретил открытие. Боткин пошел предупредить выставочный комитет об этом запрещении, а Врангель, думая, что виновником всего является сам Боткин, грубейшим образом кулаком ударил его в глаз. Было очень прискорбно, ибо именно в этом случае Боткин не был виноват. Думается, что это потрясение было началом смертельной болезни Боткина.

Бесконечное количество эпизодов возникает около искусства. Всякие удачи и неудачи выставок иногда зависят от таких странных стечений обстоятельств, что наблюдать их является настоящею школою жизни. Бывали и символические, и настоящие пожары. Требовалось немалое присутствие духа тушить пламя. Чего только не было!

[1939 г.]

Публикуется впервые

Небесное зодчество

От самых ранних лет небесное зодчество давало одну из самых больших радостей. Среди первых детских воспоминаний прежде всего вырастают прекрасные узорные облака. Вечное движение, щедрые перестроения, мощное творчество надолго привязывало глаз ввысь. Чудные животные, богатыри, сражающиеся с драконами, белые кони с волнистыми гривами, ладьи с цветными золочеными парусами, заманчивые призрачные горы — чего только не было в этих бесконечно богатых неисчерпаемых картинах небесных! Без них и охота и первые раскопки не были бы так привлекательны, и в раскопках и в большинстве охот глаз все-таки устремлен вниз, и это не наскучит, лишь зная, что вверху уже готова заманчивая картина. Сколько раз из-за прекрасного облака благополучно улетал вальдшнеп или стая уток и гусей спасалась неприкосновенно! Курганы становились особенно величественными, когда они рисовались на фоне богатства облаков. На картине "Морской бой" — первоначально все небо было занято летящими валькириями[64], но затем захотелось убрать их, построив медно-звучащие облака — пусть сражаются незримо. Картины "Небесный бой", "Видение", "Веление Неба", "Ждущая Карелия" и многие другие построены исключительно на облачных образованиях. Прекрасна и небесная синева, особенно же когда она на высотах делается темно-ультрамариновой, почти фиолетовой. Когда мы замерзали на Тибетских нагорьях, то облачные миражи были одним из лучших утешений. Доктор говорил нам, прощаясь вечером: "До свидания, а может быть, и прощайте — вот так люди и замерзают". Но в то же время уже сияли мириады звезд, и эти "звездные руны" напоминали, что ни печаль, ни отчаяние неуместны. Были картины "Звездные руны" и "Звезда героя", и "Звезда Матери Мира", построенные на богатствах ночного небосклона. И в самые трудные дни один взгляд на звездную красоту уже меняет настроение; беспредельное делает и мысли возвышенными. Люди определенно делятся на два вида. Одни умеют радоваться небесному зодчеству, а для других оно молчит или, вернее, сердца их безмолвствуют. Но дети умеют радоваться облакам и возвышают свое воображение. А ведь воображение наше — лишь следствие наблюдательности. И каждому от первых его дней уже предлагается несказуемая по красоте своей небесная книга. Была и картина "Книга голубиная".

(1939 г.)

"Из литературного наследия"

Реализм

Сюрреализм и большинство всяких "измов" не имеют путей в будущее. Можно проследить, что человечество, когда наступали сроки обновления, возвращалось к так называемому реализму. Под этим названием предполагалось отображение действительности.

Вот и теперь русский народ убрал всякие "измы", чтобы заменить их реализмом. В этом решении опять сказывается русская смекалка. Вместо блуждания в трущобах непонятностей народ хочет познать и отобразить действительность. Сердце народное отлично знает, что от реализма открыты все пути. Самое реальное творчество может быть прекрасно по колориту, может иметь внушительную форму и не убоится увлекательного содержания.

Целые десятилетия люди мечтали и спорили о каком-то чистом искусстве. Отреклись от содержания, сюжетность сделалась жупелом, а в то же время засматривались на те старинные произведения, в которых мастера не избегали темы.

Мало того, что в старом итальянском и нидерландском искусстве картина имела содержание, но даже французские художники, всюду признанные, очень заботились о темах своих картин. Стоит прочитать письма Энгра, Делакруа и даже Гогена, чтобы убедиться, насколько свободно мыслили эти прекрасные художники.

Иначе и не могло быть; бесконечные говорения о чистом искусстве и ограждение его от всяких привхождений сделали то, что искусство перестало быть свободным. Последователь всяких "измов", произнося свои заклинания, заключал себя в заколдованный круг всяких запрещений. А в то же время Рафаэль или Леонардо, получавшие от заказчиков точные описания содержания им порученных картин, оставались свободными. В своем широком размахе они умели вместить любые условия, не понижая достоинства своего творения.

Вот к этой-то истинной свободе замысла и выполнения и должны стремиться те, которые возлюбили реализм как прочную отправную точку. Путь реализма не обманет, и широкое воображение русского народа поможет сделать отображение действительности истинными цветами возрождения.

Сюрреализм в творческой скудости хотел представить ботичеллевскую Венеру с рыбьей головой, а Аполлона вообще безликим в соломенной шляпе. Художники широких замыслов, как Гойя или Эль Греко, изумились бы такому скудоумию. Значит,

"измы" зашли в тупик. Пусть же красота и богатство действительности в своем реальном отображении будут основами крепкими.

Рыбья Венера вызвала не менее своеобразные осуждения. Знатоки сказали, что рыбья голова неуместна, но если бы художник снабдил Венеру рыбьим хвостом, то это было бы вполне приемлемо. Автор рыбьей Венеры довольно справедливо заметил, что, вероятно, и первое изображение женщины с рыбьим хвостом было тоже осуждено. Впрочем, что говорить о разных осуждениях. Прекрасные картины Пюви де Шаванна и Уистлера были отвергаемы академическими авторитетами, а в Стокгольмском Музее можно видеть отличную картину Рембрандта, не принятую в свое время городской ратушей. Всяко бывало. Но пути простейшие, пути вдохновенные приведут к Красоте.

"Октябрь", 1958, № 10.

Мечи

Мечи войны не раз пресекали наши самые лучшие возможности. При начале русско-японской войны обстоятельства испортили поступление семидесяти пяти моих картин в Русский Музей. За четыре часа до объявления войны вся эта сюита была приобретена для Музея, затем в силу экстраординарных обстоятельств дело оттянулось, а тут подвернулся Грюнвальд с выставкою в Сен-Луи, и в печальном результате все эти картины рассыпались по Америке и Канаде. Тогда же вследствие войны были навсегда отложены полезные реформы Школы Общества Поощрения Художеств. Великая война, в свою очередь, нанесла многие ущербы нашей Культурной работе. Не состоялось осуществление моего проекта Народной Академии Художеств. Не состоялась моя большая выставка, комитет которой уже работал.

Нынешняя война уже в самом начале своем причинила ущербы. Турне нашей выставки по Индии начало протекать в неестественных условиях. "Фламма" должна была прекратиться, ибо даже высылка этого журнала за границу сделалась невозможной. Хотя осенний номер был выслан подписчикам еще тридцатого августа, но он уже был возвращен с почты со штемпелем, что "сношения прерваны". При таких противоестественных условиях даже самые лучшие и простейшие начинания должны страдать. Когда мы в свое время указывали на всякие препоны, чинимые Культурным делам во время войны и прочих неурядиц, нам говорили, что наши опасения чрезмерны. Говорили, что музеи существуют, театры действуют… Но вот дожили до того, что музеи должны быть отправлены в какие-то подземелья. Университеты закрываются. Многие театральные постановки, наверное, отменены, хотя среди военных мер кинематограф едет на фронт. Некоторые люди еще пытаются заявить, что вся Культурная работа нисколько не умалена военными обстоятельствами. Такое заявление, по меньшей мере, будет фарисейским. Военные обстоятельства прямо или косвенно вторглись во всю жизнь. Несмотря на запреты, жизнь дорожает, культурная промышленность сократилась, появились новые орды безработных. Среди всех этих бед появилось еще одно лицемерие — все тайные враги Культуры нашли новый предлог, чтобы уклониться от всякого участия в просветительных делах. Эти тайные враги Культуры подчас даже страшнее врагов явных.

Публикуется впервые

Больной год

Этот год оказался больным во всех отношениях. Все мы переболели. Если подсчитать все болести, то выйдет, что ими была занята большая часть года. И сердце, и невралгия, и гланды, и зубы, и глаза, и всякие раздражения слизистых оболочек, и лихорадки. Удивительно, как все сгустилось и в каких неожиданных формах. Впрочем, и все в мире столкнулось неожиданно. Отовсюду пишут о плохом здоровье. Всюду жалуются. А положение все усложняется.

Конечно, и в прошлом было немало болезней — и печень, и пневмония, и всякие виды инфлуэнцы. Требовался и Кисловодск, и Нейенар. Врачи — Двукраев, Романовский, Цейдлер, Бертенсон иногда даже устрашали. Бодрее всех был Двукраев. Его формула — "ближе к земле" запомнилась.

Лучше всего мы чувствовали себя на тибетских нагорьях; казалось, мы были окружены всякими опасностями и невзгодами, но весь путь устояли в палатках, на крепчайшем морозе. Удивительно, как выдержала Е. И. Только раз в Нагчу было у ней такое воспламенение центров, что можно было опасаться — как выдержит. На морозе — огнем горела. Но и это прошло. Вообще азийские просторы — целительны. Вспоминаем и финские снега 1916-17. Они переломили отвратительную пневмонию. Морозно было в Сердоболе и на Ладожских островах. Полыхало северное сияние, и звенел и благоухал снежный воздух. Не раз на Гималаях вспоминали мы эти снежные сияния.

Здесь превосходен горный воздух. Здесь горные сияния, названные Гималайскими свечениями. Целая сказочная горная страна. Почему же этот год выдался таким больным? Люди ли его отравили? Снизились ли потрясающие пространственные токи? Не удивимся, если ожесточенная, свирепая мысль человеческая отравляет пространство.

В университетах теперь начали изучать мысль и мозговую деятельность. Наконец-то признали, какою мощною энергией обладает человечество. Уже давно знали, что взрывы могут вызывать дождь. Таким путем познается энергетическая основа. Может быть, скоро поймет человек, что его мысль есть рассадник и вреда и блага.

Весь словарь лукавства и предательства произнесен потрясенным человечеством. Но не в произнесении, а в мысли несказанной главная сила. Кто знает, на какие расстояния действует мегафон мысли? Много новых разновидностей болезней сейчас в мире. Многие не опознаны. Некоторые

принимают вид эпидемий. Не мысль ли их творит? Больной нынешний год.

1939 г.

"Из литературного наследия" (Было опубликовано с сокращениями)

Паспорта

Наш трехаршинный китайский паспорт вызывал немало шуток. В нем после перечисления наших имен следовало и перечисление наших вещей. Таким образом, каждый наш сундук уже имел паспорт. В гостиницах очень удивлялись такой длиннейшей бумаге, но бумага была хорошая, настоящая китайская, иероглифы были красивы, а квадратные красные печати были очень внушительны. Правда, концы бумаги поиздержались в пути — их пришлось подклеить. Затем в центре нам было дано удостоверение, которое сменилось на паспорт монгольского правительства. Он уже не был так длинен и отлично служил нам. В конце концов, президент Думерг распорядился выдать почетный французский паспорт, который хотя и не делал нас французскими гражданами, но прекрасно служил при переездах из страны в страну. Когда мы спросили одного французского министра, какое положение нам давала хорошенькая коричневая французская книжечка, он, улыбнувшись, сказал: "Ву зэт ен протэжэ спесиаль де ла франс"[65]. На вокзалах и в гостиницах бросаются в глаза широковещательные приглашения посетить разные страны. Сколько иностранцев с завистью смотрят на эти заманчивые плакаты и говорят себе: хорошо сказать — поезжай, а визы-то где? Нелегко бывало с визами, и целая папка в архиве свидетельствует о таких перипетиях, изобретенных современной цивилизацией.

Когда в декабре тысяча девятьсот шестнадцатого года мы, по моей болезни, выехали в Финляндию, странно вспомнить теперь, как легко и естественно тогда на паспорте оказался штемпель Выборга. Потом надолго мы вообще забыли о паспортах, ибо оказалось, что мое имя было лучшим паспортом. В Америке же о паспортах и не слыхали. Странно подумать, что вместо облегчения сообщений современная цивилизация настроила такие нелепые барьеры, которые иногда не под силу даже лучшим скаковым лошадям, а мирным путникам-пешеходам и подавно. Еще хорошо, что пути искусства и науки встречают некоторое сочувствие иногда.

Вообще странные вещи творятся в мире. Казалось бы, все изобретения должны лишь облегчать и упрощать обиход. На деле же происходит как раз обратное. Гоголь восклицал: "Скучно жить на этом свете!". Можно сказать — "трудно жить на этом свете". Тем более радостно видеть истинное строительство. При нем и уродливый вопрос паспортов станет на место.

Публикуется впервые

Будущее

Вы спрашиваете меня о будущем некоторых стран и кончаете словами Бернарда Шоу, что "красный человек степей победит". Отвечу Вам вне географических ограничений. Сейчас и страны переименовываются и границы народов единого человечества колеблются.

Армагеддон, разгоревшийся в 1936 году, напомнил человечеству, какие именно основы создадут светлое будущее. Победит тот, кто сумеет покрыть механическую цивилизацию истинною Культурою.

Человечество переживает труднейший период переоценки ценностей, когда Культура проникает в широкие массы и совершается сдвиг сознания. Каждый деятель, понимающий значение Культуры, знает, насколько нелегко бороться с ветхими предрассудками и идти навстречу новому сознанию, открытому в сердцах молодых.

Во всей моей деятельности мне довелось близко встречаться с молодежью и удостоверяться, насколько легко и естественно они мыслят об обновлении жизни, пока в них не проникнет ханжеская зараза предрассудков. Дети от самых ранних лет любят, когда им поручается работа взрослых, но по мере роста они заражаются "детскими" играми, вроде гольфа, футбола, кулачных боев. Свиноподобное занятие валяться и бороться в грязи, к удивлению, находит своих энтузиастов. Такое времяпрепровождение, конечно, никто не назовет культурным, ибо здоровый физический спорт не имеет ничего общего с безобразием приведенных уродств.

Победит тот, кто любит труд и понимает, что не золото, но именно трудовая единица является истинною ценностью. Преуспеют те народы, которые понимают красоту труда и не стремятся во что бы [то] ни стало иметь "гуд тайм". Конечно, может быть в отупении "гуд тайма" они стремятся прикрыть свою духовную нищету. Истинное доброе время может быть в возможности непрерывно творить свой любимый труд. Ведь и отдых заключается не в отупении, но в разумной смене труда и в накоплении новых впечатлений и творческих мыслей.

Происходящие переселения и переустройства имеют глубокое значение. В трудностях своих народы своеобразно преуспевают в сложении лучшего будущего.

Вы спрашиваете также о положении в Европе нашего Пакта о Сохранении Культурных ценностей. Кто-то ему радуется, а некоторые не понимают его просветительного смысла. При

начале европейской войны французские газеты вспомнили о Пакте. Впрочем, не забудем, что и идея Красного Креста осуществилась лишь через семнадцать лет, а Казалось бы, уже чего проще она! Во всей жизни мы видим, что наиболее нужное встречает и наибольшие затруднения.

Победит тот, кто в основу поставит великое сотрудничество, любовь к труду и преданность Культуре. Искусство, наука и познание силы мысли приблизят светлое будущее.

[1939 г.]

Публикуется впервые

Памятки

Добрый друг, вы спрашиваете подробности моей театральной работы. Удивляетесь, что в Париже о ней мало знают. Между тем дело очень просто: сам я в Париже бывал не часто и кратко. С 1923-го — в Индии, в Азии. Враги, о которых вы знаете, не дремали, являясь главными информаторами о русском искусстве. А некоторые друзья по робости умалчивали. Среди моих работ две группы, а именно театральная и настенные украшения, довольно многочисленны.

Припоминаю список фресок, мозаик и керамик: "Сибирский Фриз" — у кн. С. А. Щербатова, "Северный Фриз" — в Русском Музее, в керамике — на доме Страхового Общества, мозаики — в Почаеве, в Шлиссельбурге в Талашкине, в Пархомовке; стенопись — в Смоленске у кн. М. К. Тенишевой, часовня — во Пскове, панно для Ниццы, "Казань" и "Керженец" — Правление Московско-Казахской железной дороги, иконостас — в Перми, "Богатырский фриз" — в доме Бажанова в Петрограде, "Хозяин дома" (стекло) — в Америке.

Также немало и театральных постановок, и прошедших и оставшихся в эскизах. В приблизительном порядке припоминаю: "Валькирия", "Три Мага", "Фуэнте-Овехунд", "Снегурочка" (три постановки в России, во Франции и в Америке); "Князь Игорь" (Париж и Лондон), "Псковитянка", "Весна Священная" (две версии Париж и Америка), "Пер Гюнт" (Московский Художественный Театр), "Принцесса Мален", "Сестра Беатриса" (Музыкальная Драма), "Садко", "Царь Салтан" (для Ковент-Гарден), "Тристан и Изольда" (для Чикаго), часть "Хованщины", часть "Руслана и Людмилы"… Кроме того, были эскизы для пьесы Ремизова, для предполагавшейся мистерии "Пешное действо", для "Пелеаса и Мелисанды", для "Башни ужаса", для "Ункрады", для "Монголов", "Теней" и других несбывшихся начинаний.

Конечно, при каждой постановке было немало и встреч, и радостей, и огорчений. Без ошибки можно сказать, что в каждом случае что-то не удавалось сделать так, как хотелось. Всегда возникали самые странные затруднения, по большей части финансового характера или зависящие от размера сцены и технического ее оборудования. То нельзя было дать правильное освещение, то невозможно было сделать в нужном месте люк или же не было приспособлений для круглого горизонта.

Вообще и в театральных и в настенных работах можно учиться терпению. Сколько раз часть участников хотела одно, а другие настаивали на противоположном! Из всех театральных

встреч самая впечатлительная была со Станиславским. Каждый раз он вносил дружественную освежающую атмосферу и никогда не перечил. Так же сердечен всегда бывал Санин, умевший понять мысль художника. Не говорю о Дягилеве, ибо уже не раз отмечал, как мы его любили и ценили его широкие взгляды. Все это уже ушедшие. И многие другие уже ушли, а о прочих не слышно в наших Гималаях. Уже нет Шаляпина, Головина, Коровина, Павловой… Неизлечим бедный Нижинский — всегда вспоминаю его при первом представлении "Весны Священной". Бывали противодействия со стороны А.Бенуа, но об этом вы уже сами достаточно осведомлены. В переездах теряются письма и разные заметки. Где уж тут все вспомнить?.. А новые планы и работы обращают к будущему.

[1939 г.]

Публикуется впервые

Содружник

Письмо Ваше дошло в наши далекие горы. Очевидно, Вы чувствуете сейчас все то, что каждый чуткий человек сейчас и должен чувствовать. Переживаемое всеми "сейчас" очень тяжко, и Армагеддон достигает своего потрясающего развития. Тем более становятся нужными духовные нити, объединяющие всех единомыслящих к добру. Вы пишете о том, что Вам трудно. Поистине, кому сейчас может быть легко? По счастью, даже и в самых трудных обстоятельствах человек не лишен возможности творить добро. Каждый кого-то встречает, каждый с кем-то переписывается и при этом может просочить слово ободрения и радости. Знаем, что могут быть времена даже хуже войны. За последнее время все были свидетелями таких падений человечества. Значит, тем бодрее и сильнее должно быть противостояние всех, устремленных ко благу. Человеческие смуты дошли до такого напряжения, что даже почтовые сношения становятся трудными. Просят не писать длинных писем и по возможности вообще не затруднять цензуру. Понимаем, что и такие меры своевременны, но подчас из-за них прерываются дружеские связи. Ведь не все долготерпеливы, не все принимают во внимание временные местные условия. По этим же причинам пришлось ради пользы друзей сжать, а то и прекратить переписку с Дальним Востоком. Некоторые оценивают это, а другие, вероятно, внутренне сетуют, не всегда понимая, что это делается для их же собственной пользы.

Имеете ли Вы все книги Живой Этики? В них так много нужных ко времени наставлений! Ведь не только нужно прочесть их, но и глубоко усвоить, чтобы основы жизни были применяемы во всем земножитейском быту. Если у Вас не имеется полной серии четырнадцати книг, мы с удовольствием прислали бы Вам недостающие, но, к сожалению, сейчас это очень трудно сделать, ибо для пересылки печатного материала требуется особое и труднодостижимое разрешение. Ведь мы так же, как и Вы, находимся в странах, подверженных военным условиям.

Вы пишете о многих огорчениях и разочарованиях, постигших Вас в отношении лиц, которые при ближайшем знакомстве не оказались на высоте. Увы, это явление нередкое. Вероятно, мы такого же мнения о тех лицах, которых Вы имеете в виду. Но это не меняет существа дела. Эволюция совершается поверх некоторых житейских препятствий. "Много позванных и мало избранных". По закону Бытия, все стремится к Свету, но не забудем, какие мрачные фантомы лепятся иногда около лампады.

Какие страшные жуки налетают наряду с прекрасными бабочками к пламени Света! Даже в самые трудные минуты спасительным якорем является труд. Каждому приходится испытывать множество несправедливостей и таких несправедливостей, о которых даже трудно вообразить, что они еще могут существовать в мире. Вот тут-то якорь труда, труда творчества и будет особенно важен. В наше время Карма Йога, которая лежит в основе Агни Йоги, является наиболее остро нужной. В каждом своем положении человек может так или иначе честно трудиться. В каждом труде можно желать выявить лучшее качество, и в этом поиске будет уже стремление к эволюции, которая есть наше общее назначение. Труд, кроме того, что он полезен всему мирозданию, он прежде всего полезен для самого трудящегося, создавая ту эманацию, которая противостоит всем отравленным слоям атмосферы и своим напряжением укрепляет и развивает драгоценную психическую энергию. Наука о мысли и о психической энергии будет наукою будущего, ибо сейчас эти области затронуты лишь отчасти, точно бы они не подлежали научному исследованию. Конечно, в дни войны всякая Культурная работа особенно страдает, таков закон человеческий. Но помимо этого невежественного обычая, эволюция все же совершается, и труд является в своем совершенствовании качества ее лучшим пособником. Не знаю, каким именно трудом Вы сейчас заняты, но во всяком случае. Вы можете трудиться, и в этом большое счастье. Вид труда не имеет никакого значения. Кроме того, Вы имеете друзей-единомышленников и потому не можете чувствовать одиночества. Есть великий смысл в том, что люди, направленные к добру, часто оказываются рассеянными в мире. Получается незримая сеть добротворчества. Итак, будьте бодры, помогайте всюду, где можете помочь во имя Добра, и верьте в светлое будущее Родины.

1939 г.

Публикуется впервые

Племя молодое

"Здравствуй, племя молодое, незнакомое…" Да разве уж такое незнакомое? Если вспомним о лучших устремлениях, о доверчивости, о желании что-то сделать полезное, то и незнакомство отпадает. А все молодое — доходчиво и любит движение. С молодых лет судьба поставила нас близко к учащейся молодежи. В этом — великое благо. Два десятка лет перед нами ежегодно проходили самые разнообразные учащиеся. Среди них были самые неожиданные и, казалось бы, трудные характеры, но все же нельзя их назвать племенем незнакомым. Лучшее жизненное испытание оказывается в общении с молодыми. Если хотите остаться молодым, то не прерывайте этих светлых общений. Молодежь хочет победить житейские трудности. Молодежь имеет запас мужества, который потом часто растрачивается и сменяется слабоволием и сомнением. Считается, что смена поколений происходит через двадцать лет. Но, кроме того, каждый год кто-то подходит обновляющий, мятущийся, ищущий.

Хорошо, что пришлось иметь дело именно с трудящейся молодежью. Ее было в нашем окружении больше, нежели обеспеченной и богатой. Показательно было наблюдать, как и в самых трудных бытовых условиях молодые дарования стойко развивались. Такие наблюдения тем дороже, что в них заключается не сентиментальное предположение, но самая светлая действительность. Трудовая молодежь отдавала свои дарования не только станковой живописи, но и решительно всем проявлениям народного искусства. Мы всегда указывали, что нелепое название "художественная промышленность" должно быть отставлено и заменено широким понятием искусства. Сколько раз приходилось указывать, что пуговица, сработанная Бенвенуто Челлини, будет гораздо выше, нежели множество холстов в широчайших золотых рамах. В распространении правильного понимания искусства помогала нам фабричная молодежь. Она приходила к нам уже оттуда в желании внести в ту же фабрику высокие художественные понимания. Прошедших школу фабрика повышала в должностях, и их утонченный вкус позволял им совершенно иначе отнестись к понятию труда. Только таким народным посевом можно создавать племя молодое, новое и знакомое по общим устремлениям к высокому качеству труда. Народам опять придется вернуться к основе высокого просвещения и творчества. После войн, после обороны и защиты главное внимание сосредоточится на строительстве во

всех областях жизни. Племя молодое, племя народных художников, будет оплотом многих достижений. "Здравствуй, племя молодое, нам знакомое…"

[1939 г.]

"Литературные записки", Рига, 1940

Подробности

Вы спрашиваете о подробностях разгрома русского художественного отдела на выставке в Сен-Луи в 1906 году. Прискорбны эти подробности. Коммерсант Грюнвальд задумал устроить на выставке в Сен-Луи — первый раз в Америке — большой отдел русского искусства. Было собрано восемьсот русских картин, среди которых были вещи очень известных художников. Моих там было 75 вещей, из них "Сходятся старцы" и этюды русской старины. Грюнвальд не сумел или не успел заплатить пошлину за какие-то проданные картины. Весь Русский отдел был арестован и назначен к принудительной продаже с торгов. Узнав о таком разгроме, русские художники заволновались. Писали в разные учреждения, обращались к русскому послу в Вашингтоне, а затем, не получив удовлетворительных ответов, обратились "на Высочайшее Имя". Во главе комиссии художников был Владимир Маковский и еще несколько академиков. На первом обращении была сделана высочайшая резолюция — "Следует помочь художникам". Но Министерство выразило недоумение о том, каким образом следует помочь художникам? Потребовалось вновь обратиться "на Высочайшее Имя", а в то время, очевидно, кто-то что-то подшепнул и произошла непонятная резолюция — "отказать". Пока шла вся эта переписка, прилетела весть о том, что американская таможня, ничем не смущаясь, продала с аукциона весь Русский художественный отдел выставки.

Мы никогда так и не узнали прискорбные обстоятельства этого аукциона. Они были настолько безобразны, что, когда будучи в Америке, я пытался о них расспрашивать, то Бринтон и некоторые другие причастные к искусству американцы лишь конфузливо махали руками и сокрушенно пожимали плечами. 800 картин разлетелось по всем штатам Америки, по Канаде и, кажется, в Южной Америке. О моих картинах я лишь узнал, что 35 оказалось в музее Калифорнии, затем обнаружилось еще шесть у частных собирателей, а остальные, кажется, ушли куда-то в Канаду. Словом, получился неслыханный разгром Русского отдела, нанесший вред не только русским художникам, но и престижу русского искусства вообще. Удивительно, что государство могло допустить такой акт со стороны своей таможни! Слыхано ли, чтобы отдел официальной выставки, признанной государством, мог быть так безжалостно разгромлен!

(1939 г.)

"Из литературного наследия"

Псков

Псковский край близок нам по многим причинам. Бабушка Татьяна Ивановна Коркунова-Калашникова была исконной псковичкой. Эти фамилии с древних времен связаны с Псковом. Одни из первых моих археологических изысканий тоже относятся к Псковской области. А область эта очень красива и богата древними поселениями. Вспомним Вышгород и все прилегающие к нему различноцветные холмы, леса, озера и пестрые пашни. Порховский уезд — один из самых живописных. В нем много старинных усадьб. Одни из самых первых староусадебных впечатлений связаны именно с Порховским уездом.

Помню, как еду на почтовых лошадках в воскресный день по большому селу. Ямщик, уже знающий о моих археологических поисках, советует: "А вы бы зашли сейчас в церковь — там и помещики и земский начальник — всех там увидите". Так и сделалось. Сразу я попал в круг местных помещиков, и ближайший из них радушно и настоятельно пригласил остановиться у него.

В то же время я услышал происходящий сзади тихий разговор. Жена другого помещика истерически выговаривала своему мужу: "Вот ты всегда опоздаешь. Другие успеют пригласить, а мы не причем". Сконфуженный помещик подошел ко мне и шепотом просил не обойти их усадьбу. Зная, что ему грозила бы семейная неприятность, я обещал побыть и у них. Тут же находился и третий помещик, многозначительно напомнивший о том, что его усадьба невдалеке и приезжие не обходят его.

Итак, часть времени прошла в первой усадьбе, затем удалось ублаготворить и вторую семью, а конец раскопок сопровождался незабываемым эпизодом. Когда уже звенели почтовые бубенцы, вдруг из-за перелеска выскочила целая борзая охота. Третий помещик с рогом через плечо и с нагайкой, подбоченясь, пересек дорогу моему тарантасу. "А меня-то забыли — ведь так люди не поступают. Как же прикажете понимать ваше поведение?" Пришлось отговориться спешным вызовом и дать обещание непременно побывать в каком-то ближайшем будущем.

В том же краю на подъезде одной старинной усадьбы красовалась большая надпись, вырезанная славянской вязью: "Незваный гость хуже татарина", что впрочем совершенно не отвечало радушному характеру обитателей этого екатерининских времен дома. Там была превосходная старинная библиотека. А сколько древностей было рассыпано в частных домах самого

Пскова! Все эти сокровища терпеливо ожидали свою судьбу. Какую судьбу?

[1939 г.]

Публикуется впервые

Старые письма

25 Февраля 1922 г.

Дорогой Николай Константинович!

Хотел забежать в Вам вчера вечером, чтобы обнять перед отъездом, но ввалилась ко мне какая-то предпринимательница, интересующаяся апельсинами, задушила душевные порывы.

Ваши рукописи со мною в каюте; с удовольствием жду того момента, когда спокойно смогу подумать над ними, — а затем поговорить с Дягилевым.

Целую Вас крепко, С. Прокофьев.

19 Марта 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович! Вчера Анат. Ефимович сообщил мне печальную весть, что Вы очень скоро, всего, б[ыть] м(ожет], через несколько дней можете уехать в Европу. Это производит такое впечатление, как будто я должен ослепнуть на один глаз: ведь Вы единственная моя живая связь со всем миром, который лежит к Западу от прекрасного Тюрисева. И значит — и видеться не будем? И говорить не будем? Дорогой мой, если это действительно случится, приезжайте хоть на один вечерок, переночуете у меня, будем говорить!

Л. Андреев.

1920 г.

Дорогой друг, Николай Константинович! Многое прошло. Так бывает, но никогда не могло бы случиться, чтобы я забыл Вас. Я до сих пор вижу Вас (сейчас еще яснее вижу) среди ржаной Расеи, среди зверей, говорящих и даже мыслящих. И вот как вижу Вас: все тем же божком под небом, только теперь, подле Вас, столпились граждане; они выкопали божка из земли, разглядывают. Помню Вашу голову, — молнии на лбу и так хорошо идет к ней материал из камня. Если мой колорит — ржаной, то Ваш — каменный.

Как хорошо, что Вы не живете в Париже! Здесь даже некому писать: чем-то похожи на лакеев, ну а другие — сплошь жулики. Среднее нечто между ними — русские. И хочется быть подальше ото всех. И дай Бог, чтобы Вам было хорошо там, где Вы есть. Ничего не зная о Вас, я все же думаю, что Ваша энергия и ум везде сделают свое, уж не говорю о Вашем искусстве, о Вашей "планете", которая всех давно очаровала. Григорьев.

1923 г.

Дорогой Николай Константинович! Такой Вы близкий мне и сердцу и уму. Тронут Вашим письмом, полным загадки, мистики между строк и кипучей мысли в самих строках. Я верю Вам,

каждому движению Вашего сердца и каждому решению Вашего ума. Давно скучаю без Ваших работ, где по-старому живо творчество и видна любовь к искусству. Сколько раз тут я буйно говорил о Вас, не сличая Вас ни с кем. В этом Ваша и сила — Вы одиноки и тем и обаятельны. Потому-то сейчас, как никогда, стало трудно быть самим собою — одиноким, но сильным. Как все раскачалось, померкло до омерзения.

Ах, как не хватает мне Вас. Поверите ли — слова не с кем сказать, а душу открыть — это невозможно.

Видаете ли Шаляпина? Он мне друг, может помочь. Я хочу бежать из Европы совсем, а такому решению и "сезоны" — пустяк. Куда Вы едете, зачем? Скажите. Неужели совсем уезжаете из Америки? Ради Бога, только не в Париж — тут смерть нам. С Вами хотел бы слить мою дальнейшую судьбу. Давайте соединимся. Много у меня и сил, и нужной интуиции, но трудно совсем одному. Вы мало пишете о себе, а я так хотел узнать подробности.

Григорьев.

11 Мая 1920 г.

Дорогой Николай Константинович.

Вы, наверное, уже собираетесь в путь. Счастливец! Буду думать о Вас так, чтобы счастье Вас не покинуло и там. Дай Вам Бог нашуметь и в новом месте. Ведь там так много сейчас русской шантрапы, и Вам необходимо поднять Ваше русское искусство в глазах американцев. Я, конечно, не говорю о Прокофьеве и двух-трех художниках вполне приличных. Но из гениев Вы будете там единственный. Григорьев.

19 Июля 1920 г.

Здравствуйте, дорогой друг Николай Константинович! Здесь мы живем дружно; и есть проекты воскресить выставку "Мир Искусства". Григорьев — в Берлине, здесь: Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов, Стеллецкий — в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил недавно о Вас Ф.Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая "Половецкие пляски" и "Священную Весну"! Я думаю, Николай Константинович, что, если Вы тронули глаза и сердца рыбоподобных "бриттов", то здесь Ваше имя имело бы еще более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин.

[1939]

Публикуется впервые

Еще радости

Еще радости. Если мир сейчас скуп на радости, если мир сейчас погрузился в безобразное человеконенавистничество, то тем более хочется вспоминать об истинных радостях, которые слагали энтузиазм. Вот вспоминаю прекрасного "Принца и нищего" Марка Твэна, который дошел к нам уже в первые школьные года. Удивительно, как имя Марка Твэна широко прошло во всей России и всюду несло с собою радость и светлое воодушевление. Писатель нашел подход к душе человеческой и рассказал просто и зовуще о вечных истинах. Многие из нашего поколения помянут добром это великое имя. Также вспоминаю и Золя, который в своем романе, посвященном битве за искусство Мане, был для меня вратами в познавание жизни искусства. Подошли и Шекспир, и Гоголь, и Толстой, и Вальтер Скотт, и Гофман, и Эдгар По. Иногда даже не знаешь, откуда и как доходили такие многозначительные книги, которые явились на всю жизнь поворотными рычагами, но они приходили как бы откуда-то предназначенные, и тем сильнее запоминается эта радость. Вот Елена Ивановна всегда вспоминает какую-то книгу "История кусочка хлеба". Даже имя автора не упомнилось, но само содержание дало незабываемый импульс. "Принц и нищий" тоже была одна из любимейших повестей Елены Ивановны. А потом через многие, многие годы эти первые путевые вехи вырастают в целые монументы, и всегда хочется сказать этим знаемым и незнаемым авторам сердечную признательность.

В шуме быта так многое стирается, и тем замечательнее посмотреть, какой именно отбор сделает сама жизнь. История в конце концов отчеканивает характерные лики. Так же точно и в человеческой жизни остаются вехи нестираемые. Обернешься назад и, как с холма, сразу видишь отметки на придорожных камнях. Почему-то говорят, что детство особенно ярко встает лишь с годами. Думается, что это не совсем верно, Просто мы оборачиваемся пристальнее и ищем, где же те добрые вехи, которые помогли сложить весь последующий путь. Естественно, что к этим добрым вехам, первым и поразительным, обращается наше особое внимание. К ним — наша первая радость, наше первое воображение и наша первая признательность.

(1939 г.)

"Из литературного наследия"

Столкновения

Много бывало разных житейских сражений. Были столкновения и со столичными градоначальниками. Казалось, чем бы могли противоречить общественному спокойствию мои выставки или же выставки учащихся Школы? Но на деле выходило иначе. При устройстве моей выставки в "Современном Искусстве" вдруг получаю спешное сообщение о том, что ген. Клейгельс запретил выставку. Спешу узнать, в чем дело. Оказывается, генерал не может пропустить моих этюдов с натуры, сделанных в кормоновской мастерской. Еду к генералу на Гороховую и высказываю мое недоумение и негодование. Генерал, распушив свои бакенбарды, возражает: "Невозможно, представьте себе, придут дамы с дочерьми! Нет, нет, вообще невозможно". Я говорю: "А как же статуи в Летнем Саду?" Генерал отвечает: "Летний Сад не в моем ведении". Можно себе представить генерала Клейгельса в роли арбитра невинности. Когда я ему сослался на музей в Академии Художеств, то единственным аргументом генерала было, что Академия находится в ведении великой княгини Марии Павловны. Чтобы не препятствовать открытию выставки, помирились на том, что один ни в чем неповинный рисунок был снят.

Затем уже во времена ген. Драчевского перед открытием годовой ученической выставки в Школе Поощрения приехал помощник градоначальника ген. Вендорф и наотрез запретил открыть обычную ежегодную выставку. Причина все та же — зачем выставлены работы натурного класса и в живописи и в скульптуре. Прихожу в выставочный зал и застаю полное смущение. Генерал гремит о невозможности открыть выставку. Говорю ему: "Ведь эта выставка является годовым отчетом нашей Школы". Генерал упорствует: "Это не мое дело. В таком случае снимите работы натурного класса". Возражаю: "Как же можно снять работы старшего выпускного класса?" Генерал раздраженно находит выход: "В таком случае хоть прикройте недопустимые места". Объясняю генералу, что я сам не берусь решить, где начинается и где кончается недопустимость, и потому прошу его в присутствии преподавателей самолично указать, что именно должно быть прикрыто. Генерал проследовал по выставке и так размахался, что, кроме целого ряда работ натурного, живописного и скульптурного классов, прикрыл даже и копии с античных фигур. Когда разбушевавшийся генерал уехал, я в присутствии преподавателей созвал учащихся старших классов и спокойно сообщил им об оригинальном постановлении генерала,

предложив прикрыть все указанные места. Не прошло и часа, как ко мне приходят улыбающиеся учащиеся и таинственно сообщают, что повеление исполнено. Иду вниз на выставку и застаю там необычайное оживление. Оказывается, из разноцветной папиросной бумаги устроены замысловатые юбочки и штаны и вся выставка расцвечена самыми замысловатыми костюмами. При этом наши лучшие ученицы и ученики заявляют, что ведь генерал не ограничил, в каком стиле сделать прикрытие.

К вечеру выставочный зал гудел от нахлынувшей толпы, и рецензенты, ухмыляясь, что-то записывали. На следующий день и яблоку негде было упасть на выставке. Вся эта толпа шумела, смеялась, возмущалась… Газеты негодовали. Ко мне спешно приехал второй помощник градоначальника Лысогорский. Смущенно начинает: "Профессор, ведь это скандал". Отвечаю: "Да еще какой прискорбный скандал. Я чрезвычайно сожалею о распоряжении генерала Вендорфа, повлекшем такой неслыханный эпизод". Лысогорский продолжает: "Но ведь так не может остаться. Нужно же найти выход". Отвечаю: " К сожалению, выход зависит не от меня, а от градоначальства". После долгих переговоров Лысогорский просил хотя бы один этюд снять с выставки, и тогда все прикровенные места будут открыты. Среди худших этюдов был найден козел отпущения, и таким образом все замысловатые юбочки и штанишки были сняты.

Можно бы привести и еще несколько эпизодов, о которых и преподаватели и учащиеся долго вспоминали со смехом. В бытность мою председателем "Мира Искусства" было столкновение в Москве с генералом Джунковским из-за национальности заведующего выставкой. Для умиротворения генерала мне пришлось спешно приехать в Москву, и единственно удалось все уладить лишь аргументом, что в таком случае я возлагаю все денежную ответственность за выставку на Московское Градоначальство. Всякие бывали житейские сражения.

(1939 г.)

"Наш современник", 1967, № 7

Еще гибель

Ранней весной 1907 года мы с Еленой Ивановной поехали в Финляндию искать дачу на лето. Выехали еще в холодный день, в шубах, но в Выборге потеплело, хотя еще ездили на санях. Наняли угрюмого финна на рыженькой лошадке и весело поехали куда-то за город по данному адресу. После Выборгского замка спустились на какую-то снежную с проталинами равнину и быстро покатили. К нашему удивлению, проталины быстро увеличились, кое- где проступала вода, и, отъехав значительное расстояние, мы, наконец, поняли, что едем по непрочному льду большого озера. Берега виднелись далекой узенькой каемкою, а со всех сторон угрожали полыньи, и лишь держалась прежде накатанная дорога. Наш возница, видимо, струхнул и свирепо погонял лошаденку. Впрочем, и лошадь чуяла опасность и неслась изо всех сил. Местами она проваливалась выше колена, и возница как-то на вожжах успевал поднять ее, чтобы продолжить скачку. Мы кричали ему, чтобы он вернулся, но он лишь погрозил кнутом и указал, что свернуть с ленточки дороги уже невозможно. Вода текла в сани, и все принимало безысходный вид. Елена Ивановна твердила: "Как глупо так погибать".

Действительно, положение было беспомощное. Лопни ленточка изгрызанного льда, и мы останемся в глубине большого озера, и никому и в голову не придет нас там искать. Лошадь скакала бешено и уже не нуждалась в кнуте. Стал приближаться берег, и мы заметили, как по нему сбегался народ и о чем-то отчаянно жестикулировал. Скоро мы догадались, что это была речь о нас. Но лошадка все-таки вынесла, и когда мы подъехали к пологой гранитной скале, то оказалось, что лед уже оторвался сажени на полторы. Лошадка сделала неимоверный скачок, саны нырнули в воду, но уже копыта карабкались по скале, и сбежавшиеся люди подхватили. Собравшаяся толпа напала на нашего возницу, крича, что он знал о том, что путь через озеро уже был окончательно закрыт три дня тому назад. Какая-то побережная власть записывала имя возницы, а все прочие изумлялись, как удачно мы выбрались из угрожавшей гибели. Люди удивлялись нашему спокойствию, но ведь мы ничего другого и не могли придумать, как только положиться на быстроту финской лошадки. Среди разных пережитых опасностей крепко запомнилось это финское озеро.

(1939 г.)

"Из литературного наследия"

Мусоргский

"Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский" — по именам четырех сестер Голенищевых-Кутузовых — так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны, та, которую Мусоргский называл Катонский, от имени Екатерины, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских — у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом кн. Путятина, а Людонский — Людмила Рыжова.

После последнего пребывания Мусоргского в Боброве произошел печальный, непоправимый эпизод. После отъезда композитора, который уже был в болезненном состоянии, нашлись целые кипы музыкальных черновых набросков. По небрежению все это сгорело. Кто знает, что там было. Может быть, там были какие-то новые музыкальные мысли, а может быть, уже и готовые вещи. Сколько таким путем пропадает от простого небрежения и неведения! А кто знает, может быть, где-то на чердаке или в амбаре хранятся и еще какие-то ценные записки. Мне приходилось видеть, как интереснейшие архивы в каких-то корзинах выносились на чердак на радость мышам.

О Мусоргском вышло несколько биографий, но в каждую из них, естественно, не входили многие характерные черты. Так и мы — если бы Мусоргский не был двоюродным дядей Елены Ивановны, то, вероятно, также никогда не слышали бы многих подробностей его глубоко печальной жизни. Теперь будут праздновать столетие со дня рождения Мусоргского. Наверное, от некоторых ровесников его еще узнаются характерные подробности. Но в нашей жизни это имя прошло многообразно, постоянно встречаясь в самых неожиданных сочетаниях.

Вот вспоминается, как в мастерских Общества Поощрения Художеств под руководством Степы Митусова гремят хоры Мусоргского. Вот у А. А. Голенищева-Кутузова исполняется "Полководец". Вот Стравинский наигрывает из Мусоргского. Вот звучно гремит "Ночь на Лысой Горе". А вот в Париже Шаляпин учит раскольницу спеть из "Хованщины" — "Грех, смертный грех". Бедной раскольнице никак не удается передать вескую интонацию Федора Ивановича, и пассаж повторяется несчетное число раз. Раскольница уже почти плачет, а Федор Иванович тычет перед ее носом пальцем и настаивает: "Помните же, что вы Мусоргского поете". В этом ударении на Мусоргского великий певец вложил всю убедительность, которая должна звучать при этом имени для каждого русского. Из "Хованщины" мне пришлось

сделать лишь палаты Голицына для Ковент-Гарден. А вот в далеких Гималаях звучит "Стрелецкая Слобода"…

Исконно русское звучит во всем, что творил Мусоргский. Первым, кто меня познакомил с Мусоргским, был Стасов. В то время некие человеки Мусоргского чурались и даже находили, что он напрасно занялся музыкой. Но Стасов, могучая кучка и все немногочисленные посетители первых Беляевских[66] концертов были настоящими почитателями этого русского гения.

Может быть, теперь и вся жизнь Мусоргского протекла бы под более благоприятным знаком. Может быть, теперь сразу бы поняли и оценили и озаботились о лучших условиях для творчества. Может быть… а может быть, и опять не поняли бы, и опять отложили бы настоящее признание на полвека, а то и на целый век — всяко бывает. Добрые люди скажут, что невозможно и представить себе, чтобы сейчас могли происходить всякие грубые непонимания, вандализмы и несправедливые осуждения — так говорят оптимисты — пусть же многие уроки прошлого послужат для улучшения будущего.

Радостно слышать, что русский народ будет праздновать столетие Мусоргского. Значит, оценили накрепко. Будет поставлена "Хованщина". Поймут, что не нужно делать несносных купюр, не следует самовольничать, изменяя текст, — пусть встанет во весь рост создание великого русского творца. Чем полнее, чем подлиннее будем выражать великие мысли, тем большим неиссякаемым источником они будут для всего народа.

Слава Мусоргскому!

"Из литературного наследия"

Века

Врубель как-то говорил мне: "Занятно было бы взглянуть на наши картины лет, этак, через триста. Пожалуй, и не признали бы". Даже на самых кратких расстояниях в течение полувека и то выступают всякие неожиданности. На картине Куинджи в небесах проступила лишняя мельница. У Сарджента выявился второй профиль. У старых итальянцев можно различать записанные головы, переставленные руки — все это сделано не реставраторами, а в процессе работы. Нежданные проявления произошли даже при пользовании сравнительно несложными красками. А что же будет теперь, когда с каждым годом фабриканты неустанно предлагают новые краски и клянутся в их прочности? В то же время старинные, давно известные краски объявляются предательскими и никуда не годными. Но между изгнанниками имеются и такие, которые простояли несколько веков. Вспоминается, как при одной постройке предполагались своды по образцу старой псковской церкви. Инженер нашел такие своды непрочными. В пылу своих доводов инженер забыл, что осужденные им своды отлично простояли с двенадцатого века и не отказываются выстоять еще несколько веков. Но все-таки недоумение Врубеля незабываемо. Думается, что через три века многие современные нам картины сильно изменятся. Некоторые останутся в дымке сна, а другие воспримут цвет сапожного голенища. Уж лучше первое. Одни мастера весьма заботятся о сохранности своих творений, а другие, увлекшись самою работою, совершенно забывают о вековых судьбах.

Сложная вещь — века. Никто не знает, что отольется в их горниле. Археологи скажут спасибо и Дарию за его начертания на скалах, и пожалеют, что Александр Македонский мало отметил свой путь. Теперь его знаменательные остановки устанавливаются по догадкам со всякими филологическими мучениями. А что бы стоило оставить на скале начертание! Что было бы с законами Хаммураби, если бы они не запечатлелись на камне?! И кто разгадал бы египетские иероглифы без спасительного камня, найденного французскими солдатами. Кто-то скажет, что каждая земная надпись уже тщета и суета. Но скажет это не историк и не археолог. В минуты "благодушия" Боткин брал меня за руку и сладко говорил: "По всем вероятиям, вы меня хоронить будете, а может быть, еще я вас похороню".

[1939 г.]

"Из литературного наследия"

(Опубликовано без последней фразы)

Зарождение легенд

Конлан в своей монографии сообщает: "Говорят, что Стравинский получил идею для этого балета ("Священная Весна") во сне, виденном им в 1900 году в Петербурге. Он видел балет, величественный, как какая-то скульптура, как каменное изваяние, как необычно грандиозная фигура. Отсюда станет понятным, почему был приглашен для создания декораций к нему именно Рерих, художник неолитического воображения".

Не знаю, когда и какие сны видел Стравинский, но на самом деле было так. В 1909 году Стравинский приехал ко мне, предлагая совместно с ним сочинить балет. Поразмыслив, я предложил ему два балета: один "Весна Священная", а другой "Шахматная игра". Либретто "Весны Священной" осталось за малыми сокращениями тем же самым, как оно появилось в 1913 году в Париже. В "Шахматной игре" предполагалось действие, происходящее на шахматной доске, а в вышине появлялись огромные руки, ведущие игру. Но тогда эта вторая идея была отложена. Нечто подобное могло происходить как с шахматами, так и с картами, но шахматное действо мне казалось эффектнее. Непонятно, откуда могла появиться версия, сообщаемая Конланом. Очевидно, он ее слышал в Париже. Неизвестно, шла ли она от самого Стравинского или же в качестве кем-то сочиненной легенды. Вспоминаю этот эпизод только для того, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько часто факты колеблются в легендарных передачах.

За все время работы в разных странах нам приходилось встречаться с самыми разнообразными изобретениями. Говорят, что восточные народы особенно склонны ко всяким шехерезадам, но на деле и Запад в этом отношении не уступает Востоку. Сколько раз приходилось слышать удивительно измышленные сказки! Эти повествователи, видимо, совершенно не стеснялись неправдоподобностью. Однажды Куинджи, услышав одну из таких легенд обо мне, сказал сочинителю: " Вы успели одновременно сделать его не только всемогущим, но и вездесущим. По вашему рассказу я могу заключить, что он был одновременно в двух местах". Оставалось непонятным, к чему сочиняются всякие неправдоподобные легенды. Всегда ли это делается со злостною целью или же иногда это происходит просто по старинной пословице для красного словца? Будем добры и предположим второе.

[1939 г.]

"Из литературного наследия" (Опубликована первая половина

очерка).

Ступени

На север от нас высится снеговой перевал Ротанг — путь к Тибету и Средней Азии. Кроме проложенной теперь тропы, к этому перевалу ведут еще какие-то старинные большие ступени, сложенные из грузных камней. Рассказывают, что эта богатырская лестница когда-то сооружена Гесэр-Ханом. Вообще все гигантские сооружения, неведомо из каких веков сохранившиеся, принято посвящать мощным героям. На юг от нас на холме — развалины дворца Пандавов. На запад на самой вершине горы еще видны какие-то развалины и при них тщательно выложенный водоем. Особенно поразительно бывает среди зарослей встретить заброшенный, но когда-то бережно устроенный водоем или какие-то неведомые ступени к чему-то давно не существующему. Последние дни богаты нежданными прекрасными археологическими находками. В Египте открыты сокровища фараона Шешонга. Эллада открыла превосходные дельфийские памятники. Найден дворец Нестора со множеством каких-то иероглифических надписей. В Афганистане исследуется древний центр Бактрии — Балк, в котором развалины тянутся на 16 миль. Сделаны новые счастливые открытия в русском Туркестане, на Алтае, в Монголии. Точно бы земля хочет напомнить, какие неоспоримые памятники древности повсюду еще захоронены. Индия вся полна еще не вскрытыми древними поселениями. После Хараппы, Мохенджодаро[67] постоянно наталкиваются на холмы, являющиеся курганами древних городов. В одной нашей долине, судя по записям древних китайских путников, процветало четырнадцать буддийских монастырей. Ни одного сейчас не осталось. Сохранились лишь неясные предания, что недалеко от наших мест скрыты со времен иконоборчества Ландармы древнейшие буддийские манускрипты. Как всегда говорится, что в сужденное время и эти древности выйдут наружу. Очень замечательно, что обращается внимание и на исследование затопленных морем городов. Обнаруживаются ступени и в глубины и на высоты.

История нуждается в новых вещевых подтверждениях. Многие проблемы оказались гораздо сложнее, нежели было принято думать. Человеческие сношения тонут в глубине веков. Многое должно быть отодвигаемо в давние тысячелетия. На все мода. Одно время была мода все приближать, а затем возникло желание отдалять, но истина часто бывает посередине. Особенно трогательно в густых зарослях найти древние ступени, ведшие к каким-то несуществующим твердыням. Помню, когда мы нашли

осколок полированного мрамора среди зарослей, сколько размышлений возникло…

(1939 г.)

Публикуется впервые

Единомыслие

Много говорилось о преемственности и о подражании, но совершенно упускались из виду очень важные причины такой преемственности, или одновременного возникновения идей. Между тем во всех областях искусства и науки можно постоянно убеждаться в поразительном единовременном возникновении совершенно подобных выявлений. Невозможно обвинять подражание или заимствование людей, которые по географическим и прочим условиям даже не могли вообще знать о возникновении где-то таких же или почти подобных проявлений. В истории искусства можно найти много примеров, когда почти та же композиция или очертания человеческой фигуры являются как бы возродившимися формами чего-то уже давно бывшего и не знакомого автору. На эту тему можно бы собрать интереснейший большой труд, наполнив его примерами из самых различных творческих областей.

Бывали случаи, когда тот или иной автор с изумлением находил свои выношенные внутри себя образы на каком-то отдаленном произведении.

Автор мог совершенно искренно сказать, что того произведения он никогда не видал. На это скептики могли возразить, что, может быть, и видел когда-то, но забыл. Не будем исключать и такой забывчивости, когда из давних хранилищ сознания вдруг выплывают образы, давнымдавно там схороненные. Но сейчас, в век радиоволн и передачи мыслей на расстояние, можно найти и другие причины такого единомыслия. Именно назовем эти неожиданные проявления, часто так сходные между собою, единомыслием. В пространственных своеобразных радиоволнах носятся идеи и концепции, и люди одинаковой восприимчивости подхватывают их часто в самых удаленных углах земли. Еще недавно такое рассуждение о силе мыслей считалось бы идеалистической сказкой. Но сейчас благодаря новейшим научным достижениям можно вполне убеждаться, что без всяких обвинений в заимствованиях и в подражаниях можно утверждать, что разновременно и в различных местностях могут мощно выявляться совершенно схожие образы. Художники, писатели, ученые могут подтвердить, как часто они бывали обуяны одними и теми же заданиями. Это явление и есть превосходное единомыслие, о котором человечеству следует неотложно подумать. Пространство полно идеями и приказами.

1939 г.

"Из литературного наследия" (Опубликовано без последней

фразы).

Чарльз Крэн

Горестно соображать об уходе от земли истинно хороших людей. Покойный Чарльз Крэн принадлежит именно к тому прекрасному роду людей, после ухода которых остается невосполнимая пустота. С такими выдающимися людьми можно иногда по обстоятельствам долго не встречаться лично, и тем не менее дружба от этого не ржавеет. Вы знаете, что такие люди, такие друзья не предадут, не изменят, и особенно драгоценно в наше колеблющееся, изменчивое время осознавать, что имеются друзья прочные. Здесь ли, на земле, или в мире надземном известного качества отношения остаются нестираемыми.

С особенным чувством можно вспоминать о деятельности таких друзей. В каждом их поступке, кроме общего свойственного им доброжелательства, можно найти и особое ценное устремление. Первый раз имя Крэна встало перед нами уже тридцать лет тому назад во время приезда Крэна в Россию. Вернее, скажем во время одного из его приездов в Россию. Ведь Крэн побывал в России не много не мало, как двадцать четыре раза. Немногие из иностранцев могут иметь такой русский послужной список. При этом во время каждого из таких посещений Крэн, помимо технических дел, творил много добра, умножал культурные сношения и укреплял дружеские связи с народом русским.

Нередко говорилось, что Крэн, наверно, когда-то был русским, ибо иначе трудно было себе представить, чтобы исконный американец до такой степени мог глубоко понимать Россию, положительные качества народа русского, русское искусство и общественность. Это тяготение ко всему русскому не являлось налетным снобизмом, но, говоря о потенциале русского народа, Крэн утверждал свои дружеские чувства, как мог бы сделать это сам русский.

Очень ценно отметить, что Крэн чувствовал Русь не узко, не предвзято книжно, но широко, во всей ее азийской мощи и красоте. Крэн понимал и Китай, и не случайно он был почетным советником Китайского правительства. Крэн тянулся к Индии. Не раз проезжал ее, воодушевленно впитывал ее красоты, знал Индию от юга и до Гималаев. С такою же любовью Крэн бывал и в Ираке, и в Сирии, и в Месопотамии, и в Аравии. Султаны и шейхи понимали Крэна и любили его задушевное слово. Любил Крэн и Египет, и его последняя заграничная поездка была именно в Египет. На склоне лет, едва оправившись от тяжкой болезни, Крэн хотел как бы для какого-то дальнего пути еще раз запастись

лицезрением пирамид, этих стражей вечности.

Удивительно подумать, чтобы человек, по семейным корням как бы привязанный к Западу, до такой степени мог чувствовать Восток. Это не было восточным увлечением или каким-то предвзятым модернизмом, когда во имя какого-то внешнего интереса люди бросаются в африканское или полинезийское искусство или в скурильную японщину, лишь бы удержаться на гребне моды. Крэн не походил на таких эфемерных однодневок. Можно сказать, что в отношении Востока, конечно, включая в него и Русь, Крэн был непоколебимым однолюбом.

Было бы жаль представить Крэна только как филантропа или как государственного деятеля. Несомненно, по природе своей Крэн был художником. Ведь не только те художники, которые поют, играют, пишут, занимаются живописью или скульптурою. В равной мере и все те будут художниками, в душах которых горит пламень красоты. Ко всему красивому и прекрасному неотрывно тянуло Крэна. Вспомним, как восхищался он конфуцианскими напевами. Как помогал он Афонскому монастырю. Эта помощь была не просто внешним актом милостыни. Наоборот, Крэн всегда устремлялся к чему-то прекрасному. Когда он звал меня ехать с ним на Афон, то ведь прежде всего его влекло к древней красоте.

Может быть, не все поймут, почему мы ставим художественность природы Крэна выше всех прочих его земных дел и достижений. Но когда подумаем пристально о том, какое особенное качество всех мероприятий Крэна было очевидно, то согласимся, что в основе всего нужно понимать Крэна как художника. Вот Крэн в кругу друзей слушает квартет Кедрова, и "Новогородские колокола" заставляют глаза его гореть огнем художника. Или Крэн спешит в Ростов Великий послушать знаменитый малиновый звон. Или Крэн увлечено беседует с монгольской княжной. Или Крэн хочет иметь целую сюиту картин Поленова. Не перечислить все те зовы к прекрасному, которые рождались в сердце Крэна.

И еще одно очень ценное качество. Крэн не забывал тех областей, к которым у него вспыхивало увлечение. Мы знаем, как через много лет, через длиннейшие промежутки, он опять обращался к старым друзьям и хотел сделать для них что-то сердечно приятное. Такое природное стремление Крэна когото обрадовать тоже принадлежит к лучшим качествам его утонченной души. Перед поездками в Россию Крэн всегда вспоминал своих русских друзей, и трогательно было слышать русские имена, которым он собирался доставить радость. Иногда думалось, что ему значат эти как бы случайные мимолетные

встречи, но дружба Крэна не ржавела и все, однажды им признанное, всегда находило в нем живой отклик.

Первая моя личная встреча с Чарльзом Крэном произошла в 1921 году в Чикаго во время моей выставки в Чикагском Институте Искусства. Эта первая беседа была чрезвычайно многозначительна, и продолжалась она в таких тонах, как будто мы уже были лично знакомы в течение многих лет. В конце концов, мы и были знакомы, хотя и не лично, но может быть, более чем лично. Крэн знал мое искусство, а я так много слышал о нем еще и в России. У русских мало таких сердечных друзей, и потому имя Крэна и многочисленные рассказы о его светлой деятельности постоянно были среди русских. В течение той же беседы Крэн сделал несколько весьма многозначительных указаний о некоторых личностях. Только с годами мы могли убедиться, насколько верен был его суровый прогноз.

С тех пор и в Нью-Йорке и в бостонском имении Крэна "Вудсхол" мы встречались сердечно. Сама обстановка имения Крэна была так близка хорошим русским поместьям. В дружелюбной атмосфере было что-то навсегда привлекающее. Почему-то нам вспоминалось тенишевское Талашкино со всею любовью к искусству и просвещению, которая окружала и семью Крэна. Кроме того, Юрий встречался в Гарварде с Джоном, вторым сыном Крэна. Сам Крэн и его супруга очень способствовали, чтобы и эта дружба молодого поколения тоже укрепклялась. Незабываемо и сближение с Mrs Крэн. В ней с первой же встречи почувствовались искреннее доброжелательство и опять та же душевная близость, точно бы мы с ней встречались давным-давно. Елена Ивановна глубоко ценила дружбу Крэнов и радовалась, чувствуя их искренность. Действительно, среди множества холодноватых светских любезностей радушная атмосфера дома Крэнов была притягательна. При своих поездках по Индии Крэн постоянно посещал нас или же, если расстояния препятствовали, то, во всяком случае, пытался еще раз свидеться. В Дарджилинге совершенно нежданно для нас появился наш друг. Опять были задушевные беседы, были ознакомления с окрестностями. У Крэна уже в Нью-Йорке находилась моя картина "Ростов Великий", близкая ему по посещению Ростова. Теперь же после поездки по Индии Крэн захотел иметь мой "Бенарес". Помню суждение Крэна о бенгальских художниках, о семье Тагоров и о многих проблемах Индии. Но каждая беседа не обходилась без толков о России. При этом всегда было трогательно, насколько во всех случаях Крэн проявлял истинную доброжелательность. Иногда можно было думать, что он вот-вот чего-то не поймет или осудит. Но широкие взгляды Крэна

удерживали его от всяких осуждений. Во всем, даже и в великих трудностях, он прилагал добрые меры. И Средней Азией и Тибетом Крэн горячо интересовался.

Во время трудностей нашей Средне-Азиатской экспедиции Крэн все время волновался о судьбе нашей. В нашем Нью-Йоркском музее была особая комната, посвященная имени Крэна, в которой была сосредоточена серия из экспедиции по Монголии и Тибету. И Крэн постоянно посещал музей вместе со своими американскими и иностранными друзьями. Мы были так рады, что в список почетных советников музея входило и имя нашего друга. А затем по возвращении нашем в Америку Крэн приветствовал нас, стоя во главе почетного комитета для встречи. Сейчас смотрю на фотографию, снятую во время приема нас у городского головы Нью-Йорка Уолкера. Рядом со мною в летнем светлом костюме стоит радостно улыбающийся Крэн, и сколько в его лице светлого искреннего радушия! Помню, как во время этих официальных приемов, когда мы катили по улицам Нью-Йорка, окруженные почетным конвоем с сиренами, Крэн продолжал свои рассказы о восточных встречах. Многие могли бы позавидовать Крэну в его молодости духа. Также меня очень тронуло суждение его о значении нашей экспедиции. В то время, когда некоторые были связаны узкопрофессиональными соображениями, среди немногих именно Крэн понимал широкие пути, основанные на искусстве.

После произошли новые неутомимые поездки Крэна как по Востоку, так и опять в любимую им Москву. Преклонные годы и нездоровье часто мешали Крэну в его любимых передвижениях. Но стоило ему хоть немного поправиться, как все предписания врачебные забывались, и Крэн опять устремлялся в земли заморские. Точно бы он почерпал силы и бодрость духа в этих бесчисленных общениях. Без сомнения чувствовал он, что и в России и на Ближнем и на Дальнем Востоке его любят, а любовь — великий источник бодрости и неутомимости. Даже в самые последние дни жизни Крэн был полон бодрых помыслов. По-прежнему ему хотелось и обрадовать когото и сделать что-то полезное.

Велико число образовательных учреждений, которым помогал Крэн и помогал весьма существенно. Но кроме этих явных вспомоществований, Крэн широко и незримо способствовал просвещению. Не преувеличивая, можно сказать, что во всех странах, где нам пришлось побывать, мы встречались с людьми, которые благодаря помощи Крэна могли преуспеть.

В Париже узнаем, как некоторые студенты могли кончать образование исключительно вследствие помощи Крэна. Уже не

говоря о других европейских странах, не говоря о Сирии и Египте, и на всем Дальнем Востоке пришлось совершенно неожиданно встречаться с этою незримою благою работою Крэна. Вот доктор Бернард Рид может изучать древнюю восточную медицину благодаря доброй воле Крэна. Наконец, в самом глухом углу Монголии мы встречаем китайского ученого, который работал благодаря той же доброй помощи. А ведь среди путешествий мы могли только случайно встретиться с этими благими знаками. Сколько же их рассыпано по всему лицу земли! Сколько лекций, театральных ангажементов, концертов и выставок устроено по желанию Крэна! Какие замечательные деятели останавливались в его гостеприимном доме. Жизнь Крэна является показателем замечательных устремлений Америки.

Крэн очень любил искусство Святослава. В последнее время он хотел устроить в Калифорнии и в других частях Америки выставку Святослава и звал его приехать в Калифорнию. В письмах своих Крэн прекрасно отзывается об имеющейся у него картине Святослава "Бабушка и внучка", а затем Крэн заказал ему портрет Елены Ивановны, воспроизведенный во "Фламме" и в Рижской монографии.

Было понятно, что Крэн, любивший Индию и Гималаи, захотел иметь мою "Канченджунгу", ибо эта гималайская вершина особенно его восхищала. Радовался Крэн моему "Гуру Чарака", аюрведическому врачевателю Индии. Захотел он иметь и "Тибетскую Твердыню". Если бы не грозные снежные перевалы, то Крэн, наверное, побывал бы и в Тибете. Как он любил и ценил эти хранилища древней мудрости! Среди прекрасной калифорнийской природы Крэн все-таки думал о далеком Востоке. Перед самой кончиной Крэн захотел иметь мою картину "И открываем Врата". Крэн захотел — завещал, чтобы картина эта осталась у дочери его mrs. Брадлей, которую он так любил. Много Врат открыл Крэн в течение своей Долгой жизни. Много путников смогли продолжить свой путь только благодаря доброй воле Крэна. И в последние свои земные дни Крэн помнил завет об открытии Врат. Пусть ему и в Надземных его путях откроются Врата Прекрасные.

1939 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Доброкачественность

Во времена Акбара под строгим наказанием было запрещено продавать непрочные краски. О добром качестве красок говорят и древние шастры[68]. Казалось бы, с тех пор мировая цивилизация должна бы еще более укрепить условия прочности материалов. Но, как видно, цивилизация преследует какие-то другие цели. Она загнала гуманитарные науки и забыла вообще о доброкачественности. Странно подумать, но некоторые выпуски новейших машин отличаются большою непрочностью сравнительно с предыдущими моделями. Что же касается до художественных материалов, то у них явились многие новые враги, порожденные тою же "цивилизацией". Так, например, многие краски не выносят серных паров и других химических испарений, которыми наполнена атмосфера нынешних городов. Вместо здравоохранения получается какая-то непозволительная расточительность. Если на парижских бульварах от газолина засохли некоторые породы деревьев, то можно себе представить, как всякие подобные испарения могут разрушать и людей и предметы их творчества. Бессмертная в своем цинизме фраза Людовика "После нас — хоть потоп" приобрела своеобразное применение в разных областях современной жизни. При этом развелось своего рода фарисейство. С ханжеской скромностью вам иногда скажут: "Нам ли озабочиваться о прочности современных творений? Пусть само время явится неумолимым судьею". При этом говорящие отлично понимают, что заведомая непрочность материалов лишает будущее поколение принадлежащих им достояний.

Не из самости, но во имя бережливости никто не может лишать будущее поколение всего того, что ради него же было сделано. Археология дает поразительные примеры прочности разных материалов. И разве мы все не бываем признательны неведомым нам деятелям, благодаря которым мы можем изучать и восхищаться предметами, сохранившимися в течение тысячелетий? Могут сказать, что неизвестно, долго ли просуществует и вся планета. Конечно, среди астрономических и космических соображений не найдется места для обсуждения прочности земных материалов. Но пока старая Земля существует, следует подумать, как упорядочить материалы и избежать всяких отравлений и разрушений.

[1939 г.]

"Из литературного наследия"

Колебания

Aspice convexo matantem pondere mundum. (Вергилий, IV эклога). Зришь ли, как всей своей тяжестью зыблется ось мировая? "Обсервер", на основании данных, получаемых с 58 советских метеорологических станций на дальнем Севере, и на основании донесений разных научных полярных экспедиций, приходит к выводу, что наша планета за последние годы значительно потеплела и в будущем можно рассчитывать на более жаркие лета и на менее суровые зимы.

Первым доказательством является тот факт, что ледяные поля в арктическом и антарктическом поясах отходят все более к полюсу. За последние 25 лет ледяной пояс отступил значительно ближе к полюсу. Огромные косяки рыб, любящих теплую воду, появились в таких местах, где раньше их не было. Очищение ото льда Баренцова моря наблюдается всеми коммерческими судами, которым приходится бывать там почти периодически.

Одно время это потепление Северного полюса ученые были склонны приписать изменению в течении Гольфстрима. Но Гольфстримом нельзя объяснить потепление воды в Баффиновом заливе и в Беринговом проливе, куда Гольфстрим не достигает. Гольфстрим не влияет также на сибирские реки, между тем за последние 25 лет эти реки замерзают позже и вскрываются ото льда раньше.

Становится теплее климат и в южном полушарии. В Бомбее, Вальпарайзо, в Буэнос-Айресе, Капштаде средняя годовая температура повысилась, что объясняется только постепенным потеплением нашей планеты.

Папанинская экспедиция установила, что ледяные поля двигаются теперь к полюсу почти в два раза быстрее, чем показывали расчеты прежних исследователей.

Метеорологические записи за 1938 год как будто подтверждают указанные наблюдения. В Англии, например, март и декабрь были самыми теплыми за целое столетие. Одновременно советские ученые, зимующие на острове Рудольфа в 560 километрах от полюса, сообщили, что в декабре у них температура по большей части была выше нуля. Так замечаются космические явления.

(Не ранее 1939 г.)

Публикуется впервые

Вайчулянис

Краткая телеграмма: "Клементий скончался". Окончен земной путь замечательного человека. Друзья справедливо горюют об утрате такого преданного и устремленного к добру сотрудника. За него можно лишь порадоваться, ибо окончены его земные страдания, и в обновленном, утонченном теле он начинает новую работу на благо человечества. Истинное чудо в том, что при тяжкой болезни организм мог целый год бороться. Но к этому были особые причины. Посмотрим, сколько добра за этот год страдающий жестоко Клементий Станиславович успел совершить! Сколько единения он внес среди друзей, сколько широких благостных советов он оставил ближним и дальним друзьям и сотрудникам. Точно бы именно для трудных переживаемых дней он сохранялся, чтобы самоотверженно озаботиться об укреплении истинного единения и добротворчества среди близких. С восхищением вспоминаем, в каких душевных тонах сообщали нам друзья о его преданности общему делу. Как даже в самые трудные для осознания дни, когда происходили многие колебания, он оставался твердым и мужественным и не терял широту воззрений. Это особенно трогательно, когда мы знаем его каждодневную обиходную работу, которая могла бы заглушить возвышенные устремления.

Мало ли людей, которые погружаются в тину каждодневности и стараются оправдать этою обиходностью свое равнодушие к возвышенным устремлениям. В истории мы знаем примеры, когда выдающиеся деятели несли в жизни каждодневную рутину, но это нисколько не умаляло их высоких достижений. Точно бы для назидания давались такие примеры победы над обиходом жизни. Эти деятели имеют особо глубокое значение, ибо они в назидание прочим вносят в жизнь высокое качество всего ими делаемого. Они не только совершенствуют себя, но и совершенствуют окружающее. В лице Клементия Станиславовича мы видим добрый пример, как жизненная рутина не только не принизила его устремления, но даже как бы являлась побуждением к его мыслительным полетам. Друзья и сотрудники сохранят о нем самую светлую память и не раз припомнят, как даже в самые трудные часы Клементий Станиславович умел сказать простое слово, которое бывало самым нужным и целительным.

Итак, с одра болящего' исходило целение. Запомним этот благостный пример в истории нашего Общества и пошлем нашему Другу самое душевное пожелание в его новых светлых преуспеяниях. Наша признательность и неизменная любовь пусть

сопутствует ему на светлых путях.

10 Января 1940 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Куинджи

(К тридцатилетию со дня смерти)

Быстро бежит время. Уже тридцать лет минуло, как скончался Куинджи. Ушел большой художник, большой человек, большое сердце. Незабываемый!

Тяжко кончался Куинджи. Невольно поминалась народная пословица, что "добрые люди трудно помирают". Болезнь сердца, удушье со страшными болями, все это сломило крепчайший организм. Болезнь развивалась быстро, и в 1910 году уже не оставалось сомнения, что фатальный конец близок. Летом меня вызвали из Прибалтики ввиду ухудшения болезни. Я застал Архипа Ивановича, нагим сидящим на постели, а вокруг него помещалось несколько членов Академии — Беклемишев, Позен и другие. Архип Иванович говорил странные вещи, и я сразу понял, что он от страданий своих не в себе. Отозвав Беклемишева, я обратил внимание на эту новую сторону болезни, но Беклемишев замахал руками и сказал: "Ничего подобного". Не успел он вернуться к своему месту, как Куинджи позвал служителя, санитара Петра, и указав ему на сидевших членов Академии, горько сказал: "Петр, ты простой человек, посмотри, что за люди меня окружают". После этого Беклемишев понял. Конечно, только припадки боли вызывали возбужденное состояние, и тогда мышление туманилось. Но боль утихала, и Куинджи пристально вглядывался в нас и говорил: "Этто, давайте сегодня говорить глупости". Бывали и жуткие минуты: так, когда я и Зарубин дежурили ночью, Архип Иванович вдруг привстал на постели и, вглядываясь куда-то между нами, глухо спросил: "Кто тут"? Мы ответили: "Рерих и Зарубин". — "А сколько вас"? — "Двое". — "А третий кто?" Было жутко. Архип Иванович хотел повидать всех своих учеников. Но сделать это было очень трудно. В летнее время все были в разъезде. Вроблевский был в Карпатах, Пурвит в Риге, Рущиц за Краковом, Богаевский и Латри — в Крыму, и остальные все далеко. Я сделал целое расписание — кому и куда написано. В минуты облегчения от страданий Архип Иванович требовал этот лист и обсуждал, когда к кому могло прийти письмо, когда кто откуда мог выехать, по какой дороге. Осведомлялся, нет ли телеграмм, спрашивал: "Но ведь они торопятся? Они знают, что спешно?". Это было очень трагично. Куинджи любил учеников. Это была какая-то особенная любовь, которая иногда существует в Индии, где понятие Учителя — Гуру облечено особым пониманием. Незадолго до конца в припадке боли Куинджи пытался выброситься из окна. Значителен и мудр

был лик его в гробу.

Куинджи, посылая денежную помощь бедным, добавлял: "Только не говорите, от кого".

Куинджи однажды услышал, что ученики между собою называли его Архипом.

Когда все собрались к чаепитию, он сказал, улыбаясь: "Если я для вас буду Архипкой, то кем же вы сами будете?" Учительство, подобное Гуру Индии, сказывалось в словах Архипа Ивановича.

Куинджи умел быть суровым, но никто не был таким трогательным. Произнеся жестокую критику о картине, он зачастую спешил вернуться с ободрением: "Впрочем, каждый может думать по-своему. Иначе искусство не росло бы".

Куинджи знал человеческие особенности. Когда ему передали о некоей клевете о нем, он задумался и прошептал: "Странно! Я этому человеку никакого добра не сделал".

Куинджи не только любил птиц, но и умел общаться с ними. Болезни его пернатых друзей сильно его огорчали. "Сильный дифтерит у голубя — тяжелый случай! Вот и подклеенное крыло у бабочки не действует!"

Куинджи умел при надобности осадить вредные выступления. Когда Матэ стал высказывать в Совете наущения Репина, Куинджи прервал его словами: "Пусть лучше сам Илья Ефимович нам расскажет".

Куинджи умел защитить неправо пострадавшего. Ученики Академии часто не знали, кто смело вставал на их защиту. "Этто, не трогайте молодых".

Куинджи выказал большую самоотверженность, когда в. князь Владимир и гр. Толстой предложили ему немедленно подать в отставку за защиту учащихся. Друзья советовали ему не подавать, но он ответил: "Что же я буду поперек дороги стоять? Вам же труднее будет".

"Коли загоните в угол, даже овца кусаться начнет" — так знал Куинджи природу человеческую.

"Одни способны написать даже грязь на дороге, но разве в том реализм?" — говорил Куинджи, изучая свет луны.

"Сделайте так, чтобы иначе и сделать не могли, тогда поверят", — говорил Куинджи об убедительности.

Когда пришла весть, что адмирал Макаров сам выходит на разведку из Порт-Артура, Куинджи очень взволновался и говорил: "Нельзя ли телеграмму послать, ведь его заманивают на мины". Предвидение!

Однажды с Куинджи говорили о чудесах авиации. Он вздохнул: "Хорошо летать, прежде бы научиться по земле пройти". Он-то умел по земле ходить.

Когда же Куинджи слышал оправдания какой-то неудачи, он внушительно замечал: "Этто, объяснить-то все можно, а вот ты пойди да и победи".

Прекрасную победу одерживал Куинджи, когда писал приволье русских степей, величавые струи Днепра, когда грезил о сиянии звезд…

1940 г.

Гималаи

"Литературные записки", Рига, 1940

Письма Елены Ивановны

Вышли два тома писем. Только подумать, что эта тысяча убористых страниц представляет лишь малую, вернее сказать, малейшую часть всего Ел. Ив. написанного. Кроме того, изданные письма представляют лишь фрагменты, ибо столько по разным обстоятельствам должно было быть опущено. Жаль подумать, что разные житейские соображения заставляют безжалостно срезывать иногда самые, яркие места. Пройдут годы, и покажется странным, почему именно эти места должны были быть отброшены. Сам знаю, что уже через десять лет кажется непонятным, по каким таким причинам почти две трети "Алтай-Гималаи" были выброшены. Самое же обидное, что все эти осужденные места уже не могут быть восстановлены. А ведь в свое время казалось, что каждое такое упоминание будет кому-то совершенно неприемлемо. Так же жалко, что и письма Е. И., вошедшие в два тома, даны не полностью. Сколько прекраснейших и нужнейших мыслей было изъято! Между тем сами мировые обстоятельства показывают, насколько сказанное было своевременно. Основною мыслью этих писем является сотрудничество и единение. Как жестоки и своекорыстны были люди, к которым эти искреннейшие зовы не доходили. А если и доходили, то в каком-то самовольном толкований. Ну что ж, каждая мысль имеет в виду не только одного определенного собеседника, но главные слушатели и последователи этой мысли всегда остаются автору неизвестными. Пути слова неисповедимы. Невозможно проследить трудные хождения книги. И нельзя представить себе, где и как она находит свое лучшее применение. В сердечном желании Добра писались все эти письма. Всегда было нужным это пожелание, а сейчас оно совершенно необходимо. В ближайшем будущем, когда гуманитарные познавания опять займут свое основное в человеческой жизни место, тогда все действенные советы добра окажутся поистине неувядаемыми. Пройдут они через старшее поколение и достигнут молодых сердец, сейчас подрастающих. В "письмах" отмечены многие вопросы, заданные искренними искателями. Это дает особую жизненность и разнообразие затронутых проблем. В разные страны писались "эти письма. Совопросники задавали иногда идентичные вопросы, и приходилось им посылать вариации тех же разъяснений. Но и в этой кажущейся повторности имеется своя усугубленная убедительность. Обычно такие утверждения группируются около наиболее жгучих вопросов, и вы никогда не знаете, которая именно вариация будет

доходчивее. Не забудем, что обдумывались письма в самых разных странах и условиях. То среди просторов Средней Азии, то в шуме Парижа, то на высотах Гималаев — и в тепле и в холоде писались эти письма. Но сердечная мысль, сказанная в них, не знала холода. Вспоминаю, как Е.И, на коне пересекает просторы Монголии и высоты Тибета. Кто же из иноземок совершил такой путь! И среди всяких путевых трудностей опять же мыслилось о далеких друзьях, сердце пылало желанием помочь им и подать наилучший совет. Уже приходят трогательные отзвуки на эти письма. Книга начинает свой далекий путь. В добрый час!

Публикуется впервые

Боль планеты

"Самое ужасное — это невежество в действии" (Гете). Настал Армагеддонный со-роковой год. Давно мыслилось о недуге планеты, а сейчас оказалось, что планета действительно трагически воспалена. Землетрясения, наводнения, незапамятные холода, неожиданные жары, засуха, губительные бури, пожары повсюду показывают на анормальные условия. В разных частях планеты одновременно бушуют войны, и твердь потрясается неслыханными взрывами. Ученые прилежно изобретают ядовитые вещества, губительные газы и смертоносные орудия. Но не говорят эти ученые, насколько их злые изобретения уничтожают жизненность самой планеты. Гибнет множество людей, разрушаются неоценимые Культурные сокровища, но, мало того, губится жизненность самой планеты. Кто может рассказать точно, что именно убивается в воздухе, в водных глубинах ив недрах земли? Можно грубо сказать, что уничтожается много животных, много птиц и рыб, но этот ответ еще ничего не объясняет и не дает размеров происходящего. А сколько же исчезает полезных микроорганизмов, если вычислено, что каждый подводный взрыв уничтожает все живущее на огромное расстояние. То же самое происходит и в воздухе, и настолько же отравляется и почва. Говорят, что происходит война нервов. И это суждение лишь частично. Происходит нечто гораздо более знаменательное, что отразится на молодых поколениях. Люди лицемерно кричат об агрессиях. При этом самые завзятые агрессоры особенно громко возмущаются. Журналы полны самыми позорными, преступными сообщениями. Поистине, агрессия проникла во все слои человечества. Вот перед нами испытанная на себе агрессия. Ее совершает американский еврейский маклер Хорш на глазах у всех, и Правительство

Америки всемерно поддерживает агрессора. Фабрикуются и подтасовываются разные бумажки, даются лживые клятвы, совершаются доносы и вероломства; можно подумать, что это даже не частный случай, а нечто отражающее положение вещей во многих странах. Заслуживающий доверия ученый Алексей Каррель предупреждает о росте преступности, о признаках вырождения и предвидит эпидемии безумия. Эти наблюдения относятся к первой половине тридцатых годов. Последующие события и поведение человечества лишь подтверждает грозные выводы ученого. А в то же время в фальшиво раззолоченных залах отелей, в нудном танце движутся жители Земли. Эти пляски и пиры напоминают древние сказания. Кто-то говорит о

переустройстве мира, о часе великом, об ответственности человечества, но нет дела плясунам и фиглярам, и мрачным растлителям до будущего планеты. Не самим ли им придется ужаснуться рушениям и обвалам, к которым и они приложили руку? Планета больна! Пришел сороковой год!

1940 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Флорентина Сутро

Ушла добрая, крупная деятельница. Америка может добром вспомнить Флорентину Сутро. Она успевала сделать добро в самых разных, неожиданных концах страны. Да и одна ли Северная Америка тепло помянет энергичную деятельницу? Ее добрая рука протягивалась в разные страны и умела помочь многому Культурному.

Сутро была не только благотворительницей, дающей от избытка, но именно широкой деятельницей. Ее имя связано с учреждениями, посвященными миру. Умела она живо подойти к великому общечеловеческому понятию, зная, что лишь действенно можно укреплять мир, а не голым доброжелательным словом.

Также Сутро была директором Школы Этики. Одно это показывает ее внутреннее устремление. Для нее Этика была не модным поверхностным понятием, но глубокою основою жизни. Имя ее связано и с госпиталями, и с художественными учреждениями, со школами и музеями, с переселенцами и со многими жизненными проблемами. С уважением и радостью следили мы двадцать лет за этою кипучею деятельностью, и всегда эта деятельность была доброжелательной.

Возьмите хотя бы ее автобиографию "Мои первые семьдесят лет". Разнообразной была жизнь Флорентины, и со многими выдающимися деятелями ей пришлось встретиться. Эти ее знакомцы и друзья были чрезвычайно разновидны, но о каждом она нашла благожелательное и правдивое слово. В книге рассказаны многие поездки. В каждой стране флорентина умела найти характерные основы и рассказала о них просто и душевно, ибо смотрела она глазом добрым.

Одной из самых последних ее поездок было обширное путешествие по русским землям, с юга до севера. Прекрасно разобралась флорентина Сутро в сложной жизни и опять-таки нашла правильное и характерное суждение. Прошлым летом неутомимая деятельница успела слетать в Южную Америку, куда привлекли ее общественные интересы. Для нее возраст не был преклонным, и с молодою подвижностью она откликалась на все животрепещущее.

В каждом ее намерении была заключена глубокая идея. Хотя бы вспомнить идею кооперативного дома, в котором должны были найти приют как сотрудницы и пайщицы бедные труженицы и молодые матери, которые могли оставить своих детей на время рабочих часов под призором дежурной товарки.

Сохраняем глубокое по смыслу письмо флорентины, в котором она говорит о проблемах мира, указывая на свое несогласие с некоторыми поверхностными обществами этой идеи. Деятельная душа не мирилась с

бездейственными речами. Где была Флорентина Сутро, там было ДЕЙСТВИЕ, и действие доброе и неутомимое. Она умела быть другом верным и любила доводить дело до конца. Особенно отметим ее стремление к справедливости и горение исправить, где только возможно, попранную правду. Все эти качества нечасто встречаются.

На новых дальних путях поможет ей все добро, которое она успела сделать в своей земной жизни. Поможет ей неисчерпаемая деятельность, которая была ее отличительной чертой. Сердечный привет в ее новых надземных путях.

10 Января 1940 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Кружные пути

Французский ученый Анкетиль Дюперрон в 1754 году поступил рядовым в роту Ост-Индской Компании, чтобы в Индии прикоснуться к древней мудрости. За незнанием санскритского языка он с персидского перевода, в свою очередь, перевел "Упанишады"[69] на латинский. Этим латинским переводом пользовался Шопенгауэр за неимением ничего другого. Можно себе представить, насколько при таком тройном переводе должно было искажаться значение тончайших оттенков индусской философии. Само имя "Упанишады" после "персидского перевода уже значилось как "Упнекхат". Из этого можно заключить и о многом прочем. Иногда удивляются, почему Шопенгауэр как бы неточно обошелся с индийскими философскими ценностями. Но можно ли этому удивляться, зная, каким кружным путем, через несколько условных переводов, он мог подойти к сокровищнице Индии. Неточные переводы натворили много бед и подчас на целые столетия носили вредные ошибочные толкования. Теперь исследователи снисходительно пожимают плечами, когда встречаются с неверными толкованиями, происшедшими в минувших временах. Но ведь только пытливый ум и добросовестность ученого позволит ему разобраться в этих нагромождениях. Обыватели же надолго еще остаются в мираже неверных и несправедливых суждений. Религиозные писания и исторические данные очень пострадали. Но кроме неверных переводов и умышленных толкований, могут быть и сознательные подделки. Известны случаи, когда ради фанатических или патриотических целей сооружались целые многозначительные манускрипты, которые вводили в заблуждение даже опытных ученых. Можно бы привести примеры из восточной литературы. Кроме того, еще до сих пор продолжающиеся рассуждения о Краледворской рукописи показывают, как глубоко могут внедряться заблуждения. Легкомысленно поступают некоторые современные писатели, допуская сознательно искажение истины из зависти, злоумышления и небрежения. Конечно, всем известна печальная судьба газетного листа, но все же это зерцало лжи попадает в книгохранилища. Когда-то исследователь, полный добрых намерений, столкнется с невероятнейшими противоречиями и злоречиями, и какие же выводы он может сделать из мохнатого конгломерата относительных и по большей частью злобных суждений. Никогда еще печатное слово не доходило до таких извращений, как сейчас. Изобретаются какие-то особые министерства пропаганды. Кто-то хотел уточнить их

цель и назвал министерствами лжи. Ко всем прочим кружным путям человечества добавился еще один путь — сознательной лжи. Марк Твен говорил, что заблуждения бывают — простительные, непростительные и статистика. Можно ли усложнять пути будущих исследователей?! Допустима ли сознательная ложь!? Или она является каким-то уродливым и непременным атрибутом "цивилизации"?

24 Января 1940 г.

"Из литературного наследия"

Со-роковой год

В этом со-роковом году у нас много памятных дней. Некоторые общества наши отмечают свое десятилетие. За эту декаду в них произошли многие перемены, впрочем, это неизбежно, ибо жизнь есть поток, стремительный, изменчивый, шумящий. За десятилетие ушли некоторые полезнейшие деятели. Всегда будем хранить их светлую память. Некоторые учреждения раздробились и даже переменили названия. В конце концов, все эти жизненные волны в общем масштабе малозначащи, лишь бы продолжалась и углублялась основная Культурная работа.

В этом же году исполняются и двадцатилетия многого. Музейное турне по Америке. Встреча с Зиной Фосдик и Морисом Лихтманом. Сейчас Морис в Санта-Фэ, работает в "Арсуне", а Зина, несмотря на разные трудности, открыла Академию Искусств в Нью-Йорке. Вот уж поистине верный страж. Там, где другие отступают, убоявшись житейских волн, она неутомимо строит новые полезные очаги. А ведь противодействующих сил много.

Все Культурное прежде всего подвергается недоверию, злорадству и всяким разрушительным попыткам. Вот и в военных смятениях прежде всего страдают Культурные начинания. Точно бы человечество думает, что без знания и красоты оно может прожить. Привет Зине, привет содеятелям Академии, ведь началась она в труднейшее время.

Время настолько трудное, что когда мы получаем весть из Латвийского Общества о вечере в память Мусоргского, даже невольно удивляемся, как это удается среди всяких нахлынувших превратностей. Неутомимые Рудзитис, Лукин, Блументаль, Буцен, Драудзинь и все деятельные сотрудники даже в эти дни чрезвычайных событий издают новые книги и заботятся о росте Музея.

Поистине, можно порадоваться светлому строительству. Именно оно уместно тогда, когда житейские мудрецы охладевают ко всему Культурному, созидательному. Точно бы молодое поколение, для которого мы все работаем, не подрастает и в эти смутные времена.

И в других группах, вопреки мрачной очевидности, продолжается работа. Вот в Шанхае, преодолевая денежные трудности, решили продолжать сборник "Культура". Зная, как участникам трудно, можно особенно радоваться такой решимости. Обстоятельства многое потрясли. Угасла "Фламма", временно приумолкли некоторые учреждения. В Париже картины сокрыты в подвале. Может быть, и в Брюгге происходит нечто

подобное.

Еще одно двадцатилетие — первому пароходному билету на Индию. В Музее Тривандрума открывают особую нашу комнату. Они и не знают, что это совпадает с памятным для нас сроком.

А вот и еще уже крупнейший срок. Двадцать четвертое Марта 1920 года останется для нас и для всех сотрудников и сокровенным и самым сияющим Днем всей нашей жизни. Во всех Обществах отмечается этот День как основа, как светлое начало. Именно в этом со-роковом году наши Друзья особенно вспомнят день 24-го Марта. Никогда еще этот День не проходил в такой грозе и молнии, как сейчас. Тем сердечнее и вдохновеннее все мы скажем в этот День -

"Я — твое благо.

Я — твоя улыбка.

Я — твоя радость. Я — твой покой.

Я — твоя крепость. Я — твоя смелость.

Я — твое знание".

1940 г.

Гималаи

"Из литературного наследия" (Было опубликовано с сокращениями)

Наше Латвийское Общество

Исполняется десятилетие работы нашего возлюбленного Латвийского Общества. Обернемся на все сделанное друзьями в течение этой плодотворной декады. Длинен и содержателен будет отчет о всех делах Общества. Можно сказать, что самые разнообразные Культурные стороны жизни были благожелательно затронуты и осмотрены глазом добрым.

Еще раз утвердим главную, единственную основу этого деятельного Содружества. Собрались все во имя Культуры, и каждый принес все свои лучшие устремления на эту Культурную, трудовую пашню. Совершенно естественно, что основы Этики занимают в Культурной программе основное положение. Человек, мыслящий о Культурных преуспеяниях, строит свое продвижение именно на этических основах. Добро, доброжелательность, глаз добрый для Культурного человека не есть неопределенные условные символы. Такой мыслитель знает великие реальности и прилагает их во всех проявлениях жизни.

В то время, когда еще шаткие мировоззрения дробятся в ссорах и недоразумениях, все преданные делу Культуры понимают, что единение есть единственная основа строительства. Они знают, что единение будет тем живым сотрудничеством, которое позволит строить лучшие задания, минуя всякие подозрения и пристрастия. Все это мы говорили многократно, и все наши друзья, члены Общества, знают эти наши основы. Но к десятилетию работы позволительно еще раз сказать те же самые слова, которые каждому из нас близки и насущны. Пусть все ясное утвердится еще яснее. Сказать об основах жизни есть радость, а ко Дню памятному позволительно радоваться даже и в трудные времена.

В деятельности своей Латвийское Общество в широком размахе отметило не только достижения своих сородичей, но и уделило должное внимание мировым величинам — строителям всемирной Культуры. Ничто узкое не может оставаться в Культурной программе. Прекрасное понятие всеобъемлющей Культуры ведет к познанию здоровой эволюции. Вполне естественно, что за десять лет осознание эволюции должно сильно продвинуться. Благо, если эта пашня может быть обозрена глазом добрым.

Среди сотрудников Общества могут быть различные душевные настроения, даже до известной степени противоположные характеры. Иначе и быть не может, ибо если песчинка каждая индивидуальна, то индивидуальность

человеческая щедра и многообразна. Разновидность сотрудников не только Не мешает успеху дела, но должна именно способствовать ему, внося богатство выражений и разнообразие подходов мышления. Обмен мнений необходим в каждом общественном деле. В учреждениях, не близких Культуре, такой обмен может принимать даже воинствующий аспект. Но в обществе, Посвященном знанию и художеству, в содружестве Культурном обмен мнений должен быть лишь желательною обработкою темы. Пусть выражаются индивидуальности, но пусть при этом сохранится та соизмеримость, о которой много сказано в книгах Живой Этики.

Будем помнить, что всем нелегко, а при происходящих мировых событиях всем очень трудно. Пожалеем друг друга. Пусть любовь к ближнему подскажет лучшие слова, которые могут согреть страдающее сердце. Собираемся к общему очагу не только для познавания, но и ради сердечности, которая исцеляет раны душевные. Десятилетие есть уже половина целого поколения. Через много бурных потоков прошли наши друзья. У каждого многое было пережито, и, нужно думать, многое положительное сложилось. В познаваниях Основ, конечно, расширялось и сознание, и в этом преуспеянном развитии можно встретить новую декаду со светлою надеждою и уверенностью.

Армагеддон бушует, и все друзья уже давно знали о его неизбежности. Во время таких мировых борений и целые народы и отдельные деятели чувствуют тяготу сугубую. Не знающий страшится этой тяготы, ибо он не слыхал о грядущей Заре. Но те, кто среди взаимных общений, в дружбе и сотрудничестве, уже знали смысл грядущего, те не будут потрясены сложностью проблем. Незнающим и смущенным можно сказать — не ссорьтесь, особенно же в часы такого небывалого напряжения. Но друзьям не приходится говорить это, ибо они знают о неизбежности напряжения великого. Они знают о боли планеты, знают о заблуждениях человечества.

Итак, в грозе и молнии встретим новое десятилетие. Еще крепче утвердимся на основах истинно понятой Культуры и скажем друг другу самое сердечное и ласковое слово. В добре придет и вернейшее решение. Не отринем Руку Водящую. В труде добром поймем, примем и продолжим преуспеяние. Шлем радость к десятилетию прекрасной работы нашего Латвийского Общества.

28 Января 1940 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Америка

Думается, что происходит новая грязная попытка [нападения] на картины. Наверное, гангстерам хотелось бы воспользоваться военным временем и под шумок злостно расправиться с картинами. Брэгдон в своем последнем письме опять говорит о его встречах с людьми, которые стремятся увидать мои картины и ужасаются, слыша о зверском поступке гангстеров. Многие забыли или вообще не отдают себе отчета, что в темницу брошена тысяча картин, составляющих собственность нации. Ведь даже те, которые любят искать легальные зацепки, признают, что наше общее постановление — декларация, во всяком случае, имеет огромное моральное значение. Если полноправное постановление Совета Треста не имеет значения, то значит и все постановления Совета не имели и не имеют значения. Тогда спрашивается, к чему же происходит комедия официальной инкорпорации, и на всех бумагах подчеркивается, что учреждение инкорпорировано? Неужели в Америке все это лишь бутафория, и по желанию "инспирированного" судьи может интерпретироваться во всех направлениях?

За эти годы мы явились свидетелями чудовищных несправедливостей. Даже Стоке, избегающий всегда сильных выражений, не мог не написать, что в этом деле проявлена величайшая несправедливость. Слыханное ли дело, чтобы суд принимал во внимание и базировал свое решение на домашней копии сфабрикованного "документа", никогда не существовавшего и потому на суде не предъявленного! Сфабрикованные поддельные бумаги принимаются во внимание, а подлинное письмо самого Хорша игнорируется. Помните, что Хорш вначале на суде пытался сказать, что его подпись поддельная, и лишь потом не решился утверждать эту свою новую ложь, но с помощью советчиков своих стал утверждать, что содержание его письма относится к чему-то другому. По странности суда, никто не допросил Хорша, к чему же такому другому его письмо относилось. Какая потрясающая картина недобросовестности и вопиющего пристрастия! К сожалению, с Гималаев остается лишь поражаться, что и в теперешний век воочию можно видеть несправедливость, о которой сложены многие древние сказания. За этими темнейшими знаками скрывается и художественный аспект происходящего. Правда, в истории можно видеть примеры, как в войнах уничтожались библиотеки, музеи и всякие культурные памятники, но не приходилось нам читать, чтобы тысяча картин одного мастера бросалась бы в темницу, а народ

безмолвствовал.

Тысяча картин есть труд многих лет. Пословица говорит, что унция мозгов весит больше, чем тонна мускульной грубой силы. А сколько же унций творчества нужно потратить на тысячу художественных образов!

Ведь это целые годы труда, невосполнимого! Брэгдон пишет, что люди ужасаются, но добавим — ужасаются они шепотом, а улыбаются гангстерам при встречах явно. По человечеству нельзя же допустить, чтобы один гангстер с двумя своими супругами мог обокрасть ближайших сотрудников, обокрасть нацию и глумиться над общественным мнением. Когда в недалеком будущем вся эта гнусная эпопея будет вновь пересматриваться, то в каком же свете предстанут таинственно инспирированные судьи! И как будет торжествовать судья О'Малей, который пошел против своих коллег и подал свой одинокий голос за правду. Как характерно для нашего века, что за правду из пяти судей был лишь один. Тяжек путь эволюции!

30 Января 1940 г.

Публикуется впервые

Народность

Дорогой друг, Ваша весточка нас всех очень порадовала. Вы мыслите правильно. Ваше соображение о "Слове о Полку Игореве" не только своевременно, но оно нужно, как никогда. Вы утверждаетесь в истинном национализме, без которого народ не может преуспевать. Может быть, Вы помните мою статью "Неонационализм" — она была в первом томе сытинского издания. Давно думалось, и вот осуществляется. Там же была и "Русь подземная". Мыслим на тех же путях, ибо они были правильны. Хочется, чтобы Вы прочли мои недавние статьи: "Русская слава", "Русский язык", "Русские сокровища", "Друзьям-художникам". Последнюю найдете в сборнике "Мысль", только что изданном нашим Латвийским Обществом. Непременно прочтите этот сборник. Вы правильно возмущаетесь выходкой Бенуа, об этом я получил много писем. Мне она понятна. Кроме милюковской затхлости, жгучее еврейство (Ваше выражение) Бенуа не может принять Ваш или, вернее, наш образ мысли. Об этом мне писали. Бенуа — западник, версалец, ватиканец, а я — русский азиец, и это мне иноземцами не простится. К тому же весь клан Бенуа нам враждебен от школьной скамьи. Вредители! А ну их к шуту!

О Вашей отличной статье даже Ремизов мне написал осудительно. А ведь он-то мог бы понять русскость. Такова пропасть. Но мы издавна служили народу русскому и "не убоимся".

Сейчас пишу картины "Весть Тирону" — призыв к обороне Родины, и "Новая Земля" — новгородцы в Арктике. Еще одна моя русская картина теперь в Музее Траванкора — "И открываем врата". Мой "Микула Селянинович" прошелся здесь по четырем городам. Благо, что Ваши научные рефераты читаются. Вот бы и научные труды Юрия должны бы напечататься. Скажите об этом. Как бы двинуть и монографию! Может быть, у Вас есть пути? Написана еще картина "Армагеддон". Вот уж, поистине, "Армагеддон", да еще какой! Ваши три письма, о которых Вы поминаете, не дошли. Много вестей пропало. Почта неестественна — мы ведь не в нейтральной стране. Но все же пишите и радуйте. Сейчас столько смущения повсюду, что радость особенно нужна. Хороша радость, живущая в красоте и научной реальности. На просторах русских столько еще не вскрытого. Пусть Микула богатырски выоривает русскую славу. Все, что найдет народ русский, будет к украшению и прославлению. Русь захороненная, Русь подземная, покажись во

всем величии!

14 Февраля 1940 г.

Публикуется впервые

24 марта, 1940

Дорогие Друзья, этот День будет особенно памятным. Ровно 20 лет тому назад началась Живая Этика. Вы знаете, как полно это Учение Жизни вместило все Бытие. Именно этот год протекает в грозе и молнии, в буре Армагеддона. И тем более каждый может применить основы нравственности среди происходящих смятений. Мировые события дают возможность выдержать испытание вместимости сознания. В тихое мирное время многое дремлет, и люди забывают об основном начале Мироздания, о вечной борьбе с хаосом. Жить в опасности не есть преувеличение. Хаос — не отвлеченное понятие, но этот опасный химизм вторгается во всю земную жизнь. Безумие людское является сильнейшим проводником его. И не только способствуют ему люди, но и порождают его особую ядовитость.

Принявшие Учение Жизни тем самым возложили на себя великую ответственность как за себя, так и за окружающее. Лучший Щит не может защитить, если он не поднят. Не мыслящим возникающие проблемы кажутся нерешимыми, но Вам в широком кругозоре уже показано и благое решение. Там, где царит смущение, Вы усмотрите истинное растущее строительство. И не для себя одних Вы осознаете совершающееся, но и для молодых поколений. Только там, где существует глубокая забота о молодых поколениях — там и верный залог прекрасного будущего. И поймем это значение прекрасного во всей его полноте, ибо нет такой жизни, в которой бы оно не могло быть выражено и приложено. И сколько из нас узнают себя в этих молодых поколениях и будут признательны самим себе!

Существует заблуждение, что во время войн и смятений Культура должна быть отставлена и даже как бы забыта. Но ведь именно мировые напряжения требуют особого внимания к росту Культуры. Возрождение и расцвет человечества происходили во времена высокой Культуры. Не забудем, что эти эпохи не явились неожиданно — но углубленно подготовлялись лучшими мыслителями. Потому и во время войн будем готовить истинный мир, во всей его просветленной деятельности. Пусть красота самоотверженного, неустанного труда будет щитом верным.

Будьте строителями прекрасных мостов! Повсюду найдите Слова ободрения и призыва к напряженному строительству. Не отгоните, не закройте дверей стучащимся. Там, где незнание, там знание может быть насаждено. Не огорчайтесь незнанием, но смотрите на него, как на лучшую пашню. Незнание часто лучше кичливого малого знания; от незнания, минуя среднее знание,

могут построиться мосты к Высшему.

Мы всегда говорили к 24 Марта о терпении и доброжелательстве. Вот и теперь пошлем всем друзьям привет на тех же основах. Но сейчас особенно добавим зов о доверии и преданности Великому Учителю. Привет сердца всем друзьям!

Публикуется впервые

Сближение

Сближение, дружелюбие, успех! Вражда, распад, разрушение! Соберите все положительное, и оно пристанет к первому берегу. Назовите все темное, и оно станет уделом второго, мрачного и себя пожирающего. "Concordiae parvae res crescunt, discordiae — magnae dilabuntur", — учили всех нас в школе и поручали запомнить. Правда, все запомнили об успехе и возжелали его. Мало кто придал значение дружелюбию. Совсем мало подумали над смыслом сближения. Иногда, люди мечтают об общем благе — мечта самая успокоительная и ласкающая! Но что же нужно сделать для осуществления ее? Необходимо и доброе сближение со всеми деятельными трудниками. Это уже многим не понравится. Не лучше ли сближаться с друзьями только? Но с друзьями вы уже близки. Для широкой пашни нужно расширять и круг друзей. Подозрительность, недоверие шепчут в робкое ухо: "Как бы не ошибиться? И к чему искать новое, неизвестное, когда можно пребывать в уютном кружке друзей. Там можно сохранить сердечность и не бояться натолкнуться на рифы непонимания". Очень лукавые успокоения! Лучше расширим добрую пашню до соседних границ. Пошлем привет новым пахарям. Нужды нет, что еще вчера мы их не знали, но сегодня с восходом красна-солнышка мы порадуемся новым сотрудникам. Каждый пахарь добрый будет сотрудником, ибо ценность труда есть ценность всемирная. Без сближения разве распознаем друг друга? На дальних расстояниях и очертания изменяются, и сама человечность невидима. За камень, за пень примете дальнего путника. И можно ли улыбнуться далекой точке на снеговой равнине? Улыбка есть знак близости. Кто-то не усомнился, доверился, приблизился, и только тогда засияла улыбка — это знамя общего блага. Если даже понапрасну расточите вашу улыбку, ваш привет, ваше доброе пожелание — не беда. Среди сокровищ человечества неистощимы и улыбка, и привет, и доброе пожелание. Около них раздобреет почва и вырастут прекрасные, целительные травы. Добрыми мыслями куется добротворчество, ради него нужно напрячь все силы, все умение, всю целесообразность. Для деятельного добротворчества необходимо сближение. Ладный, добрый доспех у каждого добротворца. Он смел, он радостен, он неутомим, ибо мыслит об общем благе. Вперед!

1940 г.

"Литературные записки", Рига, 1940.

Странники

Брлич, секретарь нашего содружества в Загребе, сообщает, что мои картины находятся в Галерее Современного Искусства и для них будет отдельная комната. Такое же сведение из Музея Буэнос-Айреса. 17 февраля в Читралайан Траванкора открыт наш зал. Там теперь и "Сантана", и "Шамбала Даик", и "Генисаретское озеро", и "Брамапутра", и русская "Открываем врата", и "Пламенные мысли"… В Гайдерабаде тоже несколько крепких вещей: две — "Гималаи", "Видение", "Замок Такура", "Тревога" да еще несколько поменьше. В Мейсоре — "Майтрейя". В Бомбее — "Гималаи"… По Индии разошлось уже более шестидесяти вещей. Но что сталось с картинами в Китае? Там был вариант "Открываем врата" — в Пекинском Музее; были "Гималаи" — в Академии наук в НаЯкине; был "Кремль Московский"… Все куда-то вывезено, если вообще существует. Что с "Князем Игорем" в Гонолулу? Куда пойдут картины Крэна и Сутро? У Крэна: "Ростов Великий", "Бенарес", "Гималаи", "Твердыня"… У Сутро — "Гималаи", "Перевал" — всего четырнадцать картин. Не знаю, где группы картин, бывших у Молло и Левинсона — оба они померли. В Париже картины сейчас — по подвалам. Каково-то положение в Брюгге? Прочно ли в Праге? Сейчас были запросы для музеев в Новой Зеландии и в Софии. Но по нынешним временам даже и посылать почти невозможно. Во Франции искусство скрывается в Овернских пещерах. Дожили! Пути многих картин останутся неизвестными. Как в воду канут. Вовсе не найти, словно их никогда и не было. Нередко вещи сохранятся лучше, чем в Овернских пещерах. Об этих странниках можно написать занимательную книгу. Вот в книжном переплете заделан отличный эскиз Рубенса. Вот под скверным пейзажем сохраняется второй холст с превосходным портретом Брюллова. Вот находится среди старого хлама отрезанная часть картины Парентино… А сколько записанных картин! Среди таких записей можно различить не только вандализмы, но и сознательные сбережения. Иногда отличная картина спешно замазывалась, чтобы охранить ее от посягательств. В таких сокровенных заботах чуется целая страница истории, желание спасти, когда кругом уже бушуют разнузданные страсти. Вот находим у маленького швейцарского антиквара чернецовскую картину из Наполеоновской сюиты. Никому не понятен сюжет. Странник стоит в углу заброшенный. Каждый странник хранит свою тайну. Странники, вечные странники!

(1940 г.)

"Из литературного наследия"

Пророчество

Тамдинг принес с базара книжку на хинди "Парахамса Нараяны" о пророчествах, касающихся настоящего времени и ближайшего будущего. Очень любопытно, ибо совпадает во многих частях и с другими слышанными пророчествами в Монголии и Тибете. Затем передавали пророчество Баба касательно тех же времен и событий, но в ином варианте, который показывает, что источники были какие-то иные. Наконец, Теджрам принес пророчество сикхов Гуру Говинда, в котором упомянуты еще более интересные подробности. А ведь это пророчество очень старое. Сикхи, очень почитающие своих Гуру, уже выполняют часть этого предсказания.

Незадолго раньше в местности ходила запись одного ученого брамина, разными вычислениями определившая скорое наступление Сатья Юги[70] — она должна начаться в 1942 году. Этот же срок упоминается и в других предсказаниях. Удивительно подумать, насколько где-то в толще народной происходит какое-то замечательное течение, которое прорывается наружу в самых удивительных формах. Ко времени все эти легенды, пророчества, предания сплетаются в один многозначительный венок.

Сложный ход событий, казалось бы, протекающий поверх человеческой логики, находит ясное объяснение. Остается вспомнить речение, что "сказанное так же верно, как под скалою Гума[71] лежит пророчество". Кто найдет его? Исследуя все эти части народной мозаики, можно удивляться разнообразию источников ее. Ведь говорят разные народы, языки которых совершенно различны, а между тем высказанные сроки и данные странным образом совпадают. Когда вы слышите одну часть этих прозрений, вам может показаться, что это какая-то чисто местная легенда, и неопытный слушатель отнесет ее в разряд сказок и досужих небылиц. Но совсем иное чувствуется, когда вы складываете вместе слова многих народов, сказанные на протяжении нескольких веков. Эти люди фактически друг друга не знали, и мыслили они в совершенно разных направлениях. А старинные языки их многих слов, а в особенности слов современных нам, вообще не имеют. Но под всем этим разнообразием чувствуется одна мысль, одно таинственное знание и прозрение. К тому же авторы многих таких пророчеств почти безвыездно находились в своих ашрамах[72] и монастырях, иногда вообще не соприкасаясь с внешним миром. Кто-то отнесется научно к этой живой легенде, творимой многими народами. Под разными именами можно узнавать те же

местности и те же события. Теперь уже поняли, что фольклор составляет интересную научную область. Так же точно и многозначительность народных пророчеств сделается научным достоянием. Ведь не в какие-то отдаленные века творится живая народная легенда, но она куется и сейчас и мудро толкует о мировых событиях.

(1940 г.)

Публикуется впервые

Опять Америка

Зина, Франсис, Катрин, Инге, Дедлей, Морис, Стоке, все Вы и многие другие, и многие знают всю ложь Люиса Хорша, Нетти Хорш и Эстер Лихтман. Вы все отлично знаете, что деньги, которые Хорш пытается взыскать с меня, вовсе не были взяты мною, но представляют из себя суммы на экспедицию, которая была финансирована американскими учреждениями. Вы знаете, что Хорш вынудил меня дать ему векселя как бы для каких-то его технических обстоятельств, и тут же он дал письмо 8 декабря 1924 года, аннулирующее эти векселя. А теперь этот лжец и клеветник вводит суд в заблуждение, говоря, что это его письмо относится к каким-то другим суммам. И никто его не спрашивает, какие же это были другие суммы? Это лишь один из ярких примеров лживости и злонамеренности Хорша. Такую же ложь он выказал и в деле с картинами, которые вовсе не составляют его частную собственность, как он, желая их присвоить, теперь лжет, а являются собственностью нации, охраненной Пейнтингс Корпорешен, созданной для безопасности этих картин.

Казалось бы, Хорш ясно показал, что картины эти не его собственность, когда он подписывал постановление Совета Музея — декларацию 1929. года. И в этом случае Хорш лжет и даже вводит в заблуждение Правительство Америки, уверяя, что картины эти его частная собственность. Найдя адвокатов по нравственности своей, похожих на него самого, Хорш лживо пытается доказать, что "Мастер Институт Соединенных Искусств" вовсе не наше общее учреждение, а его личная собственность. При этом он с помощью жены своей совершает подделку и манипулирует домашней "копией" с никогда не существовавшего документа. Необъяснимыми таинственными способами Хорш достигает, что суд принимает его подделку, тогда как, казалось бы, ни в одном суде всего мира не могут принять во внимание никем не заверенную домашнюю фабрикацию.

Перечислять все лживые, преступные махинации Хорша — значило бы цитировать все Ваши и наши дела с ним. Каждый из нас может добавить еще множество прискорбных эпизодов, в которых Хорш, его жена и Эстер Лихтман оказались злонамеренными, своекорыстными лжецами. Совершенно непонятно, почему голословные подтасованные лжесвидетельства Хорша принимались судом, тогда как все Ваши достовернейшие показания оставались в небрежении. Правда, были и такие судьи, которые признавали всю Вашу и нашу правоту, но, как часто бывает на Земле, они оставались в меньшинстве. Правда,

некоторые юристы утверждали, что если бы не появился известный Вам всем "покровитель" Хорша, то правда восторжествовала бы. Ведь судья Коллинс даже возмущался, что этот покровитель понуждает его телефонами к одностороннему решению. Ведь все эти многие факты не прошли бесследно и когда-то к стыду очень многих они выйдут наружу.

Печально, что около Культурных, образовательных дел, около идеи Мира и Охранения всечеловеческих ценностей обнаруживается человек злонамеренный, как Хорш. Когда Вы перечтете книги, посвященные нашим Конвенциям в Бельгии и Вашингтоне, когда Вы восстановите в памяти книгу о десятилетии наших учреждений, три ежегодника Музея, Бюллетень Музея и прочие издания и брошюры, то Вам со всею поразительностью еще раз станет ясно, какая злобная, предумышленная агрессия совершена Хоршем и его двумя сателлитами. Встает вопрос, неужели в современном цивилизованном и даже иногда Культурном мире возможны такие преступления Хорша? Ведь, кроме ограбления целого ряда лиц, кроме вероломства, ибо он был нашим доверенным (федушери), он обманул также и общественное мнение. К довершению, по поступкам Хорша выходит, что и экспедиция, организованная и финансированная учреждениями, вовсе не была таковой, хотя 06 организации экспедиции широко им же опубликовано и в документах учреждения и в прессе. Впрочем, вероятно, Хорш скоро скажет, что мы все вообще не существуем, что никакого Учреждения Объединенных Искусств мы вообще не основывали, а он является всемирным знатоком искусства, Гейдельбергского Университета доктором и мало ли еще какую ложь изобретет этот клеветник. Удивительно, что на суде ни судьям, ни адвокатам не пришло в голову спросить, что же такое случилось в Июле 1935 года, когда Хорш начал свою преступную Агрессию? Во время судопроизводства выяснилось, что агрессия эта не произошла мгновенно, но тщательно и злоумышленно подготовлялась от самого дня привхождения Хорша в наши общие дела.

Увы, теперь всем нам ясно, что Хорш буквально от самого начала своего привхождения уже фабриковал и подтасовывал многое, чтобы в удобный для себя срок произвести Незапамятную в истории Культурных учреждений агрессию. Уже не говорю о том, что тысяча картин вообще игнорируются, и около них вероятно задуман какой-то исключительный вандализм, особенно же пользуясь теперешними мировыми экстраординарными обстоятельствами. Нет меры лжи и Злонамеренности Хорша. Иногда, читая в прессе о всяких преступлениях гангстеров,

думается, что такие типы утрированы, и злодеяния их писательски приукрашены, но то дело, в котором мы были ограблены, изгнаны из нашего же учреждения и оклеветаны, доказывает, что преступность может достигать крайних пределов и Хорш является со своими двумя сателлитами яркими показателями современного нравственного упадка при общественном равнодушии. Но правда все же восторжествует!

Давно сказано, что Бог платит не по субботам. И лучшая наша общая крепость в том, что мы знаем нашу правоту. Найдутся судьи, подобные судье 0'Малей, которые установят истину.

Кроме грабительства, подделок, лжесвидетельства и вероломства, Хорш отягчил свои преступления и тем, что внес смуту в просветительное дело — смутил молодых малых. Можно убеждаться на нашей Академии в Нью-Йорке, на "Фламме" в Индиане, на "Арсуне" в Санта-Фе, на нашем Центре в Филадельфии, как даже при скромных средствах может жить дело Культуры, честно внося свою лепту неотложной полезности. Правильны были наши программы. Успех Музея Современного искусства в Нью-Йорке это вполне доказал. Если бы только довелось соприкасаться лишь с хорошими сторонами Америки! Впрочем, мы уже с 1923 года — в Индии, в Азии.

Публикуется впервые

Русскость

За последнее время в нескольких странах появились статьи о моей русскости, о моих русских картинах, о моих писаниях во славу народа русского. По сердцу были мне эти отзывы, авторы которых иногда оставались мне неизвестными.

Во всех наших странствиях мы могли на многих пробных камнях проверить наши русские задания. И чем дальше шли, тем драгоценнее выступали для нас героические черты и дарования народа русского у всех необозримых равнинных, поморских, лесных и нагорных очагов. Во всем разнообразии ликов, наречий, одежд сказалась та же мощная целина, та же чаша неотпитая, которая поднята во славу великого будущего.

Злобная зависть, чудовищные наветы, ярое желание умалить — все чужеземные наскоки лишь доказывают, как глубоко оценивается мощь русская. "Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть", — давно сказано. Народ русский может представить такой послужной список, в котором даже слепые прозреют красоту русского сознания.

Поднялось и племя молодое, поросль, трудами себя утвердившая. Русская древность тоже обновляет и укрепляет сознание. Каждая экспедиция, каждая раскопка, каждое внимание к народному эпосу — все лишь говорит о новых возможностях, да о каких возможностях! Шире широкого! "Город строят"! И нет конца этому городу. В истоках — Новгород, и в будущем Новгород, овеянный знанием и творчеством. Культура русская из-под спуда показалась во всем величии своем.

Уже не шовинизм ли? Нет, от этого чудовища охранился народ русский. Он не знает умалений, не забросает грязью чужие, ладные достижения. Да живет все полезное на потребу человечества! Не спустимся, чтобы затемнить чье-то достижение. Милости просим — пусть растет все прекрасное. Сблизимся со всем ладным и созидательным. Пора и свое знать.

Растет народ русский и качеством и количеством. Отпустила ему судьба несметные богатства — пусть возьмет из недр все сокрытое. Даны народу русскому и герои во всех веках. Народные богатыри от Микулы, от Святогора уже складывали твердыни. За славу народа русского боролись Александр Невский, Сергий Радонежский, Минин, Пожарский, Суворов, Кутузов, Пушкин, Менделеев, Мусоргский, Римский-Корсаков, Репин, Толстой, Павлов — и не перечесть! И народ русский воздает поклон своим героям.

Народ собирает свои ценности. Новые каналы, новые

машины, новые строи позволят народу шибко шагать. Все ценности научат народ одолеть все темное. "Сходятся старцы", сойдется и молодежь. Поклон всем героям! Привет молодым!

Март 1940 г.

Публикуется впервые

Недописанное

Чего только не бывало на нашем веку! Жили без телефонов, без электричества, без моторов, без радио, без витаминов, без джаза… О воздушном сообщении не помышляли. Впрочем, даже Фош уже не так давно не признавал военного значения аэропланов. Наполеон отверг пароход. Французская Академия обозвала эдисоновский фонограф "уловкой шарлатана". А лорд Брум попросту выразился против значения пара. Странны такие страницы недавней истории. Предрассудки жили прочно, да и посейчас живут, прикрываясь иностранными словечками. Историю учили по Иловайскому. Запомнили, что история мидян темна и непонятна и что Катон умер при щебетании птиц. По географии не успели пройти Сибирь, но зато заучивали многие иностранные фабрики. В сельских школах со слезами зубрили о пассатах и муссонах, но географию родины знали слабо. Пережили отлучение Толстого от церкви, И такое бывало. Присутствовали при изгнании Куинджи из Академии. Всего было. На нашем веку Достоевский в остроге сидел. Вот и такое было. Врубель погибал в нищете… Страшно умирал Некрасов… Вот несмотря на послов и на всякие резолюции у всех на глазах американская таможня продала с торга восемьсот русских картин.

А вот еще памятный случай о пожаловании Нового Адмиралтейства Обществу Поощрения Художеств. Общество нуждалось в помещении, и великий князь Петр Николаевич решил просить Императора о пожаловании или места или дома для разрастающихся нужд Общества. После доклада приезжает ко мне веселый: "Государь Император пожаловал Обществу Новое Адмиралтейство!" Я так и онемел и почуял беду. "Вы кажется не рады?", — спрашивает Петр Николаевич. "Рад-то я рад, но предвижу хлопоты с Морским Ведомством". "Но ведь это Высочайшее повеление". Написали мы Морскому Министру и получили отповедь. Об этом эпизоде больше и речи не было. Покойный Д. В. Григорович был неиссякающий кладезь всяких бытовых эпизодов. Жаль, что ему не пришлось оставить свои дневники. Жаль, что и Вагнер (Кот Мурлыка) не записал своих встреч с Достоевским, с Некрасовым и Аксаковым. Приходилось слышать от Н.П.Вагнера о любопытных психологических наблюдениях Достоевского. Очень славно говорил он о русском народе. Часть этих замечательных мыслей вошла в "Дневник писателя". О Менделееве тоже не записано, а когда-нибудь об этом пожалеют. Незабываемая повесть о нежелании Академии

Наук избрать Менделеева в члены тоже должна быть освещена. Уход группы Крамского из Академии Художеств не запечатлен достаточно. Скудно рассказано о Бородине и о Римском-Корсакове. Неужели ждать каких-то юбилеев, когда многое позабудется?! Видали, как спешно перерываются архивы накануне годовщин. Костомаров, Кавелин, Ключевский, мало ли кто не были рассказаны! Наверно, крылатые мысли, брошенные в беседах, особенно осветили бы этих замечательных русских деятелей.

Постоянно всплывают давно слышанные памятки. И не только печальные, но и очень бодрые и радостные. Где же собраться их записать? А сегодня 24 Марта — день-то какой!

24 Марта 1940 г.

Публикуется впервые

Сантана

"Скажем врагам: не плюй против ветра". Речение знакомо и со слов Будды и со слов Ницше. Вряд ли Ницше знал заветы Будды, но кто знает, может быть, и слышал. Ведь и Вагнер хотел сделать вместо "Парсифаля" буддийскую мистерию. Извилисты пути. Не отличить, где заимствование, а где еще какой-то новый уклон мысли. Вагнер говорил Листу: "Теперь заткни уши, эти две страницы от тебя взяты". А сколько аналогий вольных и невольных среди творений старых мастеров. Для новой концепции брали из лучших источников. Может быть, бывали вдохновлены именно этою деталью. "Для чистых — все чисто".

Часто художник даже не помнит, где он увидал какую-то подробность — или в природе или в чьем-то творении. Бывает, что и в природе нечто остановит внимание, потому что где-то, когда-то уже было увидено. Бывает и наоборот. Если композитор вспомнит чудесную народную песнь — от этого не пострадает его произведение. Иначе и Бетховен, и Мусоргский, и Римский-Корсаков были бы повинны в некоторых своих вдохновениях. Если художники иногда не признают свое собственное произведение, то где же вспомнить что-то понравившееся десятки лет назад?

Поток жизни — сантана — прихотлив и щедр. Поток распыляется в отвесном водопаде, чтобы потом опять собраться в русло. Где и когда? Леонардо писал: "Не брани меня, читатель, потому что предметы бесчисленны, и память моя не может вместить их так, чтобы знать, о чем было и о чем не было говорено в прежних заметках, тем более, что я пишу с большими перерывами, в разные годы жизни". Да и как упомнить все струи сантаны? Где отметить все прибрежные скалы, из которых каждая и на солнце и при луне горит самоцветом? Сколько среди них будто бы подобных, но различны они и лишь возбуждают похожий отзвук. "Помню, где-то видал, но где и когда"? И к чему помнить все извилины и перевалы? Не лучше ли сохранить синтез сияний, сложенных щедростью природы? Истинный реализм — в передаче убедительного смысла виденного. Пусть зритель стоит перед действительностью, и нет ему дела, как она достигнута.

Сантана — поток жизни. Где и когда и кому пригодится все записанное? Но видели, как оно становилось нужным. Даже цензоры, поставленные для пресечения, полюбив прочтенное, нередко радовались.

Публикуется впервые

Еще Америка

Пришло второе письмо от Зиночки из Лос-Анжелеса от 2-го Марта. Очень рады, что впечатления от поездки складываются хорошие. Не сомневались, что в разных местах Америки имеются друзья, явные и скрытые. И прикасания к ним очень полезны для всех дел. Хорошо, что Зине удалось установить и связь с книжным магазином. Кто знает, может быть, там можно хоть немного продвинуть монографию. Из-за военного времени рижским друзьям так трудно с денежными вопросами, и потому каждое продвижение монографии для них сейчас большое благо. Если будете писать Кошиц, передайте ей наш общий привет. При всей ее сумбурности сердце у нее доброе. Рады, что ее обстоятельства сложились удачно. А где же Мара и Шуберт?

Теперь Вы уже опять в разгаре нью-йоркских битв с темными силами. Чувствуем, что будут какие-то злые нападения на картины. Конечно, сто картин, бывших на 4-м этаже, безусловно принадлежат Катрин, так как Е. И. совершенно законно летом 1935 года их передала в ее собственность. Что же касается до картин Музея, то адвокатам придется обратиться к нашей общей декларации 1929 года, которая была также вписана и четою Хоршей. Из этой декларации совершенно ясно явствует, что картины, согласно зеленому каталогу Музея, не могут быть частною собственностью Хорша, ибо и они, участвуя в этой декларации, определенно утвердили, что картины, о которых говорит декларация, не есть их частная собственность. В этом смысле декларация как постановление Совета Музея является чрезвычайно важным документом.

Если бы Стоке опять начал говорить о том, что правительственного ответа на декларацию не последовало (хотя весь текст декларации и не предполагал ответа), то можно ему сказать, что как постановление Совета Музея, никогда не отмененное, декларация имеет важное законное значение. Если бы Хорш на основании ранее им сфабрикованных и подсунутых бумажек стал уверять, что картины есть его частная собственность, то, во всяком случае, декларация как акт позднейший аннулирует все его прежде подстроенные махинации. Это обстоятельство адвокаты должны использовать в полной мере. Не нужно ли, чтобы я прислал еще одно удостоверение, что картины Музея не являются ни моею, ни чьею-либо частною собственностью? Впрочем, это обстоятельство достаточно ясно из факта и текста самой декларации. Только бы адвокаты не упустили этого соображения. Также, вероятно,

адвокаты найдут случай, чтобы еще раз запечатлеть тот поразительный факт, что Хорш, будучи нашим доверенным, действовал против нас. По-видимому, Плаут не сумел использовать и этот потрясающий брич оф трест. Впрочем, во многих отношениях Пл[аут] действовал точно бы был адвокатом противной стороны. Конечно, при всяких существующих таинственных подпольных влияниях, в которых принял участие член кабинета, нечего удивляться потрясающей несправедливости, совершающейся на глазах у всех. Плаут не только захватил документы, но и как бы нарочно пропустил срок в деле с газетою.

Все это наводит на печальные мысли и спрашивается, с кого же искать и эти убытки? Будем надеяться, что Джаксон правильно использует все материалы, у него находящиеся, и не подпадет ни под чьи влияния, а также и Смайт не упустит сроков. По-видимому, дело о ста картинах, принадлежащих Катрин, и о манускриптах Е. И. находится в руках См[айт]. Вероятно, в пути уже находится Ваше очередное письмо, разъясняющее, каким образом появилась мрачная фигура подставной Эстер. Если Хорш ей сделал какие-то сверхъестественные подарки, то не обратил ли Джаксон внимание судьи именно на их (т. е. подарков) неестественность.

Это письмо долетит к Вам уже во время выставки Святослава. Надеемся, что все пройдет успешно, ведь от этого зависят и некоторые будущие выступления. Выясняется, что некоторые письма теряются в пути, а другие приходят в нарушенном порядке. Вообще нарушился мировой порядок, и во всем мире должны это осознавать. Друзьям в Америке, а прежде всего Джину скажите, что мы сосредоточим корреспонденцию на Вас и Дедлей. И при случае передайте друзьям наши искренние приветы. Пусть пеняют не на нас, а на экстраординарные обстоятельства. И еще одно грустное обстоятельство — сердце Е. И. нас тревожит: по определению врача, непорядки в клапане. Да и мне нужно повидать специалиста, которого в Индии нет. Буквально держимся лучами Блага. Относительно картин из Арсуны, значит, из 56 там бывших 22 остаются там, а 34 на Вашем попечении в Академии. Повторяю, что очень хорошо, что Вам удалось оживить некоторых калифорнийских друзей. Ведь нужно укреплять новые кадры друзей.

8 Апреля 1940 г.

Публикуется впервые

Молодому другу

Мой молодой друг, вы спрашиваете о методах работы. Не терзайте себя методами, лишь бы вам вообще хотелось работать. Работайте каждый день. Непременно каждый день что-то должно быть сделано. По счастью, работа художника так многообразна, и в любом настроении можно сделать что-то полезное. Один день будет удачен для творчества. Другой — для технических выполнений. Третий — для эскиза. Четвертый — для собирания материала. Мало ли что понадобится для творчества! Главное, чтобы родник его не иссякал.

Если же начатое не понравится — отставьте. Не уничтожайте. Под настроением можно порешить и нечто пригодное. Пусть постоит у стены. Придет час, и этот осужденный изгнанник может понадобиться. Многооко восприятие. Вчера взглянулось одним оком, сегодня глаз увидал нечто неожиданное, а назавтра покажется что-то совсем новое. Не судите сразу. Пусть в ходу будут несколько разных вещей. Одну отбросили, другую вытащили. Да и когда можем мы сказать, что вещь кончена? В конце концов, она никогда не кончена. Лишь обстоятельства заставят расстаться с ней.

Главное, чтобы в саду художества росли многие виды растений. Не бойтесь постоянной работы. Напрасно сидеть у берега и ждать попутного вдохновения. Оно приходит мгновенно и нежданно. И не знаете, какой луч света или звук, или порыв ветра зажжет его. Всему — милости просим. Вода — на мельницу! Лишь бы колесо крутилось и жернова работали.

Колесо жизни. Или, как индусы скажут, сантана — поток жизни. И столько кругом чудесного, что не перестанете радоваться. И не постареете. И творчество будет постоянным отдыхом. Хорош удел художника. Так называемые муки творчества — самые сладкие муки. И не забивайте себя в безысходный угол.

Веселей любите труд. В самом несовершенстве работы заключен источник следующего творения. Кто знает, где самодовление и где импровизация? Одно рождается из другого. Вы же, как пчела, собирайте мед отовсюду. Будьте всегда самим собою. Поймите, что в творчестве вашем и отдых, и обновление, и радость.

Дайте радость и кому-то вам неведомому. Дать радость — это как увидать восход солнца. Будьте проще и любите природу. Проще, проще! Вы творите не потому, что "нужда заставила". Поете, как вольная птица, не можете не петь. Помните, жаворонок

над полями весною! Звенит в высоте! Рулите выше!

8 Апреля 1940 г.

Гималаи

"Из литературного наследия"

Подсчеты

Совершенно незаметно по Индии разошлось немало картин; среди них есть и большие. Больше пяти футов нельзя перевозить. Ведь от нас — на руках, потом на моторе, потом на горной маленькой железной дороге, потом от Патанкота до Амритсара, и только там большая дорога.

В Траванкоре в Музее Тривандрума десять картин. В Гайдерабаде (Деккан) шесть. В Кала Бхаван Бенаресеа двенадцать. По одной — у Рабиндраната Тагора, в Институте имени Боше (Калькутта), в Адьяре (Мадрас), в Музее Мейзора, у Козенса (Нильгири), у Тампи (Тривандрум), у Соммервел (Тривандрум), в Бомбее, у Б. Сена (Люкнау), в Университете Аллахабада, в Библиотеке Маха Бодхи (Сарнат), у Равала (Ахмедабад). В Муниципальном Музее Аллахабада — восемнадцать. Да еще в частных руках: будет больше шести десятков во всех концах Индии.

Запросов много. Трудно посылать — очень портят и пыль и всякие зловредные насекомые. На одной выставке за три недели даже рамы изъели. Тоже вредит сырость. Остается лишь зимнее время. Последний раз после четырех выставок в Ахмедабаде, Мейзоре, Тривандруме и Бомбее многие картины вернулись попорченными. Впрочем, к этому мы привычны. В Америке после выставок в двадцати пяти городах пришлось несколько месяцев чинить картины. После пути из Тибета и Монголии тоже были всякие аварии. Помню, когда из УланБатора транспорт картин двинулся на быках, все мы безнадежно переглянулись.

Но трудности индийского транспорта возмещаются сердечными отзывами индусов. Жаль, что эти искренние письма остаются в недрах архива. Столько в них звучаний на искусство! Трогательна молодежь! И ведь как ей трудно пробиваться! Только зная все тяжкие условия, можно особенно оценить устремления к искусству. В некоторых музеях оклады хранителей до смешного малы. Но вопреки всему в сердцах горит устремление. И какие славные слова находят они около искусства! Впрочем, читавший Бхагавад Гиту может иметь в себе звучные определения. Даже те, кто имеет слабое представление о современном искусстве, находят непосредственный подход к нему. Такие же непосредственные мысли приходилось слышать в русских селах. Нс столько в городах, как именно в широте степей, среди лесов непроездных. Много общего с Индией. А ведь в подходе к искусству сказывается и вся душа народная. Велик магнетизм Гималаев. Нет нигде такой горной державы!

Чаттерджи просил дать введение к каталогу индусской выставки. Пишет: "Посещаемость выставки была хороша, но продажи, к несчастью, не было". И тут коснулась война. Около наших дел эти касания все явственней. Скончалась "Фламма", примолк Центр в Париже, свернулся Музей в Брюгге, засыхает издательство и магазин в Риге, кончилась "Культура" в Шанхае, замолк Гималайский Институт. Повсюду что-то усохло. Говорят — временно! Но как оживлять засохшее древо? Не лучше ли посадить новое?! А еще говорят, что Армагеддон не коснулся жизни. Нет, именно вторгнулся во всю жизнь. Переехал многие пути. Задавил множество лучших побегов. А ссор-то сколько! А ненависти, предательств, удушений. Грозен Армагеддон.

Вспоминаем, как распределилась жизнь. Получится: сорок два года — Русь. Одиннадцать — Индия. Финляндия — два. Америка — три. Китай — два. Тибет — полтора. Монголия — один. Франция — один. Англия — год с четвертью. Швеция — полгода. Швейцария — полгода. Италия — четверть года. Не считаю стран приездом — Германия, Япония, Голландия, Бельгия, Гонконг, Джибути, Филиппины, Египет. Прекрасный Музей в Каире!

Конлану нужны всякие подсчеты. Не так-то легко припомнить многие встречи. Письма тоже развеялись временем. Книг у всех нас накопилось столько, что никаких ящиков не хватит передвинуть их. Много отдаем в Гималайский Институт. Много ежемесячников и газет. Очерков моих в них печатанных будет более четырехсот. Только часть делает толстую книгу. Многие появлялись в южной Индии. Иногда кажется, что говоришь словно бы в подушку. Но вот когда Святослав был приглашен писать портрет магараджи Траванкора, то оказалось, что очерки не только были читаны, но и дали много друзей. Не знаем наших друзей, и велик подсчет этих незнаемых, неписанных, но верных и трогательных доброжелателей. Привет им. Сердечный привет!

(1940 г.)

"Из литературного наследия"

Туда и оттуда

Теперь главный вопрос наш об ушедшей, всем нам дорогой. Вполне понимаем всю вашу горесть, но для ушедшей лучше будут ваши добрые сердечные мысли о ней, без посылок горестных. Она ведь остро чувствует и видит вас. Ведь только разница в вибрациях плотного и тонкого плана препятствует более тесному и ощутимому общению. Древние народы гораздо лучше понимали смысл перемены бытия, нежели современные цивилизованные мудрецы. Сколько раз повторено в древних Учениях о том, что смерти не существует, но есть лишь смена оболочки. "Мы не умрем, но изменимся". В этой краткой формуле все сказано, но люди как-то не обращают внимания на это основное утверждение закона бытия. Вы пишете, что стремитесь скорей перейти в Тонкий Мир. Правильно, что вы думаете об этом переходе, ибо сознание должно быть к этому подготовлено, но чем-либо ускорить этот переход по следствиям будет равносильно неудачной преждевременной операции. Каждый должен выполнить свое задание в плотном мире; невозможно оказаться дезертиром! Все элементы, входящие в состав наших оболочек, плотной и тонкой, должны закончить естественно свое земное выявление, чтобы тем самым беспрепятственно приобщиться к жизни в Тонком Мире. Ушедшая, обладавшая таким чутким сердцем и приобщавшаяся к искусству, конечно, пребывает в прекрасных сферах с лицами, близкими ей по духовным устремлениям. Именно в сферах духа притяжение особенно остро действует. Ведь дух прежде всего — магнит.

Прекрасное сердце как выразитель духа является лучшим проводником или мостом среди сфер. Мысль как тончайшая энергия является основою Тонкого Мира, и добрая мысль есть крепчайшая творческая сила. Там все творится мыслью, и мыслью же все разрушается. И земные мысли имеют такое же назначение, потому что. можно себе представить, как важно посылать в пространство мысли созидательные и прекрасные. Вам это должно быть особенно близко, ибо вы всегда говорили о глазе добром. Несомненно, и все тяжкие условия Армагеддона должны тоже очень отягчать вас. Ведь вы особенно чутки на всякие мировые волны. И кому сейчас может быть хорошо? Уже не говорим о житейских условиях, которые у каждого из нас потрясены, но сердце болит за все бедствия мира, увы! подготовленные самими людьми. Само пространство вопиет. В письмах с разных концов Земли сообщают о необычных космических явлениях. В шуме битв многие из этих знамений

особого времени тонут. Но чуткие сердца ощущают их, и никогда не было такого болезненного напряжения, как сейчас. Планета тяжко больна. Равновесие мира держится лишь одной страной, и радостно, что там кипит строительство. И во время битв каждый должен думать о строительстве и вносить его в своей области. Никто не знает, когда и где понадобится приложение его труда и опыта. Девиз "всегда готов" особенно должен быть повторяем сейчас. "Всегда готов, на дозоре во имя общего блага".

Ваш словарь добра всегда был так велик, и сейчас вы должны почерпнуть оттуда выражение доброй бодрости, которая принесет благо многим друзьям знаемым и незнаемым. У каждого из нас много этих незнаемых друзей, и мысль о них где-то сотворит что-то доброе. Эти добрые мысли сплетутся с прекрасными тончайшими мыслями "оттуда", и получится контакт сильный. Воздействия "оттуда" непрестанны, а люди вместо того, чтобы принять их благодарно, стараются отмахнуться, как от мух назойливых. И в этой своей необдуманности и небрежности люди часто лишают себя лучшей помощи. Вот и ваша дорогая ушедшая, конечно, уже шлет вам бодрые, благие мысли. Она-то знает, когда свидится с вами. И вы должны встречать ее мысли такими же благими чувствами. Вопль горя вовсе не помогает ни ей, ни вам самим.

Когда люди отъезжают в дальнее путешествие, близкие провожают их добрыми пожеланиями и ждут новой радостной встречи, так и тут. Помните — "как внизу, так и наверху", и эта аксиома вечной непрерываемой жизни должна быть всеми твердо усвоена. Жизнь продолжается в тонких формах и, увы, часто даже слишком отражающих наше земное пребывание. Все это аксиома, но столько в земном быту нагромоздилось всяких искажений и самых диких представлений, что прекрасный смысл непререкаемых труизмов и аксиом затемнился. Человек, переходя, не проваливается "в хладную бездну", но продолжает свой путь, применяя все накопления. Ей там хорошо, и вы помогите ей своими добрыми мыслями.

[1940 г.]

"Обитель света"

Встречи

Дорогой друг, в вашем Апрельском письме Вы спрашиваете о моей переписке с Нижинским, Стравинским, Метерлинком, Мясиным… Увы, мои архивы не со мной, и многое, может быть, вообще не существует. Нынешний Армагеддон тоже не будет способствовать сохранности архивов. Архив до 1916 года остался в доме Общества Поощрения Художеств, где мы жили. Затем кое-что осталось в Прибалтике, в Америке, даже в Китайском Туркестане и даже в Тибете, когда погибал наш караван. В глубинах Азии остались и несколько картин и эскизов. Люди, у которых они находились, уже оказались где-то на новых местах. Кто и как за пятнадцать лет разберется в этих путевых вехах? За это время вы спокойно жили под Парижем, и, конечно, вам кажется, что и у нас все архивы в добром порядке. Но когда смотрю на сундуки и ягтаны, то встает в памяти, как они передвигались и на верблюдах, и на конях, и на яках. Выдержки из писем Тагора, Леонида Андреева, Бориса Григорьева, Бенуа, Судейкина вы уже имеете. Пишут, что Судейкин недавно предлагал свое сотрудничество с нашей Академией в НьюЙорке. Боюсь, что письма Стасова, Горького, Григоровича, Репина не сохранились.

Метерлинк очень сердечно отозвался на наш Пакт. "Соберем вокруг этого благородного движения все наши моральные силы, которыми мы можем располагать", — сказал Метерлинк. Я слышал, что он очень одобрял мои эскизы к "Принцессе Мален", "Сестре Беатрисе", к "Пелеасу и Мелисанде", к "Слепым". К "Принцессе Мален" было четырнадцать эскизов. Разлетелись по многим музеям — в Стокгольме, в Гельсингфорсе, в Москве, в Нью-Йорке, в Небраске… У Левинсона в Париже был один. Где он теперь? В Монографии 1916 года воспроизведены несколько, но первая картина не была вовремя снята. Много вещей не были сняты, а теперь и следов не найдешь. Все же из Монографии 1916-го и из книги Эрнста кое-что можно переснять. Бенуа особенно одобрял эти сюиты. Каждому отвечает что-либо, ему присущее. Для меня метерлинковская серия была не только театральными эскизами, не иллюстрациями, но вообще композициями на темы, мне очень близкие. Хотелось в них дать целую тональную симфонию. У Метерлинка много синих, фиолетовых, пурпурных аккордов, и все это мне особенно отвечает.

Посещение Фландрии и несравненного Брюгге мне дало глубокие настроения, подтвердившие образы, уже ранее возникшие во мне. Столько всегда грезилось! Когда зять и ученик

Римского-Корсакова Штейнберг писал музыку для "Сестры Беатрисы", я просил его построить вступление на теме старинного карильона в Брюгге. Оно очень хорошо у него вышло. Что творится сейчас в Брюгге? Цел ли наш Музей? Из Праги сообщили, что там музей цел.

Вот и серия "Пер Гюнта" давно уже выросла в мечтах. Когда Станиславский предлагал мне поехать в Норвегию перед постановкою "Пер Гюнта", я сказал: "Раньше сделаю все эскизы, а уже потом съезжу". Артисты Художественного Театра поехали в Норвегию, а после подтвердили, что мои настроения были правильны. Мне хотелось уберечься от всякой этнографии и дать общечеловеческую трагедию. Странно, почемуто не пришлось делать на шекспировские и гетевские темы, а ведь столько заманчивого, величественного.

Эпику великих народных движений я дал в "Весне Священной", и в либретто, и в декорации. Для первой и второй картины были особые декорации, но ради удешевления оба акта ставились в первой декорации. Уж это удешевление! А вторая декорация была нужна. В ней всю сцену занимало ночное небо, на котором разметалась косматая туча в виде гигантской головы. В Монографии 1916 года она была воспроизведена в красках. Вы пишете, что Мясин исказил мое либретто в американской постановке. Мясина знаю мало. Не знаю о либретто, ибо на репетиции и на представлении я не был — спешил в Лондон. Тогда Мясин преподавал балетные танцы в нашем Институте Объединенных Искусств. Все может быть, ведь и Стравинский теперь уверяет, что за десять лет до моей идеи "Весны Священной" видел ее во сне.

В экспедициях, в разъездах невозможно следить за всякими печатными изречениями. Иногда через много лет случайно доходят перлы выдумки. Ведь меня уже три раза похоронили, и приходилось говорить, подобно Марку Твену, что это сведение сильно преувеличено.

С Больмом я встречался в двух постановках — в "Половецких плясках" и затем в "Снегурочке" в Чикагской Опере. Всегда он относился внимательно и старался принять во внимание все соображения. С Фокиным несколько раз хотели сотрудничать, но обстоятельства всегда мешали. Он написал отличную статью по поводу моей выставки в Копенгагене. Не забудется смелое обновление русского балета, данное Фокиным, С Нижинским были встречи, и добрые встречи. В них всегда участвовал Дягилев. Хвалю Лифаря за выставку в Лувре, посвященную Дягилеву. Жаль, что там был лишь один мой эскиз к "Половецким пляскам" из Музея Виктории и Альберта. Конечно, в Гималаях не

услышишь обо всем, что творится по миру. Декорация к "Половецким пляскам" в 1906 в Париже дала мне много друзей. Основной эскиз декорации был приобретен Серовым для Московской Третьяковской галереи. Варианты в "Виктории и Альберте" и Музее Детройта. Из дягилевской постановки в Париже "Князя Игоря" два эпизода незабываемы. Первый — дружба с Саниным. Очень ценю этого режиссера. Даже в опере ему удавалось передать жизнь народных масс и избежать всякой условщины. Славный, душевный человек. Второй эпизод — костюм хана Кончака для Шаляпина. Труден был Федор Иванович. Никогда не знаешь, к чему придерется. Груб был, но ко мне всегда относился ласково. Оценил мой скифо-монгольский костюм. Умел и надеть его.

После успеха "Игоря" с "Половецкими плясками" и удачных выставок Бенуа назвал мои выступления "барсовыми прыжками". При давнишней враждебности Бенуа ко мне такой отзыв был верхом похвалы. "Монтекки и Капулетти" — так называли многие клан Бенуа и наши группы. Одно могу сказать, что не от меня шла это рознь. Много раз я пытался водворить мир. Миротворчество всегда было в моей природе. Раздор для меня отвратителен.

Вы правы, что "Снегурочка", как и все творчество Римского-Корсакова, мне близка. Сколько замечательного мог еще дать Николай Андреевич, ведь его последние вещи — "Салтан", "Золотой Петушок" и "Град Китеж" шли в восходящем аккорде. "Салтана" мне хотелось дать в индийской гамме. Сама сказка имеет восточную канву, а кроме того, в то время мы уже мечтали об отъезде в Индию. Бичам и Дягилев очень хвалили эскизы к "Салтану", и только банкротство Бичама помешало этой постановке в "Ковент-Гарден". Той же участи подвергся и "Садко", а мне его хотелось сделать. Палаты Садко, новугородская пристань, корабли — все это мне так знакомо. Теперь эти эскизы разлетелись и никогда не сойдутся вместе. Что в Калифорнии, что в Нью-Йорке, что в БуэносАйресе. Корабль Садко был у сэра Хагберга Райта в Лондоне. Жаль, хороший, культурный человек он был. Какое множество полезных деятелей померло за последние годы! Вот и Брайкевич умер. Хороший был собиратель. У него был серовский портрет Елены Ивановны. Куда пойдет его собрание? Где осталась моя "Сеча при Керженце" и серовское панно, сделанные для Дягилева? Не съели ли мыши?

Рад слышать, что Лиао полюбил мою "Настасью Микуличну". В красках она лучше — вся на огненном облаке. Видимость ее немного азийская. Но ведь и богатыри князя Владимира и восточные богадуры тоже не далеки друг от друга. Сейчас у меня

три китайских картины. "Китай" — воин на башне великой стены. "Победные огни" — дозорные огни на башнях гобийских. "Приданое княжны" — караван везет Будду. Это все тоже понравилось бы Лиао. Жалею, не имею снимка с последней картины "Весть от Гималаев". Ладья в предутреннем тумане удалась. Есть тишина и дальние горы светятся. И еще вам был бы близок "Ярослав Мудрый" /для мозаики/. Если бы появилась опера, посвященная этому строителю Киева — то эта сцена в верхнем тереме очень пригодилась бы. Помните, три дочери Ярослава были королевами Европы. Одна — за королем Франции, другая — за конунгом Скандинавским и третья — за королем Венгрии. Вот как! Летопись отмечает про Ярослава: "Заложи Ярослав град великий Киев, в нем же Золотые Врата"… Вот бы фильму поставить! Имели огромный успех фильмы: "Александр Невский" и "Петр Великий". Киевская Русь тоже могла бы дать отличный сюжет. Палаты были, может быть, получше палат Рогеров в Сицилии. Все это надо знать.

Вы спрашиваете, нет ли здесь у меня либретто "Весны Священной"? Конечно нет, как и многого другого. И где это многое осталось? Ведь живем мы на границе Тибета. За двенадцать миль от нас последняя почтовая станция. Сейчас почта стала очень странной, как и все в дни Армагеддона. И год-то со-роковой!

1 Июня 1940 г.

Гималаи.

"Из литературного наследия"

Не замай!

В нашей изварской библиотеке была серия стареньких книжечек о том, как стала быть Земля Русская. От самых ранних лет, от начала грамоты полюбились эти рассказы. В них были затронуты интересные, трогательные темы. Про Святослава, про Изгоя Ростислава, про королевну Ингегерду, про Кукейнос — последний русский оплот против ливонских рыцарей. Было и про Ледовое Побоище, и про Ольгу с древлянами, и про Ярослава, и про Бориса и Глеба, про Святополка окаянного. Конечно, была и битва при Калке и пересказ "Слова о Полку Игореве", была и Куликовская битва, и Напутствие Сергия — Пересвет и Ослабя. Были и Минин с Пожарским, были и Петр, и Суворов, и Кутузов… Повести были собраны занимательно, но с верным изложением исторической правды. На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов. Все это запомнилось, и хотелось сказать, смотря на эту картину: "Не замай!".

Впоследствии, изучая летописи русские и знакомясь с древней литературой, которая вовсе не так мала, как иногда хотели злоумышленно представить, приходилось лишь уже более сознательно повторить тот же окрик — "Не замай!". Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было лишь еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое утверждение встает ярко.

Сколько новых, незаслуженных оскорблений вынес народ русский! Даже самые, казалось бы, понятные и законные его действия зло толковались. То, что в отношении других стран деликатно умалчивалось, то вызывало яростные нападки иноземного печатного слова. При этом потрясающе было видеть неслыханное вранье, которое никогда не было опровергнуто. Малейшая кажущаяся неудача русская вызывала злобное гоготание и поток лжи, не считаясь с правдоподобием. Все это остается во внутренних архивах.

Останется также и то, что победы русские были исключены на Западе из исторических начертаний. А если уже невозможно было не упомянуть об удачах, о строительстве русского народа, то это делалось шепотом в самых пониженных выражениях. И об этом остались нестираемые памятки… Для иноземных катастроф находились в международной печати самые выспренние восклицания. Понесенные удары провозглашались победами, и преувеличению не было границ. Обо всем этом тоже остались

печатные листы — бумага все терпит, а сознание людское все принимает, что отвечает его внутреннему желанию.

Но не помогло обидчикам русского народа все это кусательство. Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов. Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский в своей целине необозримой выоривал новые сокровища. Так положено. История хранит доказательства высшей справедливости, которая много раз уже грозно сказала — "Не замай!"

Об этом можно бы написать поучительное историческое исследование. Будет в нем сказано о том, как народ русский не только умел претерпеть, но и знал, как строить и слагать в больших трудах славное будущее своей великой родины. Ох, хотели бы стереть с лица Земли пятую часть Света! Искажаются гримасами враждебные личины, слыша сведения о достижениях русских. Судьба неуклонно слагает великий путь народов русских необъятностей — не замай!

"Сильна ли Русь?
Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор,
Ее, беснуясь, потрясали
— Смотрите ж: все стоит она". (Пушкин)

10 Июня 1940 г.

Гималаи

"Из литературного наследия"

Несправедливость

Пюви де Шаванна одиннадцать лет не принимали на выставку. Родена обвиняли в неумении лепить; будто бы одна из лучших его статуй была муляж. Гогена лишь смерть избавила от тюрьмы. Он имел неосторожность вступиться за женщин, отправляемых на Таити в дома терпимости. Ван Гог, посланный Евангелическим Обществом для изучения быта рудокопов, был уволен. Он слишком сердечно отнесся к тяжким условиям рудниковой жизни. Манэ претерпел жестокие гонения. Можно бы привести потрясающие примеры из "культурной" жизни всяких стран. Модильяни помер с голода. Даже Сарджент должен был спешно убраться из Парижа, так ему досталось за один из лучших его портретов. Зачем оглядываться в далекие века, когда Фидий был брошен в темницу, если и теперь можно находить образцы гонений на лучших представителей человечества. Откуда эти глубины несправедливости? Неужели в природе человеческой где-то прочно гнездится эта проказа? Вспомним, как Леонардо взывал к терпению, когда ему приходилось выносить потрясающие гонения, доходившие до обвинений в шпионстве, в измене.

Гонители не считаются с правдоподобностью. В них самих правда не живет, и потому и мерило правды им не знакомо. Ярость несправедливых суждений возрастает особенно в дни больших потрясений. Разнуздываются мрачные страсти, и двуногие в бешеной пляске выискивают, кого разодрать, что изничтожить. И сколько сладкоречивых ханжей науськивают злобных вредителей! Правда, формально отменены инквизиция, застенки, костры и многие изысканные средства мучительства. Но телесные муки с успехом заменяются психическими голгофами. И которые мучения сильнее? На каких весах взвесить? Какими мерами явить, где проявлено наибольшее мучительство? Бездну мучений принес Армагеддон. Потоки обездоленных потекли по миру. Упрекают войну. Но не исследуют причины войны. Среди них нашлись бы такие, которые заставили бы покраснеть даже самых бледнолицых.

О следствиях легче думать, но к причинам ум не оборачивается. Прост закон, что каждое следствие имело свою причину. Но многим правителям дум человеческих такая логика неприятна. Даже несносна! Беззаботные, безответственные люди полагают, что несправедливость забудется, и, если нужно, они снова придут с лукавыми приветами. Но не тут-то было. Семя несправедливости очень живуче. Народ знает издавна эту неизбежность… "Как аукнется, так и откликнется". Много лукаво

аукались, так же оно и откликается. Да еще в самый нежданный час. Переполнилась чаша лукавства и несправедливости. Армагеддон!

14 Июня 1940 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Америка

Пробуем послать весточку через Пасифик. Обстоятельства настолько изменчивы, что трудно знать, какой путь окажется лучшим. Как Вы знаете, воздушная почта временно отменена. Вероятно, и Вы найдете, с Вашей стороны, путь для наилучшего сношения, хотя пароходный путь будет чрезвычайно долог, и это нужно принять во внимание. Еще недавно, как Вы писали, адвокаты, не принимая во внимание событий, настаивали на поездке, но теперь надо думать, что даже самые тугодумы поймут, каковы обстоятельства.

С тех пор, как выяснилось, что Хорш является правительственным служащим, все дело принимает совершенно особый аспект. Вы уже писали, что по-видимому он будет стараться избегать всеми способами произнесения его имени на суде и даже вообще упоминания о нем в связи с совершенными ими мошенничествами. Все негодные и неприемлемые попытки на соглашательства, делаемые им через Г., показывают, что Хорш обеспокоен, ибо правительственному служащему оказываться мошенником неуместно. Очень замечательно, что он старается сделать последнее ограбление так, чтобы Вы ему выдали какой-то дженерал-релиз и навсегда отказались бы от своих к нему правильных и справедливых требований. Действительно, служебное правительственное положение Хорша вовлекает не только его самого, но и его правительственного покровителя, который может оказаться в позорном положении. Хорш-служащий, оперирующий поддельными бумагами, грабляющий целые группы людей и дающий ложные показания. Каждый здравомыслящий адвокат горячо ухватился бы за все эти обстоятельства. И внешние обстоятельства как бы способствуют такому обороту дела — неужели же и теперь адвокаты все еще не хотят воспользоваться наилучшими неоспоримыми фактами? И не только в музейных делах, но и в деле Джаксона такой оборот вещей может внести неожиданную диверсию. Вы писали, что Джаксон включил в свой бриф, что Хорш был доверенным лицом и он же был информатором, давшим ложные показания. Какова бы ни была таинственная снисходительность покровителя Хорша, но все же существует же какая-то мера предела зла! Наверное, все это Вы принимаете к ближайшему сведению и всюду, где только можно, восстанавливаете истину. Ужасно, что бедные бондхолдеры[73] были так обездолены Хоршем. Неужели же все они являются такими робкими овечками, что позволяют нагло издеваться над собою?!

15 Июня 1940 г.
Публикуется впервые

Психический каннибализм

Париж пал. В самый день падения дошло к нам оттуда запоздалое, вероятно, последнее письмо. При нем были стихи о цветах. Еще были стихи из Парижа…

В этом же письме сообщалось, что Ларионов распространяет отвратительную клевету. Будто бы после моего ухода откроется нечто ужасное. По обычаю всех клеветников, Ларионов не говорит, что именно, а просто так — нечто ужасное. Начните его допрашивать, и он скажет, что так говорят, что Бенуа так полагает, что в Париже так думают… Понесет такую околесину, что ничего не поймешь. Но одно останется ясным, что Ларионов хотел вредительствовать. Казалось бы, и во многих картинах моих, и в двенадцати книгах моих, и в монографиях жизнь моя достаточно явлена. Скрывать нечего. Слушать всякие клеветы недосуг. Но все же поражает, что гнездо клевет таится в самом же "Мире Искусства". Неужели дух корпорации отлетел?

Не влияет ли болото, загнившее в Париже? И все парижские бедствия — не образовались ли они от той же болотистой почвы, от ненавистничества, от утери человечности?

Скверно и душно, когда властвуют клевета, наговоры, пересуды, словом, всякий психический каннибализм. Впрочем, и физический каннибализм еще существует во славу современного человечества! Но чванство "прогрессом" чудовищно! Мы не едим людей — вот какое достижение! Все-таки современные троглодиты не могли обойтись без каннибализма, и потому создался особый вид психического каннибализма во фраке и смокинге.

Там, где царит любая форма каннибализма, не может быть Культуры. Если Культура будет загнана как жалкая приживалка, она не сможет воздействовать на человечество. Как же назвать человека, считающего себя культурным и совершающего антикультурные поступки? Не пора ли пересмотреть значение слова Культура!

Прикрываться высоким словом и заниматься психическим каннибализмом будет разложением человечества. Какие бы фраки и звезды ни надели эти разлагатели человечества, они все же останутся психическими каннибалами. "Спасайте Культуру" — этот зов не есть отвлеченность, но призыв к спасению человека. Со-роковой год!

18 Июня 1940 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Безумие

Пишут с дальней окраины: "Неужели и сейчас какие-то люди живут-прозябают, как будто в мире ничего не случилось? Что же еще должно случиться, чтобы люди насторожились, подобрались и подумали: можно ли так дальше существовать? А ведь есть такие, которые живут, как прежде, и ни о чем не желают подумать". Действительно, что же должно стрястись, чтобы человек возопил: "Так дальше нельзя!". Старик Петэн громко возопил, что в бедствиях Франции виновата жажда к удовольствиям, обуявшая французов со времени прошлой войны. Маршал прав, именно веселое время, показная дешевая роскошь, развал семьи, всякое "гуд тайм" разлагает народы.

Студенты Оксфорда заявляют, что не будут защищать родину. Посмотрите широко распространенные журналы: "Жизнь" (Америка) и "Лондонская жизнь" (Англия). Какую же жизнь они отражают? Неужели народам нужна такая пошлость? И как растолковать издателям, что развратители народа подлежат самой страшной каре! "Сопляжники", гольфисты, кулачные бойцы, все породители пошлости — придет вам конец. Борцы, обмазанные грязью, может быть, наиболее показательны для степени падения человечества. На посмешище, теряя человекообразие, бесформенные оголтелые шуты копошатся в грязи. Когда читаем о позорных неистовствах Папы Борджиа, думаем, что это все давно прошло и сейчас уже невозможно. Так ли? Не происходит ли нечто подобное в новых одеждах и в других наименованиях? Сообщают, что сейчас, в самый трагический час войны, Англия устраивает традиционные скачки. Без дэрби не прожить! Правда, читали "Пир во время чумы", но ведь поэт говорил об единичном, групповом эксцессе, а тут массовое безумие. Обывательщина, мещанство одолело. Можно понять, отчего Бернард Шоу горько шутил, сказав: "Понимаю Провидение, если Земля была создана как междупланетный сумасшедший дом". И еще: бедные страны преуспели, богатые загнили. Не в золоте правда. Многие возмутятся, если скажете, что истинная ценность в единице труда. Зачем труд, когда люди мечтают о безответственных наслаждениях? Давно сказано: "И будет последний день золотым". В переустройстве мира будет основою труд, творчество.

22 Июня 1940 г.

Гималаи

"Прометей". М., 1971, № 8

Великому Народу Русскому

Гонец о восстании гнал в челне уже сорок три года назад. Затем сходились старцы — народоправный совет. На следующий год шел в гору поход за Родину. Наконец, строили город. И на строительстве — поклон великому народу русскому.

Так ждалось, так предвиделось и так увиделось. "Город строят!" И какой чудесный, мощный! Не в суеверии, но в знании прислушался народ. Приложил к земле ухо богатырское. Осмотрел в кулак холмы окрестные. Собрались народы союзные, строить решили. Чаша неотпитая! Открыла земля недра. В обновленном мышлении русский богатырь Иван Стотысячный встретил восход Красна-Солнышка.

"Сходятся старцы" были сопровождены былиною. Кончалась она так:

"Старцы земель Новгорода
Сойдутся под дубом развесистым,
Ворон на дубе не каркает.
За лесами заря занимается.
Засияет, блеснет Красно-Солнышко,
И проснется земля наша Русская".

"Богатыри проснулись" сейчас пишется. Посвящается великому народу русскому. Когда-то слагали былину "Как перевелись богатыри на Руси", но тогда же верили, что проснутся они в час сужденный. Выйдут из гор, из пещер, и приложатся к строительству народному. Вот и пришел час. Вот народные богатыри город строят.

Илья Муромец встал. Добрыня побывал в Галиче. Микула зачал новую пашню. А Настасья Микулична многих перегнала. По поднебесью летает на страх злым. А зависти-то сколько за морями! За морями — земли великие. Только нам недосуг до них. Свою целину не объехать, свою скрыню не убрать.

Лежит передо мною "Слово о полку Игоревом", отлично украшенное палеховским мастером. Само "Слово" как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнет строение. Великому народу русскому ничто не страшно. Все победит — и лед, и жару, и глад, и грозу. И будет строить на диво. "Город строят". "Проснулись богатыри".

24 Июня 1940 г.

Гималаи

"Наш современник" 1967, N.7

Посев

Спрашивают, почему Листы моего дневника появлялись в самых различных журналах и газетах? Ответ очень прост — не могу уследить в разных странах, где перепечатываются мои Листы. Некоторые появились много раз и по-русски, и по-английски, и по-французски, и по-болгарски, и по-испански, и по-португальски, и по-немецки, и по-литовски, по-тамильски, по-урду, по-сингалезски, по-гуджрати… Бывали даже и такие забавные случаи, что Листы появлялись без моей подписи. Чего только не бывало! Следует ли препятствовать? Кто знает, где и в каких условиях сказанное принесет лучшую пользу. Может случиться, что издание само по себе и неважное, но мимоходом попадет в добрые руки. На широких путях, на которых толпится человечество, встречи бывают самые неожиданные.

Сколько отличных людей было найдено там, где и ожидать нельзя! В садоводстве есть так называемый мавританский газон. Среди трав вкраплены многие цветы, и получается замысловатый ковер, как сказка восточная. Раскинутые цветики сами дают узор, как на тысячетравных гобеленах. Вот и в жизни нельзя препятствовать, где и куда, и как западут слова. Пусть себе разлетаются. Жалуются иногда, что не знают читателей. Да ведь и не нужно их знать. Все сотворится в несказанном разнообразии. Лишь бы творить. Лишь бы сеять. Лишь бы пожелать добро. Так нужно спешить. Так требуются напутствия, что и час пропустить нельзя. Не только жизнь, но и само достоинство, честь названную придется в опасность поставить, когда неотложно нужно помочь. Не для себя же делается, но для тех и невидимых и незнаемых. Главное же — для молодых. Племя молодое — хорошее! Каждый по-своему вперед стремится. В потоке жизни все и многообразно и цветисто.

Говорят некоторые, что вести дневники не следует. Кому, мол, они нужны? И в этом не нам судить. Каждый жизненный опыт кому-то нужен. Жалею, что отец не вел записей. Многое бы было нам яснее. А если бы прадед записал свои военные дела из времен петровских, то это оказалось бы ценнейшим. Вот и каждое письмо Голенищева-Кутузова, прадеда Елены Ивановны, теперь ищется, а ведь и в амбаре они успели поваляться. А где записи Мусоргского? Сгорели. Разве ладно?

Каждый посев нужен. Не будем предрешать, но будем сеять. Трогательны бывают нежданные отклики.

3 Июля 1940 г.

Публикуется впервые

Уберегите

"В феврале с. г. был прочитан в Белградском Научном Институте доклад Н. О. Лосского, явно указывающий на ту близость, с которой подходит философия к Теософии. Так, знаменитый философ называет в нем тело — системой союзников нашего "я", упоминает об истории дочеловеческой жизни души, о перевоплощении, предпочитая ему, однако, термин Лейбница "метаморфозы"; заменяет пропасть между духом и материей введением нового термина "материально-психоидный процесс" в отличие от "материально-психического". Некоторые его выражения как бы взяты из учения о духовной алхимии: победа над собой, важность воображения, а не воли в работе над собой, самоперевоспитание путем воображения положительных черт и даже — "деятельная сублимация устремлений". Так пишут в журнале.

Порадовались, что наш друг Николай Онуфриевич деятелен, несмотря на все нынешние преграды и препоны. Всякие меры у нас не только затрудняют передвижения, но и почта стала совсем странной. Теперь уже цензура и для внутренней переписки. Одному подивились мы в докладе Николая Онуфриевича — зачем ему потребовалось такое количество иностранных слов? Точно бы наш богатый и гибкий русский язык не может обойтись без трехэтажных давних подражаний иноземному. Зачем тревожить старика Лейбница, когда русские выражения так красочны и целесообразны. Преуспевает русский народ во многом, пора ему подумать и о красоте языка. Именно этому великому народу дано и великое слово ПОДВИГ. Ни в одном ином языке нет такого понятия, во всей его возвышенности и поступательности.

Подвиг дан тому, кто может устремляться во имя общего блага. Русский народ уже много раз доказывал свое бескорыстие, и потому он удостоен и подвига. В подвиге народ сбережет свои сокровища. Среди красот он увидит и красоту языка. Подобно санскриту, русский язык особенно пригоден для выражения возвышенных понятий. Зачем брать в долг, когда собственная захороненная казна неисчерпаема. Красота языка есть великое искусство. Возвышенно мыслящий может и сказать прекрасно.

4 Июля 1940 г.

Гималаи

"Россия"

Земля обновленная [74]

Вспомним, как думалось тридцать лет тому назад. Более десяти лет назад, с великого пути из варяг в греки, с Волхова, я писал: "Когда же поедут по Родине во имя красоты и всенародного чувства?" С тех пор, учась у камней упорству, несмотря на всякие недоброжелательства, я твержу о красоте народного достояния. Твержу в самых различных изданиях, перед самою разнообразною публикой.

Еще слишком много сердец закрыто для искусства, для красоты. Еще слишком много подложного находится в обращении. Попытаемся разобраться! Главное, не будем же, наконец, закрывать глаза на очевидное. Мы научены всякими неудачами. Много превосходных слов оказалось под незаслуженным запретом. Многим поискам дано несправедливое толкование. Но душа народа стремится ко благу. Народ начинает отыскивать клады земли. В сердечном предвидении народ от преходящего идет к вечному.

Конечно, найдутся злые люди и назовут новые ясные чувствования пустыми мечтами. Разрушители! На каком языке доказать им, что стертые монеты национализма заменяются чудесным чеканом новых знаков? Индивидуальность, свобода, мысль, счастье — все принимает этот зов. Братство народов! Не ошибка сейчас поверить в рост глубокого, здорового чувства — неонационализма. Сознаемся, что название еще не удачно. Оно длинно. В нем больше старого, чем нового. В обозначении нового понятия, конечно, необходимо участие слова "земля". Принадлежность к почве надо подчеркнуть очень ясно. Не столько определенные люди, сколько их наслоения являются опорой нашему глубокому чувству. Мощь развивается в столкновении острой индивидуальности с безымянными наслоениями эпох. Вырастает логическая сила. Около силы всегда гнездится и счастье. Пока трудно заменить неонационализм новым словом. Не это важно. Необходимо сейчас отыскать признаки обновленного национализма.

Значительно вот что: именно теперь культурные силы народа небывало настойчиво стремятся узнавать прошлое земли, прошлое жизни, прошлое искусства.

Отставляются все случайные толкования. Новое чувство родит и новые пути изучения. В стремлении к истине берут люди настоящие первоисточники. Становится необходимым настоящее знание. Не извращенное, не предумышленное знание! С ужасом мы видим, как мало, как приблизительно знаем мы все

окружающее, всю нашу жизнь. Даже очень недалекую. От случайных (непрошенных) находок потрясаются самые твердые столпы кичливой общепризнанности. В твердынях залогов знания мы начинаем узнавать, что ценна не отдельная национальность. Важно не то, что сделало определенное племя, а поучительно то, что случилось на нашей великой равнине.

Среди бесконечных человеческих шествий мы никогда не отличим самого главного. В чем оно? Не все ли равно, кто внес больше красоты в многогранник нашего существования.

Все, что случилось — важно. Радостно то, что красота жизни есть, и дали ее велики. Древняя истина: "победит красота". Эту победу можно злоумышленно отсрочить, но уничтожить нельзя. Перед победою красоты исчезают многие случайные подразделения, выдуманные людьми в борьбе за жизнь. Знать о красивых, о лучших явлениях жизни хочет сейчас молодежь. Ей — дорогу. С трогательною искренностью составляются кружки молодежи. Кружки молодежи в высших учебных заведениях готовят полки здравых и знающих людей. Знаю, насколько упорно стремятся они знать и работать.

Помимо казенных установлений, общество идет само на постройку искусства. Создаются кружки друзей искусства и старины. Сложилось общество друзей старины. В Смоленске кн. М. К. Тенишева составляет прекрасный Русский Музей. По частному начинанию общества архитекторов-художников создался Музей Старого Петербурга. В Киеве основывается Общество друзей искусства. Будет нарастать художественный музей, собранный по подписке. Давно, с завистью, мы смотрели на пополнения музеев за границей на подписные деньги. Для художника особенно ценно желание сохранить его произведение, высказанное большою группою лиц. Такими реальными заботами только может народ выразить свою действительную любовь к искусству. Наше искусство становится нужным. Приятно слышать, как за границею глубоко воспринимается красота нашей старины, наших художественных заветов. С удовольствием узнаю, как Грабарь и другие исследователи сейчас стараются узнать и справедливо оценить красоту старины. Понять все ее великое художественное чутье и благородство.

Только что в "Старых Годах" мне пришлось предложить открыть всероссийскую подписку на исследование древнейших русских городов Киева и Новгорода. Верю, что именно теперь народ уже в состоянии откликнуться на это большое, Культурное дело. Миллион людей — миллион рублей. Мы вправе рассчитывать, что одна сотая часть населения захочет узнать новое и прекрасное о прежней жизни страны. Такая всенародная

лепта во имя знания и красоты, к счастью, уже мыслима. Надо начать. Настало время для Родины собирать свои сокровища. Собирать! Собирать хотя бы черновою работою. Разберем после. Сейчас надо сохранить. Каждому из нас Родина представляется то малою, то непостижимо большою. Или кажется, что вся страна почти знакома между собою. Или открываются настоящие бездны неожиданностей. Действительно, бездны будущих находок и познаний бесконечно велики. Приблизительность до сих пор узнанного — позорно велика. О будущем собирательстве красоты, конечно, надлежит заговорить прежде всего художникам. Лишь в их руках заботы о красоте могут оказаться не архивом, но жизненным, новым делом.

Кладоискатели поучают: "Умей записи о кладах разобрать правильно. Умей в старинных знаках не спутаться. Умей пень за лешего не принять. Не на кочку креститься. Будешь брать клад, бери его смело. Коли он тебе сужден, от тебя не уйдет. Начнет что казаться, начнет что слышаться — не смотри и не слушай, а бери свой клад. А возьмешь клад, неси его твердо и прямо".

Русло неонационализма чувствуется. Придумаем движению лучшее название. Слова отрицания и незнания заменим изумлением и восхищением. Сейчас необходимо строительство. Новые границы проводятся в искусстве. Пестрый маскарад зипуна и мурмолки далеко отделяется от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана. Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Познают, как нужно любить то, что прекрасно для всех и всегда.

Заплаты ветхие, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человека. Время строить сущность земли. Под землю не спрятать того, что нужно народу.

1910 г.

Публикуется впервые

На острове

Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава; о смерти Янушкевича узнали случайно много позднее. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия, Болгария. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. Из Женевы Шауб-Кох еще двадцатого Мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. Все нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали? Кто жив, а кто уже перекочевал в лучший мир? Наконец, обнаружилось, что и в самой Индии началась цензура. Оказалось, что цензором в Кулу не кто иной, как местный полицейский. Вполне ли грамотен? Проявил он свой досмотр тем, что по небрежности вложил свою записку в письмо ко мне. Хорошо еще, что не всунул что-либо иное.

Итак, Культурная работа обрезается. Правильно еще в Сентябре поняли, что существование "Фламмы" невозможно.

Огромное большинство подписчиков недосягаемо. Мелькнуло, что книжный магазин в Риге кончается. Значит, читатели на военном положении. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда? Нисколько энергии потребуется, чтобы опять начать новую пряжу! Точно бы на острове оказались. Помню, когда мы были на 'Ладоге, на "Святом Острове", почудилось настроение отрезанности. Наверное, многие друзья, живущие в нейтральных странах, не вполне понимают нашу степень отрезанности. Печатное заграничное слово еще недавно доходило, а от нас печатного слова посылать нельзя. Говорят, и радио будет воспрещено. Что же еще будет отрезано? Столько спешного могло быть в пути и в какую бездну оно провалилось?

7 Июля 1940 г.

Гималаи

"Из литературного наследия"

Грабительство

Друзья, Вы называете мошенничество Хорша неслыханным. Да, оно неслыханно в своей предательской подлости. Хорш подошел к нашим учреждениям, надев умильную маску сотрудничества. Как теперь все мы убедились, он с первых же дней начал свои подземные манипуляции. Средства экспедиции оказались его деньгами, лишь ссуженными. Появилась "копия" с несуществующего документа, по которому все члены Совета учреждений подарили Хоршу все свои акции и права. Картины, принадлежащие Музею, вдруг оказались частной собственностью Хорша, хотя и он и жена его подписали единогласную декларацию об этой музейной собственности. Вероятно, Хорш сбросил бы маску и показал свою волчью сущность много раньше, но он выжидал, пока закончится дело с комитетом бондхолдеров.

В Июле 1935 года без всяких поводов со стороны членов Совета, в мое отсутствие, Хорш явно приступил к давно задуманному грабительству. Он объявил учреждения своей частной собственностью. Изгнал всех первоначальных учредителей. Закрыл Музей и задумал вандализм над картинами. Сделал ложный донос Правительству о якобы не уплаченных налогах, хотя указанные суммы как экспедиционные налогам не подлежали. При этом Хорш, будучи моим доверенным, во время моего отсутствия вносил за меня налоги в Америке. Не перечислить всех мошенничеств и грабительств, содеянных Хоршем над членами Совета, над жертвователями и над бондхолдерами. За деньги нашелся и соответственный адвокат Эрнст, ведь доллар — король. Нашлись и подпольные пути к судьям, и один из них — Коллинс — даже возмутился такими насилиями и таинственными телефонами. Все было пущено в ход, и даже сфабрикованная Хоршами "копия" с несуществующего документа (никем не заверенная) была принята судьями во внимание. Древни сказания о судьях неправедных! К довершению Хорш таинственными путями нашел покровителя в лице Уоллеса — министра земледелия. Неслыханно, чтобы министр до того старался обелить преступления Хорша, что даже сам звонил к судьям, прося их решать по его министерскому хотению. Такие проделки редки в истории человечества. В конце концов Уоллес дал Хоршу крупное служебное положение. Очевидно, происходят такие темные делишки, в которых и министры имеют свою долю. Теперь газеты сообщают о предположенном назначении Уоллеса Вице-Президентом Штатов. Куда же дальше? Имеется письмо, в котором Хорш пишет, что Уоллес готов сообщать ему заранее

финансовые сведения о государственных мероприятиях. Куда же дальше? O temporal O mores![75]

23 Июля 1940 г.

Публикуется впервые

Сотруднику

Дорогой Сотрудник, только сейчас дошло Ваше сердечное письмо от 20-го Мая и Ваш прекрасный доклад. Наверное, он будет напечатан, и тогда пришлите мне несколько копий. Вы видите, как медленно сейчас действует почта; могу представить себе сколько времени потребуется, чтобы это мое письмо дошло до Вас. Как всегда, при мировых потрясениях прежде всего страдает Культура во всех ее видах. Тем радостнее мне было прочесть в письме Вашем, что Вы читали доклад Ваш в таком избранном собрании, и это еще раз доказывает, что Болгария, которая всегда была близка сердцу русскому, звучит на искусство. Привет всем Вашим сотрудникам и добрым слушателям. Вероятно, и молодежь горит тем же устремлением к прекрасному творчеству. В этом будет залог ее преуспеяния. Вы спрашивали о методах художественного преподавания. Главное будет в широком раскрытии возможности. Лучший Учитель сумеет усмотреть особенности индивидуальности ученика и любовно толкнет его по пути правильных поисков. В моем очерке о творчестве, который, помнится, я посылал Вам, я касался неисчерпаемого источника творения. В академиях наших бывала довольно обычная ошибка, когда молодежь учили рисовать и писать, пренебрегая композицией. Каждому из нас известны примеры, когда человек, углубившийся в рисунок или краски, забывал о том, для чего он изучает эти средства. Конечно, и рисунок требует постоянного совершенствования, а краски, как упражнения для скрипача, должны быть утончаемы непрестанно. Но и то и другое приложимо тогда, когда развито чувство композиции. Говорю не об условных методах композиции, не о всяких пирамидальных или сферических построениях, но имею в виду естественную композицию, которая дает произведению качество убедительности.

Невозможно земными словами выразить, что есть убедительность. Только сущность человеческая звучит на нее, и тогда произведение остается жизненным навсегда. Композиция лежит в основе всех художественных задач. Будет ли это пейзаж, или портрет, или сложное историческое задание, или так называемое отображение реальной жизни — решительно во всем будет необходимо чувство композиции. Оно поможет увидать задание красиво. Оно позволит избежать условную красивость и найти черты красоты. Задание уложится так, что нельзя будет ни передвинуть, ни отяготить ничем лишним. К сожалению, понятие композиции, как и многие человеческие понятия, часто искажено

и осложнено. Творчество должно быть свободно, как песнь. Естественно, что и каждая песнь должна иметь свой ритм, свою стройную дисциплину, так должно быть во всех видах творчества. Истинный Учитель откроет ученику широкое понимание искусства вне условных, преходящих форм. Будет почтено старое искусство, будут и в новейшем найдены наиболее удачные, убедительные выражения. Дешевая формулировка, или, как говорят французы, "легкая формула" пусть будет избегнута учениками. Пусть они находят свой стиль, но не вдадутся в шаблон почерка и в потворство вульгарности. Знаем многочисленные примеры, когда "легкая формула" навсегда пресекала здоровые поиски. Пусть полюбят начинающие процесс труда, ибо труд неразрывно связан с совершенствованием и творчеством. Каждый вступивший на путь художника, конечно, знает, как нелегок этот путь — сколько на нем утесов и острых скал, и гибельных потоков. Но недаром искусство называлось священным. Без него человечество не вышло бы из животного состояния.

Невежды до сих пор считают искусство роскошью, но само понятие роскоши безобразно. В нем — распад и разврат. В происходящем переустройстве мира все разрушительные атрибуты роскоши должны быть отвергнуты. Радость труда, радость творчества для совершенствования и истинного украшения жизни должна одержать победу. Именно во дни Армагеддона мы должны особенно бережливо отнестись ко всей Культуре во всех ее проявлениях. Нередко замечаемый распад происходит и оттого, что человечество высмеяло все лучшие устои Бытия. Невежественное отрицание отвергло и достоинство человеческое. Вместо того, чтобы облагородить механические открытия и изобретения последнего времени, человечество в заблуждении своем обратило эти мощные возможности лишь на разрушение. Но не будем останавливать мысль на разрушении, а подумаем о том, какое светлое обновление жизни в руках нового поколения. Порадуемся, что творчество должно лежать в основе этих сужденных преуспеяний. Будьте бодры и радуйте меня добрыми вестями.

29 Июля 1940 г.

Гималаи

"Из литературного наследия"

Америка

Вот уже и Август, а до нас лишь дошло Ваше письмо от 29-го Мая, вероятно, и наши письма совершают такое же длительное путешествие, а может быть, и вообще теряются в пути. Полагаем, что многие посылки не доходят, но только через долгое время можно узнать об этом. Так, например, еще до начала войны нами была выписана и заплачена новая книга о балете, изданная журналом "Студио" в Лондоне. Нам писали, что эта книга была выслана, но до нас она никогда не дошла. Мы слышали, что там было очень хорошо сказано о моем творчестве и было несколько иллюстраций. Может быть, Вам пришлось где-нибудь видеть эту книгу? Вероятно, у вас есть многое сообщить нам о всяких текущих делах. Те лица, которые еще недавно утверждали, что и сношения и даже приезд очень легки, теперь, вероятно, убедились в том, что наши соображения были правильны. Люди мало-помалу понимают, насколько экстраординарны нынешние времена.

Не зная о Ваших текущих делах, можем лишь говорить о том, что полезно во всех отношениях. Наверное, друзья уже оформили бумагу, которую они решили выдать Инге. Наверное, Вы оформили Комитет Музея, ибо не может быть, чтобы Комитет за смертью Флоры вдруг перестал существовать. Ведь Стоу числится и сам себя числит председателем Р. Общества, а Комитет, где председательницей была флор[ентина], является совершенно особым учреждением. Итак, и грабитель и его покровитель, вероятно, находятся в предвыборной агитации. Удивительно слышать, что несмотря на всякие недопустимые проделки, лицо может быть предназначаемо для высокого положения. Попадутся они когда-нибудь в мошенничестве, и тогда вся деятельность грабителя и всех сателлитов получит яркое освещение. Поэтому нужно очень зорко следить за всем, что происходит около этой банды. Несмотря на летнее время, которое прежде бывало затишьем в делах, наверное, теперь полно деятельности. Собирайте новых друзей и особенно молодых. Около Академии должны быть молодые, ибо только это условие дает возможность будущего преуспеяния. Не гонитесь за общественным положением этих молодых, ибо будущее за ними. И в комитетах пусть будут не только одни заслуженные лица, но и молодые. Не устанем говорить об этом, ибо вся наша деятельность была связана с молодежью. Многообразно выросла наша молодежь, и радостно слышать, как многие из них преуспевают каждый в своей области. Конечно, теперь почти все почтовые сношения прекратились.

Вероятно, вы чувствуете это несколько меньше, чем мы, но, должно быть, повсюду переписка нарушилась. Ко всем прочим осложнениям и потрясениям прибавляется и то, что люди находят извинения не заниматься Культурными делами. Много говорится о Культуре, а в сущности очень многие стараются найти случай от нее отмахнуться. Нам прислали номер журнала "Тайм" от 15-го Апреля. В нем поразительная статья о некоторых современных нравах. Советуем найти этот номер и прочесть. Вот куда заходит человечество вместо Культурных преуспеяний. Иногда нам говорили, что положение Культуры вовсе не так опасно, как кажется, но такие статьи, так же, как и книга Алексея Карреля "Неизвестный человек", доказывают, что глубокое падение нравов вовсе не свидетельствует о воцарении Культуры. Много напряжения в пространстве. Конечно, здоровье Е. И. реагирует на эти потрясения, и все это время она не выходит из жестокой невралгии. А вы знаете, насколько эти боли мучительны и мало поддаются каким-либо средствам. Ведь само пространство стонет от всего происходящего, и чуткий человеческий организм должен отзвучать.

Мы послали Вам набор оттисков статей до самого последнего времени, но дойдет ли он и когда доплывет, даже и предположить это невозможно.

Только что появилась отличная статья о Монографии, и ее мы тоже приобщили к посланному набору оттисков. Нет ли и у Вас движения, с книгою? Если сейчас Вам нельзя получить от издательства еще экземпляры, то можно принять заказы на будущее и иметь готовый список. Очень жаль, что мировые обстоятельства так помешали этому изданию, которое только что стало расходиться. Во всяком случае, не упускайте каждую возможность где-то сделать и в этом отношении что-либо полезное. Нет ли каких-либо разговоров и о картинах? Само собою разумеется, что Академия должна брать 15 % с продажи, впрочем, об этом мы, кажется, уже писали. Прислана ли картина "Звезда Героя" — как бы о присылке ее вообще не забыли. На обратной стороне каждой картины был номер со значком (или круг, или два круга, или треугольник, или квадрат); если Вы мне пришлете эти обозначения, то я смогу Вам дать первоначальные и точные названия картин. Можем представить, как и Вы все напряжены при каждодневных потрясающих известиях. Тем не менее в полной бодрости продолжайте созидательную Культурную работу и накопляйте кадры сотрудников.

2 Августа 1940 г.

Публикуется впервые

Нутро

Случалось так, что Горький, Андреев, Блок, Врубель и другие приходили вечерами поодиночке, и эти беседы бывали особенно содержательны. Никто не знал об этих беседах при спущенном зеленом абажуре. Они были нужны, иначе люди и не стремились бы к ним. Стоило кому-то войти, и ритм обмена нарушался, наступало молчанье и торопились по домам. Жаль, что беседы во нощи нигде не были записаны. Столько бывало затронуто, чего ни в собраниях, ни в писаниях никогда не было отмечено. То же и с Куинджи. В собрании — он один, а в одиночной беседе вставал совершенно иной облик — самый ценный и неповторимый.

В эскизах тоже отображается то, что в картинах уже заслоняется множеством соображений. Большая часть эскизов и набросков теряется. Иногда целые пачки таких листиков летят в корзину. А кто-то будет спрашивать, но где же эскизы? Не писались же картины без предварительных заметок! Многое — в огне. На днях застал Елену Ивановну за уничтожением большой части архива. Как отцветшие осенние листья, летели записи и письма в корзины. Все уносилось в жертву Агни. Ведь жаль? Ну, а кто стал бы разбирать эти наслоения десятков лет? Справедливо Е. И. заметила, что и мой архив тоже принесен в жертву Агни и с эскизами и с рисунками.

Итак, нутряная жизнь рассеивается. Знаки ее или сгорят или умолкнут вместе с ушедшими собеседниками. Ушли, ушли, ушли! — слышится изо всех стран. Даже удивительно смотреть на длинные списки имен, а самих-то человеков уже здесь и нет. Вот и сейчас каждое письмо требует двух — трех месяцев, если вообще дойдет! На телеграммы нет ответа и не знаем, дошли ли? При таких встрясках всякие архивы кажутся осенними листьями. И природа тоже негодует. Ливни, смыты дороги. Газета не пришла. Радио нередко по горным условиям замолкает или возмущенно шипит, чтобы не передать облыжные выдумки — плоды министерств "пропаганды". Не бывало столько выдумок. Не потрясалась так нутряная жизнь.

Особенно удивительно наблюдать лики человека на людях и наедине. Спадает все заставленное, намозоленное, насильное. Много значительнее человек в беседе одиночной. При доверии к собеседнику не боится человек сказать нутром. Лучшие слова, заветные мысли — не для всех.

5 Августа 1940 г.

"Из литературного наследия"

Умудренность

Энгр в своем дневнике отмечает: "Искусство возрождается у современников на развалинах творений древних; и надо стремиться оживить среди нас средства последних, продолжая их. Не надо колебаться копировать древних, произведения которых надо рассматривать как общее сокровище, где каждый может […]

Искусный живописец, который не избегает риска быть испорченным дурными образцами, сумеет ими воспользоваться с выгодой. Он сумеет воспользоваться наиболее посредственными их видами, которые, проходя через его руки, приобретут совершенство; он сумеет найти в грубых опытах искусства, до его обновления, оригинальные идеи, обдуманные комбинации, более того — высшие способности изобретения.

Только самый низший стиль искусств как в живописи, так и в поэзии и музыке, нравится естественным образом всем вообще людям. Самые высшие достижения в искусстве не произведут никакого действия на совершенно некультивированные умы, что известно по опыту. Тонкий и изящный вкус является плодом воспитания и привычки. Мы получаем при рождении только способность к выработке такого вкуса и к его образованию точно так же, как мы родимся с определенным расположением воспринимать законы и обычаи общества и с ними сообразоваться. Только в этом-то смысле и можно сказать, что эта способность естественна.

Следовательно, чтобы извлечь пользу из критики своих друзей, необходимо уметь различать путем познания их характера и вкуса, их опыта и их наблюдений, в какой степени они могут быть нам полезны. Чтобы быть хорошим критиком большого стиля в искусстве, нужно быть одаренным тем же очищенным вкусом, какой руководил самим художником в его произведении.

Искусство далеко не всегда вытекает из природы или имеет какое-либо непосредственное отношение к таковой, рассматриваемой как его образец; существуют даже искусства, которые основываются на принципах, диаметрально противоположных природе. Главная и наиболее важная вещь, которую надо знать в живописи, это то, что природа произвела наиболее прекрасное и наиболее подходящее в этом искусстве, чтобы из него сделать выбор. Таковы были вкус и манера чувствовать у древних".

Публикуется впервые

Годовщина

Пришла годовщина войны. Мир пережил за год столько событий, как никогда. Газетные листы выдержали на себе столько лжи, как никогда. Соберите за год заголовки газетных широковещаний, и вы будете потрясены этими ложными прозрениями и сообщениями. Сколько было лжепророчеств и выдумок! Сколько утверждений, никогда не исполнившихся! Эта страница миражей тоже будет неповторенной в истории человечества. Каждодневно вопило радио, и люди, наконец, привыкли к гиперболам и туманностям. А разрушений-то сколько! Точно бы мир решил перестроиться и в спешке с грязной водой выплескивал и детей из ванны. Нет человека, который не был бы затронут Армагеддоном. Не говорим о тех, кто и на чужих бедствиях ухитрился лукаво наживиться. Есть и такие чудовища. Но множества людей пострадали, кто материально, кто нравственно.

Каждый из нас в своем личном кругозоре наблюдает, сколько разрушительного происходит. Особенно пострадала Культурная работа. В лучшем случае, дела отложены или сокращены, а то и вовсе пресечены. Уже год, как прекратилась "Фламма". До Декабря еще находились оптимисты, мечтавшие о возобновлении "Фламмы", но действительность показала, что и думать об этом было невозможно. Почти все подписчики оказались вне почтовых сношений. Окончательно рухнула надежда на издание тибетского словаря. Подписчики оказались вне досягаемости, а многие из них вообще перестали существовать. Не состоялась книга в Коимбре. Видимо, замерзла монография в Женеве. В эту заколдованную страну и посылок не принимают. Что с монографией Конлана? И где сам Конлан? Где письма Е. И.? Вся корреспонденция прекратилась. Книга о балете вообще не дошла. Нет сведений, где и какие статьи за год напечатаны. Посылка целой серии статей на Дальний Восток, вероятно, не дошла — уже полгода нет подтверждения. Красок от Лефранка не достать. Холст — на исходе. Нужных фильм для фото не имеется. Юрий хотел ехать в Тибет — нельзя. Даже местные сообщения затруднены, а цензура писем замедляет все обороты. Понимаем, что все имеет свои причины, но от этого не легче.

А сколько замыслов погребено и вряд ли возродится! Выставки затруднены. И в Америке выставки Святослава страдают из-за экстраординарных условий. Из всех выступлений пока остается еще печатание статей в индусских журналах. Но все ли эти журналы долго выдержат? Вопросы, нерешенные проблемы

кругом. Неправы и те немногие, которые стараются вообразить, что ничего не случилось. Ох, как много случилось! Пришел сороковой год! Приключился Армагеддон!

1 Сентября 1940 г.

Гималаи

Публикуется впервые

За что?

Не однажды русский народ имел поводы опасаться Америки. Между тем с русской стороны в истории остались многие симпатии к Заокеании. Хотя бы вспомнить знаменательную русскую эскадру в Бостоне во время борьбы Севера с Югом. Незабываема дружеская уступка части Калифорнии и форта Росс, где еще до сих пор видны следы русского пребывания. Также незабываема уступка Аляски со всею ее златоносностью и Алеутских островов. Много в чем русский народ выказывал свое доброе отношение к Америке. Но не то было со стороны Америки в лице ее правительств. Не забыто враждебное поведение Теодора Рузвельта во время русско-японского столкновения. Почему-то весь клан Рузвельтов не по-доброму относился ко всему русскому. Не забыты и антирусские поступки Шифа и всей его группы банкиров.

В истории искусств остался разгром русского художественного отдела после Всемирной выставки в Сен-Луи. Пропало восемьсот русских картин. Некоторые полагали, что Америка не симпатизировала именно царской России, но вот теперь русский народ воспринял новую форму правления, а синодик враждебностей не прекратился. Разгромлен Русский Музей. Вандализм совершен над тысячью русских картин. Разгромлен русский павильон на Международной выставке в Нью-Йорке. Русский народ вынужден был вообще отказаться от участия на выставках в Америке. Особенно печально, что последние разгромы и вандализмы совершались с ведома и даже при участии правительственных кругов. Этому имеются доказательства. Возникает вопрос: за что? Неужели зависть к великой русской целине, к русским неизжитым богатствам, к дарованиям русского народа и к растущим молодым силам великой страны?

Оптимисты скажут, что организация Хувера помогала во время русского голода. Но ведь это не было специально актом по отношению к русскому народу. Такие же филантропические деяния совершались американскими деятелями и в Китае и во многих других странах. Отдельные друзья всего русского, как например, Чарльз Крэн, всячески выказывали свою дружбу, но правительственные круги, несмотря на смену партий, оставались и скрыто и явно враждебны. Прав был Молотов в своей последней речи, указывая, что улучшения в русско-американских сношениях не произошло. А ведь доброе русское сердце всегда было готово на искреннее сотрудничество. Спрашивается, откуда же эта

северо-американская враждебность? За что? За что? За что?

1 ˚Сентября 1940 г.

Публикуется впервые

Правильное задание

Правильно ли была дана программа наших учреждений в Нью-Йорке? Сравним ее со многими институтами искусства и скажем: задание было правильно. Вот Музей Современного Искусства в Нью-Йорке с его растущими собраниями, с выставками, с изданиями, с библиотекой, со многими тысячами членов. Музей процветает, а ведь создался он после наших учреждений, и жена Рокфеллера не без цели неоднократно приезжала знакомиться с нашими программами. Порадуемся этому растущему очагу. Вот Карнеги Холл с концертным залом, с тысячью студий, приютивших художников всех отраслей искусства. Какое полезное учреждение! Вот Истмановский Институт в Рочестере. Много забот положил Истман в эту прекрасную затею. Много столь же полезных учреждений разбросано по штатам Америки. Одни преуспевают, другие сохнут. Поучительно наблюдать причины этого роста или засыхания.

Вспомнится старая истина: "согласием и малые дела растут, раздором и большие разрушаются". Ярким примером будет преступление Хорша. Вошел он в дело, как теперь мы убедились, полный самых злокозненных намерений. Уже с самого начала тайком он занимался подтасовкою и подделкою документов. Войдя в дело уже после всех учредителей, он замыслил изгнать не только учредителей, но и держателей бондов и жертвователей и вообще всех сотрудников. В течение двенадцати лет Хорш подготовлял и лжесвидетельства и подложные копии с несуществовавших бумаг. Когда же этот мрачный портфель накопился, Хорш, пользуясь нашим отсутствием и безденежьем многих сочленов, произвел давно задуманную агрессию и вандализм. Нашим именем проник он в правительственные круги и нашел таинственного покровителя в лице Уоллеса. Много мрачного, преступного произошло. Спрашивается, могло ли учреждение развиваться, если в недрах его с самого начала гнездились вероломство, обман, своекорыстие, лукавство? Поучительно проследить, как мрачные замыслы душат даже самые здоровые начинания. А задание было правильно. Но разве могло оно осуществиться, если местная воля была направлена к грабительству и вандализму? Где же общественное мнение? Если оно создает полезные учреждения, то оно же должно восставать против вандализмов.

1940 г.

Публикуется впервые

Памятки

Иногда кажется, что разные памятки никогда не забудутся, а на деле в волнах житейских многое совершенно стирается. И не только ненужное стирается, но нередко и очень значительное.

Шестнадцатого Декабря 1916 года мы выехали в Финляндию. Карелия была хороша для моих нескончаемых бронхитов и пневмоний. Вернулись, началась работа с Горьким. Мелькнуло приглашение быть министром Изящных Искусств. Но ползучая пневмония в начале Мая опять заставила ехать в Карелию, где у нас еще с Декабря было снято именье Юхинлахти в ладожских шхерах. Затем события совсем перервали сношения, а тут приглашение от профессора Вьорка выяснить положение русского художественного отдела, оставшегося в Швеции после выставки в Мальме в 1914 году. Затем Стокгольм, а там Хагберг Райт и выставка в Лондоне. Роберт Харше приехал с приглашением музейного тура по Америке. Пусть и там пройдет весть о русском искусстве.

В первой половите 1923 года исполнилась наша давнишняя, заветная мечта — Индия, Средняя Азия. Около половины Мая 1926 года наша экспедиция через пограничный пункт в Козеуне перешла на Родину, а тринадцатого Июня мы уже были в Москве. В отчете нашего Музея приведены выдержки из моего письма оттуда. Дружеские встречи со многими и давними и новыми друзьями. В беседах с Наркомпросом и Наркоминделом и другими деятелями обсуждались художественные и научные работы экспедиции. Выражались пожелания о дальнейших работах уже на Родине.

В первой половине Сентября с Алтая мы выехали на Ургу, где и пробыли до 13 Апреля — первого возможного караванного пути через Монголию на Тибет. Святослав, который в это время оставался в Европе и Америке, рассказывает, как сердечно наши учреждения приветствовали и приезд Московского Художественного Театра и русские сельскохозяйственные и промышленные миссии. Не прерывались сношения с Родиной, и хотя и затрудненно, но все же нам удавалось по запросу Сельскохозяйственного Института посылать различные полезные семена от нашего Гималайского Института.

С письмами всегда было очень трудно. Иногда они доходили, а иногда неизвестно где и почему проваливались. На мое приветствие к Юбилею Академии Художеств получился ответ от Бродского, но осталась неизвестна судьба писем и в Московский Художественный Театр, и в Комитет по делам Искусства, и к

Щусеву, и к брату Борису… Дошла ли моя книга до Потемкина, получил ли монографию и письмо Молотов? — не знаю.

Парижский полпред выразил нашему секретарю пожелание о подарке для Московских Музеев четырех моих картин. С нашей стороны это пожелание было приветствовано. Но в водовороте событий оно повисло в воздухе. Точно так же осталось в воздухе обращение нашего Комитета в Верховный Совет по делу Пакта.

Наши друзья в Латвии все время сохраняли дружественные отношения с местным полпредством. При этом не забудем издание двух выпусков сборника "Мысль". На нашу последнюю телеграмму мы уже не имели ответа. Вообще перерывы почтовых сношений отвратительно отражаются на всем. Иногда чувствуете себя как бы на необитаемом острове. Обрывки долетающих сведений часто исключают истинное положение вещей. Где именно и что именно теряется — это уже поверх человеческого воображения.

Почему же эти памятки встали именно восемнадцатого Сентября Со-рокового года? Всему есть причина. С Дальнего Востока пришло письмо Алтаева. В нем он сообщает, что в № 1 "Русской Газеты" в Риге 28 Июня была добрая заметка об издании наших друзей. Удар по струнам отзвучит.

Не знаю, дошла ли моя "Земля обновленная"? Напечатана она была тридцать лет назад, но сказанное и сегодня годится. Особенно значительно проверять мысли через несколько десятков лет. Не придется ли отказаться от чего-то? Не было ли уклона или сдвига? Или же было продвижение по верному пути? Хорошо, если было последнее. Радостно не отказываться, но утверждаться.

Первая половина очерка опубликована в сб. "Из литературного наследия"

Антифобин

Беда в том, что ненависть возрастает. Эта болезнь скверная, затяжная, а часто неизлечимая. Причину этого мрачного явления ищут в Армагеддоне, в войне, которая уже столько лет отравляет растущее поколение. Война-то войною! От войны нечего ждать душевных и сердечных благ, но, кроме того, можно убеждаться, что война растравила многие внутренние воспаления человеческие, которые притаились в глубоких недрах. Кто знает, может быть, и в том благо, что разные внутренние нарывы обозначатся и будут подлежать лечению?

Наряду с ненавистью воспряла и отвратительная сестра ее — подозрительность. Все заподозрено, все охаяно, все осквернено. Можно ли сейчас говорить о Гете, о Шиллере, о Вагнере, как бы не попасть в пятую колонну! Можно ли слушать еврейские хоры Мусоргского или "Кадиш" в исполнении Кошиц, это будет уже юдофильство. Всевозможные фобии разрослись. Среди англичан пресловутая русофобия не только не вымерла, но даже как-то окрепла. Вообще вся Европа, да проще сказать, весь мир полны всяких фобий.

Смеху достойно, что люди говорят о каких-то свободах, а сами сковали себя невероятными предрассудками — фобиями. С одной стороны, находят множество всяких витаминов для оживления и оздоровления, а в то же время сами же люди мертвят себя всякими фобиями. Может быть, какой-нибудь ученый найдет эту глубоко угнездившуюся бактерию и отыщет достаточный антипод для ее уничтожения.

Правильно, что все сейчас должно быть на научном основании. Но ведь и сама биология говорит нам, насколько вредны разъедающие человеческие пагубные привычки. А разве все эти фобии, вся эта ненависть и все ее порождения не являются сквернейшими и опаснейшими привычками?! Не доказано, чтобы какая-либо фобия была врожденным свойством.

Взрослые — те самые, которые болтают о человечности, о справедливости, о свободе, они-то и заражают младшее поколение своими отвратительными фобиями и человеконенавистничеством. Экое длинное слово — человеконенавистничество, а следствия его еще длиннее. Сваливать на войну нечего, ведь она является лишь следствием извращенной психологии.

Дело в том, что словарь зла переполнился. Зло обычно заключается не только в каких-то вопиющих преступлениях, но в самом каждодневном домашнем обиходе. Злословить, поносить,

клеветать, унижать — все это может быть допущено в лощеной форме в любом обиходе. А слова о добре, о взаимопонимании, об искренности будут прежде всего сочтены именно за неискренность. Вот куда вползла ехидна ненависти, что даже слово о добре много где будет неуместным!

Милые ученые, наряду с витаминами, найдите и антифобии, чтобы непреложным научным методом уничтожить разлагающие фобии. Беда в том, что ненависть возрастает. Лукавство, лицемерие множится!

23 Сентября 1940 г.

Публикуется впервые

"Тридесятое царство"

"На границе тридесятого царства стоит великан — дикий человек. Ни конному, ни пешему не пройти, не проехать", — говорится в народной сказке. Еще во времена Академии, в мастерской Куинджи вздумалось мне написать такую картину. У каждого из нас было свое окно, все обвешанное сладкими итальянскими этюдами прошлого века. Каждый в такой закутке разрабатывал свои задания. Чем разнообразнее они были, тем больше радовался Куинджи. Мой "дикий человек" на ярко лимонном небе очень разил среди прочей обстановки. Не думал я, что такой выход из общепринятых рамок вместится. Но, видимо, вышло наоборот. Куинджи привел в мою закутку Айвазовского. "Кто это у вас тут сказки рассказывает?" — дружелюбно воскликнул маринист и долго разглядывал моего великана. "Сказка, настоящая сказка. Правда и сказка все вместе".

С тех пор мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридесятые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много видавший путник. С караваном когда-то он пересекал Гоби и Цайдамы и дивился самому белоснежному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: дальше не ходи! Разве не о тридесятом, заповедном царстве они предупреждали? В сказках и имена-то азиатские, и шатры степные, и палаты заморские. Все это видел сказитель. От правды будней увлекал к правде нерукотворных просторов. Неправда, что сказка — удел богатеев пресыщенных. Множества трудящихся бедняков черпали силы и надежду в сказкеправде. Кто узнал сказку, тот умел постоять и за правду. Сама будничная работа преображалась. Некоторые суровые вожди надевали личину, уверяя, что сказка жизни и вообще все искусство им несносно, а сами в тиши плакали, побежденные красотою. Красота не опиум, но крылья преуспеяния. Ведь в каждом человеке живет мечта о тридесятом царстве, о Стране Прекрасной. И разве не будет правдою сказать о просторах, в которых каждый побывать может. Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем.

Есть ли такой земной житель, который не знал бы о сказке, о мечте прекрасной? Умножаются силы, если ведомо, что мечта эта где-то претворилась. И битва с великаном легла. И меч-кладенец куется. И звучит песнь преодоления и победы.

На днях почитаемый Гуру Синг, уходя, вдруг задержался и

подал свой посох. Добрый посох из ладного бамбука. Все поняли, что в этом даре — лучшее пожелание.

Чем бы ни затуманилось тридесятое царство, но оно живет в полной яви, в правде. Тридесятое царство!

Сказано: "Если ты устал, начни еще. Если ты изнемог, начни еще и еще". Правда, правда! Не малая, но великая правда! Но откуда же взять силы? Да все из того же царства тридесятого!

5 Октября 1940 г.

"Зажигайте сердца"

Шатания

Некий профессор ботаники критиковал рост бамбуков на моей картине "Лао-тзе". По словам "непререкаемого авторитета", столь высокие бамбуки не существуют. Профессор, очевидно, не знал об огромных королевских бамбуках Цейлона. Другой специалист осуждал развалины на картине "Страшный замок". Специалисту не пришло на ум, что весь этот "Страшный замок"- не что иное, как старый замшевший пень — очень страшный и величественный для муравьев.

Сколько раз самый наиреальнейший кусок природы назывался небывальщиной! Уж не говорить о красках. Сочетания, этюдно взятые из природы, объявлялись невозможными, а формы зарисованные считались выдумкою.

Поучительно прочесть старые критики художественных произведений. Чего только не писалось о Манэ, о Пювисе, о Сарджента, о Родене, о Гогене!.. Сравнительно немного времени прошло, а уже не верится, что подобная чушь могла занимать печатные строки. Неужели мозг человеческий так извращенно работал? Или какая-то животная злоба и зависть могли так уродовать ум?

Вообще любопытно находить старые газетные листы и удивляться, отчего самые, казалось бы, простейшие явления бывали настолько затемненными в глазах современников? Уже не говорим о Сезанне, Ван Гоге, Серра, Манэ, Ренуаре и других более трудно понятных. Расползлись всякие кокто. Вспомним справедливые оценки Ромена Роллана.

Особенно удивляют нападки на Манэ, на одного из самых сильных представителей новых завоеваний. Нападать на него — значило бы не знать путей лучших старинных нарастаний. Борения Леонардо, Тициана, Джорджоне, Греко и других великих "завоевателей" достаточно должны бы показывать, по каким вехам жило творчество, а между тем при каждом новом явлении скрипит отжившая ржавчина.

Изучать! Изучать! Вот опять мы в теснинах. В Италию не поехать. В Париж письма не послать. Новых книг не получить. Не об открытиях, но о закрытиях слышно. Дожили до ликвидаций! Ликвидация, упразднение, незнание, одичание… А расцвет?

13 Октября 1940

"Из литературного наследия"

Предрассудки

Мысль взята под подозрение. История, археология, этнография — все не допущено. Легенда, сказка — отвергнуты. Все это вредно и недопустимо в искусстве, хотя бы и в частичном намеке. А вдруг репинские "Запорожцы" и суриковский "Ермак" окажутся этнографией?! Туда же попадут уборы венециановских поселян. Будет заподозрена врубелевская "Шехеразада". Уже не говорить о "Людовиках" Бенуа и сомовских фижмах. Конечно, Верещагин никогда не оправдается, да и "Московские боярыни" Рябушкина будут под вопросом.

Но к чему говорим о русском искусстве, когда предрассудки проползли повсюду? Что же делать с Гогеном, Галленом, Ходлером и множеством отличнейших художников? Уже не говорить о лучших старых мастерах, которым такие рассуждения и в мысли не приходили.

Как хохотал бы Дюрер, Хольбейн, Брейгель старший, Кранах, наконец, Леонардо, Микеланджело и все великие, если бы им сказали, что чего-то "нельзя"! Они принимали самые узкие задания и легко проходили такие Сциллы и Харибды.[76] Мастера даже не поняли бы, если бы им начали толковать о придуманных границах дозволенного.

Искусство освобождалось, освобождалось, и, наконец, стало втискиваться в кандалы предрассудков. Нельзя делать безобразное произведение — это ясно каждому. Но если Рембрандту хочется написать превосходный исторический шлем, кто же ему запретит? Если Гоццоли любит пышность узорных костюмов, кто же воспрепятствует? И вообще всякие препятствия в искусстве — разве они не предрассудки?

Во времена упадка надевались всякие нелепые щоры, но возрождение всегда расцветало свободою творчества. Некогда было и думать об аптечных ярлыках и преградах, когда глаза открывались на жизнь, на великую реальность.

Путь реализма — здоровый путь. От него — бесчисленные нахождения. Именно реализм в своем вдохновенном вмещении освободит от всех гнилых предрассудков. В невежестве зарождается предрассудок. Реальное неограниченное знание освобождает от душных пережитков.

Кто же это пугает молодежь? Кто вопит: "нельзя, нельзя"? Пусть будет "можно" во всем познавании вдохновительной природы. "Можно, можно!".

[1940 г.]

Публикуется впервые

Тревожно

Уэллс правильно замечает: "Ни один завоеватель не может изменить сущность масс, ни один государственный деятель не может поднять мировые дела выше идей и способностей того поколения взрослых, с которым он имеет дело. Но учитель — я употребляю это слово в самом широком смысле — может совершить больше, нежели завоеватели и государственные главы. Они, учителя, могут создать новое воображение и освободить скрытые силы человечества".

И еще отлично сказал Уэллс во время обеда комитета моей выставки в Лондоне в 1920 году. Подняв стакан, он утвердил: "Не будем думать, что в мире благополучно. Может наступить такое разрушение, такое одичание, что вот такой простой стакан окажется редкостью". Гремела победа, а взор мыслителя устремлялся вперед. Пришел Армагеддон. Умирающий Тагор горюет о разложении человечества. Радхакришна огненно предупреждает, насколько неладно с образованием молодежи. Многие голоса поднялись против разлагающего "гуд тайм", отравляющего молодежь. Пэтэн опять предупреждает больную Францию, что необходимо сбросить стремление к роскоши, наслаждениям и к увеселениям и углубиться в реконструкцию страны и жизни. К этому трудному подвигу имеются молодые силы. Но пусть во всем умении проявятся учителя, около которых молодые искатели могут собираться.

Слово "единение" так часто твердилось, что попало в разряд труизмов — самое опасное место. А для единения нужна любовь, а где она? Нельзя ли прибегнуть к другому, тоже прекрасному понятию — "сотрудничество", а за ним высится "содружество". Тревожно расходовать такие основы, а вдруг и они будут заперты в подвал труизмов? И почему из словаря зла ничто в эти темницы не попадает? Так живучи злые поношения. Взрывы зла потрясают бедную землю. Царствует золотой Молох.[77] Одно утешение: во всей истории торжества Молоха бывали недолги. В пыль обращались надутые, напыщенные царства, кичливо считавшие себя "пупом земли". Но истинное средоточие мира оказывалось в труде. Радость труда! Радость познания учителя! "Заря близка, но еще ночь". Долгая ночь. Душно. Тревожно.

[1940 г.]

Альманах "Утренняя Звезда", № 1, 1993 г.

Будущее

Удивительно, как бесследно проваливаются многие подробности прошлой жизни. Исчезают так начисто, словно бы никогда их и не было. Иногда Е. И. помянет такое, о котором у меня нет и следа. Даже многие болезни мои стерлись. Недавно, когда я опять проделывал полный "курс" старой знакомой инфлюэнцы, Е. И. вспомнила об ужасных головных болях, бывших у меня. Странно, что и боли можно совершенно забывать. Может быть, всегдашнее устремление к будущему стирало прошлое.

Может быть, мало кто вспоминает о прошлом, как Е. И. и я. Даже очень светлое, насыщенное делами прошлое проваливается перед ненасытным будущим. И в самые тяжелые часы мы реально жили для будущего. Самые трудные перестроения совершались без боли, ибо делалось это для будущего. И с годами, когда, казалось бы, горизонт будущего должен бы уменьшаться, та же самая необоримая воля к будущему вела неудержно.

В будущем — благо. В будущем — магнит. В будущем — реальность. Любите прошлое, когда оно вынырнет из нажитых глубин, но живите будущим. Со всею судьбою и кармою,[78] и мойрою, и кисметом[79] будущее притягательно.

"И это пройдет", повторяет человек слово восточной мудрости, когда вступает в новые теснины. Именно пройдет, по закону эволюции. Мыслим о будущем не законами, но очарованиями будущих совершенствований. Твердыня Союза Народов, еще не сложенная на земле, уже сияет в будущем. Не углубим подробности, ибо мысль о будущем должна быть прекрасна и не вместится в экономику сегодняшних будней.

Вот уже говорят о ненужности молоха-золота. Ценность труда — истинная ценность! Два десятка лет назад это казалось смешною утопией, а сейчас в бедствиях, в грозе и молнии человек уже прошел и золотые теснины. И меч будет перековываться на плуг. И крылья вместо убийства и разрушения понесут знание и благо. Армагеддон пройдет. После грозового вихря и ливня воскреснет радость мирного труда. Здравствуй, будущее!

15 Октября 1940 г.

"Из литературного наследия"

В Америку

Родные наши, последнее письмо Зины было от 19-го Авг [уста]. С тех пор ничего не дошло. Может быть, и наши письма, которые мы пишем даже чаще, нежели через две недели, где-то плавают или залежались. Какая же тут может быть срочная переписка, когда нет никакой уверенности, что и как дойдет? Сейчас я оправляюсь от очередного заболевания не только с высокой температурой, но и с необычайно низкой — температура колебалась от 94 до 104. Даже было неполных 94, а по нашему русскому градуснику было 34,8. Врач нашел, что такой температуры не бывает у живых.

У Вас за это время, наверное, много произошло, и бандиты опять проявили свои злодейства. Будем четко помнить, что Президент Кулич приветствовал и признал Музей в его основной программе. Это обстоятельство неоспоримо. Оно является как бы разъяснением, почему на нашу общую Декларацию 1929 года ничего не последовало. Из текста самой Декларации ясно, что мы все и не спрашивали ничего, но единогласно декларировали наше решение о Музее. Также не забудем, что со времени наших деклараций прошло теперь уже более десяти лет, а десятилетний срок во всем мире почитался как нечто знаменательное. Если бы теперь темные покровители Хорша вздумали по-своему объяснить все связанное с декларацией, то ведь нельзя же допустить, чтобы официальные круги молчаливо принимали — соглашались с Декларацией в течение десяти лет, а затем по чьим-то злобным наущениям предпринимали нечто противное. Молчание всегда считалось знаком согласия, об этом даже были классические поговорки. К тому же явное большинство Совета Музея существует, и против этого обстоятельства никто возразить не может.

Вообще Декларация 1929 года еще окажется чрезвычайно полезной. Она ведь была постановлением Совета Музея, и Хорши под нею, в числе прочих членов, подписывались. Нельзя говорить, что постановления инкорпорированного учреждения не имеют никакого значения. В таком случае и все прочие постановления тоже не имели бы никакого значения во всех существующих учреждениях. Нельзя же предположить, что преступно сфабрикованные Хоршем какие-то бумажки имеют значение, а постановления Совета за подписью всех членов значения не имеют. Это абсурд, и даже самый слабый юрист не может с этим согласиться. Кто-то Вам говорил, что постановление Совета имеет лишь моральное значение. Конечно, поверх всех законов живет

закон моральный, и на нем зиждется право. Без сомнения, все друзья понимают, почему мы так неоднократно упоминали о Декларации 1929 года, а также о Совете Музея, который должен быть как бы общественным стражем этой Декларации.

Очень хорошо, что приветствие Президента Кулича упоминалось в нашей печатной литературе. Если бы даже кто-то злонамеренно похитил оригинал этого документа, то упоминание о нем было известно всем членам наших учреждений. Очень хорошо, что существует книжка о десятилетии учреждений, а также и "Вестник" 1929 и 1930 годов. Хорши и все их приспешники не могут отказываться от всего ими же написанного и в согласии с ними опубликованного. Очень печально, что Плаут по своей бездарности не использовал именно этот печатный материал, ибо книги эти уже были целый ряд лет общественным достоянием. Хорошо, что все эти издания существуют в достаточном числе экземпляров и могут быть даваемы полезным людям. Обо всем том Вы все отлично знаете, но эти обстоятельства настолько краеугольны, что хочется во имя правды еще и еще подчеркнуть их.

Не посылаю Листов моего дневника, ибо не хочу утяжелять письмо, а кроме того, не знаю, какие именно Листы из моих прежних посылок прошли в местной печати. Напишите, что именно прошло и есть ли еще у Вас запас? К сожалению, с почтой становится все труднее, даже телеграммы берут вдвое больше времени, и там, где требовалось обычно двое суток, сейчас уже и пять недостаточно. Наверное, не все вполне понимают эти экстраординарные условия. В газетах объявлено, что письмо в Англию отсюда идет два месяца, а к этому прибавьте еще больше недели на путь от гор до Бомбея и на цензуру. Нс знаем, каким путем сейчас идет воздушная почта, ибо тоже в газетах упоминалось о возможности перемен этого пути. Мы имели еще августовское письмо из" Либерти" — скажите этим милым, добрым друзьям, что мы глубоко ценим и радуемся их светлым мыслям. Наверное, в разных странах многие друзья находятся в затруднениях — уж такие всюду перестановки.

Давно ли люди смеялись над словом Армагеддон, а теперь именно оно вошло на страницы газет и журналов, но, к сожалению, полное понимание его почти всегда отсутствует.

Чуем, как многое Вы имели бы рассказать нам и по делам и по Вашим душевным ощущениям. И мы хотели бы сказать Вам многое, многое, а вместо этого летит один листочек.

Кто-то думал, что ему суждена исключительная битва, а вот сейчас и весь мир сражается, борется, болеет.

20 Октября 1940 г.

Публикуется впервые

Недоумения

Сейчас мы, как на острове. С каждым днем отрезанность все возрастает. Еще год назад была переписка, была осведомленность, а теперь все, как вихрем, выдуло. Все эти годы вспоминались многие друзья, странно умолкнувшие в своих достижениях.

Вот Сергей Маковский, талантливый, так много сделавший для искусства. Говорили, что он все время в Париже, но нигде о его работе не слышно. Он владеет и слогом и языками, имеет накопленные знания. Казалось бы, слово его так нужно во всех частях Европы и Заокеании. И ничего не слышно. Может быть, до нас не доходит, но все-таки просочилось бы. Неужели умолк?

Вот Сергей Эрнст — тоже в Париже и сейчас в лучших годах своих. Одаренный и знающий, зорко следивший за искусством. Доброжелательный и умеющий работать. Неужели все эти годы пройдут для него без широких достижений? Он любит искусство и, казалось, для него оно было потребностью, и языками владеет. Такие деятели так нужны… Но ничего не слышно. Не случилось ли что-нибудь?

Вот Андрей Руднев — известный монголовед, ученый признанный — молчит долгое время. Может быть, идут накопления? Но мелькали какие-то вести об оставлении им ученой деятельности. Между тем Финляндия, где он живет, была удобна для монголоведения, и близость таких ученых, как Тальгрен, могла способствовать. Неужели умолк? Не хочется верить.

Вот Осип Дымов, давший целый ряд хороших литературных вещей. Не могла же его засосать Америка? Какова бы ни была его повседневная работа, Дымов не должен устать. Издавна, со времен "Содружества", он был полон мыслями и среди жизненной борьбы задумывал и творил глубокие вещи. Может быть, у него накопляется многое, но мы-то не слышим. Но все же друзья дали бы знать.

Длинен список всяких таких недоумений. И все это не слабые, ломимые судьбой люди. Все это испытанные, знающие, любящие труд, творчество. Не допускаемы самоликвидация, сдача, поникание. Хотелось бы слышать обо всех умолкших…

23 Октября 1940 г.

"Россия"

Предубеждение

Предубежденность есть прежде всего невежественность. Кто-то предубедился, не познав решающих обстоятельств. Скажут — а как же предвидение? Но ведь это уже прозрение, в котором человек что-то более дальнозорко увидал. Между тем предубеждение в самом слове напоминает, что человек чрезмерно рано сам себя в чем-то убедил. Значит, неведение позволило человеку напитать себя чем-то предвзятым, необоснованным.

Наверное, кто-то будет думать, что предубеждение относится к чему-то суеверно средневековому. В наш же век блестящих открытий и изобретений какое же может быть предубеждение? Всюду факты, всюду материальное познавание, всюду, казалось бы, полнейшая обоснованность.

Но вот тут-то и закрадывается сомнительное "казалось бы". Факты-то фактами, но какие именно факты? Из любой самой нравственной книги можно нарвать отдельные выражения, которые будто бы покажут обратный смысл. Так же и знаменитая обоснованность, на каком именно основании она будет построена? Ведь можно самое замечательное явление пытаться насильственно приклеить к ничтожному основанию. Когда-то со временем более обширный ум усмотрит это несоответствие и внесет поправки. Но что же будет происходить в течение этих, может быть, очень многих лет, пока молодые поколения будут вводимы в заблуждение?

Соизмеримость и целесообразность, на первый взгляд, представляются чем-то весьма легким и удобопринятым в современной жизни. На самом же деле эти краеугольные понятия особенно трудно применимы именно теперь, когда диапазон жизни простерся от высочайших познаваний до каменного века в его полном смысле. Небрежение, этими важными понятиями является одной из ближайших причин возникновения предубеждения.

Пора человеку сознаться, что его "цивилизованная" жизнь еще полна всевозможных предубеждений. И в науке, и в искусстве роятся различные предубеждения, которые вредоносно препятствуют здоровому росту человеческих достижений. Изобретаются разные иностранно-сложные термины, а под ними кроются те же ветхие преграды и затемнение горизонтов.

Слово, зовущее и очаровательное слово "свобода" осаждено теми же темными предубеждениями. Страшное понятие "нельзя" вползает повсюду, и сколько лучших устремлений пресечено этим неумолимым палачом. Нечего опасаться хаоса, если соблюдена

целесообразность и соизмеримость. Всякие желания "сублимаций" похвальны именно там, где за ними не скрывается предубежденное отрицание. Несовместимы предубеждение и эволюция.

Что же мешало лучшим ученым, лучшим художникам быть вовремя признанными? Ведь "пока солнце взойдет, роса очи выест". Мешало все то же предубеждение. Кто-то, зачастую из низко личных соображений, предубедился и внушил эту заразу во всей окрестности. Легковеры ухватывают крылатое словечко, часто даже не думая, какой яд скрыт на острие этой стрелы злобы и зависти. И полетела по миру смертоносная стрелка. Кому какое дело, какие именно прекрасные замыслы она пресекает.

Многообразны предубеждения. Еще одно своеобразное. Рузвельт для удачи своих выборов клянется, что он, во всяком случае, отслужит полностью свой будущий срок. С предубеждением всегда связано самомнение. Где тот вождь, который клянется после всех битв вернуться невредимым? Укус пятисот пчел равен укусу кобры.

30 Октября 1940 г.

Публикуется впервые

Подвиги

Пляшут ли человеки? Да еще как! Ведь на Титанике в минуту гибели тоже плясали.

Живы ли "сопляжники"? Живы до безумия. Миллионы мяса человеческого толкутся на заплеванных пляжах. Видели такие фотографии.

Пошли ли все спортивные команды на оборону? Армагеддон уже долго свирепствует, а спортивные борцы и кидатели все еще призы получают. Не для геройства ли расцветали всякие "спортсмены"? Отчего же они не на полях битв?

Странно и дико видеть целые газетные страницы, занятые отчетами о разных состязаниях с выдачею призов. Точно бы в мире ничего не случилось. Говорят, и бега конские по-прежнему привлекают толпы. Может быть, и биржи действуют во "благо" арматоров. Удовольствия и наслаждения под сенью раззолоченных отелей глумятся над чужою бедою. Об этом позоре человеческого сознания свидетельствуют многие голоса.

Какими же примерами из древних времен напомнить, из чего слагался расцвет и чем зачиналось разложение? Одна история Римской империи дает поразительные указания. А Вавилон? Египет? Эллада? Блистательная Порта? Мало ли знаков из разных веков и народов. Не говорим, подобно траппистам: "мементо мори"[80], но о будущем мыслим. Спешат события. Пришло переустройство мира. На всех путях человек должен помочь судьбе.

Правда, русский народ, во всех своих народностях союзных, помыслил и о геройстве, и о красоте лишений ради будущего, и о строительстве спешном. Вольно и невольно все страны, каждая по-своему, оценили яркое достижение русское. Злятся многие, а должны признавать русскую мощь. Каждый хотел бы иметь другом медведя. Добрый зверь, без нужды не нападает. Окрепло войско русское. Народ полюбил слово "герой". Отмечен герой на всех полях жизни. Герой труда! Что может быть прекраснее такого победного творчества?

Единица труда вознеслась над золотом. Величайшее суеверие — золотой Молох проваливается в мрачные бездны. Творчество, труд, знание расцветет, если оно покрыто понятием героизма, подвига.

[1940 г.]

Публикуется впервые

Договор

Мировые события не раз напоминают об охране культурных ценностей. В жестокой форме происходят эти напоминания. В грозе и молнии, в разрушениях и в бедствиях. Сколько непоправимого совершается!

Договор об охране ценностей человечества выявил три группы людей. Одни в бессердечии просто отмахнулись! Другие пустились в нелепые рассуждения, может ли Знамя охранять ценности и не нужно ли накрасить знак и на крышах? Точно бы эти люди не знали, что и знак Красного Креста сам по себе не может защитить, но является напоминанием и взывает к совести человеческой. Третьи вполне поняли смысл договора и осознали, что Знамя есть знак, есть символ общечеловеческих сокровищ. Знак объединяет и ведет к следующим мерам. Соглашения эти так же возможны, как международный почтовый союз, пути сообщения, Красный Крест и прочие человеческие договоры, многолетне уже испытанные.

Мы давно указывали на идею городов-музеев, которые, лишенные всяких военных условий, признаются неприкосновенными. Некоторые русские города уже объявлены такими музеями. Во время наших двух международных конференций в Бельгии идея неприкосновенности исторических городов живо и благожелательно обсуждалась. Путеводный знак вел к дальнейшим естественным мерам.

Случилось почему-то, что Берлин и Лондон холодно отнеслись ко всем этим суждениям. Сейчас с удивлением можно видеть, что именно эти два центра перебрасываются разрушительными снарядами. Не знаем, что именно повреждено в Берлине, но, вероятно, разрушения не малы. Среди скудных газетных сообщений о Лондоне мелькают повреждения дворцов Кензингтонского и Букингемского, Холланд-хауза, некоторых музеев и до сотни церквей, среди которых есть и старинные. Размеры опустошений могут возрастать.

Будто бы Италия предложила Греции, что Афины не будут бомбардированы, если, в свою очередь, и Рим не подвергнется налетам. Если это так, то ведь недалеко и до соглашения о неприкосновенности некоторых городов. Может быть, сами события двинут естественные меры охраны мировых сокровищ.

"Из литературного наследия"

Индия

В нынешние времена Армагеддона меня попросили обратиться с посланием по поводу нескольких выставок картин, организованных в Индии. Вот мое послание:

"Нужно во что бы то ни стало защитить Искусство. Грохочет Армагеддон. Искусство и Знания — основа Эволюции. Искусство и Наука необходимы всегда, но в наши дни Армагеддона их следует особо беречь всеми силами души. Глубокое заблуждение полагать, что в тревожные времена можно игнорировать Культуру. Напротив, в период войны и отсутствия понимания между народами необходимость Культуры чувствуется с особой остротой. Без Искусства непостижима Религия. Без Искусства гибнет национальный дух. Без Искусства меркнет свет нации. И это не утопия. История человечества изобилует примерами того, как Искусство становится великой путеводной звездой во времена бедствий. Ученые утверждают, что цвет и звук — универсальные средства от всех зол. Красота и гармония усмиряли даже диких животных. Пусть же снова зазвучит священная флейта Бога

Кришны. Представим же себе те блаженные времена, когда создавались величественные фрески Аджанты[81]. Во время войны давайте подумаем о будущих днях мира, утвержденных созиданием, трудом и красотой.

Путешествуя по благословенной Индии, мы как-то ехали по дороге в тени огромных чинар, и наш проводник сказал: "Великий император Акбар думал о будущих путниках, для которых эти прекрасные деревья станут укрытием. Он думал о будущем". "Поклоняясь красоте — совершенствуешься", — говорил Платон. "Человек становится таким, каким мечтает стать", — предопределяют Упанишады.

Возрождение искусства — доказательство возрождения народа. В стране, приходящей в упадок, искусство становится лишь абстрактной роскошью. Но когда страна процветает, искусство становится поистине движущей силой народа. Представим себе историю человечества без сокровищ прекрасного. Тогда мы легко поймем, что целые эпохи лишаются смысла, потеряв свою душу. Без проявления духа прекрасного мы останемся среди уродства смерти. И когда мы заявляем, что красота, искусство — это жизнь, мы говорим о наступлении эволюции прекрасного. Все свершенное ради искусства является достижением эволюции. Каждый, кто трудится на этом поприще — герой.

Весьма похвально, что творческие силы этой страны, даже с

кратчайшей оценкой каждого из творцов, составляют не один список, а целый ряд. Мы счастливы оттого, что перед нами — обширный материал. Как радостно демонстрировать молодому поколению прекрасные достижения множества блестящих мастеров! Процветание искусства и знания вдохновляют. И в этом радостном воодушевлении мы позволим себе приветствовать поистине творческие силы страны. Любая выставка не только увековечивает создателя, исполнителя, но и пробуждает к жизни молодежь. Я счастлив приветствовать блестящих художников, приветствовать создания прекрасной творческой мысли, приветствовать молодое поколение, которому эта творческая мысль несет счастье".

О, Индия волшебно-прекрасная! Позволь выразить тебе глубочайшее восхищение величием и вдохновением, которым полны твои древние города и храмы, твои луга, твои священные реки и Гималаи.

На русском языке публикуется впервые.

Перевод с английского И.Б. Доброхотовой

Тампи

Весьма похвальна деятельность г-на Падмаханам Тампи, который возрождает древнюю символику танцев Катхакали. В процессе эволюции Индии приходится решать много проблем. Одной из труднейших является сочетание прогресса с истинным пониманием великого Прошлого. Чтобы достигнуть этого, мы должны прежде всего смахнуть вековую пыль. Мы должны научиться ограждать Красоту и Мудрость, скрытые в нестареющих деяниях, от сознательного или случайного осквернения.

Очень часто модернистские достижения смыкаются с откровениями древнейших времен. Можно без предвзятости принять прекрасные сокровища, дарованные нам нашими праотцами. Лишь невежество полагает, что все новое возникло на пустом месте, что у него нет корней.

Не удивительно, что в наши дни танцы Катхакали вызывают такой большой интерес среди ценителей искусства и на Западе. Как будто бы обнаружено что-то совершенно новое! Когда содержание древней символики будет раскрыто с подлинным пониманием и любовью, оно вызовет еще большее восхищение.

Думается, что г-н Тампи готов к такой миссии. Он родился на земле Катхакали. Он любит свою Родину. У него тонкое артистическое восприятие и чутье. К тому же ему присуща редкая доброжелательность.

В Индии живо священное искусство танца. И эту старую благородную традицию возрождают не только великие широко известные артисты, но и десятка два талантливых молодых танцовщиков. Во многие школы собирается молодое поколение. Оно научится чтить вековые традиции и создавать прекрасное своего времени.

Ритм жизни стал очень трудным для понимания. Лишь музыка, танец и другие виды искусства могут облагораживать заблудший род человеческий. От чистого сердца давайте же приветствовать все, что приносит радость. "Кто не постиг Прошлого, не сможет мечтать о Будущем". "Индия! Мы постигли твою вечно живую Мудрость Древних Времен. Мы так же будем лелеять память о тебе, как о драгоценном первом цветке, распустившемся на весеннем лугу".

(1940 г.)

Публикуется впервые.

Перевод с английского И.Б.Доброхотовой

Сокрытия

"Тайною мир держится". "Тайнам нет конца". Возлюбили люди тайну и там, где уже нет слов человеческих, и там, где еще земной словарь не истощился. Множество всевозможных древнейших метафор и гипербол, криптограмм, аграфов — не что иное, как сокрытие, вынужденное тогдашними условиями. И в Египте, и в Вавилоне, и в Индии люди вынуждены бывали глубоко скрывать свои прозрения. Пример средневековых алхимиков, дававших научным открытиям престранные наименования, достаточно показателен. Или сокройся или ступай на костер.

И не только в диковатом средневековье, но ведь и посейчас окружаются тайнами. Кодирование сделалось любимым словом. Сколько всяких кодов и условных знаков останется и от теперешних времен. Ключи к ним затеряются, и опять создадутся самые необычайные легенды. Думаем, что тибетские ламы особенно любят тайны, но разве на Западе меньше всяких условных знаков?

Каждому из нас доводилось видеть записи, писанные "мудреною тарабарщиною". Без пояснений ни за что не добьетесь смысла. Приходилось видеть записи старых иконников, так хитро составленные, что никто, кроме посвященных сотрудников, не поймет. Выходит просто чепуха, а на самом деле тайнописно рассказано о "хитром и славном рукоделии". По причинам сохранения истинного мастерства многое передавалось в роду устно или же условным языком.

Наверно, каждый из нас присутствовал, как в неведении люди глумились над непонятными им текстами. По их суждению, тексты были просто глупы, но не приходило в голову суеверным критикам, что они не сумели подойти к истинному значению старинной записи.

Многого не знаем, а раскрытие приходит нелегко. Ведь даже не знаем, как произносился говор древнего Египта. Читать-то по счастливой случайности научились, а вот как произнести, не знаем. Однажды восточный факультет щегольнул перед шахом знанием персидского языка, но владетель Персии ничего не понял, ибо речь была на древнеиранском наречии. Всяко бывает.

Но нельзя смеяться над древними сокрытиями. Бережность и заботливость требовали охранить толпе недоступное. Наши современники уже по одному тому не должны насмехаться над им непонятным, что сами они любят условные знаки. Сколько "филькиных грамот" окажется в архивах, если доверительные коды пропадут?

[1940 г.]
Публикуется впервые.

Шум-Звон

"Что ми шумить, что ми звенить рано пред зорями?" Вот какие пышные шумы-звоны. Более двух десятков королей, претендентов, более десятка президентов бродят по миру. Сонмы министров и генералов блуждают. Ещё недавно всё это, украшенное звёздами, заполняло страницы журналов. Сколько звёзд и крестов! Иногда и места на груди не хватало, а где же иначе их повесить?

Умерла пресловутая Лига Наций. Скончалась тихо, даже и газетных объявлений не было. Архив её из Женевского дворца скромно перебрался в провинциальное Нью-Джерси. А ведь совсем недавно надменная Лига изгоняла русское участие. Ломоносов говорил, что Академию от него отставили. Так и тут — Лигу отставили.

В дальних Гималаях долетают лишь отзвуки шумов. О мире всего мира! А когда он возможен, если лишь новые смертоубийства замышляются? Культура побивается. Некоторые ещё бодрятся, а сами отлично чуют, как отмирают новые Культурные побеги. Постепенно всё приостанавливается. Нелепо уговаривать себя, что этого нет. Зло вросло в мир. Какая панацея отставит разложение?

Мелькнула неясная весть о ликвидации Рижского Музея. В Нью-Йорке — вандализм. Улетели пять зал старинных мастеров. Ещё раньше разлетелся Русский Музей в Обществе Поощрения. Завянет Париж. Не осыпался ли Брюгге? Держится ли Загреб? О Праге и не говорю.

Завяли добрые пожелания в Софии, в Женеве, в Коимбре. Скудны сведения из Аргентины, из Чили. А шум и звон в мире, даже земля сотрясается! Говорили, что земля со старых кладбищ особенно плодоносна. Да, да, новое вырастет. Никакие трясения не остановят весенних побегов. Препятствия — возможности.

Плодоносный дождь вызывается выстрелами. Не лопнула бы от взрывов планета! Мало ли что подумается. Хорошее становится нехорошим. Недоброе помогает добру. Саранча летит. Шум-звон.

15 Ноября 1940 г.

Публикуется впервые

Сборы

Выставка уходит в Лагор. Странно, что ближайший к нам центр оказывается последним. Ранее картины побывали в отдаленных городах — в Тривандруме, в Хайдерабаде, в Бомбее, в Ахмедабаде, в Бенаресе, в Люкноу, в Аллахабаде. Были приглашения из Калькутты, из Коломбо, а Лагор оказался позади. Так же, как и в Хайдерабаде, выставку устраивает Университет. Появились новые или, вернее, давние друзья со времен Европы и Америки. В общем, идут более шести десятков картин, а в доме их уход и не заметен — столько ещё остается. А что, если бы начать укладывать всё, даже и подумать страшно! Пусть бы часть осталась. Но, спрашивается, которая часть и где? Уже много таких путников, нашедших самые неожиданные пристанища. Многие из них безымянно потеряются. Подпись может быть кому-то не ясна.

Иногда доходят случайные вести из Средней Азии, что картины сохранны. Но столько всяких переустройств происходит, что никто не предусмотрит этих жизненных передряг. Судьба картин, бывших в Китае или в Синцзяне, совсем не ясна. Пекинский Музей уже давно перевезен куда-то. Толком даже не понять. Сундуки и ящики в Синцзяне, может быть, прошли уже через многие руки. Даже, наверное, прошли.

Что говорить о далеких местах, когда в самой Европе неразбериха. Теперь запрещено из Индии посылать за границу книги, картины, рисунки, рукописи — словом, всё, в чём состоял жизненный обмен. Пропали рукописи, посланные в Китай, в Америку, в Ригу. А ведь всё это было очень нужно друзьям. Вообще трудно сказать, что именно за это время пропало. Лишь случайно убеждаемся, что пропаж гораздо более, нежели кажется.

Где-то хорошие люди недоумевают и огорчаются и не понимают, отчего вести пресеклись. Ведь не все поймут армагеддонные условия. Продолжаются говоры о Культуре, но именно она-то и поражается и уродуется. Театр горит, а разодетые люди ещё пытаются войти.

Каждые сборы и радостны и потрясающи. Черта наносимая определяет, но и ограничивает. Не всё уместится. Значит, и в Индии приютятся гости. Кто о них позаботится? Друзей-то мы знаем. Но текуч слой человеческий. Сегодня одни, завтра другие. Достаточно навидались. Пусть будет, как должно быть. В сборах всегда кроется и начало чего-то. Конец или начало?

[1940 г.]

"Из литературного наследия"

Красный флаг

"Красный флаг" — так называется редакторская статья в сегодня полученном номере "Гражданской и военной газеты" в Лагере. Кто мог бы думать, что главная страница официозной пенджабской газеты может нести такую статью, полную одобрений советских действий!

На первых страницах последних номеров этой газеты пестрят выдержки из "Правды", из "Красной звезды", из "Красной Газеты". Читаем крупные сообщения о том, что русский подводный флот первый в мире, а скоро и надводный флот займет такое же первенствующее место. Сообщаются твердые заявления, делаемые советскими дипломатами.

Не простое заигрывание с могучим медведем происходит, но звучит признание блестящих достижений русского народа. Много построено за последние годы, много завоевано мирным трудом. Подвиг этот совершался не в сладких условиях. Множество тягот было преоборено под свист и насмешки злопыхателей. Мерзкая клевета не однажды шипела и язвила о русских достижениях. Но вот переполнилась чаша мощи. Даже слепенькие прозрели, что с гигантским, мощным народом шутки плохи. Мечта о дружбе с великим медведем повсюду выросла. Безразлично, где она образовалась, искренне или же шепталась со скрежетом зубовным. История взвесит тайные думы и намерения. Важно, что там, где еще недавно неслись злобные рычания, там теперь преклоняются перед мощью народа-богатыря.

Даже закоренелые в предрассудках поняли, что мировая ось зиждется на русской мощи. "Разве не зришь, как нагнетается ось мировая?" — спрашивал Вергилий. Тогда поэт не мог знать, что лишь образовывался народ, которому суждено будущее. И какое славное будущее! Вот и пришло оно, когда уже опочили и первый и второй Рим.

Прекрасно, что нелегко завоевалось это будущее. Легкое строение от первого вихря и развалится. Великие камни сложил народ русский. На диво всем воздвиг не вавилонскую, но русскую башню. Стобашенный Кремль солнценосцев!

К чему пышные слова? Уж очень ликует сердце. Даже там, где еще на наших глазах гнездилось кислое подозрение — и там воздается хвала русскому народу. Зачем ховать в подполье то, чему суждено будущее. Слышите ли — будущее и какое светлое!

8 Декабря 1940 г.

"Из литературного наследия"

Скрябин

Вот чудеса! Из Южной Америки дошла весть о праздновании, бывшем в Москве в Июле в Музее Скрябина. Почему такие радостные сообщения должны совершать кругосветное путешествие, а не прийти через Иран или Афганистан?

Все, связанное с именем Скрябина, особенно радует. Последнее время на Западе его стали как-то избегать. И Стравинский и Кусевицкий замалчивали Скрябина, и капитальные его вещи стали редкими в концертах. Точно бы не по плечу пришелся. Кому-то не исполнить его было, а кому-то большое русское имя мешало.

Граммофон плохо передавал могучие созвучия скрябинских симфоний. "Поэма экстаза" так отвратно звучала в граммофоне, что и слушать было оскорбительно. А ведь нельзя же мыслить о Скрябине без его симфоний, давших новые дали мировой музыке.

И вот не на чванном Западе, а в родной Москве чествуется память великого композитора. Собирают все, до него относящееся. Даже портреты не только его самого, но и друзей его сносятся в народную сокровищницу. Последнее весьма примечательно. Кто-то чуткий и заботливый хотел создать атмосферу, в которой крепло дарование. Пути эти были нелегки. Вставала злоба против всего нового. Рутинное ухо не воспринимало утонченных созвучий. Сами задания казались кому-то слишком выспренними. Словом, не оценивалась сущность творчества.

Сами мы видели, как некие посетители концертов пожимали плечами и даже уходили до окончания вещи. Но были и преданные ценители. Они-то почуяли, какая новая сила нарастала и какие поворотные задания поднимут сердце молодежи.

Не верилось, когда пришла весть о кончине Скрябина, такой нелепой, недопустимой. Прометеев огонь снова угас. Сколько раз что-то злое, роковое пресекало уже развернувшиеся крылья. Но "Экстаз" Скрябина сохранится среди самых победных достижений.

Добрая дальняя весть. Живет в Москве имя Скрябина. Кто-то любит его и трудится над его достоянием. Наверно, молодежь.

15 Декабря 1940 г.

"Наш. современник", 1967, № 7

Единение или гибель

Так называлась хорошая статья. О том же были наполнены наши письма в Америку. Этими же самыми словами Е. И. уговаривала и заклинала Нью-Йорк, где раздоры среди сотрудников достигли предела. Сохранились потрясающие письма Е. И. Из них ясно, что уже в 1933 году нечто разрушительное должно совершиться. Точно черная завеса прикрыла глаза не видевших свою погибель. Ужасно видеть, когда люди вырывают свою основу и не думают о следствиях. Добро бы, если они не умеют думать о делах, о ближних. "На нет и суда нет!" Но ведь даже о себе забывают люди, куя цепи раздора и взаимоненависти. Через годы не верится, чтобы так безнадежно было положение.

Но письма перед нами. Не сказать сильнее. Словарь предупреждений исчерпан. Как бы мировая язва прошла. Дела частные, дела групповые были предвестниками мировых бедствий. Когда получались письма Е. И., наверно, кто-то думал, что в них сказано преувеличенно. Близорукие полагали о каком-то запугивании. Но вот и десятилетие еще не минуло, а всем должно быть ясно, что это были лишь предупреждения, притом самые неотложные, прямо трагичный С.О.С. какой-то. Каждый час был важен. Уж тут не о любви говорилось. Но хотя бы о деловом единении.

Каждый порознь не вытянет. Все открытия последнего времени достаточно ясно доказывают тягу к единению. Оказалось, что земля богата для всех. Всем хватит, если изыскание и распределение будет разумно. Идол золота пошатнулся, но зато выросло осознание ценности труда.

Столько красоты в мире, дыханье захватывает! А вместо действенного любованья и творчества троглодиты друг другу горло грызут. Не в далеких исторических периодах, но здесь, на веку человеческом, можно видеть, как совершаются разрушения. Да еще какие! Непоправимые! Видели, как малая группа занялась взаимопожиранием. Зашатались уже сложенные устои. И кто решит, где границы зачатого вреда? На котором поколении иссякнет вредоносность? Ведь не потоп после, но боль планеты. И руками и мозгом ущербляются сокровища, для всех припасенные. От малого начинается и большая болезнь. Единение — или гибель.

15 Декабря 1940 г.

Публикуется впервые

Путники

Полагаю, что все наши общества нужно распустить. Настолько неестественны все условия, что никакое общение сейчас невозможно. Накрепко пресечены пути сообщения, а кооперация прежде всего растет жизненными сношениями. Большинство групп не имеют никаких сообщений между собою. А в иных странах даже и внутренние сношения затруднены.

Хочется оградить друзей от всяких нареканий. Смятение в мире таково, что Лига Культуры кем-то может быть принята за какой-то Ку-Клукс-Клан[82]. Семена просвещения не гниют. Посеянное добро взойдет, а будет этот урожай групповым или индивидуальным, не все ли равно?

На наших глазах прошли многие волны. Вот нерушимо осталось все сделанное "Миром Искусства". Никакая история искусств не затемнит все созданное этим движением. Еще работают соучастники "Мира Искусства", хотя многих уже нет. Среди оставшихся ушел дух корпоративности. Прискорбно, но как первый председатель "Мира Искусства" должен сказать, что личного единения в группе было мало, а то и вовсе не было, и это вредило итогам.

Среди работников Школы Поощрения не было раздора. Плоды преуспеяния были отмечены, и все же широко разлетелись наши питомцы. Каждый год их бывало свыше двух тысяч, а теперь слышим лишь о немногих. Жаль, когда после школы новые деятели искусства утеривают общение. Сколько новых достижений могло бы вырастать из крепкого единения!

Даже лично спаянные "Передвижники" не сохранили ядра. Правда, все зачинатели вымерли, но могли же быть преемники? Приобщайте молодых. Незаметно минуют целые поколения. Выросшие не имеют связи даже с самыми живыми традициями. В свое время двери не были открыты. Достаточное общение не произошло.

Писал и говорил о возможности молодого поколения "Мира Искусства", но не восприняли. Также могло быть и молодое поколение "Передвижников", ибо народная традиция была жива. Конечно, сейчас нельзя думать о всяких полезных единениях, когда даже малые группы не могут между собою общаться. Армагеддон!

Кончается со-роковой год. До свидания, друзья! Переживем. "И это пройдет". Закат — для восхода. Чистится обувь для нового пути.

20 Декабря 1940 г.

"Из литературного наследия"

Молодежи

Вот и Уэллсовская федерация — просто эфемерида. Кто и как изберет эти конклавы? Не попадут туда Платоны, Сократы, Аристотели, Пифагоры. Зато Гилберты Меррей, Мадариаги, Николаи Бутлеры, Рузвельты и прочие пустомели, наверное, протолкаются в эти говорильни. Чего доброго, пожалуй, и Жаны Кокто проползут. Точно бы царство роботов замышляется.

Покуда Уэллс критикует — он интересен, но как только дойдет до конкретности, он становится менее убедительным и не дает решения. Даже понятие кооперации не произнесено. Но ведь из сотрудничества зародится и федерация, здоровая, просвещенная, познавшая реальное энергетическое основание.

Специальный университет для образования супергомосапиенсов напоминает раджа-колледж для наследников махарадж. Народный учитель даст новые культурные побеги. Поднятие масс на почве здорового просвещения заложит эволюцию человечества.

Освободитесь от предрассудков. Их слишком много в обиходе. Невежество еще гнездится прочно. Раскрепостите мысль. Основывайтесь на фактах, но на таких, где потребуются и мощные телескопы и чуткие микроскопы. Обуздайте уродливый спорт. Эллинский стадизи не был схож с многими нынешними безобразиями.

Привлекайте к работе молодежь. Она любит, когда к ней относятся серьезно, по-настоящему. Во всех делах мы просили о допущении молодежи. Она дополнит образование на самой деятельности. Будет творить. Весело открывать такие врата в будущее.

Еще только недавно стали учиться думать о будущем. Не для себя это будущее. Эгоист к нему не обратится. Но ведь и все на земле строилось не на краткий век человеческий. И в этом радость, в этом размах. И массы поймут, что дорога должна быть чиста не потому, что сам по ней пойдешь, но пойдут и ближние и дальние.

Да, да, образуйте народного учителя. Дайте ему сносное существование. Зовите молодежь сотрудниками во всех делах. Покажите молодым красоту творчества. Поймите энергетическое сотрудничество как реальнейшее познавание.

20 Декабря 1940 г.

Публикуется впервые

Культура?

В 1933 году некий Маслов, "директор Академии Художеств", изрезал два моих панно — "Сеча при Керженце" и "Казань". Этот вандализм вызвал протест со стороны художников, и Маслова судили. Знаем варварские нападения в Третьяковке на картину Репина "Иван Грозный" и на картину Милле "Анжелюс" в Лувре. Портрет Сарджента был изрезан в Лондоне. Израненные картины были подклеены и подмазаны, но все же их нужно считать инвалидами. Со временем старые раны дадут себя знать.

Друзья не могли понять, почему пресловутый Маслов уничтожил именно эти два панно. "Сеча при Керженце" в первом варианте была приветствована в Париже в дягилевских постановках. Кстати, где это первое панно, а также и панно Серова? Вместо Маслова не съели ли их крысы? И "Сеча" и "Казань" были воспроизведены и в большой Монографии 1916 года и в книгах Эрнста и Ростиславова. Вариант эскиза был на Международной выставке в Мальме в 1914 году и поступил в стокгольмское собрание Мансона. Достаточно были оценены эти панно, и тем страннее вандализм, над ними учиненный. Зачем? Культурно ли?

Вспоминаю это к сообщению о повреждениях в Лондоне и Манчестере и о налете бомбовозов на Венецию. А вдруг шальная бомба попала в дворцы этого города-музея? Нельзя представить налет на Акрополь или на Рим. Но также невозможно вообразить разрушение Венеции. С высоты можно нанести вред непоправимый.

Венеция, чудесная Венеция вся построена на сваях. Известно ли, как влияют на лагунную почву взрывы? Но знаем, что Кампанилла обрушилась от каких-то почвенных условий. Знаем, что большие суда опрокидываются не только от прямого удара бомбы, но и от взрыва вблизи судна. Из Лондона писали, что на расстоянии двухсот ярдов от взрыва летевшие железные балки пробивали крышу дома и проникали в квартиры. Последствия взрывов вообще не учесть. Но венецианские свайные лагунные дворцы и храмы могут быть особенно чутки к сотрясениям.

Иногда кажется, что прежде больше жалели произведения искусства. О Кампанилле больше ужасались… А теперь? Огрубение ли? Где же Культура?

25 Декабря 1940 г.

Публикуется впервые

Полнота жизни

Хорошо, что довелось воочию встретиться со значительными деятелями прошлого поколения. Лев Толстой, Владимир Соловьев, Дмитрий Григорович, Максим Ковалевский, Владимир Стасов, Милютин… Затем Пуанкаре, Станиславский, Римский-Корсаков, Куинджи, Репин, Виктор Васнецов, Суриков, Пюви де Шаванн, Роден, Тенишева, Третьяков, Тагор, Лосский, Метальников, Врубель, Горький, Леонид Андреев, Блок, Дягилев, Ремизов — все такое разнообразное! Даже вспоминать в одном ряду странно. Но в жизни все эти встречи и многие другие складывались под знаком дружелюбия и дружбы. С признательностью вспоминаются такие вехи пути.

Но где же полнота жизни, если нет претерпения предательства?

Испытали ненасытную враждебность клана Бенуа, которого Щербов называл коварным бен-Уа. Познали предвечные наскоки всяких макак и мартышек. Много чего было. Но этого мало. Говорят, что жизнь неполна без претерпения предательства. Должно оно произойти от сотрудника. Это "амплуа" предателя судьба предоставила американскому гангстеру. Подкрался под овечьей шкурой протоплут и архиклеветник Хорш. Не мы одни почувствовали его темную лапу. Как жаль, что Америка оказывается питомником гангстеризма — так признают и сами американские писатели.

С глубоким знанием гангстерского кодекса Хорш провел давно задуманное предательство. Думается, что полнота жизни преисполнилась. Все — налицо, наполнена чаша.

В дни Армагеддона особенно звучит всякое человеконенавистничество. Экое длинное слово, но также пространно наносит оно вред Культуре. Вот и еще длинное слово — вредительство. Последние десятилетия образовали особый класс людей — вредителей. Говорят, что человеконенавистничество и вредительство всегда и раньше свирепствовали в полной мере. Но, кажется, что среди изгибов мнимого прогресса эти мрачные ехидны особенно кристаллизовались. Суперфосфаты мнимых достижений, вероятно, создали питательную почву для гадов.

Прошел со-роковой год. Труден и наступающий. Пошлем всем друзьям привет на трудных путях.

Января 1941 г.

Публикуется впервые

"Новая Земля"

"Новая Земля" — северная картина. Новгородцы на расписных стругах среди льдов на крайнем Севере — может быть, у полюса. Ничего не страшится вольница. Дивуется на моржей и на льды бескрайние.

Думалось, когда-то отвезти картину на Родину. Но вышло иначе. С Лагорской выставкой пошли новгородцы к радже Тери-Гарвал на границу Непала. Вот куда забрались мужи Новгорода. Именно эту картину захотели молодые раджи.

Казалось бы, на выставке были и "Гималаи", и "Гуру Чарака", и "Вестник от Гор", и "Охота", и "Замок Такуров" — много было здешних помыслов. Но вот поверх всего приглянулись новгородцы. Сразу нагрузили на мотор — три моих и две Святослава картины — и уехали в свою удаленную вотчину. И фото не удалось снять, а там на месте уж, наверно, снять не сумеют. Много не снятых картин.

В то же время ежегодник в Пальгате на самом юге Индии поместил своего "Святогора" — в горах. В Траванкоре — "Открываем врата", в Аллахабаде — "Новгородский погост". В Лагере воспроизведен "Старый Псков" из "Псковитянки". У Тагора — "Берендей". На "Новую Землю" всюду взглянули. А ведь говорили: "Не поймут!"

Почему не понять? Там, где нет предрассудков, там и понимание легко. Ведь оно не в рассудке, а в сердце. Вот мой "Микула" объехал и Ахмедабад, и Мисор, и Тривандрум, и Бомбей и во многих журналах был отпечатан. Был на выставках и "Иранский эпос", но все же далекая "Новая Земля" приковала внимание. Трогательно нам видеть это внимание.

Имеются невежды, которые ничего-то не знают и пытаются ругать Индию. Недавно некий тип восхищался старинными индусскими тканями и тут же бессмысленно ругал Индию. Поносителю указали, что именно Индия творила эти ткани. Нельзя по невежеству ругать великую землю, где живет высокая мысль и творчество. Ругатель устыдился.

Одни любят творящее "да", другие привержены к тупому "нет". "За морями — земли великие". "За горами — земля новая".

8 Января 1941 г.

"Неделя", 26 ноября — 2 декабря 1973

Доколе?

"Тому, кто вверяет судьбу свою нашей судебной "справедливости", можно лишь пожелать — да поможет тебе Бог". Так говорит опытный американский адвокат. Помним изречение Гейнсборо о современных ему законниках. Даже из классических времен помним бесчисленные примеры. Уже в четвертом классе гимназии учили речь Цицерона против Катилины. "Quousque tandem?" Именно, доколе? Но века бегут, а это "доколе" так и остается воплем неотвеченным.

А вот и другое. Еще в 1920 году во время моей выставки у Гупиля в Лондоне заявился некий чиновник из Министерства Иностранных Дел и смутил бедного директора галереи. Сказал, что картины вовсе не мои, что Рерих убит в Сибири и сам чиновник присутствовал на панихиде. Пришлось повидать его и уверить в моей самоличности. Тем не менее через десять лет мы встретились с тою же легендою в Лондоне. В 1930 году опять были те же нелепые шептания. Но особенно забавно, что в 1940 году в Лагере Святослав услышал ту же нелепицу, повторенную как известный факт. Значит, каждое десятилетие та же вредная ерунда будет повторяться. Неисповедимы пути, как ядовитая ехидна переползает океаны и горы.

Нечто подобное приходилось слышать о Куинджи. Там какой-то пастух в Крыму убил художника и завладел его картинами. Такая мрачная клевета ползала, и какие-то негодники или идиоты ее повторяли. Напоминало что-то из времен Челлини. Хотя и около Гойи было немало россказней. Да и сами собратья-художники иногда не скупились на словечки. Вспомнить, что Делакруа или Руссо говаривали об Энгре или как чернили Мане. Всего бывало, но думается, неужели все без конца повторяется? Никакие Армагеддоны недостаточны, чтобы кто-то одумался.

Слишком слабы законы против клеветы. Во многих случаях они должны быть приравнены закону об убийстве. Убийство рукою или мыслью равноценны. Человеческое общество не может примиряться с такими преступлениями. Законы против клеветы должны быть усилены. Но и сословие "законников" должно быть пересмотрено и очищено. Сказания о судьях неправедных и о мздоимцах создались из ужасов житейских. Доколе?

14 Января 1941 г.

Публикуется впервые

Скрыня

И еще одна легенда превратилась в явь. Считали, что сказание о Парсифале, о Граале есть чистейший вымысел. Но чешский ученый недавно нашел в иранской литературе пятого века книгу "Парси Валь-Намэ", где рассказана, в манихейском[83] понимании, легенда о Парсифале, о Граале. Юрий в своей истории Средней Азии предполагал, что Грааль связан с манихейством. Предположение было правильно, и находка чешского ученого его вполне подтвердила.

Но больше того, молодой швейцарский ученый в Пиринеях около Монсегюра нашел пещеры с изображениями, относящимися к Граалю и к тамплиерам[84]. Это тот самый Монсальват, который часто поминается в связи со сказаниями о Граале.

Нужно быть признательным швейцарцу. Нелегко было проникать в глубокие пещеры. Даже по немногим снимкам можно убеждаться, что требовались и горная сноровка и смелость. Наверно, в тех же местах могут быть найдены еще изображения и предметы ритуала. Катары, альбигойцы[85] и разные еще не вполне осмысленные секты могли вращаться у мощных стен Монсегюра.

Вот и времена Меровингов и Каролингов[86] тоже еще не вполне разгаданы. Суждения историй колеблются. Вот Хлодвига различные историки снабжали самыми противоречивыми эпитетами. Он и мудрый, и прозорливый, и святой, он же лукавый, корыстный, предательский.

Опять найдутся корни легенд. Лишь бы искали их без предрассудков и суеверий. А искать нужно в самых нежданных местах. Хуже нет быть связанным какими-то ветхими предубеждениями.

Манихейство пока остается одним из самых загадочных учений. Судя по ярым преследованиям, культура его была добрая, и искания истины были широкие. Со временем ветви могли запутаться, но основа была глубока.

Во время азийских Экспедиций пришлось открывать многие ветви старинных сказаний. Пусть это лишь ветви, ибо до корней не докопаться, а все-таки велика радость выпрямить согнутое и переплетенное веками. И нигде столько не захоронено, как в Азии. Истинная скрыня!

16 Января 1940 г.

"Из литературного наследия"

Досмотры

"Как у сокола крылья связаны, и пути ему все заказаны". Вот и связаны и заказаны! Иное письмо проходит через шесть цензур и досмотров. Семнадцать лет Культурной работы не помогают. Искусство и наука не ограждают. Главное же в том, что теряется время. Иногда думается, что каравеллы Колумба были быстрее нынешних "воздушных" сообщений. Письма из Америки требуют четырех месяцев, и наши письма ползут, конечно, с такою же скоростью. Конечно, время военное, и каждый принимает свои меры. Но все ли досмотрщики хороши? Знают ли, различают ли, что спешно и что нет? Через месяцы оказывается, что многие письма вообще не дошли. Потоплены или просто закинуты? Особенно же прискорбно, что многие друзья не представляют себе действительность. Они еще живут в иллюзии, что сообщения нормальны. Досмотры для них лишь призраки. Но на деле и в области искусства и науки крылья связаны. И какие же пути?

Армагеддон гремит, и огромно его психическое влияние. Танец смерти — не только на бранных полях, но во всей земной жизни. Пляшут в преддвериях гостиниц. Борются и скачут, точно бы ничего и нет. Но сущность-то уже иная. Человечность уже сокрылась. Вот и выставки бывают, и журналы печатаются, и лекции идут, и театры гремят, словно бы ничего не случилось. Но случилось в самой сущности. Ничем не прикрыть глубоких трещин сознания. Конечно, выковывается и новое. Но его нужно увидать и глазом новым. Коли что сотряслось, то нечего прикрываться. Нечего скрывать землетрясение под видом кирпичей загремевших.

Армагеддон кончится. Новое строительство опять воссияет. Не паника, не уныние, но дозор о Культуре нужен. Вот где настоящий досмотр у места. Не вредит ли что Культуре? Каковы досмотрщики? Известно ли им, что чем труднее час, тем заботливее нужно оберечь сад Культуры. Не сумели договориться о городах-музеях. Не хотели соборяне помыслить о самом нужном, чем жив человек. Пробовали говорить против войны, а о том, как разоружить сердце, не мечтали. Кто-то вообразил, что злоба и несправедливость — земные устои. За эту скверну придется поплатиться. Держите дозор за Культуру.

22 Января 1941 г.

Публикуется впервые

Бывшее

Все это было. Был "Арчер". Было издательство нашего Музея. Был "Кор Арденс", была "Корона Мунди", был "Бюллетень". Был "Вестник Музея". Был журнал "Урусвати". Был "Вестник Гоуризогкара", была "Культура". Было издательство "Лига Культуры". Был "Алтаир", был "Угунс", была "Мысль", была "Фламма".

Все это было. Начинало развиваться и под давлением разных обстоятельств поникало. Пишут и жалеют, что не сохранилась "Фламма". Только что получены были такие жаления. Но как преоборотъ грозную действительность? Даже обычная телеграмма в Нью-Йорк потребовала три недели в один конец. Не удивляйтесь, вчера произошел такой плачевный эпизод, повлекший большие расходы и ущербы. Будем разыскивать причины, но ведь никто убытков не покроет.

Если такое случается с телеграммами, если письмо вместо двух дней проваливается на восемнадцать, то о каком же издательстве мечтать? Больше двух третей друзей вообще недосягаемы. Жаль видеть, как издания уже начинали становиться на ноги, а затем жестоко пресекались. Вот "Фламма" прожила два года, но с войною скончалась. Некоторые подписчики из Франции и других стран Европы сетовали на прекращение издания. Но, спрашивается, как они могли бы сейчас получать "Фламму"?

Вот друзья в Индии: "Сколяр", "Кумар", "Модерн Ревью", "Индиан Ревью", "Хиндустан Ревью", "Твенти Сенчури", "Прабудха Бхарата", "Едюкешенал Ревью", "Висва Бхарата" (Тагор), "Дивайн Лайф", "Кесари", "Веданта", "Лидер", "Читра", "Калапака", "Мира", "Вижн", "Пис", "Ридерс Дайджест", "Кальян", "Динамани", "Калаймагал", "Нью Оутлук", "Пен Фрейнд", "Юнг Билдер", "Олд Колледж", "Ист энд Вест", "Маха Бодхи", "Буддист", "Бозат", "Шри Читра Угам", "Бхаша Пошини", "Индия", "Упасана", "Вишвал Бхарат", "Вичитра", "Навчетан", "Абхюдайя", "Стри Дхарма", "Бхарати", "Ориент", "Дон", "Саки", "Мисиндия", "Кочин Аргус", "Культура", "Ревью оф Философи энд Релиджен" и еще на местных наречиях.

Все друзья! Свыше тысячи статей, очерков и воззваний прошло через них. В одном "Сколаре" за десять лет ежемесячно было больше сотни. Культура, искусство, доброе слово о достижениях народа русского широко прошло по Индии и поанглийски, и по-хинди, и по-урду, и по-гуджрати, и по-сингалезски, и по-тамильски.

Кто читал? Где читали? Под какими бамбуками и баньянами и в каких хижинах слушали? О скверном не говорилось. Посылались добрые мысли. Привет незримым друзьям!

31 Января 1941 г.

"Из литературного наследия"

Долой осудительство!

Грабарь сетует, зачем мы собирали голландцев. Он находит, что именно этих старинных мастеров мы не должны были собирать. А если собирали, то для какого-то "веса" в обществе. Грабарь захотел позабыть, что наши главные устремления были к пятнадцатому и шестнадцатому векам, к той тонкой декоративности, которая украшает жизнь вне веков и условностей. Уже не говорю, можно ли вторгаться в чуждую жизнь с необоснованными личными замечаниями. Где же граница насилия?

Другой писатель находит, что и Азию изучали мы из гордыни и тщеславия. Где же доказательства? Так же можно уверять, что Бенуа пишет из самомнения или из зависти. Шут с ним!

Хочется вспомнить, сколько радости дали и путешествия и собирание искусства. Радовались с Еленой Ивановной и каменному веку и старинным мастерам. Искали, собирали, изучали, складывали. Хорошие были вечера, когда после дневной работы, далеко за полночь радовались мы находкам. От многих приглашений воздержались мы, чтобы иметь наши вечера.

В душе близок был нам А. А. Голенищев-Кутузов. Он также безотчетно увлекался собирательством, особенно любил примитивы и считал радость искусству высшею радостью. Творящий поэт знал, что сеть радость. Он же понял и Мусоргского. Уходя от земли, он завещал распродать свое картинное собрание: "Пусть опять разбегутся и доставят радость новым искателям". Странствие искусства!

В каждом странствии — своя красота. Объезжая мир, многажды радовались мы. С восторгом вспоминает Елена Ивановна нашу экспедицию на конях по всему сердцу Азии. Все трудности и невзгоды стираются перед каждодневным щедрым познаванием и любованием. Именно каждый день — новые кругозоры, новые очертания, новые краски, новые люди. И щедра Азия. Сама пустыня наполнена красотою. А в Гималаях, в их горной державе, заключен магнит прекрасный. Никакая книга не передаст этих очарований. Сам прикоснись! Так же и в собирательстве необходимо личное прикасание. Творчество радует энергетическими выявлениями. И в собирательстве — творчество. И в странствии, в несравнимых сменах впечатлений растет творчество. Как судить и осуждать творчество? Не лучше ли совместно порадоваться?

7 Февраля 1941

Публикуется впервые

24 Марта

Более двадцати лет все друзья поминали памятный день двадцать четвертого Марта. Собирались, беседовали, читали и любили чувствовать,

что в разных странах одновременно сходятся им близкие. Всегда летели к этому дню сердечные весточки. Вычислялись дни, чтобы письмо дошло вовремя, в тот самый час. Тогда можно было исчислить почтовые сроки и быть уверенным за доставку.

Международный почтовый союз! Хоть в этом сумело согласиться человечество. Но все непрочно, так сломались и почтовые сношения. Не только не исчислить срока, но и трудно быть уверенным, что весть вообще дойдет. Армагеддон!

Только глубины сердца могут остаться прочными. Знаем, что не сообщиться почти со всеми друзьями. Но также знаем, что день останется незабытым. Даже в нелегких условиях сотрудники сойдутся в доброй беседе. Если даже и сойтись не смогут, то в одиночку пошлют лучшие мысли. Может быть, не долетят эти мысленные дары, даже и радио стало перебиваться и заглушать друг друга.

Но где истинные друзья — там и сущность посылки сохранится. Все-таки хоть искра доброжелательства долетит, а по пути осияет и окрестное пространство. Уж очень велика везде злоба и скорбь! Если можно смягчить сердца хоть мечтой о мире всего мира, то такая панацея будет целительна.

Думают, что уже кончаются беды. Но нельзя обессиливаться ложной надеждой. Еще велика злоба мира сего, и требуется добрый доспех, чтобы устоять. Мало одного терпения, нужна уверенность в правом пути. Душевное общение с друзьями много поможет улыбнуться и среди трудного часа.

Рассказывают, что некоторые люди в памятные дни ставят на стол приборы, за которыми трапезовали их далекие друзья. И в мираже общения посылаются сердечные пожелания. Вообразите, что никакие сношения не нарушены. Представьте, как постучится друг в сердце ваше. И найдите, найдите ласковое слово, чтобы достойно встретить близкодалекого. Не помешает Армагеддон этой ласке. Оздоровит пространство ваша преданность и крепкая дружба. Да будет вам всем хорошо!

Публикуется впервые

К дальним

Хочется побеседовать со всеми ведомыми и неведомыми друзьями. Знаем, что большинству из вас, а вернее, и всем нам сейчас тяжко. Ваша Культурная работа как бы не нужна. Часто о ней даже и заикаться не приходится. Трудно и морально и денежно. Самые лучшие начинания — неуместны. Отчаиваются соратники. Проползает сомнение. Слова о лучшем будущем кажутся химерами.

По счастью, в глубинах сознания, внесрочно и неумолчно, звучит голос победы. Много вы передумали, много перечитали, много беседовали, чтобы вызвать и укрепить этот спасительный приказ. Восхищение, восторг, радость тоже должны быть приказаны себе. В этом твердом ведении скажутся познавания ваши, накопленные, собранные.

Приказ о радости вырастет из постоянного творческого делания. Будет оно или мысленное или действенное — безразлично. Важно, чтобы оно было, и тогда не обуяет вас отчаяние. Кто-то скажет — опять слова, а действительность больно ударяет нас. Того гляди и череп проломит! Для кого слова, а кому и утверждение. И если в таком утверждении встретимся, то вместо слов вырастут решения.

Об Армагеддоне достаточно слышали и потому нечего поражаться. Происходит сложенное человечеством. Гроза и ливень, и вихрь! Если над вами есть кровля — переждите. Не бросайтесь опрометью во тьму. Если бы мы могли по-прежнему общаться, многое могло быть обдумано на пользу общую. Но ненастье настолько велико, что общения прерываются.

"И это пройдет". Даже в трудные дни накопим и научимся. Среди накоплений будет ценным сознание о друзьях невидимых. Говорят, что и больным легче вместе. Так же и труждающимся легче сознавать о путниках на тех же путях.

О Культуре всегда уместно было мыслить, но теперь — особенно. Пусть даже о разных плоскостях ее думается. Все равно — лишь бы о строительстве, о познавании, о труде сознательном. По этому направлению все вы мыслите на разных наречиях, в разных странах.

Реальность, действительность зовет вас, и вы знаете, что добро едино во всем своем многообразии. К одному берегу пристанут труженики Культуры. Радостна будет встреча. Друзья, порадуемся!

(1941 г.)

"Из литературного наследия"

Найдите прививку

Не слишком ли много об американских "действах"? Но были письма, и хочется кратко сказать о сущности грабительства редчайшего. Хорш задумывает над Музеем тонко построенное мошенничество. Он вводит правительство в заблуждение и своею клеветою устраивает иск за какие-то налоги с сумм экспедиции, хотя всем ведомо, что экспедиционные суммы налогу не подлежат. Эти же экспедиционные суммы, да еще с процентами, Хорш требует себе обратно. В своей темной душе Хорш отлично знает, что он лжет и подделывает, но он настоящий американский гангстер. Он отлично знает, насколько низко грабить целую группу деятелей и выживать их из дела, ими же созданного, но кодекс гангстеризма торжествует. Находятся среди министров, которые по таинственным причинам надоедают судьям по телефону и требуют неправого решения.

Мало ли сказаний о судьях неправедных! Но особенно любопытно, что люди отлично знают, что Хорш жулик, понимают все его махинации и фабрикации и все-таки молчат. Является вопрос, возможно ли молчать там, где нарушается Культура, где могут быть вводимы в заблуждения молодые поколения? Не о себе пишу, но для тех, кто шатается под язвами клеветы. Только что о таких слышали из Чикаго и удивлялись этим неверам. Легко верят и вправо и влево, как гнилая тростинка сгибаются. Что же получится? Одни криводушничают. Другие промолчат. Третьи изобретут компромисс! Точно бы зло и добро могут в компромиссе ужиться. Образуются какието компрочикосы, вроде тех, которые уродовали детей, чтобы выгоднее на ярмарке продать уродцев. Сколько фабрик уродства существует, и вовсе не в темноте и в утайке, а на глазах у всех! Владычица цивилизация их бережет и оправдает за сходную цену. Мать Культура может проливать потоки слез, а владычица цивилизация хохотом встретит все попытки блага.

Был такой старинный романс, каждая строфа которого кончалась трагическим криком: "А она все хохотала". Вот этот хохот гремит по миру. Власти мира сего хохочут на всех снимках в цилиндрах и регалиях. Ведь хохот считается признаком успеха. И как далек он от светлой улыбки радости! Человек волен погрязнуть в любой мерзости. На то он имеет свободную волю. Но не имеет он права заражать молодежь. Даже против сифилиса и туберкулеза находят средства борьбы. Не пора ли найти сыворотку против злобной мерзости?

19 Февраля 1941 г.

"Из литературного наследия"

В трудах

Выставка в Траванкоре. Для Государственного Музея "Шри Читралайан" приобретены мой диптих "Чаша Героя", "Вестник" и "Армагеддон". У Святослава: "Домой" (хорош лунный свет), "Гонец" (много движения и во всаднике и в туманах) и мой портрет. Уже три портрета в здешних музеях. В Аллахабаде — с книгой, в Бенаресе — рисунок, а теперь в Траванкоре — с камнем. Дома он назывался "Адамант". У каждого портрета было свое имя. В моем зале в Читралайан было десять картин, теперь еще три.

Елена Ивановна вдруг пожалела "Армагеддон". Считает очень удачным. Хотела бы видеть его дома. А тут — ушел навсегда, и даже фотографию не могли снять. Со многих не пришлось снять фото, а если и удалось, то уж очень плохие. Не передают соотношения тонов, так разве только очертания, да и те нередко искажаются. Пожалуй, и я пожалел "Армагеддон" 1940 года. Первая версия 1936 года попала в Монографию, а между тем вторая версия лучше. Остался эскиз пейзажа, но без толпы на переднем плане. Между тем протянувшаяся гидра толпы по линии была удачна, и огнистое небо удалось. Ну что же делать, пусть поживет "Армагеддон" у мыса Коморина. Таких далеких вестников уже не собрать ни на какую выставку.

Траванкор преуспевает. Махарани заботится об искусстве. Имеет чутье. Несмотря на войну собирается строить новую большую галерею для картин. Святослав делает проект. Если бы не война, то много культурных начинаний повыросло бы. Есть приглашение в Мадрас, в Гайдерабад (Деккан) и даже в Манди. Но война все удушает. Бодрятся. Делают вид, что наука и художество не страдают, а сами отлично понимают, как глубоко заполз червь удушающий. В Амритсаре Общество хочет издать мою брошюру "Радость искусства", но нет уверенности, что она состоится. Вот и из Коимбры и из Женевы нет вестей. Дошла парижская газета от середины прошлого Мая — истинно рекорд. "Нью-Йорк Тайме" не приходит. "Студио" не приходит. Может быть, тоже через десять месяцев дойдут? И какими мертвецами покажутся эти пожелтевшие осенние листья! Сколько чего произойдет! Живем в трудах.

24 Феврали 1941

"Из литературного наследия"

"Весна"

Пришло письмо от Конлана из Парижа. Обрадовались. Думали — будут новости. На конверте штемпель нечеток, но на письме дата — второе Июня прошлого года. Выходит, что письмо Конлана от шестого Июня мы получили в Июле, а письмо его от второго Июня дошло в конце Февраля следующего года. Рекорд! С такой корреспонденцией не продвинешься!

Главная часть письма посвящена "Весне". Конлан негодует на Нижинскую, которая в своей книге наврала. Выходит по ней, что идея "Весны" принадлежит Нижинскому. По другому письму Конлана, Стравинский во сне получил идею "Весны". Для меня и места не остается. Между тем я получал гонорар не только как декоратор, но и как либреттист. Многажды писалось о моей мысли славянского балета, и Дягилев это знал. Впрочем, он и не скрывал, как зародилась вещь. Можно только удивляться желаниям присвоить то, что заведомо принадлежит другому. В далеких Гималаях мы и не ведали бы о таких поползновениях людских, но Конлан, живя в Париже, оказался в курсе всяких выдумок и наветов. Не довольно ли о "Весне"? Особенно же теперь, когда наступает совсем иная весна.

Невыразима трагедия писем, доходящих через три четверти года. Так и не знаем, что сталось с самим Конланом? Он пишет, что Ш. попал в плен во Фландрии. Тоже не знаем о последующем. Конлан пока работал над биографией. Но и это звучит архаично. Конлан немного сурово отзывается о Стравинском. Впрочем — ему виднее, и мы не можем знать парижских настроений. Замечание о Ларионове характерно. Жаль, когда художник оказывается грубияном. Еще существует наш Центр, но ведь и это уже сказка об осенних листьях.

Имеется выписка из "Студио". В ней говорится почти в моих словах об украшении общественных зданий, почт, железнодорожных станций… Конлан знал, что мне будет радостно читать такие призывы и во время Армагеддона. Пусть когда-то наступит весна. Пусть запомнят, что Культура зачинается не в далеких отвлеченностях, но в быту, в украшении и улучшении каждой жизни. Пусть подумают об истинных ценностях. И в трудностях подумайте, чем жив человек. Трудная весна. 27 Февраля 1941 г.

"Из литературного наследия"

Синтез

Иногда кажется, что многое без следа забывается, исчезает. С годами ли? Или нечто более важное прикрывает давно бывшее? Ни то, ни другое. Постоянно убеждаемся, что все сохранно. Сложено глубоко и выявляется по мере надобности. Происходит синтез. Но трудно судить, когда именно и почему что-либо понадобится. Назовем ли рефлексологией или чувствознанием или интуицией — безразлично!

Особенно же примечательно, что давнее встает всегда нежданно в обновленной форме, выявляя грань по обстоятельствам. При этом правда не будет нарушена, будет лишь подчеркнута какая-то ее подробность. И нельзя насиловать синтез, так же, как невозможно требовать появление определенного сна. Тонок и сложен психический процесс, и формулы рассудка не действительны.

Трудно судить не от самости, не от своей преходящей минуты. Но увлекательно хотя бы иногда восчувствовать наслоения синтеза. Нечто когда-то значительное оказывается отставленным за ненадобностью. Нечто мелькнувшее, как дальняя зарница, вдруг вырастает до размеров, решающих целый этап жизни. Когда-то оно показалось ненужным, не стоящим внимания, но синтез сопоставил незримые нам причины и отчеканил следствие.

Марево (хорошее русское слово) вспыхивало, а за ним в дальней дали действовало мощнейшее обстоятельство. Марево, зарево, зарница — вестники далеких событий. Северное сияние или Гималайское свечение напоминают о накоплениях, невнятных уху и глазу. Только сердце почует их, отстучит тревожно или торжественно.

Особая красота в том, что синтез связан с сердцем. Еще не очень-то подробно изучена сердечная деятельность. Не мозг, но именно сердце отзвучит на все космические явления. И это радио в сущности своей и мощнее и утонченнее, нежели грубая механика восприемников радиоволн.

Пространство может быть переполнено до отказа, и сердце может затрепетать смертельно. Тогда придет на помощь синтез. Что-то отодвинет. Что-то выявит. Словно заботливый врач, восстает целесообразность. И утишается противоречие. Сделается так, как нужно.

2 Марта 1941 г.

Публикуется впервые

Друзья!

Пришло письмо от И. - она, видимо, знает Алтаева. Ждет моего указания по поводу одного мятущегося мальчика. Алтаев знает, что я пишу Вам. Пусть он передаст, что стихи и устремления мальчика трогательны. Пусть он прочтет всю серию А. И. - книги, наверное, имеются у Алтаева. Помочь мальчику следует, и прежде всего нужно укрепить его добрые устремления. Заработок у него имеется, значит, все дело в упрочении его мысленного творчества. Хорошо делает И., подбодряя первые шаги творчества. Жаль, что мальчику не пришлось кончить школу… Дисциплина всегда необходима, а способности помогли бы ему скорей довершить первую ступень образования. Задатки возможного совершенствования — налицо. Видимо, уже имеется навык к труду, а эта каждодневная пранаяма[87] — лучшее лекарство от всех слабостей.

Пишут, что характер у него строптивый. Пусть помнит старую поговорку: "На сердитых воду возят". Если не удалось докончить школу — пусть сам довершает образование. Пусть не считает себя несчастным. Всякое уныние пресекает лучшие возможности.

Помню, как Куинджи осуждал каждое уныние: "Коли повесите нос книзу, то и небо не увидите". Трудная жизнь есть благо. Она закаляет доспех. Пусть мальчик читает. Пусть прочтет "Твердыню пламенную" — она у кого-нибудь имеется. В ней он найдет мои советы и благопожелания. Пусть и Алтаев скажет мальчику слово о бодрости труда, о несломимости.

Энергия неисчерпаема, лишь бы помнить о целесообразности. Вероятно, и самому Алтаеву трудно, и каждый подвиг нелегок. И в этой трудности благо. И всем Вам нелегко. Знаем это. В дни Армагеддона всем трудно. И нечего скрывать от себя, что испытание мира безмерно. Дело не только в войне, но в убийстве мысленном. Кто-то думал, что в этом году все кончится. Что кончится? Как кончится? Почему кончится? Ведь огромен посев всяких причин. Безмерны и следствия порожденные. Думаем о Вас. Посылаем мысли, а почта становится все хуже. Крепитесь и любите друг друга. Сейчас каждое зернышко единения уже благо непобедимое.

3 Марта 1941

Публикуется впервые

Америка

Сейчас пришли письма Зины от 23–29 Января. Они представляют целую горестную страницу нынешнего положения человеческой морали. Наверное, Вы сохраняете копии этих писем, и они являются целым томом повести о вопиющей несправедливости и злонамеренности. Будем хранить и Ваши слова и слова Джаксона, наконец, признавшего, что какая-то темная рука действует пресекающе во всех фазах этого дела; мы-то все давно это знаем, но очень важно, что и сторонний наблюдатель отмечает это позорное обстоятельство. Даже Гул. при поверхностном ознакомлении с делом в письме своем к Вам определенно указал пункты явного несправедливого решения. Наверное, и Джаксон, кроме этих пунктов, найдет еще многие, которые сделают его апилл ярким и неотразимым.

Конечно, для бандитской темной руки не существуют никакие законные доводы. Тьма хочет пресечь и разрушить Культурное дело и, как видим, не останавливается ни перед какими действиями. Очень жаль, что в истории Культуры останется такая вопиющая страница вандализма и несправедливости. Никакие темные руки не смогут ее стереть, ибо живы свидетели этого безнравственного вандализма и гангстеризма. Гангстеры могут думать, что им удастся долго укрываться и прятаться за ширму разных аппаратов.

Хорошо делаете, что пишете меморандум всего дела, чтобы все потрясающие детали были запечатлены. Конечно, вы помяните добрым словом и того справедливого судью, который счел своим долгом поднять голос за правду и не испугался закулисных телефонов. Также помяните и другого судью, который был возмущен вторжением в дело таинственных покровителей. В меморандуме должны быть выявлены как мрачные гангстеры, так и те немногие честные деятели, которые вставали за правду. Вы хорошо делаете, что составляете этот меморандум по частям, спеша внести в него все, что еще свежо в памяти. Храните весь архив, все посланное нами, копий у нас не осталось. Никогда не знаете, какая подробность окажется существенной. Часто кажущаяся незначительная подробность может явиться ключом к наиболее важному.

Преданность Ваша в защите Культурных дел навсегда останется памятником несломимого мужества в борьбе против мрачных сил тьмы. Гангстеры окопались на золотом основании, и тем труднее честной бедности бороться за правду. Правильно поступаете, имея глаз за всякою деятельностью мошенников,

многое может неожиданно обнаружиться. Также следите и за прессою и записывайте и отрицательных и положительных авторов. Можно будет найти нити связи с гангстерами.

13 Марта 1941 г.

Публикуется впервые

Америка

Письмо Ваше от 5–7 Февраля и телеграмма о деле Джаксона лишь еще раз доказывают, насколько деятельны темные руки. Прямо можно удивляться этой ярости темных действий. А то, что Вы пишете о "курсе мистицизма", еще более добавляет мрачную уродливость всего происходящего. Еще раз можно убеждаться, насколько необходим дозор за мрачными деятелями. Пожалуйста, продолжайте и углубляйте его во всех доступных направлениях. Вы сами убедитесь, насколько необходима будет такая зоркость. Нормально рассуждая, положение ста вещей, составляющих собственность картин, совершенно ясно и неопровержимо. Так же точно шеры картинной корпорации твердо устанавливают преимущества за друзьями. Все это неопровержимо, но для этого нужны какие-то своевременные действия. После друзей еще могут претендовать бондхолдеры, но об этом нечего сейчас и говорить, ибо позиция друзей очень ясна и верна. Сумеет ли Рок что-либо своевременно сделать? Так же точно и Смит не упустит ли своих лучших возможностей? Например, мы никогда не слыхали, как Смит уладил какие-то формальные промахи, допущенные Плаутом в связи с депозицией здесь по делу манускриптов. Если тогда что-то было не соблюдено с чисто формальной стороны, то ведь оно могло быть исправлено, и депозиция могла все-таки состояться.

Чудовищное мошенничество, которому суждено рано или поздно быть раскрытым, должно быть утверждаемо при всех случаях, оно должно держаться на глазах общественного мнения. Каждая гласность, каждая правда укрепляет нашу общую позицию. Жаль, очень жаль, что в свое время друзья не нашли своевременным передачу моего письма Президенту. Теперь такое письмо уже не по времени, но тогда оно внесло бы новое определенное обстоятельство в историю дела. Грустно, что после стольких лет некоторые милые друзья не понимают, как точно нужно исполнять указания. Полумеры во всем ужасны.

Хорошо, что Вы продолжаете Ваш Меморандум, ничего, если он выходит объемистым, сократить всегда можно, но важно не упустить характерные подробности. Ведь подобного дела в истории Культуры, в истории Искусства еще не бывало, и это обстоятельство нужно поставить во главу Меморандума.

19 Марта 1941 г.

Публикуется впервые

Борьба

"Не будет благом, если все начнут хвалить тебя. Каждое достойное действие должно иметь врагов. Но благо в том, если эти враги будут тебе желанными и жданными. А друзья действий твоих окажутся именно теми, о которых мечтал ты".

Из давних веков отмечена борьба в основе жизни. Должна быть радость в такой извечной борьбе. Что же образует эту радость? Сознание пашни и посева! Именно в борьбе неустанно сеются зерна будущих достижений.

В городском ли многолюдстве или в благоухании пустыни идет та же борьба! Ее полюбить нужно, но легко ли? Но если удастся однажды возликовать борьбою за истину, за благо человека, то уже никогда не придавит тягость борения. Возникнут новые силы.

Но приходится твердить себе о сущности борьбы. Будут часы ныряния. Будем знать и такие пороги. Не удивимся, слыша о нагнетении друзей. Неизбежны такие часы. Не будем перегружаться, но вдохнем свежую прану[88]. Вспомним о самом дорогом. Пусть прибой пробежит. Приливы и отливы — тот же пульс. "И это пройдет". Новое вспыхнет негаданно, там, где рассудок и не предполагает.

В каждом новом заложена и новая борьба. И никуда от нее не уйдешь. Лучшее ободрение будет в том, что с тобою желанные, а против те, кто и должен быть супротивником. Плохо, если супротивники сущности твоей согласятся с твоими деяниями. Пусть они всегда будут нападать и угрожать, и тем умножать твои силы.

Мысль о борьбе не есть труизм. Многообразие жизни создает и неповторимые грани борьбы. Испытайте землетрясения. Все задвигалось, затрещало, попадало. Все оказалось подвижным, и не знаешь, где предел и граница.

Борьба за правду есть посев блага. Живет красота в каждой борьбе против лжи, лицемерия, несправедливости, невежества. Знает ли кто, как и где дозреют плоды борьбы героической? И кого напитают они? И какие сады расцветут от семян блага, труда? Но целительно будет благоухание. И не нам судить, где оно окажется особо потребным.

Бывает и трудно. На то и борьба. На то и битва. И опять же радость, если супротивники те, которые и должны быть ими. Ярая борьба, несменный дозор! Давно сказано: "Если устал, начни еще. Если изнемог, начни еще и еще".

24 Марта 1941

Публикуется впервые

Счастье

Радиостанция в Дели просила дать беседу о счастье. Что есть счастье? Счастье есть радость, а радость — в красоте. Она есть очаг всех творческих сил человека. Не в золоте счастье. Многие примеры, как глубоко несчастны бывают богачи. Не в золоте красота жизни. В золоте — роскошь. Но ведь роскошь обычно антипод красоты. Так же, как благодать, счастье — пугливая птичка. Легко отогнать волну счастья. Легко не почуять, откуда повеяло благодатное дуновение. В рутине каждодневного машинного труда нелегко распознать крыло счастья. Осудить ли тех, кому вообще о счастье не приходилось и слышать? Всем утесненным, всем огорченным в желчи и неприязни, даже само слово о счастье покажется насмешкой.

Скажут, "счастье" катается в блестящих моторах. "Счастье" упивается и нажирается в раззолоченных палатах. "Счастье" имеет власть притеснять, умалять, неправедничать и ломаться над слабым. "Счастье", как мрачный призрак, нависает и поганит каждый вздох и улыбку о прекрасном. Сказали ли в школах об этом размалеванном вампире, который в обиходе называется "счастьем мещанским"?

О жертвенности не сказали. Зато показали и воспели всю ложную позолоту прозябания. Да, показали и ухмылялись, называя наслаждение достижением. Много подделки, но особенно страшна подделка счастья. Как осуждать тянущихся к наслаждению, когда им и не говорили о жертвенности и о красоте подвига? А подвиги старых времен поставлены были под усмешку.

Больно видеть, как невежество топчет лучшие цветы. Мало утешения в том, что вандализм происходит по незнанию. Миллионы лет человеческой жизни дали множество достижений. Почему же отринуть их? Целесообразность учит бережности. Соизмеримость напоминает о гармонии, о ритме. Они — путь к счастью.

Не опасайтесь твердить о красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного. Засуха погубит все живое. Но если даже пустыни могут ожить под заботливою рукою, то и обиход может зацвести редчайшими цветами. Семья, вдохновленная искусством, будет прочным оплотом государства. Целые страны живы хотя бы воспоминанием о своих творческих продвижениях. Даже далекое достижение не ржавеет и спасает народ от разложения. Никто не дерзнет сказать, что о красоте творчества уже достаточно сказано и сделано. Совершенствование, познавание, любование —

беспредельны. Велик магнит счастья.

Хороша радость о прекрасных произведениях. Подъемы счастья возникают и преображают все окружающее. Первая ступень будет собирательством: "мои вещи", "моя радость". Но затем образуется и следующая ступень, когда условие самости уже отойдет. Почему вещь "моя"? Надолго ли? Пусть она несет радость всем. При таком мышлении зародится и третья ступень, возникнет расширение сознания. Вот где истинная, нестесненная радость! Взлеты счастья!

"Когда говорим о сердце, говорим о Прекрасном". "Сердце несет в себе красоту Бытия". Сердце, как творческий магнит, несет в себе огненные энергии. Можно ли без этих максим касаться области радости и счастья? Чувствознанием утверждается радость. Не возрадуется человек безобразию, если пылает его сердце. Вдохновительно, что, говоря о счастье, должно утверждать и радость и сердце — талисманы против отчаяния, скуки, падения, разложения. "Пусть сознание влечется в самый Прекрасный Сад".

"Час утверждения Красоты в жизни пришел. Пришел в восстании народов. Пришел в грозе и молнии".

Счастье — в гармонии, в равновесии. Но это равновесие зиждется на ритме. И солнце работает взрывами. Так же и эволюция полна взрывных революций. Сложны ритмы мироздания. Трудно расширенному сознанию, когда оно окунается в беспредельность. Недаром малые сознания по своему размеру чувствуют себя по-своему более счастливыми. Но счастье беспредельно, и оно знает неизбежность творческих полетов. Да совершится скорей!

Нелегок путь к счастью, к равновесию энергий. И хорошо, что эти твердыни одолеваются в трудах. Велико мгновенное озарение, но нужно суметь охранить этот огненный цветок, чтобы он преобразил всю жизнь. Пусть светит всему кругозору. Не страшны тогда ужасы и призраки.

В счастье искореняется страх. Учат ли о том, как нужно изгонять страх? Мужество есть щит счастья. Но такой щит должен быть выкован в огне подвига. В любом обиходе, в каждом труде может коваться доспех подвига. Мудро произнесено "герои труда". Битва за лучшее будущее не только на полях сражений. Неутомимость, терпение, достижение лучшего качества испытываются в жизни каждого дня. Подвиг человечности нарастает в трудах. Счастье — в сознательном труде. Песнь труда есть великое созвучие всех взыскующих.

Многи препоны в потоках жизни. Многи опасные камни и стремнины. У счастья много врагов. Всякие злобы, уныния,

зависти, клеветы, сомнения — мало ли что выползает и грызет корни счастья. Среди мрачных врагов будет и чрезмерная механизация нашего века. Механизация может глушить народное творчество. Механизация может разрушать Культуру. Даже цивилизация может страдать от непомерной механизации. Вот усиленно развивают передачу энергии без проводов. На первый взгляд, польза несомненна и для телевизии, и для радио, и в многих новейших изобретениях. Но кто знает, насколько можно нагнетать пространство насильно уловленными энергиями? Уже знаем, как переполняется пространство противными радиопередачами. Сбиваются токи и глохнут в непомерном напряжении. Доколе?

Конечно, беспроводная передача энергии помогает осознать позабытые силы человека. Энергия мысли до сих пор лишь частично признается, а для невежд остается в пределах какого-то колдовства. Беспорядочное, хаотическое мышление тоже будет в рядах врагов счастья. Учат ли в школах о значении мысли? Или же эта великая наука остается в числе запрещенных познаний? Доколе?

Натолкавшись и наблуждавшись, опять придут к красоте. Старая поговорка: "Красота спасет мир" опять оживеет. Можно ли в дни Армагеддона говорить о красоте? И можно и должно. В красоте — не сентимент, но реальность, мощная, подымающая, ведущая. В глубинах сознания нечто уже было известно, но нужна была искра, чтобы заработала машина. Блеснет искра, осияет блеском прекрасным, и умаявшийся труженик опять восстанет, полный сил и желаний. Захочет и совершит. А препоны и трудности окажутся возможностями.

Но не блеснет красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красиво. Без красивости, но в величии самой красоты. Счастье в том, что красота неиссякаема. Во всяком обиходе красота может блеснуть и претворить любую жизнь. Нет запретов для нее. Нет затворов пресекающих. На крылах красоты обновляются силы, и взор владеет пространством. Счастье — в радости. Радость — в красоте.

1941 г.

"Из литературного наследия"

Вестники

Забавно бывает слушать суждения о своих произведениях когда люди не подозревают, что автор перед ними. Помню как Брэнгвин описывал мне моих "Идолов", они ему понравились на выставке в Венеции. Принц Петр Греческий рассказывал о моей мозаике в Почаевской Лавре. Жорж Беллоус толковал о "Половецком стане". Много таких недоразумений. Не следует прерывать рассказчиков. Они говорят о чем-то, их поразившем, а это всегда любопытно.

Началось "Гонцом" — в Третьяковке. С тех пор много было "Вестников" — и в Америке, и в Европе, а теперь "Вестник" останется в Траванкоре. Ишь, куда заехал! Доплыл — ведь и этот так же, как и первый, в челне (только на горном озере). Имеется в Адьяре "Вестник", также и в Аллахабаде. Теперь один побывает в Хайдерабаде. Все они разные, из разных народов, с разными вестями. И на конях, и на челнах, и на кораблях, и пешеходами — все они с чем-то неотложным, спешным.

Удивительно, сколько побочных обстоятельств вырастают, надвигаются, изменяют все начинания. Никуда не уйти от них. И бороться нельзя, только бы энергия не убывала. Только бы уныние в каком-то обличье не проникло. Ударность труда надо сберечь. Обстоятельства отойдут, изменятся. Благо, если можно признаться самому себе, что труд — творчество не пострадало.

Как часто отмершее и не было в сущности живым. Сделало свое временное назначение и уступило место более спешному. Другой "Гонец" прискакал. Другой "Вестник" постучался. Бесчисленны, неохватны океанские волны. Не успеть усмотреть очертания, когда новый вал уже шумит и кажется самым примечательным.

Ждут друзья весть. По-разному понимают ее. Иногда радуются малой вести, а не большой. В разных странах и психология различна. Но вестник даже в одежде телеграфиста уже нечто особенное. Советуют: сообщайте все значительное не письмом, а телеграфно. Как раньше говорили с волнением: "Телеграфическая депеша"! Значит, мол, что-то произошло. Что-то новое, обновляющее. Стучится вестник, и чем необычнее час, тем трепетнее ожидание. Мал конверт, скупы слова, но в них спешная весть. Хочу добрую весть!

25 Марта 1941 г.

Публикуется впервые

Особая весна

Весна — на редкость дружная. Пышно зацвели персики, абрикосы, сливы, вишни. Догоняют их груши, яблоки, айва… Все разукрасилось — точно бы перед чем-то наступающим. Благоухают глицинии, ирисы, гиацинты. Точно бы все заторопилось. Елена Ивановна говорит: "Как никогда, хочется упиться цветами". Что это? Опять предвидение? Пока не было ни града, ни ливня. И цветы и овощи целы. Вылезают из земли лилии. Уже распускаются розы. фризии, туберозы, флоксы, гвоздики торопятся. Магнолия готовит цветы. За все годы не запомним такое цветение. Да, да все заспешило.

В журналах все чаще повторяется слово о Культуре, об Искусстве. Как бы за якорь ухватились. Кто твердит добросовестно, а кто — лишь бы цветные очки надеть. В долину ожидается много разных приезжих. Именно разных. Точно бы открыли мирное место и торопятся вздохнуть в мире.

Маха Бодхи[89] думает осенью собирать всемирный конгресс о всеобщем мире. Не знаю, можно ли по нынешним временам вообще произносить слово "мир". Впрочем, во время самых кровопролитных войн происходили моления о мире всего мира. Так, вопреки очевидности, взывали, а сами, может быть, готовили яды и взрывы.

Написал: "Не убий", да и спрятал. Все именно твердят: "Убей, убей, покрепче убей, побольше убей", а о мире и не заикайся. Хорошо еще, что "Культура" пока не заподозрена. Все-таки она напоминает о чем-то мирном. Пишут, что в Лагоре уже приступлено к камуфляжу зданий. От кого в Лагоре? Почему не в Бомбее, не в Карачи, не в Мадрасе? От какого врага собирается защищаться и прятаться Лагор? Удивительно!

За последние дни пришло четыре новых журнала — все с упоминанием слова "Культура". Вероятно, сгущаются опять события, и люди, как заклинание, твердят о том понятии, где нет убийства. Не сегодня, так завтра услышим тяжкий войсковой шаг. Может быть, он уже гремит.

Радио у нас нет. Главная причина: пресловутый Ладен-Ла в свое время донес правительству, что у нас имеется "подземный радио". Так и было донесено. Пусть не будет ни подземного, ни надземного. Неужели терпимы такие невежественные доносы? А ведь Ладен-Ла был почетным адъютантом Бенгальского губернатора. Вот так адъютант! А весна спешит. Хочет показаться во всей красе.

26 Марта 1941 г.

Безумия

Брандес отлично оценивает Анатоля Франса. Точно бы сквозь оценку одного человека выступает суждение о всей Франции, о лучшей Франции. Толковали о судьбах бедной Франции, теперь разодранной на три части. Замутились судьбы. Много предвестников смуты вспыхивало. Одних вестников замечали, а другие, хотя и очень мрачные, проскальзывали неприметно. Среди них было и безумие Дешанеля. Безумный президент был бедствием всей страны. Никто не знает, когда началось это безумие. Во всяком случае, гораздо ранее, нежели Дешанель выскочил в окно вагона или влез в цилиндре в бассейн сада. Но даже и между такими явно безумными действиями президент подписывал декреты, представительствовал и, может быть, вовлекал страну в опасности.

Подлинный ужас в том, если глава государства безумен. Всякие прогрессивные параличи начинаются постепенно, и как судить, когда именно заболевший деятель должен быть отставлен от государственных обязанностей? Какие именно его декреты должны быть признаны патологическими? Даже явные безумцы иногда являют просветы мышления. Каждый посещавший убежища для умалишенных знает, какое обманчивое впечатление производят нервнобольные, одержимые маниями. Много анекдотов существует на эти темы. На первый взгляд, паралитик может произвести самое привлекательное впечатление. Никогда не знаете, где и как проявится опаснейшая мания.

Пример Дешанеля показателен. Прежде ярых припадков болезнь уже давно разрушала организм. Много мелких странностей было приписываемо оригинальности характера. Многим приходилось наблюдать, как так называемая неуравновешенность, наконец, превращалась в явно безумные, опасные поступки. Особый трагизм, неслыханный гран гиньоль[90], когда глава страны окажется таким опасно больным. Еще большая драма, когда этот глава выборный и получится, что страна избрала безумца. Признаки паралича сказываются различно.

Можно ли утверждать, что паралич части тела не отзывается на всем организме? Должен ли ждать народ, пока его глава выбросится в окно вагона или влезет в бассейн? Безумие президента будет страшным символом. Нет ли еще безумных президентов?

30 Марта 1941 г.

Публикуется впервые

Пути мира

"Я — царь Гаммураби… Я показал людям свет. Путями мира вел их. И, дабы не угнетал сильный слабого, начертал я законы мои. Угнетенный да придет перед лице мое, слова мои да услышит и будет оправдан".

За две тысячи лет до нашей эры начертались заветы о путях мира. Но не очистило эти пути человечество за целые тысячелетия. Все завоевали… А что завоевали? Мережковский осуждает нашу цивилизацию:

"То, что мы называем "цивилизацией", и есть "Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным", ибо, воистину, душа цивилизации — блуд: за растленным обществом, растленною личностью — растленный пол. И ведь уж, конечно, не только языческой, но и нашей христианской цивилизации предсказан этот страшный суд".

Можно осуждать "цивилизацию" и в иных словах, но смысл осуждения останется полномерным. "Цивилизация" о путях мира не мыслила. Иногда, для обмана, она болтала о мирных соглашениях, но это была болтовня лишь для прикрытия корысти.

Но каждый путь мира не ржавеет, если в нем заключалась хоть доля искренности. Уважаем Гаммураби, почитаем Ашока за их мирные устремления. Среди правителей отмечены миротворцы.

Китайцы называют 1941 год — годом ползучего змея, а 1942 год — годом коня. Герои обычно на конях за правду сражались. С конем связаны подвиги. Трогательный "Конек-горбунок" остался символом достижений. И пути его были путями мира. Русский народ знает об этих путях.

Народ, которому столько вверено, не забывает о Культуре. Именно среди народа легче всего провести грань между цивилизацией и ее пасынком прогрессом и между Культурою, которая врождена и вспыхивает от огненной искры. Пути мира не могут быть насильно вбиты. Они живут в глубинах сознания. Для "цивилизации" — они утопия, но для Культуры они пути единые, пути верные, пути прямые. Красиво звучит — пути мира.

4 Апреля 1941 г.

Публикуется впервые

Шепот

"Здесь не говорят о войне". Такая надпись развешана в вагонах, в гостиницах, на вокзалах, в банках — всюду, где люди встречаются. Радио ежедневно без устали кричит о войне. Газеты полны фактами, слухами, досужими выдумками. На то оно и печатное слово.

"Хотя об этом и писали в газетах, но оно оказалось правдой", — так признался опытный газетчик. Однако что же делать с говором о войне? О чем не успевает вопить радио. Где границы войны? Надпись остается мертвой буквой, а люди болтают, шепчутся и выдумывают небылицы. Кажется, никогда столько не выдумывали!

Во зле иногда гнездится своего рода самоотвержение. В добре — самоотречение. Что же в этом неслыханного — так и должно быть. Но откуда берется самоотвержение во зле? Должно быть корыстно зло. Между тем можно заметить, что часто зло действует не в свою пользу. Злодей совершает поступки вопреки здравому смыслу, против себя самого. Или в ярости злодей уже не может взвесить последствий? Или карма ведет его к разрешению причин и следствий? Много всяких предположений. Можно погрязнуть в миражах зла. Можно многое заставить, но где же будет исход?

Кто-то хочет спасти от злотолкований. Чего проще?! Запретить говорить обо всем сущем, обо всем происходящем. Из пространства в уши немолчные голоса будут кричать и реветь, но люди будут лишь слушать и безмолвствовать. Своего рода железная маска. Но зато сколько шептаний растет в полутемках! Запретное всегда сладко. Ладно, мол, коли нельзя говорить, тогда будем шептать. В одной повести рассказывается, что когда было запрещено петь некую песнь, то ее начали думать. В ужасе человек вопит: "Они думают песенку".

Вот тут и поделайте! И делайте и не делайте! Как в игре: "Да и нет не говорите. Черного и белого не покупайте…" А ведь "барыня прислала сто рублей — что хотите, то купите".

Но как же в театре не говорить о театре? Как же умолчать перед ликом смерти или не возрадоваться рождению? Шепоты! Шепоты!

7 Апреля 1941 г.

Публикуется впервые

"Нада"

"Страдание и любовь — вот источники-близнецы неисчерпаемой красоты. Страдание! Божественно непризнанное! Мы обязаны ему всем, что есть в нас хорошего, всем, что придает ценность жизни; мы обязаны ему состраданием, мы обязаны ему мужеством, мы обязаны ему всеми добродетелями".

"О, несчастное блаженство! Лишенные страстей они не имеют искусства. И как могли бы они иметь поэтов? Они не могли бы склоняться к этической музе, вдохновляющейся страстями ненависти и любви, ни к музе комической, размерно смеющейся над пороками и смешными сторонами людей. Они слепы и глухи к чудесам поэзии. У них нет Вергилия, и их считают счастливыми, потому что у них есть подъемные машины. А между тем один прекрасный стих сделал больше блага миру, чем все шедевры металлургии. Неутолимый прогресс! Этот народ инженеров не имеет больше ни страстей, ни поэзии, ни любви".

Можно не раз пройти по "Саду Эпикура". И почему только Эпикура? Этот сад многим принадлежит. Сейчас и славянство ходит по такому саду. Еще не видно, когда одумается душа общеславянская. Вот за два часа до германского вторжения подписала Югославия договор о дружбе с русским народом. Не поздно ли вспомнил славянский народ, где живет великий брат его? Хотя в бедствии вспомнили и бросили зов в будущее.

Сколько садов потоптано! Правда, их можно опять засадить. Забыв одно, можно вспомнить другое. Пел Петар Перун. Старые и новые песни сказывали о дружбе, о привете славянских народов. Еще в школьное время именно "Нада" в Боснии была первым зарубежным журналом, где посылали мы привет братьям-славянам. "Нада" — означает "Надежда".

Была большая радость, когда просили статью для славянского журнала. В пятом классе гимназии особенно звучит такое приглашение. Протянулись нити к сербам, кроатам, чехам, лужичанам, словенцам, черногорцам, болгарам. Пусть "Нада" останется символом.

8 Апреля 1941 г.

Публикуется впервые

Смерч

На пути от Алжира к Мальте несколько смерчей окружало "Азей-Ле-Ридо". Было красиво наблюдать живые связи земли и неба. На пароходе уже беспокоились. Думали, не пришлось бы разбивать эти колонны из маленькой единственной пушки. Тревожно бегали люди, ожидая, что столб земно-небесный придвинется и натворит беду.

Красиво зарождение смерчей. Вспухнет пучина, а сверху уже тянется облачный палец. Ищет соединения. Ближе и ближе, темнее и явственней. И вдруг строится столб. Чудесно, как в театре, и не приходит на ум, что эта великолепная декорация может опасно обрушиться.

Так же и во время грозы ее опасность не мыслится, вытесненная величием. Помню, в Кулу спешили в грозу на моторе. Вокруг молния била и ломала огромные деревья. Увлекательно чудесно, когда в блеске голубого огня в щепки сметается вековой ствол. Наверно, была опасность, но при величественном зрелище об опасности не думается. Все бичи человечества исчезают.

Бичи — страх, злоба, раздражение, сомнение, уныние — мало ли их? Сколько ядов вырабатывают эти гнусные "домашние" лаборатории! Только теперь наука взялась исследовать такие очаги всяких болезней и бедствий. Теперь уже биологи серьезно заговорили об ядах, творимых человеком в гневе и страхе. Даже слюна, как у бешеной собаки, становится ядовитой. Укус бешеного человека опасен так же, как и бешеного животного. А где пределы "бешенства"? "Раздраженный" человек уже дает признаки анормальных выделений желез, и отравлены его нервы. Тут уж одними каплями не отделаться. Медленно испаряется яд человеческий. Еще не наблюдено, насколько он заражает атмосферу. Увы, велика сила этого яда.

Подобно смерчу, соединяются эманации людские с токами пространства. Подобное и привлекает подобное. Магнит зла тоже немаловажен. Магнитная субстанция делит и питает человечество. Не знают, не помнят, что сущее — мощная лаборатория. Говорят о спектральном анализе, об астрохимии, об энергиях и витаминах, но не хотят запомнить, что микрокосм человека живет в пространстве. Существо не земное, но пространственное. Неужели оно должно выделывать смертельные яды? Стоит ли столько искать витамины, если человек по-прежнему будет вырабатывать морбины? Может быть добрым смерчем человек.

13 апреля 1941 г.
"Из литературного наследия"

Академия

Спрашиваете, в чем смысл нашей Академии? Прежде всего она — народная. Искусство принадлежит народу. Каждому ищущему в областях художества двери открыты, он получит совет и наставление. Если размеры его таланта не доведут его до мастерства, то, во всяком случае, он станет культурным сеятелем искусства. Пашня Культуры очень нуждается в таких устремленных, самоотверженных деятелях-сеятелях.

В Академии будут приняты во внимание жизненные условия постучавшихся. Наверно, среди них будут рабочие-труженики, у которых остаются свободными лишь вечерние часы. Все, что может быть сделано бесплатно, и должно быть так сделано. Молодость и бедность дают лучшие цветы художества. Дружеский, опытный совет будет дан в пределах искусств разных областей и в решении бытовых проблем, так трудных подчас. Академия не есть сухо формальный класс, но школа жизни. В ней испытанный пловец подаст твердую руку начинающему.

Академия не нуждается в роскошных помещениях. Центр Академии может быть в одной студии, откуда могут излучаться советы по всем прочим отделам. Гораздо лучше, если члены Академии могут работать в своих мастерских, придавая занятиям свой индивидуальный колорит. Этим будет сохранен стиль давних гильдий, когда ученик бывал истинным сотрудником мастера.

Руководители могут собираться на совещания, обсуждая лучшие меры. Члены Академии могут иметь мастерские в разных, даже удаленных городах. Тем самым пашня будет шире и плодоноснее. Сотрудничество должно быть развито во всех видах. Самые различные виды искусства могут взаимно помогать и давать осведомления новым кругам народа.

Кооператив есть полезнейший вид общественности. Это свободное начало должно быть применяемо с первых лет образования. Школа есть начало образования, которое будет развиваться в течение всей жизни. Учащие и учащиеся — прежде всего сотрудники. В этих дружеских многообразных трудах выковывается здоровое поколение, здоровое творчество. Академия есть колыбель творчества. Нет разделения на прикладное и высокое искусство. Всякое хорошее искусство и высоко и жизненно. Искусство есть двигатель Культуры. Дайте народу его исконное достояние.

[1941 г.]

"Из литературного наследия"

Сильны, богаты

Радио передает Прокофьева и Штейнберга — теперь заслуженный деятель искусства. Радостно слышать русских деятелей, отличенных и оцененных. Ладно сделал Прокофьев, работая для родного народа. Ладно трудился Штейнберг на пашне музыкального просвещения.

Когда-то, когда свои мешали, Дягилев вынужден был искать заграничных отличий русскому делу, принужден был! Иначе старые академии и консерватории не поверили бы. Ведь даже Римскому-Корсакову наполовину верили, а Мусоргского, самого Мусоргского, долго вообще не приметили. Менделеева в Академию не пускали. На наших глазах не пускали. Да ведь и Тургенев не по своей воле осел за границей. Травили и похуляли. Длинны синодики, но ведь это былое! Пусть оно отошло! Врубеля заметили, когда он начал слепнуть. Скорбно сказал Куинджи о Врубеле: "Ослеп! Ну, значит, теперь ему помогут".

Щусев говорил о членах Академии: "Они — старые, злые и опытные!" Он-то знал недра Академии и претерпевал. Ционглинский только руками разводил: "То есть непонятно, отчего люди злеют, попадая в Академию?" Добрые частенько оставались в меньшинстве. Сколько добрых предложений проваливалось! Оказывался нужным иноземный ярлычок. Так было, но так не будет.

Надлежит народу русскому не быть злым. Добролюбно оценил он и вождей, и полководцев, и ученых, и художников. Даже когда жилось голодно, народ тянулся к книге. Радовалось сердце, слыша о миллионах разошедшихся изданий. Добрым будет русский народ. Под его высоким покровом сойдутся многие народы. Сила притяжения не в злобе и ненависти, но в добре.

Русский народ запел, как никогда. А там, где песня, там и хорошо. Русский народ поет: "Чем сильны мы и богаты", "Как высоко над нами наше небо". Славные песни. Помянута и Родина достойно. Героизмом звучат песни. Где геройство, там и творчество. Где творчество, там и будущее, светлое, беспредельное. Да, да, милый, родной народ, высоко твое небо. Много богат ты и силен.

15 Апреля 1941 г.

Публикуется впервые

Опасность

Порушены собор св. Павла в Лондоне и государственная библиотека в Берлине. Синодик взаимных уничтожений растет. Печатные листы сохранят для потомства совершенно невероятные угрозы Афинам и Риму. Пишут, что в случае налета на Рим итальянцы сбросят имеющиеся у них британские бомбы на Ватикан. Италия отрицает, но Англия настаивает. Целая половина первой страницы газеты занята этим против Ватикана сообщением. Не верится, но сейчас в мире все возможно.

Умирающий Тагор вопиет о кризисе цивилизации. Жалуется на ненависть, всюду обуявшую человечество. Теперь возмущаются рушением городов. Гибель грозит Рафаэлю, Микеланджело и всем титанам живописи, скульптуры и архитектуры, собранным в Риме.

Но молчали сердца человеческие, когда во время наших международных конференций в Бельгии предлагалось объявить некоторые исторические города неприкосновенными музеями. Предлагалось вынести из таких городов-музеев всю военную индустрию и вывести войска. Казалось, на таком предложении можно договориться. Теперь оно принесло бы полезные плоды. Но даже и не пытались обсудить государственно это вполне применимое соглашение. Многие учреждения и группы выдающихся деятелей сочувствовали и прекрасно высказались, но государственные аппараты промолчали. Онемели! Точно бы это до Европы и не касалось. А ведь конференции в Бельгии были десять лет тому назад. Было достаточно времени, чтобы попытаться договориться. Именно Европа почему-то промолчала. Впрочем, Масарик еще в 1930 году говорил нам о неинтеллектуальной некооперации. Он, очевидно, имел основание к такому определению. С тех пор и Лига Наций скончалась, и многое случилось.

Новгород и некоторые русские города были объявлены городами-музеями, но Европа не сочла нужным озаботиться о своем достоянии. А ведь на нашей третьей конференции 1933 года в Вашингтоне было представлено тридцать шесть стран. Но опять-таки Европа не озаботилась, точно бы мешки с песком могут помочь. Вот уже и Рим, и Лондон, и Берлин, и Афины, и Каир под опасностью… Не проще ли было попытаться договориться о городах-музеях?

26 Апреля 1941 г.

Публикуется впервые

Достоинство

"Америка отстранилась (алуф) от русского народа". Так заявил "премудрый" Корделл Халл, очевидно, по приказу Рузвельта. Безумный президент обозвал Линдберга "медным лбом". Какой ужас, какие площадные ругательства! Сегодня газета приписывает Кембелю слова: "Пусть мы упадочники, но, по крайней мере, мы не желтые". Неужели дипломат решился на такие губительные для себя и своей страны словечки?

Мы уже отмечали неоднократное враждебное отношение американского правительства к русскому народу. Семья Рузвельтов особенно отличилась в этом. Примеры общеизвестны. Не мудро такое поведение. А сейчас, когда всякие уоллесы и тому подобные оседлали паралличного президента, особенно убийственны для них разные наскоки на русский народ. Не дает покоя русское растущее строительство.

Понимаем, что и русский музей неуместен для местных шовинистов. Мошенник Хорш учел такие настроения. Нашлись и покладистые судьи. "Демократия, свобода, справедливость"! — не лозунги, но пустые слова. Если Америка действительно борется за эти три основы, она должна освободиться прежде всего от удушающих ее мошенников.

Впрочем, достаточно прочесть книгу Алексея Карреля, чтобы убедиться в истинном положении вещей. Глубокий психолог не без основания произнес суровые суждения. Америка пожелала отстранить себя от народа русского. Конечно, это решение пресловутой американской администрации, а не народа Америки. Но от этого не легче, ибо общественное мнение молчит, и такое молчание лишь окрыляет преступные затеи.

Пора бы понять значение русских достижений. Народ русский незлобив, но не затроньте его достоинство! Он ищет правду. Всякое лицемерие ему несвойственно. Надменное отношение наш народ почует и отстранится в сердце своем. Сограждане сотрудничают, ибо все равны в своих правах, и пути им открыты. Ни классовые, ни расовые различия не беспокоят ум трудящихся.

Труд и творчество и радость. Неразумные, не затроньте русский народ в его достоинстве!

5 Мая 1941 г.

Публикуется впервые

Шествия

Славно поют и играют рабочие ребятки под управлением Дунаевского. Правильно направлена молодая сила, и не коснется ее пошлость, этот бич фокстротного Запада. Не примитивна обработка детского творчества. Молодежь учится справляться с построениями сложными. Как хорошо, что лучшие композиторы заботливо взглянули в горнило будущего.

Много маршевых темпов. Народ движется, устремляется к совершенствованию, и ему свойственны темпы хождения. Большинство хоровых песен годны для марша. Под них весело идти в общем подъеме. Удаль и задор силы живет в народе. Ценно слушать, как спешит народ, молодое поколение к стройке. Хор и маршевый ритм слагают и ритм ускоренной работы.

Труд любит песню. Неутомимые трудники любят петь. Много и старинных и новых песен гремит в народе. Заботятся о всех народностях, слитых в великом Союзе. Прислушиваются к армянским напевам, узнают лады литовские, эстонские, латышские. Возрождаются скрытые сокровища Кавказа, Таджикистана и всех далеких окраин. А в них захоронены были сокровища многих веков. Создаются новые музеи. Все, что бывало так трудно для одиноких искателей, теперь облегчено народным порывом.

Вместо смятения и шатания открываются пути для всех странников Культуры и творчества. Не успеют снега сойти, а уже десятки экспедиций летят по всем необъятным краям. Все отрасли познавания представлены, и находятся средства. А ведь прежде и сотню рублей трудно было выпросить на самое полезное дело. Думалось когда-то о всероссийских подписках, но начальство глушило каждое новое зачинание. Все мы прошли эти теснины. Но народ понял ценность исканий и обогатил сокровищницу. На все хватит средств!

О многом хотелось бы списаться, поделиться накоплениями, но не дойдут эти добрые вести. Захлопнулись перевалы. Скончалась почта. Но не навечно пресечены пути. Культурные общения оживут. А пока мысленно приобщимся к строительству прекрасному и спешному. Спешат народные шествия.

14 Мая 1941 г.

Публикуется впервые

Америка

Дошло письмо Зины от 27-го Марта и письмо Джина от 24-го Марта. Он пишет об устройстве комнаты "Фламмы", передайте ему наш самый сердечный привет. Хорошо делаете, что продолжаете записи о хоршевских вандализмах и мошенничествах. Таким образом образуется поучительный документ о современном положении вещей. Наверное, вы отметили, что дело Джаксона было отставлено без объяснения к тому причин. Очевидно, и тут поработала пресловутая темная рука "покровителя". Во всяком случае, чрезвычайно характерно, что даже вообще не дают представить свои соображения — хороша справедливость! Этот эпизод в ваших записях должен быть основательно подчеркнут как факт поразительный для современного морального упадка.

Не менее поразительно и предложение грабителей о том, чтобы выдать друзьям менее трети картин (если только вообще подобное рассуждение возможно). Друзья как владельцы шер имеют решающее большинство, и потому их голос должен быть подавляющим. Все-таки характерно, что грабители в этом случае должны считаться с существованием картинной корпорации. Совершенно невероятно, почему большая часть картин принадлежит, по словам грабителей, "Мастер-Институту".

Теперь, вероятно, в ваших записях прибавятся и поразительные соображения о деле манускриптов. Наверное, и в этом деле темная рука будет действовать. Странно подумать, что будто бы манускрипты были подарены без всяких к тому доказательств. Если они были подарены г-же Хорш, не понимающей русского языка, то почему они хранились столько времени не у нее, а в общем помещении наверху в сейфе? Кроме того, и вы можете показать, что когда вы ей передавали эти хранившиеся у вас манускрипты, то вы не дарили ей их от нашего имени, но лишь давали на хранение.

Казалось бы, это дело совершенно просто и ясно, и даже нельзя себе представить, какими доказательствами грабители могут утверждать свои права на манускрипты. После этого каждый уличный грабитель, вытащив часы у соседа из кармана, будет уверять, что они были ему подарены. Вообще все эти дела поверх личного их значения являются ужасным показателем падения нравственности человечества. А общественное мнение, о котором столько всегда говорилось, молчит и тем способствует умножению вопиющих преступлений и разложению.

Наверное, у вас накопляются еще данные, подобные тем, о

которых вам рассказал Народный. Без сомнения происходят различные прикровенные мошенничества. Мошенник не может быть таковым лишь в одном случае — его прирожденное свойство скажется многообразно. Не без основания г-жа Хорш уверяла, что муж ее не имеет принципов, видя, с ее точки зрения, в этом особое достижение. Вот тоже показание современных положений вещей. Из таких отдельных проявлений складываются все безумия нынешних армагеддонных дней.

Понимаем, как Д. устремляется к лучшему будущему. В дни особого напряжения каждое светло ищущее сердце вопрошает — доколе же?! И в то же время каждый вдумчивый деятель понимает, что такое время нужно пережить под кровом, который у него сейчас имеется. Оборот письма берет чуть ли не треть года — какие же возможны сношения при таком положении? Привет и тем молодым сотрудникам, о которых вы так тепло, писали. Сколько таких светлых очагов может гореть во имя Культуры? Конечно, этим труженикам нелегко, но они знают, что Культура первая страдает во всех мировых потрясениях. Хорошо делаете, что утверждаете в них доброе единение. Мало ли какие обиходные трения могут возникать, но соизмеримость должна подсказать, насколько нужно устремлять все внимание к самому ценному и к самому важному.

Мы никаких писем теперь не получаем, и многие полезные начинания сейчас примолкли. Но все это временно, а, в конечном счете, благо победит, и многое нежданно послужит на пользу. По-прежнему обращайте самое сердечное внимание на молодежь. Они могут особенно реагировать на несправедливости, и в них лежит будущее. Среди них вы имеете сотрудников. Корреспондент Брэгдона спрашивал вас о Калачакре[91]; к сожалению, никаких трудов о Калачакре не издано, и статья Юрия в журнале Института (которая у вас, конечно, имеется) является, можно сказать, единственным сообщением об этом значительном явлении. Итак, по-прежнему будьте бодры.

15 Мая 1941 г.

Публикуется впервые

Самоцвет

Героизм и романтизм — близкие соседи. Оба они близки к социализму, общественности. Жизнь общественности, коллективного хозяйства строит светлое будущее. Не для себя, не для преходящего "я" работает коллектив.

Лишь бы только скорей осознали, как героичны утверждения общего блага. И романтизм как человечность несет утонченность сознания. Всякая грубость не годится для новой стройки. Она была бы неуместна, как архаическая циклопическая кладка.

Когда уловимы радиоволны, когда понята наполненность пространства, тогда и насыщенность достижений не будет груба. И в этих прозрениях правды воздвигнется достижение общего блага, а в нем и радость и счастье. Несет их в себе человек и часто не знает, как вызвать действие рычага, всегда готового к преуспеянию.

Общественность должна порождать и глаз добрый. Без него не продвинуться. Хорош ли обычай во всем искать доброе начало? Много злых волков. Многие из них под овечьей шкурой. Пусть и укусят иногда. Лучше ошибиться во благе, нежели не рассмотреть добро.

Счастье — в нас самих. Чем ближе мы к общественности, тем и мегафон счастья может мощнее проявляться. Одиночества не существует. Весело помыслить об общем благе. Оно устремляет не к прошлому, а к будущему, к горнилу совершенствований.

Героизм, романтизм, социализм, все виды самоотвержения не на заоблачных вершинах, но здесь, в трудовой жизни. Каждое преодоление есть преуспеяние. Значит, здесь зарождается радость.

Каждый атом радости — как самоцвет. Коллектив — как ожерелье лучших самоцветов. Недра и высоты откроются — только бы порадоваться глазом добрым. Соревнование в добре, в преуспеянии сломит зло. Невежество — корень зла. В познавании добро преуспеет, а зло, невежественное отрицание рухнет.

Отрицание отрицаний есть закон диалектики. В утверждении ценности труда-творчества не может быть отрицаний. Отрицание есть отступление, но развитие движения устремит вперед, только вперед.

24 Мая 1941 г.

Публикуется впервые

Трудно

Святослав собирается уничтожить часть своих картин, которые перестали ему нравиться. Трудное это дело. Часто не угадать, что именно можно обречь огню.

В свое время было уничтожено порядочное количество картин, этюдов, эскизов. Да и теперь немало обреченных. А потом часто жалеешь, что нечто не было доведено. Если сегодня что-то разонравилось, не захочется ли вернуться к тому же? В конце концов, зря были порушены: "Каменный век", "Божий дом", "Охота', "Отдых" и многие другие. Лучше бы просто отставить и временно забыть. Потом, может быть, взглянулось бы глазом обновленным. Иногда случайное освещение, настроение подскажет новый подход, а холст, уже напитанный краскою, заманчив.

Случается, что и о материале приходится пожалеть. Вот и сейчас материалы кончаются, а заменить нечем. Французский холст кончился, а нового не достать. Некоторые краски приканчиваются. Последние кисти в Бомбее и тоже заменить нельзя. Еще не окончилось двухлетие войны, а уже во многом недостаток. Так во всех культурных делах и не заметишь, как подберется мертвенное "нет".

"Холста больше нет", а бумажная ткань непригодна! Бумаги для пастелей нет, да и фиксатив кончается. Спирт трудно достать. Есть особый трагизм, когда самое обычное вещество исчезает, и торговец холодно замечает, что вряд ли скоро можно будет достать. Одно ушло на взрывчатые вещества, другое на палатки, третье на медикаменты. Там, где делали краски, теперь разводят военную химию. А другое по бедности вообще прекращается.

Конечно, в каждом конце заключено и начало. Но "улита едет, когда-то будет". "Пока солнце выйдет — роса очи выест". А ведь еще до двухлетия Армагеддона нужно дожить три месяца. Целых три месяца, почти сто дней! Да каких еще дней! Каждый из них идет за год.

1 Июня 1941 г.

"Из литературного наследия"

Лик Америки

Зина пишет от 5 Мая: "Теперь опишу Вам замечательную историю с "Эсквайром" — журналом. Дедлей случайно прочел в газете о том, что 12 главных членов корпорации "Эсквайр", включая президента, казначея и секретаря, попались в мошенничестве на сумму свыше миллиона долларов — в этом темном деле также замешаны известные банкиры и адвокаты — "дефродинг мейл", что очень сурово преследуется законом. Их всех будут судить, а пока они на свободе под залог в сумму денег. Дедлей принес мне эту заметку, и Вы можете себе представить, родные, как невероятно это нас возмутило. И вот этой шайке жуликов было оказано предпочтение судом в том, что дело было прекращено по их просьбе! Я немедленно написала письмо Джаксону, прося его употребить на пользу эту газетную заметку, т. е. представить ее тому судье, который прекратил его дело из-за якобы Вашего отсутствия, и просить его, чтобы он назначил дело к слушанию, приняв во внимание все эти обстоятельства! Иначе выйдет, что пока жулики не разоблачены, с ними настолько считаются, что по их просьбе прекращают самые справедливые дела, а когда эти жулики, наконец, попадаются, то и тогда с ними продолжают считаться! Вероятно, по принципу, что и после того, что они отсидят свой срок в тюрьме, они опять начнут ворочать большими делами, войдут в силу, и поэтому лучше быть на их стороне! Увидим, что Джаксон мне вообще ответит, но я решила с Дедлеем, что нам желательно добиться его реакции. Конечно, все этакие события очень показательны — падение морали полное".

Страховиден такой лик Америки. Тьма гангстеров! И кто же очистит от них эту большую страну? Около Хорша и Уоллеса обнаружится таинственная шайка. Но когда это будет? Сколько зла успеет совершиться! Пусть друзья собирают знаки мошенничеств и грабительств. Наверное, Хорш и его присные окажутся участниками многих темных дел.

Верховный судья Юз ушел, отстранился от дел. Причина — расстроенное здоровье, но, думается, истинная причина иная. Юз — честный человек, и многое сейчас происходящее ему невместно. Его называли совестью Америки. Неужели ушла совесть?

5 Июня 1941 г.

Публикуется впервые

Обманное прикрытие

Причины

Толковали о побуждениях многих деятелей, обвиняемых в честолюбии и тщеславии. Иногда это лишь признак внешности. Нередко причины бывают очень разнообразны и человечны. Самооборона от зла заставляла даже сильных людей не пренебрегать панцирем мира сего. "С волками жить, по волчьи выть", — уже давно заметил русский народ. А монгол добавил: "Если твой спутник крив, то и ты поджимай глаз". Все это самооборона. "Неволя заставит пройти через грязь, купаться же в ней свиньи лишь могут".

Сейчас забыта гуманитарная наука, и даже говорить о человечности не принято. Какая же история раскроет причины и следствия? Какой же судья скажет, отчего и как сложилась жизнь человеческая?

Нынешний Армагеддон показателен. Никогда еще не произносилось столько лжи, столько бахвальства и всяких пустых слов, забываемых на другой день. Забываемых ли? Ведь уже они отложились в сознании и совершили свое отравление.

"Брань на вороту не виснет", — старается себя успокоить народ. Но в том-то и дело, что всякая гадость, ложь, клевета именно виснут на вороту, не столько у оклеветанного, как у самого клеветника. Макар получит на свою голову все разбросанные им шишки. Вовсе не "бедный Макар", а Макар заслуживший.

Причины и следствия! В какой неумолимой прогрессии нарастают следствия! Карма не есть нечто устрашительное. Наоборот, она напоминает о законе природы, реальном и целесообразном.

Миражная видимость часто не схожа с истинным побуждением. Будут отображены человеческие излучения, как фотография на паспорте. Именно наука, самая точная, самая справедливая поможет разобраться в истинных побуждениях и не судить необдуманно. Все реально, и самая реальнейшая наука будет верным проводником. Реалист есть познаватель, а познание всегда неподкупно.

Механизация возможна там, где внутренне силен и сознателен человек. Без осознания, без мужества, без жертвенности, без подвига механизация будет отвратительной гримасой "цивилизации". Благие причины породят и славные следствия.

10 Июня 1941 г.

Публикуется впервые

Мастерство

Гете говорил своему другу, что всеми своими трудами он не мог заработать право сказать то, что он думает. Да, этот сильный, независимый человек в своих замечательных писаниях мог лишь давать намеки. Мудрая бережность и целесообразность доказывали размеры мыслителя. Иначе он не был бы воспринят современниками и, быть может, закинут в темницу, где надолго были бы запечатаны полезные достижения.

В соизмерении возможностей мыслитель был сходен со многими мыслителями Востока, туда причисляется и Эллада. И теперь можно встречать таких много знающих, но не скажущих словами. Даже при доверии многое покроется молчанием, ибо ведом вред разбрасывания знаний в неверные руки.

В любом мастерстве достижения выскажутся лишь там, где они будут обережены и применены разумно. И в искусстве можно наблюдать, как мудрый учитель сообщит свою опытность по частям тем ученикам, которые могут воспринять лучшие заветы.

Не пресловутые тайны, но реальные знания могут нарастать лишь целесообразно. Ценно наблюдать, как свободная наука расширяет свои кругозоры. Многое осмеянное и отвергнутое опять пересматривается, и точнейшие аппараты дают свое неоспоримое показание. Кое-что получит иное наименование — разве в имени сущность?

Каждая сводка научных известий приносит весть о познавании тончайших энергий. Обследуются человеческие секреции, открывается новая связь элементов, изучается пространство, и человек вооружается новою мощью для борьбы с преждевременным распадом. Лучшие ученые делаются и умелыми популяризаторами; народное сознание крепнет и расширяется. Равномерно нарастает ритм работы. А ведь еще недавно о значении трудового ритма и не думали.

Индивидуальность понята и оценена в народном хозяйстве. Экономика делается всеобщим достоянием. Соревнование и сотрудничество стали основою продвижения. Народы понимают, что не в золоте дело, а в живом, преуспевающем труде.

И творчество нарастет в мощном, огненном ритме. Народы отметят вехи своих восхождений творчеством во всех областях. Не в наименованиях дело, а в сущности, о которой возрадуются народы. Приди радость!

12 Июня 1941 г.

"Из литературного наследия"

Слушайте

Кто-то утверждал, что "симфония есть шум, удачно произведенный".

На концерте две соседки своим неумолчным говором не дают слушать. Наконец, одна из них замечает: "Манечка, а не пробовали вы слушать музыку с закрытыми глазами?" Сосед не выдержал: "А не пробовали вы слушать музыку с закрытым ртом?"

Во время лекции не будут шуметь, но во время музыки всяко бывает, и даже негодующее шиканье не всегда образумит крикливых. Беседу невежливо прервать. Этому обучили. Но музыка тоже беседа чувств. "Умейте творить, умейте и воспринимать". Теперь и космические радиоволны должны наводить на новые мысли. Просыпается постоянное чувство нового. В нем образуется ритм труда. Уменье воспринимать, слушать — немалое искусство. Прослушать лекцию — еще не значит ее воспринять. Прослушать музыкальное произведение — еще не значит воспринять и осознать его.

Почему так нужны напоминания? Если люди о чем-то не слышат, то, по их суждению, оно и не существует. "Мы думали, что вас и нет больше". — "Да почему думали?" — "Да ничего не слышно было".

Если несчастное "я" не слышит, то значит нечто и не существует. Эгоизм завладевает человеком и заставляет забывать о соизмеримости. Вместо того, чтобы сказать чистосердечно: "Я этого не знаю", человек будет настаивать, что "это вообще не существует". Не учили соизмерять, не учили слушать, не учили искусству мышления. А если и учили, то через такую мертвенную "логику", от которой сбегал каждый природномыслящий.

17 Июня 1941 г.

Публикуется впервые

Душа народа

Слушали отрывки из новых опер русских. Пишутся целые оперы, растет размах, рождается песня, — в ней "душа народа". Жаль, что нет телевизии. Хотелось бы посмотреть на новых композиторов, певцов, музыкантов. По некоторым голосам чуется молодость. Посмотреть бы!

Чуют ли они, что в Гималаях, среди снежных вершин, русская группа шлет добрые мысли их творчеству? Не знаем наших зрителей, слушателей, читателей. А какое сотрудничество зародилось бы, если бы знать! Кабы знать! Хотелось бы послать им весточку, но и это невозможно. По избранным сюжетам, по найденным словам, по чувству звуков порадовались бы друг другу.

Не будет ли теперь написана опера о Гесэре-герое? Сколько у нас накопилось материалов из этого эпоса! Рядом с нами, за снежной горою Ладак — западный Тибет. Предание считает его родиною Гесэра. Туда ведут и древние ступени через перевал Ротанг — их сложил герой, когда шел воевать против неправды. В Ладаке на скалах следы коня Гесэрова. Там же высится на горе светлая дверь в твердыню героя. Там песни о Гесэре и о жене его Бругуме.

Юрий записал много стихов Гесэриады и в ладакских и в амдосских версиях. Все не издано. Теперь в Монголии и в Бурятии готовятся праздновать Гесэра-героя, справедливейшего и отважнейшего. Все материалы пригодились бы. Поучительно видеть, как прошла Гесэриада по всему сердцу Азии. Народы сложили свои лучшие думы.

Была у нас тибетская танка о Гесэре. Многие подвиги были на ней отображены, были даже сапоги-самоходы. Герой поспешал на помощь человечеству. Был у него и конь-летун. Умел герой оборотиться и любым зверем и птицею — все на благо. В Каме — дворец его, а вместо балок положены богатырские мечи его воинства. Лобзанг приносил большую "редкость" — зуб коня Гесэра. В Спити много разных окаменелостей. У Джамсарано было собрано много стихов о Гесэре.

И вдруг радио кричит на весь мир о праздновании Гесэра. В Лахулл приходил певец — пел и играл о герое, и во всех селениях сходились слушать сказ, которым жива душа народа.

15 Июня 1941 г.

Публикуется впервые

Голос Горького

В Гималаях звучал голос Горького. Среди снежных вершин — русский голос. Хорошие призывные слова наполнили пространство. Звал великий писатель съезд литераторов к взаимному уважению. Научимся уважать друг друга, отвергнем равнодушие и будем учиться, учиться, учиться.

В пятилетие кончины Горького по всему миру прогремели его призывы. Пусть они достигнут сердца не одних литераторов, а всех художников всех областей искусства. Мастера должны уважать друг друга. Могут быть разные пути, но цель одна, и в этом преуспеянии должно расти и взаимоуважение.

Совершенствование вносится не только самим мастерством, но и качеством мышления, сопровождающим творчество. Не следует думать, что если история искусств, к сожалению, дала многие примеры розни, вражды и злобности среди мастеров, то эти свойства неизбежны. Возвышение человеческой Культуры должно научить и взаимоуважению. Не во внешних условностях оно скажется, но претворит все товарищеское взаимоотношение.

Это может быть достигнуто, если воля подскажет о строении лучшего будущего. Без лицемерия и притворства мастера могут понять, что служат преуспеянию народа. Каждый в своем кругу может вносить понятия взаимного уважения. Для этого не нужно трибун и кафедр; в повседневной жизни среди трудов сложится доброе чувство о товарищах. Не в постановлениях, но именно в чувстве укрепится желание взаимоуважения.

Лучшие решения приходят в жизни в часы труда. Сколько постыдной озлобленности иссякнет, когда осознается вредоносность и невежественность бесцельного взаимоумаления, укушения. Именно невежественность роет ямы на пути народного шествия. Наплевано в питьевые колодцы, и кое-кто изумляется потом скверному вкусу воды.

Мудро, что голос Горького прозвучал и еще раз напомнил о том, что так неотложно и так выполнимо. Друзья, ко всем, всем художникам обращался Алексей Максимович. В 1934 году он сказал о том, что всегда было нужно.

Пусть и эти заветы прежде всего будут выполнены в русском народе. Претерпел, преодолел народ и может среди победного "город строят" улыбнуться взаимно улыбкой доверия и уважения. Широко прозвучал голос Горького, и зов любимого писателя будет жить в сердце народа.

Послал статью о Горьком в "Сколар". Хотелось бы написать больше и о нем и о многом, но не такие теперь времена.

Все, что угодно, может быть подведено под закон о защите Индии. Не оберешься! Но тяжек стал эзопов язык. Наверное, друзья удивляются, почему из писаний ушло яркое, точно бы все делается по уровню полицейского. Вот из "Алтай-Гималаи" пришлось выкинуть больше трети книги — могло комуто не понравиться. И без того около года бились, пока получили обратную визу в Индию. Но ведь об этих битвах друзья не знают. Многое им представляется совсем иначе. Сколько раз бывало, что хорошие люди сожалительно качали головой, говоря: "А нам все это казалось совсем по-другому". Расстояния и обстоятельства перекрашивают многое по-своему.

19 Июня 1941 г.

"Из литературного наследия"

Смекалка

Часто вспоминаем сказ из петровских времен, как простой селянин перехитрил строителей искусных. Огромный камень мешал провести улицу отстроенного города. Строители предлагали взорвать камень и по частям убрать его. Стоял в сторонке селянин, ухмылялся. "Чего смеешься?" — спросил Петр. — "Да коли прикажешь, завтра же этого камня не будет". — "Делай, а сколько возьмешь?" — "Двадцать пять рублей". — "Ладно, но не сняться". Собрал немедля селянин артель невеликую, вырыл рядом с камнем яму по его размерам, подкопал, свалил да и заровнял все место — как не бывало камня.

Вот и адмирал Макаров подсмотрел на орудийном заводе самоучное приспособление одного мастера, и получилось важнейшее усовершенствование. Да и тульские мастера стальную блоху подковали. В сельском хозяйстве складывалось много самодельных приспособлений, за которые на Западе получались бы дорогие патенты.

Теперь народная смекалка русская прорвала все заторы, и много замечательных достижений растет в разных областях труда. Только что радио передало о полезнейших усовершенствованиях, достигнутых мастерами-рабочими. Разумная экономия сил и материалов происходит, когда тут же, среди машин, среди труда возникает воля к улучшению. Это и есть радостное совершенствование жизни, сложение счастливого будущего.

Строительство содержит в себе своего рода магнит. Бег большого корабля завлекает и малые лодочки. От ранних лет проснется "здравый смысл", и заработает юный мозг на пользу великой стройки. Там, где прежде горели мученики науки, теперь будут радостно пылать сердца молодежи, познавшей веление "можно". Вместо темного, мрачного "нельзя" зазвучит зовущее "можно". Вместо мертвенного "нет" засияет радужно светлое "да".

Давно об этом мечталось. Давно хотелось всеми силами поощрить молодежь к достижениям. Только приоткрыть дверь, а там русская смекалка найдет ход. Сотрудничество удесятерит силы. Много дано народу русскому.

20 Июня 1941 г.

Публикуется впервые

Бесспорное

Экий спор! Один толкует: "Сам народ преуспел". Другой настаивает: "Без партии не вышло бы". Третий добавляет: "Без отваги не удалось бы". Четвертый утверждает: "Сроки подошли". Если бы и сотню спорщиков собрать, каждый нашел, что прибавить, но главное осталось бы незыблемо.

На русский народ обращены глаза всего мира. Все поняли, что он держит чашу весов. Он достиг, он преуспел. От него зависит решение. Об этом и спора не будет.

Простите, что опять записываю свое восхищение русскими достижениями. Ярки они, воодушевляют они, и радостно, что именно нашему народу выпала такая судьбина. Поверх всяких суждений и споров высится сияющая сущность.

Смешно видеть, как вокруг достижений русских плетутся всякие наветы, интриги. Каждое лукавое хитросплетение лишь показательно, насколько народы мира отдают должное значению русской мощи. Сейчас об этом — ни напечатать, ни даже послать куда. Так — в пространство! "И высоко и далеко на родиму сторону!" Долетит ли мысль? Она-то долетит, но воспринята ли будет? Уж больно напряжены токи, напряжены люди.

Пусть бесспорное широко растекается. Укрепилось войско — бесспорно! Осознались колхозы — бесспорно! Растет продукция и качество — бесспорно! Умножаются научные достижения — бесспорно! Звенит песнь, творятся произведения — бесспорно! Народу дается образование и научные сведения — бесспорно. Слушают и в близких и в дальних странах о росте преуспеяний. Радуются друзья, закусывают губы враги.

Много врагов. По длине тени вычисляется рост предмета. "Скажи, кто твои враги, и я скажу, что ты есть". И народ русский может перечислять врагов. Каждое такое имячко будет ему почетно. Пусть злобствуют. Пусть наливаются завистью — это неизбежно. Бесспорное всегда особенно озлобляет вражескую сущность.

Один будет творить, другой будет осуждать. В этом противоречии родятся новые искры движения, достижения. Горький издан в сорока миллионах, подумайте! Готовится народ почтить Лермонтова. Открыт в Куоккале музей Репина. Сообщены широко творения русских композиторов. Довольно лежать в скрынях русским сокровищам. Пусть светят всему человечеству.

21 Июня 1941 г.

Публикуется впервые

Оборона Родины

Столько событий, что и не записать. Война с Германией. Оборона Родины — та самая, о которой писалось пять лет назад. Уже тогда началось то, что вспыхнуло сейчас. Хочется написать. Хочется послать привет, а нельзя. Просто и на почте не примут.

Что бы мы делали без радио! По газете судить нельзя. Да и по радио трудно. Даже слагая пять передач, невозможно обнять сущность событий. Да и не может она обозначиться в недельный срок.

Ложные сведения пересекают пространство. Даже дружественные люди не знают, как судить о новых армагеддонных судорогах. Тревожно за многих друзей. Писем не дождешься. Вот вчера девять писем с почты пошли в Дармасалу на третью цензуру. Странно, что правительственная цензура в Бомбее и Калькутте кому-то недостаточна. Кому-то нужна еще полицейская цензура в Дармасале!

Что бы мы стали делать сейчас без радио?! Знаешь, что посредине дня не может быть новых сведений, но все-таки ждешь не дождешься ближайшей передачи. Знаем, что гибельная беда не коснется народа русского. Знаем, знаем! Но болит сердце в ожидании волн.

В бурю всякие волны бывают, и ритм их не уловить. Шли на "Париже" в шторм. Уже все затихало, но в шесть утра вдруг ударила гигантская волна и выбила стекла во всех этажах судна. Все вздрогнуло, но ход корабля не нарушился. Так и волны жизни. Знаем, знаем! Но все же болит сердце за жизни молодого поколения. Быть бы с ними.

Знаем, что и здесь полезны и делаем полезное. Но, может быть, где-то сделали бы еще более неотложное. Знаем, что на каждой пяди земли можно служить самому драгоценному, самому священному.

Если человек любит Родину, он в любом месте земного шара приложит в действии все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле, чем полно сердце. Будь благословен час, когда расцветут все целебные травы. Русский народ — под знаком благоденствия! Не страшны ему испытания, претворятся они в достижения.

4 Июля 1941 г.

"Из литературного наследия"

Америка

Родные наши, сейчас в дни чрезвычайных событий пришло три письма от Катрин и Инге. Письмо Катрин от 31-го Мая и затем два пакета с перепиской между Рок, Стоке и Инге. До сих пор дело о приобретении тремя друзьями трех шер Картинной Корпорации представлялось совершенно ясным, но сейчас при всех враждебных хитросплетениях Рок, яснейшее дело оказывается непонятно запутанным. Казалось бы, всякому было ясно, что Катрин, Стоке и Сутро приобрели от Вас, Мориса и Франсис три шеры Картинной Корпорации, которые дают им командующее преимущество. Теперь же, вследствие хитрых враждебных оборотов Рок, меньшинство делает гнуснейшее грабительское предложение большинству, требуя какой-то произвольный и противоестественный раздел картин, о которых Картинная Корпорация должна заботиться, охраняя их сохранность. Вполне понятно, что грабители желали бы и в данном случае ограбить друзей и поставить их в неловкое положение в отношении Картинной Корпорации. Но допустимо ли это? Особенно же сейчас, в дни мировой войны и неслыханных в истории человечества событий всякие такие уловки со стороны грабителей являются особенно поразительными. По измышлениям Рок выходит, что если грабительское предложение неприемлемо, то все пропало. Спрашивается — что же тогда приобретали друзья и за какие права они платили наличными деньгами? Если требовались наличные деньги, значит, за них какие-то права законно получались. Спрашивается — какие же это права, ибо вся Картинная Корпорация была создана для безопасности и охраны картин? Совершенно ясно, что Рок (которая уже получила гонорар от друзей) и Билл, который явно действует в интересах грабителей, хотели бы и с грабительской стороны получить тридцать серебряников и предать клиентов и интересы справедливости. Впрочем, что может значить справедливость для таких типов, как Рок и Билл, о которых и Вы, и Катрин, и Инге достаточно ясно выражаетесь. Представляется, что служители тьмы хотели бы поставить и друзей не только в ущерб и убытки, но и в неловкое положение относительно Картинной Корпорации. Это последнее обстоятельство очень значительно. Рок угрожает прекращением дела вследствие якобы неактивности друзей. Но можно ли обвинять друзей в неактивности, когда они заплатили за шеры[92] полностью наличными деньгами и тем приобрели себе командующее положение в Картинной Корпорации.

Стоит вспомнить, для чего эта Корпорация создалась, и станет ясным, что действия ее могут происходить в случае опасности для сохранности картин. Многие пункты остаются совершенно не обоснованными. Уже не говоря об измышленных претензиях Хорша на картины, выдвинуто какое-то право на картины со стороны "Мастер-Института". Именно Зина может разъяснить и подтвердить, что "Мастер-Институт" не может являться собственником значительнейшей части картин, которые входят в число картин, охраняемых Картинной Корпорацией. Все эти чудовищные соображения особенно потрясающи в дни мировой войны, когда не только вся Европа и Азия сотрясаются, но и Америка находится накануне великих потрясений.

Даже странно подумать, что все эти неслыханные от сотворения мира по своим размерам события не заставляют принять их во внимание, и никто не подумает, что происходящее грабительство тождественно тому разрушению и грабительству, которому является свидетелем человечество. Естественно, что грабители хотели бы завершить свое темное дело именно в дни мировых грабительств. Ограбив всех нас, грабители теперь хотели бы ограбить и друзей, лишая их всех приобретенных ими законных прав. Грабителям необыкновенно важно прикрыться Стоксом, всеми друзьями, чтобы тот, кто заговорит о Картинной Корпорации, был бы поставлен в необходимость говорить против всех членов этой Корпорации. Темные силы хотят поставить благородное дело друзей на одну доску с Хоршами, являя их вошедшими в сделку, измышленную Хоршами. Какая адская махинация!

Естественно было бы сказать — посоветуйтесь с честным юристом, но не звучит ли это иронически после всего происшедшего, после всех вопиющих в истории человечества несправедливостей? И тем не менее большинство шер приобретено друзьями, и дает им преимущественное положение.

Неслыхан Армагеддон, и тем он ближе к разрешению. Храните спокойствие и бодрость и оберегайте здоровье. Все мысли наши с Вами и по-прежнему уверены в конечной победе.

5 Июля 1941 г.

Публикуется впервые

Дума

Спросили пса: "Чего ты целый день брешешь?" "А уж такая моя служба", — отвечает. Много сейчас таких служащих. Скобелеву донесли о неприятельских потерях трехсот человек: "Чего их жалеть, убей их три тысячи!"

В нашей личной жизни мы не раз восчувствовали вражескую ложь. Когда же мы негодовали, нам говорили: "Как, а вы еще не обстреляны?" Но другие даже завидовали наветам, улыбались: "Много блеска прибавят вам такие выдумки". Мы лишь плечами пожимали на такие житейские премудрости.

Всякие Скулы и Ерошки повсюду. Сегодня они горланят и хают Игоря Святославича, а завтра поют ему же хвалу. Поразительны качания бытовых маятников. Злейшие хулители обертываются добрейшими пожелателями. И обратно. Но откуда же эти шатания? Только ли от невежества? Или от временного отупения? "Прост, как дрозд, нагадил в шапку и зла не помнит", — так запомнил народ.

Во время одних выборов в Америке про кандидатов партий пишутся самые непозволительные наветы. Они оказываются завзятыми, всем известными преступниками. Их обвиняют во лжи, в грабительстве, даже в убийствах. Но действо черных и белых совершилось и воссиял очищенный, обеленный деятель. Спрашиваете, а как же быть с кричащими плакатами, которые еще болтаются на стенах? Ответят, да ведь это политика! И не подумают, что такие приемы политики внедряются в мышление граждан и разлагают молодое поколение. А затем ученый исследователь вроде Алексея Карреля напишет обвинительный акт всей нации и подкрепит его статистикой.

Скула и Ерошка сблекотали и не ведают, где их песенки отстукнутся. Пространство наполнено выдумками. Газетный лист почернел от измышлений. А всякие фальшивки по ветру летят! А все эти уже не поющие, а думающие песенку! Сегодня думка да завтра думка, а там и кривое сознание. Поди-ка выкорчуй его!

10 Июля 1941 г.

Альманах "Утренняя звезда", № 1, 1993.

Америка

Пришло два письма от Зины от 24-го Мая и 3-го Июня. Таким образом, Вы еще раз видите, насколько вразброд идут письма. Так, письмо от Катрин 5-го Июня пришло раньше, нежели письмо Зины от 24-го Мая. Обо всем, что касалось мошеннического предложения Рок, мы уже писали Вам в нашем письме от 5-го Июля. Совершенно явно, что грабители хотят воспользоваться военным положением и насколько возможно продолжить свою темную деятельность. Но теперь при союзе англо-русском и при участии в войне Америки это положение должно быть принимаемо во внимание и во всех прочих делах.

Когда я подарил Музею триптих "Жанна д'Арк", то Совет Музея под председательством Хорша благодарил меня за дар нации (фор ве нешен). Эту выписку из журналов заседаний Совета Музея мы своевременно Вам послали, и она находится у Вас. При этом многозначительно то, что такая формула вовсе не исходила от нас, но была применена Советом Музея в Нью-Йорке под председательством Хорша. Вообще не следует забывать, что кроме этого триптиха, в Музее было и еще несколько дареных вещей. Как бы ни пыталась пресловутая Рок выполнить предуказания грабителей, но сами обстоятельства вносят в это неслыханное дело еще более экстраординарное условие, и друзья, конечно, знают всю эту экстраординарность.

Зина пишет о своем прекрасном впечатлении от посещения Центра в Филадельфии. Отрадно слышать, что образовалась целая молодая группа, которая даже, помимо самой Чайки, уже ведет Культурное дело. Это лишь доказывает то самое, о чем мы все всегда заботимся, а именно, что лишь молодая группа может продолжать просветительные дела и создавать собою магнит для будущих поколений. Другой такой же пример являет и "Био-Институт", где сейчас образовалась опять-таки молодая группа, которая ведет это дело. Как в Филадельфии, так и в этом Институте денег в деле не было, и оно устояло даже и в трудные дни лишь благодаря энергии молодежи. Потому-то так важно, чтобы из бывших учащихся "Мастер-Института" тоже выявлялось какое-либо ядро, которое было бы живой местной основой для жизни дела.

17 Июля 1941 г.

Публикуется впервые

Трудные дни

Ваш вопрос, плывший через океаны, оказался не ко времени. Невозможно сейчас говорить о картинах, когда девять миллионов людей смертельно сражаются. Конечно, искусство живо всегда. Останутся искусство и знание. Из обломков Культуры сложится новая эволюция. Берегите каждое Культурное зерно.

Спрашиваете о судьбе серовского и моего панно, бывших у Дягилева? Не знаю, во время дягилевской выставки в Париже на этот мой вопрос ответа не было. Не съели ли мыши?! Изрезал же какой-то вандал Маслов мои "Казань" и "Керженец". Изрубили на дрова "Змей проснулся" в Музее Академии Художеств. Всяко бывало!

А где "Моление о чаше", посланное Каменским? Где "Неведомый старик" и "Заморские гости", бывшие у них же? Что с "Богатырским фризом", бывшим у Бажанова? Где "Сибирский фриз", бывший у Щербатова? В каком виде стенопись в Талашкине? А все картины, бывшие в Риге? И во Пскове была стенопись и в Почаеве мозаика. А сколько вообще пропавшего! Да что говорить, когда все пресеклось!

Из пепла выйдет Феникс, но эти дни тяжки. О себе, о своем не думаем. Всем тяжко. Легко сказать — надо пережить. А вот как это сделать-то? Пережить! Сообщения все прервались. Даже дорога обрушилась. Да и откуда теперь могут прийти письма? А если какое запоздалое, измызганное цензурами письмо и дойдет, то скажет оно о бывшем, об отошедшем, о неуместном.

Скажите молодым друзьям: "Берегите Культуру". "Да как же беречь эту Культуру среди ругательств, поношений, проклятий? Как ржавчина, они разъедают человеческие отношения…"

"В дни Армагеддона убережем Культуру среди близких, в семейном быту. У каждого для кого-нибудь сохранилась улыбка. Вот из нее, от этого проблеска счастья, зажжется и огонек радости. Среди своих, среди близких каждый сбережет огонек Культуры".

20 Июля 1941 г.

Публикуется впервые

В грозе и молнии

В грозе и молнии кует народ русский славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар, и разор лишь способствовали величию земли русской. В блеске вражьих мечей Русь слушала новые сказки и обучалась, и глубила свое неисчерпаемое творчество.

Потрясения лишь вздымали народную мощь, накопленную и схороненную, как силушка Ильи Муромца. История русской Культуры еще недостаточно обследовала поток народных нарастаний. Сам народ сказал: "Не бывать бы счастью, да несчастье помогло".

Не успели прогреметь пять недель войны, а уже многие знаменательные знаки проявились. Обозначилось народное единение, оно несет верную победу. На заводах и в сельских хозяйствах заработала русская смекалка. Рвение увеличило продуктивность. Оборона Родины научила многим полезным приспособлениям. Изобретателен русский человек, а тут поддала жару ярость против врага и повелительно захотелось преодолеть.

По всему миру раздались добрые пожелания русскому воинству. Громко сказалось удивление перед русскою стойкостью. Еще раз показались дружеские вести от всех народов, которые могут высказаться. Среди подавленного славянства воскресла надежда, а за нею придет и объединение.

Вместо горького испытания русский народ являет великое преуспеяние. Возникло общее дело, а ведь такое осознание не может родиться на бесплодном пустыре. Плодоносна русская нива. Когда ударит набатный колокол, все спешат помогать. Уже поняли, что не "моя хата с краю", а "на людях и смерть красна". Многое такое совершится, что даже самые заядлые враги содрогнутся и оценят достоинство народа русского.

"Мы от рождения крылаты" — полетели летчики превыше. Понятия Родины и человечества сочетались разумно, и в этом заключено такое достижение, которое и веками не накопить.

Радио говорит о подвигах воинских и о смекалистых достижениях в труде. Проникло глубоко сознание, что оборона Родины повсюду — и на полях битв, и на полях труда. Всюду тот же священный порыв, победный, неукротимый. Живы в памяти герои — Кутузов, Суворов, Минин, Пожарский, Александр Невский, сам Сергий Радонежский, Великий Наставник народа — все положившие жизнь свою во благо Родины. В грозе и в молнии рождаются герои.

Еще знак! Во всех трудах крупное место принадлежит женщине. Это не отвлеченные, не примененные постановления конференций, а прямое участие в государственной работе. За пять недель войны сколько женских подвигов отмечено! Подвиги самоотверженные, требующие знаний, мужества и выносливости. Во много раз преуспел женский труд. Наконец-то, женщина стала у правила труда и несет народу новые достижения.

И еще знак! К трудам допущено младшее поколение. С радостью молодежь берется за работу взрослых. Прикладывает свое рвение и растет осознанием важности доверенных задач. И это не отвлеченные школьные рассуждения, а живое приложение молодых сил к всенародному делу. Открывается самосознание, которое лишь в суровой самостоятельности укрепляет молодое стремление к творчеству. В грозе и молнии рождаются герои.

28 Июля 1941 г.

"Из литературного наследия"

По заслугам

Вспомнились нападки фашистских газет. Экие ругатели! Главное обвинение было, почему я хвалю достижения русского народа. Мракобесы хотели, чтобы все достижения нашей Родины были стерты, а народ надел бы фашистское ярмо. Всякие Радзаевские, Вонсядские, Васьки Ивановы, Юрии Лукины, Суворины, Семеновы и тому подобные темные личности изрыгали всякую клевету и поношения на всех, кто не с ними. Но кто же с ними? Подонки, потерявшие облик человеческий. Счастье в том, если оказываются врагами те, которые в сущности своей и должны быть такими. А друзьями пусть будет те, кому и надлежит быть и кем можно гордиться. Представьте ужас, если бы фашисты начали хвалить вашу деятельность. Но судьба хранит, и в списке врагов те, кому там и быть надлежит. Вражеский список не мал.

Конечно, много лжи осталось не отвеченной, но сама жизнь отметет вредительский сор. Из-за фашистов порвались некоторые знакомства. Впрочем, и об этом жалеть не приходится. Если люди ослепли и не видят сущность, то с такими шатунами не по пути. Плакать можно, когда видите, как умышленно снижаются достижения, казалось бы, неоспоримые. Но сама жизнь путями неисповедимыми убирает дисгармонию, и самое ценное охраняется.

Не будем навязывать наши сроки. Они могут оказаться нашептанными самостью. "Скоро" и "не скоро" — не в наших мерках. Подбор требует время. Пусть явно подберутся все фашистские элементы и уйдут в преисподнюю. Жаль, что при таком переустройстве страдают столько лучших сил. Но жизнь знает свои пути.

Много самозванных любителей что-нибудь "поставить на место". Пусть сама жизнь поставит по заслугам. И фашисты и их приспешники тоже получат по заслугам. А русский народ стоит на месте геройском. Этот подвиг укрепит в истории Культуры одно из самых чудесных мест.

30 Июля 1941 г.

"Прометей". М., 1971. № 8.

Крылья

Леонардо за свои мысли о крыльях едва не угодил на расправу инквизиторов. Сколько Прометеев было приковано к скалам за мысли о благе человечества! Вся история полна потрясающими примерами, как каждое провозвестие попиралось вредителями. Врачи-целители погибали от обезумевших толп. Книги сожигались. Произведения искусства уничтожались. Рушились великие памятники. Запрещалось свободное мышление. Палачи кроваво опережали самое мрачное средневековье. Запрещалась свободная мысль.

Только подумайте, что еще на нашем веку Французская Академия обозвала фонограф Эдисона уловкою шарлатана. Вообразите, что сказала бы такая Академия о радиопередаче! Даже и теперь передача мысленной энергии для многих зубров находится чуть ли не в разряде сверхъестественных явлений.

Казалось бы, радиоволны должны достаточно подвинуть человеческое мышление. Но нет, даже идея энергетики остается под сомнением и запретом. Электричество, спектральный анализ, телевизия и все счастливые находки последнего времени толкуются ограниченно.

Особый вид ученых, лавируя между дозволенным и недозволенным, уподобляется старым алхимикам. Те, опасаясь костра, прикрывали свои научные нахождения странными, подчас библейскими, наименованиями. Так иногда и сейчас ученые должны прикрывать свободу мысли курьезными сопоставлениями.

Своеобразные мученики знания, увы! существуют и в наши дни. Можно лишь пожелать, чтобы мировые потрясения стряхнули предрассудки, до сей поры гнездящиеся в самых неожиданных жилищах. Предрассудок, убогая связанность мышления, одинаковы во всех веках и народах. Каждое новое достижение встречалось недоверчиво и злобно.

Должны быть написаны народные книжечки, где были бы описаны все ужасы невежества, хотя бы они исходили от неграмотного троглодита или от академии, погрязшей в мертвенном самомнении. Каждое мировое потрясение пробуждало спящие силы народов и, в счастье или в несчастье, толкало к дальнейшим обновлениям жизни. И сейчас мировая беда раскроет Врата Будущего. И будет оно светлым, ибо горнило испытаний всегда открывало глаза на новые дали. Трудные дни! Тяжкие дни! В их нагнетенности сокрыто новое познавание.

Простой человеческий голос выявляется по всей вселенной.

Не знаем, где пределы этого распространения. И мысль еще быстрее звучания пронизывает пространство. Все зовет к дальнейшим открытиям. Мудрое строительство всем открыто. Даже самые тяжкие бедствия несут обновления. Болезненно растут крылья. Самопожертвование и неуклонное мужество расцветают не по наказу. От семьи, от первых дней школы выковывается расширенное сознание. Доброта и сердечность — самые нежные цветы. Наконец, крылья человечества понесут вместо убийственных снарядов знание и радость.

4 Августа 1941 г.

Публикуется впервые

Битва

В досужую минуту покрутите радио по всем волнам, по всем станциям. Какая битва, гремящая над всем миром! И звуковые диссонансы, и мысленные противоречия сражаются и заполняют атмосферу. Над всем идет битва токов, солнечных пятен, вихрей и взрывов. Временами волны выедаются какими-то мощными воздействиями. Это не гроза, гремящая по волнам, а какой-то магнитный вал, заставляющий умолкнуть все голоса. Такие онемения замечались, иногда на целые часы прерывалась радиопередача.

И физически и психически властвуют пространственные двигатели. Только теперь научное внимание начинает устремляться в сферы, всем близкие. Полеты в стратосферу являются робкими попытками уяснить великую механику и химию, водящую мыслями человечества.

Близок час, когда и врачи подумают о воздействиях радиоволн и всего, что плотно наполняет пространство. Говорят, что солнечные пятна влияют на психику человека. Мощные химизмы, разлитые в природе, конечно, не только влияют, но создают целые катаклизмы. И не умеют еще люди приложить разумно великие пространственные энергии. Даже пытаются отмахнуться от познавания их, точно трясогузка противится космическому величию.

Электричество — одна частица космической энергии — представляется людям уже конечным завоеванием. Мало ли этих частичных овладений! Доступна всем радиопередача. Но и такая очевидность редко устремляет мысль в державу энергий. И не является сознание ответственности за недоброкачественное наполнение пространства.

Когда-нибудь врачи-психологи будут экспериментировать над пространственными воздействиями на человека. Всякое наблюдение требует время. Каждый психологический опыт нуждается в кооперации. Без сотрудничества, без доверия, без доброжелательства невозможно приближаться к сферам тонких энергий. Велико сверхчеловеческое напряжение в незримой пространственной битве. Каждое живое существо причастно к ней. Чем больше расширено сознание, тем глубже понята ответственность за все творимое. Чтобы успеть в малом, надо много знать.

8 Августа 1941 г.

Публикуется впервые

Всеславянское

"В великой битве произойдет объединение народов". Вот и великая битва. Вот и зерно единения. Десятого Августа под председательством Алексея Толстого в Москве собрался славянский съезд. Уже полвека наблюдаю течения славянских волн. То уже приближались они, готовые к взаимопониманию, то всякий сор мешал братскому единству.

Русский народ всегда любил своих дальних братьев. Готов был биться за них. Тою же сердечностью отвечали и славянские народы. Все-таки славянин — брат. Многим братьям выпала тяжкая доля. Тем драгоценнее чуять, что за долами, за горами живет братский народ. Летит сердечная мысль, согревается душа изболевшая и рождается надежда.

Великое, необозримое сотрудничество возможно. Не только возможно оно, но даже заповедано под древними дубами на исконных советах славянских. Где только ни притаились славянские корни! Лужичане и поморяне словно бы совсем затерты, но все же Боривой не сгиб, и белые кони могут выйти из священных дубрав.

Славянский съезд в Москве! — ведь это то самое, о чем мечталось еще в школьные годы. Казалось, что со всех концов Запада и Востока подымутся и сойдутся братья-славяне. Чем тяжелее выпадала судьба, чем холоднее — тем ценнее сойтись к костру, красному, прекрасному. Посудить общеславянское дело, поделиться печалями и радостями. Сообща можно много надумать и поддержать друг друга.

Пусть этот съезд не будет случайным, порожденным общею бедою. Пусть он станет основою многих будущих светлых достижений. "Земля всеславянская" — так мыслилось. И картина эта в Белграде, в славянской земле, если только не порушена вражьей бомбою. Но если холст порвать и сжечь можно, то мысль нерушима. И в Праге "Русский Музей" — все памятки о той же мечте единения. И в Загребе — "Древняя Русь". И в Болгарии и в Польше друзья. Живы ли? Но дружество так же, как и мысль, нерушимо.

Пусть в знак съезда возникнет всеславянский музей. Скажете — стоит ли собирать? Придет какой-нибудь варвар и разрушит все собранное. Ответим: "Пусть себе, на то он и варвар! А мы все-таки будем собирать. И помогут все, кому слово Культура не пустой звук". Так же и всеславянское единение не будет пустым звуком, а возгорится славный очаг сотрудничества и строительства. Да живет всеславянское единение!

11 Августа 1941 г.
"Из литературного наследия"

Тагор

Вчера справлялись поминки по Тагору. Странно, что больше не раздастся голос поэта. Рабиндранат ушел. Еще одна страница Культуры завершилась. При нас ушел Джагадис Боше, Икбал, Дармапала и многие деятели Индии. Стареет Ганди. В заключении Неру.

За восемнадцать лет не пришлось побывать в Шантиникетоне. То жара мешала, то Тагор уезжал, то наши Азийскис экспедиции уводили нас далеко. Все что-нибудь мешало, а теперь уже не поедешь на пустое пепелище. Да и уцелеет ли оно? Рабиндранат был двигателем, был душою Культурного очага. Как-то проживет дело без главы?

Конечно, Индия должна озаботиться сохранить Тагорово детище. Уже были там денежные затруднения. Уж эти деньги! Не забудет Индия "Гитанджали", "Садхану" и все вдохновенное наследство Тагора. В нем отображена душа Индии во всей ее утонченности, возвышенности. В нашей телеграмме мы помянули, что говорим как русские. Велики связи двух славных народов. Именно в русском переводе прекрасно звучали Тагоровы песни. На других языках они теряют, гаснет их пламень и задушевность. Но мысль Индии отлично выражается в русском слове. Недаром у нас столько одинаковых слов с санскритом. Эта родственность еще мало оценена.

Помню, как зачитывались у нас Тагором. Полюбили его песни не по внешнему складу, а по глубокому чувству, давшему облик милой сердцу Индии. Еще что-то задушевное могло быть послано поэту, еще что-то могло быть высказано. Но уже не скажешь, а подумаешь. Светла будет его память. Строки из писем Тагора:

"Ваши картины глубоко тронули меня. Они заставили меня понять одну вещь, которая является очевидной, но которую все же человеку приходится снова и снова открывать для себя: Истина беспредельна. Я попытался найти слова, чтобы выразить для себя мысли, подсказываемые Вашими картинами. Но я не смог найти этих слов. Язык слов может выразить лишь какую-то частную сторону Истины, а сфера языка картин это — Истина, недоступная словам. Каждый вид изящных искусств достигает своего совершенства тогда, когда открывает для наших мыслей особый ход, ключ от которого принадлежит лишь ему. Когда картина прекрасна, нет необходимости рассказывать, о чем она. Мы понимаем это без слов, когда смотрим на нее. То же самое с музыкой. Когда же один вид искусства можно вполне ясно выразить с помощью другого вида, это — провал. Ваши картины

ясны, но не поддаются словесному описанию. Ваше искусство велико, и оно ревниво оберегает свою независимость.

Ваше письмо и Ваша дружеская оценка моих трудов доставили мне огромное удовольствие. Меня очень ободряет то, что Вы — с нами в наших стараниях утвердить в этом Центре идеалы, выходящие за рамки национального эгоизма. Я знаю, что Вы заняты полезной деятельностью на благо человечества. Приятно узнавать, что во всех странах появляется сейчас молодое поколение, готовое мужественно принять вызов нашего многострадального века и бескомпромиссно служить делу нашего общего согласия. Я был очень рад снова получить от Вас известие и узнать, что Вы благополучно вернулись в свою обитель после тяжелой экспедиции в Центральную Азию. Завидую Вашим увлекательным приключениям и впечатлениям, полученным в этих отдаленных, недоступных частях света, которые Вы отправляетесь исследовать время от времени. В моей уединенной жизни человека преклонного возраста, полной забот о развивающемся учебном Центре, я вынужден удовлетворять свое любопытство лишь чтением о триумфах неукротимого человеческого духа над силами природы.

Я надеюсь, что Вы не заставите меня долго ждать восхитительных рассказов из Ваших уст.

Вы стали чуть ли не коренным жителем холодной северной зоны, и мне неловко приглашать Вас на равнину. Но у нас сейчас зима, и если Вы сможете перенести ее тепло, я буду очень рад, если Вы приедете и побудете в моем ашраме несколько дней. Я уверен, что Вас очень заинтересует дух интернационализма, царящий в Центре и в учебной работе. И поверьте, мне доставит истинное удовольствие познакомить Вас с детищем всей моей жизни, каким является Шантиникетон.

Я был счастлив получить Ваше письмо и узнать, что Ваш Культурный Центр в Наггаре, в Долине Кулу, процветает, как и должно быть. Я с увлечением слежу за Вашими выдающимися достижениями в сфере изящных искусств и за Вашей великой филантропической деятельностью во имя блага народов. Ваша идея Пакта Мира с оригинальным Знаменем защиты сокровищ Культуры — необыкновенно впечатляющий символ.

Я очень, очень рад, что этот Пакт принят в Лиге Наций. Я уверен, что это будет оказывать благотворное влияние на Культурное согласие народов.

Проблема Мира — важнейшая забота человечества в наше время. Наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, неотвратимо сметающего все препятствия на Западе. Безобразные проявления

открытого милитаризма во всех направлениях предвещают зловещее будущее, и я почти теряю веру в самое цивилизацию. Мы не можем оставлять наших усилий, потому что это бы лишь ускорило конец. Сегодня я так же растерян и огорчен, как и Вы, в связи с поворотом событий на Западе. Будем надеяться, что мир сможет выйти чище из этой кровавой резни. Однако заниматься предсказаниями в наши дни — слишком большая смелость.

Вы посвятили жизнь своему делу. Я надеюсь, что судьба будет долго хранить Вас, чтобы Вы продолжали служение Культуре и Человечеству".

18 Августа 1941 г.

"Из литературного наследия" (первая часть очерка): "The Scholar", т. 16 № 12, сентябрь 1941 г. (вторая часть очерка).

Перевод И. Б. Доброхотовой

Бедная земля

"Два леопарда в саду", — сообщает Кесанг. "Медведь поломал яблони!" "Дикобраз поел кукурузу". "Обезьяны совсем одолели — весь горох вылущили". Наконец, налетели вампиры, гигантские летучие мыши — уничтожают все фрукты. Прямо агрессия какая-то. Никогда столько зверья не посещало. Многое не по сезону. Вот леопарды посещают обычно глухою осенью и зимою, а ведь сейчас половина Августа!

Точно бы "Дела человеческие" опять вызвали всякие несообразности. Расстреляли бедную землю!

Весна была необычно ранняя. Затем престранный муссон. А теперь во всем признаки несвоевременной осени. Многое зацвело ранее времени. На горах уже снег. Каждый день вести все сложнее, все фантастичнее. Кажется, нас уже ничем не удивить, а на деле все оборачивается нежданно.

События чреваты последствиями. Все случившееся не может окончиться, как предполагают житейские прорицатели. Слышатся робкие прорицания о мире. Но о каком мире? Как утрясется вся взбаламученная муть народов? Какие новые проблемы выступят? Какие новые деятели выявятся? И как быть с разными пережитками и недомолвками? И того и другого предостаточно. Какие-то враги будто бы замирятся, а друзья поссорятся. Какие-то толпы восстанут. Всплывут несказуемые вопросы.

Все, что случилось в мире, приняло стихийные размеры. Такой чреватости еще не бывало. А новое поколение растет с новыми запросами. И готовы ли наставники рассказать о соизмеримости и целесообразности? О значении мысли и сердца могут ли сказать школьные учителя? Не захлестнули ли армагеддонные волны робкое сознание?

Не в пессимизм впадаем. Мы ведь от рождения оптимисты. Но хочется, чтобы миру было хорошо, чтобы ничто кощунственное не грязнило пространство. И земля расстреляна, и небеса расстреляны.

С письмами все хуже. Проще вообще отказаться от сношений. И не только исчезают письма, но, шут его знает, кто непрошенный их читает? Бедная земля! Бедная расстрелянная земля.

21 Августа 1941 г.

"Из литературного наследия"

Америка

Сейчас пришли письма Зиночки от 26-го Июня и от 13-го Июля. Как видите, почта становится совершенно нерегулярной, и, вероятно, еще какое-нибудь письмо Зины в промежуток от 3-го Июня до 26-го Июня не дошло. Наше последнее письмо было от 3-го Августа. Поминаем все эти даты, чтобы Вы могли следить, что именно доходит, а что исчезает, тем более, что в газетах были указания на пропажу по военным условиям какой-то почты. Оба письма Зины являются историческими и останутся в хронике происходящих событий.

В письме своем от 26-го Июня Зина описывает подробно свое свидание с общественным деятелем. Можно себе представить, какова психология этого деятеля, если он затыкает себе уши, лишь бы не слышать о криминальных фактах, которые ему сообщаются. Прямо невозможно себе представить, чтобы серьезный деятель отказывался услышать факты и пытался, как страус, спрятаться, лишь бы пребывать в неведении. Все это Вам нужно знать, и очень хорошо, что с Вами был Джин, в свое время так чистосердечно поддерживавший этого деятеля.

Прежде всего — знать и знать. В том же письме Зиночка сообщала о престранном посещении Катрин служащим насчет картин. Похоже, что с какими-то таинственными целями хотят обесценить картины, а в то же время заставить Катрин отказаться от несомненных ее прав на эти вещи. По-видимому, никаких дальнейших движений по этому вопросу не произошло, ибо иначе мы имели бы или от Вас или от Катрин какие-то сообщения. В письме своем от 13-го Июля Зиночка сообщает чрезвычайное сведение как о кузене, так и о новом мошенничестве, происходящем под руками Хорша. Зина совершенно права, что именно Хорш такой специалист по пропаже документов и по вскрытию сейфов, когда он завладел бумагами, принадлежавшими Морису. Вообще все, что сообщает Зина, еще раз доказывает то, о чем мы писали неоднократно, а именно о накоплении сведений о мошенничествах Хорша и всех его присных. Надеемся, что газеты, упомянутые Зиною, в которых сообщалась пропажа и взлом сейфа, хранятся у Зины. Все это чрезвычайно пригодится, а кроме того, лишний номер этих газет можно было бы послать общественному деятелю, чтобы если у него заткнуты уши, то глазами он мог еще раз убедиться в правоте Ваших сообщений.

Чрезвычайно любопытны сообщаемые Вами сведения о циркулирующих фотостатах с писем. Очень хорошо, если вам

удастся достать такой фотостат, о чем Вы и просили Катрин помочь. Поразительно, если у влиятельных лиц в руках находятся такие документы, а они стараются их замолчать, будто бы не понимая, какой общественный вред они наносят этим своим замалчиванием. Итак, всеми силами собирайте все новые сведения, которые не замедлят пригодиться. Жульничество во всех видах должно быть караемо. Доброжелателю в Монтевидео я послал оттиски моих последних статей, чтобы он убедился, что я жив. Таких доброжелателей очень много в разных частях света, но почтовые затруднения прервали почти все сношения. Так, вчера мы получили обратно письмо наше, посланное Конлану в Июне прошлого года.

Медленно, но верно вступаем в полосу одичания, и это в век радио и аэропланов. Не пишем больше о Студио в Карнеги, ибо раз она снята, то и нечего об этом говорить, тем более, как Вы пишете, эта комбинация даже выгоднее финансово. Вы хотели еще достать осведомление из Филадельфийского Центра. Удивительно, какими неожиданными путями доходят вести, так и посещение братом Катрин с такими новостями тоже поразительно.

Премного озабочивает нас недомогание Дедлея. Конечно, всякое ушное заболевание очень продолжительно, и восстановление слуха происходит крайне медленно и постепенно. Так, у Е. И. от самого легкого воспаления среднего уха без нарыва и при боли, продолжавшейся меньше суток, долгое время ощущалось значительное понижение слуха. Год взяло, чтобы постепенно вернуться к прежнему здоровому состоянию. Ухо — одно из самых тонких органов. Как это случилось, отчего? Но, конечно, хороший климат Калифорнии ему очень поможет. Очень хорошо, что Дедлей помог Вам сделать в сжатой форме меморандум. Полезно иметь такую сводку не только в пространной форме, но и в сжатой. Хотелось бы ее прочесть, но, по нынешним временам, это исключено. Вообще, вероятно, теряется очень много писем, уже не говоря о чрезмерных замедлениях. Хорошо, что к Вам, наконец, дошли две монографии и статьи. Итак, несомненно, к Вам придут еще новые сведения, и, наверное, Вы встретите как старых, так и новых друзей.

И среди Армагеддона будьте бодры, он близится к концу. Лучшие мысли наши со всеми Вами, скажите друзьям наш сердечный привет.

22 Августа 1941 г.

Публикуется впервые

Терпите

Спрашиваете о судьбе книг, изданных нашим Рижским Обществом. Где Монография, Письма Елены Ивановны и все прочие издания? Не знаем, не знаем. И о картинах не слыхали.

Чего только не случалось! В 1906 году американцы разгромили русский художественный отдел после международной выставки в С.Луи. Исчезло восемьсот русских картин. В 1915 году во время пресловутого московского погрома была сожжена печатня "Гроссман и Кнебель". Погибла уже готовая Монография А.Иванова. Рукопись была в единственном экземпляре. Уничтожены все клише. В 1918 году исчез Русский Музей при Обществе Поощрения Художеств. Исчезло наше собрание картин. Исчезла наша коллекция каменного века. Затем вандализм и грабительство Хорша. Скончались "Арчер", "Бюллетень", "Фламма". Пресеклись Монографии в Швейцарии и в Португалии. Начать припоминать — так и не кончить.

Синодик пропавших и изрезанных картин немал. Даже добродушные люди негодуют об изрезанных Масловым "Казани" и "Китеже". Говорят, что Хорш жег книги. Монография Такеучи почти вся погибла при землетрясении в Токио. А где картины в Белграде, в Загребе, в Праге? Уже не говорю о судьбе сюиты "Героика" и других, бывших в частных собраниях Лондона и Парижа. Когда-то кое-что выяснится, а может быть, и вообще канет на дно. Пока что все сложней и сложней.

В одном Вы совершенно правы. Мы живем в самом спокойном месте. Но работать трудно. События переполнили. Даю в журналы статьи о Руси. Напоминаем, устремляемся мыслями. Нарушение почты прервало сношения. Иногда доходят странные запоздалые вести. Пришло письмо из Софии от прошлого года. Там в журнале "Родно Искусство" были статьи о моих картинах. Спрашивают, нет ли красочных воспроизведений с талашкинских фресок? Но они были уничтожены при погроме "Гроссмана и Кнебеля". Да и вообще сейчас писать в Болгарию нельзя. Она на листе враждебных стран. И во Францию писать нельзя. А из Швейцарии и Португалии нет ответа. Неужели и туда не доходит? Да и с Китаем трудно. Посылаем друзьям мысленные приветы. Инструменты цивилизации и Культуры испортились. Терпите!

26 Августа 1941 г.

Публикуется впервые

В новый путь

Жестокость — одичание — тупость. Дети, наученные первому, неминуемо впадут и в последующее. Вот и еще чреватость. Как избежать ее? Только возвышенность мышления научит, как оборонить Родину и все самое драгоценное без впадения в одичание.

Не забудем, что в Риме "аерумна" вначале означало вооружение воина, а затем превратилось в синоним усталости, изнурения, нищеты, скорби и бедствия. Неосознанная радость долга обращается в скорбную необходимость. Врожденно ли чувство долга или его нужно воспитать?

В конце концов, все нужно воспитать. Любое спящее сознание должно быть разбужено. Само слова "воспитание" показывает глубокий возвышающий смысл напитания сознания. Ласково и нежно должно быть прикасание руки ведущей. Ненависть, разрушение, унижение, насилие врезываются, как бич, в душу ребенка. И ничем не залечить эти раны.

Неслышно вползает одичание, а изгнать его трудно! Ох, как трудно! Неужели опять потребуются поколения, чтобы возвысить униженное сердце?! Вот уж преступление против человечества.

Зарыты, сокрыты памятники Петра, Александра. Спешно вывозят музеи. Тысячи работают, чтобы охранить то, что возвышало душу народа. И эту охрану нужно воспитывать. Каждый в своих пределах может что-то ценное уберечь. Не алмазы-камни, но алмазы творчества лежат в основе строительства.

Народ должен понимать, должен чуять сердцем, в чем его славный оплот. Пусть какие-то другие народы гордятся своею машинностью. Душа русская — не механическая заводная душонка. Нет, русская душа жива красотою, а в глубинах русского сердца свила гнездо доброта.

Русский народ есть народ-строитель. Не строитель фабрик, но создатель жизни. Из каждого испытания народ выходит обновленным. Да будет хорошо народу русскому! А беда, как вода речная, смоет и омоет. В новый путь, в новое строительство!

31 Августа 1941 г.

Публикуется впервые

Голод

Друзья, вы хотите читать дневник. Но его нет. Имеются разные записи, разновременные, разрозненные. Кое-что из них прошло через газеты и журналы. Все это, как кусочки мозаики. Вот переживания в "Алтай-Гималаях", вот Листы из Монголии и Китая, вот теперешние сложные, грозные времена. Мозаичная запись — одно, а дневник, как вы его понимаете — другое. Дневник — как бы каждодневная запись. Но при постоянном труде невозможно перебивать ритм и оценивать происходящее.

Теперь мы совершенно отрезаны от всего сущего. Почта нарушена, даже дороги пришли в негодное состояние. Местная газетка, приходящая с опозданием, не отражает действительность. Радиопередачи из разных стран тоже содержат однобокие, профильтрованные сведения. Можно себе представить, каково смятение там, где даже не всеми радиосведениями разрешается пользоваться. Какие слухи ползут, какие ужасы возрастают от незнания!

Прислали циркулярную бумажку с просьбою не распространять алармистических[93] радиопередач. А где границы аларма? Да и как сказать, в чем аларм? Конечно, нам и вообще говорить некому, да и письма наши усохли. Немногие еще оставшиеся корреспонденты даже слово "война" опасаются поминать — и правильно делают. Почем можно знать степень грамотности всяких цензоров? Кроме того, письма идут месяцами, а то и вообще не доходят. Кому же захочется ввергать в такие бездны душевные переживания?

Уже третий год вне жизни. Поезд мира сошел с рельсов и бедствует по кочкам и ухабам. Люди привыкают к сообщениям о гибели многих миллионов людей. Мир наполняется калеками. Плачут беженцы. Бесчисленны обездоленные семьи. Бездонно огрубение и одичание. Все эти бедствия безмерны.

Можно молиться о мире, но каков будет тот мир? Когда и как умиротворится сознание человеческое? Безмерна, бездонна беда потрясения. И какова будет молодежь среди скрежета и ненависти? Нарушены посевы и угрожает голод, но еще ужаснее голод душевный, голод сердец. От него умирают. Как предотвратить эту гибель? Подвиг, подвиг, подвиг.

4 Сентября 1941 г.

"Из литературного наследия"

Верден

Под Верденом полегло более миллиона немцев. Верден держался более года, и так и не был взят. Войска там было всего около ста пятидесяти тысяч. Атаки бывали так свирепы, что за одну ночь выпускалось по ста тысяч снарядов. Бывали и химические снаряды. Вооружение Вердена было довольно устарелое. Укрепления были тоже не новые и подлежали усилению. Потери французов были велики, и все-таки крепость блестяще выдержала жестокую осаду. Несломимая воля удержала Верден от падения.

Теперь перед нами другой Верден. Войска в нем более миллиона. Вооружение сильное и современное. Снарядов много, воздушный и морской флоты защищают. Пути сообщения не прерваны. Кроме армии — огромное народное ополчение. Все эти данные сообщены официальными радиопередачами. Те же радиосведения утверждают, что германская армия разложилась, голодает, участились случаи сумасшествия. В частях недохват офицеров, а иногда их и вообще нет. Солдаты охотно сдаются и уверяют, что их полки вообще не хотят воевать и лишь мечтают о возвращении на родину. Войска занимаются мародерством, грабежом, насилиями. Солдаты пьянствуют и бесчинствуют. Словом, армия не та, какая была под Верденом.

Сопоставим все сообщения и убедимся, что если Верден держался более года и вообще не сдался, то "Верден Жданова" не будет сдан.

Сегодня сообщается, что положение в Одессе сильно улучшилось. Киев стоит, как неприступная крепость. Под Смоленском победные контратаки. Ни одно русское судно не потоплено. Ни одна железная дорога не пресечена. Финляндия ищет мира. Все это ободрительно. Но главное — ободряют сопоставления с Верденом. Тогда и германская армия была иная, и дисциплина в ней не нарушалась. Тогда были химические бомбардировки, чего сейчас нет. Тогда был сильный германский флот, а теперь его нет. Все сопоставления скажут, что ждановский Верден не сдастся. Имя-то хорошее — жданный Жданов.

5 Сентября 1941 г.

Публикуется впервые

Америка

Наше последнее письмо было от 21 Августа. За это время Ваших писем не было. Было милое письмо от Эми из Цинциннати — передайте ей наш душевный привет. Было вчера сердечное письмо от Джина из "Либерти" от 29 Июня — видите, как идут письма: Он спрашивает о своей картине "Гималаи". Это типичное место по пути к священным местам Тибета — при случае, скажите ему. Какие они славные люди — редкие: Наверное, им удастся привлекать молодых и хороших сотрудников. Даже и в маленьких местах часто встречаются свежие силы, не замаранные бытовой суетою. Ведь и "Фламма" как журнал прервалась лишь из-за войны, но само священное пламя неугасимо. Главное число подписчиков совершенно недосягаемо, но пусть не прервутся связи с американской группой. Пришла бумага от Эрнста — прилагаю ее. Как видите, люди не сообразуются со сроками, точно бы никакой войны не происходит.

Неслыханны темные махинации Хорша. Хорошо, что Вы и вся наша группа знаете, что от Хорша никаких личных сумм я не получал, а деньги на экспедицию шли от учреждений. Поразительно, как Хорш и его "покровитель" и сообщники ввели в заблуждение правительство, чтобы оно требовало налог с экспедиционных сумм. Никогда такого не бывало. Но еще поразительнее, что суд не стал рассматривать нашу апелляцию. Такая несправедливость лишь доказывает причастие темной руки. Также поразительно стремление шайки Хорша обесценить картины. Это показывает или новую злостную уловку или крайнюю степень невежественности.

Знаем, что при несчастных обстоятельствах даже произведения лучших мастеров шли за грош. Обычно это была торгашеская проделка. Но удивительно, когда правительство не гнушается воспользоваться мировыми военными обстоятельствами, чтобы "под шумок" помочь бандитам завершить злое, корыстное дело. Хоршу хочется временно обесценить картины, чтобы ограбить их. Но почему же народ безмолвствует? Конечно, мир опаскудел, огрубел, но все же удивительно присутствовать при ярком произволе и мошенничестве. Понимаем, как вы все негодуете и тщетно озираетесь, ища порядочных, отзывчивых людей. Но где искать их, когда "особенно глухи те, кто не хотят слышать". Сколько старых и верных пословиц можно привести! Скажут: о чем говорить, когда целые государства рушатся. В такие дни выползают все ехидны, чтобы жалить, отравлять, грабить, лгать и

насильствовать. Слышавшие о мошенничествах Хорша недоумевают, как может правительство способствовать такому преступнику? Такой вопрос неразрешим. По-прежнему следите за происходящим. Наверное, натолкнетесь на новые проделки Хорша. Включайте все характерное в Ваш меморандум. Всякие такие детали еще более очертят характер грабителей. Вот уж настоящие сатанисты!

Нет ли новых сведений из Филадельфии? Налаживается ли слух Дедлея? Мы знаем на себе, как медленно слух восстановляется и происходит это улучшение почти неощутимо. Конечно, и всеобщая нервность не может не влиять. Неслыханное творится в мире. Последняя часть Армагеддона особенно сложна. Не встречались ли Вам новые, молодые? Сколько молодежи уже за эти годы оказалось в рядах деятелей. Всем друзьям наш самый сердечный привет. Помним, ценим их, знаем, что все Вы сделаете так, как возможно по обстоятельствам. Как говорил Царь Соломон: "И это пройдет!"

Мне писали биософы и спрашивали мое мнение об их новой теме "Религия и наука". Журнал их мы еще не получили. Тема для нас не нова. Вы знаете, что в моих статьях я не раз касаются ее. Во всяком случае, здравое рассуждение о религии и науке очень своевременно и полезно. Передайте им мой привет. Между нами говоря, удивительно наблюдать, как К. следует нашим темам и сведениям из Учения. Конечно, он никогда и нигде не поминает об источниках. Все это поучительно. Но главное — лишь бы распространялись полезные сведения. Культура настолько потрясена, что каждое здравое слово должно быть приветствовано. На "священном дозоре" должны встать все, кто мыслит о лучшем будущем.

9 Сентября 1941 г.

Публикуется впервые

Мужество

"Никто не скажет, что искали мы на пустых местах". Так сказалось в свое время в Новгороде. Можно то же самое сказать об Индии, Тибете, Монголии, Китае… Как сон, когда-то мелькали мечты о Гималаях. Более всего они казались недостижимыми. Но сказка жизни чудеснее всех сказок.

Любим Родину. Любим народ русский. "Никто не скажет, что это дурно". И эти слова писались давно. Счастье, что ни от чего не приходится отказываться. И от труда художества не откажемся. И опять и опять прикоснемся к творчеству. "Искусство — венец жизни". И это писалось. И о сердце и о мысли писалось. И еще и еще о том же хочется сказать,

Стара поговорка: "Деньги потеряны — ничто не потеряно. Мужество потеряно — все потеряно". Учились терять деньги, имущество. Собирали древности, любили старинные произведения, и все исчезло — как во сне было. Много чего собранного, сохраненного ушло. Но мужество не покинуло. А ведь оно не "из голубого неба". На чем-то оно слагается. Да, да, из творчества, из собирательства, из труда крепнет мужество. На наших глазах от всяких потерь погибали сильные люди. Затемнился путь перед ними, и сломилась мысль.

Разным рассеянным друзьям хочется сказать о мужестве. Так нужно им сейчас это слово! Бывает, проснешься на рассвете и чувствуешь, что где-то как колокольчик звенит. Чьято нужда стучится. Посылаешь мысль, но дойдет ли? Какие взрывы, какие ужасы воспрепятствуют? Какая злая воля встанет преградою? Безмерна злобность, все пресекающая.

"Податься некуда", — жалуется чье-то измученное сознание. "Никто не пожалеет", — впадает в сомнение одинокий. И как рассказать, что одиночества не существует? Каким спешным словом послать ободрение? Такое ободрение, которое не показалось бы отвлеченным, нежизненным.

Прежде пошлем о мужестве. Оно, как озон, прочистит атмосферу и прогонит призраки. "От ночных призраков освободи!". Молятся, взывают люди, но мужество должно зародиться в сердце. Должно прочно отложиться в глубинах сознания. "Страха не боюсь, смерти не страшусь", — поет герой.

1 ˚Сентября 1941 г.

"Зажигайте сердца"

Будущее

В Бомбейском журнале интересные снимки и статья о лечении и особом массировании малюток, контуженных взрывами бомб. Говорят, что лечение удается. Конечно, это видимые сейчас признаки, но кто может знать, что будет таить в себе такое поврежденное поколение?!

Московское радио сообщает о новом аппарате — сейсмоскопе, который с особенною четкостью передает колебания почвы. Между прочим, аппарат установил, что взрывы бомб дают показания, подобные землетрясениям. Кто знает, как далеко повреждают атмосферу и твердь теперешние ужасные взрывы? Как далеко и насколько, и надолго ли повреждается и заболевает все сущее?

Только что мы слышали радиопередачу сражения с орудийным грохотом и стрекотаньем пулеметов. Странно было еще раз утвердиться в мысли, насколько каждый взрыв вовсе не имеет местного значения, но несет за собой космические следствия. Мгновенно окутывает потрясение всю нашу многострадальную землю. Да и одну ли землю? Где пределы? Только теперь изучается наполнение пространства, неразрывность всего сущего. А если бы все военные неисчислимые затраты обратить на изучения, на улучшения трудовой жизни, на продвижения науки и искусства!

"Цветы на льду не расцветают". Нужны бережные заботы об истинном народном образовании. Всегда не хватало средств на народное просвещение. Это самое нужное ведомство всегда и всюду было в загоне. Сиротливо жалось оно в углу и даже не смело потребовать средств для преуспеяния народа.

Истинно сказано: "Невежество есть корень зла". Трудно искоренить этот корень. Но без этого вместо эволюции человечество будет обречено на ужасы войны, на огрубение, на одичание. Не только физический массаж малюток может помочь молодому поколению. Не только механическое выкрикивание слова "Культура" обустроит новую жизнь. Заброшенные понятия о человечности, об искусстве мышления, о ценности творчества помогут.

16 Сентября 1941 г.

Публикуется впервые

Переживем

Пишут, спрашивают: "Правда ли, что большевики уничтожили Ваши исторические панно "Иоанн Грозный под Казанью" и "Сеча при Керженце"? Правда ли, что уничтожена Ваша картина "Крик змия", бывшая в Музее Академии Художеств? Правда ли, что погибла ваша стенопись в Храме Св. Духа в имении княгини М. К. Тенишевой? Правда ли, что большевики уничтожили Музей Вашего имени в Риге? Правда ли, что большевики уничтожили Общество Вашего имени в Риге? Правда ли, что там же закрыли книжный магазин и уничтожили книгоиздательство "Угунс"? Правда ли, что книги Ваши и о Вас запрещены в стране Советов? Правда ли все эти вандализмы, и можно ли говорить о Культуре при всяких подобных варварствах?"

Друзья мои, больно сказать, что все, написанное Вами, правда и какая недопустимая правда! Единственно, не слышали мы о судьбе стенописи в Талашкине, но по всему прочему можно предполагать, что судьба ее печальна.

Еще спрашиваете, чем можно объяснить, что художники, ученые и все, причисляющие себя к культурным деятелям, безмолвствуют, видя всякие подобные антикультурные акты? Труден ответ на такой вопрос Ваш. Ясно лишь то, что русский народ — это одно, а разрушители — совсем иное. Ничто не воспрепятствует служить Родине и народу русскому, а разрушители отметутся, как и все, чему сроки приходят. Иногда почитайте "Смутное время" Платонова. Вспомните о боярахперелетах" и о боярах, сидевших "в нетях" — все отвергавших. Вспомните и о староверах-"нетовцах". Еще недавно они были на Алтае. Вспомните и Анатоля Франса "Боги жаждут".

Еще спрашиваете, каким образом так часто голосят о Культуре именно те, кто ее попирает? В этом большое смятение умов. У наших друзей был попугай, которого кто-то научил выкрикивать слово "культура". Очень мучительно было слушать такую профанацию. Еще спрашиваете, были ли в прессе осуждения варварству над "Казанью" и "Керженцем"? Были и в русских и в американских изданиях. Была сильная статья "Вандализм". Дошла ли она до вандалов — неизвестно. Переживем! Еще спрашиваете, где были воспроизведены эти панно? Они были воспроизведены много раз. И в Монографиях 1916 и 1918 года (у Эрнста и Ростиславова), и в Париже, и в Америке. Талашкинская стенопись не была воспроизведена, кроме эскизов и "Царицы Небесной".

Сибирская поговорка: "Бывает и корабли ломат, а бывает и не

ломат".

16 Октября 1941 г.

Публикуется впервые

Америка

Сейчас пришло письмо Зины от 21-го Августа — необычайно быстро. Но предыдущее письмо Зиночки было от 30-го Июня, и мы думаем, что между 30-м Июня и 21-м Авг [уста], вероятно, были еще вести от Зины.

Блуждают ли они или погибли — по нынешним временам все возможно. Вероятно, та же участь постигает и наши письма, ибо странно, что, как Вы пишете, более месяца наших писем не было, а ведь мы пишем не менее трех раз в месяц. Как печально, что Зина проболела всю свою поездку в "Либерти". Полагаем из Вашего последнего письма, что Дедлею теперь лучше, но как медленно обычно восстанавливается слух после воспалительного процесса в ухе. К тому же сейчас и все пространственные токи дают необычайные явления. Не знаем, как у Вас, но и в Европе и в Азии был почти полный перерыв радиопередач и даже телеграфных сообщений из-за необычайных северных и южных сияний. Впрочем, человечество настолько погрязло в ненависти и во взаимном уничтожении, что даже космическое явление, имеющее непосредственное важнейшее значение для планеты, мелькает как обычное очередное сообщение.

Благодарю за письмо от Дельфийского Общества и за сообщение об избрании меня почетным членом 0бщ[ества] имени Фильда. Вы поступили правильно, передав этому обществу мою признательность. Вероятно, у них имеется устав Общества и будут списки участников, хотелось бы их иметь. С Дельфийским Обществом следует поддерживать добрые сношения, ибо это женское движение заслуживает сочувствия. Таким образом, на листе друзей прибавилось два хороших общества. Еще и еще раз мы убеждены, что друзей-то очень много, но они, к сожалению, рассеяны по разным штатам.

Сообщение Ваше о поведении Кеттунен любопытно. Характеристика ее национальности выявилась полностью. Конечно, не может быть и речи о сотрудничестве с людьми, которые так ясно показали свою корыстную сущность. Не передавала ли она еще каких любопытных подробностей о поведении грабителей? Через полк. М. мы послали Вам набор открыток. Если посылка дойдет благополучно, то мы могли бы и еще собрать открыток на те же сюжеты. Хотя и у нас их очень немного остается.

24 Сентября 1941 г.

Публикуется впервые

Курукшетра

"На поле Куру" — начинается описание великой битвы. И сейчас на том же поле собрался миллион людей. Будет такое же солнечное затмение, как было во дни Махабхараты. Жадно и чутко прислушиваются, присматриваются множества людей. Еще раз вспоминают заветы Бхагавад Гиты.

Тут же сгустились и электромагнитные знаки. Уже два дня почти прекратилась радиопередача. Сперва шла с какимито ритмичными вздохами, а затем замерла совсем по всем станциям, по всем волнам.

Вчера вечером получилась лондонская передача. Сообщила, что происходит небывалое явление: одновременно и северное и южное сияние, и радиопередача повсюду нарушена. Странно наблюдать, когда радиоаппарат совершенно умолкает — умирает на целые дни. Казалось бы, все в порядке, батарея исправна, погода ясная, тихая. На горах ранний снег. Ночью все небо засеяно звездами. Еще не зима. О бурях на перевалах не слышно. Но "волшебный ящик" умер.

Можно себе представить, как бедствуют те, кто ждет срочных сообщений. Ведь и телеграфные пути тоже пресеклись. А тут еще и затмение, как во времена Махабхараты, и солнечные пятна! Ученым — разнообразие для наблюдений и сопоставлений. Конечно, малы земные горизонты. Величайшее космическое событие дойдет к нам через тысячи лет. Давно уже нечто испепелилось, а мы еще живем в иллюзии очевидности.

Ох, уж эта очевидность! Как она далека от действительности! В Майе живет человек. Одержим множеством незримых, неощутимых условий. Относительность! И самый прозаичный быт полон чудесности. Чудеса отменены, а чудесность бытия стучится во все двери.

Три месяца войны. Отдан Киев. Бой на юго-восток от Харькова. Всего три месяца! Германцы потеряли под Киевом всего тридцать тысяч. Под Иван-городом — сто десять. Под Ипром — триста тысяч. Под Верденом — миллион.

22 Сентября 1941 г.

"Россия"

Культура

Культура — одно, а политика — другое. Говорят, что они сестры, но ведь и сестры не всегда в ладах живут. Да и сестры ли? Носитель Культуры подчас ужасается поведению политика, а тот ехидно высмеивает идеализм культурного деятеля. С точки зрения политика, многие действия Культуры непозволительны, но труженик Культуры не поймет политических перегородок. Он действует прежде всего во имя человечности, а для политика гуманитарные основы закрыты паутиной предрассудков. Да еще каких предрассудков! Подстать средневековым суевериям. Но не подумайте намекнуть политику о его предрассудках. Ощетинится злейший враг.

Политик закован в кандалы всяких партий. Закован и отягощен, хотя и любит потолковать о свободе. Ведь и в темницах, наверное, этот разговор особенно излюблен. Свобода и справедливость! Послушать только, как политики пытаются всячески стеснить свободу Культуры. Все-то нельзя, все-то не принято и должно быть осуждено. В осудительстве политики большие мастера. Доводы науки, искусства, воспитания, образования — все будут попраны во имя условных тенет. Не будет принято во внимание, что основы познания вечны, а надстройки временных правительств преходящи. Да не только временны, но стремительно смещаемы условиями жизни.

Вперед устремлена жизнь. Культура и есть жизнь, во всех ее истинных, прекрасных достижениях. Не мертвенное — "нельзя", но прекрасное "можно" начертано на вратах Культуры. Не влачит Культура за собою рабские оковы, но преуспевает в радостных трудах. Труд и трудность не одни ли? Во всяком труде будет трудность, будет преодоление препятствий, будет построение качества.

Не мешайте труженику, не стесняйте создателя. Он для вас строит, и кто-то когда-то возблагодарит его. Кто-то когда-то еще раз ужаснется, если узнает, что добрая стройка была затруднена нелепыми, обветшалыми условностями. Говорят, что Преподобному Сергию медведь помогал в строении. Говорят, что царю Соломону джинны храм строили. Говорят: "Не бывать бы счастью, да несчастье помогло". Пусть ничто не мешает Культуре. Шире дорогу знанию. "Невежество — корень всех зол".

3 ˚Сентября 1941 г.

Публикуется впервые

Леонардо

По приглашению "Вся-Индия Радио" Святослав сделает радиопередачу 21 Октября в Лагоре — "Мона Лиза". Святослав знает эту тему. Материалы: Вазари, Зейдлиц, Аллаш и многие другие. Но вот беда! Год смерти Леонардо варьируется разными авторитетами на шесть лет. И все это с доказательствами. Одни говорят, что король Франциск не присутствовал при кончине мастера, но Вазари трогательно описывает, как король поддерживал голову умирающего. Много таких разнобоев. Кому верить?

Некоторые считают Вазари за непреложный авторитет, но другие подозревают у него немалые приукрашения. Все могло быть. И возрастом Вазари был на пятьдесят три года моложе Леонардо, и не мог быть в Амбуазе при смерти художника. Как всегда, слагались легенды. Кому-то хотелось еще красочнее, еще богаче рассказать о последних минутах великого мастера. По тем временам было принято поминать королей и пап около имен мастеров. Тициану король поднимал кисть. Рубене, Ван-Дейк, Веласкес, Гойя всегда около царственных особ.

История искусств (хоть она и история) полна легендами. Конечно, в основе легенды бывала частица истины. Но как выделить ее? Историк должен быть тончайшим психологом, чтобы удержаться в пределах истины. Однажды обвиняли Бенуа и Грабаря в пристрастном извращении правды. Попросту говоря, уличали во вранье. Но один из присутствующих хотел смягчить положение и усмехнулся: "Ничего не поделаешь, ведь и Вазари привирал". Вообще, даты и факты поразительно стираются и мешаются. Ошибки истории!

Около такого колосса, как Леонардо, всегда было и будет множество пересудов. Казалось бы, жизнь великого художника и мыслителя уже отображена и в исследованиях и в литературе. Но каждое приближение к личности славного мастера открывает бездну недосказанного, невыясненного. Никакие скальпели историков не откроют новых утверждений. Попрежнему три раза в столетие будет происходить колебание весов. И лучше и похуже, и величавее и поменьше. Много мастеров на такое "поменьше". Но великий облик художника никогда не потускнеет.

5 Октября 1941 г.

Публикуется впервые

Оковы мысли

Откуда же все несносные ограничения? Откуда постыдные утеснения мысли? Откуда убожество и отупение? Однажды я помянул добром талант Горького, и за это мне досталось, ибо нельзя говорить о большевике. Также досталось и за упоминание о Толстом, ибо он умер отлученным. Попало и за слова об Иоанне Сергиеве, о Георгии Спасском, о Мережковском. Масонство Пушкина, Суворова, Кутузова весьма осуждалось. Декабризм Лермонтова вызывал хулу. Павлов бывал под сомнением. Подмигивали на эпилептику Достоевского.

Среди бойцов за Русь не поминали Пересвета и Ослябю и также умалчивали о Преподобном Сергии, хотя Дмитрия Донского иногда допускали. Изрезанные Масловым "Казань" и "Керженец" были обвиняемы в реакционности. Разрушен Симонов монастырь, Храм Христа Спасителя — памятник отечественной войны 1812 года разрушен. Русский собор в Варшаве был уничтожен. На взрывание соборов пошло много взрывчатых веществ. Были там произведения Васнецова, Нестерова, Рябушкина, Семирадского… Неужели во имя Культуры? Уж не приняло ли это понятие какое-то превратное значение?

Не так давно во Франции вышла книга о стратегии искусства. В ней саркастически описывались условности, укоренившиеся вокруг современного искусства. С иронической улыбкой указывалось, какие суждения должно высказывать, чтобы быть принятым за благовоспитанного человека. Самое справедливое культурное соображение могло навсегда погубить репутацию любителя искусств. Любопытен был список имен модернистов, которых нельзя трогать, чтобы не попасть в страшное табу.

Из каждой области можно привести списки заклятых деятелей, которых нельзя трогать. И наконец, как в сказке, придет ребенок и скажет: "А царь-то голый!" Бесчисленны оковы, добровольно надетые людьми. И спешат, спотыкаются, падают, вновь карабкаются.

Будет еще сказка о том, кто выдумал предрассудок. И окажется этот мудряк не более портного, который выдумывает моду на следующий год. Портной руководится залежалым у фабриканта товаром. Это просто! Но психология мудряка, изобретающего оковы мысли, много мрачнее. Скорей бы подумать об этих омертвляющих оковах! От невежества всякие несносные теснины.

10 Октября 1941 г.

Публикуется впервые

Америка

Родные наши, пришло запоздалое письмо Зины от 8 Августа. Радовались, что ухо Дедлея лучше. Но как теперь нужно беречь его от простуды! Затем было три телеграммы от Катрин, одна о манускриптах, другая о Стоу и третья о возможности назначения Дедлея. О манускриптах высказано предположение, что это дело может быть отложено. Е. И. ответила, что отложение желательно. Впрочем, это вообще относится ко всем обстоятельствам. Чем больше отложить — тем лучше. Возможность назначения Дедлея нас очень порадована. Теперь не будет разногласий и Рок придется стать поосторожнее. Если даже ее не удастся вообще сместить, то она почувствует, что ее происки не удадутся. Не буду повторять наших соображений, высказанных в письме от 5 Июля. Вам всем все это вполне известно. Если бы образовался новый Комитет Музея в новом составе, без участия нежелательных элементов, он мог бы Вам быть полезным как голос общественного мнения.

Хорошо бы Вам узнать, кто именно предлагал меня в поч [етные] члены Общества Фильда. Вы могли бы внести их в список друзей. Вот и в Обществе Марка Твена — друзья и в "Иннер Культур" — друзья. И около Академии — друзья. И среди биософ[ов] друзья. И в Нью-Мексико — друзья. И в Филадельфии друзья, и в Вашем Центре молодежи, и в Дельфийском Обществе — друзья. Много их повсюду, только надо выявить их. Было милое письмо из "Либерти". Пусть Фламмиды поддерживают связь с членами в Америке. Ведь друзья были и в Канаде, нужно отеплить их. Если хоршевское трио — жулики, то это не значит, что культурные дела не живут. Конечно, сейчас Армагеддон перевернул всю жизнь. Уже не говорим о странах воюющих, но ведь и во всех нейтральных жизнь ненормальна. Внесите в список друзей м-ра Ауберта Тернера в Сен-Луи — он прислал ко дню моего рождения сердечную телеграмму. Сберегите дружбу с Альбуэрно в БуэносАйресе — видимо, он славный человек и уже выказал преданность. Почти в каждом номере его журнала идет моя статья. Даже в мрачные дни, когда грабители и утеснители как бы торжествуют, когда загнана Культура и забито творчество, даже в темнейшие дни помните обо всем светлом. Берегите друзей, отеплите их — ведь у каждого свои скорби и заботы. Сношения с разными странами все затрудняются. После долгого молчания из Португалии дошла к нам хорошая статья Шауб-Коха, напечатанная в сборнике Университета в Коимбре. Сам Шауб-Кох был в Швейцарии, а где сейчас, и не знаем. Тревожит судьба

Конлана — видно, он не имеет возможностей, чтобы дать знать о себе. В таком же положении, наверно, и Асеев. Но и к нему нельзя писать. Вы правы, беспокоясь о здоровье Е. И. Это время ее сердце опять нехорошо. Не могут не отзываться события.

Трудно, трудно переживать Армагеддон! Знаем, что в делах Вы сделаете так, как лучше. Вам виднее специфичность местных условий. Грабители в злобе готовы даже и себе повредить, лишь бы сделать что-то злое. Вы помните мой очерк "Самопожертвование зла"? Поэтому сделайте строго законнее назначение Дедлея, чтобы никакая мерзкая личность не могла придраться и опровергать. Очень жаль, что Плаут не сдал Вам всех документов. Может быть, следует Вам ему написать с перечнем всех недостающих бумаг. Такое письмо, в свою очередь, уже будет документом. Нет ли сведений, что происходит в стане грабителей? Каждое показание вроде Кеттунен или Филадельфии уже показательно.

Шлем Вам, нашим милым дозорным, лучшие мысли. Да будет хорошо друзьям! Скажите им наш самый сердечный привет. Духом и сердцем с Вами.

10 Октября 1941 г.

Публикуется впервые

АМЕРИКА

Пришло письмо Зиночки от 29-го Сент[ября] с описанием всего у вас бывшего. Все к лучшему, и теперь с еще большим единением дела полезно продвинутся. Всегда помним старую пословицу: "Единением и малые дела растут, а раздором и большие разрушаются". Также была телеграмма от Катрин о том, что манускрипты назначены на 28-е Января. Может быть, произойдет и еще отложение, и это на пользу. Пусть тот же метод будет применен и во всех других делах, чем дольше, тем лучше. Очень хорошо, что у Зины и у Вас у всех ясно сложилось представление о том, что шеры Картинной Корпорации дают вам решающий перевес. Смешно говорить о том, что сами шеры не в ваших руках, а как и многое прочее, находились на хранении у Хорша, — это всем ясно. Важно то, что суд взял деньги за шеры и тем самым признал как существование шер, так и самой Корпорации. Все это вам вполне известно, и в нужный момент вы все это выявите. Можно только сказать, что лишь по местным условиям можно прилагать те или иные действия. Также не забывайте, что по делу Джаксона не была допущена апелляция, и, таким образом, последнее защитное слово не могло быть произнесено. Такое лишение права защиты чрезвычайно показательно, и эта вопиющая, пристрастная несправедливость должна быть очень запомнена. Наверное, в меморандуме Зины

это обстоятельство особо подчеркнуто.

Конечно, во всем худом есть и нечто хорошее, так и в этом деле лишение права последней защиты оставило дело незаконченным с моральной точки зрения, и в будущем это обстоятельство будет принято во внимание. Во всяком случае, как бы сейчас ни попирались моральные основы, именно они остаются решающими. А каждое несправедливое пристрастие слагает тяжкие последствия для судей неправедных. Очень хорошо, что у Зины меморандум в двух видах — в пространном и в сжатом. В свободную минуту еще более обостряйте сжатую форму. Вот из С. Луи опять пришло доброе письмо молодого Тернера — ничего-то эта молодежь не знает, но чувствуется, что у них самые добрые намерения…[94]

10 Октября 1941 г.

Публикуется впервые

Друзьям

Пишут: "Откуда буду писать следующее письмо — не знаю. Где буду находиться — неизвестно. Такова теперь жизнь. Пожелайте нам мужества, отсутствия всякого страха — это нам теперь очень нужно всем"… Много таких весточек. Каждая из них пресекает еще одну ниточку. Нельзя никуда! А боль человеческая растет. Многое спешное отринуто.

Вспоминается сказка о непринятом посланце. Нес он спешное и целительное. Спешил через все препятствия, но врата оказались запертыми. На зов и стук никто не отозвался. А принесенное было так нужно всем затворившимся. Сказывалось, как ходил посланец безуспешно вокруг глухих стен и башен. Благодатное вещество, с трудами собранное, испарялось. Самоотвержение распылялось в пространстве. А те, кому оно предназначалось, погибали взаперти, лишь бы не слушать зовущий голос. Удивительно наблюдать отрицание, когда люди готовы мучиться и погибать, лишь бы не допустить нечто для них спасительное.

Живы ли? Список адресов оказался настоящим кладбищем. Одни умерли, другие в безвестном отсутствии. Кто знает, все ли у них ладно? Находят ли они силы пояснять себе происходящее? Наверное, много взаимоосуждений. Как всегда, люди хотят ставить свое удобство прежде общечеловеческого. Но удобство это не прочно. Где нет задания общечеловеческого, там нет оправдания. Люди оторваны друг от друга армагеддонными обстоятельствами, и им кажется, что прошлое было ошибкою.

Мало кто настолько духовно подвижен, что разумно разберется в происходящем. Мало у кого явится мысль, не есть ли все происходящее путь скорый? Конечно, трудно находить равновесие среди воплей, среди ужасов, потому не судите опрометчиво. Не спешите с взаимоосудительством. Среди опасностей надо суметь улыбнуться друг другу. Всем путникам нелегко. Умейте поддержать друг друга на спусках и на всходах. Берегите Культуру. Отоприте посланцу. Допустите доброжелательно. Друзья, помогайте друг другу!

20 Октября 1941 г.

Публикуется впервые

Посевы

Уберегитесь говорить о том, чего не знаете. Не обижайтесь, что так сказалось. Все повинны в этом. В той или иной мере за каждым найдутся такие провинности. Между тем много зла расползается по миру от нелепых, разнузданных выдумок. Большею частью такие необоснованные шепоты рождаются даже не из злобных желаний, а так себе — от неосмотрительности, от невоспитанности.

Вы скажете, что в основе всего такого скрыто невежество. Конечно, в конце концов, человек зря болтает от невежества. Но некоторая степень культурности уже обязывает быть осмотрительнее. Народ давно подметил эту беду и оправдывался: "Слово, что воробей, вылетит — не поймаешь". Но зачем оно вылетает? Зачем слагается в мыслях?

Сколько раз каждый из нас присутствовал при спорах, в которых обе стороны не знали, о чем они говорят. Кто-то где-то что-то сболтнул, и из пустомельной каши выросла препротивная инфузория. Сами породители сплетни и болтовни слышат ее ответвления и еще более укрепляются в своих же вредных выдумках.

Скажете, всегда так было и должно быть, так и будет. Если всегда так было, то зачем же марать будущее? Столько твердится о Культуре, а ведь именно она не допускает пустомельства. Даже евангельское "не ведают, что творят" не оправдывает сеятелей зла. Особенно в мрачные дни Армагеддона необходима осмотрительность. Непроглядная паутина лжи нависла над миром. Запуталось в ней запуганное, загнанное человеческое сознание. А ведь каждый в своем обиходе может уменьшить вольную и невольную ложь. Каждый должен отнестись внимательнее к слышанному и помнить: "Семь раз примерь и один раз отрежь".

Друзья, не обижайтесь! Всякие приукрашения с каждым могут случиться. Ответственность всегда велика, а в дни мировых смятений она еще возрастает. От глупого приукраса до гнусной клеветы недалеко… Пусть каждый честно отвечает за свои посевы.

30 Октября 1941 г.

Публикуется впервые

Доступнее!

Друг, надо писать яснее, проще, доступнее. Всякие нагромождения, еще недавно поражавшие своею "ученостью", сейчас непригодны. В смятении человечество ищет сердечных слов. Оно ждет душевности. Не повернется язык начать говорить погибающему путнику в трехэтажных, напыщенных словесах. Люди так загнаны, что им нужна скорая помощь. Когда спешно ее вызывают, нет времени вдаваться в сложные описания болезни. Просто зовут на помощь.

Сестра милосердная доходчиво скажет: "Потерпи, скоро пройдет". Нужны истинные сестры милосердия! Одним касанием, одним простым сердечным словом они утолят страдание. А ведь и не перечесть раны и внешние и внутренние. Друг, найди слова самые простые, самые сердечные, самые доходчивые.

Замечай смысл происходящих явлений. Разберись в вестниках, в гонцах, в предтечах. Вот хотя бы из нашей области. Показательно обернуться на предтечь испытаний, выпавших на долю народа русского. Перед первой великой войною вдруг во всех областях искусства проявились сильные творцы и деятели, широко понесшие по всему миру славу родного искусства. Не буду перечислять длиннейший ряд славнейших представителей русского творчества. Ты их знаешь и каждый русский их знает и, конечно, ценит.

Получилось замечательное явление, осветившее не только смысл русского искусства, но пролившее свет на великое знание народа русского. О России мир знал мало. И сама Россия не заботилась о таком оповещении. А тут вдруг широко по всему миру и в центрах и по окраинам прошла небывало мощная дружина художников всех областей. Многое стало понятно народам. Образовались хорошие друзья русских сокровищ. Добрым знаменосцем оказалось искусство русское. То же можно найти и в других областях. Ко времени, к срокам слагаются проявления. Внимательно можно разглядеть многие вехи.

2 Ноября 1941 г.

Публикуется впервые

Сорок лет

Сорок лет — немалый срок. В таком дальнем плавании могут быть извне встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои: "Елене, жене моей, другине, спутнице, вдохновительнице". Каждое из этих понятий было испытано в огнях жизни. И в Питере, и в Скандинавии, и в Англии, и в Америке, и по всей Азии мы трудились, учились, расширяли сознание. Творили вместе, и недаром давно сказано, что произведения должны бы носить два имени — женское и мужское.

Как всегда, остаются не записанными лучшие переживания. Может быть, и слов для них недостаточно. Нигде не записаны труды и познавания моей Лады. Уже не говорю о философских достижениях. Кое-что из них вошло в письма к друзьям и было напечатано (под пятью псевдонимами. Можно ли при жизни открывать их?). Мало сказано о конной экспедиции по Тибету и Монголии. Много ли из женщин на коне преодолевали горы, реки, пустыни?

Нигде не сказано о даре прозрения. А ведь все мы свидетели, как до русских потрясений были указаны грядущие события. В 1927 году в Тибете были сказаны события в Испании. В 1929 году были подробно указаны бедствия великих армий под Дюнкерком. И с какими показательными подробностями прозрены события! А Финляндия, Англия, резня в Хотане, вступление русских войск в Польское полесье, прохождение войсками Ирана, но тогда знали его как Персию. Были предуказаны намерения Японии и судьбы Китая.

Много чего. Люди получали предупреждения и, как обычно, не обращали на них внимания. Однако за годы прозревались события. Как всегда, определились они не календарными сроками, а сопутствующими жизненными знаками. Все это не записано. А ведь кто-то пожалеет, что так многое замечательное не было запечатлено. Из ученых Бехтерев прислушивался внимательно, а затем несколько врачей и исследователей проходили мимо равнодушно.

Сейчас война изуродовала всю жизнь. Прервалась переписка. Неизвестна судьба многих друзей. Книги и архивы, может быть, уничтожены. Общества пресечены. Мысль человеческая — в оковах. Утеснители Культуры кричат о ее спасении. Знание подавлено. Гуманизм забыт. Искусство забито. Армагеддон! Родная Лада — сегодня сорок лет нашего дружного пути!

10 Ноября 1941 г.
"Из литературного наследия"

"Гусь лапчатый!"

В картинах Босха ноги у бесов лапчатые — между пальцами перепонки. Не Босх выдумал такую чертовскую примету. Из давних времен сложились всякие отличия, а народ в своем неисчерпаемом добродушии отмечает лукавое проворство поговоркой: "Гусь лапчатый".

У Пугачева на груди были выжженные "царские знаки", но темный разбойник не сознался бы, если у него были бы лапчатые — перепончатые ножные пальцы.

Что-то немало уродов и среди власть имущих — кто обезручил, кто обезножил, у кого нога лапчатая, кто левша, кто безумен, много чего! А народ всякие такие отличия подмечает и удивляется, какие, мол, дни настали, что и у власти меченые люди стоят.

А сколько скрытых уродств, тщательно скрываемых! Врачи могли бы порассказать! Житейские мудрецы при найме служащих советовали: "Руки и ноги осмотрите, и не берите уродов. Гуси лапчатые и сегодня и завтра прикинутся, а после все-таки себя покажут".

Ходит слух, что у Стеньки Разина одна нога была лапчатая. Кто его знает? Может быть, народное воображение хотело наградить "вора" бесовским атрибутом? А какие "признаки" были у всех самозванцев — ведь велико их число?! Даже и в Кремль забирались, и в Тушине, и в Туле немало сиживали. В Туле — "царевич" Петр Федорович, пришел с Терека, затем появились "царевичи" Август, Лаврентий, Федор, Клементий, Савелий, Симеон, Василий, Мартынка, Гаврилка, Ерошка… Все претерпела Русь!

Куинджи задумывал картину: ночь, Кремлевские соборы и башни. Валяется одиноко труп Гришки-самозванца. Кто-то бросил около куклу-погремушку. Конец самозванства! У Микешина был шутливый рисунок "Гусь лапчатый", когда у именитого суженого оказалась нога лапчатая. Обряд разувания выдал бесовскую тайну. У старых нидерландцев в картинах искушения Св. Антония у нарядной дамы-искусительницы изпод подола выглядывает лапчатая ножка.

Много примет и шуток, и во всем народы предостерегают от "гусей лапчатых". "Бог шельму метит". "Убогому подай, а в товарищи не бери". Много народных прибауток.

12 Ноября 1941 г.

Н. К. Рерих. "Древние источники". М., МЦР, 1993

Герои

15 Ноября московское радио повестило весь мир, что Сталин в речи своей на Красной площади бросил вызов интеллигенции, обозвав ее "гнилые интеллигентики". В каком бы сочетании ни было брошено это ругательство — оно недопустимо. В час, когда все единение необходимо, оно не может клеймить мозг государства. Получается вреднейшая махаевщина!

Рузвельт, Черчилль, лорд Бивербрук, архиепископ Кентерберийский и тутти кванти, восхвалявшие безбожного Сталина, вряд ли одобрят антикультурный выкрик против интеллигенции. Вообще с ругательствами надо полегче. От них лишь вред получается. Недавно индусский журнал, вспоминая, как Ленин был против' Сталина, назвал его "кавказский таракан". Нехорошо называть двуногого шестиногим, даже зоологически это неладно.

Не такое теперь время, чтобы зря распускать язык! И всегда нужно особенно тщательно относиться ко всему, близкому Культуре, а в дни неслыханных потрясений следует особо бережно хранить мозг государства. Немало претерпела русская интеллигенция, а тут, в трудные часы, будут ее поносить и натравливать народ на нее. Кто учтет последствия неосторожного слова? Может ли человек, претендующий на вождя, бросать недопустимые намеки, могущие разъярять темное сознание?

Отмечаю это, ибо сейчас темная туча затмила человеческое мышление. Нередко попугайно твердится слово "культура", но смысл его затемнился. А ведь Культура должна процветать не только на государственных ристалищах, но в каждом быту, даже в самом скромном и утесненном.

Высокое качество мышления слагается не в роскоши, не во власти, не в лукавом словопрении. В каждом доме может и должна расти дума о добре, о преуспеянии добром, о совершенствовании жизни. В таком устремлении мозг не допустит ругательства, а тем более поношения всего близкого к интеллигенции, к Культуре.

Повернется ли язык назвать Культурных тружеников жалкими? А как же тогда все академии, все университеты, все школы? Не только нужно поминать имена Суворова, Кутузова и всех отечественных героев, но и осознать, что они были интеллигентны и Культурны в своих великих подвигах.

20 Ноября 1941 г.

"Россия"

Ужас

Никакое радио, никакая газета не передадут того ужаса, который сейчас навис над Русью. Ужас внешний, ужас внутренний! Никто не знает, устроены ли беженцы? Запасено ли на зиму топливо? Как продовольствие? Одежда? Врачи? Оружие? Множество вопросов… А вместо ответа радио сообщает об открытии московского театрального сезона. Какие теперь театры? И в Киеве были театры. И в Смоленск приезжала труппа. Много было таких сведений, обернувшихся в мрачных предвестников.

На краткое время можно залить действительность, но ужас вползет в мерзлые бараки и шалаши беженцев. Бегут куда-то, а где оно тепло и довольствие? Ужас действительности не есть алармический страх. Страх можно превозмочь надеждою на светлое будущее. Но чем рассеять мрак ужаса, когда люди хотят тепла и пищи? Ждут человечность. А тут и сверху и со всех сторон беда, и деваться некуда. И никто не знает, не слышит о слезах беспомощности.

Правда, всегда найдутся и Сергий Радонежский, и Минин и Пожарский, и Суворов, и Кутузов… Но у них была власть и духовная и телесная. Они знали, где благо. Они могли распорядиться. Без распорядка не сделаешь. Не усмотрите в таких мыслях пессимизма. Мы всегда будем оптимистами.

Когда мы замерзали в летних палатках на тибетских нагорьях, наш врач не раз шептал мне, прощаясь на ночь: "Увидимся ли? Ведь так и замерзают. Вот даже коньяк в бутылке замерз. До свидания, а может быть — прощайте". Правда, когда беспросветный холод опускался после полуночи, бывало трудно. Но все же выжили, пережили и знали, что "и это пройдет"!

Конечно, многие горько усмехнутся на такую восточную мудрость. Ужас разрушенного быта, исковерканной жизни силен, и где силы духа, которые все преоборют? Но есть они, эти силы, жив дух человеческий, его искра греет и питает и умножает мощь. Знаем, как бывает тяжко, и только зная такие смертельные трудности, можно сказать к Северу, к любимой Родине: "И это пройдет". Помните о Светлом Наставнике Народа Русского, о Сергии Радонежском.

24 Ноября 1941 г.

Публикуется впервые

Америка

Спасибо Зиночке за телеграмму об учредительском дне. Великое дело, когда живы традиции, а ведь вехи не исчезают. Они могут видоизменяться в человеческом сознании, но смысл их остается неизменным. Радовались и письму о работе Зины в качестве вице-председателя русско-американского Комитета для медицинской помощи русскому народу. Зина правильно пишет, что работа Комитета аполитична. Деятельность Красного Креста всегда была вне политики, и в этом ее особо прекрасная сторона. Вот уже сорок лет, как я причастен Красному Кресту, и всегда эта работа была близка моему сердцу. Вы помните, как издания нашего Комитета Св. Евгении составили крупные суммы, так пригодившиеся на добрые дела. Кто знает, может быть, и в Америке эта же благая традиция опять может возродиться и пригодиться? Все-таки открытки всегда были легкокрылыми вестниками и захватывали новые контингенты народа. Впрочем, это было у нас, где ценилось каждое художественное проявление, а может ли быть оно применимо в Америке — кто знает? У нас дети и гимназисты, студенты и вся культурная часть общества составляли целые большие коллекции таких художественных открыток, воспитывая на них свое художественное чутье. Эти издания вылились в многозначительную и широкую образовательную меру. Никакие лекции не могли так преуспеть, как эти маленькие доступные вестники искусства, легко входящие в любой быт. Вот и в Индии замечается прекрасное устремление к приобретению воспроизведений с картин, особенно же там, где культурные труженики и народные массы не имеют возможности иметь оригиналы. Таким порядком в дом иногда даже в самой отдаленной местности вносится живое напоминание о творчестве и красоте.

Вспоминается, как мы сами и дети наши любили иногда по вечерам просматривать альбомы прекрасных художественных и исторических открыток. У нас к тому же Красный Крест имел привилегию на всех железнодорожных станциях и решительно повсюду продавать свои художественные издания. Вы пишете о возвращении трудного человека и о его критике маленького деятеля в Южной Америке. Не нужно забывать, что этот деятель появился на нашем горизонте…[95]

Ноябрь 1941 г.

Публикуется впервые

Незаписанная повесть

"Эпизод из незаписанной повести". Эта книга Клода Брэгдона имеет многих друзей. В разных частях света ее читают. Кое-кто мог бы прибавить к помянутым эпизодам и еще немалое, тоже незаписанное. Подчас целый смысл жизни заключается в таких фактах, которые по старинному выражению "ни пером описать, ни словом сказать".

Говорится, что когда-то такие знания передавались изустно одному избранному, доверенному. Но ведь этих доверенных никто не знает. Они не объявляют себя и ничем не выдадут своих приобретений. Они не принадлежат к тайным обществам, которых так боятся люди. Они не своекорыстны. Они не спешат найти последователей.

Незаписанные эпизоды происходят вне календарных сроков, вне бытовых рассуждений и вычислений. Они так же не учитываемы, как пространственные токи, о которых наука знает еще так мало. Но немало незаписанных эпизодов в жизни человеческой. Можно иногда разбудить дремлющее сознание, и тогда встает образ многозначительный. И человек сам удивлен, почему не сложил он ранее ценные части мозаики светоносной. Записанные эпизоды сложатся на почтенную полку библиотеки, а незаписанные останутся, как искры во тьме. И навсегда украсится жизнь такими негаснущими пламенами. Откуда вспыхивают они? Кто призвал их? Кто велел осветить ими тусклый быт земной?

Мир переполняется книгами, но число незаписанных повестей возрастает. Когда-то их не записывали из внутренних, глубоких побуждений, а теперь частенько их стыдятся и замалчивают из трусости. Уж очень боятся люди, чтобы невежды их не засмеяли. Ухмылянье невежества, конечно, противно, но ведь и это надо пройти. Понятно, что незаписанные повести умножаются, ибо и наука постепенно и робко проникает в великое неизвестное. Если для простого химического опыта нужны особые условия, то в областях тонких, психических особые условия чрезвычайны. Мало изучены сердце и мозг. Люди не желают задумываться о химизме пространственных токов. Самые чуткие переживания игнорируются и попадают в хранилища незаписанных повестей. Спасибо тому, кто напоминает об этих тайниках, о вехах, преображающих жизнь человека.

1 Декабря 1941 г.

Публикуется впервые

Охраните!

В журнале Королевского Азиатского Общества, в обозрении трудов Исторического Конгресса в Аллахабаде, отмечена единогласная резолюция, принявшая наш Пакт. Казалось бы, грохот пушек, взрывы и разрушения уже похоронили идею охраны Культурных ценностей. Но сама жизнь то здесь, то там опять напомнит о Культуре и о трудах всех, кому наш Пакт был близок.

Бывают такие живые мысли, которые рано или поздно выплывают и требуют разрешения. Как бы ни пытались разрушители затоптать все, чем жив дух человеческий, сама жизнь вернет мысль на путь созидания. Международны созидатели и разрушители. Их психология не уложится ни в какие международные права.

Для одних гуманитарные науки, вся человечность вообще не нужны. Механика и узкий материализм их одолел и унизил. Но другие понимают, что сокровища творчества — суть истинные ценности, подлежащие всенародной охране. Созидатели, по природе своей, стремятся возвысить все творения гения человеческого. Для одних гений вообще не существующее понятие, но другие уважают все вышедшее за пределы рутины, любят помыслить о строительстве, которое возведет народ к лучшему, светлому будущему.

И под грохот губительных взрывов, утесненные, рассеянные все же живы друзья строительства прекрасного. Если нет средств спасать человеческие творения, то все же осталась мысль о спасительных путях. А где крепка и чиста мысль, там зарождаются и возможности.

Молодежь! Вы, самые юные, самые устремленные в светлое будущее, перечтите, что писалось о сохранении Культурных сокровищ, и продолжите нашу работу. Мы-то уйдем, но вы останетесь в жизненной борьбе и превозможете многие препоны.

Для вас, молодых, Культурные сокровища будут истинными ценностями. Вы поймете, что эти сокровища составляют всенародное достояние. Так же, как и Родина, Культура должна быть охранена, оборонена. Вы знаете, что Армагеддон порушил многое неповторимое. Охраните!

6 Декабря 1941 г.

Публикуется впервые

Из письма

По нынешним временам, каждое письмо кажется последним. Спрашиваете о врагах и клеветниках. Да шут с ними, и вспоминать не хочется! Помянутые Вами "американские жители" даже и не враги, а просто грабители. Вот были враги вроде Боткина или клана Бенуа! Но Боткин, уходя, примирился и даже повинился, а Бенуа к концу еще более ощерился. А ведь с моей стороны были лишь добрые посылки. Вот Вы пишете, что "Александр Бенуа — маленький человек, пристрастный писатель и незначительный художник", и думаете найти мое одобрение в этом смысле. А я скажу, не судите, шут с ним!

Еще были странные личности, платившие за добро злом. Вспоминается, как Куинджи, услыхав о некоем клеветнике, сказал: "Странно, а ведь я ему никогда добра не сделал". Горькая житейская истина звучала. Много разных вредителей — Наумов, Яремич, Грабарь, Щавинский, Германова — и пересчитывать не хочется. Всем им делалось добро, но они вредительствовали даже не в свою выгоду.

Злобность тоже имеет своего рода самоотвержение. Да кроме всего прочего, русский народ запомнил: "Прост как дрозд, нагадит в шапку и зла не помнит". Тоже перестраданная житейская мудрость. Сколько раз приходилось встречаться с заведомыми злошептателями, умильно улыбавшимися, помахивая лисьим хвостиком. Прямо не знаешь, что и делать с этими лисами?

Однажды некий церковный иерарх послал гнуснейший донос. Затем довелось столкнуться с доносчиком; говорю: "Зачем вы, владыко, донос послали?". А он смотрит во все глаза: "Да это не донос, а только для осведомления". Вот и растолкуйте разницу между доносом и осведомлением. И в другом случае пришлось при всех накрыть клевету, а клеветник, ничтоже сумняшеся, отвечает: "А я думал, вам понравится, ведь так богато вышло". И еще раз поймал академика Суслова в вранье, а он уже забыл и повторяет: "Экие мерзавцы бывают". Правда, потом он догадался, что речь идет о нем самом и, несмотря на зимнее время, вспотел.

Друзья, не обращайте внимания на клеветников — ведь это обезьяньи ласки. А если и придется к слову, то помяните без злобы. За ложь каждый сам расплатится. Лучше думайте о друзьях. Пошлите им, их памяти, сердечные мысли. За последнее время ушло много друзей. Андреев, Горький, о. Георгий Спасский, король Александр, король Альберт, Хагберг Райт, Думерг, Дайо, Дягилев, Шабас, Масарик, Флорио, Крэн, Бьорк, Седж Квинтон,

Янушкевич, Рабиндранат Тагор — и не перечесть. А за последний год, может быть, и еще многие ушли… "О добре, по доброму, для добра".

15 Декабря 1941 г.

Публикуется впервые

Сберегите

Британское радио передает из Москвы сведения о разрушении немцами "Ясной Поляны" и об осквернении могилы Толстого. Также разрушен памятник Чехову. Экая дикость! Вот так правнуки Шиллера и Гете, оскверняющие могилу Толстого! Сколько же миллионов лет должна еще крутиться бедная Земля, чтобы изжилась двуногая дикость!?

Всякая дикость недопустима. Помним горестные строки М. Шагинян, писавшей в "Известиях" о разгроме усадьбы Лермонтова и об осквернении его могилы. Кем же? Да своими же! Помним, как башкирский полк пытался защитить наследие Пушкина, от кого же? Да от своих же, от русских! Экая беда! Пржевальский писал: "Я искал дикого человека в Средней Азии, а нашел его у себя в Смоленской губернии". Такое должно кончиться.

Когда немцы разрушили Реймский Собор и сожгли Лувенскую библиотеку, эти вандализмы вызвали всеобщее негодование. Наш друг Арман Дайо издал потрясающий синодик варварских разрушений. Что дурно — то дурно, и не может быть оправдано. Дурно — разрушение Ипра. Дурно — разрушение Симоновского монастыря, где бывал Наставник русского народа Сергей Радонежский. Дурно — разрушение Храма Христа Спасителя, памятника отечественной войны 1812 года. Дурно — разрушение православного Собора в Варшаве. Мало ли что случилось дурного на лице земли! Не должно оно повторяться.

Русский народ как наследник славного будущего должен стать особым защитником Культуры. Наполеоновская конница держала коней в Московских храмах, экий стыд! В Каире в мечети показывают с негодованием наполеоновское ядро, глубоко вонзившееся в стену. До сих пор помнят и возмущаются. Громит ли Музей Академии Художеств русский вандал Маслов или же немецкий фон Шмуц — оно будет одинаково дико.

На Руси сейчас проявляются народные герои. Они будут всегда помнить, что истинный герой есть и защитник Культуры. Ни Суворов, ни Кутузов не допускали варварских разрушений. Велико светлое будущее народа русского, всепобедного!

17 Декабря 1941 г.

Публикуется впервые

Могуча Русь

"Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!". И Гоголь знал это, и Лермонтов, и Пушкин — знали все провидцы русских путей, русской славы.

Достоевский не однажды говорил о русской непобедимости. И еще сказал он: "Могуча Русь! И не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно, даже и вопросы, и останется в сути своей таковою же прежнею, святой нашей Русью, как и была до сих пор, и сколь ни изменился бы, пожалуй, облик ее, но изменения облика бояться нечего, и задерживать, отдалять вопросы вовсе не надо: кто верит в Русь, тому даже стыдно это. Ее назначение столь высоко, и ее внутреннее предчувствие этого назначения столь ясно (особенно теперь, в нашу эпоху, в теперешнюю минуту, главное), что тот, кто верует в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений. "Здесь терпение и вера святых, как говорится в священной книге".

И еще напоминал он: "Объединение славян под началом России означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия во главе объединенных славян скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединение всего человечества новым, братским всемирным союзом, начало которого лежит в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения много горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я".

Московское радио говорит об охране Культуры, о наследии Толстого и Чайковского, о народных святынях. ТАСС распространяет такие ценные заветы по всем областным газетам. Радиоволны разнесут слова об обороне Культуры не только по газетам, но и в разные бытовые уголки, где нелишни напоминания о Культурных ценностях.

Культура едина. Она — вне классовых и расовых перегородок. Или Культура, со всеми ее познаваниями, или дикость, хотя бы она была прикрываема цивилизованными

воротничками. Ядовитые газы, глум над человеческой личностью, оковы мысли, запрещение творчества, злобность и грубость не совместимы с Культурою.

Сердце человеческое чует, где проходит граница между Культурою, цивилизацией, дикостью, постыдными пороками. Словами не всегда удается обозначить грани достижений, но сердце всегда стукнет предупредительно, когда близка гибельная стремнина.

Русский народ, искатель блага, строит новую жизнь. Смерти он не страшится, да и что она, смерть? И в ней жизнь, и в ней познавания и достижения.

Благо, если и среди тяжких испытаний русский народ будет помнить о Культуре, будет чтить все великое сокровище, внесенное русскими людьми в Мировую Культуру.

24 Декабря 1941 г.

Публикуется впервые

Выставки

Несмотря на армагеддонные дни, наша выставка прошла очень удачно. В Индоре останутся двадцать две картины. В день открытия Махараджа пожертвовал Русскому Красному Кресту на медикаменты 50.000 рупий. Пришла телеграмма о желании военного фонда иметь моего "Александра Невского". Поехал "Александр Невский". Так русская выставка творит русское дело.

"Ярослав" — в Индоре. И в Бароде удачно. Затем Ахмедабад и Траванкор. Мадрас и Люкноу хотят выставку, но вряд ли подойдет по времени. Святослав пишет из Бароды: "Выставка будет продолжена. Народу на эту выставку идет масса. Прямо тысячи валят каждый час. Никто ничего подобного не видал. Все кругом запружено толпами. Здесь заметно обратное от Индора. Там было прогрессивное правительство, а здесь народ. Я говорю раза четыре в день и иногда перестаю даже двигаться от усталости. С раннего утра и до вечера я с толпами и среди людей. И нужно сказать, еще выдерживаю напряжение. Мехта послал правительству свою рекомендацию о покупке картин. Шастри, хранитель музея, тоже дал свою рекомендацию. Все в порядке и все прекрасно".

В Ахмедабаде много добрых знаков. Выставка устроена Обществом Поощрения и Развития Искусства в Индии (Бхарат Кала Мандал). Президент бар. Чинубай, Председатель Р.Равал. Отпечатано сердечно составленное приглашение. В газетах отзывы, жаль, что здесь никто по-гуджрати не читает. В "Мизиндии" большая статья Тампи. В "Тайме оф Индия" хорошая статья, также и в журнале "Индора" и в "Хинду" проф. Варма отлично пишет.

Кончаю "Горыныч", "Грозный" и "Силы Небесные с нами ныне невидимо служат". Кончил "Огни победы". Начат "Александр Невский" — Победитель на поле битвы. Начаты "Борис и Глеб", поспешающие на помощь.

В "Сколар" появился "Горький". В "Модерн Ревю" послал "Иконный терем". В двух цейлонских журналах — "Шамбала". В "Вижен" — "Радж Раджесвари", "Царица Небесная" и "Мир". В "Пиес" — "Здоровье". Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи.

30 Декабря 1941 г.

Публикуется впервые

Алфавитный указатель

А

Азия — 114
Академия (1937) — 102
Академия (1941) — 407
Академия художеств — 157
Александр Яковлев — 145
Америка (27.11.39.) — 231
Америка (30.01.40.) — 304
Америка (15.06.40.) — 331
Америка (02.08.40.) — 344
Америка (13.03.41.) — 393
Америка (19.03.41.) — 394
Америка (15.05.41.) — 412
Америка (05.07.41.) — 425
Америка (17.07.41.) — 428
Америка (22.08.41.) — 439
Америка (09.09.41.) — 445
Америка (24.09.41.) — 451
Америка (10.10.41.) — 455
Америка (10.10.41.) — 456
Америка (ноябрь 1941 г.) — 464
Антифобин — 354
Археология — 107

Б

Бедная земля — 438
Безумие — 333
Безумия — 402
Беловодье — 23
Бенуа — 129
Бесспорное — 423
Битва — 434
Блок и Врубель — 121
Больной год — 262
Боль Планеты — 296
Борис Григорьев — 87
Борьба — 395

Будем бережливы — 173
Будущее (1939) — 265
Будущее (15.10.40.) — 359
Будущее (16.09.41.) — 448
Бывшее — 384

В

В Америку — 360
В грозе и молнии — 430
В новый путь — 442
В трудах — 389
Вайчулянис — 292
Вандалы — 151
Века — 281
Великий Новгород — 182
Великому народу русскому — 334
Верден — 444
"Весна" — 390
Вестники — 400
Война — 204
Вперед — 168
Врачи — 247
Вредители — 228
Всеславянское — 435
Встречи (24.10.39.) — 224
Встречи (01.06.40.) — 325
Выдумки — 61
Выставки — 471

Г

Герои — 462
Годовщина — 348
Головин — 122
Голод — 444
Голос Горького — 421
Гонения — 174
Города поглощенные — 201
Горький — 29
Грабарь — 130
Грабительство — 341

Грамоты — 250
"Гусь лапчатый!" — 461

Д

24 марта 1939 г. — 192
24 марта 1940 — 307
24 марта (1941) — 386
Действительность — 230
Доброкачественность — 290
Договор — 366
Доколе? — 381
Доктор Ф. Д. Лукин — 53
Долой осудительство! — 385
Достоинство — 410
Досмотры — 383
Доступнее — 459
Друг человечества — 188
Другу — 233
Друзья! — 392
Друзья — 110
Друзьям — 457
Друзьям-художникам — 243
Дума — 427
Душа народа — 420
Душевность — 165
Дягилев — 126

Е

Единение — 14
Единение или гибель — 375
Единомыслие — 284
Еще гибель — 278
Еще радости — 275
Еще Америка — 318

Ж

Живопись — 104
Жизнь — 96

З

Западни — 127
Зарождение легенд — 282
За что? — 250
Забота — 256
Земля обновленная — 337
Знайте — 236
Знамя Мира — 206

И

Из Монголии — 40
Из письма — 467
Индия (1937) — 115
Индия (1940) — 367

К

Credo — 172
К дальним — 387
Колебания — 291
Кормон — 119
Красный флаг — 373
Крик пространства — 246
Кружные пути — 299
Крылья — 432
Куинджи — 293
Культура? — 378
Культура — 452
Курукшетра — 452

Л

Лада — 161
Латвия — 72
Леонардо — 453
Леонид Андреев — 123
Лик Америки — 416
Лист — 254
Литва — 36

М

Мастерская Куинджи — 43
Мастерство — 418
Мечи — 261
Мечты — 190
Мир в маске — 195
Миражи — 223
"Мир Искусства" — 211
Могуча Русь — 470
Молодежи — 377
Молодому другу — 320
"Море волнуется" — 214
Мужество — 447
Мусоргский — 279
Мысль — 106

Н

На острове — 340
На страже мира — 83
Наггар — 116
"Нада" — 405
Найдите прививку — 388
Народ — 164
Народность — 306
Начало — 101
Наша Академия в Нью-Йорке — 255
Наше Латвийское общество — 302
Не замай! — 328
Небесное зодчество — 259
Недописанное — 316
Недоумения — 363
Незаписанная повесть — 465
Несправедливость — 330
"Новая земля" — 380
Новизна — 202
Новости — 154
Нужда — 252
Нумизматика — 108
Нутро — 346

О

Обзоры искусства — 235
Оборона Родины — 424
Общее дело — 117
Оковы мысли — 454
Опасность — 409
Опять Америка — 312
Опять война — 217
Особая весна — 401
Останки — 240
Оттуда — 63
Отец — 100
Охота — 105
Охраните! — 466
Охранителям культурных ценностей — 219
Оценки — 109
Ошибки истории — 245

П

Памятки (1939) — 266
Памятки (1940) — 352
Панацея — 17
Парапсихология — 134
"Париж" — 197
Паспорта — 263
Первопечатник — 120
Переживем — 449
Петров-Водкин и Григорьев — 191
Письма Елены Ивановны — 295
Племя молодое — 270
По заслугам — 431
Подвиги — 365
Подробности — 271
Подсчеты — 321
Подтверждения — 50
Полнота жизни — 379
Посев — 335
Посевы — 458 Потери — 162
Правильное задание — 351
Предрассудки — 357
Предубеждение — 364

Препятствующие — 242
Привет Вам, дорогие друзья! — 67
Причины — 417
Продажа душ — 179
Продажа кинжалов — 227
Пропуск — 225
Пророчество — 310
Прочная работа — 237
Психический каннибализм — 332
Псков — 272
Пути мира — 403
Путники — 376

Р

Равнодушные — 193
Радость (1937) — 99
Радость (1939) — 175
Радость о книге — 11
Реализм — 260
Русская икона — 169
Русская слава — 209
Русский музей в Праге
Русскость — 314

С

Самое первое — 97
Самое утомительное — 198
Самоцвет — 414
Сантана — 317
Сближение — 308
Сберегите — 469
Сборы — 372
Сильны, богаты — 408
Симфония жизни — 131
Синтез — 391
Скрыня — 382
Скрябин — 374
Слушайте — 419
Смекалка — 422
Смерч — 406

Собирательство — 112
Содружник — 268
Сознание Красоты спасет — 47
Сокровища Российские — 216
Сокрытия — 370
Сорок лет — 460
Со-роковой год — 301
Сотруднику — 342
Софийский собор — 58
Спасительницы — 220
Средства — 251
"Старые годы" — 9
Старые друзья — 222
Старые письма — 273
Стихия — 166
Странники — 309
Столкновения — 276
Страстная пятница (Good Friday) — 194
Ступени — 283
Судьбы — 229
Счастье — 397

Т

Тагор — 436
Тампи — 369
Творчество — 138
Театр — 128
Терпите — 441
Толстой и Тагор — 88
Тревожно — 358
Три меча — 98
"Тридесятое царство" — 355
Триумф Эллады — 238
Трудно — 45
Трудные дни — 429
Туда и обратно — 323
Тушители — 203

У

Уберегите — 336

Ужас — 463
Умудренность — 347
Университет — 163
Урусвати — 171
Учеба — 111

Ф

Фрагменты — 248
Флорентина Сутро — 298

Ц

Цивилизация — 147

Ч

Чарльз Крэн — 285
Чаша неотпитая — 69
Чюрленис — 34

Ш

Шаляпин и Стравинский — 125
Шатания — 356
Шепот — 404
Шествия — 411
Шовинизм — 207
Шум-звон — 371

Щ

Щуко — 186

Э

Эпизоды — 257
Эстония — 76

Юон и Петров-Водкин — 79

Географический указатель

А

Абиссиния — 27, 219
Австралия — 25, 216, 254
Австрия — 25,204
Агра — 115, 235
Аджанта — 235, 368
Адриатическое море — 145
Азия — 24, 114, 121, 145, 146, 161, 189, 201, 228, 239, 242, 266, 314, 325, 335, 383, 385, 386, 426, 451, 460
Алдан, р. - 70
Албания — 204, 205
Алеутские о-ва — 350
Алжир — 114, 406
Аллахабад — 115, 215, 321, 372, 380,389, 400,466
Алтай, горы — 24, 29, 116, 163, 283, 352, 450
Аляска, штат — 350
Амбуаз — 454
Амбер — 235
Америка — 27, 40, 50, 62, 88, 93, 129, 135, 146, 162, 167, 198, 202, 219, 250, 254, 261, 264, 266, 271, 274, 288, 289, 298, 301, 304, 305, 312, 314, 318, 321, 325, 331, 333, 340, 342, 344, 349, 350, 351, 352, 360, 363, 372, 375, 383, 394, 400, 410, 412, 416, 425, 426, 427, 428, 446, 450, 455, 457, 460, 464, 465, 466
Амритзар — см. Амритсар
Амритсар — 321
Англия — см. Великобритания
Аннам — 48
Аравия — 188, 286
Аргентина — 371
Аржунгуфа — 116
Ариаварта — 75
Аризона, штат — 156
Арияварта — см. Ариаварта
Арктика — 306
Архангельск — 24
Астрахань — 114
Афганистан — 25, 283, 374
Афины — 136, 367, 409
Африка — 27, 50, 146

Ахмедабад — 321, 372, 380, 471

Б

Бактрия, историческая область — 281
Балк, центр Бактрии — 283
Бара Бхагол — 116
Борода — 471
Барселона — 85,151
Баренцево море — 291
Басишта — 116
Баффинов залив
Белград -211,214, 340, 435, 442
Белуха, гора — 163
Бельгия — 218, 313, 322, 402
Бенарес — 40, 115, 189, 215, 288, 372,389
Березина, р. - 71
Берингов пролив — 291
Берлин — 257, 274, 367, 409
Биас, р. - 116, 239
Болгария — 216, 254, 340, 436
Бологое — 442
Бомбей — 156, 226, 291, 309, 321, 372, 380, 401, 415, 424
Бородино — 71
Босния — 405
Бостон — 19, 350
Бразилия — 27, 50
Бронницы — 70, 185
Брюгге — 215, 248, 254, 301, 309, 322, 325, 326, 340, 371
Брюссель — 162
Буковина — 25
Бурятия — 420
Бухтарма, р. - 24, 25, 26
Буэнос-Айрес — 129, 215, 291, 309, 327, 455

В

Вавилон — 366, 370, 403
Валдай — 70
Вальпараисо — 291
Варшава — 155, 256, 257, 455, 470
Ватикан — 409

Вашингтон — 232, 271, 313, 409
Великая, р. - 98
Великобритания — 155, 171, 201, 209, 247, 291, 362, 409, 460
Вена — 340
Венгрия — 328
Венден — 73
Венеция — 108, 237, 378, 400
Вентспилс — 73
Верден — 444, 445, 452
Версаль — 209
Византия — 114, 121, 170, 237
Вильно — см. Вильнюс
Вильнюс — 45
Виндава — см. Вентспилс
Винтон — 154
Випперфурт — 149
Владивосток — 29
Владимир — 59, 60, 71
Волга, р. — 30, 71, 15
Волосово
Волхов — 182, 184, 185, 337
Выборг — 264
Вымь, р. - 183

Г

Гайдерабад — см. Хайдарабад
Галич — 222, 335
Гапсаль — см. Хаапсал
Гатчина — 97
Гвалиор — 235
Гданьск — 246, 256
Гельсингфорс — см. Хельсинки
Германия — 149, 155, 201, 209, 322, 424
Гималаи, горы — 30, 79, 92, 159, 171, 172, 177. 189, 219, 226, 239, 242, 243, 263, 267, 280, 286, 289, 296, 305, 322, 326, 355, 371, 386, 390, 420, 421, 447, 473
Гоа — 226
Гоби, пустыня — 24, 116, 355
Голландия — см. Нидерланды Гонконг — 322
Гонолулу — 309 Горки — 29,31
Греция — 46, 114, 208, 238, 281,
366,367,418

Гродно — 37

Д

Дальний Восток — 48, 215, 254, 288,289,349,353 Дания — 136,340
Данциг — см. Гданьск
Дарджилинг — 116, 287
Дели — 116, 240, 397
Дельфы — 238
Детройт — 129,326
Джагатсуг — 116
Джибути — 322
Днепр, р. - 295
Дюнкерк — 460

Е

Европа — 58, 107, 114, 125, 135, 145, 149, 167, 190, 201, 225, 265, 274, 328, 352, 354, 363, 372, 384, 400, 409, 426, 451
Египет — 25, 188, 189, 239, 286, 289, 322, 366, 370
Елгава — 73

Ж

Женева — 36, 340, 349, 371, 390

З

Заблудов — 120
Загреб — 215, 309, 340, 371, 436, 442
Зайсан, оз. — 25
Зегевольд — 73

И

Ивангород — 452
Иерусалим — 25, 28
Инвара — 76, 97, 99, 100, 105, 107, 115, 164, 182, 184, 185
Ильмень, оз.

Индиана, штат — 215
Индия — 17, 23, 25, 27, 32, 37, 40, 47. 48, 90, 91, 114, 115, 117, 136, 171,172,188,190, 206, 220, 225, 226, 235, 238, 239, 240, 243, 254, 261, 266, 286, 287, 288, 289, 293, 294, 299, 302, 309, 314, 320, 321, 322, 327, 340, 352, 367, 368, 369, 370, 372, 380, 384, 385, 422, 436, 437, 447, 466, 472
Индор — 471
Ипр — 452, 470
Ирак — 188, 189, 286
Иран — 240, 370, 374, 461
Иртыш, р. - 164
Исландия — 136
Испания — 151, 204, 218, 248, 461
Италия — 19, 121, 170, 237, 254, 322, 340, 357, 367, 409

К

Кавказ — 32, 71, 114, 411
Каир — 322, 409, 470
Кайлас, г. — 116
Калган — см. Чжанцзякоу
Калининград — 73
Калифорния, штат — 36, 73, 102, 162, 271, 289, 327, 350, 441
Калькутта — 25, 115, 226, 321, 372,424
Кам, нагорье — 420
Камбоджа — 28
Канада — 73, 162, 254, 261, 271, 455
Канзас-сити — 117
Канченджунга, г. — 99, 115
Канны — 274
Капштадт — 291
Каракал — 226
Кара-Уссу, р. и оз.- 26
Карачи — 116, 401
Карелия — 259, 352
Карибское море — 201
Карпаты, юры — 46, 293
Каспийское море — 183, 201
Катрайн — 116
Кашмир, штат — 116, 248
Кеммеры — 72
Кенигсберг — см. Калиниград
Керженец, город и р. — 70

Кианг, р. — 29
Киев — 51, 58, 59, 60, 71, 110, 190, 222, 328, 339, 444, 452, 463 Кисловодск — 262
Китай — 23, 24, 25, 29, 43, 48, 93, 146, 151, 199, 204, 206, 218, 250, 286, 309, 350, 372, 442, 444, 447, 461, 463
Клайпеда — 204
Кобдо (Джаргалант) — 26
Козеун — 164, 352
Коимбра — 215, 349, 371, 390, 455
Коломбо — 372
Коморин, мыс — 390
Константинополь — см. Стамбул
Копенгаген — 326
Краков — 45, 293
Красное море
Кримульда — 73
Крым, п-ов — 45, 46, 69, 114. 293, 381
Кулу (Кулута), долина — 116, 171, 241, 340, 406, 438
Куоккала — 424
Куришгаф — 72
Кушар — 23, 240

Л

Лагор — см. Лахор
Ладакх — 116, 206, 420
Ладожские о-ва — 223, 263
Лакхнау — 321, 372, 471
Ламанш, пролив — 201
Латвия — 45, 54, 55, 72, 73, 74, 75, 78, 136, 247, 353
Латгалия — 45
Лахор — 372, 380, 381, 401, 453
Ледовитый океан
Ленинград — см. Санкт-Петербург
Литва — 36, 37, 38, 39, 78, 211, 214
Лондон — 19, 46, 62, 74, 86, 93, 104, 115, 123, 124, 126, 129, 146, 155, 162, 213, 225, 240, 249, 254, 266, 326, 327, 344, 352, 358, 367, 378, 381, 409, 442
Лос-Анжелес — 318
Львов — 120
Льеж — 149
Люкнау — см. Лакхнау

М

Маас, р. — 149, 150
Магелланов пролив — 27
Мадрас — 215, 226, 321, 390, 401, 471
Мадрид — 248
Мадурай (Мадура) — 115
Майсур, штат — 309, 321
Майоренгоф — см. Майори
Майори — 72
Малана, долина — 116
Мальме — 352
Мальта, о-в — 406
Манали — 116
Манди — 116, 117, 390
Маникаран — 116
Манчестер — 378
Марсель — 226
Мейзор — см. Майсур
Мемель — см. Клайпеда
Месопотамия — 286
Мисор — 116, 380
Митава — см. Елгава
Мойка, р. — 250
Монблан, г. — 223
Монголия — 26, 40, 43, 48, 146, 199, 206, 248, 283, 288, 289, 296, 310, 322, 352, 444, 447, 460
Монтевидео — 440
Москва — 29, 30, 31, 58, 71, 79, 90 120, 126, 131, 137, 158, 189, 208, 212, 248, 249, 258, 288, 325, 352, 374, 435, 469
Мета, р. - 69
Мукден — 125

Н

Наггар — 116, 117, 438
Нагчу — 262
Нанкин — 48, 309
Нарва — 76
Небраска, штат — 325
Нева, р. - 157
Нейенар — 262
Неман, р. - 36

Непал — 380
Нидерланды — 149, 322
Нижний Новгород — 30
Нилгири, горы — 321
Ницца — 110, 266
Новая Зеландия — 216, 254, 309
Новгород — 58, 71, 108, 182, 183, 185, 190, 243, 250, 315, 334, 339, 380, 409, 447
Норвегия — 248, 326, 340
Нордштранд, о-в — 201
Нью-Джерси, штат — 371
Нью-Йорк — 21, 93, 139, 148, 154, 191, 215, 225, 236, 243, 255, 287, 288, 314, 325, 327, 350, 351, 371, 375, 384, 428
Нью-Мексико — см. Нью-Мехико
Нью-Мехико — 455

О

Обь, р. — 50, 183
Одесса — 28, 444
Омск — 164
Остия — 58
Остров — 98

П

Палермо — 59,237
Пальгат — 380
Памир, горы — 1 16
Парвати — 116
Париж — 38, 46, 54, 56, 87, 110, 111, 114, 126, 129, 151, 163, 171, 177, 208, 211, 214, 215, 225, 228, 229, 236, 242, 243, 247, 250, 254, 257, 266, 273, 274, 279, 282, 289, 296, 301, 309, 322, 325, 326, 330, 332, 333, 340, 357, 363, 371, 378, 390, 429, 442
Патанкот — 321
Пекин — 26, 42, 188
Пермь — 110, 266
Персия — см. Иран
Петербург — см. Санкт-Петербург
Петергоф (Петродворец) — 258
Печора, р. — 183
Пиринеи, горы — 382

Пирос, озеро — 69
Пир Пандонал — 116
Полуя, р. — 51
Польша — 436
Пондишери — 225, 226
Порт-Артур — 294
Порта — см. Турция
Португалия — 216, 254, 340, 442, 455
Почаев — 110, 266, 429
Прага — 30, 95, 129, 167, 168,211, 215, 254, 309, 326, 340, 371, 436, 442, 450
Прибалтика — 125, 293, 325, 340
Псков — 58, 71, 110, 266, 272, 429

P

Равалсар, оз. — 117
Ревель — см. Таллинн
Рига — 73, 211, 215, 293, 322, 340, 341, 353, 372, 429, 450
Рим — 18, 58, 143, 203, 367, 378, 409, 443
Россия — 9, 10, 24, 27, 40, 61, 70, 87, 91, 92, 114, 123, 145, 157, 169, 188, 201, 207, 222, 239, 266, 285, 286, 287, 306, 322, 350, 430, 422, 460, 463, 470, 473
Ростов Великий — 189, 286, 288
Ротанг, горы — 116, 283
Рочестер — 351
Румыния — 25, 114
Рундхоль — 201
Русь — см. Россия

C

Сааре Маа, о-в — 162 Сайгон — см. Хошимин
Салегард — см. Салехард
Салехард — 50,51
Самарканд — 189, 206
Санкт-Петербург — 30, 115, 129, 158, 171, 258, 266, 282, 339, 460
Санта Фе — 215, 301, 314
Сарагосово море — 201
Сарнатх — 115,321
Сахара, пустыня — 149

Северная Каролина, штат — 135, 136
Северное море — 201
Сен-Луи — 261, 271, 350, 455, 457
Сердоболь — см. Сортавала
Сиам — 208
Сибирь — 24, 50, 114, 163, 183, 316, 381
Сигулда — 73
Сидней — 154
Симла — 117
Сингапур — 28
Синдзян — 372
Сирия — 25, 188, 286, 289
Сицилия, о-в — 328
Смоленск — 71, 210, 266, 339, 444, 463
Сортавала — 263
София — 309, 371, 442
Спити — 116, 288, 420
Средняя Азия — 23, 40, 41, 236, 245, 283, 382, 470
СССР — 129, 211, 243, 244
Стамбул — 28
Старая Русса — 70
Стокгольм — 129, 156, 325, 352
Суздаль — 71
Сунгари, р. - 62
США — 11, 154, 155

Т

Таджикистан — 411
Таити, о-в — 330
Талашкино — 76, 104, 110, 237, 266, 287, 429
Таллинн — 76, 77, 254
Тамбов — 209
Темза, р. - 155
Тверь — 70
Тибет — 22, 23, 48, 92, 116, 127, 161, 172, 189, 190, 199, 224, 245, 250, 283, 288, 289, 296, 310, 321, 325, 328, 349, 332, 355, 420, 446, 447, 460
Тихий океан — 156
Токио — 442
Торжок — 250
Торнэдж — 20
Траванкор — 306, 309, 321, 323, 380, 389, 390, 400, 471

Трансгималаи, горы — 223
Тривандрум — 302, 321, 372, 380
Туккум — см. Тукумс
Тукумс — 72 Тула — 462
Туркестан — 22, 41, 145, 146, 250, 283, 325
Турция — 366
Тюрисев — 273

У

Украина -46,71,157 Улан-Батор — 128, 322, 352
Улясутай — 26
Урал -24,70,114
Уральск — 28
Урга — см. Улан-Батор

Ф

Фатехпур Сикри — 115
Филадельфия, штат — 215, 314, 428, 429, 446, 455, 456, 457
Филиппины, о-ва — 322
Финикия — 50
Финляндия — 76, 124, 128, 216, 250, 264, 278, 352, 363, 445, 460
Фландрия — 325, 391
Флоренция — 144
Франция — 11, 149, 176, 177, 178, 211, 266, 309, 328, 330, 333, 402, 455
Фризские о-ва — 201

Х

Хаапсалу — 76, 128
Хайдерабад — 116, 309, 321, 372, 390, 400
Хан Тенгри, г. — 163
Харахото, развалины — 241
Харбин — 62, 125
Харьков — 452
Хвалынское море — см. Каспийское море
Хельсинки — 129, 325
Хотан, г. и р. — 116, 240, 460

Хошимин — 28

Ц

Цайдам, полупустыня — 355
Цейлон — 23, 115, 356
Цинциннати — 445

Ч

Чандер Кани — 116
Чандранагор — 226
Черное море — 71
Черный Иртыш, р. — 25
Чехословакия — 188, 204, 205
Чжанцзякоу — 42
Чикаю — 19, 129, 249, 266, 287, 389
Чили — 191, 371
Читор — 235
Чудское оз. — 71

Ш

Шантиникетан — 436
Шанхай — 125, 215, 301, 322
Швейцария — 30, 129, 162, 188, 231, 254, 257, 322, 340, 442, 456
Швеция — 124, 155, 225, 340, 352
Шелонь, р. - 69
Шлиссельбург — 110,237,266

Э

Эгейское море — 201
Элефанта, о-в — 115, 235
Эллада — см. Греция
Эллора — 235
Эстония — 76
Эфиопия — 151, 204, 206

Ю

Югославия — 254, 405
Южная Америка — 50, 271, 298, 374, 465

Я

Япония — 29, 322, 461

Именной указатель

А

Абель Джон — почетный советник рериховского общества — 254

Аверкамп Хендрик (1585–1634) — голландский художник — 112

Авиценна — см. Ибн Сина

Ага-хан — титул главы мусульманской секты исмаилитов; Ага-хан III (1885–1957) — индийский политический деятель — 251

Азан — французский генерал — 204

Айвазовский Иван Константинович (1817–1900) — русский художник — 355

Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) — русский историк искусства -158

Акбар Джелаль-ад-дин (1542–1605) — индийский император из династии Великих Моголов — 243, 290, 368

Аксаковы: Иван Сергеевич (1823–1886) — публицист; Константин Сергеевич (1817–1860) — писатель; Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель — 316

Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) — король Югославии — 254, 468

Александр Великий Македонский (356–323 до н. э.) — царь Македонии-116,239, 281

Александр Невский (1220–1263) — князь Новгородский — 182, 243, 315, 431

Алексеев — член университетского кружка Рериха — 106

Алексей Михайлович (1629–1676) — русский царь — 108

Алешин — архитектор — 110

Аллаш — 454

Алтаев — корреспондент Рериха с Дальнего Востока — 353, 392, 393

Альберн Хозе — член американского рериховского общества — 254

Альберт I (1875–1934) — король Бельгии — 56, 254, 468

Альбуэрно — член аргентинского рериховского общества — 455

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — русский писатель, журналист — 228

Анаксагор (ок. 500–428 до н. э.) — древнегреческий философ

— 239
Андинье д' — председатель муниципального совета — 254
Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) — русский писатель — 35, 109, 110, 123, 124, 273, 325, 346, 379, 468
Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1919) — русский юрист, поэт, литературный критик — 100
Андрей — апостол — 60
Андрианов — археолог — 51
Св. Антоний (ок. 250 — ок. 355) — основатель монашества, живший и проповедовавший в Египте — 463
Анисфельд Борис Израилевич (р. 1879) — русский художник — 252, 253
Антиной (?-130) — греческий юноша, обожествленный после смерти — 102, 160
Апеллес (IV в. до н. э.) — древнегреческий художник — 239
Аполлон — в греческой мифологии сын Зевса, бог-покровитель искусств — 103, 238, 260
Апушкин Яков Владимирович (р. 1899) — искусствовед, драматург, писатель — 79
Арджуна — герой в индуистской мифологии, один из братьев Пандавов — 116, 171
Аристид (ок.540 — ок. 467 до н. э.) — афинский полководец — 136
Аристотель (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ — 167, 377
Аркадий — епископ — 27
Архип Иванович — см. Куинджи
Асеев Александр Михайлович — член югославского рериховского общества, редактор журнала "Оккультизм и йога" — 254, 456
Аскольд (?-882) — древнерусский князь — 60
Ассаджиоли — член итальянского рериховского общества — 254
Астарта — в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви — 51, 60
Ахмед Султан — ботаник — 171
Ашока — правитель Магадхи из династии Маурьев в 268–232 до н. э. Государство охватывало территорию почти всей Индии — 403

Б

Бабенчиков Михаил Васильевич (1890–1957) —

художественный критик, искусствовед — 81
Бажанов — архитектор — 110, 266, 429
Бако Жак — почетный член рериховского общества — 254
Бакст Лев Самойлович (1866–1924) — русский живописец, театральный художник — 145, 173, 211
Бакстер Уорнер — американский киноартист — 64
Балашов Д. М. - русский писатель, вице-председатель Общества поощрения художеств — 111
Баллодис — председатель Управления по охране памятников старины в Латвии — 74
Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944) — русский и литовский поэт — 37, 39, 78, 92
Бальзак Оноре де (1799–1850) — французский писатель — 222, 229
Бартенсон Лев Бернардович (1850–1929) — русский врач, общественный деятель — 247, 254
Барышников О. В. - 28
Басу Нарендра — индийский писатель и журналист — 115
Баттачария Харидас — индийский писатель и художественный критик — 115
Беклемишев Владимир Александрович (1861–1920) — русский скульптор — 107, 293
Беликов Павел Федорович (1911–1982) — член эстонского рериховского общества — 254
Беллини Джиовани (1430–1516) — итальянский художник — 80, 202
Беллоус Жорж — 400
Беляев Митрофан Петрович (1836–1909/1904) — русский музыкальный деятель — 74, 247
Беме Якоб (1575–1624) — немецкий философ — 91
Бенеш Эдуард (1884–1948) — президент Чехословакии — 30
Беннет Джемс — почетный советник рериховского общества — 254
Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — русский художник, историк искусства — 10, 35, 127, 146, 158, 176, 177, 178, 191, 199, 200, 211, 212, 233, 236, 251, 267, 306, 325, 327, 332, 357, 379, 385, 454, 467
Бенуа Альберт — 109
Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — русская писательница — 31
Беренштам Федор Густавович (1862–1937) — русский архитектор, график — 111, 187
Бернар — художник — 222
Бертенсон — см. Бартенсон

Бершадский Сергей Александрович (1850–1896) — русский юрист — 163

Бетховен Людвиг ван (1770–1827) — немецкий композитор — 167, 317

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — русский психиатр, невропатолог — 134, 461

Бивербрук Уильям Максуэлл (1879–1964) — барон, английский газетный магнат — 462

Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) — русский график, театральный художник — 187, 211

Бичам (Бичем) Томас (1879–1961) — английский дирижер и общественный деятель — 126, 327

Блок Александр Александрович (1880–1921) — русский поэт — 31, 121,122, 346, 379

Блэз (Блес) Херри мет де (первая половина XVI в.) — нидерландский художник — 112

Блюмарт (Блэмарт) Адриен (Абрахам) (1564–1651) — голландский художник и график — 19, 113

Блументаль Иван Георгиевич (ум. в 1973) — член правления музея им. Н. К. Рериха в Риге — 391

Богаевский Константин Федорович (1872–1943) — русский художник — 46, 158, 293

Больм Адольф Рудольфович (1884–1951) — русский артист балета, балетмейстер — 326

Борджиа Родриго — папа римский Александр VI — 334

Борджиа Цезарь (Цезаре) (ок. 1475–1507), политический деятель Италии — 195

Борис (?-1015) — ростовский князь — 185, 328

Борис — см. Рерих Б. К.

Борисов — русский художник, ученик Куинджи А. И. - 46

Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870–1905) — русский художник — 162

Боровка — профессор музыки, учитель Е. И. Рерих — 110

Боровиковский Владимир Лукич (1757–1825) — русский художник — 157

Бородин Александр Порфирьевич (1833–1887) — русский композитор — 159, 317

Бос (Боше) Джагадис Чандра (1858–1937) — индийский ботаник и физик — 115, 254, 321, 436

Босс А. - почетный член рериховского общества — 254

Босх Хиеронимус (ок. 1460–1516) — нидерландский художник — 461

Боткин Михаил Петрович (1839–1914) — директор музея Общества поощрения художеств — 111, 158, 212, 258,281,467

Боткин Сергей Петрович (1832–1889) — русский терапевт — 247

Боттичелли Сандро (1445–1510) — итальянский художник -

Боттомлей Гордон — почетный член рериховского общества — 225, 254

Боше Джагадис Чандра — см. Бос

Браз Осип (Иосиф) Эммануилович (1872–1936) — русский художник — 145, 173, 211

Брайан-Ходсон — см. Ходсон Брайан

Брайкевич Михаил Васильевич — коллекционер. Жил в Одессе, затем в Лондоне. В его коллекции находился портрет Е. И. Рерих работы В. А. Серова — 327

Брандес Георг (1842–1927) — датский литературный критик — 402

Браун Федор Александрович (р. 1862) — профессор Петербургского университета, филолог — 163

Брахма — в индуистской мифологии высшее божество, творец мира — 100

Брейгель Питер Старший (ок.1525/30-1569), Питер Младший (ок. 1564–1638) — нидерландские художники — 112, 113, 357

Бренгвин Фрэнк Уильям (1867–1956) — английский художник — 400

Брлич — секретарь рериховского общества в Загребе — 309

Бриль Пауль (1554–1626) — фламандский художник -112

Бринтон Христиан (1870–1942) — американский художественный критик — 129, 254, 271

Бровар — художник, ученик Куинджи А. И. - 46

Бродский Исаак Израилевич (1884–1939) — русский художник, директор (с 1934) Всероссийской Академии художеств — 352

Бругума — жена Гесер-хана — 420

Брум — 316

Бруни Федор Антонович (1799–1875) — русский художник — 158

Брэгдон Клод — писатель, художник — 304, 305, 412, 465

Брюллов Карл Павлович (1799–1852) — русский художник — 141, 157, 158, 310

Бубнов — 101

Будда Сиддхартха Гаутама (623–544 до н. э.) — основатель буддизма — 116, 317

Булгаков Валентин Федорович (1886–1960) — русский литератор, секретарь Л. Н. Толстого — 95, 168, 254

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — русский философ — 88

Бундульс Ян — латышский писатель — 11
Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — русский писатель — 31
Буренин — критик — 109, 212, 213
Бурн — кардинал — 225
Буслаев Василий — герой русской былины XII в. — 70
Бутт Вильям — английский государственный деятель — 19,20
Буцен Теодор — член правления музея им. Н. К. Рериха в Риге — 301
Бэкон Роджер (ок. 1214–1292) — английский философ — 167
Бьорк — профессор — 468
В. А. Ш. - см. Шибаев В. А.

В

Вагнер Рихард (1813–1883) — немецкий композитор и дирижер — 100, 129, 317, 354
Вагнер Николай Петрович (1829–1907) — русский зоолог и литератор — 316
Вазари Джордже (1511–1574) — итальянский художник, архитектор, историк искусства — 17, 130, 454
Вайчулянис Клементий Станиславович (ум. в 1940) — деятель литовского рериховского общества — 292
Валисинга Деваприя — член индийского рериховского общества, секретарь общества Маха-Бодхи — 254
Валтазар (IX в. до н. э.) — царь финикии — 50
Ван Гог Винсент (1853–1890) — голландский художник — 34, 141, 176, 202, 222, 330, 357
Ван Гойен Ян (1596–1656) — голландский художник — 112
Ван-Дейк Антонис (1599–1641) — фламандский художник — 113, 454
Ван-Лун — американский писатель — 235
Ван-Эйки, братья: Губерт (ок. 1370–1426) и Ян (ок.1390–1441) — голландские художники — 112
Варма — профессор, индийский деятель культуры — 472
Варшер Татьяна — искусствовед — 146
Васвани Шри — индийский философ и писатель, член рериховского общества — 115, 264
Васнецовы: Апполинарий Михайлович (1856–1933), Виктор Михайлович (1848–1926) — русские художники — 158, 379, 455
Вейден Роджер ван дер (ок. 1400–1464) — нидерландский художник — 19, 112, 162
Вейес Раймонд — директор юридического департамента

института кооперации Франции — 242
Веласкес Диего (1599–1660) — испанский художник — 76, 142, 248, 454
Вельде ван дер (ок. 1593–1641) — голландский художник — 112
Вендорф — помощник петербургского градоначальника — 276, 277
Венера — в римской мифологии — богиня весны, любви, красоты — 260, 261
Венецианов Алексей Гаврилович (1870–1847) — русский художник — 157
Вергилий Марон Публий (70–19 до н. э.) — римский поэт — 291, 373, 415
Вермеер Дельфтский (1632–1675) — голландский художник — 162
Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) — русский историк — 164
Верещагин Василий Васильевич (1842–1904) — русский художник — 160, 162, 229, 357
Веселие Ян — латышский писатель — 11, 12
Веселовский Николай Иванович (1848–1918) — русский археолог и востоковед — 107, 163, 250
Вестингаузен — 188
Виаса Рай Бахадур Брадж Мохан — индийский ученый — 116, 254
Вивекананда Свами (Нарендранатх Датт) (1863–1902) — индийский философ и общественный деятель — 115, 221
Визари — см. Вазари
Виллевальде Богдан Павлович (1818–1903) — русский художник, преподаватель Академии художеств — 103, 158
Виноградов Сергей Арсеньевич (1869–1938) — русский художник — 158
Вирза Эдвард — латышский писатель — 11
Витоль — латышский композитор — 74
Вишну — один из высших богов индуистской мифологии — 100
Владимир I (?-1015) — киевский князь — 59
Владимир, великий князь — 101, 250, 294
Во Фалипо Мари де — председатель французского общества им. Н. К. Рериха и европейского центра Рериха — 254
Воксел Люис — почетный член рериховского общества — 254
Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932). - русский поэт, художник, художественный критик — 46
Вонсядский — журналист — 431 Воропанов Глеб Федорович

(р. 1867) — художник, ученик Куинджи А. И. - 46

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, один из руководителей контрреволюции в России — 258

Вроблевский Константин Каэтанович (1868–1939) — русский художник — 46, 158, 254, 293

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) — русский художник — 34, 121, 122, 157, 158, 176, 202, 252, 281, 316, 346, 379, 408

Вяжлинский — врач — 247

Г

Галеви Людовик — 143

Галилей Галилео (1564–1642) — итальянский ученый, один из основателей точного естествознания — 18

Галлен-Калела Аксели (1865–1931) — финский художник — 254, 357

Галушкина Анна Сергеевна (р. 1900) — искусствовед — 79, 80

Гальперт Самуэль — почетный член рериховского общества — 254

Гаммураби — см. Хаммурапи

Ганголи О. Г. - индийский писатель, редактор журнала "Красота" — 115

Ганди Мохандас Карамчандр (1869–1948) — руководитель национально-освободительного движения в Индии — 436

Ганка — 250

Гартнер — член американского рериховского общества — 254

Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) — русский писатель — 176

Гедин Свен Андерс (1865–1952) — шведский путешественник — 41, 254

Гейнсборо Томас (1727–1788) — английский живописец — 381

Гендерсон — британский министр — 226

Св. Георгий — 59

Германова М. Н. - деятельница женского движения — 468

Герострат — грек из Малой Азии, который, желая прославиться, сжег храм Артемиды в Эфесе — 136

Гесэр-хан — легендарный монгольский хан, правивший в XI в.- 206, 283,420

Гете Иоганн Вольфганг (1749–1842) — немецкий поэт, писатель, мыслитель, государственный деятель — 296, 354, 418,

470

Гинзбург Илья Яковлевич (1859–1939) — русский скульптор — 88, 90

Гирландайо Доменико (1449–1494) — итальянский художник — 144

Гитлер Адольф (1889–1945) — глава германского фашистского государства — 155

Глаголь (Голоушев) Сергей Сергеевич — русский художественный критик и художник — 124

Глазов — 107

Глазунов Александр Константинович (1865–1936) — русский композитор — 29, 173

Глеб (?-1015) — ростовский князь — 185, 328

Говинда — 310

Гоген Поль (1848–1903) — французский художник — 80, 140, 141, 176, 202, 222, 229, 260, 330, 356, 357

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — русский писатель — 87, 128, 157, 217, 264, 275, 470

Гойя Франсиско (1746–1828) — испанский художник — 260, 381, 454

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913) — поэт, литератор, коллекционер — 158, 212, 279, 385

Голенищев-Кутузов — прадед Е. И. Рерих — см. Кутузов М. И. - 71

Голлербах Эрих Федорович (1895–1942) — художественный критик, искусствовед — 81

Голике — 129

Головин Александр Яковлевич (1863–1930) — русский художник — 104, 122, 123, 145, 173, 211, 267

Голоушев — врач — 247

Голстунский Константин Федорович (1831–1899) — монголовед — 163

Голсуорси Джон (1867–1933) — английский писатель — 225

Голубев — 115

Гольбейн Ганс (1497–1543) — немецкий художник — 19, 197, 357

Гольциус Хендрик (1558–1617) — голландский гравер, художник — 112

Гонзага — представительница династии (1328–1708) правителей г. Мантуи — 195

Гонкур де — французские писатели, братья: Эдмон (1822–1896), Жюль (1830–1870); в 1896 г. основана Гонкуровская академия, присуждающая ежегодные литературные премии — 143

Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) — русская

художница — 211, 236, 374

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) — русский писатель — 29, 30, 32, 33, 35, 46, 71, 109, 110, 164, 173, 217, 325, 346, 352, 379, 421, 455, 468

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822) — немецкий писатель — 275

Гоццоли Беноццо (род. 1420 или 1424) — итальянский художник — 358

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — русский художник, историк искусства — 10, 36, 130, 131, 158, 159, 198, 211, 385, 454, 468

Грант Фрэнсис (ум. в 1993) — американская журналистка, председатель федерации женских клубов Нью-Йорка — 312, 425

Грасси Энрико — почетный член рериховского общества — 254

Греко — см. Эль Греко

Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) — русский писатель — 106, 109, 111, 252, 253, 316, 325, 379

Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) — русский художник — 87, 88, 191, 192, 211, 273, 274, 325

Грюнвальд (Гринвальд) — американский предприниматель, импресарио — 162, 261, 271

Гувер Герберт Кларк (1874–1964) — президент США — 350

Гупиль — 381

Гупта — индийский писатель — 93, 116

Гюго Виктор (1802–1885) — французский писатель — 229

Д

Давид Герард (ок. 1460–1523) — нидерландский художник — 112

Дайо Арманд — почетный член рериховского общества — 254, 468, 469

Дале П. - латышский писатель — 11

Дали Сальвадор (1904–1989) — испанский художник — 202, 203

Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт Возрождения — 30

Дарий I — царь государства Ахеменидов (522–486 до н. э.) — 281

Дармапала — 436

Дас Гупта Кедарнат — индийский философ — 93

Дашков Павел Яковлевич (1849–1910) — коллекционер —

Двукраев — врач — 247, 262

Дега Эдгар (1834–1917) — французский художник — 176

Дедлей — см. Фосдик Дедлей

Делакруа Эжен (1798–1863) — французский художник — 123, 260, 381

Дешанель — 402

Джаганисварананда Свами — индийский философ — 115, 254

Джаксон — американский юрист — 231, 236, 319, 332, 393, 394, 412, 416, 457

Джин — см. Фосдик Джин

Джонас Н. М. - художник — 20

Джорджоне Джордже Барбарелли (1478/7/-1510) — итальянский художник — 262, 357

Джунгам Нико — реставратор — 20

Джунковский — генерал — 277

Дир (?-882) — древнерусский князь — 60

Дмитриев Всеволод — русский художественный критик — 81

Добрыня Никитич — богатырь, герой русских былин — 222

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) — русский график, театральный художник — 35, 146, 211

Додонский — см. Путятина Е. В.

Долгорукий — вероятнее всего, один из князей Долгоруких, взятых в плен татарами при Иване Грозном. Будучи при дворе императора Акбара, прославился своей мудростью и знанием тайных наук — 243

Дольфус Энгельберт (1892–1934) — федеральный канцлер Австрии и министр иностранных дел — 155

Донской Дмитрий (1350–1389) — великий князь московский и владимирский — 455

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — русский писатель — 10, 22, 45, 87, 316, 455, 471

Доусон Ральф — почетный советник рериховского общества — 254

Драчевский — петербургский градоначальник — 276

Драудзинь Екатерина Яковлевна (1882–1969) — врач, член правления музея им. Н. К. Рериха в Риге — 301

Дризен Николай Васильевич (1868–1935) — русский театральный деятель, историк театра — 128, 129, 248

Дубовской Николай Никанорович (1859–1918) — русский художник, профессор Академии художеств — 157

Дукшинская — руководитель группы друзей рериховского музея в Югославии — 214

Думерг Гастон (1863–1937) — президент Франции — 225, 263, 468
Дунаевский Исаак Осипович (1900–1955) — советский композитор — 411
Дутт — 254
Дхаммапалла Анагарика — индийский философ — 115
Дымов Осип — писатель — 363
Дюваль — французский генерал — 204
Дюрер Альбрехт (1471–1528) — немецкий художник — 162, 197, 357
Дюперрон Анкетиль — французский ученый XVIII в., историк — 299
Дюфур — французский генерал — 204
Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) — русский театральный деятель — 10, 126, 127, 129, 145, 159, 173, 211, 212, 248, 251, 252, 267, 273, 326, 327, 379, 390, 429, 468

Е

Е. И. - см. Рерих Елена Ивановна
Елена Ивановна — см. Рерих Елена Ивановна
Елизавета I Тюдор (1533–1603) — английская королева — 20
Еременко — см. Яременко
Ершов — реставратор фресок — 185
Ефимов — русский юрист — 163

Ж

Жаксон — см. Джаксон
Жанна д'Арк (ок. 1412–1431) — Орлеанская дева, народная героиня Франции — 428
Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) — русский историк — 158
Жоффр де Ла Прадель Альберт — профессор международного права Парижского университета — 254
Журден Ф. - председатель Осеннего Салона Франции — 274

З

Забельская — меценат — 252
Завадские — музыканты — 110

Закхей — 28

Залеман Гуго Романович (1859–1919) — преподаватель Академии художеств, скульптор — 103

Зарубин Виктор Иванович (1866–1928) — русский художник — 46, 258, 293

Зейдлиц — 454

Зимин — театральный деятель — 249

Зина — см. Фосдик З. Г.

Золя Эмиль (1840–1902) — французский писатель — 177, 178, 275

Зулоага Игнатий — испанский художник, почетный член рериховского общества — 254

И

Ибн Сауд — 188

Ибн Сина (Авиценна) (ок. 980-1037) — ученый, философ, врач, музыкант — 55

Ибсен Генрих (1828–1906) — норвежский драматург — 248

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) — русский царь — 70, 126, 176

Иванов Александр Андреевич (1806–1858) — русский художник — 158, 442

Иванов Василий — журналист — 61, 431

Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) — русский писатель — 27

Ивановский Лев Константинович (1845–1892) — военный врач, занимался археологией и антропологией — 107

Игорь Святославович (1150–1202) — князь Новгород-Северский и Черниговский — 427

Иден Антони (1897–1977) — английский государственный и политический деятель — 150

Иисус Христос — 206

Икбал Мухаммад (1873–1938) — индийский поэт и философ — 436

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — русский историк — 316

Ильин Алексей Алексеевич (1857–1942) — Председатель финансовой

комиссии Школы поощрения художеств, нумизмат — 108, 252

Илья Муромец — богатырь, один из главных героев русских былин XII–XVI вв. — 335, 430

Инге Екатерина Петровна — преподаватель, член харбинской группы по изучению Живой Этики — 254
Инге — см. Фриче Гизелла Ингеборг
Иоанн Кронштадтский (1829–1908) — протоиерей Андреевского собора г. Кронштадта — 106
Иованович — ректор Белградского университета, председатель югославского рериховского общества — 214
Ирина — княгиня — 58, 59

К

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — русский историк — 100, 317
Кази — адмирал — 101
Кайгородов Анатолий Дмитриевич (1878 — ум. после 1939) — русский художник — 77
Калантаевские — члены шанхайской группы по изучению Живой Этики — 254
Калмыков — художник, ученик Куинджи А. И. - 46
Каменский — коллекционер — 429
Кандауров — художник, ученик Куинджи А. И. - 46
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — русский писатель, историк — 71
Кардовский Дмитрий Николаевич (1866–1943) — русский художник, профессор Академии художеств — 158
Кареев Николай Иванович (1850–1931) — русский историк — 163
Каррель Алексис (1873–1944) — французский ученый — 66, 156, 297, 345, 410, 427
Катилина (ок. 108-62 до н. э.) — римский претор — 381
Катон Старший (234–149 до н. э.) — римский писатель — 316
Катонский — см. Шапошникова Е. В.
Катрин — см. Кэмпбелл К.
Каун Александр — почетный член рериховского общества, профессор Калифорнийского университета-123, 254
Кашанин — член югославского Рериховского общества — 214, 215
Кашиап Моханлал — индийский писатель, профессор — 116, 171, 254
Квинтон Корнелия Сэдж — почетный член рериховского общества — 254, 468
Кедров — музыкант — 286
Кезанс Дж. — см. Козенс Джемс

Кембель — американский дипломат — 410
Кенг — член Нанкинской Академии наук — 43, 171, 254
Кербер — член американского рериховского общества
Кентерберийский — архиепископ — 225, 462
Кесанг — 438
Кеттунен — 451, 456
Кий — один из легендарных основателей Киева — 60
Кипренский Орест Адамович (1782–1836) — русский художник — 157
Клейгельс — петербургский градоначальник — 276
Климас — литовский посланник во Франции — 38
Василий Осипович русский историк
Ключевский (1841–1911) — 317
Ковалевский Максим Максимович (1857–1916) — русский историк, юрист, социолог — 379
Коган — участник новгородских раскопок начала XX в. — 185
Козенс Джемс — английский искусствовед — 116, 235, 254, 321
Козлов Петр Кузьмич (1863–1935) — русский исследователь Центральной Азии — 241
Кокто Жан (1889–1963) — французский писатель и киносценарист — 357, 377
Коллинс — судья в процессе Хорша против Рерихов — 232, 312, 342
Колумб Христофор (1451–1506) — мореплаватель — 50
Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — русский археолог, историк искусства — 158
Комиссаржевский — 130
Конинг (Койнинг) Керстиан де (ок. 1560 — ок. 1635) — нидерландский художник — 112
Конкордин Анатолий Иванович (вторая половина XIX — нач. XX в.) — священник, новгородский краевед — 185
Конлан Барнет Д. (ум. 1973) — английский поэт и художественный критик, член французского рериховского общества — 190, 248, 254, 282, 322, 349, 390, 391, 441, 455
Константин Константинович (XVI в.) — князь Острогожский — 120
Конфуций (Кун-цзы) (551–471 до н. э.) — древнекитайский философ, создатель этического и политического учения — 13, 94
Коперник Николай (1473–1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира — 18
Коренчевский — профессор Коркунов Николай Михайлович (1853–1904) — русский юрист — 97, 163
Коркунова-Калашникова Татьяна Ивановна — бабушка Н. К.

Рериха по материнской линии — 98, 272

Кормон Фернан (1845–1924) — французский художник и педагог, учитель Н. К. Рериха — 119, 163, 177, 222

Коровин Константин Алексеевич (1861–1939) — русский живописец и театральный художник — 122, 123, 211, 267

Корреджо Антонио (ок. 1489–1534) — итальянский художник — 19

Кост-Месалье Пьер де ла — французский археолог — 238

Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — русский и украинский писатель и историк — 100, 106, 317

Коутс — 64

Кошиц — пианистка — 318, 354

Крамской Иван Николаевич (1837–1887) — русский художник — 316

Кранах Лукас Старший (1472–1553), Лукас Младший (1515–1581) — немецкие художники — 112, 357

Крафтс-Уатсон Дедлей (р. 1885) — американский художественный критик, почетный член рериховского общества — 146, 254

Кривенко Василий Силыч (1854–1928) — русский писатель, коллекционер — 101

Кришнадас Рай — индийский деятель культуры, член рериховского общества — 115, 254

Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) — русский мореплаватель — 97

Крэн Джон — сын Крэна Чарльза — 287

Крэн Чарльз (1858–1939) — американский государственный деятель и дипломат, посол США в СССР — 188, 189, 254, 285, 286, 287, 288, 289, 309, 350, 468

Кудрин Иван Иванович (1845–1913) — русский художник, преподаватель Академии художеств — 102

Кузьмин Г. А. - художественный критик — 79, 81

Куинджи Архип Иванович (1842–1910) — русский художник, учитель Н. К. Рериха — 43, 44, 45, 47, 77, 96, 101, 102, 103, 106, 109, 112, 157, 158, 160, 163, 177, 212, 213, 229, 233, 250, 281, 282, 293, 294, 295, 316, 346, 355, 379, 381, 393, 408, 463, 468

Кулидж Калвин (1872–1933) — президент США — 361

Кулич — см. Кулидж

Кунчитапатам — индийский писатель и художественный критик — 115

Куприн Александр Иванович (1870–1938) — русский писатель — 173

Курбатов Владимир Яковлевич (1878–1958) — физико-химик, художественный критик — 46

Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) — русский дирижер, композитор — 374

Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927) — русский художник — 145, 158, 173, 211

Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) — русский полководец — 71, 243, 315, 328, 336, 431, 455, 464, 470

Кэмпбелл Кэтрин (р. 1896) — член Правления Нью-Йоркского музея Н. К. Рериха — 254, 312, 318, 425, 426, 428, 440, 441, 455, 457

Кэнг — см. Кенг

Кюри Мари — см. Склодовская-Кюри

Кюри Пьер (1859–1906) — французский физик — 229

Л

Лаверецкий Николай Акимович (1837–1907) — скульптор, профессор Академии художеств — 103, 158

Лавуазье Антуан Лоран (1743–1794) — французский химик — 18

Лада — см. Рерих Е. И.

Ладен-Ла — адъютант Бенгальского губернатора — 401

Ланговой — врач, коллекционер — 247

Ландгарма (Ландхарма) — Тибетский царь IX в. — 117, 241, 283

Ланманн Чарльз — почетный член рериховского общества — 254

Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946) — русский график, художник — 158, 211

Лаотзе — см. Лао-Цзы

Лао-Цзы (IV–III в. до н. э.) — древнекитайский философ и писатель — 356

Лапрадель — см. Жоффр де Ла Прадель Альберт

Ларионов Михаил Федорович (1881–1964) — русский художник — 211, 236, 274, 332, 391

Латри Михаил Пелонидович (1875–1935) — русский художник — 46, 293

Лаховский Г. - биолог — 137, 138

Левин Лев Григорьевич (1870–1938) — врач Горького — 31

Левинсон — французский коллекционер — 309, 325

Левитский Дмитрий Григорьевич (1735–1822) — русский художник — 157

Легиа Аугусто — почетный член рериховского общества — 254

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ — 336, 337

Лейденский Лука (Лукас ван Лейден) (ок. 1489/94-1533) — нидерландский художник — 112, 113

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — основатель советского государства — 462

Леонардо да Винчи (1452–1519) — итальянский художник, скульптор, архитектор эпохи Возрождения — 17, 80, 83, 110, 144, 145, 198, 260, 317, 330, 357, 432

Лепиньш Ян — латышский писатель — 11

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — русский поэт, писатель — 31, 61, 173, 424, 455, 470, 471

Лефранк — владелец фирмы, поставляющей живописные принадлежности — 104, 349

Ле Фюр Луи — член французского рериховского общества, профессор международного права Парижского университета — 254

Лешетицкий — 99

Лиао — 328

Ливенс Ян (1607–1674) — голландский художник — 112

Лизипп — см. Лисипп

Линдберг — 410

Лисан — аббат, ученый

Лисипп (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор — 138, 238

Лист Ференц (1811–1886) — венгерский композитор, дирижер, пианист — 317

Лиу — член дальневосточной группы по изучению Живой Этики — 254

Лифарь Сергей Михайлович (1905–1986) — артист балета, балетмейстер — 127, 200, 211, 213, 326

Лихтман Морис (ум. 1948) — музыкант, сотрудник культурных рериховских учреждений в США — 254, 301, 312, 425, 440

Лихтман Эстер — сестра Лихтмана Мориса, член Правления Нью-Йоркского музея Н. К. Рериха — 254, 312, 319

Лобзанг Цондю — см. Цондю Лозина-Лозинский К. К. - русский ученый — 171

Ломбард Ламберт (1506–1566) — нидерландский художник — 19, 112

Лоближуа — член французского рериховского общества — 254

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — циклопедист — 243, 371

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — русский философ — 88, 106, 233, 254, 336, 337, 379
Лужницкий — 166
Лукаш — 102, 160
Лукин Гаральд Феликсович (1904–1991) — секретарь латвийского рериховского общества, врач — 56, 171, 247, 254, 391
Лукин Феликс Денисович (1875–1934) — председатель латвийского рериховского общества, врач — 53, 54, 55, 56, 57, 74, 247, 254
Лукин Юрий — журналист — 431
Льолли Раймонд — ученый — 174
Лэвенстейн Юлий — почетный член рериховского общества — 254
Людовик XVI (1754–1793) — король Франции — 290
Людонский — см. Рыжова Л. В.
Лядов Анатолий Константинович (1855–1914) — русский композитор, дирижер — 110,249

М

Мадахил-Роха — член португальского рериховского общества — 254
Мажуранич — руководитель рериховского центра в Загребе, президент югославского сената — 215, 254
Май Карл Иванович (1824–1895) — директор частной гимназии в Петербурге, в которой учились Н. К. Рерих и его сыновья — 128
Майкельсон Альберт — почетный член рериховского общества — 254
Майтрейя — 29
Макаренко Николай Емельянович (1877–1937) — историк искусства, археолог — 185, 254
Макаров Степан Осипович (1848–1904) — русский флотоводец — 294, 422
Мак Дугалл Уильям (1871–1938) — профессор, психолог — 135, 174
Маковские: Егор Иванович (1802–1886), Константин Егорович (1839–1915), Владимир Егорович (1846–1920), Александр Владимирович (1869–1924) — художники — 157, 162, 271
Маковский Сергей Константинович (1878–1962) — русский писатель -106,363
Максимычев Б. Д. - 28

Малютин Сергей Васильевич (1859–1937) — русский художник, график — 79
Малявин Филипп Андреевич (1869–1946) — русский художник — 211
Мане Эдуард (1832–1883) — французский художник — 275, 330, 356, 357,381
Ману — мифический прародитель людей в индийском эпосе — 116
Мануйлович — почетный член Рериховского общества — 254
Марджанов — 130
Марк — инок — 24 Св. Марк — 108 Мартен Милош — чешский художественный критик — 129
Масарик Томаш (1850–1937) — президент Чехословакии, философ — 409, 468
Маслов Федор Афанасьевич (р. 1886) — директор Академии художеств — 378, 429, 442, 455, 470
Массейс Квентин (ок. 1466–1530) — нидерландский художник — 112
Матвеевский Сергей Константинович (р. 1870) — художник, краевед — 185
Матисс Анри (1869–1954) — французский художник, график — 80
Матэ Василий Васильевич (1856–1917) — русский гравер, педагог — 101, 102, 157, 294
Мауринь Зента — деятельница женского движения Латвии, писательница — 11
Марфа Посадница (XV в.) — глава новгородских бояр, возглавила борьбу Новгорода против Москвы — 182
Махон — член Индийского рериховского общества, сотрудник Института гималайских исследований "Урусвати" — 171, 254
Мацулевич Леонид Антонович (р. 1866) — историк искусства — 185
Мейснер Курт Вильгельм — директор астрономической обсерватории франкфуртского университета — 156
Мельников-Печерский Павел Иванович (1818–1883) — русский писатель — 27
Мемлинг Ганс (ок. 1433–1494) — нидерландский художник — 112, 206
Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) — химик, создатель периодического закона химических элементов — 45, 61, 71, 100, 106, 163, 173, 210, 229, 273, 315, 316
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) — русский писатель — 110, 403, 455
Мериме Проспер (1803–1870) — французский писатель —

250
Меррил Е. Д. - профессор — 171
Местрович Иван — почетный член рериховского общества — 254
Метальников С. - профессор института Пастера в Париже — 106, 254,3 79
Метерлинк Морис (1862–1949) — бельгийский драматург — 109, 199, 254, 325
Мехта Н. - индийский художественный критик и деятель культуры — 115, 254, 471
Мечников Илья Ильич (1845–1916) русский биолог — 199
Мешков Василий Никитич (1867–1946) — 185
Микеланджело Буонароти (1475–1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор — 18, 104, 357, 409
Микешин Михаил Осипович (1835–1896) — русский художник — 100, 463
Микула Селянинович — герой русской былины X11 в. — 71, 91
Милле Жан Франсуа (1814–1875) — французский художник — 378
Мильтон Роберт — почетный член рериховского общества — 254
Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — русский историк, политический деятель — 107, 123
Милютин Борис Александрович (ум. 1886) — русский публицист — 379
Мин Тай-цзу (1368–1398) — первый император Минской династии Китая — 48
Мингиюр Лобзанг Дордже — 171, 420
Минин Кузьма Минич (ум. 1616) — один из организаторов и руководителей народного ополчения начала XVII в. — 315, 328, 431, 464
Митусов Степан Степанович (1878–1942) — музыкальный деятель, двоюродный брат Рерих Е. И. - 110, 279
Михайловский Иосиф Болеславович (1864- кон. 30-х гг. XX в.) — инженер, археолог, историк архитектуры и искусства — 185
Модильяни Амедео (1884–1920) — итальянский художник — 229, 330
Молло -309
Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) — советский государственный и политический деятель — 350, 353
Момпер Иос (1564–1635) — фламандский художник — 112
Моне Клод (1840–1926) — французский художник — 177,

178, 202

Монтвид Юлия — член литовского рериховского общества — 254

Мордовцев Даниил Лукич (1830–1905) — русский писатель, историк -100,106

Морис — см. Лихтман Морис

Морозов Иван Абрамович — 208

Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791) — австрийский композитор — 167

Мстиславец Петр Тимофеевич (XVI в.) — один из основоположников книгопечатания в России — 120

Мусатов — см. Борисов-Мусатов

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881) — русский композитор — 100, 209, 243, 279, 280, 301, 315, 317, 336, 354, 385, 408

Мьюль Анита — доктор, американская ученая — 136, 138, 254

Мясин Леонид Федорович (р. 1896) — артист балета, балетмейстер — 129, 325, 326

Мясоедов Владимир Константинович — историк искусства — 185

Н

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — Французский император — 256

Настасья Микулична — героиня русских былин — 222

Наумов Павел Семенович (1884–1942) — русский художник и педагог — 468

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78) — русский поэт — 316

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) — режиссер, театральный деятель, драматург — 129

Неру Джавахарлал (1889–1964) — политический и посударственный деятель Индии — 436

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) — русский художник — 455

Нетесийский Агриппа — 174

Нечаев-Мальцев — 252

Неефс — см. Неффс

Неффс Петер Старший (ок. 1578 — между 1656 и 1661), Петер Младший (1620 — после 1675) — фламандские художники — 112

Нижинский Вацлав Фомич (1890–1950) — русский танцовщик, хореограф — 129, 267, 325, 326, 390
Никитин Афанасий (Тверитянин) (ум. 1472) — русский путешественник — 243
Ницше Фридрих (1844–1900) — немецкий философ — 317
Новаренко — 102
Новиков — 168
Новосадов — член эстонского рериховского общества — 254
Норвуд — 254
Нострадамус Мишель Нотрдам (1503–1566) — французский врач и астролог — 197
Нуссерваджи Джамшед — индийский архитектор — 116
Ньютон Исаак (1643–1727) — английский физик и математик — 167
Нэр Артур ван дер (1603–1677) — голландский художник — 112

О

Обухов — 236
Олег (?-912) — князь -60, 210
Ольга (?-969) — древнерусский княгиня, жена князя Игоря — 328
Ольденбургская Евгения Максимилиановна (1845–1928) — принцесса, попечительница общины Св. Евгении — 257
О'Малей — судья — 232, 305, 314
Омаршевский — член болгарского рериховского общества — 254
Омкар Свами — индийский философ — 45, 254
Опперман Теодор — почетный член рериховского общества — 254
Орлей Барент ван (ок. 1492–1542) — нидерландский художник — 113
Орфей — в древнегреческой мифологии певец и музыкант, наделенный магической силой искусства — 77
Ослябя Родион (?-1398) — монах, герой Куликовской битвы — 328, 455
Остаде ван Адриан (1610–1685), Исаак (1621–1649) — голландские художники -112
Островский Александр Николаевич (1823–1866) — русский драматург — 128
Остроумова — см. Остроумова-Лебедева
Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955) — русская

художница -211
Остроухов Илья Семенович (1858–1929) — русский художник — 102, 212

П

Павел I (1754–1801) император — 101
Павлов Иван Петрович 1936) — русский физиолог — 174, 243, 315, 455
Павлова Анна Павловна 1931) — русская балерина
Падмасамбхава — проповедник буддизма в Тибете (VIII в.) — 116
Паломби — член итальянского рериховского общества — 254
Пантелеймон-целитель — 40
Парацельс Теофраст (1493–1541) — врач и естествоиспытатель — 18, 174
Парентино — художник — 310
Парсиваль — см. Парцифаль Парцифаль — герой одноименной поэмы Вольфрама фон Эшенбаха — 382
Патинир Иоахим (ок. 1480–1524) — нидерландский художник — 112
Пахари Баба — 117
Пачелли — кардинал — 236
Педашенко — художник, ученик Куинджи А. И. - 46
Пейроннэ — член французского рериховского общества, издатель — 254
Пеппер Чарльз — почетный член американского рериховского общества — 254
Пересвет Александр (?-1380) — монах, герой Куликовской битвы — 328, 455
Перетяткович Мариан (1872–1916) — русский архитектор — 110
Перикл (ок. 490–429 до н. э.) — афинский полководец, вождь демократической группировки — 239
Перун Петар — 405
Петен Анри Филипп (1856–1951) — французский военный и государственный деятель — 359
Петр Греческий — принц — 400
Петр I Великий (1672–1725) — российский император — 166, 185, 237,328, 422, 443
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) — русский художник — 71, 79, 80, 81, 82, 83, 159, 191, 192, 211
Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) — русский

историк — 45
Пешков А. М. - см. Горький А. М.
Пиаво — профессор — 148
Пика Витторио — почетный член рериховского общества — 254
Пилат — см. Поктий Пилат
Писарева — член итальянского рериховского общества — 254
Пифагор (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ, математик, религиозный и политический деятель — 239, 377
Планетта — 155
Платон (427–347 до н. э.) — древнегреческий философ — 134, 201, 239, 368, 377
Платон — митрополит, глава русской православной церкви в Америке — 254
Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — русский историк — 107, 163, 450
Плаут — адвокат — 319, 361, 457
Погосская — коллекционер — 210
По Эдгар Аллан (1809–1849) — американский писатель — 275
Подозеров Иван Иванович (1835–1899) — скульптор, профессор Академии художеств — 158
Пожалостин Иван Петрович (1837–1909) — русский художник, профессор Академии художеств — 103, 158
Пожарский Дмитрий Михайлович (1578 — ок. 1642) — русский военачальник и государственный деятель — 315, 328, 431, 464
Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) — русский монголовед — 163
Позен Леонид Владимирович (1849–1921) — украинский скульптор — 293
Покровский Владимир Александрович (1871–1931) — русский архитектор -71
Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — русский историк и государственный деятель -71, 110
Поленов Василий Дмитриевич (1871–1947) — русский художник — 286
Понтий Пилат — римский наместник Иудеи в 26–30 гг. — 194
Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии -114
Потемкин Владимир Петрович (1878–1946) — советский государственный деятель — 353
Пракситель (ок. 390 — ок. 330 до н. э.) — древнегреческий

скульптор — 238

Пранде — выпускник Школы общества поощрения художеств — 73

Преображенский — 254

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии — 114, 470

Прокофьев А. - 166

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) — русский композитор, пианист, дирижер — 130, 214, 249, 271, 274, 408

Пуанкаре Жюль Анри (1854–1912) — французский математик, физик, философ — 379

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742–1775) — предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. — 461

Пурвит Вильгельм Юрисович (1872–1945) — латышский художник — 45, 72, 102, 158, 211, 293

Путятин Павел Арсеньевич (1837 — ум. после 1915) — князь, коллекционер, археолог, родственник Рерих Е. И. - 163

Путятина Евдокия Васильевна — тетка Е. И. Рерих — 279

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — русский поэт и писатель — 31, 61, 71, 87, 173, 174, 193, 212, 216, 243, 250, 315, 455, 470, 471

Пэлиан — член американского рериховского общества

Пэтэн — см. Петен

Пюви де Шаванн Пьер (1824–1898) — французский художник — 80, 177, 229, 261, 330, 356, 379

Р

Равал Р. М. - индийский писатель и художественный критик — 115, 254, 321, 471

Радзаевский — журналист — 431

Радосавлевич Павел Р. - профессор Нью-Йоркского университета, этнограф, член американского рериховского общества — 254

Радхакришна Сарвапалли (1888–1975) — индийский философ — 359

Райнис Янис (1865–1929) — народный поэт Латвии — 12

Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671) — предводитель Крестьянской войны 1670–1671 гг. — 461

Райт Хагберг — директор лондонской библиотеки — 129, 225, 327, 352, 468

Рамакришна (Гададхар Чатерджи) (1834–1886) — индийский философ и общественный деятель — 115

Раман Чандрасекар Венката (1888–1970) — индийский физик — 115

Рамдас Свами — индийский философ — 115, 254

Рамос Бернард де Сильва — бразильский археолог — 50

Раннит — член эстонского рериховского общества — 254

Рапикаволли Кармело — почетный член рериховского общества — 254

Рауш -130

Рафаэль Санти (1483–1520) — итальянский художник и архитектор — 260, 409

Реймерсвале Якоб ван дер — нидерландский художник — 112

Рей Роберт — 177, 278

Рейн — американский профессор, психолог — 175

Рейнер Мария Андреевна — член рериховского американского общества — 254

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — голландский художник — 18, 35, 162, 197, 261, 358

Реми — художник — 274

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — русский философ и писатель — 110, 226, 306, 379

Ренуар Опост (1841–1919) — французский художник — 357

Репин Илья Ефимович (1844–1930) — русский художник — 71, 90, 102, 103, 157, 158, 159, 162, 243, 284, 315, 325, 378, 379, 424

Рерих Борис Константинович (1885–1945) — архитектор, брат Рериха Н. К. - 185,352

Рерих Елена Ивановна (1879–1955) — философ, писатель, жена Рериха Н. К. - 36, 56, 73, 87, 91, 92, 93, 100, 107, 110, 113, 115, 122, 128, 130, 161, 225, 228, 234, 262, 275, 278, 279, 287, 289, 295, 296, 318, 319, 320, 327, 336, 345, 346, 347, 349, 359, 375, 385, 386, 389, 401, 441, 455, 456, 457, 460, 461

Рерих Николай Константинович (1874–1947) — русский художник, писатель, философ, общественный деятель -11,37,62,93, 102, 237, 251, 257, 273, 274, 282, 293, 381

Рерих Святослав Николаевич (1904–1993) — художник, искусствовед, младший сын Рериха Н. К. - 171, 222, 289, 319, 323, 349, 352, 380, 381, 389, 390, 415, 453, 454, 471

Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) — ученый-востоковед, лингвист, старший сын Рериха Н. К. - 42, 99, 128, 171, 287, 306, 349, 382, 413, 420

Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы — 206

Рид Бернард — английский ученый, занимался древнекитайской медициной, сотрудничал с Институтом Гималайских исследований — 42, 172,289

Риил — врач — 137
Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) — русский композитор — 88, 90, 100, 110, 209, 315, 317, 326, 327, 379, 408
Риттер — 129
Роден Рене Франсуа Опост (1840–1917) — французский скульптор -229,330,356,379
Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — русский писатель, философ, публицист — 102, 212
Розен Виктор Романович (1849–1908) — русский востоковед, арабист -107
Розенталь Ян — латышский художник — 72
Рок — 425, 426, 428, 455
Рокфеллер Джон (1839–1937) — крупнейший американский бизнесмен — 351
Роллан Ромен (1866–1944) — французский писатель, музыковед, общественный деятель — 30, 357
Романовский Дмитрий Леонтьевич — петербургский врач — 262
Романцев Иван Степанович — новгородский краевед, исследователь старины — 185
Роот Николай Федорович (1870–1960) — художник, преподаватель Школы поощрения художеств — 77
Ростиславов Александр Александрович (1860–1920) — русский искусствовед, художник — 130, 378, 450
Рубене Питер Пауль (1577–1640) — фламандский художник -18,77,112,113,310,454
Рублев Андрей (ок. 1360–1370 — 1427) — русский живописец — 170
Рубинштейн Ида (1880–1960) — русская танцовщица — 104, 176
Рудзитис Рихард Яковлевич (1898–1960) — латышский поэт, председатель латышского рериховского общества — 11, 12, 49, 56, 75, 78, 95, 254, 301
Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958) — монголовед, первый учитель Ю. Н. Рериха — 363
Рузвельт Теодор (1858–1919) — президент США — 350
Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) — президент США — 365, 410, 462
Руманов А. - 106
Руссо Анри (1844–1910) — французский художник — 381
Рушиц Фердинанд Эдуардович (1870–1936) — польский художник, педагог — 45, 101, 102, 158, 254, 293
Рыжова Людмила Васильевна — тетка Е. И. Рерих — 279

Рылов Аркадий Александрович (1870–1939) — русский художник — 45, 46, 158

Рюнздаль — художник — 112

Рябушкин Андрей Петрович (1861–1904) — русский художник — 357, 455

С

Саверей Рулант (1576–1639) — нидерландский художник — 112, 113

Савонарола Джироламо (1452–1498) — итальянский монах, религиозный и политический реформатор — 162

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889) — русский писатель — 217

Самокиш Николай Семенович (1860–1944) — русский художник и педагог — 158

Санин (Шенберг) Александр Акимович (1869–1955) — русский актер и театральный деятель — 126, 213, 248, 267, 326

Санкритияна Рахула Махапандит — 171

Сарасвати Свами Саданаит — индийский писатель, философ — 115

Саржент Джон Сингер (1856–1925) — американский художник — 119, 249, 281, 330, 356, 378

Саянов В. - 166

Светик — см. Рерих Святослав Николаевич

Святогор — герой русских былин

Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна — княгиня, подруга Тенишевой М. К. - 217

Святослав (?-972) князь киевский — 328

Сегантини Джованни (1858–1899) — итальянский художник — 104, 257

Сезанн Поль (1839–1906) — французский художник — 357

Селиванов — коллекционер, сотрудничал с Рерихом Н. К. в Обществе поощрения художеств — 109, 112

Семенов — журналист — 431

Семенов-Тяныланьский Леонид Петрович (1886–1959) — поэт — 36

Сен Бирешвар (Биресвар) (1897–1960) — индийский художник — 115, 254, 321

Сен-Жермен — один из членов Белого Братства, сыгравший заметную роль в европейской политике XVIII в. — 174

Серафинина Надежда Павловна — член правления Ковенского общества им. Рериха — 254

Сервантес Сааведра Мигель (1547–1616) — испанский писатель — 248
Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) — русский юрист — 163
Сергиев Иоанн — 455
Сергий Радонежский (ок. 1315/19 — 1392) — русский церковный и государственный деятель — 61, 128, 206, 228, 243, 315, 328, 431, 453, 455, 464, 470
Серебрякова Зинаида Евгеньевна (1884–1967) — русская художница — 211
Серов Валентин Александрович (1865–1911) — русский художник — 102, 104, 126, 129, 158, 161,171, 212, 326, 378
Серра Жорж (1859–1891) — французский художник — 357
Сид Кампеадор (между 1026 и 1043–1099) — испанский рыцарь, прославившийся в Реконкисте — 248
Синг Бхану — индийский писатель — 116
Синг Тейджа (1883–1958) — индийский юрист, литературовед — 116
Сиривардхана — цейлонский художественный критик, историк культуры — 115, 254
Склодовская-Кюри Мари (1867–1934) — французский физик — 229
Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) — русский генерал — 427
Скотт Вальтер (1771–1832) — английский писатель — 275
Скрябин Александр Николаевич (1871–1915) — русский композитор и пианист — 35, 374
Слайфер В.М. - директор обсерватории в Аризоне, США — 156
Смайт (Смит) — адвокат — 319, 395
Смиф Артур — член австралийского рериховского общества — 254
Собко Николай Петрович (1851–1906) — русский искусствовед — 110
Советов Александр Васильевич (1826–1901) — русский агробиолог — 163
Соколов Александр Петрович (1829–1913) — хранитель музея Петербургской Академии художеств — 101
Соколов М. И. - 105
Сокольников М. П. - 79
Сократ (ок. 470–399 до н. э.) — древнегреческий философ — 239, 377
Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский философ — 36, 106, 379

Соломон — царь Израильско-Иудейского царства в 965–928 г. до н. э. — 446, 453
Соммервелл — коллекционер — 321
Соммерсетский — герцог — 225
Сомов Константин Андреевич (1869–1939) — русский художник — 211, 251
Сорин — художник — 274
Софокл (ок. 496–406 до н. э.) — древнегреческий поэт, драматург — 238
Св. Софья — 184
Софья Андреевна — см. Толстая Софья Андреевна Спасский Георгий — 56, 254, 455, 468
Спицын Александр Андреевич (1858–1931) — русский археолог — 72, 75, 107, 163, 250
Спицер Эдвард — почетный член рериховского общества — 254
Стабровский Казимир Антонович (1869–1929) — русский художник — 158
Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953) — руководитель советского государства — 462
Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938) — русский режиссер, актер, театральный деятель — 129,248,326,379
Стасенский — см. Шаховская А. В.
Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — русский художественный и музыкальный критик — 36, 88, 90, 91, 99, 106, 210, 250, 280, 379
Стелецкий — художник — 211, 274
Стерн — 236
Стоилов — член болгарского рериховского общества — 254
Стоковский Леопольд (1882–1977) — американский дирижер — 129, 254
Стоке (Стоукс) — член американского рериховского общества — 231, 251, 305, 312, 319, 425, 426
Сторк Уортон — почетный член рериховского общества — 254
Стоу — деятель американского рериховского общества — 455
Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) — русский композитор — 110, 125, 129, 214, 279, 282, 325, 326, 374, 390, 391
Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — русский журналист и издатель — 45
Суворин Борис А. - издатель парижской газеты "Русское время" — 431
Суворов Александр Васильевич (1730–1800) — русский полководец — 71, 243, 315, 328, 431, 455, 464, 470

Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946) — русский художник — 211, 275, 325
Судрабкалн Янис (1894–1975) — народный поэт Латвии — 11, 13
Судье — 254
Суриков Василий Иванович (1848–1916) — русский художник — 71, 158, 379
Суслов — член Академии Художеств — 468
Сутро Флорентина (ум. 1940) — меценат, деятель культуры, директор
школы этики — 254, 298, 299, 309, 345,425
Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — русский издатель — 33
Сэтерланд — член новозеландского рериховского общества — 254
Сюзор — председатель финансовой комиссии Общества поощрения художеств — 112

Т

Тагор Рабиндранат (1861–1941) — индийский писатель и общественный деятель — 37, 88, 92, 93, 94, 95, 115, 254, 288, 321, 325, 359, 379, 380, 409, 436, 437, 468
Таксу чи — 442
Тальгрен — востоковед — 363
Тамерлан — см. Тимур
Тампи К. П. Падманабхан — индийский деятель культуры, автор книг о Н. К. Рерихе — 115, 254, 321, 368, 472
Тандаи Рамчаидра — индийский писатель и журналист — 115, 254
Тарасов — член университетского кружка Рериха — 106
Тароватый — 58
Татаринов В. - писатель — 147
Твен Марк (1835–1910) — американский писатель — 200, 275, 300, 455
Тевяшов Александр Александрович (1857–1912) — секретарь управляющего Русским музеем — 158
Теджрам — 310
Тензинг Дава — 171
Тенишева Мария Клавдиевна (1867–1928) — меценат, организатор смоленской художественной школы и художественных мастерских в Париже — 76, 96, 110, 208, 210, 233, 251, 266, 339, 379, 449

Теньер — художник — 112
Терещенко Иван Николаевич (1854–1903) — киевский промышленник и коллекционер — 96, 208
Тери Гарвал — индийский раджа — 380
Тернер Ауберт — 247, 455, 457
Тило — французский генерал — 204
Тимур Тамерлан (1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир — 206
Тициан (ок. 1476/77 или 1489/90-1576) — итальянский художник — 202, 206, 247, 357, 454
Толстая Софья Андреевна (1844–1919) — жена Толстого Л. Н. - 90
Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) — русский писатель — 435
Толстой Иван Иванович (1858–1916) — вице-президент Академии художеств, нумизмат, археолог — 101, 250, 294
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — русский писатель — 10, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 199, 217, 233, 234, 275, 315, 316, 379, 455, 470, 471
Тревельян Джордж Маколей (1876–1962) — английский историк — 225
Третьяковы: Павел Михайлович (1832–1898), Сергей Михайлович (1834–1892) — меценаты — 96, 102, 199, 233, 379
Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1867–1938) — русский скульптор — 145, 173, 211
Тулуз-ЛотрекАнри (1864–1901) — французский художник — 222
Тураев Борис Александрович (1868–1920) — русский востоковед — 107
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — русский писатель — 45, 87, 217, 228, 408
Тюльпинк Камилл — президент Международного союза обществ Пакта Рериха — 215, 254

У

Уатсон Дэдлей Крафтс — см. Крафтс
Уистлер Джемс (1834–1903) — английский художник — 249, 261
Уоллас — см. Уоллес
Уоллес Генри Эгард (1888–1965) — министр сельского хозяйства США в 30-х гг., вице-президент — 232, 342, 416
Ушаков Симон (Пимен) Федорович (1626–1686) — русский

живописец — 170

Уэллс Герберт Джордж (1866–1946) — английский писатель — 86, 358, 377

Ф

Фатулла-хан — член индийского рериховского общества — 116, 254

Федоров Иван (ок. 1510–1583) — один из основоположников книгопечатания в России — 120, 121

Фейзал — см. Фейсал фейсал — 188

Феллоус — член канадского рериховского общества — 254

Фемида — древнегреческая богиня правосудия — 195

Фесанже — врач — 148

Фидий (нач. V в. — ок. 432–431 до н. э.) — древнегреческий скульптор — 229, 238, 330

Фитингов — музыкант — 110

Флора — см. Сутро

Флорентина Флорио — посол Франции в Лондоне — 225, 468

Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) — русский юрист — 163

Фокин Михаил Михайлович (1850–1942) — русский балетмейстер — 130, 326

Апостол Фома — проповедник христианства в Индии в I в. н. э.

Форман — член американского рериховского общества — 254

Фосдик Дедлей (ум. 1957) — музыкант, вице-президент Общества Агни-Йоги в Нью-Йорке — 254, 312, 319, 416, 441, 446, 451, 455, 456, 457

Фосдик Джин — президент "Фламмы" — 232, 254, 319, 412, 445

Фосдик Зинаида Григорьевна (по первому мужу Лихтман) (ум. 1983) — директор Института объединенных искусств при музее Н. К. Рериха в Нью-Йорке и вице-президент этого музея — 254, 301, 312, 318, 360, 393, 412, 416, 426, 428, 439, 440, 451, 455, 456, 457, 458, 464

Франс Анатоль (1844–1924) — французский писатель — 119, 142, 203, 222, 402, 450

Франсис — см. Грант Фрэнсис

Франциск I (1494–1547) — французский король — 454

Фриче Гизелла Ингеборг (р. ок. 1898) — секретарь Правления Общества Агни Йоги в Нью-Йорке — 312, 425, 426

Фролов Владимир Александрович (1874–1942) —

руководитель мозаичной мастерской при Академии художеств — 237
Фош Фердинанд (1851–1929) — маршал Франции

X

Хагберг Райт — см. Райт Хагберг
Халл Корделл — американский государственный секретарь — 410
Халдар Асит Кумар (1890-?) — индийский художник — 115, 254
Хале Франс (Гальс) (между 1581 и 1585–1666) — голландский художник -35
Хаммурапи — царь Вавилонии в 1792–1750 до н. э. — 281, 403
Хамураби — см. Хаммурапи
Харон — в древнегреческой мифологии перевозчик душ умерших в царство мертвых — 108
Харше Роберт (1879–1937) — американский художник, искусствовед — 352
Химона Николай Петрович (1865–1920) — русский художник, педагог — 46,158,252
Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885–1922) — русский поэт — 166
Хлодвиг I (ок. 466–511) — король франков из рода Меровингов — 382
Ходкевич Григорий А. - гетман Украины — 120
Ходлер Фердинанд (1853–1918) — швейцарский художник — 257, 357
Ходсон Брайан (1800–1894) — британский буддолог — 98, 115
Хорив — один из легендарных основателей Киева — 60
Холбейн — см. Гольбейн
Хорш Луис — член Правления музея Рериха в Нью-Йорке, ведающий финансовыми вопросами — 62, 215, 231, 232, 236, 297, 305, 312, 313, 318, 319, 331, 332, 341, 342, 351, 361, 379, 388, 410, 416, 426, 428, 442, 445, 446, 447, 456
Хорш Нетти — жена Хорша Луиса — 236,312,413
Хохлов Г. Г. - 28
Хувер — см. Гувер
Хюбрехт — почетный член рериховского общества — 254
Хюэт Эдгар — почетный член Рериховского общества — 254

Ц

Цейдлер Герман Федорович — петербургский врач — 254
Цейдлер Клара Федоровна (р. 1870) — преподаватель Школы поощрения художеств — 77
Цельмс Теодор — латышский писатель — 11
Ционглинский Иван (Ян) Францевич (1858–1912) — русский художник — 158
Цицерон Марк Тулий (106-43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор, писатель — 381
Цондю Лобзанг — 171

Ч

Чайка — см. Рейнер М. А. Чайковский Петр Ильич (1840–1893) — русский композитор — 29, 471
Чарака (1 в.) — индийский врач, автор основополагающих медицинских трактатов — 40, 55
Чаттерджи Рамананда — индийский писатель и журналист — 115, 254, 322
Чаттерджи Сунити Кумар — индийский писатель — 115, 254
Чатурведи — индийский художественный критик — 115
Челлини Бенвенуто (1500–1571) — итальянский скульптор, ювелир, писатель — 17, 130, 159, 270, 381
Чернецов Григорий Григорьевич (1802–1865) — русский художник
Черный Данило — 170
Черчилль Уинстон Леонард (1874–1965) — государственный и политический деятель Англии — 462
Четвертинская — см. Святополк
Четвертинская
Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936) — русский художник — 145, 211
Чинубай — 471
Чистяков Павел Петрович (1832–1919) — русский художник, педагог — 103,158
Чомпел — лама — 171
Чоодури Бааб Чандра — индийский художник — 17
Чурлянис — см. Чурленис
Чурленис Микалоюс Константинас (Николай Константинович) (1875–1911) — литовский художник и композитор — 34, 35, 36, 37, 211

Ш

Шабас — председатель художественного салона — 254, 468

Шагинян Мариетта Сергеевна (1888–1982) — русская писательница — 470

Шаляпин Федор Иванович — русский певец — 125, 177, 267, 274, 279, 326

Шампольон Жан Франсуа — французский египтолог, работал принципы дешифровки древненеегипетских иероглифов — 256

Шамшин Петр Михайлович — русский художник, профессор Академии художеств — 1

Шапошникова Екатерина Васильевна (ум. 1913) — мать Е. И.

Шастри — хранитель музея в роде — 471

Шауб-Кох Эмиль — член царского рериховского общества, профессор Академии художеств — 254, 257, 340, 455

Шаховская Анастасия Васильевна — тетка Е. И. Рерих — 279

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) — украинский поэт, художник -106

Шекспир Уильям (1564–1616) — английский драматург и поэт — 1

Шено Марк — поэт, член французского рериховского общества

Шешонк I — фараон Египта в 929 гг. до н. э. — 283

Шибаев Владимир Анатоль (1898–1975) — секретарь Института гималайских исследований

Шиллер Иоганн Фридрих — немецкий поэт, драматург — 128, 354, 470

Шиловский — участник новгородских раскопок нач. XX в. — 185

Шиф — американский банкир 350

Шишкин Иван Иванович — русский художник — 15

Шклявер Георгий Гаврилович (Жорж) (ум. 1970) — юрист, профессор Парижского университета, секретарь общества Н. К. Рериха Франции — 254

Шлиман Генрих (1822–1890) немецкий археолог, открывший и раскопавший Трою — 51

Шопенгауэр Артур (1788–1860) — немецкий философ — 299

Шоу Бернард (1856–1950) — английский драматург — 265, 334

Штейнберг Максимилиан Осеевич (1883–1946) — русский композитор и педагог — 110, 129, 248, 326, 408

Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884) — управляющий Государственным банком, основатель Центрального училища технического рисования в Петербурге — 253

Шуберт — 318

Щ

Щавинский Василий Александрович (1868–1923) — русский инженер-химик, реставратор картин — 104, 468
Щек — один из легендарных основателей Киева — 60
Щербатов Сергей Александрович (ум. 1962) — художник, коллекционер — 131, 429
Щербиновский Дмитрий Анфимович (1867–1926) — русский художник, педагог — 158
Щербов — художник, ученик Куинджи А. И. - 44, 130, 379
Щукин — 208
Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939) — русский архитектор — 110, 138, 186, 187, 191, 192, 211
Щусев Алексей Викторович (1873–1949) — русский архитектор — 109, 111, 158, 254, 352, 408

Э

Эдисон Томас Алва (1847–1931) — электротехник, изобретатель фонографа — 135, 432
Эль Греко Доменико (1541–1614) — испанский художник — 202, 248, 260, 357
Эльехеймер (Эльсгеймер) Адам (1578–1610) — немецкий художник — 112
Энгр Жан Огюст Доминик (1780–1867) — французский художник — 123, 260, 347, 381
Эйнштейн Альберт (1879–1955) — физик-теоретик, создатель теории относительности — 254
Эпикур (341–270 до н. э.) — древнегреческий философ — 405
Эренсверг — граф, посол Швеции в Лондоне — 225
Эрнст Сергей Ростиславович (1895–1980) — русский искусствовед — 73, 130, 236, 325, 363, 378, 450
Эрнст — адвокат Хоршей — 342, 445
Эстер — см. Лихтман Эстер

Ю

Юз — 416
Юон Константин Федорович (1875–1958) — русский

художник — 71, 79, 80, 81, 82, 83, 159
Юпитер — в греческой мифологии верховное божество — 200
Юрий — см. Рерих Юрий Николаевич

Я

Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) — русский художник — 145, 146, 147, 173, 192, 211, 274
Яловенко Антон Федорович — врач в имении Кулу — 145
Янушкевич — один из корреспондентов Н. К. Рериха в Польше — 340, 468
Яременко Александр В. - составитель альбома Н. К. Рериха, писатель — 130
Яремич Степан Петрович (1869–1939) — русский историк искусства, художник — 211, 468
Ярослав Мудрый (ок. 978-1054) — великий князь киевский — 58, 59, 328

notes

Примечания

1

Н. К. Рерих. Листы дневника, т. 2, М., МЦР, стр. 49.

2

Там же, стр. 383.

3

Там же, стр. 411.

"Держава Рериха", М., МЦР, 1993, стр. 43.

5

Н. К. Рерих. Листы дневника, т. 2, стр. 39.

Там же, стр. 14.

7

Там же, стр. 219.

Там же, стр. 12.

9

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 106.

10

Там же, стр. 33.

11

Там же, стр. 82.

12

Там же, стр. 433–434.

13

У русских староверов — земля обетованная.

14

Последователи религиозного дуалистического учения о борьбе добра и зла, света и тьмы, основанного в III в. Распространено в Персии, Средней Азии и Индии.

15

Христиане, последователи несторианства — течения, возникшего в Византии в V в. Основатель Несторий, патриарх Константинополя (428–431 гг.). Широко распространено в Азии.

16

В. Г. Короленко в предисловии к ст. Г. Т. Хохлова "Путешествие уральских казаков в "Беловодское царство" (Записки Русск. Геогр. О-ва, по отд. этнографии, т. XXVIII, в. 1, СПб., 1903) считает это путешествие отголоском посещения восточных стран в XIII в. Марко Поло (примечание Н. К. Рериха).

17

А. Н. Белослюдов. "К истории Беловодья", Записки Зап. — Сиб. отд-Русск. Геогр. О-ва., Т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 32–35 (примечание Н. К. Рериха).

18

А.Новоселов. Умирающая старина. Записки Семипалат, подотдела. Зап. — Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, вып. X, Семипалатинск, 1915, стр.5 (примечание Н. К. Рериха).

19

Дед его, Андрей Коновалов, умер 104 лет в 1912 году, "по Беловодью" же ходил в течение восьми лет, до 35-летнего возраста, когда окончательно вернулся в Печи, женился и осел; следовательно, его хождение относится к 1835–1843 гг. (примечание Н. К. Рериха).

20

"К истории Беловодья". Записки Зап. — Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 32–35, с картой (примечание Н. К. Рериха).

Издание Академии Наук СССР, Ленинград, 1930.

22

Ст. "Пермския Губернския Ведомости" номер 253, 1899 г. (примечание Н. К. Рериха).

23

Часть индийского эпоса "Махабхарата". Посвящена философским проблемам.

24

Священный сосуд, хранящийся в замке Монсальват, в котором собрана кровь Иисуса из раны, нанесенной легионером. Символ чистой высокой цели.

25

Н. К. Рерих. "Священный Дозор". Харбин, 1934.

26

Территориально-административная единица.

27

Картина теперь в Калифорнии (примечание Н. К. Рериха).

28

Василий Иванов.

29

Хорш Луис.

Н. К. Рерих. Собр. соч., Т. I, М., 1914.

31

См. Н. К. Рерих. Листы дневника. Том 1, М., МЦР, 1995.

32

Я. В. Апушкин. "Константин Федорович Юон". М., 1936

33

А. С. Галушкина. "Петров-Водкин". М., 1936

34

К. С. Петров-Водкин. Пространство Эвклида. Моя повесть. Кн. 2. Л., 1932

35

В древнеиндийской философии первопричина мира объектов.

36

Дух, сознание, духовное начало.

37

Памятник древнеиндийской литературы, источник сведений по социально-экономической и культурной истории древней Индии (конец II — начало I тысячелетия до н. э.)

38

В сб. "Из литературного наследия" очерк дан в сокращенном варианте.

39

Н. К. Рерих. Собр. соч., т. 1, М., 1914

40

Пригород Мадраса, где расположено теософское общество.

41

Герои древнеиндийского эпоса "Махабхарата", пять сыновей царя Панду

42

Буддийские святилища.

43

Конная статуя из камня, найденная в долине Кулу, установлена возле дома Рерихов.

Дикий (фр.).

45

Древнейший индийский медицинский трактат. Содержит много сведений о народной медицине.

46

Третий радующийся (лат.).

Г. В. Вернадский. "Звенья русской культуры". Брюссель, 1938.

48

"Через тернии к звездам".

49

Отрицатели.

Добившиеся успеха, процветания.

51

Наслаждения.

52

Дега Эдгар.

53

Страстная пятница.

54

Члены католического духовно-рыцарского ордена, основанного около 1118 г. Упразднен в 1312 г.

Н. К. Рерих был его первым председателем.

Булгакову Валентину Федоровичу.

57

Архитектурный памятник XVI–XVIII вв. близ Джайпура.

58

Художественная школа, возникшая в период Кушанского царства и повлиявшая на развитие средневековой культуры Средней, Центральной и Восточной Азии.

59

В буддизме махаяны идеальное существо, которое выступает как наставник и образец для людей.

Бенито Муссолини.

61

Музыкальная пьеса, подражающая колокольному перезвону.

62

Высшие должностные лица.

Странствующие певцы (имеется в виду А. Бенуа).

64

В скандинавской мифологии воинствующие девы, дарующие победы.

65

Вы находитесь под особой защитой Франции.

66

Русские симфонические концерты и русские квартетные вечера, организованные Беляевым Митрофаном Петровичем в Петербурге.

67

Остатки городов 3–2 тысячелетия до н. э. в Пакистане.

68

Произведения древней индийской литературы, включавшие научные политические трактаты.

69

Религиозно-философский трактат древней Индии.

70

Счастливая эра справедливости.

71

Монастырь в непальских Гималаях.

Пустынь, скит (инд.).

73

Держатели облигаций.

74

Очерк написан в 1910 г., но Н. К. Рерих включил его в "Листы дневника" под 1940 г., считая вопросы, поднятые в нем, актуальными. (Об этом говорится в очерке "Памятки" настоящего издания)

75

О времена! О нравы!

76

В греческой мифологии — два чудовища, живущие по обеим сторонам узкого пролива и губящие проплывавших между ними мореходов.

77

Согласно Библии — божество, которому приносились человеческие жертвы. Переносное значение — страшная ненасытная сила.

78

В индуизме и буддизме — совокупность всех добрых и дурных дел, совершенных индивидуумом в предыдущих существованиях и определяющих его судьбу в последующем.

79

Мойра и кисмет — судьба, предопределение.

80

Помни о смерти (лат.).

81

Комплекс высеченных в скале пещерных буддийских храмов (2 в. до н. э. — 7 в. н. э.) в Индии.

82

Тайная расистская террористическая организация в США.

83

Религиозное учение, возникшее в III в. на Ближнем Востоке.

84

В данном случае речь идет не о рыцарях тамплиерах (храмовниках), а о рыцарях Грааля — тамплейзах.

85

Катары — приверженцы ереси в XI-XIII вв., распространенной в Западной Европе; призывали к аскетизму. Их вероучение легло в основу ереси альбигойцев.

86

Королевские династии во Франкском государстве: конец V — середина VIII вв. и VIII — X вв.

87

Регулирование дыхания, приводящее к сосредоточению ума.

88

В древнеиндийской философии — дыхание как жизненный принцип; жизнь как одушевляющее начало и общемировой процесс; космический принцип, объединяющий микро- и макрокосмос.

89

Общество по изучению буддизма (Калькутта)

90

Театральное представление, изобилующее различными преступлениями и "ужасами"; Гран Гиньоль — парижский театр, ставивший такие пьесы.

91

"Колесо времени" (санскр.) — в буддийской религиозно-мифологической системе ваджраяны отождествление макрокосма с микрокосмом, вселенной с человеком.

92

Доля, акция.

Тревожных, панических.

Без окончания.

95

Без окончания